ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКАГО Общества при Император. Петроградскомъ университетѣ,
издаваемый подъ редакціей Н. И. КАРѢЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин, 28.
1916.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK4
.S26

1974

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сборникъ Историческаго Общества при Император. Петроградскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей Н. И. КАРѢЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

DK4
S26

СБОРНИКЪ

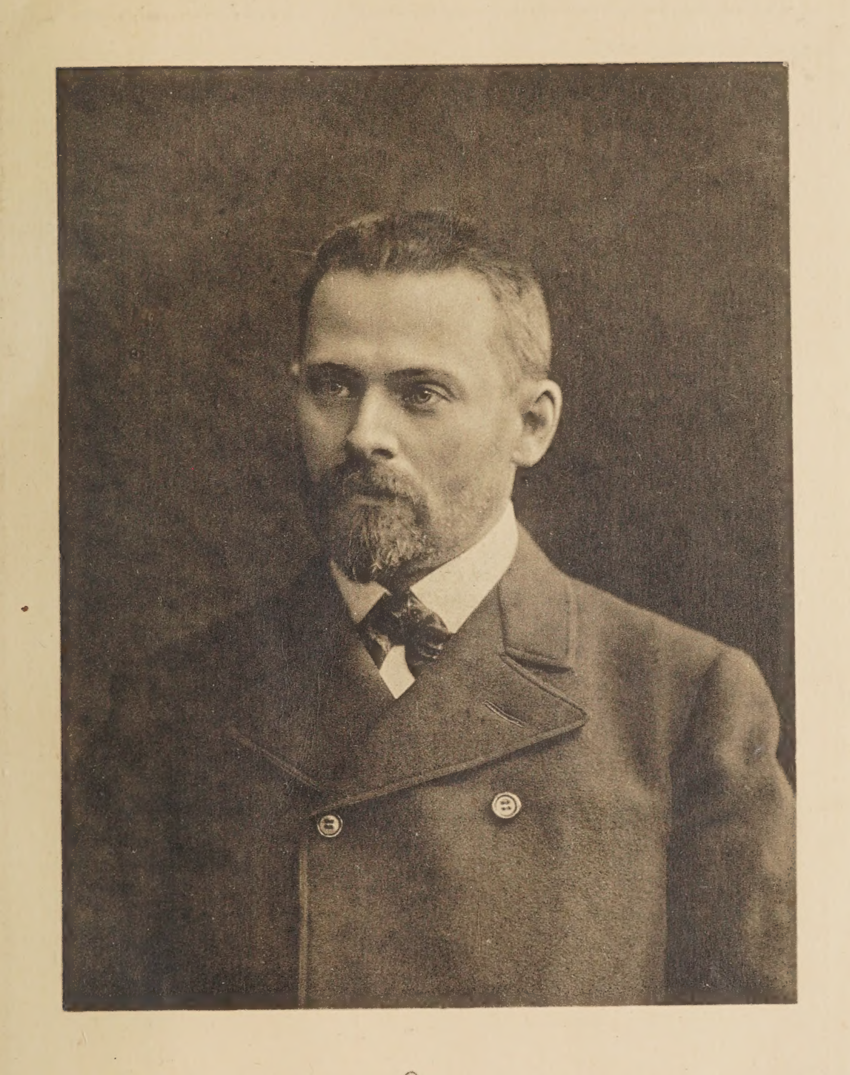
СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин, 28.
1916.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 26 ноября 1916 г.

А. Лаппо-Данилевскiй

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/sbornikstateposv00unse_0

Дорогой

Александръ Сергѣевичъ,

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, осенью 1903 г., Вы объявили въ Университетѣ практическія занятія по дипломатикѣ частныхъ актовъ Московскаго государства. Работа объединила вокругъ Васъ нѣсколькихъ студентовъ Историко-Филологическаго факультета, чувствовавшихъ, что именно Вы можете научить ихъ самому цѣнному—умѣнію работать надъ историческимъ матеріаломъ. Благодаря своему методологическому характеру, дипломатическія занятія сразу же пріобрѣли для участниковъ особый интересъ. На анализѣ отдѣльныхъ актовъ и цѣлыхъ ихъ группъ Вы учили насъ пристально вглядываться въ разбираемые памятники юридической мысли, дорожить своеобразіемъ ихъ формы, чтобы вскрыть подлинную суть ихъ содержанія. Постоянно направляя наши занятія, Вы въ то же время въ основу ихъ всегда ставили самостоятельное изученіе нами сырого матеріала, точный анализъ котораго подъ Вашимъ руководствомъ создавалъ твердую почву для синтетическихъ построеній.

Шли годы; къ старымъ участникамъ присоединялись новые; работа продолжалась съ прежнимъ увлеченіемъ, вызывая все болѣе широкіе интересы, и сдѣлалась, какъ и та интимная обстановка, въ которой происходили наши занятія, настолько близкою и родною, что многіе изъ насъ, окончивъ Университетъ, продолжали работу съ Вами, начатую еще на ученической скамьѣ. Въ теченіе нашихъ домолѣтнихъ

занятій Вы не останавливались на разъ выработанныхъ пріемахъ изслѣдованія, а постоянно развивали передъ нами новые, болѣе точные методы для изученія обильнаго, малообработаннаго матеріала: Ваше живое отношеніе къ наукѣ служило намъ примѣромъ и объединяло насъ въ дружную семью.

Проведя столько времени въ совмѣстной работѣ съ Вами, каждый изъ насъ, чѣмъ бы онъ ни занимался, постоянно чувствуетъ на себѣ вліяніе Вашей школы. Но не одно только научное руководство знали мы съ Вашей стороны: въ разной мѣрѣ, но всѣ мы испытываемъ живое воздѣйствіе различныхъ сторонъ Вашей личности.

Глубоко благодарные за все сдѣланное Вами для насъ, мы рѣшили въ честь двадцатипятилѣтія Вашей ученопедагогической дѣятельности издать этотъ интимный сборникъ, всѣ статьи котораго написаны на основѣ собраннаго подъ Вашимъ руководствомъ матеріала и объединены общностью понятій и пріемовъ работы, создавшихся благодаря Вашему неустанному руководительству. Дипломатическій характеръ нашего сборника, конечно, является отраженіемъ лишь одного изъ многихъ направленій Вашей ученой дѣятельности, но мысль придать сборнику именно такой характеръ особенно удовлетворяетъ душевной потребности запечатлѣть годы общаго труда и совмѣстныхъ размышленій.

Участники Сборника.

Настоящій сборникъ статей, посвященныхъ Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому его учениками по кружку для составленія каталога частно-правовыхъ актовъ до-Петровской Руси, былъ задуманъ еще до двадцатипятилѣтняго юбилея учено - педагогической дѣятельности Александра Сергѣевича. Выполненіе этого намѣренія, возложенное участниками кружка на избранный изъ своей среды комитетъ, затянулось, однако, въ виду обстоятельствъ переживаемаго времени. По различнымъ причинамъ не могли представить свои статьи для Сборника члены кружка А. А. Біейкъ, Э. Г. Гинзбергъ, А. А. Дроздецкій, К. В. Завитаевъ и С. Н. Валкъ, изъ которыхъ послѣдній принималъ горячее участіе въ работахъ комитета по подготовкѣ Сборника къ печатанію. Вмѣстѣ съ авторами статей, помѣщенныхъ въ Сборникѣ, всѣ названныя лица участвовали въ матеріальной сторонѣ изданія.

Сборникъ выходитъ при дѣятельной поддержкѣ Историческаго Общества при Императорскомъ Петроградскомъ Университетѣ, которому участники Сборника приносятъ свою искреннюю благодарность.

Списокъ трудовъ А. С. Лаппо-Данилевскаго *).

Составленъ **А. А. Шиловымъ**.

---

1. **Изъ старинныхъ сношеній Россіи съ Западною Европой.** Новѣйшія архивныя работы русскихъ ученыхъ въ итальянскихъ архивахъ.—Новыя данныя о сношеніяхъ Россіи съ Западною Европою въ сочиненіи В. И. Ламанскаго о государственныхъ тайнахъ Венеціанской республики.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1884, ч. 233, № 5, отд. II, с. 21—38.

2. **Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Федоровича.** — «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1885, ч. 241, № 9, отд. II, с. 66—106.

3. Дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гунскому. Д. Иловайскій. М., 1886.—Рецензія.—«Библіографъ» 1886, отд. I, № 6—7, с. 96—98.

4. Русская Историческая Библіотека. Т. X. Спб., 1886.—Рецензія.—«Библіографъ» 1886, отд. I, № 8, с. 111—113.

5. Историческое обозрѣніе Сибири. П. А. Словцовъ. Изд. И. М. Сибирякова. Спб., 1886.—Рецензія.—«Библіографъ» 1886, отд. I, № 10, с. 143—144.

---

*) Въ настоящій списокъ не внесены мелкіе доклады и замѣтки, напечатанные въ протоколахъ Имп. Академіи Наукъ и въ другихъ изданіяхъ, записки, составленныя кромѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго и другими лицами, изложенія докладовъ и рефератовъ, а также литографированные курсы лекцій. Наиболѣе авторитетными можно считать слѣдующіе курсы, просмотрѣнные самимъ авторомъ: 1. Русская исторія [До-монгольскій періодъ]. Лекціи, читанныя студентамъ I курса Имп. Историко-Филологическаго Института. 1899—1900 г. Издатели: И. Маяковскій и Вен. Федоровичъ. Литографія Богданова. 481+6 стр.—2. Русская исторія. Второй періодъ: Политическое объединеніе Россіи и ея положеніе въ Европѣ до исхода XVII в. Издатель П. Синицкій. Типолитографія Маркова и литографія Богданова. 383 стр. — 3. Русская исторія [Петровскій періодъ]. Издатель Поповъ. Литографіи Сѣмечкиной и Богданова. 279 стр.—4. Очерки по русской исторіографіи. Литографіи Якобсона и Богданова. 192 стр. — 5. Методологія исторіи. Часть вторая. Методы историческаго изученія. Отдѣлъ II. Методологія историческаго построенія. Лекціи, читанныя студентамъ С.-Петербургскаго университета въ 1908—1909 акад. году. Литографія Богданова. 249 стр.

6. Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. I и 1-й вып. II-го тома. Новая серія. Спб., 1886.—Рецензія.—«Библіографъ» 1886, отд. I, № 12, с. 176—177.

7. **Русская промышленная политика въ XVIII в.** (D-r Ordega, Die Gewerbpolitik Russlands von Peter I—Katharina II. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Gewerbwesens. Tübingen, 1885).—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1886, ч. 245, № 5, критика и библ., с. 143—149.

8. Обрусѣніе иноземцевъ, иностранцевъ въ Московскомъ Государствѣ. Дм. Цвѣтаевъ. М., 1886.—Рецензія.—«Библіографъ» 1887, отд. I, № 2, с. 27—28.

9. Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Ѳ. Успенскій. Спб., 1887.—Рецензія.—«Библіографъ» 1887, отд. I, № 6—7, с. 72—75.

10. Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. VII, т. I. Кіевъ, 1886.—Рецензія.—«Библіографъ» 1887, отд. I, № 10—11, с. 113—115.

11. **Скиѳскія древности.**—«Записки Отдѣл. русск. и слав. археологіи Имп. Русск. Археолог. Общ-ва». Спб., 1887, т. IV, с. 352—543, съ прилож. карты «Геродотова Скиѳія въ переводѣ на современную карту».—(Отдѣльно — **Скиѳскія древности.** Изслѣдованіе **А. Лаппо-Данилевскаго.** Спбургъ. Типографія Ѳ. Елеонскаго и К-о. 1887. 8°. 193 стр.).

12. Учебный атласъ по Русской исторіи. Составленъ и изданъ подъ редакціей проф. Е. Замысловскаго. Изд. 3-е. Спб., 1887.—Рецензія.—«Библіографъ» 1888, отд. I, № 1, с. 32.

13. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго. Спб., 1888.—Рецензія.—«Библіографъ» 1888, отд. I, № 4, с. 191—195.

14. **Біографическія свѣдѣнія о Генрихѣ Латышѣ по даннымъ его собственной лѣтописи.**—«Библіографъ» 1888, отд. I, № 5—6, с. 213—224.

15. **Замѣтка по поводу статьи Ѳ. Г. Мищенка о „Скиѳскихъ древностяхъ“.**—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1888, ч. 260, № 11, критика и библ., с. 162—172.

16. **Двѣ замѣтки изъ московскихъ архивовъ.** — «Записки Имп. Русск. Археолог. Общ-ва». Новая серія. Спб., 1888, т. III, вып. 1, с. 183—184.

17. **О величинѣ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ древне-русскаго города по нѣкоторымъ даннымъ первой половины XVII вѣка.** — «Записки Имп. Русск. Археолог. Общ-ва». Новая серія. Спб., 1888, т. III, вып. 3—4, с. 307—316.—(Отдѣльно—s. l. et an. 10 стр.).

18. Описаніе Тверского музея. Археологическій отдѣлъ. А. К. Жизневскій. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова. М., 1888.—Рецензія.—«Библіографъ» 1889, отд. I, № 3, с. 91—94.

19. **Какое значеніе имѣли „приправочныя“ книги въ XVII вѣкѣ?**—«Библіографъ» 1889, отд. I, № 8—9, с. 167—169.

20. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга V. М., 1888. — Рецензія. — «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1889, ч. 262, № 4, критика и библ., с. 407—422.

21. **Поверстная и указная книги Ямского приказа.** — «Библіографъ» 1890, отд. I, № 9—10, с. 93—107.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія В. С. Балашева. 1890. 8°. 16 стр.).

22. Д. И. Эварницкій, Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Спб., 1890.—Рецензія.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1890, ч. 270, № 7, критика и библ., с. 142—151.

23. Инн. Кузнецовъ, Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ,

1889.—Рецензія.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1890, ч. 271, № 10, критика и библ., с. 419—424.

24. **Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій.** Изслѣдованіе. — «Записки Историко-Филолог. факультета С.-Петербургскаго Университета». Томъ двадцать третій. Спб., 1890.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія И. Н. Скороходова. 1890. 8°. Загл. листъ + 4 + 4 нн. + 557 + 2 нн. стр.).

25. **Рѣчь передъ магистерскимъ диспутомъ.**—«Историч. Обозрѣніе» 1890, т. I, отд. 1, историч. хроника: историч. диспуты въ 1890 г., с. 283—292.

26—30. Статьи: **Александръ I-й, Императоръ Всероссійскій.—Алексѣй Михайловичъ.—Алексѣй Петровичъ.—Анна Іоанновна.—Анна Леопольдовна.** (Всѣ статьи безъ подписи). — Энциклопедическій словарь подъ ред. проф. И. Е. Андреевскаго. Изд. Ф. А. Брокгаузъ—И. Е. Ефронъ. Спб., 1890, т. I, ст. 395—402, 417—418, 418—421, 792—797, 797—801.

31. Князь Л. Голицынъ и С. Краснодубровскій, Укекъ. Доклады и изслѣдованія по исторіи Укека. Саратовъ, 1891. — Рецензія.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1891, ч. 276, № 7, критика и библ., с. 235—244.

32. **Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.**—«Историч. Обозрѣніе» 1891, т. Ш, отд. 1, с. 109—133.

33. О. Вильчинскій, Древнѣйшія каменныя орудія въ Европѣ. Спб., 1890.—Его-же, Древнѣйшее племя Неандерское въ Европѣ. Спб., 1891.—Рецензія.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1892, ч. 280, № 4, критика и библ., с. 417—420.

34. А. М. Сементовскій, Бѣлорусскія древности, вып. 1. Спб., 1890.—Рецензія.—«Записки Имп. Русск. Археолог. Общ-ва». Новая серія. Спб., 1892, т. V, вып. 3—4, библіогр., с. 385—389.—(Отдѣльно—s. l. et an. 4 стр.).

35. Краткое изложеніе реферата: **Вопросъ о дѣленіи первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный въ современной археологіи.**—«Историч. Обозрѣніе» 1892, т. IV, отд. 2, с. 10—13.

36. **Древности кургана Карагодеуашхъ, какъ матеріалъ для бытовой исторіи Прикубанскаго края въ IV—III вв. до Р. Х.** Изслѣдованіе.—«Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археологическою Коммиссіею». № 13. Древности Южной Россіи. Курганъ Карагодеуашхъ. Изслѣдованія А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга. Спб., 1894. с. 1—120. (Отдѣльно—Спбургъ. Типографія Имп. Академіи Наукъ. 1893. 4°. Загл. листъ + II + 120 стр.).

37. **Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг.** по рукописи, принадлежащей Московскому Архиву Министерства Юстиціи. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. Съ предисловіемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго.—«Русск. Истор. Библіотека» т. XV (сборный). Спб., 1894.—(Отдѣльно—предисловіе подъ заглавіемъ—**Кормленая книга Костромской четверти 1613—1627 гг.** Изданіе Археографической Коммиссіи. Спбургъ. Типографія В. С. Балашева и К-о. 1894. 8°. XXV стр.).

38. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. А. И. Никитскій. М., 1893. — Рецензія. — «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1895, ч. 302, № 12, критика и библ., с. 343—397.—(Отдѣльно—**Критическія замѣтки по исторіи народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и его области за XI—XV вв.** Отзывъ о сочиненіи А. И. Никитскаго: «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода». М., 1893. Спбургъ. Типографія В. С. Балашева и К-о. 1895. 8°. 57 стр.).

39. **Собраніе и Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, составленные**

въ царствованіе императрицы Екатерины II.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1897, ч. 309, № 1, отд. II, с. 1—59; ч. 310, № 3, отд. II, с. 132—168; ч. 311, № 5, отд. II, с. 60—82; ч. 314, № 12, отд. II, с. 365—390.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія В. С. Балашева и К-о. 1897. 8°. 144 стр.).

40. **Императрица Екатерина II. (Очеркъ внутренней политики).**—«Космополисъ» (Cosmopolis). Русск. отдѣлъ. 1897, т. VII, № 1 (іюль), с. 48—69; № 2 (августъ), с. 92—111; т. VIII, № 1 (октябрь), с. 28—48.—(Отдѣльно—**Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II.** Спбургъ. Типографія М. М. Стасюлевича. 1898. 8°. Загл. листъ + 62 стр.).

41. **Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII в.**—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1898, ч. 320, № 12, отд. II, с. 306—366; 1899, ч. 321, № 2, отд. II, с. 371—436. (Отдѣльно—**Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія.** Историческій очеркъ **А. Лаппо-Данилевскаго.** Спбургъ. Типографія В. С. Балашева и К-о. 1899. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 126 стр.).

42. **Писцовая и переписная книги XVII вѣка по Нижнему Новгороду**, изданныя Археографической Коммиссіей. Подъ редакціей и съ предисловіемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго.—«Русск. Истор. Библіотека» т. XVII (сборный). Спб., 1898.—(Отдѣльно—Спбургъ. Синодальная типографія. 1898. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + XIX + 464 + 73 стр.).

43. **Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву.** Изданіе Археографической Коммиссіи подъ редакціей и съ предисловіемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго.—«Русск. Истор. Библіотека» т. XVII (сборный). Спб., 1898.—(Отдѣльно—Спбургъ. Синодальная типографія. 1898. 8°. XXX + 214 + 50 + 4 нн. + II стр.).

44. **Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Оглоблина: Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768). Ч. II. Документы таможеннаго управленія. М., 1898.**—Рецензія проф. А. С. Лаппо-Данилевскаго съ предисловіемъ и послѣсловіемъ акад. В. Г. Васильевскаго.—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. IV, № 3—Отчетъ о присужденіи преміи почетн. граждан. А. М. Сибирякова, с. 3—18. Спб., 1899.—(Отдѣльно—s. l. et an. 8°. 12 стр.).

45. **Отрывки изъ дѣла о сборѣ земли, дровъ и денегъ на „емчужное дѣло" съ погостовъ Новгородскихъ пятинъ XVI в.**—«Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи» за 1888—1894 гг., в. XI, отд. III, с. 232—239. Спб., 1903.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія В. С. Балашева и К-о. 1900. 8°. Загл. листъ + 8 стр.).

46. **Записка о трудахъ А. А. Куника и о состоявшихъ подъ его наблюденіемъ изданіяхъ, начатыхъ печатаніемъ въ академической типографіи.**—«Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1900, приложеніе къ проток. засѣд. 16 февр. 1900 г.

47. **Отзывъ адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевскаго о сочиненіи г. Лацинскаго: „Опытъ хронологіи всемірной военной исторіи съ древнѣйшей исторической эпохи до новѣйшаго времени".**—«Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1900, приложеніе къ проток. засѣд. 15 марта 1900 г.

48. **Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, выработанный адъюнктомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ.**—«Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1900, 1-е приложеніе къ проток. засѣд. 25 окт. 1900 г.—См. ниже № 53.

49. Отзывъ о работѣ В. Н. Сторожева по столбцамъ Помѣстнаго приказа и писцовымъ книгамъ Вологодскаго уѣзда.—«Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1900, § 264.

50. **Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.** Отзывъ А. С. Лаппо-Данилевскаго о кн. М. Дьяконова «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (XVI—XVII вв.). Спб., 1898.—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. V, № 1—Отчетъ о сорокъ первомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 51—175. Спб., 1901.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія Имп. Акад. Наукъ. 1900. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 125 + 1 нн. стр.).

51. **Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго** о найденномъ въ бумагахъ А. А. Куника «Описаніи Данцигскаго архива», составленномъ Ѳ. Гиршемъ.—«Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи» за 1895—1899 гг., вып. XII, с. 247—250, приложеніе къ протok. 474 засѣд. 15 мая 1899 г. Спб., 1901.

52. **Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго** о столбцахъ, присланныхъ въ Археографическую Коммиссію А. А. Чепуринымъ. — «Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи» за 1900 г., вып. XIII, с. 31—32, приложеніе къ проток. 490 засѣд. 12 дек. 1900 г. Спб., 1901.

53. **Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, выработанный адъюнктомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ.**—«Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1901, II-е приложеніе къ проток. засѣд. 10 янв. 1901 г.—См. выше № 48.

54. **Отзывъ адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевскаго о сочиненіи А. Шумахера: „Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II“. Спб., 1899.** — «Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1901, I-е приложеніе къ проток. засѣд. 4 ноября 1901 г.

55. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія сборника „Грамотъ Коллегіи Экономіи“ въ 1901 г.** — «Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1901, приложеніе къ проток. засѣд. 5 дек. 1901 г.

56. **Основные принципы соціологической доктрины О. Конта** — въ сборникѣ «Проблемы идеализма». Сборникъ статей.... подъ редакціей П. И. Новгородцева. Изданіе Московскаго Психологическаго Общ-ва. М., 1902, с. 394—490.—(Отдѣльно—Москва. Типолитографія т-ва И. Н. Кушнеревъ и К-о. 1902. 8°. Загл. листъ+97 стр.).

57. **„Мостовыя и рѣшеточныя деньги“ въ Новгородѣ и Москвѣ въ XVII вѣкѣ.**—Матеріалы и изслѣдованія по исторіи мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ XVII-го вѣка, сообщенные А. С. Лаппо-Данилевскимъ и И. Н. Миклашевскимъ.—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. V, № 4. Спб., 1902.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія Имп. Акад. Наукъ. 1902. 8°. 29 стр.).

58. Краткій отчетъ о занятіяхъ въ Государственномъ Кенигсбергскомъ, Королевскомъ Неаполитанскомъ и Ватиканскомъ архивахъ весною 1902 г.—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XVII, № 4, 1902, с. OI — OIV, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

59. **Разборъ мнѣнія г. Самоквасова о научномъ значеніи нѣкоторыхъ изданій, предпринятыхъ Императорской Академіей Наукъ.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ“ V серія, т. XVII, № 4, 1902, с. OV—OIX, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко Филолог. отдѣленія.

60. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія сборника „Грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" въ 1902 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XVII, № 5, 1902, с. OIX — OXII. извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

61. **Матеріалы для плана общеобразовательнаго курса по исторіи человѣчества.** Записка, составленная А. Лаппо-Данилевскимъ по предложенію Совѣта Общеобразовательной Школы кн. В. Тенишева.—«Памятная книжка Тенишевскаго Училища». Спб., 1902, ч. I, с. 87—101.—(Отдѣльно—s. l. et. an. F°. 10 стр.).

62. Изданіе статьи А. А. Куника «Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ» въ книгѣ «Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ». Часть 2. (Разысканія А. Куника). Спб., 1903, подъ редакціей и съ предварительной замѣткой (с. IX—XII) А. С. Лаппо-Данилевскаго.

63. **Докладъ исторической подсекціи II-й секціи** Предварительнаго съѣзда русскихъ филологовъ. — «Предварительный съѣздъ русскихъ филологовъ» [10 — 15 апрѣля 1903 года]. Бюллетени. Спб., 1903, стр. 114 — 117.—(См. также стр. 46, 92—93, 96).

64. Изданіе книги И. Н. Миклашевскаго «Древне-русскіе поземельные кадастры» подъ редакціей и съ примѣчаніями А. С. Лаппо-Данилевскаго.—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. VI, № 4. Спб., 1903.

65. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" въ 1903 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XIX, № 4—5, 1903, с. OIV—OVI, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

66. **И. И. Бецкой и его система воспитанія.** Отзывъ академика А. С. Лаппо-Данилевскаго о сочиненіи П. М. Майкова: «Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ біографіи»—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. VI, № 7—Отчетъ о сорокъ четвертомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 117—177. Спб., 1904. (Отдѣльно — Спбургъ. Типографія Имп. Акад. Наукъ. 1904. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 61 стр.).

67. Записка объ изданіи «Представленія проф. Десницкаго объ учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи».—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XX, № 4, 1904, с. OVII—OVIII, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

68. Н. Ѳ. Дубровинъ. Некрологъ. — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XXI, № 2, 1904, с. IV—VI; № 3, с. VII, извлеч. изъ проток. засѣд. Имп. Академіи. Общее собраніе.

69. **Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи** — въ сборникѣ «Крестьянскій строй». Т. I. Сборникъ статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевскаго и И. М. Страховскаго. Спб., 1905, с. 1—156.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія товарищества «Общественная Польза». 1905. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 156 стр.).

70. **Записка академика А. С. Лаппо-Данилевскаго о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XXII, № 1, 1905, с. OIII—OVII, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филол. отдѣленія.

71. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" въ 1904 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XXII, № 1, 1905, с. OVII — OVIII. извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

72. **Профессоръ Яковъ Каро. Некрологъ.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XXII, № 3, 1905, с. OXIII — OXIV, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

73. **Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго:** «Веревная книга» Николаевскаго Корельскаго монастыря 1707 г. — «Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи» за 1902 г., вып. XV, с. 19—21, приложеніе къ проток. 500 засѣд. 10 дек. 1902 г. Спб., 1905.

74. **Изъ протокола Историко-Филологическаго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ:** Палеографическіе снимки А. А. Куника къ «Русско-Ливонскимъ актамъ» Напіерскаго.—«Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи» за 1902 г., вып. XV, с. 39—40, приложеніе къ проток. 500 засѣд. 10 дек. 1902 г. Спб., 1905.

75. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" въ 1905 г.** — «Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1905, приложеніе къ проток. засѣд. 14 дек. 1905 г.

76. **Печати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ**—въ сборникѣ «Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси». Спб., 1907, с. 211—311.—(Отдѣльно—**Печати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ.** Изслѣдованіе **А. Лаппо-Данилевскаго.** Спбургъ. Типографія Имп. Академіи Наукъ. 1906. 8°. Загл. листъ + 99 + 2 нн. стр. + X таблицъ).

77. И. Симсонъ, Каменный вѣкъ подъ гор. Ржевомъ. Тверь, 1903. —Рецензія.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1906, новая серія, ч. IV, № 7, критика и библ., с. 151—158.

78. **Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Ѳирсова: „Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II", составленный А. С. Лаппо-Данилевскимъ.**—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. VIII, № 2—Отчетъ о сорокъ седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 5—38. Спб., 1906.

79. **Записка о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій за 1902—1904 гг.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XXIV, № 1—2, 1906, с. OII—OIV, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

80. **Альбертъ Сорель. Рѣчь.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» V серія, т. XXV, № 1 — 2, 1906, с. OII — OVIII, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

81. Изданіе сборника «Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси». Спб., 1907, подъ редакціей, съ предварительною замѣткою о составленіи сборника (с. I—V) и дополненіями къ нему (с. 206--209) А. С. Лаппо-Данилевскаго.

82. **Die russische Handels-Kommission von 1763—1796.** — «Beiträge zur russisch. Geschichte». Berlin, 1907, S. 176—213.

83. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" за 1906 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. I, 1907, № 1, с. 23 — 24, приложеніе къ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія 10 янв. 1907 г.

84. **Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго** о сборникѣ Галичскихъ актовъ Д. Зубрицкаго, приготовленномъ къ изданію А. А. Куникомъ. — «Лѣтопись занятій Имп. Археограф. Коммиссіи» за 1904 г., вып. XVII, с. 9 — 11, приложеніе къ проток. 507 засѣд. 22 янв. 1904 г. Спб., 1907.

85. Отзывъ о книгѣ С. Р. Минцлова «Критико-библіографическое обозрѣніе записокъ, дневниковъ, воспоминаній...». — «Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1907, § 159.

86. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" въ 1907 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. II, 1908, № 2, с. 165 — 166, II-е приложеніе къ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія 12 дек. 1907 г.

87. Записка о изданіи сочиненія А. Гиппинга «Нева и Ніэншанцъ» съ присоединеніемъ: **Описи географическихъ картъ, приложенныхъ къ сочиненію А. Гиппинга „Нева и Ніэншанцъ"** —«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. II, 1908, № 6, с. 464 — 466, извлеч. изъ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія.

88. **В. Б. Антоновичъ. 1830 — 1908. Некрологъ.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. II, 1908, № 6, с. 467—472.

89. **Докладъ о предметахъ древности, найденныхъ Б. Л. Бернштейномъ въ Фатьяновскомъ карьерѣ.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. II, 1908, № 13, с. 1027—1028.

90. **Сообщеніе о международномъ конгрессѣ историковъ, происходившемъ въ Берлинѣ 6 — 12 августа (н. с.) 1908 г.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. II, 1908, № 14, с. 1113—1116.

91. **Докладъ о дѣятельности нѣкоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій по ихъ отчетамъ за 1903 — 1907 гг.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. II, 1908, № 14, с. 1117—1122.

92. **Записка объ усиленіи личнаго состава Историко-Филологическаго отдѣленія.**—«Протоколы засѣданій Историко-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ» 1908, I-е приложеніе къ проток. засѣд. 15 окт. 1908 г.

93. **Служилыя кабалы позднѣйшаго типа.**—«Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ». М., 1909, с. 719 — 764. — (Отдѣльно — Москва. Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». 1909. 48 стр.).

94. Изданіе труда А. I. Гиппинга «Нева и Ніэншанцъ» подъ редакціей А. А. Куника и А. С. Лаппо-Данилевскаго со вступительной статьей А. С. Лаппо-Данилевскаго: **„Андрей Іоганнъ Гиппингъ и судьба его историческаго труда о Невѣ и Ніэншанцѣ"** (ч. I, с. I—XVI), чч. I—II. Спбургъ, 1909.

95. Utlätande om U. L. Lehtonens arbete: Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II in den Jahren 1772 — 1782. Aus dem finnischen Original übersetzt v. G. Schmidt. Berlin, 1907. Asiantuntijain lausunnot Keisarillisen Aleksanterin Uliopiston Venäjän historian ja venäläisen valtiotieteen professorinviran hakijasta ynnä hakijan ansioluettelo. 1909, № 14.

96. **Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. Некрологъ.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. III, 1909, № 2, с. 123—128.

97. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" за 1908 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. III, 1909, № 4, с. 235 — 236, II-е приложеніе къ проток. засѣд. Историко-Филолог. отдѣленія 14 янв. 1909 г.

98. **Методологія исторіи.** Часть I. Теорія историческаго познанія. Пособіе къ лекціямъ, читаннымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета въ 1909—10 году. Изданіе Студенч. Издат. Комитета при Историко-Филолог. факультетѣ

С.-Петербургскаго Университета. Спбургъ. Типогр. В. Безобразова. 1910. 8°. 291 + 1 нн. стр.—См. ниже № 112.

99. Изданіе труда Н. П. Сильванскаго «Акты о посадскихъ людяхъ-закладчикахъ» съ предварительной замѣткой и подъ редакціей А. С. Лаппо-Данилевскаго. — «Лѣтопись занятій Имп. Археограф. Коммиссіи» за 1909 г., вып. XXII, с. 1—276. Спб., 1910.

100. **Отзывъ о сочиненіи Н. Д. Чечулина: „Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе имп. Екатерины II". Спб., 1906 г., составленный академикомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ.**—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. X, № 2 — Отчетъ о пятидесятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 83—144. Спб., 1910.

101. **Герменегильдъ Иречекъ. Некрологъ.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. IV, 1910, № 3, с. 189—192. — (Переведено — «Narodni Listy» 1910, № 84).

102. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" за 1909 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. IV, 1910, № 3, с. 193—194.

103. N. D. Čečulin, Skizzen zur Geschichte der russischen Finanzen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. St-Petersburg, 1906. — Рецензія.— «Zeitschrift für Osteurop. Geschichte» 1910, B. I, H. 1.

104. **Екатерина II и крестьянскій вопросъ**—въ сборникѣ «Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ». Юбилейное изданіе. Т. I, с. 163—190. М., 1911.

105. **Памяти Василія Осиповича Ключевскаго.** — «Вѣстн. Европы» 1911, № 8, с. 337—353.

106. **К. К. Ширренъ. Некрологъ.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. V, 1911, № 2, с. 103—106.—(Переведено—Ein bedeutender russischer Gelehrter über Karl Schirren—«Rigaer Tageblatt» 1911, 8 (21) December, № 316).

107. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" за 1910 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. V, 1911, № 4, с. 201—204.

108. **В. О. Ключевскій. Некрологъ.** — «Извѣстія Импер. Акад. Наукъ» VI серія, т. V, 1911, № 13, с. 921—924.

109. **Историческіе взгляды В. О. Ключевскаго** — въ сборникѣ «В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія». М., 1912, с. 100—116.

110. **Отчетъ о подготовительныхъ работахъ по изданію „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" за 1911 г.** — «Извѣстія Импер. Акад. Наукъ» VI серія, т. VI, 1912, № 3, с. 268—270.

111. **Габріэль Моно. Некрологъ.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. VI, 1912, № 9, с. 667—670.

112. **Методологія исторіи.** Выпускъ II. Методы историческаго изученія. Пособіе къ лекціямъ, читаннымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета въ 1910 — 11 году. Изданіе Студенч. Издат. Комитета при Историко-Филолог. факультетѣ С.-Пбургскаго Университета. Спбургъ. Типогр. В. Безобразовъ и К° (Вл. Н. П. Зандманъ). 1913. 8°. Загл. листъ + 508 (292—799) + + 4 нн. стр.—См. выше № 98 и примѣчаніе на стр. VII.

113. **Экзаменныя требованія по методологіи исторіи.**—S. l. et a. Тип. В. Безобразовъ и К-о (Вл. Н. П. Зандманъ). 8°. 8 стр.

114. Карты и планы Невы и Ніэншанца, собранные А. І. Гиппингомъ и А. А. Куникомъ, съ предварительной замѣткой А. С. Лаппо-Данилевскаго.

(Приготовлены и изданы подъ ред. А. А. Куника и **А. С.** Лаппо-Данилевскаго). Спбургъ, 1913.

115. **L'idée de l'Etat en son evolution en Russie depuis les troubles du XVII siècle jusqu'aux reformes du XVIII-me** — въ сборникѣ «Essays in legal history, read before the International Congress of historical studies held in London», ed. by P. Vinogradoff, 1913. Oxford, University Press, 1913.

116. **Докладъ о дѣятельности нѣкоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій по ихъ отчетамъ за 1904 — 1911 гг.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. VII, 1913, № 2, с. 75—86.

117. **Отчетъ о работахъ по изданію „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи" за 1912 г.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. VII, 1913, № 4, с. 221—224.

118. **Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи со времени смуты и до эпохи преобразованій.**—«Голосъ Минувшаго» 1914, № 12, с. 5—38. (Переводъ № 115 съ незначительными измѣненіями).

119. **Петръ Великій, основатель Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ** — въ сборникѣ «Рѣчи, произнесенныя на торжеств. собраніи Имп. Академіи Наукъ по случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ». Петрогр., 1915, с. 33—92.—(Отдѣльно—Спбургъ. Типографія Имп. Академіи Наукъ. 1914. Загл. листъ + 60 стр.).

120. **Аристъ Аристовичъ Куникъ. Очеркъ его жизни и трудовъ.** — «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. VIII, 1914, № 18, с. 1455—1479.

121. L. Riess. Historik. Ein Organon geschichtlichen Denkens und Forschens Bd. I, Berl. und Lpz. G. I. Göschen, 1912.—Рецензія.—«Научно-Историческій Журналъ» 1914, т. I, вып. 2, с. 99—101. — Поправка къ рецензіи.— Ibid. т. III, с. 173.

122. Сборникъ документовъ, касающихся исторіи Невы и Ніеншанца. Приложеніе къ труду А. І. Гиппинга «Нева и Ніэншанцъ», съ предварительной замѣткой **А.** С. Лаппо-Данилевскаго (с. I—XII). Петрогр., 1916.

123. **Участіе Общества въ правильной постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи**—въ сборникѣ «Императорское Русское Историческое Общество. 1866—1916», с. 113—124. Петрогр., 1916.—(Отдѣльно—**Особая Коммиссія при Императорскомъ Русскомъ Историческомъ Обществѣ и ея дѣятельность по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ.** 1911—1916 гг. Петрогр., 1916. 8°. Загл. листъ + 12 стр.).

124. **Отзывъ о сочиненіи Н. Я. Новомбергскаго: „Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія", составленный академикомъ А. Лаппо-Данилевскимъ.**—«Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію» т. XII, № 8 — Отчетъ о пятьдесятъ пятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 55—65. Петрогр., 1916.

125. **Докладъ о научной дѣятельности нѣкоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій по ихъ отчетамъ преимущественно за 1911—1914 гг.**—«Извѣстія Имп. Акад. Наукъ» VI серія, т. X, 1916, № 7. с. 457—470.

126. Обзоръ документовъ вотчиннаго архива стольника А. И. Безобразова. — «Лѣтопись занятій Имп. Археограф. Коммиссіи» за 1915 г., вып. XXVIII, с. 31 — 33, извлеч. изъ проток. 599 засѣд. 8 дек. 1915 г. Петрогр., 1916.

Краткій очеркъ дѣятельности кружка по составленію каталога частно-правовыхъ актовъ до-Петровской Руси.

А. И. Андреевъ.

Кружокъ по составленію каталога частно-правовыхъ актовъ до-Петровской Руси является однимъ изъ научныхъ предпріятій, возникшихъ по непосредственной иниціативѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Въ виду характера настоящаго сборника, статьи котораго, за единичными исключеніями, были предметомъ обсужденія въ кружкѣ, казалось вполнѣ естественнымъ предпослать сборнику краткій очеркъ того, что сдѣлано кружкомъ въ истекшіе годы его существованія подъ постояннымъ руководствомъ А. С.

Давно, повидимому, ощущалась въ исторической и еще больше въ историко-юридической наукѣ потребность въ такого рода предпріятіи, но препятствіемъ къ выполненію его являлась, при большой разрозненности матеріала, разсыпаннаго въ безчисленномъ множествѣ изданій, невозможность выполнить дѣло единичными усиліями. Врядъ ли будетъ поэтому преувеличеніемъ, если отмѣтить, что возникновеніе нашего кружка, ставившаго своей цѣлью составленіе каталога напечатанныхъ частныхъ актовъ до-Петровской Руси до начала XVIII в., отвѣчало, до нѣкоторой степени, насущнымъ потребностямъ науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, характеръ тѣхъ занятій по русской исторіи и философскимъ предметамъ, которыя А. С. Лаппо-Данилевскій неоднократно велъ въ нашемъ Университетѣ, начиная съ 1890 г., былъ причиной обращенія къ нему весной 1903 г. нѣкоторыхъ изъ студентовъ историко-филологическаго факультета нашего Университета. Стремясь научиться методамъ разработки того или иного историческаго матеріала, указанныя лица просили А. С.,

объявить съ осени 1903 г. приватныя занятія по дипломатикѣ. При его постоянной отзывчивости на такого рода обращенія, А. С. далъ свое согласіе.

Занятія въ кружкѣ начались осенью 1903 г. и продолжаются до настоящаго времени на квартирѣ А. С., въ академическіе мѣсяцы каждаго года, регулярно одинъ разъ въ недѣлю, не исключая праздничныхъ дней.

Въ первый годъ дѣятельности кружка въ составъ его входили: студенты-историки—А. И. Боргманъ, Н. В. Борсукъ, В. И. Веретенниковъ, С. В. Дуброва, А. Я. Заксъ, Н. И. Сидоровъ, В. В. Фурсенко; студенты-словесники — Н. И. Соболевъ и А. А. Шиловъ; въ слѣдующемъ 1904 — 1905 уч. г. въ немъ состояли, кромѣ того, А. А. Герке, Г. М. Котляровъ, П. Г. Разумовскій и В. Н. Строевъ, и, наконецъ, въ 1905 — 1906 уч. г. И. Ѳ. Чирцовъ. Изъ указанныхъ лицъ наиболѣе дѣятельное участіе въ работѣ кружка въ первые годы его жизни принимали В. И. Веретенниковъ, Г. М. Котляровъ, П. Г. Разумовскій, Н. И. Сидоровъ, И. Ѳ. Чирцовъ и А. А. Шиловъ. На первыхъ порахъ предъ кружкомъ стала довольно сложная задача намѣтить конкретно ту работу, которая была бы по силамъ наличному составу участниковъ. Темой, на которой остановился А. С., было составленіе каталога частно-правовыхъ актовъ до-Петровской Руси, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ XVIII—XX в. Участники первыхъ лѣтъ жизни кружка вспоминаютъ съ большимъ воодушевленіемъ то бодрое настроеніе, съ которымъ они приступили къ этой работѣ. Предстояло, во-1, не только установить точно ту огромную массу печатныхъ изданій XVIII—XX в., въ которыхъ могли оказаться частные акты, но, во-2, просмотрѣть ее въ натурѣ, разнеся актовый матеріалъ на соотвѣтствующаго образца карточки. Если въ первой части работа заканчивается только теперь, то значительная часть наиболѣе извѣстныхъ сборниковъ актовъ была просмотрѣна именно въ первый годъ. Повидимому, занятія 1903—1904 г. дали, въ общемъ, хорошіе результаты въ смыслѣ близкаго ознакомленія участниковъ съ разновидностями актоваго матеріала, такъ какъ уже со второго года занятій, не оставляя основной работы по дальнѣйшему просмотру изданій для составленія каталога, участники въ кружкѣ, по предложенію А. С., приступили къ описанію актовыхъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, хранящихся въ здѣшней Духовной Академіи. Съ указанной цѣлью были использованы сборники подъ шифромъ $А^1/_{16}$, $А^1/_{17}$ и $А^1/_{48}$, изъ нихъ первые двѣ заключаютъ въ себѣ до трехъ тысячъ листовъ; въ архивѣ кружка хранится описаніе этихъ сборниковъ, извлеченные изъ нихъ рѣдкіе акты и нѣкоторые другіе матеріалы,

относящіеся къ тому же описанію. Въ указанной работѣ принимали участіе В. И. Веретенниковъ, Н. И. Сидоровъ и А. А. Шиловъ. Кромѣ ряда вопросовъ, связанныхъ съ описаніемъ Кирилло-Бѣлозерскихъ сборниковъ, предметомъ тогдашнихъ собраній были сообщенія участниковъ о просмотрѣнныхъ изданіяхъ и тѣхъ актахъ, которые ставили въ недоумѣніе просматривавшаго; нѣсколько позже, въ 1905 — 1906 г., на собраніяхъ кружка читались сообщенія, касавшіяся разбора отдѣльныхъ разновидностей частныхъ актовъ; такой характеръ имѣли сообщенія 1905 — 1906 г. В. И. Веретенникова о служилыхъ кабалахъ, Г. М. Котлярова о купчихъ, П. Г. Разумовскаго о мѣновныхъ; 1906—1907 г. И. Ѳ. Чирцова о заемныхъ и закладныхъ и др. Новизна подобнаго изученія частныхъ актовъ вызывала оживленное обсужденіе тѣхъ или иныхъ деталей работы, выработывалось понятіе о клаузулѣ, типъ карточки для регистраціи акта, техническіе пріемы составленія таблицъ, иллюстрирующихъ хронологическое развитіе и топографическія различія данной разновидности частныхъ актовъ и т. п. Въ указанномъ выше составѣ и на изложенныхъ основаніяхъ работа велась до осени 1907 г., когда, параллельно съ занятіями старшей группы, приступила къ той же работѣ вновь образовавшаяся группа молодыхъ работниковъ въ лицѣ А. А. Біейка, М. П. Богаевскаго, Б. Д. Грекова, В. Н. Куна и Т. К. Маркаряна. Осенью 1908 г. и весною 1909 г. обѣ группы работали вмѣстѣ, хотя нѣкоторые изъ старшихъ участниковъ, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, уже не принимали участія въ кружкѣ. Притокъ новыхъ силъ въ составъ кружка служитъ несомнѣннымъ показателемъ того интереса, который появился въ Университетѣ къ подобнаго рода занятіямъ. Участіе новой группы, правда, мало подвинуло работу по каталогу въ смыслѣ роста его въ количественномъ отношеніи, но, несомнѣнно, способствовало обработкѣ уже собраннаго матеріала; къ этому времени относятся сообщенія Т. К. Маркаряна о порядныхъ записяхъ, М. П. Богаевскаго о служилыхъ кабалахъ, В. Н. Куна о жилыхъ записяхъ, Б. Д. Грекова о полныхъ — и др. Въ теченіе 1909 — 1910 уч. г. и осени 1910 г. собранный въ каталогѣ актовый матеріалъ былъ также, въ значительной степени, использованъ для тѣхъ семинаріевъ по русской исторіи, которые А. С. велъ въ эти годы въ Университетѣ. Такъ, нѣкоторыя сообщенія семинарія по крестьянскому вопросу (1909 — 1910 уч. г.) были цѣликомъ построены на матеріалѣ каталога; таковы, напримѣръ, доклады А. А. Біейка о порядныхъ, С. Н. Валка о полныхъ и докладныхъ, Б. А. Романова о служилыхъ кабалахъ, В. В. Струве о жилыхъ и др. Еще въ большей степени это замѣчаніе относится къ

1*

семинарію по духовнымъ грамотамъ, объявленному А. С. на 1910—1911 уч. г. Намѣченныя темы этого семинарія — духовныя митрополитовъ, великихъ и удѣльныхъ князей и княгинь, древнѣйшія духовныя (до XV в.), новгородскія и двинскія духовныя, московскія духовныя (служилыхъ и торговыхъ людей, а также крестьянъ) и др. не могли быть детально и полно изучены безъ тѣхъ указаній на источники, которыя сосредоточены въ каталогѣ. Изъ прочитанныхъ въ семинаріи докладовъ слѣдуетъ отмѣтить сообщенія А. И. Андреева о духовныхъ грамотахъ великихъ князей и княгинь, И. К. Кунина о древнѣйшихъ духовныхъ и В. Н. Куна о двинскихъ духовныхъ XV в. Собранный въ каталогѣ матеріалъ послужилъ, въ значительной степени, и для самого А. С. источникомъ для статьи о служилыхъ кабалахъ, появившейся въ «Сборникѣ въ честь В. О. Ключевскаго». Въ силу всѣмъ памятныхъ обстоятельствъ университетской жизни января 1911 г., семинарій по изученію духовныхъ грамотъ не могъ работать во вторую половину учебнаго года въ виду невольнаго ухода изъ его состава нѣкоторыхъ участниковъ. По мысли А. С., оставшаяся группа рѣшила заняться временно оставленной работой по увеличенію количественнаго роста каталога. Это обстоятельство совпало съ обращеніемъ къ А. С. нѣкоторыхъ изъ прежнихъ участниковъ въ кружкѣ съ аналогичной просьбой.

Образовавшаяся группа, въ лицѣ А. И. Андреева, Ф. Ф. Злотникова, Г. М. Котлярова, В. Н. Куна и А. А. Шилова, принялась за просмотръ разныхъ изданій на предметъ отысканія въ нихъ частныхъ актовъ. При постоянномъ ростѣ въ своемъ составѣ, число сотрудниковъ кружка достигаетъ въ настоящее время шестнадцати человѣкъ и состоитъ изъ историковъ и юристовъ. Кромѣ упомянутыхъ выше пяти лицъ, въ кружкѣ принимаютъ участіе: А. А. Біейкъ, С. Н. Валкъ, А. А. Введенскій, В. И. Веретенниковъ, Э. Г. Гинзбергъ, А. А. Дроздецкій, К. В. Завитаевъ, М. Ф. Злотниковъ, А. П. Кулаковъ, Н. И. Сидоровъ и М. Н. Смирновъ. Въ разное время въ работахъ кружка принимали, кромѣ того, участіе А. А. Васильевъ, А. И. Виноградовъ, И. К. Кунинъ и С. Н. Назимовъ. Цѣль занятій кружка въ послѣдніе годы (1911—1915) осталась прежняя: какъ и раньше, кружокъ имѣетъ въ виду составить каталогъ частно-правовыхъ актовъ до-Петровской Руси, до 1701 г., напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ XVIII — XX вв. Въ первые годы по возобновленіи работы къ осуществленію этой задачи члены кружка стремились, во-1, усиленнымъ просмотромъ не обслѣдованныхъ ранѣе изданій, во-2, каждый изъ участниковъ взялъ себѣ опредѣленную разновидность актовъ и ее пересма-

тривалъ, провѣряя правильность указанія на источникъ и отнесенія акта къ той или иной группѣ, въ-3, попутно шла работа по выработкѣ регистраціонной карточки и составленію правилъ занесенія матеріала на эти карточки, въ-4, однимъ изъ участниковъ кружка, А. А. Шиловымъ, составлялась систематическая библіографія сочиненій, въ которыхъ могли оказаться частные акты, и, наконецъ, въ-5, въ сообщеніяхъ участниковъ объ отдѣльныхъ актахъ, отнесеніе которыхъ къ опредѣленной разновидности оказывалось затруднительнымъ. Но уже съ начала 1912 г. доклады только о недоумѣнныхъ актахъ, не поддававшихся классификаціи, стали переходить въ сообщенія, касавшіяся дипломатическаго и историко-археографическаго анализа данной разновидности во всемъ ея объемѣ, по наличному матеріалу, собранному въ каталогѣ. Послѣдняя задача стала, можно сказать, на первое мѣсто во всѣ послѣдующіе годы. Работа участниковъ кружка была сосредоточена, главнымъ образомъ, на обработкѣ уже собраннаго въ значительномъ количествѣ матеріала, подготовленіи его для доклада собранію. Выработавшійся съ годами типъ сообщенія послѣдняго рода требовалъ отъ докладчика, по крайней мѣрѣ, выясненія количества актовъ разбираемой разновидности, ихъ названій въ самихъ актахъ, хронологическаго и географическаго распространенія, выясненія клаузальнаго состава, типа послѣдняго, его видовъ временныхъ и мѣстныхъ, въ конечномъ итогѣ—составленія таблицъ клаузулъ и т. п.; во второй части подобныхъ сообщеній докладчики обычно пытались опредѣлить сущность сдѣлки, закрѣпляемой даннымъ актомъ, отношеніе, напр., законодательства къ ея нормировкѣ, причины временныхъ и мѣстныхъ уклоненій и т. п.; въ зависимости отъ количества и характера актовъ схема сообщеній иногда, конечно, значительно мѣнялась. Такимъ образомъ, въ теченіе указанныхъ лѣтъ была достигнута та цѣль, что рядъ разновидностей частныхъ актовъ былъ подвергнутъ болѣе или менѣе детальному изученію. Подобный характеръ имѣли сообщенія: весной 1912 г. А. И. Андреева объ отступныхъ и посильныхъ грамотахъ; осенью 1912 г.—весною 1913 г. И. К. Кунина о межевыхъ, А. А. Біейка о порядныхъ, Ф. Ф. Злотникова о кортомныхъ; осенью 1913 г. — весною 1914 г. М. Ф. Злотникова о мировыхъ, А. И. Андреева объ отписяхъ, А. А. Шилова о поступныхъ, А. А. Дроздецкаго о заемныхъ; осенью 1914 г.—весною 1915 г. В. Н. Куна о поручныхъ, М. Ф. Злотникова о третейскихъ записяхъ, А. А. Біейка о ссудныхъ, К. В. Завитаева объ отпускныхъ, Ф. Ф. Злотникова объ оброчныхъ, М. Н. Смирнова о договорныхъ; осенью 1915 г. А. А. Дроздецкаго о закладныхъ. Впрочемъ, помимо указанныхъ докладовъ, на собраніяхъ кружка

читались также сообщенія иного характера, по темѣ близкія къ основной работѣ; таковы доклады А. И. Андреева о существующихъ въ русской историко-юридической наукѣ классификаціяхъ частныхъ актовъ (1912 г.), М. Ф. Злотникова о площадныхъ подъячихъ Московской Руси, главнымъ образомъ, Ивановской площади въ Москвѣ (1914 г.)—и др. Въ эти же годы продолжался, хотя и съ меньшей интенсивностью, просмотръ различныхъ изданій; въ частности, на просмотръ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей Академія Наукъ, по представленію А. С., ассигновала въ мартѣ с. г. нѣкоторую сумму; по порученію А. С. эта работа производилась въ разное время А. И. Андреевымъ, А. А. Біейкомъ, Н. В. Борсукомъ, С. Н. Валкомъ и А. П. Кулаковымъ. Въ тѣсной связи съ работами кружка находится предпринятое, по мысли А. С. и подъ его руководствомъ, осенью 1913 г. группой участниковъ кружка (А. И. Андреевъ, С. Н. Валкъ, М. Ф. Злотниковъ, В. Н. Кунъ и А. А. Шиловъ) описаніе извѣстныхъ въ исторической наукѣ сборниковъ Троице-Сергіевой Лавры №№ 530 и 532. Къ настоящему времени это коллективное описаніе вполнѣ закончено въ отношеніи сборника № 530, заключающаго болѣе 1400 листовъ. Знакомство съ печатнымъ актовымъ матеріаломъ дало возможность участникамъ работы по описанію извлечь изъ сборника для приложеній къ описанію наиболѣе интересные въ томъ или иномъ, главнымъ образомъ въ дипломатическомъ, отношеніи акты; результаты работы, при содѣйствіи А. С., будутъ напечатаны.

7 мая с. г. кружокъ имѣлъ особое собраніе по случаю исполнявшагося 9 мая двадцатипятилѣтія ученой дѣятельности А. С. На этомъ засѣданіи А. А. Шиловымъ было произнесено привѣтственное слово А. С., и были прочитаны сообщенія: А. И. Андреевымъ о дѣятельности кружка за время его существованія, С. Н. Валкомъ о характерѣ древне-русскаго частнаго акта и М. Н. Смирновымъ о значеніи дипломатическаго анализа актовъ для исторіи права. Въ самый день юбилея, 9 мая, членомъ кружка В. Н. Куномъ былъ помѣщенъ въ газ. «Рѣчь» очеркъ дѣятельности А. С.

Все возрастающія требованія, которыя предъявляются къ отдѣльнымъ сообщеніямъ, дѣлаемымъ въ кружкѣ, указывая на замѣтный прогрессъ въ ходѣ работы, выдвигаютъ, однако, на ближайшее время задачу окончанія всей работы. Для каталога уже теперь просмотрѣно болѣе 1400 названій книгъ и до 150 періодическихъ изданій; изъ числа первыхъ свыше 350 многотомныхъ, изъ числа вторыхъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ до 200 томовъ; такимъ образомъ, уже теперь просмотрѣно приблизительно до 6000 томовъ. Извлеченный изъ этихъ изданій актовый матеріалъ,

еще не вполнѣ законченный обработкой, уже заключаетъ болѣе 2000 актовъ, занесенныхъ на окончательныя карточки; въ эту группу входятъ слѣдующія разновидности частныхъ актовъ: вкладныя, данныя, духовныя, купчія, межевыя, мировыя, мѣновныя, отписи, отступныя, посильныя, поступныя, раздѣльныя, рядныя-сговорныя, служилыя кабалы. Что касается другихъ болѣе крупныхъ видовъ (заемныя, закладныя, оброчныя, отпускныя, поручныя, порядныя и др.), то работа надъ ними, въ значительной степени, также приближается къ концу; постепенно же пересматриваются тѣ единичные акты, списокъ названій которыхъ составлялся во все время работы и нынѣ провѣряется. Но нельзя, конечно, скрывать отъ себя, что, помимо сдѣланнаго, предстоитъ еще не малая работа по завершенію всего дѣла. Твердая увѣренность, что во второе десятилѣтіе существованія кружка каталогъ частныхъ актовъ будетъ готовъ къ печати, даетъ участникамъ силу, въ постоянномъ единеніи и союзѣ съ нашимъ руководителемъ, продолжать работу по завершенію всего дѣла.

20 декабря 1915 г.

Къ вопросу о методахъ изученія древнерусскихъ частноправовыхъ актовъ.

В. И. Веретенниковъ.

Вопросъ о пріемахъ и методахъ изученія древнерусскихъ частноправовыхъ актовъ не подвергался отвлеченному трактованію въ соотвѣтственной специальной литературѣ. А между тѣмъ вопросъ этотъ невольно ставится передъ всякимъ приступающимъ къ изслѣдованію древнерусскихъ частноправовыхъ актовъ. Нижеслѣдующее изложеніе имѣетъ цѣлью дать нѣкоторыя данныя къ рѣшенію этого вопроса въ его основныхъ моментахъ.

При началѣ изученія отдѣльнаго акта,—а тѣмъ болѣе группового изученія актовъ,—изслѣдователю предстоитъ задача каждый отдѣльный актъ такъ препарировать, такъ подготовить, чтобы его можно было удобно и точно сравнивать съ другими актами. Такого рода подготовка каждаго акта состоитъ прежде всего въ томъ, что актъ, по мѣрѣ возможности, разбивается на свои составныя, возможно элементарныя части.

Если всѣ акты данной группы, дѣйствительно, по тѣмъ или инымъ существеннымъ признакамъ своимъ могутъ быть объединены въ одну группу, то, несомнѣнно, эти существенные признаки должны будутъ найти свое выраженіе въ текстѣ акта, тѣмъ самымъ слѣдовательно, хотя бы въ нѣкоторыхъ, возможно элементарныхъ частяхъ его, на которыя вообще каждый данный актъ въ его текстѣ можетъ быть расчлененъ. Слѣдовательно, въ каждой дѣйствительно отдѣльной группѣ актовъ всегда можно установить: 1) какія возможно элементарныя части актовъ являются общими всѣмъ актамъ данной группы; 2) насколько эта общность строго проведена въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ той или иной возможно элементарной части акта; 3) какія возможно элементарныя части акта могутъ являться раз-

личными въ отдѣльныхъ актахъ изучаемой группы; 4) какой порядокъ существуетъ,—и каковы отступленія отъ него,—въ послѣдовательномъ размѣщеніи этихъ возможно элементарныхъ частей, образующихъ акты данной группы; 5) какая совокупность этихъ возможно элементарныхъ частей является типичной для актовъ изучаемой группы; а отсюда далѣе уже становится возможнымъ дѣлать заключенія о типѣ и характерѣ сдѣлокъ, отражаемыхъ и закрѣпляемыхъ актами изучаемой группы и т. д. Отвѣты на всѣ эти вопросы, въ совокупности опредѣляющіе собой болѣе или менѣе полное изученіе актовъ данной группы, могутъ быть получены достаточно точными именно при условіи предварительнаго вышенамѣченнаго препарированія каждаго отдѣльнаго акта.

Однако, тутъ ставится вопросъ, насколько вообще является возможнымъ такое препарированіе каждаго акта. Эта возможность такого препарированія вытекаетъ непосредственно изъ разсмотрѣнія того, что̀ собой вообще представляетъ древнерусскій частноправовой актъ. Думае́тся, ему можно попытаться дать общее опредѣленіе, получаемое чисто эмпирическимъ путемъ изъ разсмотрѣнія возможно бо̀льшаго актоваго матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи и относящагося къ частноправовымъ отношеніямъ древней Руси. Такое опредѣленіе можетъ быть выражено въ слѣдующихъ словахъ: древнерусскій частноправовой актъ (до XVIII вѣка) есть словесно выраженное и письменно запечатлѣнное, обычно сложное *дѣйствіе*, опредѣляющее собой существо совершенной сдѣлки, притомъ сопряженное съ также словесно выраженными и письменно запечатлѣнными дѣйствіями побочными, привходящими, но въ той или иной мѣрѣ неразрывно слитыми со совершаемой актомъ сдѣлкой.

Давая такое опредѣленіе древнерусскому частноправовому акту, мы отнюдь не стремимся дать юридическое отвлеченное его опредѣленіе; наоборотъ, позволяемъ себѣ подчеркнуть, что данное выше опредѣленіе имѣетъ въ виду только и исключительно тотъ историческій конкретный (хотя бы и понимаемый въ обобщенномъ видѣ) документъ, который возникъ въ Россіи до XVIII вѣка, гдѣ являлся актомъ, закрѣплявшимъ собою частноправовыя отношенія.

Если принять вышеочерченное опредѣленіе, то яснымъ, непосредственнымъ выводомъ изъ него будетъ то положеніе, что всякій актъ заключаетъ въ себѣ словесно выраженныя и письменно запечатлѣнныя дѣйствія, въ совокупности своей составляющія то сложное дѣйствіе, которое опредѣляетъ собою существо закрѣпляемой актомъ сдѣлки, а также тѣ второстепенныя, побочныя дѣйствія, которыя, однако, неразрывно слиты съ совершеніемъ данной сдѣлки.

А если такъ, то, слѣдовательно, всякій актъ возможно расчленить на такія его отдѣльныя части, каждая изъ которыхъ именно и является словесно выраженнымъ и письменно запечатлѣннымъ такимъ отдѣльнымъ, главнымъ или второстепеннымъ, сопряженнымъ или подчиненнымъ дѣйствіемъ. И далѣе ясно, что такая часть акта и будетъ возможно элементарной частью его и именно частью въ силу внутренней конструкціи акта, а не въ силу произвола изслѣдователя, конечно, имѣющаго возможность установить какія угодно другія дѣленія въ актѣ. Такъ выдѣленную и такъ понимаемую возможно элементарную часть изслѣдуемаго акта можно назвать клаузулой.

Такимъ образомъ, первый этапъ въ препарированіи акта состоитъ въ расчлененіи каждаго отдѣльнаго акта на составляющія его клаузулы. Если пробовать дать опредѣленіе клаузулѣ въ нашемъ смыслѣ этого термина, то оно можетъ свестись приблизительно къ слѣдующему: клаузула есть словесно выраженное и письменно запечатлѣнное въ данномъ актѣ дѣйствіе (символическое или реальное), раздѣльно воспринимаемое сознаніемъ составителей акта. Въ такомъ опредѣленіи мы подчеркиваемъ одинъ моментъ, о которомъ выше говорили; именно, клаузула должна *не только изслѣдователемъ* пониматься, какъ отражающая въ себѣ *отдѣльное* запечатлѣнное въ данныхъ выраженіяхъ дѣйствіе, но *такъ же* она должна пониматься *и самимъ авторомъ-составителемъ акта*. Введеніе такого момента въ опредѣленіе клаузулы имѣетъ цѣлью подчеркнуть историчность, если позволено будетъ такъ выразиться, задачи изслѣдователя: клаузула должна фактически пребывать въ исторической дѣйствительности, т.-е. въ сознаніи составителей древнерусскихъ изучаемыхъ актовъ, — хотя бы и не осознанной еще достаточно опредѣленно этими составителями въ ея бытіи, — а не являться чѣмъ-то уже извнѣ навязаннымъ нашимъ современнымъ юридическимъ сознаніемъ тому историческому факту, каковымъ является въ своемъ цѣльномъ бытіи каждый древнерусскій актъ частнаго права.

Практическое расчлененіе какого-либо даннаго акта, выдѣленіе изъ его состава отдѣльныхъ клаузулъ должно базироваться прежде всего на точномъ пониманіи текста акта, на его грамматическомъ строѣ. Такъ или иначе грамматически выдѣленная часть текста древне-русскаго акта, — сдѣлано ли это выдѣленіе путемъ раздѣлительныхъ союзовъ (чаще всего союза «а») или путемъ просто отдѣльныхъ главныхъ предложеній, — обычно заключаетъ въ себѣ по смыслу опредѣленно выраженное и запечатлѣваемое то или иное отдѣльное дѣйствіе.

Остается еще одинъ, послѣднiй моментъ въ работѣ надъ препарированiемъ отдѣльнаго акта, именно,—установленiе его формуляра или клаузальнаго состава. Вѣдь всякiй единичный актъ состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ клаузулъ; приэтомъ эти, данный актъ составляющiя клаузулы, во-первыхъ, расположены въ извѣстномъ порядкѣ, и, во-вторыхъ, являются въ томъ или иномъ подборѣ ихъ по ихъ содержанiю. Составъ клаузулъ и порядокъ ихъ расположенiя въ данномъ отдѣльномъ актѣ являются тѣми характерными признаками, которые опредѣляютъ собой то, что́ называется формуляромъ акта или его клаузальнымъ составомъ.

Такимъ образомъ, формуляръ акта можно опредѣлить, какъ порядковый перечень клаузулъ, входящихъ въ данный актъ, съ точнымъ обобщеннымъ указанiемъ ихъ содержанiя. Установленiе такого формуляра для каждаго изучаемаго акта и явится послѣднимъ шагомъ въ подготовкѣ къ изученiю акта въ его *отдѣльности*. Для изученiя уже *группъ* актовъ первой и основной задачей является классификацiя актовъ.

Итакъ, когда акты являются расчлененными на составляющiя ихъ клаузулы, когда затѣмъ составлены формуляры актовъ, то уже для дальнѣйшаго изученiя актовъ въ ихъ тѣхъ или иныхъ совокупностяхъ является необходимымъ приступить къ классифицированiю. Основанiя для классифицированiя актовъ могутъ быть взяты двоякаго рода, сообразно чему—классификацiя будетъ или «юридическая», или «историческая».

При классифицированiи «юридическомъ» его основанiями явятся теоретическiя положенiя современной научной гражданскоправовой мысли; при «историческомъ» классифицированiи основанiями его будутъ моменты, наблюденные въ исторiи самихъ актовъ. Комбинированiе этихъ основанiй обоихъ видовъ, какъ ниже увидимъ, будетъ,—иногда, по крайней мѣрѣ,—очень не безполезно въ цѣляхъ болѣе точнаго и углубленнаго изученiя актоваго матерiала.

Классификацiя актовъ прежде всего можетъ быть по своимъ основанiямъ «исторической», какъ мы условно ее назовемъ. При такой классификацiи въ качествѣ основанiя должны быть взяты факты, наблюденные въ исторiи данныхъ актовъ, непосредственно выводимые изъ разсмотрѣнiя ихъ текста. При такой классификацiи прежде всего представляется необходимымъ выяснить терминологiю самихъ составителей актовъ (а эта терминологiя несомнѣнно существовала въ Россiи до-Петровской), согласно которой юридическое *современное* акту сознанiе каждый данный актъ относило къ тому или иному роду, виду актовъ; выяснить (по мѣрѣ возможности, конечно) и понять эту терминологiю современниковъ (и въ ея эво-

люціи, если таковая существовала), чтобы затѣмъ взять ее, какъ главнѣйшее основаніе для классифицированія актовъ,—таково положеніе, на которомъ базируется «историческая», какъ мы ее условно назвали, классификація.

Эта классификація распадается на слѣдующіе отдѣльные моменты въ ихъ хронологической послѣдовательности. Прежде всего необходимо разгруппировать всѣ изучаемые акты по тѣмъ названіямъ ихъ, которыя эти акты даютъ сами себѣ въ своемъ текстѣ; несомнѣнно, что тутъ въ грубыхъ чертахъ выясняются основныя группы, основные термины, по которымъ сами современники распредѣляли частноправовые акты. Затѣмъ, для каждой такимъ способомъ образованной группы необходимо выяснить общій клаузальный составъ, общій формуляръ входящихъ въ данную отдѣльную группу актовъ; этотъ общій формуляръ для всѣхъ актовъ данной группы долженъ, несомнѣнно, существовать уже въ силу того соображенія, что должно же быть что-либо общее во всѣхъ актахъ данной группы даннаго наименованія для того, чтобы сознаніе ихъ авторовъ-составителей всѣ эти акты назвало однимъ и тѣмъ же именемъ; слѣдовательно, съ одной стороны, объединило ихъ между собой на основаніи чего то въ нихъ общаго, и съ другой,—тѣмъ выдѣлило именно ихъ изъ массы всѣхъ остальныхъ частныхъ актовъ. Это нѣчто, присущее одинаково всѣмъ актамъ даннаго названія, должно найти себѣ выраженіе въ содержаніи каждаго отдѣльнаго акта, въ клаузулахъ актовъ, т.-е. иными словами, во всѣхъ актахъ даннаго наименованія должны быть одна или нѣсколько одинаковыхъ клаузулъ. Эти-то одинаковыя клаузулы, присущія всѣмъ актамъ даннаго наименованія въ ихъ тоже болѣе или менѣе одинаковой послѣдовательности въ расположеніи, и дадутъ общій, идеальный, формуляръ акта даннаго наименованія.

Клаузулы, входящія въ такой общій идеальный формуляръ, можно условиться называть основными. Онѣ, въ свою очередь, могутъ быть подраздѣлены на основныя реальныя и основныя протокольныя; на соотвѣтственныя двѣ части, слѣдовательно, можетъ быть разбитъ и всякій идеальный формуляръ акта всякаго наименованія. Основными реальными клаузулами можно обозначить тѣ изъ основныхъ клаузулъ, которыя содержатъ въ себѣ словесное выраженіе дѣйствій, имѣющихъ отношеніе *исключительно* къ самой сущности запечатлѣваемой актомъ сдѣлки. Протокольными же клаузулами можно назвать тѣ изъ основныхъ клаузулъ, которыя выражаютъ дѣйствія только опредѣляющія собой внѣшнее оформленіе акта именно данной разновидности.

Кромѣ такихъ основныхъ клаузулъ, въ каждомъ отдѣльномъ

актѣ могутъ присутствовать и обычно присутствуютъ клаузулы второстепенныя, т.-е. такія, которыя не входятъ въ идеальный формуляръ изучаемаго рода актовъ и, значитъ, не являются обязательными для того, чтобы данный актъ былъ относимъ къ именно такой, а не иной группѣ актовъ, отдѣленной по данному наименованію.

Когда, такимъ образомъ, будетъ установленъ идеальный формуляръ актовъ данной группы (по данному ихъ наименованію), то возможно будетъ заключать, что всѣ акты, себя никакъ не называющіе или неопредѣленно именующіе себя грамотами, записями и т. д., но формуляръ которыхъ въ его большей и основной части будетъ вполнѣ тожественъ идеальному формуляру нѣкоторой разновидности актовъ, должны быть классифицированы, какъ относящіеся именно къ данной разновидности.

Необходимо имѣть въ виду, что идеальный формуляръ можетъ измѣняться, во-первыхъ, во времени, и, во-вторыхъ, въ зависимости отъ мѣста совершенія даннаго акта. Вопросъ объ эволюціи и локальныхъ отличіяхъ въ идеальномъ формулярѣ акта даннаго наименованія всегда долженъ ставиться изслѣдователемъ; постановка такого вопроса позволитъ понять и разобраться въ тѣхъ отклоненіяхъ отъ идеальнаго формуляра, которыя могутъ оказаться въ отдѣльныхъ актахъ настолько значительными, что затруднятъ составленіе идеальнаго формуляра, если не будетъ принята во вниманіе разгруппировка актовъ во времени и по мѣстностямъ ихъ происхожденія.

Установленіе идеальнаго формуляра акта даннаго наименованія, данной группы, даетъ возможность далѣе опредѣлить по этому формуляру существо юридическое,—или только фактическое, если избѣгать юридическихъ пріурочиваній,—той сдѣлки, которая закрѣплялась въ древней Руси актами такого современнаго самимъ актамъ ихъ наименованія.

Но нельзя скрывать, что при «историческомъ» изученіи актовъ частнаго права существуютъ опасности, о которыхъ надо знать, и которыя не всегда являются устранимыми волею изслѣдователя.

Во-первыхъ, можетъ оказаться, что добиться объединенія всѣхъ актовъ даннаго наименованія въ одномъ или нѣсколькихъ опредѣленно стоящихъ во времени и пространствѣ идеальныхъ формулярахъ окажется невозможнымъ, и будетъ ясно, что такая невозможность является результатомъ неясности, спутанности соотвѣтственныхъ понятій въ головахъ самихъ составителей актовъ; правовое сознаніе этихъ древнерусскихъ юристовъ, можетъ быть, еще не разобралось въ данномъ вопросѣ и, блуждая, постоянно впадало въ противорѣчія. Необходимо сейчасъ же оговориться, что установ-

вленіе такого положенія вещей относительно какой-либо группы актовъ, конечно, само по себѣ уже явится цѣннымъ историческимъ выводомъ, и болѣе детальное разсмотрѣніе тѣхъ противорѣчій и той несогласованности, въ которую впадали древнерусскіе юристы, подводя подъ одно и то же наименованіе акты очень отличные другъ отъ друга, можетъ повести къ дальнѣйшимъ небезъинтереснымъ конкретнымъ наблюденіямъ въ исторіи изучаемыхъ актовъ. Однако, въ данномъ случаѣ все-таки составленіе идеальнаго формуляра, а затѣмъ и весь послѣдующій процессъ, необходимый для классификаціи, будетъ несомнѣнно крайне затрудненъ и лишенъ надлежащей точности.

Затѣмъ, во-вторыхъ, можетъ оказаться, что актовъ, названныхъ даннымъ наименованіемъ самими ихъ составителями окажется крайне небольшое число,—одинъ-два. Составлять идеальный формуляръ по такому малому количеству матеріала очень затруднительно, такъ какъ прежде всего будетъ крайне трудно распредѣлять клаузулы на основныя и второстепенныя, ибо не будетъ для этого надлежащаго критерія; вѣдь такимъ критеріемъ должна являться *обязательность* присутствія данной клаузулы въ *каждомъ* актѣ даннаго наименованія, о чемъ мы не будемъ въ состояніи судить ни для одной клаузулы, если будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи всего только два-три случайныхъ акта даннаго наименованія. Тутъ построеніе идеальнаго формуляра приметъ крайне гипотетическій характеръ, а отсюда крайне гипотетичнымъ явится и весь послѣдующій процессъ классифицированія актовъ такого наименованія.

Изъ обоихъ вышеуказанныхъ неудобныхъ комбинацій есть нѣкоторый выходъ. Выходъ этотъ состоитъ въ обращеніи тогда къ классификаціи «юридической».

«Юридическая» классификація строится на томъ главномъ принципѣ, что въ существѣ разсматриваемыхъ актовъ заключаются несомнѣнно гражданско-правовые элементы; слѣдовательно, къ нимъ вполнѣ умѣстно примѣнить гражданскія юридическія нормы.

Если точно и опредѣленно уяснить конкретное содержаніе, смыслъ той сдѣлки, которую закрѣпляетъ каждый изъ разсматриваемыхъ актовъ, то, несомнѣнно, явится возможность сопоставить каждый актъ въ данномъ раскрытомъ содержаніи имъ закрѣпленной сдѣлки съ тѣмъ или инымъ юридическимъ современнымъ представленіемъ—понятіемъ о тожественной по смыслу сдѣлкѣ, а затѣмъ подвести данный актъ подъ тотъ современный юридическій терминъ, какимъ нынѣ называется юридическій актъ, тожественный изучаемому по смыслу закрѣпляемой сдѣлки. Такимъ образомъ, всѣ раз-

сматриваемые акты будутъ распредѣлены по тѣмъ разновидностямъ частноправовыхъ актовъ, которыя имѣются въ современной юридической практикѣ и теоріи. Конкретно установивъ нѣсколько такихъ группъ, по которымъ, сообразно вышеизложенному, распредѣлятся всѣ подлежащіе разсмотрѣнію акты, тѣмъ самымъ мы и произведемъ юридическую классификацію этихъ актовъ.

Итакъ, «юридическое» классифицированіе актовъ слагается изъ слѣдующихъ моментовъ въ ихъ постепенной послѣдовательности. Во-первыхъ, надо по возможности точно и опредѣленно, выяснить сущность сдѣлки, закрѣпляемой даннымъ актомъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, эту опредѣленную въ ея сущности сдѣлку, закрѣпляемую даннымъ актомъ, надо подвести подъ то или иное гражданско-правовое современное понятіе о томъ или иномъ родѣ, типѣ сдѣлокъ. Наконецъ, въ-третьихъ, надо отнести данный актъ къ группѣ, которая будетъ носить современное юридическое названіе акта, нынѣ закрѣпляющаго такія сдѣлки, подъ понятіе о которыхъ была подведена сущность сдѣлки классифицируемаго акта. Выяснивъ, напримѣръ, что сущностью сдѣлки въ одномъ изъ изучаемыхъ актовъ является продажа монастыремъ одному частному лицу участка пахотной земли, затѣмъ, имѣя въ виду, что въ современной юридической теоріи имѣется *понятіе* о сдѣлкѣ, въ существѣ тожественной, именуемой куплей-продажей; наконецъ, принявъ во вниманіе, что нынѣ акты, закрѣпляющіе такого рода сдѣлку купли-продажи, каковая имѣется одинаково и въ нашемъ актѣ, и въ современномъ понятіи о куплѣ-продажѣ, носятъ названіе «купчихъ», мы и причислимъ разсматриваемый актъ (какъ и всѣ другіе ему подобные) къ одной и той же группѣ, къ группѣ «купчихъ».

Однако, въ вышеочерченномъ процессѣ могутъ быть затрудненія двоякаго рода; во-первыхъ, затрудненіе непосредственное, болѣе очевидное, а во-вторыхъ, затрудненіе не столь очевидное, скрытое, но потому, можетъ-быть, особенно опасное.

Первое затрудненіе состоитъ въ томъ, что въ современной юридической терминологіи—точнѣе въ современныхъ юридическихъ представленіяхъ—можетъ не оказаться понятія о томъ видѣ частноправовыхъ отношеній, который оказывается регистрированнымъ сдѣлкой, составляющей содержаніе изучаемаго акта. Грубый и яркій примѣръ этому можно найти въ частноправовомъ актѣ древней Руси, называемомъ его составителями «служилой кабалой». Этимъ актомъ въ запечатлѣваемой имъ сдѣлкѣ устанавливаются такія личнозависимыя отношенія одного лица къ другому, которыя, не находя себѣ мѣста въ современной дѣйствительности, не находятъ потому себѣ мѣста среди тѣхъ частноправовыхъ отношеній, которыя имѣются

въ виду современной юридической мыслью, а потому никакихъ, даже близкихъ по значенію соотвѣтственныхъ понятій современной юридической мысли тоже не существуетъ; слѣдовательно, тутъ классифицированіе даннаго акта указываемымъ способомъ будетъ крайне затрудненнымъ, невозможнымъ въ его точномъ выполненіи.

Кромѣ того, возможно еще одно затрудненіе при примѣненіи «юридической» классификаціи, въ которомъ есть нѣкоторая опасность для изслѣдователей; возможенъ случай, что содержаніе, сущность сдѣлки, запечатлѣнной актомъ, не будетъ находить себѣ полнаго тожества ни съ однимъ современнымъ частноправовымъ понятіемъ; неизбѣжно тогда придется сознательно подвести сущность запечатлѣнной изучаемымъ актомъ сдѣлки подъ какое-либо современное юридическое понятіе о сдѣлкѣ, отмѣчаемой даннымъ актомъ,—только приближенно. Эта приблизительность можетъ быть, конечно, бо̀льшая или меньшая; — эта приблизительность, однако, всегда опасна въ томъ отношеніи, что классифицированіе акта уже получается неточнымъ вообще и еще болѣе неточнымъ относительно, такъ какъ, естественно, подъ одну и ту же рубрику при такихъ условіяхъ могутъ подойти акты между собой очень сильно расходящіеся въ своемъ основномъ содержаніи, хотя приближенно оба съ разныхъ сторонъ подходящіе къ основанію классификаціи, т. е. къ тому или иному современному юридическому представленію.

Такимъ образомъ, надо соблюдать большую осторожность при приближенномъ классифицированіи, чтобы не сдѣлать по существу всю классификацію *слишкомъ* приближенной и тѣмъ самымъ ее не обезцѣнить.

Классифицированіе, произведенное «юридическимъ» вышеочерченнымъ путемъ, и классифицированіе тѣхъ же актовъ, произведенное «исторически», могутъ при сопоставленіи и надлежащей оцѣнкѣ дать болѣе прочные результаты въ сомнительныхъ или затруднительныхъ случаяхъ сравнительно съ классифицированіемъ только по какой-либо одной изъ этихъ системъ. Очень трудно перечислить или намѣтить всѣ возможныя комбинаціи такого двойного классифицированія. Для примѣра можно привести такой случай, когда количество актовъ, себя ясно именующихъ, будетъ мало, а потому, слѣдовательно, результаты «исторической» классификаціи будутъ весьма сомнительны. Тогда слѣдуетъ произвести и «юридическую» классификацію данной группы актовъ; и если окажется, что результаты обѣихъ классификацій будутъ близки или тожественны въ томъ, что характеръ сдѣлки, закрѣпляемой актами даннаго наименованія будетъ сходно опредѣляемъ при обѣихъ классификаціяхъ, то ясно, что на такомъ результатѣ можно до нѣкоторой степени утвердиться.

Съ другой стороны,—если вышенамѣченные результаты обѣихъ произведенныхъ классификацій не будутъ сходны, то наиболѣе точнымъ будетъ несомнѣнно результатъ той классификаціи, при примѣненіи которой встрѣтилось наименьшее число и наименьшей интенсивности вышенамѣченныхъ затрудненій.

Конечно, могутъ быть случаи, когда и путемъ другой классификаціи нельзя будетъ добиться болѣе или менѣе прочныхъ результатовъ, если затрудненія будутъ достаточно велики при примѣненіи какъ той, такъ и другой системы классифицированія. И тутъ уже придется оставаться исключительно въ сферѣ болѣе или менѣе оправдываемыхъ гипотезъ.

Когда классифицированіе закончено, то тѣмъ самымъ уже въ главнѣйшихъ, первичныхъ этапахъ произведено и изученіе, изслѣдованіе классифицированныхъ актовъ.

Устанавливая идеальный формуляръ для актовъ даннаго вида,—наименованія,—выясняя эволюцію этого формуляра,—если таковая имѣла мѣсто, — мы тѣмъ самымъ уже опредѣляемъ формальную сущность даннаго вида актовъ, пріобрѣтаемъ знаніе о ихъ (этихъ актовъ) существѣ, о ихъ внутреннемъ содержаніи и о той эволюціи, которую это существо актовъ даннаго вида пережило въ теченіе времени. Выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ несомнѣнно будетъ уже выполненіемъ задачъ собственно изученія актовъ. Затѣмъ, устанавливая распредѣленіе клаузулъ по ихъ родамъ, мы тѣмъ самымъ отвѣчаемъ на вопросы,—для каждой данной разновидности актовъ,—о томъ, каковы въ ихъ взаимномъ отношеніи, и вообще въ ихъ роли въ данномъ актѣ тѣ или иныя клаузулы, т.-е. тѣ или иные моменты, слагающіе собой данную сдѣлку и основное содержаніе изучаемой разновидности актовъ; иными словами, мы изучаемъ при этомъ существо актовъ данной разновидности въ его составныхъ частяхъ. Наконецъ — въ третьихъ, — опредѣляя при подобной классификаціи сущность сдѣлки, заключаемой актами данной разновидности, мы тѣмъ самымъ входимъ въ разсмотрѣніе правового сознанія составителей актовъ, т.-е. разсматриваемъ данные акты съ точки зрѣнія исторіи древнерусской гражданскоправовой мысли (а не съ точки зрѣнія современной намъ юридической нормы). А отсюда уже вообще открываются возможности къ дальнѣйшему, болѣе углубленному, спеціальному изученію актовъ съ историко-юридической точки зрѣнія.

Всѣ вышенамѣченные моменты, которыхъ приходится касаться и которые приходится разрабатывать еще при процессѣ классифицированія, слѣдовательно, въ то же время являются и моментами, относящимися уже собственно къ изученію актовъ.

Однако, самое изученіе актовъ можно вести и далѣе, болѣе детально, если перейти къ изслѣдованію отдѣльныхъ клаузулъ въ исторіи ихъ развитія. Такое изученіе отдѣльныхъ клаузулъ несомнѣнно возможно и должно быть проводимо въ случаѣ надобности.

Каждая данная клаузула обычно можетъ измѣняться трояко: 1. или она видоизмѣняетъ свое содержаніе во всемъ своемъ цѣломъ; 2. или она расчленяется на нѣсколько новыхъ клаузулъ; 3. или она уничтожается въ самостоятельномъ бытіи, сливаясь въ одно съ какой-нибудь другой клаузулой. Такого рода видоизмѣненія могутъ происходить или во времени, или въ пространствѣ. Конечно, всѣ эти измѣненія могутъ очень варіироваться въ своихъ частностяхъ. Такимъ образомъ является возможнымъ построеніе исторіи какой-либо отдѣльной клаузулы той или другой разновидности актовъ. Тутъ на первый планъ выступаетъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ выраженій и словъ въ ихъ присутствіи или отсутствіи въ связи съ тѣмъ, какъ это присутствіе или отсутствіе вліяетъ на самый смыслъ клаузулы.

И тутъ, какъ и вездѣ, необходимо наблюсти по возможности зависимость отъ времени, мѣста или еще какихъ-либо иныхъ условій, могшихъ играть роль причины, вродѣ «канцеляріи», соціальнаго положенія контрагентовъ и т. п.

Въ заключеніе позволю себѣ въ немногихъ словахъ остановиться на основныхъ техническихъ пріемахъ, которыми можно выполнить вышенамѣченныя задачи въ основной ихъ части.

Во-первыхъ, для того, чтобы имѣть возможность на дѣлѣ произвести классифицированіе актовъ,—какъ «историческое», такъ и «юридическое»,—и чтобы удобно регистрировать его результаты, не безполезно прибѣгнуть къ системѣ индивидуальныхъ карточекъ, т. е. всѣ необходимыя свѣдѣнія о каждомъ данномъ актѣ заносить на отдѣльную карточку въ соотвѣтствующихъ графахъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Во-вторыхъ, важнымъ пріемомъ практическаго осуществленія классификаціи является составленіе таблицъ клаузальнаго состава актовъ. Такая таблица должна заключать въ себѣ всѣ акты, въ схематическомъ видѣ расчлененные на ихъ составляющія клаузулы, всѣ акты даннаго наименованія, если это—классификація «историческая», или всѣ акты даннаго гражданско-правового пріуроченія, если это—классификація «юридическая». Эта таблица прежде всего дастъ возможность выявить идеальный формуляръ актовъ даннаго наименованія при классифицированіи историческомъ. Она сразу покажетъ, во-первыхъ, какія клаузулы встрѣчаются *непремѣнно*, неизбѣжно во всѣхъ актахъ, занесенныхъ въ таблицу; а, во-вторыхъ, эта же таблица покажетъ и тотъ *обычный* порядокъ, въ которомъ распредѣляются въ актѣ основныя клау-

зулы, т. е. мы будемъ такимъ образомъ имѣть въ рукахъ всѣ данныя для построенія идеальнаго формуляра актовъ даннаго наименованія. Если такого формуляра установить будетъ нельзя, или онъ окажется такъ или иначе измѣняющимся во времени и пространствѣ, то и это возможно будетъ установить именно съ помощью той же таблицы, или съ помощью ея модификацій, состоящихъ въ распредѣленіи актовъ, въ нее занесенныхъ, по различнымъ признакамъ: топографическимъ, хронологическимъ, соціальнымъ въ отношеніи участниковъ сдѣлки, по роду той «канцеляріи», откуда акты вышли и т. п. Такимъ образомъ такого рода таблица является надежнымъ орудіемъ для опредѣленія и построенія идеальнаго формуляра той или иной разновидности акта.

При юридической классификаціи, давая схематическую цѣльную картину всѣхъ отдѣльныхъ актовъ, подобная таблица поможетъ быстрѣе, — и главное точнѣе, — благодаря присутствію однѣхъ и отсутствію другихъ клаузулъ, разобраться въ возможности вообще и въ правильности въ частности подведенія всѣхъ зарегистрированныхъ въ таблицѣ актовъ подъ то или иное современное гражданскоправовое понятіе. Слѣдовательно, при юридической классификаціи роль такого рода таблицъ будетъ ролью очень важнаго орудія для болѣе точнаго выясненія содержанія каждаго отдѣльнаго акта и тѣмъ самымъ—для болѣе точнаго отнесенія его въ ту или иную группу.

Нѣкоторыя замѣчанія о дипломатическомъ анализѣ частнаго документа.

М. Н. Смирновъ.

Русскіе историки мало интересуются спеціально дипломатическими вопросами; русская историческая литература не можетъ похвалиться ни однимъ трудомъ подобнымъ компендіумамъ западныхъ дипломатистовъ. Сталкиваясь съ обстоятельствами, требующими примѣненія спеціальныхъ средствъ дипломатическаго анализа, мы лишь съ завистью взираемъ на чужое богатство и едва-ли всегда критически прилагаемъ къ своему матеріалу пріемы, выработанные въ иныхъ условіяхъ и для иныхъ явленій. Одна изъ причинъ этой скудости лежитъ въ малой продолжительности нашей дипломатической исторіи, другая—въ нѣкоторыхъ особенностяхъ самой науки. Слѣдствіемъ первой является неустойчивость формуляровъ, отсутствіе отлившихся, законченныхъ канцелярскихъ типовъ даже въ области публичныхъ документовъ; слѣдствіемъ второй—затруднительность, а иногда и невозможность перенесенія чужихъ навыковъ работы. Тѣмъ не менѣе дипломатическая обработка русскаго матеріала настоятельно необходима и *возможна*. Превосходнымъ подтвержденіемъ этого служитъ работа А. С. Лаппо-Данилевскаго о служилыхъ кабалахъ [1]). Опираясь постоянно на эту статью, какъ на матеріалъ, исходя изъ нея какъ идейно руководственной, я попытаюсь установить нѣкоторыя предпосылки *необходимости* особаго дипломатическаго анализа примѣнительно къ русскимъ частнымъ актамъ.

---

[1]) Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Стр. 719—764.

I.

Обычно дипломатику считаютъ наукой вспомогательной. Говорятъ, что она должна дать исторіи особый матеріалъ-документы [1]), очищенные отъ всякихъ подозрѣній въ подложности и сомнѣній въ подлинности. Дипломатисты-бенедиктинцы Мабильонъ, Dom Toustin и Dom Tassin прямо говорятъ, что дипломатика есть «ars discernendi diplomata vera ac falsa». Giry пишетъ: «Дипломатистъ имѣетъ объектомъ примѣненіе критическихъ пріемовъ къ значительной группѣ источниковъ исторіи—къ дипломамъ, хартіямъ, актамъ и контрактамъ различнаго рода, судебнымъ дѣламъ, свиткамъ хартуларіямъ, описямъ и т. п.». Такъ же опредѣляетъ предметъ дипломатики и Bresslau. «Задача науки о документахъ или дипломатики заключается въ томъ, чтобы установить цѣнность документа какъ историческаго свидѣтельства (Zeugnisse). Въ силу этого на первое мѣсто она ставитъ задачу опредѣлить подлиненъ документъ или подложенъ». Steinacker, цитировавшій бенедиктинцевъ, какъ будто расширяетъ область научнаго воздѣйствія дипломатики. Приведя выраженіе Мабильона, онъ говоритъ: «Теперь однако наука о документахъ значительно переросла задачу различать истинные и подложные документы; она стремится установить общія условія возникновенія какъ настоящихъ, такъ и поддѣльныхъ документовъ, благодаря чему прежде всего становится возможнымъ ихъ правильное и исчерпывающее примѣненіе въ историческомъ и юридическомъ отношеніи. Она пользуется при этомъ кромѣ и раньше тѣхъ критеріевъ, которые даются ей исторіею, исторіей права и языкознаніемъ, еще и точными признаками, получаемыми изъ внѣшней и внутренней формы документа, работа надъ которыми составляетъ ея особую задачу и требуетъ особыхъ дипломатическихъ методовъ» [2]).

---

[1]) Оговорюсь заранѣе, что всякую грамоту я буду называть «документомъ». Нѣмецкіе дипломатисты пользуются терминомъ «Urkunde», французскіе словомъ «acte», въ Россіи издавна повелось употреблять выраженіе «актъ». «Акты историческіе», «Акты юридическіе», «Акты до юридическаго быта относящіеся» и т. п. Я пользуюсь терминомъ «документъ», потому что онъ ближе подходитъ къ существу нашихъ древнихъ записей. Слово «Актъ» можетъ быть приложено ко всякому дѣйствію; въ его значеніи нѣтъ оттѣнка, указывающаго на какую-либо спеціальную дѣятельность. «Документъ», напротивъ, по значенію является болѣе узкимъ и въ то же время подчеркиваетъ дѣятельность, сводящуюся къ отмѣчанію, оставленію слѣдовъ, записыванію.

[2]) A. Meister, Grundriss der Geschichtswissenschaft B. I, L. I S. 235.

Но и въ этомъ опредѣленіи основой служитъ все та же старая мысль—приготовить документы для исторіи и исторіи права. А то новое, что отличаетъ взглядъ Steinacker'а отъ сужденій другихъ дипломатистовъ, не является по существу задачей дипломатики. «Изслѣдовать общія условія возникновенія документовъ» можетъ и должна исторія права. Тамъ, въ общей связи съ изученіемъ развитія юридической мысли, съ усвоеніемъ усовершенствованія и усложненія юридическаго быта, вполнѣ умѣстно и удобно такое изслѣдованіе. Дипломатика сама по себѣ никакихъ специфическихъ путей къ нему не имѣетъ.

Такимъ образомъ, чаще на дипломатику возлагаютъ обязанность представить провѣренный доброкачественный матеріалъ для обобщающихъ историческихъ дисциплинъ. Diplomatica—ancilla historiae, но она «служитъ» какъ самодовлѣющая наука со своимъ отграниченнымъ предметомъ и своими особенными методами и пріемами.

Не трудно видѣть, гдѣ лежатъ корни такихъ взглядовъ. Дипломатика создавалась для опредѣленныхъ практическихъ цѣлей. Эти практическія цѣли вполнѣ или въ большей части сводились къ обнаруженію подлога или доказательству подлинности документа. Эпоха Каролинговъ и ближайшія слѣдующія десятилѣтія были временемъ, когда чрезвычайно усилилось доказательное значеніе писанныхъ документовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножились попытки фальсификаціи таковыхъ. Необходимо было бороться съ поддѣлками, для чего прежде всего приходилось заняться изученіемъ внѣшнихъ признаковъ документа. Случайное и безсистемное вначалѣ, сводящееся къ простому заучиванію формулъ, это изученіе понемногу складывается въ связную систему. Является дипломатика, какъ комплексъ практическихъ пріемовъ распознаванія грамотъ.

Обстоятельства происхожденія дипломатики имѣли два основныхъ послѣдствія. Дипломатика поставила себѣ цѣлью оцѣнку внѣшнихъ достоинствъ документа—съ одной стороны, матеріаломъ дипломатическихъ штудій служили исключительно документы публичные, документы исходящіе отъ власти,—съ другой.

Содержаніе документа, конечно, интересовало дипломатиста, но не само по себѣ, а лишь какъ вспомогательное средство для внѣшней критики, какъ одинъ изъ путей, по которому иногда можно было добраться до «одобренія» или «охужденія» разсматриваемаго документа. Болѣе того, къ содержанію подходили презумируя его малую цѣнность; оно становилось важнымъ, значительнымъ и исторически-корректнымъ лишь тогда, когда спеціальная дипломатическая критика возводила документъ на степень или исто-

рическаго источника или безспорнаго доказательства чьихъ-либо притязаній. Чѣмъ больше опредѣлялась связь между историческими явленіями тѣмъ, конечно, большее мѣсто занималъ анализъ содержанія въ схемѣ дипломатическихъ пріемовъ, пока, наконецъ дипломатисты не стали имъ заниматься почти столько же, сколько и внѣшними качествами документа. Теперь Bresslau уже безоговорочно заявляетъ: «Едва-ли менѣе важна вторая часть этой задачи—интерпретація документа». А отсюда онъ дѣлаетъ и дальнѣйшій выводъ, что всякій дипломатистъ долженъ быть историкомъ. Но и при такомъ значительно расширенномъ пониманіи дипломатики, первѣйшей и исключительной задачей ея пока все же остается оцѣнка различныхъ доказательствъ достовѣрности документа.

Эта задача неразрывно связана съ матеріаломъ, которымъ преимущественно занималась дипломатика.

Документы публичные, издаваемые правительственной властью—они прежде всего привлекаютъ вниманіе дипломатиста. Каждый такой документъ представляетъ какъ бы отдѣльное историческое явленіе. Въ свою эпоху онъ явился одной изъ силъ, слагающихъ историческое движеніе, а можетъ быть даже и единственной силой. Такой документъ важенъ потому, что онъ единый, неповторяемый и незамѣнимый—составной элементъ того или другого періода. Отнять отъ исторіи этотъ документъ значитъ—вырвать основное звено изъ цѣпи взаимодѣйствующихъ фактовъ, именно то звено, которое начинаетъ и держитъ всю цѣпь. Документъ, обосновывающій привилегіи церкви, города или владѣтельнаго лица, актъ о престолонаслѣдіи, государственный договоръ, папская булла, конституція принцепса, манифестъ короля, постановленія сейма и т. д.—всѣ эти документы цѣнны сами по себѣ, ибо они являются цѣльными историческими событіями. Даже независимо отъ практическихъ цѣлей, установить ту или иную черту, тотъ или иной признакъ по отношенію къ такому документу, значитъ приблизиться къ изображенію исторической истины. И несравненно, конечно, большее значеніе каждая самая мелкая подробность имѣетъ для практики. Всякая мелочь пріобрѣтаетъ огромный смыслъ, если она даетъ возможность принять или отвергнуть документъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ права или притязанія, какія на немъ основываются. Отсюда съ несомнѣнностью вытекаетъ потребность установленія внѣшнихъ признаковъ—даты, стиля, печати, матеріала документа. Въ этихъ только признакахъ, независимо отъ содержанія, кроется отвѣтъ на основной вопросъ—дѣйствителенъ или подложенъ документъ.

Въ дальнѣйшемъ рядъ отдѣльныхъ наблюденій въ особенности

надъ формой изложенія позволяетъ установить нѣкоторыя общія характеристики. Устанавливаются характерныя, болѣе или менѣе постоянныя формулы, подмѣчается порядокъ ихъ сочетаній, такъ называемый формуляръ. Наблюденія здѣсь идутъ соотносительно самому развитію исторіи документа. Канцелярскіе навыки устанавливаются не скоро, но они въ концѣ концовъ устанавливаются; форма акта не сразу становится принудительной, но когда-нибудь она опредѣляется и обязываетъ послѣдующія поколѣнія писцовъ. Дипломатистъ, уловившій это постепенное нарастаніе формализма, датировавшій его по возможности болѣе опредѣленно, связавшій кажущіяся случайными колебанія формы съ различными канцеляріями или съ различными періодами одной канцеляріи,—такой дипломатистъ имѣетъ въ своихъ рукахъ хорошее и въ сущности единственное средство удостовѣрить «темный» документъ.

Такимъ образомъ, документы публичные выдвигали потребность въ особомъ анализѣ, въ изученіи внѣшнихъ признаковъ. Содержаніе, взятое подъ подозрѣніе, выступающее въ качествѣ подсудимаго, не могло, понятно, служить основаніемъ для доказательствъ. Затѣмъ, однако, и содержаніе начинаетъ привлекать вниманіе изслѣдователей-дипломатистовъ. Изучающему формуляръ документа трудно было удержаться въ сферѣ внѣшнихъ наблюденій. Стилистическая послѣдовательность влекла за собой послѣдовательность логическую, анализъ формы приводилъ къ анализу содержанія. Да и помимо этого принудительнаго интереса у каждаго дипломатиста несомнѣнно должно было быть стремленіе знать условія происхожденія извѣстныхъ группъ документовъ, чтобы болѣе цѣлесообразно и соотвѣтственно примѣнить средства своего анализа. Получилось то захватываніе чужихъ областей, о которомъ въ частномъ случаѣ говоритъ Giry. Il ne serait pas possible d'étudier en détail et d'analyser les conditions et les clauses des chartes de vente sans empiéter sur le domaine juridique» [1]). Но разъ таковой «захватъ» осуществлялся, область научнаго притяженія дипломатики значительно увеличивалась. Въ сферу дипломатическаго изученія попадала сравнительно обширная группа частныхъ документовъ.

Между документами публичными и частными существуетъ значительное и принципіальное различіе. Публичный документъ, какъ я отмѣтилъ, является такимъ историческимъ явленіемъ, установленіе признаковъ котораго важно само по себѣ. Признаки ищутъ потому, что необходимо вычеканить цѣлостный историческій фактъ, заполнить пробѣлъ, существующій въ томъ или иномъ сцѣпленіи.

---

[1]) Giry. Manuel de Diplomatique, p. 839.

Поэтому стремятся достигнуть не только основного знанія подлинности, но и неоспоримаго установленія всѣхъ мелочей важныхъ для важнаго цѣлаго. Иное представляетъ документъ частный. Какъ индивидуальное явленіе, онъ въ большинствѣ случаевъ цѣны не имѣетъ. Для усвоенія основныхъ линій и направленій прошлаго намъ необходимо знать, напримѣръ, какъ мобилизовалась земельная собственность. Для отвѣта на такой вопросъ знаніе характера и количества сдѣлокъ на землю имѣетъ первостепенную важность. Намъ необходимо имѣть свѣдѣнія о задолженности той или иной группы населенія. Всѣ документы, отражающіе таковую задолженность, должны быть приняты во вниманіе и детально изучены. Мы интересуемся далѣе тѣми формами, въ которыя отливались такія или иныя сдѣлки. Безъ соотвѣтствующихъ документовъ нельзя сдѣлать ни одного шага. Но въ то же время какой научный интересъ могъ бы побудить насъ установить въ точности и подробности всѣ внѣшніе признаки данной сдѣлки? Какое значеніе можетъ имѣть то, что вотъ это имущество продала «вдова Домна Юрьева дочь Марковская жена Станочникова» «Тимофею Максимову сыну кузнецу», а другое «Власей Ѳедоровъ сынъ, масленикъ съ Варецкіе улицы», «Мирону Андрееву сыну, мельничному засыпщику». Или что Артемій Алексѣевъ сынъ Гайтиновъ отдаетъ Григорію Харитонову сыну Кармыку за долгъ въ 5 рублей «гнѣдого своего коня съ Мухортиною Нагойскаго семи лѣтъ, грива направо съ отмѣтомъ, отмѣтъ къ ушамъ, лѣвое ухо порото, правая ноздря порото жъ, на лѣвой щекѣ прутъ, на правой сторонѣ сѣдельная подпарина» [1]. Очевидно, что для историка или историка права такія подробности интереса не представляютъ. И исторія вообще потонула бы въ «интенсивномъ и экстенсивномъ многообразіи» матеріала, если бы попыталась когда-либо индивидуализировать и отдѣльно изучать каждую дошедшую въ документахъ до нашего времени сдѣлку и всякое отношеніе. Всѣ документы, отражающіе частныя сдѣлки, таковы, что по самому существу своему не подлежатъ отъединяющему изученію.

Но если такъ обстоитъ дѣло вообще по отношенію къ частнымъ документамъ, то тѣмъ менѣе умѣстна для нихъ основная прежде задача дипломатики diplomata vera ac falsa discernendi. Эта центральная операція дипломатической науки по отношенію къ частнымъ актамъ въ большинствѣ случаевъ невозможна. Документъ, изданный свѣтской или духовной властью, всегда бываетъ отмѣченъ

---

[1]) Н. Селифонтовъ. Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII ст. В. А. Даудова. Прилож. № 78.

столь многими неповторяемыми чертами своеобразія, что опредѣленіе его подлинности возможно, хотя и затруднительно иногда. Его происхожденіе уже даетъ ту отправную точку, ту руководящую нить, которая послѣ извѣстныхъ стараній приводитъ къ потребному заключенію. Недаромъ нѣмецкіе дипломатисты называютъ эти документы «документами извѣстной руки» (bekannter Hand).

Другое дѣло «документы неизвѣстной руки» (unbekannter Hand). Какія-то дѣйствительно безвѣстныя лица, безъ остатка поглощенныя рѣкой времени, вступили въ сдѣлку. Невѣдомый писецъ составилъ документъ, который дошелъ до насъ. Какія данныя могутъ предоставить намъ возможность сказать, что этотъ документъ писанъ именно контрагентами, а не сфабрикованъ какимъ-нибудь «подпищикомъ, человѣкомъ убогимъ, кормящимся перомъ», который между дѣломъ промышляетъ и подлогами, составляетъ «нарядныя записи» [1]). Счастливый случай можетъ, конечно, довести до насъ указаніе на подложность той или иной грамоты. Такъ именно обстоитъ дѣло съ нѣкоторыми документами, фигурирующими въ судномъ дѣлѣ Шереметева съ кн. Токмаковыми и кн. Ноздроватымъ 1547 г. [2]). Это дѣло сохранило намъ не только документы, но и драматическую сторону изловленія «подпищика» in flagrante delicti. Но это дѣло не болѣе какъ рѣдкое или, правильнѣе сказать, рѣдчайшее исключеніе. Въ остальныхъ случаяхъ мы останавливаемся передъ полной невозможностью возстановить обстоятельства происхожденія документа. Давно потерялись въ прошломъ контрагенты праваго дѣла или участники какой-нибудь «хитрости»; давно оборвались связи ихъ съ послѣдующими событіями и случайные реликвіи ихъ дѣяній—документы—лежатъ передъ нами нѣмыми свидѣтелями, обреченными на вѣчное молчаніе.

И древній русскій слѣдственный процессъ, очевидно, твердо усвоилъ себѣ ту истину, что установить подлинность документа можно только тогда, когда живы непосредственные свидѣтели его составленія или писецъ, его написавшій. При отсутствіи такихъ сопричастниковъ сдѣлки рѣшить вопросъ о достоинствѣ документа можно только путемъ сопоставленій, косвенныхъ доказательствъ, не всегда возможныхъ, не во всякихъ обстоятельствахъ имѣющихся. До насъ дошло любопытное дѣло отъ половины XVI в., которое показываетъ, къ какимъ способамъ надо было прибѣгать даже въ ту близкую къ составленію документа пору для его оцѣнки. Шелъ споръ о землѣ, отвѣтчикъ отпирался. Тогда истецъ положилъ пе-

---

[1]) А. Ю. Б. № 52, V.

[2]) Тамъ же.

редъ судьями посильные — отвѣтчикъ отперся и отъ нихъ. Судьи спрашиваютъ послѣ этого: «по ищеи діяки, которые кабалы писали, кдѣ нынѣча?» — ищея отвѣчаетъ — послухи и діяки померли. Вмѣстѣ съ этимъ истецъ предъявляетъ рядъ документовъ по совершенно посторонним дѣламъ, но писанныхъ тѣми же дьяками. Судьи «писмо руки складывали» и удовлетворили искъ, потому что «письмо тѣхъ кабалъ руки и записныхъ діяковъ и послуховъ съ тѣми кабалами... руки сошлись» [1]). Съ подобнымъ же, очевидно, случаемъ встрѣчаемся мы въ правой грамотѣ Ѳерапонтову монастырю, относящейся къ самому концу XV ст. (ок. 1490 г.). Судьи, въ виду возникшаго сомнѣнія въ правильности грамотъ, говорятъ истцу: «далъ вамъ князь Иванъ Андреевичъ ту деревню Крохинскую, а князь Иванъ здѣ былъ на Бѣлѣозерѣ невотченъ; есть ли у васъ здѣсе на Бѣлѣозерѣ... иныя грамоты данные княжи Ивановы Андреевича, съ печатми со княжими и со дъячми подписми, которой вамъ дьякъ имянемъ подписалъ ту грамоту?.. И Еустратъ тако рекъ: мы, господине... иныхъ грамотъ княжихъ Ивановыхъ Андреевича данныхъ съ печатми не вѣдаемъ, а дьяка, господине, не вѣдаемъ же имянемъ, кто ту грамоту подписалъ, а печати намъ... княжы Ивановы Андреевичи и руки того дьяка негдѣ добывати» [2]).

Если, такимъ образомъ, было затруднительно устанавливать подлинность грамотъ во время близкое къ ихъ написанію, то почти совершенно невозможно сдѣлать это теперь. Но нужно ли это опредѣленіе подлинности? Нельзя возражать противъ такой цѣли, когда она ставится по отношенію къ публичнымъ актамъ, ибо тамъ знаніе достоинства документа есть въ большинствѣ случаевъ основная задача критической операціи. Безъ этой задачи и весь дипломатическій аналазъ потерялъ бы свое значеніе, могъ бы не существовать. Иное дѣло частный актъ. Здѣсь самый вопросъ о подлинности становится излишнимъ, ненужнымъ. Ибо здѣсь иной представляется задача изслѣдованія, другія цѣли ставитъ себѣ изслѣдователь. Подлинность частнаго документа въ отношеніи лицъ и событій нисколько не улучшаетъ его, какъ источникъ свѣдѣній о формахъ той или иной частно-правовой сдѣлки. Если бы на минуту представить себѣ, что всѣ дошедшіе до насъ документы безусловно подлинны, что ни одна запись не опорочивается какой-нибудь мошеннической продѣлкой, имѣвшей мѣсто при ея составленіи, эта опредѣленность не улучшила бы нашихъ знаній ни о формахъ сдѣлокъ, ни о существѣ отношеній, за этими формами скрывающихся.

---

[1]) Федотовъ-Чеховскій. Акты гражд. расправы. I. № 65, около 1550 г.
[2]) А. Ю. № 5. стр. 9. Срав. также А. Ю. № 13.

Мы бы только могли утверждать въ этомъ случаѣ, что всѣ Ивашки, которымъ документами приписывается совершеніе, скажемъ, купли, суть именно тѣ подлинные Ивашки, какіе въ дѣйствительности что-либо покупали. А всѣ Пахомки, по документамъ дававшіе взаймы деньги, дѣйствительно эти деньги давали. Бо́льшаго вывода сдѣлать изъ подлинности частнаго документа нельзя. Но этотъ выводъ по причинѣ «неисторичности» Ивашекъ и Пахомокъ почти никакого историческаго значенія не имѣетъ.

Поддѣлка правительственнаго акта обосновываетъ нашъ неправильный взглядъ на событіе, имѣющее историческое значеніе—поддѣлка частнаго акта такихъ событій совершенно не затрагиваетъ. Точно установить внѣшніе признаки указа о прикрѣпленіи крестьянъ—если таковой существуетъ — крайне необходимо и важно, ибо тогда мы будемъ знать и эпоху и лицъ, а слѣдовательно, и причины установленія новаго института. Едва-ли столь же точно надо знать, что именно 12 іюля 1687 года и именно «волной человѣкъ Пронка Полуехтовъ билъ челомъ въ кабальное холопство Андрею Сукину» [1]). Подлинна эта запись или подложна,—и Полуэктовъ не билъ челомъ въ холопство—въ обоихъ случаяхъ выводы о формѣ такихъ записей и содержаніи отношеній останутся одинаковыми... Нарядная запись въ сущности только то и обозначаетъ, что кто-то не вступалъ съ кѣмъ-то другимъ въ тѣ юридическія отношенія, которыя документомъ ему приписываются. Но далъ или не далъ одинъ деньги другому, купилъ или не купилъ первый у второго имущество это въ полной мѣрѣ безразлично для изученіи отношеній, складывающихся по куплѣ или займу.

Можно даже, выражаясь нѣсколько парадоксально, сказать, что частный актъ тѣмъ подлиннѣе, чѣмъ онъ болѣе подложенъ. Всякій поддѣлыватель, несомнѣнно, прежде всего стремится къ тому, чтобы его документъ сохранялъ всѣ реквизиты подлиннаго. Въ то время, какъ для честнаго контрагента суть и цѣль сдѣлки лежитъ въ измѣненіи отношеній, для «подпищика» ближайшая задача создать такой выполняющій всѣ требованія канона документъ, который бы ничѣмъ не отличался отъ подлиннаго, и вызывалъ бы въ силу этого необходимое измѣненіе отношеній. Факты, изложенные въ поддѣльномъ документѣ, конечно, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но отношенія, въ немъ изображенныя, теоретически вполнѣ достовѣрны. Для правосудія подложный документъ ничтоженъ, для дипломатики онъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и подлинный.

---

[1]) А. Ю. № 405.

Все дѣло въ томъ, что центръ тяжести изслѣдованія публичнаго документа заключается, если можно такъ сказать, въ установленіи «субъективной достовѣрности», тогда какъ для частнаго документа единственно важною представляется достовѣрность объективная. Въ первомъ случаѣ мы ищемъ мѣста, времени и лицъ, во второмъ почти пренебрегаемъ этими свѣдѣніями, направляя все свое вниманіе на типичныя черты отношеній. Такимъ образомъ, если содержаніе публичнаго документа разсматривается какъ цѣлое, какъ сумма, въ которую уже включенъ рядъ координированныхъ около опредѣленной грамоты признаковъ, — содержаніе частнаго акта само есть слагаемое, которое, сочетаясь съ подобными и будучи совершенно очищено отъ индивидуальныхъ признаковъ даетъ юридическое отношеніе, юридическій институтъ. Въ первомъ случаѣ операція сводится къ установленію и приписыванію единичнаго вполнѣ субъективнаго признака, во второмъ къ отвлеченію общихъ признаковъ отъ разнородныхъ конкретныхъ случаевъ.

Отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что пріемы работы съ частными актами должны какъ-то отличаться отъ пріемовъ изслѣдованія актовъ публичныхъ. Къ разнымъ цѣлямъ какъ-будто должны вести и разные пути.

А кромѣ того и своеобразный русскій матеріалъ требуетъ измѣненія общихъ методовъ. Московскій юридическій бытъ весь цѣликомъ складывался въ условіяхъ обычнаго правотворчества. Даже то внѣшнее въ быту, что прежде всего подвергается регламентаціи — форма документовъ — изъ-за неустойчивости и частой смѣны вѣдающихъ этимъ дѣломъ учрежденій, не консолидировалась еще въ болѣе или менѣе постоянные канцелярскіе шаблоны. Такимъ образомъ передъ нами своеобразный и по существу и по условіямъ своего появленія матеріалъ. Воспользоваться цѣликомъ тѣми пріемами, которые выработались въ западно-европеской дипломатикѣ примѣнительно къ публичнымъ актамъ, было бы совершенно неправильно. А въ то же время ясно сознается возможность воспринять богатый опытъ дипломатистовъ-публицистовъ и приспособить его къ анализу частныхъ документовъ. Больше того — эта возможность не только сознается, она иногда даже не будучи осознанной, и практически осуществляется.

Цѣлый рядъ русскихъ работъ, посвященныхъ различнымъ документамъ написанъ такъ, что поневолѣ вызываетъ мысль о примѣненіи клаузальнаго анализа. Такъ называемые «сводные или сведенные тексты» особенно въ этомъ случаѣ показательны. Не употребляя терминовъ дипломатической критики, не обосновывая

своихъ пріемовъ пріемами общими, не обнаруживая опредѣленно знакомства съ установившимися дипломатическими методами,—эти работы тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ пользуются путями дипломатиста. Больше всего посчастливилось въ отношеніи разработки публичнымъ актамъ, — вѣрнѣе одной группѣ ихъ — грамотамъ губнымъ, земскимъ, суднымъ. Ими занимались слѣдуя въ хронологическомъ порядкѣ: В. Ерлыковъ [1]), Ѳ. Высоцкій [2]), Н. Загоскинъ [3]). С. Шумаковъ [4]), Л. Сомовъ [5]). Уставныя грамоты Литовскаго государства описалъ М. Ясинскій [6]). Всѣ эти изслѣдованія содержатъ многочисленныя указанія дипломатическаго характера и почти въ полной мѣрѣ слѣдуютъ основнымъ требованіямъ нашей науки. Частные документы, хотя и рѣже, подвергались такой же обработкѣ. Д. М. Мейчикъ [7]) разсмотрѣлъ и описалъ грамоты XV и XVI в., К. Киндяковъ [8]) далъ обработку купчихъ, семинарій, проф. М. А. Дьяконова [9]) издалъ сводный текстъ крестьянскихъ порядныхъ. И здѣсь употреблены тѣ же самые пріемы расчлененія документа на клаузулы, сопоставленіе ихъ, указанія на различіе выраженій клаузулъ, установленіе формуляра.

Перечень этихъ работъ, конечно, не полонъ. Кромѣ изслѣдованій, занимающихся исключительно какой-нибудь группой документовъ, элементы дипломатическаго анализа даютъ и общія сочиненія по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи права [10]). Но и указаннаго достаточно, чтобы признать существованіе настоятельной потребности въ особой обработкѣ текста документовъ. Если какіе-то пріемы примѣняются даже ощупью — значитъ ихъ требуетъ самъ матеріалъ. Необходимо только ясно представить себѣ цѣль такого изученія и болѣе опредѣленно очертить пути, ведущіе къ ней.

---

[1]) В. Ерлыковъ. Сличенный текстъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ губныхъ грамотъ XVI и XVII в. М. 1846.

[2]) Ѳ. Высоцкій. Уставныя, судныя и губныя грамоты. Спб. 1860.

[3]) Н. Загоскинъ. Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Казань. 1875.

[4]) С. Шумаковъ. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства.

[5]) Л. Сомовъ. Опытъ систематическаго изложенія матеріала уставныхъ грамотъ. Кіевъ. 1914.

[6]) М. Н. Ясинскій. Уставныя грамоты Литовско-Русскаго государства.

[7]) Д. М. Мейчикъ. Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива Министерства Юстиціи.

[8]) К. Киндяковъ. Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Юридическихъ. Юридическій Сборникъ Д. Мейера.

[9]) М. А. Дьяконовъ. Сводный текстъ крестьянскихъ порядныхъ XVI в. Спб. 1910.

[10]) См. напр. И. Энгельманъ. О пріобрѣтеніи права собственности на землю.

II.

Дипломатика во всѣхъ случаяхъ имѣетъ дѣло съ документомъ. Наша русская юридическая практика сравнительно рано стала прибѣгать къ этой формѣ фиксаціи юридическаго отношенія. Мстиславовъ договоръ 1229 г. уже отмѣчаетъ роль писаннаго документа: «Что ся дѣетѣ по вѣремонемъ, то отиде то по вѣрьмьнемъ; приказано боудѣте добрымъ людемъ, а любо грамотою оутвердятъ, како то боудѣте всѣмъ вѣдомъ, или кто посль живый останѣться» [1]). Еще болѣе красочно выражаетъ ту же мысль Привилей мѣсту Менскому: «абы безрадствомъ и неуставичностью речей, который ижся напотомъ маютъ дѣяти, шкоды бы не было, уложили на то твердости листовъ свѣдецства укладаючи знамя, иж бы то было вѣчно» [2]). Писанный документъ есть такимъ образомъ ничто иное, какъ наилучшее средство для сохраненія и передачи потомству дѣяній предшествующихъ поколѣній. Эту мысль о преимущественной прочности написаннаго сохраняетъ почти всякій древній документъ, включая клаузулу—«въ томъ я сію и запись далъ». Авторъ документа какъ бы разсуждаетъ такъ. Все это сдѣлано мной, но дѣянія могутъ забыться со временемъ и вотъ я даю запись для вѣчнаго утвержденія, ибо письмо есть наилучшее средство для сохраненія того, что можетъ быть «свѣяно временемъ съ людской памяти».

Такъ понималась запись не только въ русскомъ юридическомъ бытѣ. «La première de mesure à prendre, пишетъ Giry, pour donner à un acte, à une decision, à une convention verbale, toute sa valeur, pour en conserver la memoire et en assurer l'execution, consistait à l'écrire». Это именно и отмѣчается включеніемъ клаузулы, аналогичной вышеприведенному выраженію русскихъ документовъ: hanc cartam fieri rogavi, или scripto commendari fecimus [3]). Иногда это выраженіе, имѣя въ виду подпись и приложеніе печати, включаетъ и мотивировку, почти совпадающую съ разсужденіемъ договора 1229 г. или Привилея. Ut autem hujus largitionis nostrae praeceptum per tempora labentia inviolabiliter conservetur veriusque ab omnibus credatur, manu propria subterfirmavimus... [4]).

---

[1]) Хрестоматія по исторіи русскаго права. М. Владимірскій-Будановъ. Вып. I, с. 113.

[2]) Сборникъ Муханова, стр. 95.

[3]) Giry. Manuel de diplomatique. p. 568.

[4]) Giry p. 575.

Сила и значеніе первыхъ документовъ въ томъ именно и заключается, что они представляютъ собой записи о событіи, юридическомъ событіи. Память человѣческая недостаточна, чтобы сохранить всѣ детали сдѣлки, да она и не вѣчна; сама сдѣлка не оставляетъ слѣдовъ. Документъ это единственный нетлѣнный, конечно относительно, повѣствователь о совершившемся «Учинки людскіи... съ прироженія своего кончаются», говоритъ Привилей, «но черезъ твердости листовъ ку вѣчности... приведены» [1]). Документъ это — γράμματα — написанное, то, чего по русской поговоркѣ нельзя вырубить топоромъ. Такимъ широкимъ и не дифференцировавшимся значеніемъ документа объясняются и нѣкоторыя, съ нашей точки зрѣнія, странности формы раннихъ документовъ, напримѣръ, составленіе купчей отъ лица покупателя [2]). Разъ этотъ документъ былъ только предварительнымъ или послѣдующимъ описаніемъ юридически-значительныхъ фактовъ, то не все ли равно откуда начинать это описаніе и въ какомъ порядкѣ его излагать. Если бы сохранившіеся до нашего времени документы всѣ были такими описаніями, мы имѣли бы возможность возстановить въ мельчайшихъ подробностяхъ весь юридическій ритуалъ. Но документъ подчиняется тѣмъ же законамъ формализма какъ и всякое юридическое явленіе. Свободный вначалѣ, вылившійся въ непринужденную форму описанія поступковъ сторонъ, онъ мало-по-малу кристаллизуется, дѣлается устойчивымъ, а затѣмъ и принудительнымъ, связывающимъ поведеніе контрагентовъ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ. развитіе права не разрушитъ его обветшалыхъ рамокъ и не замѣнитъ новыми. Такое направленіе развитія можетъ быть подмѣчено одинаково какъ въ документахъ русскихъ, такъ и въ документахъ европейскихъ. Вездѣ наступаетъ такой моментъ, когда форма не имѣетъ никакого другого оправданія, кромѣ окаменѣвшей традиціи, Въ раннихъ французскихъ актахъ употреблялось извѣстное выраженіе stipulatione subnixa. Нѣтъ сомнѣнія, что оно въ документѣ имѣло совершенно опредѣленный смыслъ. Но чѣмъ дальше отходили документы отъ своего первоисточника — римскаго права — тѣмъ все болѣе и болѣе этотъ терминъ утрачивалъ свое значеніе, оставаясь ненужнымъ, неимѣющимъ никакого смысла традиціоннымъ придаткомъ. Отсутствіе содержанія сказывалось даже въ графикѣ. Выраженіе stipulatione замѣнялось безсодержательнымъ

---

[1]) Сборникъ Муханова, с. 95.

[2]) Ср. И. Энгельманъ. О пріобрѣтеніи права собственности на землю. Стр. 64 и сл. В. Б. Ельяшевичъ. Очеркъ развитія формъ поземельнаго оборота въ Россіи. Извѣстія Спб. Политехническаго Института т. XVII с. 227 и сл.

astibulatione, extiblatione, constiblatione, istibulatione и др. И правильно замѣчаетъ Giry, что такая графика «temoigne de reste que les notaires n'attachaient plus à ce terme aucun signification [1]). Въ этомъ случаѣ документъ, очевидно, занялъ въ бытѣ положеніе близкое къ нормѣ. Добровольное соглашеніе контрагентовъ завершалось не свободно написанной грамотой, а документомъ, предопредѣленнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ и обязательнымъ въ цѣломъ формулярѣ.

Приведенныя значенія документа — это крайніе пункты его развитія. Но путь этого развитія былъ очень длиненъ и на немъ документъ пережилъ не одну стадію. Насъ, конечно, могутъ интересовать только первоначальныя эпохи его исторіи. Тѣ именно эпохи, когда документъ былъ всецѣло въ сферѣ воздѣйствія обычно правовыхъ понятій. Когда законъ сталъ регулировать и измѣнять обычай, когда всеохватывающая норма предписала правила составленія документа, когда центральное правительство, олицетворяя законъ, обязало всѣ подлежащія инстанціи составлять документы по выработаннымъ образцамъ — тогда, конечно, документъ пересталъ быть живымъ мѣняющимся организмомъ и превратился въ неподвижный формуляръ, ничего не говорящій дипломатисту. Эта выработка образцовъ усиленно производилась съ Петра [2]), нѣкоторые отдѣльные виды документовъ были нормированы и раньше [3]). Хотя, конечно, свободное составленіе документовъ кончилось не Петровымъ царствованіемъ. Оно имѣло мѣсто и въ эпохи позднѣйшія.

Мнѣ важно здѣсь особенно подчеркнуть, что дипломатистъ можетъ изучать лишь свободно и по произволенію сторонъ написанные документы. Нельзя себѣ представить, чтобы дипломатистъ могъ, напримѣръ, изучать современныя, написанныя у нотаріусовъ, купчія или теперешнія «заемныя кабалы»—векселя. Такіе документы не могутъ быть объектомъ научнаго интереса, ибо въ нихъ нѣтъ для этого основного качества—постоянства развитія. Иное дѣло документы обычно-правового періода. Они живутъ своей жизнью, они растутъ, питаясь новыми юридическими представленіями, и умираютъ, когда эти представленія находятъ для себя иныя формы. Мы изучаемъ такіе документы такъ же, какъ изучаемъ развитіе правовыхъ идей,

[1]) Op. cit. 374.

[2]) Указы 1701 генв. 30 П. С. З. № 1833 и 1703 ноября 6. Тамъ же № 2080. Въ 1738 г. іюня 8 опубликована Инструкція надсмотрщикамъ, которая содержитъ рядъ образцовъ для наиболѣе обычныхъ документовъ. П. С. З. № 7594.

[3]) Ср. А. С. Лаппо-Данилевскій. Служилыя кабалы. Сборникъ В. О. Ключевскому. Стр. 758.

нормъ, институтовъ, какъ изучаемъ измѣненія юридическаго быта или движенія юридической мысли. И вотъ, когда мы беремъ эти раннія эпохи въ исторіи документа, мы здѣсь находимъ рядъ модификацій, какъ въ пониманіи документа, такъ и въ самыхъ функціяхъ, которыя документъ выполняетъ. Можно представить себѣ, что документъ является простой записью о происшедшемъ, или предвосхищеннымъ описаніемъ того, что̀ должно произойти, или же записью волеизъявленій и обязательствъ, какія берутъ на себя стороны, вступающія въ сдѣлку. Возможенъ и четвертый случай, когда документъ такъ комбинируетъ въ себѣ различные элементы, что становится чѣмъ то совершенно особымъ, отличнымъ отъ перечисленныхъ выше. Отводная грамота, въ которой подробно описано все хожденіе по межѣ, всѣ межевые пункты и знаки — есть документъ перваго типа. Сюда же можно отнести и купчія, въ которыхъ содержится упоминаніе объ отводѣ земли. Ко второму типу относятся мировыя, мѣновныя. Къ третьему кабалы. Къ четвертому, наконецъ, могутъ быть отнесены тѣ купчія, въ которыхъ содержатся условія очистки или клаузула о выкупѣ, или условіе преимущественной покупки. Въ такомъ документѣ сочетаются и элементы описанія — прошлыхъ или будущихъ событій и элементы обязательствъ, отнесенныхъ иногда на очень далекое будущее.

Установить хронологическую смѣну этихъ типовъ нельзя. Они, не смѣняя другъ друга во времени, существовали всѣ вмѣстѣ, соотвѣтствуя различнымъ сдѣлкамъ. Можно подмѣтить одно только замѣтное хронологическое измѣненіе. Чѣмъ болѣе юридическій бытъ отходилъ отъ обычнаго права, тѣмъ болѣе раціонализировалось содержаніе документа. Конкретныя описанія сокращались, — ихъ мѣсто занимало обобщенное выраженіе постоянныхъ отношеній.

Необходимо отмѣтить, что какъ бы не представлять документъ, все равно,—онъ всегда явится непосредственнымъ сосѣдомъ соглашенія и ближайшимъ спутникомъ тѣхъ дѣйствій, которыя предпринимаются сторонами. Это обстоятельство обязываетъ выяснить два вопроса. Прежде всего — что̀ представляетъ документъ для сторонъ, которыя пришли къ какому то соглашенію и его записали. А затѣмъ—вопросъ болѣе сложный—какое мѣсто занимаетъ документъ въ цѣломъ юридическомъ отношеніи.

Отвѣчая на первый вопросъ, необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя особенности раннихъ кодексовъ и древняго законнаго права. «Московское законодательство, говоритъ Ключевскій, долго разрабатывало преимущественно формальное право, — судоустройство, а особенно судопроизводство... Скудость матеріальнаго права— извѣстная особенность обоихъ Судебниковъ... Право дѣйствовавшее,

установившееся, то, что̀ называлось стариной, старой пошлиной, жило въ народномъ обычаѣ, который лишь частично прорывался въ памятникахъ законодательства, въ общихъ и мѣстныхъ уложеніяхъ, уставахъ, а также и въ судебныхъ рѣшеніяхъ по частнымъ дѣламъ» [1]). Законъ, слѣдовательно, въ древнюю пору нашей правовой исторіи выступалъ лишь тогда, когда такъ или иначе сама законодательная власть была заинтересована или матеріально—въ формѣ судебныхъ сборовъ, или морально—желаніемъ установить порядокъ въ своихъ собственныхъ отправленіяхъ. Тамъ, гдѣ существовадъ лишь частный интересъ, тамъ господствовалъ безраздѣльно и непререкаемо обычай. Но передъ лицомъ обычая всѣ сдѣлки равны. Въ томъ, конечно, смыслѣ, что самый обычай слагается всегда изъ отдѣльныхъ дѣйствій, понемногу накопляющихъ типичное, а потому и обязательное въ концѣ концовъ отношеніе. Пока это отношеніе не установилось, пока нѣтъ «неписаннаго закона», до тѣхъ поръ всякая сдѣлка, во всѣхъ своихъ частяхъ, можетъ оказаться наиболѣе раціонально и соотвѣтственно времени построенной, а потому и можетъ сдѣлаться основаніемъ обычая. Слѣдовательно, каждая отдѣльная сдѣлка не можетъ быть квалифицирована, какъ правильная или неправильная, ибо всѣ онѣ одинаково равноцѣнны и одинаково правильны. Лишь оцѣнивая эти отношенія ретроспективно отъ послѣдне-установленнаго типа, мы можемъ произвести ихъ расцѣнку.

Если такимъ образомъ, даже общій ходъ правообразованія не выступаетъ въ роли браковщика отдѣльныхъ сконструированныхъ самими контрагентами отношеній, то тѣмъ большее значеніе и большую силу имѣютъ эти сдѣлки для сторонъ. Въ эпоху обычнаго права, когда вся правовая жизнь еще «безвидна и не устроена», когда она волнуется и кипитъ въ творящемъ процессѣ, тогда единымъ прочнымъ основаніемъ, единой твердью, является документъ. Ибо онъ есть ни что иное, какъ первичный элементъ соціальной прочности, какъ то зерно, изъ котораго потомъ вырастаетъ «древо закона». Документъ есть личный законъ. Контрагенты, чуждые до сихъ поръ другъ другу, отнынѣ, со времени написанія документа, связываются въ одно юридическое цѣлое. Документъ внѣшне выражаетъ эту связь, внутренно онъ ее организовываетъ. Поступки и дѣйствія сторонъ въ отношеніи объекта сдѣлки становятся закономѣрными или незаконными въ зависимости отъ того, соотвѣтствуютъ ли они документу или нѣтъ. Въ документѣ, отразившемъ и запечатлѣвшемъ волю сторонъ, и сами стороны и третьи лица имѣютъ

---

[1]) Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г. М. 1900. ст. XXVIII—XXIX.

правила поведенія, масштабъ правомѣрности въ отношеніи опредѣленнаго объекта. Такимъ образомъ, документъ есть казуистически выраженная норма, матеріальное (въ большинствѣ случаевъ) право, закрѣпленное для извѣстныхъ только лицъ и на извѣстное время.

Такъ, кажется мнѣ, смотрѣли на документъ и сами контрагенты. Именно тѣмъ, что они видѣли въ соглашеніи законъ, который не долженъ быть нарушенъ, объясняется своеобразіе санкціи этихъ соглашеній. Въ документахъ можно найти многочисленныя указанія на то, что нарушителю соглашенія, отступнику отъ договора, какъ и третьему лицу, чѣмъ нибудь помѣшавшему исполненію воли автора грамоты—грозитъ Божій судъ. Такая санкція особенно обычна въ данныхъ «а кто заложитъ игуменъ или попъ, а дастъ отвѣтъ передъ Богомъ въ день страшнаго суда» [1]. «А кто почнетъ вступатись или обидѣти... а на того Богъ и святый Іоаннъ Богословъ» [2]. Въ другихъ случаяхъ частныя соглашенія привлекаютъ въ качествѣ санкціонирующихъ — духовныхъ или свѣтскихъ властей, заинтересовывая ихъ извѣстной долей въ штрафѣ за нарушеніе. «А кто наступитъ на сій рядъ дастъ князю и посаднику двадцать гривенъ золота» [3]. «А кто сія порушитъ, даетъ князю и владыцѣ десять гривенъ золота» [4].

Если для обезпеченія и укрѣпленія частной сдѣлки привлекается такой сложный аппаратъ, какъ земная и небесная власть, то очевидно стороны считаютъ свои волеизъявленія столь же обязательными, какъ велѣнія Бога или постановленія правительственныя. Тотъ же выводъ можно сдѣлать и изъ наблюденія надъ другими способами санкціонированія частныхъ договоровъ. Торжественная обстановка межеванія, напримѣръ, клятвы, дернъ на головѣ и икона въ рукахъ, присутствіе при сдѣлкахъ особо уважаемыхъ старцевъ, различныя символическія дѣйствія — все это является не только обрядностью самой для себя, но, напротивъ, относится къ будущему — къ укрѣпленію совершающейся сдѣлки. Это та же санкція только предварительная. Торжественность обстановки должна внѣдрить въ сознаніе участниковъ мысль, что совершается нѣчто выходящее изъ рамокъ обыденной жизни, она должна подавить волю и сдѣлать ее неспособной къ нарушенію принятыхъ обязательствъ [5]. Можно сказать, что чѣмъ сложнѣе и торжественнѣе

---

[1]) А. Ю. № 110, IV.

[2]) А. Ю. № 110, VI.

[3]) А. Ю. № 257, II.

[4]) А. Ю. № 257, III.

[5]) Монастырскій ходатай по дѣламъ пишетъ объ этомъ значеніи обрядовой стороны такъ: «А мы, государь, о вашемъ съѣздѣ и о міру спрашива-

былъ весь обрядъ сдѣлки, тѣмъ болѣе ненарушимой хотѣли сдѣлать ее стороны, а слѣдовательно, тѣмъ большее значеніе придавали онѣ своему соглашенію. Такимъ образомъ документъ укрѣпляетъ сдѣлку какъ законъ. Но между документомъ и закономъ есть существенная для дипломатиста разница. Законъ обычно связываетъ въ опредѣленную юридическую фигуру идеально представленныя дѣйствія. Эти дѣйствія должны быть совершены, если сторонамъ понадобится та или другая сдѣлка. Разъ стороны пожелаютъ достигнуть какого нибудь юридическаго эффекта—онѣ обязаны совершить все, что̀ законъ координируетъ къ данной сдѣлкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиниться всѣмъ послѣдствіямъ, какія по закону изъ сдѣлки вытекаютъ. Иначе говоря, когда дѣйствуетъ законъ, возникаетъ нѣкоторая комплексная принудительность, принудительность цѣлаго. Человѣкъ, пользующійся закономъ, подобенъ аэндорской волшебницѣ. Онъ вызываетъ духа, но не всегда можетъ заставить его уйти назадъ и долженъ во многомъ подчиниться вызванной силѣ.

Документъ, какъ личный законъ, предусматриваетъ только конкретное. Онъ опредѣленно перечисляетъ все, что должны сдѣлать стороны. Перечень можетъ быть очень подробнымъ, обязанностей на того и другого контрагента можетъ быть возложено много, но не больше, чѣмъ указано въ документѣ. Документъ какъ бы вырѣзаетъ кусокъ подлинной жизни, производитъ въ этомъ кускѣ всѣ необходимыя перемѣщенія и ни на одну іоту не идетъ дальше, за предѣлы взятыхъ границъ. Его принудительность касается лишь оговоренныхъ заранѣе дѣйствій. Это принудительность не отвлеченнаго юридическаго цѣлаго, а только конкретныхъ отдѣльныхъ дѣйствій. Когда мы теперь слышимъ о куплѣ-продажѣ, передъ нами такъ настоятельно выростаетъ типичный, основанный на законныхъ предположеніяхъ, составъ сдѣлки, что мы не въ силахъ представить себѣ иную куплю-продажу. И если практика выдвигаетъ какую-либо новую форму этой сдѣлки, напримѣръ, куплю-продажу въ разсрочку, мы употребляемъ нѣкоторое усиліе, чтобы понять новое явленіе и уложить его въ привычныя схемы. Въ древнемъ документѣ о куплѣ-продажѣ всякая клаузула есть обязательная клаузула. Ни одну изъ нихъ мы не будетъ отрицать или утверждать,

лісь добрыхъ ведущіхъ людей, коіимъ дела за обычаи, какъ намъ на ніхъ біть челомъ о суде, і намъ добрые люді того не хвалятъ, что вы... во всемъ поміріліся передъ третьимі, і въ томъ де пріkладывалісь во всемъ и узерялісь у чюдотворцова гробу і образомъ образовались, і то онѣ намъ не хвалятъ, і біть-де вамъ челомъ на ніхъ въ томъ нельзѣ і не можно». Описаніе свитковъ Вологодскаго епархіальнаго древнехранилища. В. VI, с. 80.

исходя изъ общихъ понятій. Мы всѣ ихъ примемъ какъ конкретно данныя. Въ 1540 году Маминъ взялъ у Сафонова $2^1/_2$ рубля и заложилъ ему наволокъ «за ростъ... косити трава вся до сроку». «А не станутъ деньги на срокъ, то ся кабала и купчая грамота и отводная на тотъ наволокъ». Сафоновъ долженъ «давати» Мамину «на годъ на всякой по алтыну за дань, и за проторъ, и за службу, и за всякую харчь... и за ямскія деньги и за пищальныя и за всякія мылтасы». Изъ приложенныхъ отписей видно, что Сафоновъ платилъ «оброкъ» съ 1540 по 1557 г. Съ нашей точки зрѣнія, приспособленной къ типамъ, здѣсь нѣтъ ни чистаго заклада, ни чистаго найма имущества, а что то особое, отношеніе sui generis. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего типическаго. И съ этой стороны такая сдѣлка въ нашемъ современномъ правѣ не охватывала бы всѣхъ своихъ частей принудительностью типа. Съ точки зрѣнія документа, сдѣлка обязательна для сторонъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Точно также обязательна она и для насъ, изучающихъ правовую исторію. Мы не можемъ подойти къ древней сдѣлкѣ съ готовыми типичными схемами, мы должны брать ее какъ обязательный эмпирическій составъ. Представляя собою индивидуальную связь правовыхъ субъектовъ она служитъ лишь матеріаломъ для юридическихъ обобщеній, сама не будучи обобщенной ни въ какой части. Не логика отвлеченнаго представленія связываетъ ея части, а логика живого, конкретнаго, частнаго случая.

Такимъ образомъ документъ, являясь личнымъ закономъ, въ полной мѣрѣ сохраняетъ черты многообразія житейскихъ отношеній. Для даннаго случая онъ служитъ полнѣйшей характеристикой, для представленія о типѣ—цѣли всякаго юридическаго изслѣдованія—онъ только незначительное, случайное слагаемое. Такая двойственность придаетъ матеріалу особый характеръ и замѣтно отражается на всѣхъ дипломатическихъ пріемахъ.

Слѣдуетъ отмѣтить и еще одну черту документа. Онъ обладаетъ способностью расширять отношеніе за предѣлы его фактическаго состава. Обычно право, особенно въ раннемъ періодѣ существованія, тогда лишь и является правомъ, когда основывается на осуществленіи. Владѣніе идетъ всегда впереди права собственности и служитъ для него главнѣйшимъ основаніемъ. Новый собственникъ получаетъ имущество съ помощью реальной передачи (traditio). Только потомъ эта фактическая традиція замѣняется символической, но все же вещной (effestucatio, traditio per ramum, lignum, baculum, glebam, cespitem, bibliothecam etc.) Вообще, очевидно, отвлеченное представленіе о правѣ не укладывалось въ сознаніи нашихъ отдаленныхъ предковъ или, по крайней мѣрѣ, плохо ими восприни-

малось. Дѣйствіе, поступокъ, поведеніе, то, что непосредственно обнаруживалось чувствомъ, то было проще, понятнѣе, доступнѣе, а потому и обычнѣе. Но всѣ отношенія реализовать въ данное время было невозможно. Часто фактическое исполненіе должно было быть отложено. Въ этомъ случаѣ между «фактомъ» и «правомъ» образовывался разрывъ, который заполнялся только документомъ. Документъ являлся той недостающей реализаціей, которую нельзя было почему-либо осуществить. Написаніе документа и особенно подписаніе было дѣйствіемъ, замѣнявшимъ фактическое выполненіе сдѣлки. «Гдѣ моя рука, тутъ моя и голова, а руки нѣтъ, и ему до меня дѣла нѣтъ» [1]). Составленіе документа—ибо подпись есть только завершительный актъ — такимъ образомъ, сковывало волю контрагента. Вмѣстѣ съ приложеніемъ руки онъ отдавалъ и свою голову. Еще не происшедшее для него становилось какъ бы совершившимся. Такая замѣна дѣйствія документомъ позволяла расширить самую сдѣлку. Въ нее привступали элементы, юридическое значеніе коихъ было чрезвычайно широкимъ. Оно не ограничивалось только настоящими контрагентами, настоящимъ временемъ и данными дѣйствіями—оно распространялось на другое время, на совершенно другихъ лицъ и на иныя дѣйствія. Таковы клаузулы о выкупѣ, очисткѣ, преимущественной продажѣ; таковы вообще условія, наступленіе которыхъ было приведено въ зависимость съ фактами, точно не датирующимися. Нѣсколько поколѣній могли пройти черезъ жизнь, прежде чѣмъ получала практическое значеніе какая-либо клаузула стараго документа. До тѣхъ поръ она существовала наполненная юридическимъ содержаніемъ значительнымъ, но инертнымъ, ожидающимъ какого-нибудь толчка. Эта юридическая сила не могла бы существовать, если бы не было «вещной» формы ея выраженія. Скованная въ клаузулу документа, отпечатлѣнная во свидѣтельство всѣхъ третьихъ лицъ, она какъ бы консервировалась и сохранялась въ неприкосновенности на многіе годы. Пусть умрутъ всѣ добрые люди старожильцы, всѣ «видоки», документъ—«путь»—сохранитъ когда то заключенное условіе и приведетъ его къ желательной реализаціи. Очистка, напримѣръ, пишется такъ: «и ежели не очищимъ и какими мѣрами нашимъ неочищеніемъ тотъ мой дворъ... къ кому отойдетъ, и ему (покупателю) взять на мнѣ... и на женѣ моей и на дѣтяхъ и по мнѣ на наслѣдникахъ и на выкупщикахъ, тѣ свои данныя мнѣ деньги» [2])... Какой

---

[1]) Описаніе свитковъ Вологодскаго епархіальнаго древнехранилища. Вып. VI, ст. 54.

[2]) Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго Приказа Казанскаго дворца. Вып. IV, с. 443.

большой кругъ лицъ вовлекается этой клаузулой въ сдѣлку и вмѣстѣ съ тѣмъ на сколь продолжительное время она ихъ обязываетъ. Въ чемъ же обнаруживается эта связь между еще быть можетъ неродившимися наслѣдниками и пріобрѣтателемъ? Только въ документѣ, овеществившемъ волю сторонъ. Слѣдовательно и въ данныхъ свойствахъ документъ стоитъ на той самой грани, гдѣ кончается преходящее человѣческое дѣйствіе, исчезающій поступокъ, и начинается нетлѣнное, вѣчное право. Конечно, эти категоріи относительны. Но различеніе ихъ позволяетъ ближе подойти къ процессу образованія обычая, нормы, права и уже по одному этому представляется состоятельнымъ.

Такимъ образомъ, отвѣчая на первый вопросъ, мы можемъ сказать, что документъ естъ норма казуистическая, обязывающая только контрагентовъ данной сдѣлки. Благодаря этому, документъ сохраняетъ все правовое событіе во всей его житейской красочности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ таитъ въ себѣ зародышъ отвлеченія, первые признаки юридическаго нормированія, начало обычая и закона.

III.

Вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ документъ въ сложномъ юридическомъ отношеніи, представляется нѣсколько болѣе труднымъ. Если разложить любое юридическое отношеніе на простѣйшія составныя части, получаются слѣдующіе элементы. Во-первыхъ, намѣренія сторонъ, чисто психологическій актъ воли ихъ къ поступку, во-вторыхъ, выраженіе этихъ намѣреній во внѣ, согласованіе различныхъ воленій, то, что хорошо обозначается словомъ договоръ, и, въ третьихъ, наконецъ, дѣйствія, реализующія достигнутое договоромъ соглашеніе. Въ этомъ рядѣ моментовъ включается, конечно, только на извѣстной ступени соціальнаго развитія «запись» въ широкомъ смыслѣ слова. Такъ какъ всякая вообще запись представляетъ собой вторичное явленіе, при первомъ томъ, которое служитъ объектомъ записи, то поневолѣ тутъ же сряду возникаетъ мысль о параллелизмѣ, отображеніи или другой подобной же зависимости...

Совсѣмъ недавно такой вопросъ, но примѣнительно къ болѣе общимъ явленіямъ, поставилъ проф. Д. Д. Гриммъ.

...«Естественно возникаетъ вопросъ, пишетъ онъ, о соотношеніи, которое существуетъ между юридическими институтами, съ одной стороны, и жизненными отношеніями, ими регулируемыми,— съ другой стороны. Въ частности спрашивается существуетъ ли въ

этой области какое-либо соотвѣтствіе между тѣми и другими, является ли тотъ или иной институтъ адекватнымъ отображеніемъ соотвѣтствующихъ регулируемыхъ имъ конкретныхъ отношеній»... [1]) Я привожу эту выдержку, желая подчеркнуть, что поставленный выше вопросъ имѣетъ замѣтный интересъ и въ иномъ сочетаніи мыслей, но мнѣ кажется, что предложенный въ столь широкой формѣ, онъ не скоро дождется разрѣшенія. И «юридическій институтъ» и «конкретное жизненное отношеніе»—явленія столь сложныя, столь многосоставныя, что оперировать ими какъ единицами сравненія почти невозможно. Правильнѣе будетъ рѣшать этотъ вопросъ у самаго источника нормообразованія, гдѣ понятія еще только создаются и не осложняютъ дѣла своей отвлеченностью, а самыя явленія элементарны и просты. И притомъ, не цѣлое отношеніе сравнивать съ институтомъ, а въ самомъ отношеніи искать элементовъ первичныхъ—основныхъ и вторичныхъ—производныхъ, создавшихся въ соотвѣтствіи съ первыми. Именно такой случай сейчасъ передъ нами. Документъ нормируетъ поведеніе данныхъ контрагентовъ. Въ то же время онъ является какой-то записью. Соотвѣтствуетъ эта запись поведенію сторонъ или не соотвѣтствуетъ? Отражаетъ документъ конкретное отношеніе или не отражаетъ? Вотъ тѣ вопросы, которые въ этомъ случаѣ ставятся.

Проф. Д. Д. Гриммъ, продолжая свое разсужденіе, приходитъ къ выводу, что норма соотвѣтствуетъ конкретному отношенію. «Что касается прежде всего нормъ или правилъ, которыми руководствуются люди въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то не трудно убѣдиться, что они уже предполагаютъ наличность извѣстныхъ реальныхъ отношеній между людьми и являются — непосредственно или косвенно—отраженіемъ этихъ отношеній, а слѣдовательно сами по себѣ представляютъ не первичное, а производное явленіе» [2]). Пользуясь тѣмъ же путемъ легко доказать, что документъ представляетъ «явленіе производное». Онъ, конечно, всегда предполагаетъ существованіе опредѣленныхъ отношеній, съ которыми онъ непосредственно бываетъ связанъ. Самъ по себѣ документъ не могъ бы появиться, онъ существуетъ только потому, что раньше существовали отношенія, требующія утвержденія.

Но не это только приходится доказывать. Необходимо показать не одну лишь связь документа съ конкретнымъ отношеніемъ, но и найти мѣста этого связыванія, найти то, что именно документъ отображаетъ.

---

[1]) Д. Д. Гриммъ. Соотношеніе между юридическими институтами и конкретными отношеніями. Сборникъ памяти проф. Г. Ф. Шершеневича, стр. 213.

[2]) Тамъ же, стр. 214.

Всякая сдѣлка есть сложное юридическое отношеніе динамическаго характера, которое располагается между двумя статическими отношеніями; тѣмъ, которое было до сдѣлки и тѣмъ, которое осуществилось послѣ сдѣлки, когда юридическіе комплексы, объединенные въ «мое» и «чье-нибудь» предстали количественно или качественно измѣненными. Каждое такое отношеніе есть только звено въ цѣлой цѣпи. Если я вступаю въ сдѣлку, то лишь потому, что хочу измѣнить существующее юридическое отношеніе, хочу на его мѣсто поставить новое. Если я покупаю землю, я разрушаю то отношеніе, при которомъ продавецъ имѣетъ владѣніе ею и препятствуетъ моему пользованію и распоряженію. Куплей я добиваюсь того, что получаю владѣніе и защиту его. Эти качества характеризуютъ новое юридическое отношеніе, не похожее ни на первое, ни на второе [1]). Такимъ образомъ конкретное отношеніе въ первоначальномъ своемъ выявленіи представляетъ необычайно подвижную массу, колеблющуюся и отъ случая къ случаю и даже въ каждомъ случаѣ. Причемъ нѣкоторые элементы сдѣлки исключительно подвижны, другіе хотя иногда и измѣняются, имѣютъ тѣмъ не менѣе тенденціи къ постоянству, которое послѣ даннаго приспособленія осуществляется въ типичномъ юридическомъ отношеніи, въ обычаѣ или законѣ. Къ первымъ принадлежатъ намѣренія сторонъ и моментъ согласованія воль, ко вторымъ — реализація того, на чемъ стороны договорились. Къ какой же группѣ относится документъ и какое мѣсто вообще занимаетъ онъ въ совокупности различныхъ элементовъ сдѣлки?

Когда я говорилъ о значеніи документа, я предполагалъ нѣсколько различныхъ возможностей въ пониманіи его. Но всѣ эти модификаціи можно свести къ одной, если смотрѣть на документъ только въ соотношеніи съ реальнымъ исполненіемъ. Съ этой точки зрѣнія, документъ будетъ всегда какъ бы программой выполненія, безразлично предварительной или послѣдующей. А въ такомъ случаѣ документъ необходимо занимаетъ мѣсто между переговорами сторонъ и осуществленіемъ договора. Документъ не можетъ создаваться тогда, когда уже началась реализація сдѣлки — въ такихъ обстоятельствахъ онъ не соотвѣтствовалъ бы своему назначенію. Разъ документъ служитъ программой фактическихъ дѣйствій, онъ постоянно долженъ находиться передъ сторонами, когда онѣ видоизмѣняютъ взаимоотношенія. Всякій споръ въ этомъ случаѣ именно и возникаетъ изъ несоотвѣтствія того, что сдѣлано, тому, что написано.

---

[1]) Срав. Дернбургъ. Пандекты. Общая часть. § 40.

Противъ такого представленія о документѣ могутъ возразить ссылкой на отводныя. Вѣдь отводныя являются записями, воспроизводящими то, что уже сдѣлано — обходъ межи. Слѣдовательно, въ нихъ никакой программы дѣйствій быть не можетъ и, значитъ, документъ не всегда создается до реализаціи сдѣлки. Такая аргументація была бы не вполнѣ правильной. Въ отводныхъ исполненіемъ является не хожденіе по межѣ и постановка знаковъ, а нѣчто совершенно иное — предоставленіе контрагенту возможности безпрепятственно осуществлять свое право въ отграниченныхъ отводомъ предѣлахъ. Самый отводъ не есть юридическая цѣль, а лишь средство. И въ сущности отводъ, какъ самостоятельная сдѣлка, даже не можетъ существовать. Онъ всегда является дополненіемъ къ другой сдѣлкѣ — куплѣ, заключенію мировой, раздѣлу, мѣнѣ и т. д. Хотя, конечно, отводная, какъ документъ, имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Поэтому при отводѣ реализація начинается послѣ написанія документа и можетъ быть описана такъ. Одна сторона принимаетъ на себя обязательство передать другой отведенную землю и воздержаться отъ дѣйствій, препятствующихъ осуществленію другой стороной ея правъ. Даже въ этомъ, слѣдовательно, случаѣ документъ, хотя по видимости только описываетъ происшедшее, по существу служитъ предписаніемъ совершить нѣкоторыя опредѣленныя дѣйствія или воздержаться отъ таковыхъ.

Документъ не можетъ, въ то же время, получить бытіе раньше, чѣмъ сдѣлка пройдетъ стадію намѣреній и согласованія этихъ намѣреній. И въ этомъ случаѣ онъ не отвѣчалъ бы своему назначенію. Указанные моменты сдѣлки принципіально неустойчивы; договоръ — это сложная сѣть взаимныхъ уступокъ и компенсацій, постоянное колебаніе вѣсовъ правъ и обязанностей. Документъ же по характеру своему долженъ отражать устойчивое равновѣсіе. Только въ томъ случаѣ онъ и послужитъ мостомъ отъ воли сторонъ къ реальнымъ отношеніямъ. Исходя отсюда, можно сказать, что документъ есть лишь одно изъ выраженій той фиксаціи переговоровъ, которая имѣла мѣсто во всякой сдѣлкѣ, какъ завершительный моментъ второй, договорной стадіи. Тамъ, гдѣ формализмъ рано и полно проявился въ юридической жизни, тамъ этотъ моментъ выражался даже въ словесныхъ сдѣлкахъ, въ формулѣ стипуляціи, напримѣръ. Въ обществахъ же, въ которыхъ правовой бытъ не былъ проникнутъ въ такой степени формализмомъ, завершеніе переговоровъ отмѣчалось документомъ.

Въ сущности вся роль документа въ сдѣлкѣ сводится къ закрѣпленію того, что подвижно. Я уже отмѣтилъ, что всякая сдѣлка полна движенія, динамики. И центромъ этой динамичности является

конечно, воля—фактъ чисто психическій. Воля контрагентовъ сообщаетъ свою окраску всему отношенію. Оно течетъ, мѣняется, не можетъ отлиться въ неподвижную, устойчивую связь, потому что строится на психическомъ базисѣ, на желаніяхъ и волѣ, которыя скорѣе текучи, чѣмъ неподвижны, болѣе склонны къ выбиранію и движенію, чѣмъ къ покою и статическому равновѣсію.

Мало того. Вся процедура договариванія, покоясь на внутреннихъ переживаніяхъ контрагентовъ, остается неуловимой для третьихъ лицъ и даже для самихъ участниковъ договора. Если бы они попытались въ переговорахъ почерпнуть доводы въ пользу того или другого притязанія,—это стремленіе не увѣнчалось бы успѣхомъ. Пришлось бы апеллировать къ памяти, къ установленію того, что говорилъ одинъ и какъ отвѣчалъ другой, къ преимущественному довѣрію одному изъ спорившихъ — вообще къ фактамъ, никакой доказательной силы не имѣющимъ. И самая ткань переговоровъ такъ пестра и такъ изукрашена бытовыми мелочами и подробностями, что найти въ ней начало и конецъ — начало соглашенія и конецъ прелиминарныхъ разговоровъ—безъ постороннихъ ясныхъ отмѣтокъ нельзя. Четкой, видимой всѣмъ границей является только документъ.

Такимъ образомъ, въ противовѣсъ неустойчивости и неопредѣленности психическаго факта, выступаетъ твердый и опредѣленный матеріальный фактъ. Понятно, что этотъ матеріальный фактъ—документъ—въ сдѣлкѣ непосредственно замыкаетъ собой переговоры.

Если смотрѣть на документъ со стороны подвижныхъ элементовъ сдѣлки—намѣреній и согласованія воль—онъ представится завершеніемъ, итогомъ всѣхъ предшествующихъ переговоровъ. Если же идти къ договору отъ фактическаго измѣненія отношеній, онъ будетъ, какъ я уже говорилъ чѣмъ то вродѣ программы дѣйствій. Другими словами — документъ заканчиваетъ неустойчивую часть юридическаго отношенія и начинаетъ тотъ рядъ, въ которомъ болѣе выражены элементы постоянные, статическіе, дающіе свою особливую характеристику и самому отношенію. Запись стоитъ какъ разъ на грани, отдѣляющей волю и намѣренія отъ практическаго осуществленія.

Можно, слѣдовательно, сказать, что всякій документъ является до нѣкоторой степени кристализаціей живыхъ отношеній. Но, сказавши такъ, необходимо, хотя приблизительно, представить себѣ, что же изъ всей сдѣлки кристализуется записью. Общій отвѣтъ дать трудно. Стороны всегда вносятъ въ документъ то, что онѣ считаютъ особо важнымъ, требующимъ непремѣнной записи. Документъ помимо всего другого есть свидѣтельство о юридическомъ

міровоззрѣніи контрагентовъ. Сказать, что вносится въ документъ, значитъ сказать, какъ стороны представляютъ себѣ юридически значительное, юридически важное въ сдѣлкѣ. Такой отвѣтъ явится только послѣ долгихъ и внимательныхъ дипломатическихъ изслѣдованій.

Можно вмѣсто отвѣта указать на то, что отмѣчалось уже раньше. Документъ можетъ быть записью или сдѣланнаго, или имѣющаго совершиться или же записью волеизъявленій. Сюда же слѣдуетъ прибавить и то, что чѣмъ моложе документъ, тѣмъ онъ болѣе конкретенъ, тѣмъ больше въ немъ описаній и тѣмъ менѣе отвлеченности. Ранніе документы это подробные разсказы, сохраняющіе весь ароматъ быта. Сплошь и рядомъ та часть документа, которую дипломатисты называютъ narratio, въ нихъ несоразмѣрно длинна. Но часто и въ самомъ документѣ дается описаніе всѣхъ тѣхъ событій и столкновеній, которыя привели къ сдѣлкѣ, часто контрагентъ морализируетъ, часто излагаетъ чуть ли не всю предшествующую исторію объекта сдѣлки.

Во всякомъ случаѣ какъ бы мы не представляли себѣ соотношеніе сдѣлки и документа, документъ сохраняетъ два ряда свидѣтельствъ. Одни свидѣтельства относятся къ тому фактическому измѣненію, которое произошло, другія къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ измѣненіе осуществилось. Первый рядъ это свѣдѣнія о мобилизаціи земельной собственности, объ оборотѣ имуществъ, о задолженности и количествѣ свободныхъ рабочихъ людей, продающихся въ кабалу или рядящихся за владѣльца, о богатствѣ и бѣдности различныхъ сословій, количествѣ браковъ и т. д. Каждая сдѣлка, а слѣдовательно и документъ, содержитъ въ себѣ указанія на одинъ или нѣсколько фактовъ въ той или иной категоріи. Документы являются какъ бы не полной переписью различныхъ сдѣлокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и явленій чаще всего экономической жизни прошлаго. Каждый фактъ есть единица въ этой переписи. Если по какимъ либо признакамъ можно будетъ установить, что до насъ дошло большое количество документовъ, тогда эти документы могутъ послужить матеріаломъ для статистическаго подсчета. Подсчета, конечно, самаго элементарнаго. Въ этомъ случаѣ экономическая исторія получитъ въ свое распоряженіе своеобразный и весьма полезный матеріалъ. Исторіи права здѣсь дѣлать нечего, къ ней относится другой рядъ явленій, донесенныхъ до насъ тѣми же документами.

Кромѣ факта перехода земли, или займа денегъ, или чегонибудь другого, нуждающагося въ юридическомъ оформленіи, всякая запись содержитъ еще и главнымъ образомъ указаніе на условія

и на формы, въ которыхъ тотъ или иной фактъ произошелъ. Это чисто правовая сторона дѣла. Земля можетъ перейти отъ одного лица къ другому различными путями—мѣной, куплей, дареніемъ, завѣщаніемъ, отдачей за долгъ и т. д. Для статистика, которому важенъ лишь переходъ земли, всѣ эти случаи будутъ одномѣрными. Для историка права здѣсь всѣ случаи совершенно различны. Ибо для него имѣютъ первостепенное значеніе именно тѣ условія, въ которыхъ переходъ совершился. Эти условія — юридическая сторона явленія — документъ ее прежде всего и сохраняетъ. Для историка права важно знать, напримѣръ, какъ совершался возмездный переходъ земли, что могло служить эквивалентомъ, изъ какихъ юридически различныхъ суммъ слагалась цѣна, какія права предоставлялись новому собственнику, что̀ сохранялъ за собой старый, какъ регистрировалась сдѣлка, какими средствами за сдѣлкой обепечивалась законная сила, чѣмъ гарантировалъ себя покупатель или мѣнявшій отъ возможныхъ притязаній третьихъ лицъ и т. д. Купчая или мѣновая дастъ ему всѣ эти свѣдѣнія. Онъ узнаетъ, что земля продавалась за деньги или вымѣнивалась на какое-нибудь эквивалентное имущество, что въ цѣну входила собственно цѣна и иногда какая-то прибавочная сумма-пополонокъ, что новый собственникъ получалъ землю «одерень вѣчно», что существовало тѣмъ не менѣе право выкупа, что были купчія докладныя, что нѣкоторыя изъ нихъ записывались въ книги, что въ грамоту вносилась очистка и другія гарантирующія покупателя условія, что при совершеніи сдѣлки присутствовали послухи—и еще много почерпнетъ свѣдѣній о формѣ заключенія сдѣлки возмезднаго перехода земли.

Здѣсь тоже документы сохраняютъ лишь отдѣльные факты. Но изъ этихъ фактовъ складывается не сумма, а типъ. И разсматривать ихъ должно не съ точки зрѣнія содержанія факта, а съ точки зрѣнія формальной связи, въ отдѣльныхъ фактахъ проявляющейся. Какъ бы мы ни представляли себѣ документы—все равно, каждый изъ нихъ несетъ въ себѣ указаніе на отношеніе, формальное юридическое отношеніе, въ его первоначальной пронесенной черезъ вѣка неизмѣнности. Правда, каждый разъ эта формальная связь будетъ включаться въ отдѣльный случай, въ отдѣльный фактическій составъ. Но въ томъ-то и заключается задача и искусство дипломатиста, чтобы въ конкретныхъ отдѣльныхъ случаяхъ уловить зачатки типа, нормы, института. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ тѣ эпохи правотворчества, когда въ жизнь вступаетъ документъ, мы несомнѣнно встрѣчаемся уже съ формами юридическаго быта опредѣленно тяготѣющими къ структурной неподвижности, если не находящимися даже въ процессѣ застыванія.

Итакъ, документъ представляетъ собою личный законъ, нормирующій данныя конкретныя отношенія, позволяющій иногда выйти за предѣлы момента и обязать къ дѣйствію или воздержанію третьихъ лицъ и на продолжительное время, законъ, овеществляющій соглашеніе воль контрагентовъ, и сохраняющій навсегда юридическую оболочку сдѣлки.

Такое содержаніе документа дѣлаетъ его почти единственнымъ свидѣтельствомъ о развитіи того комплекса отношеній, который зовется юридической сдѣлкой. Кто желалъ бы въ исторіи права видѣть не только внѣшнюю исторію законодательствованія, но и внутреннюю исторію правотворчества, исторію развитія различныхъ типовъ отношеній, въ цѣломъ создающихъ правовой бытъ, тотъ не можетъ обойти документъ. Больше того, безъ изученія документа онъ подвергаетъ себя риску попасть во власть поверхностныхъ наблюденій и не выявить истиннаго образа правовыхъ отношеній древности. Историкъ права долженъ изучить не только законъ, но главнѣйше документъ, его генезисъ, его эволюцію, измѣненіе внутренняго строенія, измѣненіе его значенія въ общей схемѣ юридически-релевантныхъ фактовъ. Только тогда можетъ онъ сказать, что имъ не пропущенъ наиболѣе свѣдущій свидѣтель и допрошенъ съ всѣмъ пристрастіемъ научнаго интереса.

Но недостаточно сказать, что документъ есть свидѣтель юридическихъ дѣяній и хранитель правового преданія. Документъ въ то же время и дѣятельный участникъ сдѣлки. Благодаря этому изъ документа можно почерпнуть не только то, что относится къ фактическому составу отношенія, но и то, что непосредственно связано съ воззрѣніемъ на право, съ идеологической стороной правового строя. Я беру конкретный примѣръ. Вопросъ объ образованіи обычно правовыхъ нормъ представляетъ глубочайшій интересъ. Мы ловимъ всякіе намеки на процессъ нормообразованія. Изученіе документа, мнѣ кажется, подвигаетъ насъ очень близко къ этому процессу. Всякій документъ даетъ возможность судить о томъ, что данные контрагенты считали для себя обязательнымъ. Права и обязанности собственника, арендатора, заемщика, вступающаго въ мировую сдѣлку, кабальнаго и его господина, жильца, закладчика, третейскаго судьи и т. д.—такъ какъ они представляются отдѣльнымъ членамъ еще неупорядоченнаго юридическаго общенія, выступаютъ передъ нами почти живыми и дѣйственными. Массовое наблюденіе такихъ нормъ-фактовъ даетъ возможность проникнуть въ юридическую догматику изучаемаго періода.

Возьмемъ далѣе вопросъ о самомъ понятіи права. То отвлеченіе, которое даетъ въ результатѣ понятіе права вообще, требуетъ

большихъ усилій и длительной духовной культуры. Но никто однако не скажетъ, что это понятіе есть результатъ самопроизвольнаго зарожденія. Основной клѣткой, развившейся въ цѣлый организмъ, было, конечно, понятіе «моего права», «моей обязанности», «нашей связи». То-есть, какъ разъ именно тѣ понятія или явленія, на основѣ которыхъ слагается отдѣльная, частная сдѣлка. Подслушать эти понятія, подмѣтить эти связи, можно только внимательно и пристально изучая документъ. Онъ можетъ открыть, какъ сначала всѣ правовыя отношенія были отношеніями факта, какъ понемногу расширяясь, затѣмъ правовое отношеніе вышло за предѣлы ближайшихъ фактовъ, какъ наконецъ оно дифференцировалось и объективировалось въ право, независящее отъ фактовъ, имѣющее свое собственное самодовлѣющее существованіе.

Можно было бы предположительно намѣтить цѣлый рядъ существеннѣйшихъ вопросовъ исторіи права, которые могутъ быть хотя отчасти разрѣшены изученіемъ оставшихся документовъ. Но такое перечисленіе завело бы насъ очень далеко, не будучи въ то же время особенно продуктивнымъ. Ибо каждый изслѣдователь посвоему «заражается» матеріаломъ. Важно было лишь показать, что документы — источникъ обильный и чрезвычайно привлекательный. Исторія права можетъ черпать изъ него полной горстью...

Но источникъ этотъ своеобразный и требуетъ особенныхъ пріемовъ подхода къ нему. Такіе пріемы, можетъ быть, не вполнѣ еще изощренные, но во всякомъ случаѣ уже ставшіе полезными, даетъ дипломатика.

IV.

Основнымъ пріемомъ дипломатики при изученіи частныхъ актовъ является клаузальный анализъ. Этотъ пріемъ неизбѣженъ, потому что примѣненіе его основано на самой природѣ изслѣдуемаго матеріала—частныхъ документовъ.

Сдѣлка, какъ было показано выше, многими своими частями отражается въ документѣ. Каждой сдѣлкѣ соотвѣтствуетъ документъ. Если бы сдѣлка была единичнымъ простымъ отношеніемъ, или если-бы она закономъ или обычаемъ была предустановлена, то и документъ представлялъ бы собою только запись этого отношенія, выраженную не больше, чѣмъ однимъ простымъ предложеніемъ. Такой-то продалъ такое-то имущество тому-то. Нѣкто занялъ столько-то рублей у другого. Таковы были бы документы. И въ развитой юридической жизни многія сдѣлки къ этому и сводятся. Когда отношеніе часто повторяется, когда оно сдѣлалось типичнымъ

во всѣхъ своихъ частяхъ, тогда для документа, вытекающаго изъ него, многословіе становится совершенно излишнимъ. Достаточно назвать сдѣлку и связанныя съ нею условія опредѣляются сами собой. Ихъ знаетъ законъ и практика. Въ такихъ случаяхъ документы уподобляются записямъ въ бухгалтерскихъ книгахъ.

Но иное положеніе занимаетъ документъ древній. Ни законъ, ни обычай еще не знаютъ типовъ. Значитъ, документъ по необходимости долженъ отмѣчать всѣ даже самыя мелкія и незначительныя условія. Въ то же время эпоха частнаго правотворчества почти не знаетъ простыхъ сдѣлокъ. Вѣдь каждый контрагентъ творитъ право за свой счетъ. Поневолѣ онъ стремится къ тому, чтобы полнѣе и лучше предусмотрѣть всѣ вытекающія изъ сдѣлки послѣдствія, и одни изъ нихъ обратить въ свою пользу, а отъ другихъ заблаговременно себя гарантировать.

Именно поэтому сдѣлка является *однимъ* отношеніемъ лишь въ юридическомъ смыслѣ, лишь по формѣ и наименованію. Фактически это комплексъ отношеній, часто различныхъ по своей природѣ, часто неодинаковыхъ по силѣ дѣйствія, и всегда, во всякомъ случаѣ, требующихъ отдѣльныхъ записей, хотя бы и слитыхъ въ форму одного документа. По цѣли своей сдѣлка одно отношеніе—ей соотвѣтствуетъ одинъ документъ; по внѣшнему выраженію, по средствамъ достиженія цѣли, сдѣлка есть совокупность различныхъ условій и дѣйствій — ей соотвѣтствуетъ раздѣльно намѣчающіяся части документа. Возьмемъ напримѣръ куплю-продажу. Одна сторона отдаетъ вещь, другая—эквивалентъ. Стороны движимы здѣсь прямо противоположными интересами. Одна сторона, далѣе, выговариваетъ незыблемость владѣнія, другая беретъ на себя обязанность такое владѣніе предоставить. Для этой цѣли покупатель принуждаетъ продавца отказаться отъ права выкупа, нести обязанность очистки, передать покупателю старые пути и крѣпости или выдавать ихъ въ случаѣ надобности. Кромѣ этого, одинъ контрагентъ получаетъ документъ, купчую на вещь, другой никакой. понятно, грамоты на эквивалентную цѣнность не получаетъ. Но это не все. Въ сдѣлкѣ купли-продажи могутъ быть предприняты и еще многія дѣйствія въ зависимости отъ юридическихъ и физическихъ свойствъ имущества, въ зависимости отъ положенія и взаимоотношеній контрагентовъ и т. д. Такъ, иногда стороны обязываются явиться въ Приказъ для записи проданнаго имущества за пріобрѣтателемъ. Если продается угодье, напримѣръ, бортной ухожей — на покупателя возлагается обязанность бережно относиться къ лѣсу, въ которомъ находятся борти; если мать продаетъ дѣтямъ прожиточный жеребій—она часто выговариваетъ себѣ содержаніе до смерти или единовременную под-

могу на принятіе иноческаго сана. Ратный человѣкъ оговариваетъ въ документѣ, что онъ не будетъ отказываться отъ выполненія обязательства подъ предлогомъ государевой службы. Вообще въ купчихъ можно найти многочисленныя отмѣтки разнообразныхъ отношеній возникающихъ по куплѣ-продажѣ. Не стоитъ, конечно, и отмѣчать, что не только купчія отличаются такимъ характеромъ; многосоставнымъ является всякій документъ.

Каждая часть документа по общему правилу тяготѣетъ къ тому. чтобы пріобрѣсти постоянную устойчивую формулировку—свое особое выраженіе. Часто бываетъ, что какое либо отношеніе примѣтно обособляется въ сдѣлкѣ. Тогда оно также опредѣленно выдѣляется и въ документѣ и становится какъ бы совершенно самостоятельнымъ. Оно можетъ получить бытіе внѣ сдѣлки и всего состава отношеній. Отростокъ начинаетъ жить своею жизнью, выпавшее отношеніе становится особой сдѣлкой. Въ параллель съ этимъ бывшая часть документа разрастается въ цѣлый документъ. Такъ, условіе поруки отливается въ самостоятельную поручную, заряда—въ зарядную, очистки—въ очищальную, подмоги—въ подможную и т. п. Причемъ и въ этомъ случаѣ, несмотря на то, что сдѣлка и документъ развились изъ простого отношенія, они въ окончательномъ видѣ представляются сложными. Въ тѣхъ же поручныхъ, напримѣръ, появляется оговорка о характерѣ отвѣтственности совмѣстныхъ поручителей, о мѣстѣ вчиненія имъ иска по порукѣ, о размѣрѣ отвѣтственности.

Документъ, такимъ образомъ, отражая всю сдѣлку или часть тѣхъ отношеній, изъ которыхъ сдѣлка складывается, становится самъ комплексомъ записей, сложнымъ литературно-юридическимъ произведеніемъ. Если посмотрѣть на него sub specie всего отношенія, это будетъ единое цѣлое—купчая, закладная, заемная, порядная, духовная; если взглянуть на тотъ же документъ, какъ на самостоятельно развивающееся явленіе, организмъ, живущій своею жизнью, онъ предстанетъ передъ нами богатымъ разнообразіемъ съ замѣтно опредѣляющимися самостоятельными частями.

Но такъ какъ дипломатика прежде всего имѣетъ дѣло съ документомъ, а не съ юридическимъ отношеніемъ, то объектомъ изученія ея будетъ не простое—однообразное, а сложное—многообразное явленіе. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что дипломатика изучаетъ измѣненіе, эволюцію документа. Получается такимъ образомъ нѣкоторая несовмѣстимость заданій. Необходимо изучать эволюцію документа, состоящаго изъ частей, каждая изъ которыхъ способна къ самостоятельному обособленному развитію. Весь документъ въ цѣломъ не измѣняется. Ибо разъ единство ему при-

дается цѣлью отношенія, а цѣль всегда остается одна и та же, то и самъ документъ всегда тождественenъ самому себѣ. Купчая всегда есть купчая, и измѣненій, какъ документъ, соотвѣтствующій куплѣ-продажѣ, она не испытываетъ. Эти измѣненія всякій разъ касаются частей. Такимъ образомъ происходитъ то, что простѣйшимъ недѣлимымъ, испытывающимъ измѣненія, является не весь документъ, а его составныя части. Тотъ же выводъ можно сдѣлать и изъ параллелизма сдѣлки и документа. Сдѣлка, какъ сдѣлка, цѣликомъ не эволюціонируетъ. Измѣняются отношенія, входящія въ ея составъ. Если документъ создается параллельно сдѣлкѣ, онъ необходимо отразитъ измѣненія отдѣльныхъ отношеній въ новой формулировкѣ частей. Именно эта недѣлимая далѣе часть и должна быть объектомъ изученія. Она есть базисъ измѣненій. Формуляръ документа развивается въ той мѣрѣ, въ какой измѣняются его составныя части. И обратно: эволюція составной части есть измѣненіе всего документа. Только принявъ за объектъ изслѣдованія самостоятельную простѣйшую часть документа, соотвѣтствующую простому же отношенію, можно быть увѣреннымъ въ методологической правильности избраннаго пути. Тогда лишь исчезнетъ та неувѣренность и неопредѣленность, которая лежитъ въ самой задачѣ — изучить развитіе формуляра документовъ. Документовъ — каждый изъ которыхъ представляетъ составное цѣлое съ автономно живущими частями.

Такую часть документа обычно называютъ клаузулой. Въ мою задачу не входитъ точное опредѣленіе клаузулы. Эта сложная и трудная задача, которая пока-что разрѣшается скорѣе практически, чѣмъ теоретически, требуетъ самостоятельнаго и кропотливаго изслѣдованія. Я ограничусь лишь нѣкоторыми примѣрами, чтобы сдѣлать мысль болѣе ясною [1]). Никто не станетъ утверждать, что купчая XV вѣка не тождественна съ купчей XVIII в. По отношенію къ сдѣлкѣ это одинъ и тотъ же документъ, устанавливающій фактъ возмезднаго отчужденія имущества. Тѣмъ не менѣе, части этого документа терпятъ значительныя измѣненія. Возьмемъ самую устойчивую клаузулу—ту, которая именуетъ контрагентовъ. Въ XV и XVI вѣкахъ она пишется такъ: «се купи Мелентей Чевака Ефимьевичъ, перевѣсищо въ Ненокси... у Вонъчифора у Вонъдроникова» [2]). Въ XVI вѣкѣ и позже формулировка уже другая: «Се язъ Федоръ Ощера Кирилловъ сынъ, продалъ есми Кириллова

---

[1]) Здѣсь я еще разъ напомню о статьѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго «Служилыя кабалы позднѣйшаго типа». Въ ней отмѣченъ рядъ примѣчательныхъ измѣненій въ клаузулахъ служилой кабалы.

[2]) А. Ю. № 71, III.

монастыря старцу келарю Никодиму анбаръ свой» [1]). А въ XVIII къ именованію контрагента прибавляется выраженіе «въ родѣ своемъ не послѣдній» [2]).

Въ клаузулѣ о платѣ довольно долго держится упоминаніе о пополонкѣ—позже оно исчезаетъ. Клаузула объ очисткѣ пишется такъ: «а буде тою моею неочисткой ему... какіе протори и убытки учинятся, и ему... взять на мнѣ... тѣ свои протори и убытки всѣ сполна по его... сказкѣ и за дворъ и за дворовое мѣсто цѣну» [3]). Но иногда она измѣняется. «Ино на мнѣ... взять по сей купчей записи денги вдвое рубль денегъ» [4]). Въ купчихъ, относящихся къ Пскову, очистка формулируется болѣе широко. Въ эту клаузулу вносится и указаніе о томъ, какъ быть съ пристройками: «А что онъ Сергѣй въ томъ дворе вновь хоромъ поставитъ или стараго построитъ и за то цена заплатить, чемъ добрые люди ценою оценятъ» [5]). Въ другихъ мѣстностяхъ выраженіе мѣняется. «А за строенье мельницы по его... сказкѣ, что они скажутъ, плотимъ» [6]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти клаузулы совершенно различно опредѣляютъ размѣръ отвѣтственности того, кто не очиститъ. Платить ли цѣну съ убытками, или цѣну вдвое, или по оцѣнкѣ добрыхъ людей, или, наконецъ, по сказкѣ потерпѣвшаго — экономически и юридически это будутъ совершенно различныя условія.

Характерны и интересны и тѣ измѣненія, которыя испытываетъ клаузула о продажѣ. Въ большинствѣ случаевъ она выражается безъ мотивировки «продалъ азъ»—и конецъ. Но уже купчія-посильныя вводятъ сюда указанія на причину продажи и въ то же время оправданіе ухода съ земли—«не измоглъ есми съ тое полупожни великаго князя дани давати и службы служити и всякихъ разрубовъ съ волосными людми платити» [7]). Въ XVII вѣкѣ эта же мысль—оправдать продажу—принимаетъ иную форму и довольно прочно укореняется въ купчихъ вообще. Продавецъ пишетъ—«Что продалъ я... со всеми ихъ крестьянскими животы, не

---

[1]) А. Ю. № 81.

[2]) См. рядъ купчихъ въ Матер. истор. и юридич. района бывшаго Приказа Казанск. Дворца, т. IV.

[3]) Матер. истор. и юрид. района бывш. Приказа Казан. Дворца. В. III. стр. 68.

[4]) Архивъ Новоторжск. Воскресен. женскаго монастыря. Старица 1910, ст. 4.

[5]) К. Г. Евлентьевъ. Книги псковитина, посадскаго торговаго человѣка Сергѣя Иванова сына Поганкина, стр. 3.

[6]) Древн. акты Воронежск. Покровск. монастыря. Труды Рязанской уч. Арх. Ком. т. IV, стр. 194.

[7] Р. И. Б. т. XIV, стр. 41.

для какого подлогу и неправдиваго умыслу, но сущею своею правдою для необходимой своей нужды» [1]).

Приведенные примѣры достаточно показываютъ, какъ происходили измѣненія документа. Можно утверждать, что и во всѣхъ категоріяхъ частныхъ документовъ наблюдаются такія же явленія.

По общему правилу измѣненія всегда касаются клаузулъ. Иногда они совершенно переиначиваютъ ихъ и никогда не затрагиваютъ существа сдѣлки и документа. Всѣ измѣненія могутъ быть сведены преимущественно къ двумъ типамъ. Въ однихъ случаяхъ клаузула реформируется сама по себѣ, оставаясь въ то же время на своемъ мѣстѣ въ документѣ. Въ другихъ—клаузула цѣликомъ исчезаетъ изъ формуляра или вновь въ немъ появляется. Первое явленіе имѣетъ мѣсто тогда, когда отдѣльное юридическое отношеніе, послужившее предметомъ записи, видоизмѣнилось. Къ этому типу относится исчезновеніе «пополонка» изъ клаузулы цѣны въ купчихъ, утрата указанія на отводъ земли съ дерномъ въ межевыхъ и отводныхъ и др. Такія измѣненія произошли потому, что хотя самыя отношенія—цѣна въ купчихъ, хожденіе въ отводныхъ—и остались, но характеръ ихъ измѣнился.

Въ другихъ случаяхъ клаузулы или выпадаютъ цѣликомъ изъ формуляра, или же цѣликомъ въ него вносятся. Это можетъ произойти по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Требованіе закона, особая воля сторонъ, характеръ объекта, соотношеніе контрагентовъ—все это можетъ повлечь указанное измѣненіе въ документѣ. Такъ изъ рядныхъ послѣ указа 1702 года, апрѣля 3-го, должна была исчезнуть клаузула неустойки [2]). Такъ, совмѣстная дача кабалы нѣсколькими лицами требовала внесенія въ документъ клаузулы—«а въ займехъ есми едины».

До сихъ поръ я имѣлъ въ виду лишь такія измѣненія формуляра, которыя явились слѣдствіемъ существенныхъ перемѣнъ въ самомъ положеніи сдѣлки. Но вѣдь всякій документъ есть и литературное произведеніе, принадлежащее одному лицу, стилю и мышленію котораго, конечно, свойственны и различныя особенности. Составляя документъ, онъ могъ привнести въ него цѣлый рядъ импровизацій, ошибокъ, литературныхъ вольностей, небрежностей, мѣстныхъ особенностей, неправильныхъ представленій объ юридическомъ значеніи тѣхъ или другихъ словъ и т. д. Всѣ эти особенности будутъ тоже измѣненіями, хотя и не важными.

Такимъ образомъ возникаетъ представленіе о двухъ родахъ особенностей формуляра. Одни являются важными, существенными

[1]) Тр. Саратовской уч. Арх. Ком. вып. 26, стр. 252.
[2]) П. С. З. № 1907.

и, такъ сказать, органическими, другіе—незначительными, поверхностными и случайными въ полной мѣрѣ.

По причинамъ, вскользь уже отмѣченнымъ, наши русскіе документы особенно богаты особенностями второго типа. На Западѣ, тамъ скоро создалась традиція, выработались постоянные пріемы письма, установились формуляры и дѣло писанія документовъ оказалось организованнымъ. Всѣ эти навыки письма создали то, что нѣмцы называютъ «канцелярностью» (Kanzleimässigkeit). Эта канцелярность подавила свободное творчество въ области составленія документовъ и все ихъ разнообразіе ввела въ рамки типовъ-образцовъ. У насъ на Руси канцелярности не было. Не было сравнительно долго и спеціалистовъ. Только въ XVI вѣкѣ появляются «пищія избушки» и «площадные подъячіе». Создается корпорація лицъ, спеціально посвятившихъ себя составленію документовъ. Съ этого времени, вѣроятно, документы становятся болѣе устойчивыми въ формулярѣ. Но и здѣсь типъ вырабатывался не одинъ, а нѣсколько. Едва ли можно сказать, что одни и тѣ же документы писались одинаково на Ивановской площади, на Хлыновской или на Симбирской. Скорѣе можно допустить, что каждая площадь вырабатывала свои формуляры. Во всякомъ случаѣ эпоха площадей есть эпоха упорядоченнаго составленія документовъ. До этого господствовали тутъ полная свобода и произволъ. Каждый грамотный непремѣнно былъ писцомъ и писалъ документы, какъ ему представлялось болѣе правильнымъ. Если и могъ быть въ этомъ случаѣ типъ документа, то только такой, который не шелъ дальше личности писца; документъ былъ типичнымъ для даннаго грамотея. Отсутствіе организованныхъ учрежденій для писанія документовъ, отсутствіе традицій у писцовъ порождало необычайную формулярную пестроту. Эти чисто случайныя особенности переплетались съ существенными настолько тѣсно, что распутать ихъ съ помощью простого наблюденія невозможно.

Кромѣ того, на ряду съ существенными и случайными особенностями документа были особенности другого типа. Я имѣю въ виду особенности мѣстныя. Въ томъ или другомъ краѣ могло возникнуть особое юридическое обыкновеніе, которое отразилось на формулярѣ. Возможно и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цеховые писцы—подъячіе—если не формально, то по существу слились въ какую-нибудь организацію и создали устойчивые формуляры. Такая особенность также не будетъ основной, но она и не случайная. Не основная она потому, что не связана съ юридическими измѣненіями сдѣлки, не случайная—такъ какъ въ мѣстныхъ особенностяхъ существуетъ и преемственность и передача навы-

ковъ и организація—словомъ, все то, что имѣетъ постоянный характеръ.

Опредѣлить какія измѣненія явились слѣдствіемъ причинъ случайныхъ, какія—общихъ, необходимо. Удѣльный вѣсъ всѣхъ этихъ особенностей совершенно не одинаковъ. Только тогда, когда каждое измѣненіе получитъ свое мѣсто, только тогда возможно установленіе формуляра документа, а слѣдовательно и состава сдѣлки. Настоятельная необходимость въ такомъ различеніи выдвигаетъ нѣкоторые особые пріемы дипломатическаго анализа. Пріемы эти сводятся къ цѣлесообразному сравненію массъ документовъ.

Въ возможности такого сравненія и заключается прежде всего отличіе изученія публичныхъ документовъ отъ изученія частныхъ. Публичный документъ, какъ было уже указано, есть явленіе единичное. Понятно, что статистическіе пріемы къ нему неприложимы. Возможно однако, что нѣкоторые публичные документы относятся къ иной категоріи—они дошли до насъ въ большомъ числѣ однотипныхъ образцовъ—и представляютъ поэтому массовый матеріалъ. Таковы—доѣздныя, зазывныя, погонныя, посыльныя, проѣздныя. А изъ документовъ церковнаго управленія — настольныя, патрахильныя. Но и такіе документы затруднительно изучать статистически. Всѣ эти грамоты составлялись въ крупныхъ канцеляріяхъ—въ приказныхъ, въ воеводскихъ или въ патріаршихъ и митрополичьихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь традиціи возникали быстрѣе и держались крѣпче, чѣмъ въ частномъ оборотѣ. Поэтому формуляръ «казенныхъ» грамотъ въ большинствѣ случаевъ прочно установленъ. Отличія рѣдко касались существа. Они характеризовали лишь литературные способности и навыки писца. Если же матеріалъ однообразенъ, массовое сравненіе не можетъ дать ничего. Разъ нѣтъ развитія, нѣтъ измѣненій, сравненіе становится излишнимъ.

Въ частныхъ документахъ индивидуальное не имѣетъ историческаго значенія, цѣнно лишь то общее, что можетъ быть добыто изъ ряда оформляемыхъ документами сдѣлокъ. Въ то же время почти каждый документъ есть продуктъ правотворящаго разума и воли отдѣльныхъ субъектовъ. На каждомъ лежитъ печать индивидуальнаго правопониманія. Аналитическій подборъ ихъ даетъ среднюю равнодѣйствующую линію правового развитія, проложенную между сталкивающимися воззрѣніями. Массовое сравненіе въ этомъ случаѣ необходимо.

Возможность примѣненія статистическихъ методовъ, такимъ образомъ, основывается на предположеніи нѣкотораго постоянства и повторяемости въ отдѣльныхъ документахъ. Это постоянство наблюдается въ клаузулахъ. Когда мы читаемъ два одинаковыхъ

по содержанію, но различно датированныхъ документа, мы можемъ только сказать, что нѣкоторыя клаузулы прибавились, другія исчезли. То же самое будетъ и въ случаѣ сравненія двухъ географически-различно опредѣляемыхъ документовъ. Самый процессъ исчезанія или накопленія клаузулъ при такомъ сравненіи будетъ скрытъ отъ насъ. Иные результаты получаются, когда изучаютъ большое количество документовъ. Чѣмъ значительнѣе число грамотъ, тѣмъ все больше суживаются временные предѣлы тѣхъ или другихъ измѣненій, пока они, наконецъ, не пріурочиваются совершенно точно къ той или иной датѣ. Такимъ образомъ получается возможность наблюденія самого роста и развитія документа.

Въ такомъ же точно порядкѣ ограничиваются и предѣлы колебаній географическихъ. Документы одной мѣстности наблюдаемые въ отдѣльности могутъ повести къ ложнымъ выводамъ. Когда передъ изслѣдователемъ проходятъ массы документовъ, тогда группы, относящіяся къ различнымъ мѣстностямъ, опредѣляются сами собой, обнаруживая всѣ мѣстныя особенности.

Наряду съ этимъ устанавливаются и всѣ случайныя измѣненія. Именно потому, что они не связаны со значительными воздѣйствіями и основательными причинами, они не имѣютъ постоянства и отпадаютъ, какъ единичныя, какъ несущественныя.

Благодаря такому пріуроченію особенностей документовъ къ мѣсту или времени, самыя измѣненія связываются съ опредѣленными причинами и факторами. Историческая эволюція не есть результатъ случайностей. Если опредѣленнымъ временемъ датируется измѣненіе, значитъ—около этого времени произошло какое-то событіе, повлекшее за собой перемѣну въ формулярѣ; если измѣненія имѣютъ явно выраженный мѣстный характеръ, значитъ необходимо искать въ мѣстныхъ условіяхъ тѣхъ особенностей, которыя отразились въ документѣ. Укажу на два примѣра.

Двинскія купчія на черную землю, называющія себя посильными, отличаются отъ обычныхъ купчихъ. Причины этихъ отличій лежатъ въ особенностяхъ мѣстнаго землевладѣнія. Если бы можно было — скажемъ предположительно — установить, что аналогичныя особенности встрѣчаются и въ купчихъ Вятскаго края, на оброчныя государевы земли, тогда мѣстное измѣненіе всецѣло прикрѣплялось бы къ особымъ формамъ владѣнія землей. Дипломатическое сличеніе формуляровъ кабалъ показываетъ, что послѣ 1680 г. онѣ стали писаться по иной формѣ, чѣмъ писались раньше. Нѣкоторыя клаузулы въ новомъ формулярѣ выпали, нѣкоторыя измѣнились. Очевидно, что произошло какое-то событіе, повліявшее на форму до-

кумента. Такимъ событіемъ было изданіе указа съ правилами о писаніи кабалъ и съ приложеніемъ «образцоваго письма» [1]).

Для изученія развитія документа необходимо, слѣдовательно, построить нѣсколько рядовъ. Каждый рядъ въ отдѣльности будетъ заключать въ себѣ одинаковыя по значенію клаузулы. Ряды можно размѣщать либо по времени, либо по пространству. И въ томъ и въ другомъ случаѣ каждый рядъ позволитъ быстро замѣтить различныя движенія въ клаузулѣ. Чѣмъ чаще будутъ повторяться клаузулы съ одинаковыми признаками, тѣмъ они будутъ болѣе типичными для извѣстной эпохи или мѣста; чѣмъ рѣже выступятъ въ рядахъ какія-либо формулировки, тѣмъ, стало быть, менѣе существенны они для характеристики развитія клаузулы.

Если бы число документовъ было очень значительно по каждой сдѣлкѣ, то такіе ряды можно было бы подвергать статистико-математическому изслѣдованію. Но время пощадило лишь небольшую часть написаннаго. Благодаря этому, построеніе рядовъ пріобрѣтаетъ значеніе лишь діагностическаго пріема. Оно наглядно показываетъ въ какомъ направленіи произошли перемѣны, иногда связываетъ эти перемѣны съ колебаніями въ другихъ рядахъ, иногда служитъ простой иллюстраціей. Первенствующее мѣсто въ такихъ случаяхъ занимаютъ не выводы, полученные путемъ простого подсчета, а заключенія, логически опирающіяся на всю совокупность косвенныхъ доказательствъ. Исторія, исторія права, современное правовѣдѣніе, можетъ быть даже соціологія — всѣ эти дисциплины привлекаются, чтобы изъ отдѣльныхъ чертъ составить представленіе о цѣломъ. И часто можетъ быть, что результаты простого подсчета оказываются опрокинутыми, а клаузулы, бывшія въ меньшинствѣ, становятся опредѣляющими для даннаго документа.

Кажется, что такая возможность подрываетъ самый принципъ примѣненія статистики къ изученію документовъ. Но это не такъ. Не такъ, потому что на дѣлѣ не было этого принципа. Построеніе рядовъ, какъ статистическая операція, цѣлесообразно лишь тогда, когда всѣ изучаемыя явленія имѣютъ одинаковый «вѣсъ». Относительно документовъ этого почти никогда нельзя сказать. Представимъ себѣ случай, когда для столѣтія мы имѣемъ пятьдесятъ документовъ. Причемъ на первую половину вѣка приходится десять документовъ, на вторую сорокъ. Можно ли сказать, что явленія однообразны. Едва ли. Если бы мы расположили всѣ пятьдесятъ документовъ въ рядъ, могло случиться, что десять раннихъ имѣютъ какую-нибудь клаузулу, сорокъ позднѣйшихъ не имѣютъ ея. Опи-

---

[1]) Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, стр. 758.

раясь только на соотношенія цифръ, можно доказывать вѣроятность того, что такая клаузула случайна. Но такой выводъ былъ бы ошибочнымъ. Различная датировка сообщаетъ документамъ различное значеніе и не позволяетъ считать ихъ въ полной мѣрѣ однообразными. Или возьмемъ другой примѣръ. Изъ дошедшихъ до насъ десяти документовъ девять принадлежатъ одному писцу. Въ этомъ случаѣ, хотя бы нашъ рядъ состоялъ изъ десяти членовъ, мы могли бы всѣ документы считать за два. И вѣроятность постоянства клаузулы была бы равна не $^1/_{10}$, а половинѣ.

Никогда нельзя забывать, что клаузульные ряды—только вспомогательный пріемъ наблюденія, аналогичный графическому изображенію. Приписывать такимъ рядамъ опредѣленный характеръ рядовъ статистическихъ по меньшей мѣрѣ опасно.

Можно было бы указать цѣлый рядъ примѣровъ того, какъ наблюденіе рядовъ даетъ возможность отличить существенныя и несущественныя клаузулы, наблюдать ихъ измѣненія, установить формуляръ документа и въ то же время составъ сдѣлки. Я ограничусь лишь однимъ.

Обычно въ документахъ, писанныхъ отъ монастыря или монастырю, въ означеніи условій, расчитанныхъ на продолжительное время, къ именамъ непосредственныхъ контрагентовъ — игумена, казначея, старцевъ и братіи—всегда прибавляется выраженіе «и кто по насъ впредь будетъ». Иногда это дополненіе формулируется иначе «или иная будетъ впредь въ томъ монастырѣ власть съ братіей» «или иный игуменъ впредь будетъ». Но оно неизмѣнно и всегда помѣщается въ монастырскіе, приходскіе и епископскіе документы. Непосредственное наблюденіе убѣждаетъ насъ только въ томъ, что такое выраженіе часто встрѣчается и что оно связывается съ опредѣленными лишь контрагентами. Сопоставленіе клаузульныхъ рядовъ даетъ возможность значительно расширить и обосновать такія полупредположительныя представленія. Это сравненіе покажетъ, что приведенная клаузула совершенно не зависитъ отъ формы сдѣлки. Будетъ ли это заемъ, купля, наемъ, подрядъ, поручительство или какая-либо иная сдѣлка — клаузула о томъ, что обязательство возлагается не только на фактическихъ участниковъ сдѣлки, но и тѣхъ, кто ихъ замѣнитъ, одинаково включается во всякій документъ. Изъ ряда, расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ станетъ яснымъ, что эта клаузула не является особенностью какой-либо эпохи; тотъ же рядъ, подобранный по признакамъ географическимъ, обнаружитъ, что указанное выраженіе не есть особенность мѣстная. Такъ, понемногу суживая предѣлы соотношеній, изслѣдователь придетъ къ двумъ рядамъ постоянно

встрѣчающимся совмѣстно. Одинъ рядъ—интересующее насъ выраженіе, другой — именованіе контрагента, которое обнаруживаетъ, что названное лицо выступаетъ въ интересахъ учрежденія, группы лицъ или имущества. Иначе говоря, безспорно будетъ установлено, что слова «кто по нихъ впредь будетъ» употребляются только въ документахъ юридическихъ лицъ. Вмѣстѣ съ этимъ проявится, что древнее правовоззрѣніе настойчиво отличаетъ лицъ физическихъ отъ лицъ юридическихъ, что оно представляетъ права вторыхъ непрекращающимися вслѣдствіе смерти физическихъ носителей правомочій, что оно считаетъ клаузулу «кто по нихъ будетъ» существенной и необходимой частью документа.

Подтвержденіе этого послѣдняго вывода находится въ одномъ любопытномъ дѣлѣ о неправомѣрной сдачѣ мельничнаго мѣста [1]). Около 1660 г. сестры Новоторжскаго монастыря бьютъ челомъ о томъ, что ихъ прежняя игуменья Каптелина «не поговоря на соборѣ» отдала мельничное мѣсто «для того, чтобы ему (арендатору) та мельница впредь за собой укрѣпить». Оспаривая запись, сестры пишутъ «а та де ихъ воровская запись писана не на площаде і того де взаписи не написано которые власти понихъ будутъ впредь и заряду не написано жъ и послуховъ нѣтъ и на заклейкѣ не закрѣплено» [2]). Отсутствіе разсматриваемой клаузулы здѣсь приравнивается къ такимъ дефектамъ, какъ составленіе документа не на площади, безъ послуховъ и безъ закрѣпленія по заклейкамъ, то есть къ дефектамъ, по закону [3]) опорочивающимъ всякій документъ. Очевидно, что обычное право связывало съ этой клаузулой представленіе о значительной важности.

Этотъ примѣръ, мнѣ кажется, достаточно показываетъ, какъ дипломатическій анализъ приводитъ къ пониманію отношеній различныхъ клаузулъ документа и, тѣмъ самымъ, къ различенію самыхъ условій сдѣлки. На немъ же можно видѣть и то необходимое взаимодѣйствіе, какое существуетъ между различными пріемами клаузальнаго анализа. Чтобы приступить къ анализу необходимо расчленить документъ на клаузулы и построить изъ нихъ ряды. Но расчлененіе представляетъ большія трудности, такъ какъ приходится руководствоваться посторонними соображеніями — признаками грамматическими, общимъ контекстомъ, синтаксисомъ, обычнымъ способомъ выраженія и т. д. Полученныя послѣ такого

[1]) Архивъ Новоторжскаго монастыри № 32, стр. 37—42.

[2]) Приведенное мѣсто помѣщено въ резолютивной части Указа. Въ самомъ челобитьѣ, передаваемомъ Указомъ, оно выражено такъ; «а которые Игуменьи по нихъ впредь будутъ итого взаписи заряду не написано».

[3]) Соб. Уложеніе гл. 10, ст. ст. 246, 249, 250.

расчлененія клаузулы не могутъ, конечно, явиться окончательными— они представляютъ только примѣрныя группы сужденій, необходимыя для дальнѣйшаго сравненія. Построеніе рядовъ не только даетъ возможность пріурочить такія или иныя клаузулы къ условіямъ возникновенія и существованія документа, оно въ то же время какъ бы «обтачиваетъ» самую форму выраженія клаузулъ, конденсируя ихъ въ установившійся словесный составъ и закрѣпляя за ними привычный способъ выраженія. И послѣ того какъ изученіе рядовъ клаузулъ дало тотъ или иной формуляръ документа, возможна и перестройка самыхъ клаузулъ. Предварительная разбивка измѣняется и устанавливается въ этотъ разъ окончательно. Тутъ возможны не только тѣ поправки, которыя внесетъ само изученіе клаузальнаго состава, но и поправки, подсказанныя общимъ пониманіемъ юридическаго характера сдѣлки. Дипломатистъ становится не только критикомъ и изслѣдователемъ текстовъ, онъ дѣлается критикомъ историко-правовыхъ теорій и изслѣдователемъ юридическаго быта.

Итакъ, дипломатическій анализъ въ томъ выраженіи, въ кототомъ онъ описанъ, имѣетъ цѣлью, опираясь на внѣшнюю форму частнаго документа, привести къ ясности его содержаніе. Значитъ ли это, что другіе дипломатическіе пріемы изученія писанныхъ памятниковъ не могутъ быть использованы для частныхъ документовъ? Конечно, нѣтъ. Это значитъ только, что сама дипломатика развивается по двумъ одинаково равноправнымъ линіямъ. Одни пріемы въ совокупности слагаются во внѣшнюю критику, другіе — въ критику содержанія. Если частный документъ будетъ безъ даты или другихъ обозначеній, онъ долженъ быть подвергнутъ тщательному разбору со стороны внѣшней. Бумага, водяные знаки, печать, почеркъ—все, что̀ можетъ помочь датировать документъ— все должно быть использовано. Но всѣ эти предварительныя критическія операціи самостоятельнаго значенія въ изученіи частныхъ документовъ не имѣютъ. Цѣль дипломатики въ данномъ случаѣ— изученіе содержанія, средство—клаузальный анализъ.

При такомъ пониманіи задачъ дипломатики измѣняется и ея положеніе. Самостоятельной наукой, со своимъ отграниченнымъ объектомъ, она быть не можетъ. Она становится только методомъ науки исторіи права. Методомъ не единственнымъ, едва ли вполнѣ самостоятельнымъ, но своеобразнымъ и необходимымъ всегда, во всѣхъ случаяхъ, когда предметомъ изученія служитъ документъ.

Я стремился показать необходимость дипломатики для исторіи права, исходя изъ того, что особенный матеріалъ—частные документы—требуетъ и особыхъ пріемовъ обращенія съ нимъ. Подводя нѣкоторые итоги, можно сказать, что дипломатическій анализъ долженъ установить прежде всего клаузальный составъ документа, отмѣтить затѣмъ тѣ измѣненія, которыя произошли въ немъ отъ приращенія или убыли клаузулъ, установить далѣе измѣненія, локализировавшіяся въ рамкахъ отдѣльныхъ клаузулъ, и, такимъ образомъ, опредѣлить мѣсто документа въ ходѣ развитія формуляра. Уже одна эта работа даетъ чрезвычайно цѣнныя для историка права наблюденія. Онъ можетъ съ полной основательностью дѣлать выводы о жизни документа, какъ одной изъ формъ юридическаго быта. Едва ли кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что изученіе этого объекта представляетъ самостоятельный интересъ. Если мы изучаемъ съ вполнѣ законнымъ любопытствомъ процессуальныя, напримѣръ, формы, то тѣмъ болѣе необходимо всмотрѣться въ документъ, эту единственную, быть можетъ, оставшуюся отъ вѣковъ праотеческихъ оболочку обычнаго права.

Но основная задача клаузульнаго анализа сосредоточена въ другомъ. Если документъ есть внѣшнее выраженіе какихъ-либо моментовъ сдѣлки—а мнѣ кажется, что иначе быть не можетъ — то отъ документа всегда позволительно умозаключать и къ самой сдѣлкѣ. Ходъ умозаключеній въ данномъ случаѣ будетъ обратнымъ отвлеченнымъ повтореніемъ конкретнаго процесса. Документъ былъ проекціей сдѣлки или нѣкоторыхъ элементовъ ея въ запись, слѣдуетъ спроектировать запись въ давно ушедшую правовую жизнь и передъ нами встанетъ если не весь образъ сдѣлки, то во всякомъ случаѣ подобіе ея. Кювье по одной кости реконструировалъ внѣшній обликъ вымершихъ животныхъ. Документъ не только кость сдѣлки, а весь скелетъ ея. И если клаузульный анализъ даетъ возможность типизировать соотношеніе частей и этому типическому комплексу придать логическую связность и настоятельность, тогда не трудно уже будетъ одѣть скелетъ живой плотью отшедшей правовой дѣйствительности, вдохнуть въ него душу прошлаго юридическаго мышленія.

Въ этомъ именно возстановленіи прошлаго и заключается первѣйшая помощь, которую дипломатика оказываетъ исторіи права. Если бы даже она была и единственной, то и этого было бы достаточно, чтобы считать усвоеніе пріемовъ дипломатической работы обязательнымъ и необходимымъ для историка-юриста.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣли и будемъ имѣть блестящія изслѣдованія, посвященныя исторіи русскаго част-

наго права и не опирающіяся на дипломатическій анализъ. Проницательная интуиція, не укладываемая ни въ какія рамки, часто достигаетъ превосходныхъ успѣховъ тамъ, гдѣ методически-правильная, прилежная работа дѣлаетъ только робкіе шаги. Но зато методъ обезпечиваетъ преемственность производимыхъ изслѣдованій. Ставши общезначимымъ, онъ даетъ всѣмъ ищущимъ доступное орудіе научныхъ свершеній. Интуиція же, вѣнчая счастливаго, уходитъ изъ міра вмѣстѣ съ нимъ. Конечно, здѣсь не можетъ быть выбора. Но если намѣчается методъ, хотя бы даже въ невѣрныхъ, неустановившихся, колеблющихся чертахъ, долгъ каждаго любителя науки утончать, развивать и совершенствовать его.

Кортомныя.

Ф. Ф. Злотниковъ.

Задачей настоящей статьи является разсмотрѣніе (съ точки зрѣнія дипломатики) частноправовыхъ актовъ, совершенно не обслѣдованныхъ въ нашей историко-юридической литературѣ, извѣстныхъ подъ названіемъ «кортомныхъ записей». Среди множества изданныхъ разнаго рода частноправовыхъ актовъ они встрѣчаются довольно рѣдко. Для настоящей статьи подвергнуто разсмотрѣнію 32 такихъ акта; 33-й является, повидимому, черновымъ наброскомъ, напечатаннаго передъ нимъ акта, и поэтому оставленъ безъ разсмотрѣнія [1]). Къ сожалѣнію, нельзя было воспользоваться еще двумя актами, напечатанными только въ изложеніи въ «Описи Линевскаго архива», вслѣдствіе небрежности этого изданія [2]).

Прежде всего, естественно, является вопросъ, какія причины побуждаютъ изслѣдователей исторіи русскаго частнаго права и издателей древнихъ актовъ называть эти акты «кортомными», а не инымъ какимъ-либо именемъ, встрѣчается ли это названіе въ самихъ актахъ или же тамъ имѣются какія-либо другія данныя для того, чтобы ихъ называть «кортомными». Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ слѣдующій: изъ всѣхъ 32 актовъ только въ 6 [3]) встрѣчается названіе «кортомная», именно въ такихъ сочетаніяхъ: въ трехъ актахъ—«кортомная запись», въ одномъ—«кортомная данная за-

---

[1]) Архивъ сельца Зиновьева. Подъ ред. А. Н. Куломзина и М. Г. Курдюмова. Костромская Губернская Ученая Архивная Коммиссія. Спб., 1913, № XLII.

[2]) Н. Н. Селифонтовъ. Подробная опись 272 рукописямъ конца XVI до начала XIX стол. второго собранія «Линевскаго Архива». Спб., 1892, №№ 257 и 258.

[3]) 4 акта 17 вѣка и 2—18 вѣка.

пись» [1]), въ одномъ—«кортомная память», въ одномъ—«кортомное письмо» и «кортомная»; во всѣхъ же остальныхъ 26 актахъ встрѣчаются лишь слѣдующія выраженія: «отдалъ изъ денежной кортомы», «кортомныя деньги», «кортома», «кортомная земля», «кортомы рядилъ», «кортомщики», «кортомили» такимъ-то или у такихъ-то, «кортома дошла», «кортому платить», «кортомы намъ на кортомщикахъ имать», «кортома заплачена», «отдалъ въ кортому», «кортомы взялъ» и т. п. На основаніи упоминанія въ актахъ о кортомѣ всѣ они и названы изслѣдователями «кортомными» [2]). Вообще же, за исключеніемъ упомянутыхъ 6 актовъ, всѣ остальные акты называютъ себя 1) въ 13 случаяхъ «записями» (изъ нихъ одинъ актъ называетъ себя еще и «противная запись», другой — «челобитная запись») [3]), 2) въ 6 случаяхъ — «отписями», 3) въ 3 случаяхъ — «письмами» (изъ нихъ въ одномъ еще и «владѣнное письмо», въ другомъ—«повѣренное письмо» и «росписка», въ третьемъ—«договорное письмо»), 4) въ одномъ случаѣ «память», 5) въ одномъ случаѣ «память» и «отпись», 6) въ двухъ случаяхъ названій нѣтъ.

Что же касается времени, къ которому относятся разсматриваемые акты, то всѣ они, охватывая почти столѣтіе, относятся ко второй половинѣ 17 вѣка и первой половинѣ 18 вѣка. Подробный перечень ихъ по годамъ слѣдующій: 1660, 1666, два акта 1678, два—1679—80, 1682, 1683, 1686, 1687—8, два—1688, 1690, 1691—2, 1692, 1694, 1695, 1697, два—1698, два—1700, два—1701, два—1703, 1706, 1733, 1741, 1750, 1753, 1757 [4]).

Дата всѣхъ актовъ 17 столѣтія и двухъ первыхъ актовъ 18 столѣтія помѣщается въ концѣ текста акта, въ клаузулѣ о писцѣ (за исключеніемъ двухъ, гдѣ она совсѣмъ не указана [5]) и пяти, гдѣ она встрѣчается въ срединѣ акта [6]); конца одного акта

[1]) Этотъ же актъ называетъ себя еще и «данная» на деревню на кортому. Труды Вятской ученой архивной комиссіи. 1907 г., выпускъ IV, с. 1—4.

[2]) Конечно, при объединеніи разсматриваемыхъ актовъ въ одну группу первенствующее значеніе имѣетъ тожественность ихъ сдѣлки, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

[3]) Одна, повидимому, противень; названіе другой: «челобитная запись» изъ самого акта нельзя выяснить.

[4]) Большинство разсматриваемыхъ актовъ напечатано въ указанномъ «Архивѣ сельца Зиновьева» и у І. Д. Преображенскаго и Н. А. Альбицкаго: «Подробная опись 962 рукописямъ... Долматовскаго архива...» Спб., 1895.

[5]) Редакторы, однако, пріурочили ихъ безъ оговорокъ къ опредѣленному году, повидимому, на основаніи имѣвшихся у нихъ данныхъ.

[6]) Необходимо замѣтить, что дата, встрѣчающаяся въ срединѣ текста, поставлена не для обозначенія времени написанія акта, а для поясненія словъ «въ нынѣшнемъ году» или «на нынѣшній годъ», обозначающихъ время начала кортомы.

не приведено). Дата 8 остальныхъ актовъ, т.-е. начиная съ актовъ 1703 года, въ силу Петровскаго указа 1701 г. [1]) помѣщена въ началѣ текста актовъ, такъ что послѣдніе начинаются словами: «лѣта (такого-то)», или «(такого-то) году», тогда какъ предшествующіе имъ по времени акты начинаются большей частью (18 случаевъ изъ 22) словами: «се азъ (такой-то)» даже въ томъ случаѣ, если далѣе изложеніе идетъ во множественномъ числѣ («се азъ... солдаты», «се азъ... татары», «се азъ... крестьяне»). Дата же этихъ актовъ помѣщается въ концѣ текста акта, именно въ клаузулѣ о писцѣ: «а запись писалъ (такой-то) лѣта (такого-то)» [2]). Что же касается тѣхъ актовъ 17 столѣтія, гдѣ даты въ клаузулѣ о писцѣ нѣтъ, то о времени, къ которому они относятся, можно судить по году, съ котораго начинается кортома. Изъ 22 актовъ 17 столѣтія и двухъ первыхъ — 18 столѣтія обозначеніе времени, съ котораго начинается кортома, находится въ 21 актѣ, въ двухъ — это не извѣстно и въ одномъ—пропущена та часть акта, гдѣ, какъ можно предполагать, было сказано о срокѣ кортомы. Изъ остальныхъ 8 актовъ 18 столѣтія только въ двухъ годъ отмѣченъ еще въ концѣ текста, въ 5 случаяхъ онъ отмѣченъ въ срединѣ при обозначеніи начала кортомы и въ 1 случаѣ онъ отмѣченъ при явкѣ.

По мѣсту нахожденія предмета сдѣлки акты распадаются на слѣдующія группы: 19 изъ нихъ относятся къ Костромскому уѣзду (одинъ изъ нихъ, быть можетъ, къ Ярославскому), 5 актовъ къ Вологодскому, 1—къ Ярославскому (а можетъ быть, къ Костромскому), 1—къ Галичскому, 1—къ Кинешемскому, 1—къ Хлыновскому, 1—къ Суздальскому, 1—къ Симбирскому; два акта точно по уѣзду установить не удалось, но одинъ изъ нихъ, повидимому, относится къ мѣстности около города Шуи, а другой, повидимому, къ мѣстности около Онежскаго озера. Хотя одинъ актъ по мѣсту нахожденія предмета сдѣлки и относится къ Симбирскому уѣзду, но написанъ онъ въ Костромѣ; одинъ актъ написанъ въ Москвѣ, но относится по предмету сдѣлки къ Костромскому уѣзду, и одинъ актъ, неизвѣстно гдѣ написанный, относится по предмету къ Суздальскому уѣзду, къ Талицкому стану, расположенному на границѣ съ Костромскимъ уѣздомъ; контрагентами въ немъ выступаютъ помѣщики и

---

[1]) I П. С. З. т. IV № 1833. Въ указѣ предписывается помѣщать годъ написанія крѣпости въ началѣ и не начинать ея по древнему обыкновенію «се азомъ».

[2]) Въ нѣкоторыхъ актахъ 17 вѣка замѣчается стремленіе помѣщать указаніе на время ихъ совершенія въ началѣ текста; но благодаря силѣ традиціи это обозначеніе попадаетъ на слѣдующее мѣсто: «се азъ (такой-то) въ нынѣшнемъ въ (такомъ-то) году». Такихъ актовъ 9 изъ 22 актовъ 17 вѣка.

крестьяне изъ Костромского уѣзда. Такимъ образомъ, всѣ разсматриваемые акты сосредоточены въ сѣверной части Замосковнаго края и въ южной части Поморья. Объясняется ли это случайностью изданія юридическихъ актовъ нашего прошлаго или же тѣмъ обстоятельствомъ, что кортомныя составляютъ мѣстную особенность — установить по имѣющемуся матеріалу окончательно нельзя. Съ нѣкоторой степенью вѣроятности можно только допустить, что не случайностью изданія объясняется сосредоточеніе кортомныхъ около Вологды, Ярославля, Костромы и Вятки; но объ этомъ сказано далѣе.

Въ то время, какъ мѣсто нахожденія предмета сдѣлки кортомныхъ записей можетъ быть установлено точно почти для всѣхъ этихъ актовъ, мѣсто написанія ихъ только въ очень немногихъ случаяхъ опредѣляется точно; и въ этихъ случаяхъ оно не указано въ актѣ, а о немъ можно заключить по площаднымъ подьячимъ, которыми эти акты написаны. Такъ, одинъ актъ написанъ площаднымъ подьячимъ Ивановской площади, значитъ, въ Москвѣ; одинъ— площаднымъ подьячимъ Хлыновской площади,—въ Вяткѣ; одинъ въ Вологдѣ, и два въ Костромѣ. Что же касается остальныхъ 27 актовъ, то о мѣстѣ написанія ихъ ничего въ актѣ не сказано и установить его точно нельзя по косвеннымъ указаніямъ. Можно только предполагать, что они написаны въ мѣстности, гдѣ находился предметъ сдѣлки, или гдѣ-либо недалеко отъ него. Это предположеніе основывается на указаніяхъ опредѣленій при обозначеніи соціальнаго положенія писцовъ: поповъ, дьячковъ, пономарей какой-либо церкви въ уѣздѣ или земскихъ дьячковъ какого-либо близлежащаго села.

Переходимъ къ разсмотрѣнію клаузальнаго состава кортомныхъ записей.

Начальный протоколъ въ разсматриваемыхъ актахъ (31) встрѣчается всего три раза; относительно одного акта ничего нельзя сказать, такъ какъ редакторъ не напечаталъ его начала. Въ актахъ 1690 и 1688 г. онъ выраженъ такъ: «память мнѣ (такому-то)», «память прихожанамъ (такимъ-то)»; въ актѣ 1683 г. начальный протоколъ невполнѣ законченъ по своему словесному выраженію вслѣдствіе того, что онъ соединенъ со слѣдующей за нимъ первой клаузулой словами «въ томъ», впрочемъ, безъ дальнѣйшаго «что»: «память мнѣ (такому-то) въ томъ», далѣе слѣдуетъ первая клаузула: «въ нынѣшнемъ во 191 году отдалъ я (такой-то)»... Эта связь съ первой клаузулой, такимъ образомъ, не сильна. Характернымъ для этихъ трехъ актовъ является то обстоятельство, что всѣ они называютъ себя «памятями» [1]) и что у нихъ нѣтъ послуховъ.

[1]) Одинъ актъ, кромѣ того, называетъ себя въ подписи еще «кортомная запись», другой,—также въ подписи—«отпись». Шумаковъ говоритъ, что

1 клаузула: отдача или взятіе въ кортому. Первая клаузула разсматриваемыхъ актовъ устанавливаетъ отдачу въ кортому однимъ лицомъ [1]) какого-либо предмета другому лицу, называемому кортомщикомъ; она, такимъ образомъ, опредѣляетъ характеръ сдѣлки. Эта клаузула въ своемъ текстѣ содержитъ слѣдующія данныя: 1) наименованіе лица, отдающаго въ кортому, 2) наименованіе кортомщика, 3) предметъ кортомы, 4) отдачу или взятіе въ кортому и 5) срокъ кортомнаго держанія.

При сообщеніи именъ наймодавца и кортомщика иногда указывается и ихъ соціальное положеніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ актѣ оно не указано, его можно опредѣлить по другимъ актамъ, гдѣ говорится объ этихъ лицахъ. Преобладающее количество среди наймодавцевъ приходится на долю помѣщиковъ: изъ 32 лицъ — 24 помѣщика (въ томъ числѣ 6 помѣщицъ); остальные наймодавцы по соціальному положенію распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 3 случаяхъ — духовенство (2 раза церковь и 1 — монастырь) въ 2 случаяхъ — солдаты, въ 2 — вотчинники (въ томъ числѣ одинъ разъ татары), въ 1 случаѣ — помѣщичьи крестьяне.

Среди кортомщиковъ преобладаютъ также помѣщики: на ихъ долю приходится 14 человѣкъ (въ томъ числѣ 2 помѣщицы) [2]); далѣе въ 12 случаяхъ кортомщиками являются крестьяне (10 разъ помѣщичьи крестьяне и 2 раза монастырскіе); въ 3 случаяхъ — монастыри; въ 1 — архіепископъ; въ 1 — солдаты; въ 1 — приказный человѣкъ.

Предметомъ кортомы являются недвижимыя имущества: въ 2 случаяхъ мельницы [3]), во всѣхъ же остальныхъ 30 случаяхъ земли съ принадлежностями разнаго рода и подъ разными наименованіями [4]): «лѣшія подсѣкирныя земли», помѣстныя пустоши, сельцо со всѣми угодьями, «вотчинная деревня съ дворовыми хо-

памяти представляютъ собой наброски послѣдующихъ записей. Актъ 1690 г. подходитъ подъ это толкованіе; двѣ же другія памяти представляютъ собой договоры съ хорошо развитымъ клаузальнымъ составомъ. С. Шумаковъ, «Мѣна», Ж. М. Н. П., 1906 г., № 11, с. 126.

[1]) Лицо, сдающее что-либо въ кортому, въ дальнѣйшемъ изложеніи называется наймодавцемъ. Тяжеловатость этого термина искупается тѣмъ соображеніемъ, что онъ совершенно не опредѣляетъ характера правъ сдающаго на предметъ, сдаваемый въ кортому: наймодавецъ можетъ быть собственникомъ, владѣльцемъ, нанимателемъ и т. п. сдаваемаго имущества.

[2]) Кромѣ указанныхъ 8 случаевъ, женщины не выступаютъ болѣе въ качествѣ контрагентовъ; но въ 9 случаяхъ мужья упоминаютъ о нихъ, распространяя на нихъ и на дѣтей свои обязательства.

[3]) Выражаясь точнѣе — жеребьи въ мельницахъ.

[4]) Въ томъ числѣ два раза земли и жеребьи въ мельницахъ.

ромами, съ насѣянной рожью, съ сѣнными печишными покосами и со всѣми угодьями, которыми мѣсты отцы наши и дѣды у тое деревни владѣли», лѣсъ, пустошь, покосъ, роспашь, крѣпостная земля, усадьба съ пашней, лѣсомъ и покосами и т. п. Отдаваемыя въ кортому земли распадаются на слѣдующія группы: помѣстныя—22 раза, вотчинныя — 2 раза, церковныя — 2 раза, монастырская — 1 разъ, крѣпостная—1 разъ, неизвѣстно какія—2 раза. При названіи предмета сдѣлки иногда помѣщается указаніе на его мѣстонахожденіе, например, наволокъ на рѣкѣ Мезѣ, на рѣкѣ Дунайкѣ, въ пустоши Власовѣ, подъ Правутинымъ; иногда отмѣчается волость, станъ, уѣздъ: «въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Талицкомъ стану водяную мельницу подъ пустошью Чирьяковымъ».

Если актъ написанъ отъ лица, отдающаго свое имущество, то въ такомъ случаѣ тамъ встрѣчаются выраженія: «отдалъ въ кортому, на кортому, изъ кортомы»; если же актъ написанъ отъ лица кортомщика [1]), то говорится объ этомъ обыкновенно такъ: «взялъ въ кортому». Встрѣчаются въ двухъ актахъ выраженія «кортомили», въ одномъ — «наняли въ кортому» и въ одномъ — «отдалъ въ наемъ», а далѣе «а кортомы рядилъ». То обстоятельство, что въ разсматриваемыхъ актахъ дѣло идетъ объ отдачѣ имущества въ кортомное держаніе, а не какое-либо иное, въ большей части актовъ (именно въ 20) формулировано въ первой клаузулѣ указанными выраженіями. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ о кортомѣ говорится въ послѣдующихъ клаузулахъ (напр., при установленіи размѣра кортомы или полученіи платы), на основаніи чего становится яснымъ, что дѣло идетъ объ отдачѣ именно въ кортому.

Въ большей части актовъ въ первой клаузулѣ (въ 22 изъ 31, въ одномъ актѣ нѣтъ начала текста) устанавливается и срокъ кортомы. Шесть разъ онъ встрѣчается въ клаузулѣ о полученіи платы; въ видѣ же самостоятельной клаузулы онъ встрѣчается всего лишь въ двухъ случаяхъ: «а посѣяти имъ та рожь въ нынѣшнемъ 168 г.», а косить ему... та трава въ нынѣшнемъ 188 г.». Въ третьемъ случаѣ въ клаузулу о срокѣ кортомы включено условіе о пользованіи предметомъ сдѣлки: «а владѣть имъ... пашня пахать, сѣно косить и лѣсъ сѣчь и всякою угодою угодовать съ нынѣшняго 1700 году сентября съ 1 числа впредь на 10 лѣтъ». Что же касается продолжительности кортомы, то въ разсматриваемыхъ актахъ она выражается слѣдующими цифрами: въ 8 случаяхъ имущество

---

[1]) Изъ 32 актовъ 27 написано отъ лица наймодавца и 5 отъ лица кортомщика.

отдается на 1 годъ, въ 1 случаѣ на 3 года, въ 2 случаяхъ на 5 лѣтъ, въ 11 случаяхъ на 10 лѣтъ, въ 2 случаяхъ на 15 лѣтъ въ 3 случаяхъ на 20 лѣтъ, въ 2 случаяхъ на 30 лѣтъ, въ 1 случаѣ на 33 года и въ 1 случаѣ до смерти лица, отдающаго въ кортому; въ 1 случаѣ срокъ не обозначенъ.

Если обозначить буквою Д наймодавца, буквою К кортомщика, буквою П предметъ сдѣлки и буквою С срокъ кортомы, то первую клаузулу въ общемъ можно изобразить такъ:

«Се азъ Д (далъ запись въ томъ, что) отдалъ К въ кортому П на С» или

«Се азъ К взялъ у Д въ кортому П на С».

Вмѣсто словъ «отдалъ въ кортому» или «взялъ въ кортому, въ 2 актахъ сказано «кортомили», въ 1—«нанялъ», въ 1—«отдалъ въ наемъ» и въ 1—«поступилась» [1]).

2 клаузула: размѣръ платы. Вторая клаузула устанавливаетъ размѣръ платы за имущество, которое сдается въ кортому. Плата устанавливается или цѣликомъ, за все время кортомы, или погодно. Эта клаузула встрѣчается въ 19 актахъ изъ 31. Большей частью о кортомѣ говорится, что наймодавецъ «рядилъ» ее въ такомъ то размѣрѣ, рѣже—«взялъ», «кортому мнѣ имать», «брать». Если же актъ написанъ отъ лица кортомщика, то о размѣрѣ платы говорится такъ: «а кортомы мнѣ платить (или давать) за П столько то на годъ». Устанавливая размѣръ платы, вторая клаузула въ 6 случаяхъ говоритъ и о времени уплаты. Въ одномъ актѣ устанавливаются разные размѣры платы: на первую половину всего срока кортомы наймодавецъ устанавливаетъ по 20 алтынъ въ годъ, а на вторую половину — по рублю въ годъ [2]). Въ общемъ вторая клаузула имѣетъ такой видъ:

«А кортомы я Д рядилъ у К за П по (столько-то) на годъ на (такой-то) срокъ», или

«А кортомы мнѣ Д имать (брать) у К за П по (столько-то) на годъ на (такой-то) срокъ», или

«А кортомы мнѣ К платить (давать) Д за П по (столько-то) на годъ».

Слѣдуетъ отмѣтить единственный случай распаденія второй клаузулы на двѣ части, причемъ въ первую часть включено обязательство давать расписки при полученіи денегъ:

«А брать мнѣ Д по договору на годъ на срокъ... по 4 рубля

---

[1]) Въ этомъ актѣ въ первую клаузулу включена также вставка о мотивахъ поступки; въ слѣдующихъ клаузулахъ говорится о кортомѣ. Преображенскій и Альбицкій, ук. соч., с. 46, № 178 г.

[2]) Преображенскій и Альбицкій, ук. соч., с. 205, № 912.

по смерть свою и въ тѣхъ деньгахъ давать отписи за руками. А будетъ судомъ Божьимъ его К въ животѣ не станетъ и мнѣ Д тѣ кортомныя деньги брать на женѣ его... и на дѣтяхъ его по 4 же рубля на годъ» [1]).

3 клаузула: пользованіе предметомъ кортомы. Въ клаузулѣ о пользованіи предметомъ кортомы устанавливаются права кортомщиковъ, выговариваются для нихъ тѣ или иныя условія эксплоатаціи, которыя разнообразятся въ зависимости отъ особенностей предмета и цѣлей найма. Такъ, если предметомъ кортомы является деревня, сельцо, помѣстная земля и т. п., то обыкновенно кортомщику предоставляется право пашню пахать, сѣно косить, лѣсъ сѣчь и всякими угодьями угодовать; въ одномъ актѣ говорится, что кортомщику на той кортомной землѣ «вольно крестьянскіе дворы строить и крестьянъ селить»; въ другомъ актѣ: «и владѣть имъ К въ тѣ срочныя лѣта хлѣбъ и траву снимать имъ на себя»; въ актѣ, гдѣ предметомъ кортомы являются сѣнокосъ и жеребей въ мельницѣ, говорится: «и тѣми сѣнными покосами и въ мельницѣ владѣть ему К и всякія угодья угодовать». Въ актѣ 1733 г. [2]) помимо слѣдующихъ правъ: «вновь что похотятъ строить, пашни пахать, и лѣсъ рубить, и сѣно косить, и угодовать», устанавливается еще и право сублокаціи: «и въ кортому кому похотятъ отдавать вольны» [3]). Кромѣ правъ кортомщиковъ, въ третьей клаузулѣ въ трехъ случаяхъ устанавливаются и ихъ обязанности: «впустѣ не покинуть», «угольныхъ ямъ имъ кортомщикамъ не копать и отросели не отпущать и заваловъ не заваливать», «наземъ возить» (далѣе въ этомъ же актѣ въ видѣ особой клаузулы, дополняющей указанную обязанность кортомщика, говорится: «А наземъ возить, какъ мочь моя будетъ»). Текстъ клаузулы о пользованіи предметомъ кортомы, встрѣчающейся всего въ 9 актахъ, очень неустойчивъ по своему словесному выраженію и имѣетъ такой видъ: «И имъ кортомщикамъ въ тѣ урочные годы тѣмъ П владѣть (то-то и то-то дѣлать) и всякими угодьи угодовать». Иногда о цѣли, съ какой отдается имущество въ кортому, говорится очень кратко въ первой клаузулѣ: «отдалъ П подъ рожь», «пашня пахать», «подъ

[1]) Преображенскій и Альбицкій, ук. соч., с. 46, № 178 г.

[2]) П. Мартыновъ: «Селенія Симбирскаго уѣзда». С., 1904, с. 146.

[3]) Въ актѣ 1694 г. напротивъ того, запрещено кортомщикамъ отдавать на сторону; это условіе включено въ клаузулу о неустойкѣ. (Костромская старина, вып. VI, К., 1906, с. 260, № 121). Въ актѣ 1686 г. запрещено кортомщикамъ отдавать предметъ кортомы въ оброкъ; въ этой же клаузулѣ говорится о поддержаніи предмета кортомы въ хорошемъ состояніи, о не осваиваніи его и объ условіяхъ пользованія. (Опис. свитковъ, наход. въ Волог. Епарх. древнехр., вып. VII, В. 1904, с. 75—76).

выпускъ», «сѣно косить» и т. п. Въ одномъ актѣ условіе о пользованіи включено въ клаузулу о срокѣ кортомы и въ одномъ въ смѣшанную клаузулу.

4 клаузула: полученіе платы впередъ. Полученіе платы впередъ встрѣчается въ видѣ особой клаузулы, довольно устойчивой по своему словесному выраженію, въ 16 актахъ; кромѣ того, въ одномъ актѣ, начала котораго редакторъ не напечаталъ, плата также получена сполна впередъ за весь срокъ кортомы. Изъ указанныхъ же 17 случаевъ полученія платы впередъ въ 14 случаяхъ она получена цѣликомъ, «вся сполна» и въ 3 случаяхъ частично. Плата большею частью, именно въ 8 случаяхъ называется «кортомой», затѣмъ въ 5 случаяхъ «кортомными деньгами». Во второй клаузулѣ плата называется кортомой изъ 19 случаевъ — 15 разъ (въ томъ числѣ одинъ разъ «денежной кортомой»), 2 раза «кортомными деньгами» и 2 раза она не обозначена особымъ названіемъ: указана лишь сумма денегъ, которую кортомщикъ долженъ платить наймодавцу. Объединяя данныя 2 и 4 клаузулъ можно сказать слѣдующее о характерѣ кортомы: изъ 32 случаевъ въ 24 установлена денежная кортома, въ 1 случаѣ натуральная, въ 6 случаяхъ неизвѣстнаго характера («кортома получена вся сполна») и въ 1 случаѣ смѣшанная: деньги, натура и услуги («по 20 алтынъ денегъ, да по полу-ведра вина, да его жъ крестьянамъ жать по 25 загоновъ ржи»). Четвертая клаузула по своему выраженію имѣетъ такой видъ:

«А кортома (кортомныя деньги) меня Д съ него К дошла вся (дошли всѣ) сполна».

Иногда въ этотъ текстъ дѣлаются вставки о предметѣ кортомы: «за тѣ мои пустоши», или о времени кортомы: «на всѣ урочные годы» или на «нынѣшній (такой-то) годъ».

5 клаузула: кортома послѣ срока. Въ 4 актахъ кортома продолжается и по окончаніи срока, устанавливаемаго въ записи. Это составляетъ содержаніе пятой клаузулы. Въ трехъ актахъ дѣло идетъ о сдачѣ въ кортому однимъ и тѣмъ же наймодавцемъ одному и тому же кортомщику. Сдаются разные участки помѣстной земли на 20 лѣтъ: «а какъ тѣ урочные годы отойдутъ, владѣть ему жъ К за долговыя его К деньги и за заемной хлѣбъ и женѣ его и дѣтямъ владѣть же, что есть на мнѣ Д его К долгъ» [1]). Плата за 20 лѣтъ получена; послѣ этого кортомщикъ владѣетъ за долгъ безъ указанія срока. Сущность этихъ условій не ясна въ разсматриваемыхъ 3 актахъ: съ одной стороны, владѣніе по истеченіи

[1]) Преображенскій и Альбицкій, ук. соч., с. 201 и 202, №№ 896, 899 и 902.

20 лѣтъ устанавливается за долгъ; съ другой стороны, далѣе въ актахъ говорится, чтобы Д и его жена и дѣти не повышали платы за кортому. Владѣніе по истеченіи 20 лѣтъ продолжается по заключенному договору, т.-е. по кортомной записи. Слѣдовательно, здѣсь дѣло идетъ какъ-будто о вѣчной кортомѣ, нарушить которую не можетъ даже уплата неустойки, послѣ чего «сія моя запись на тотъ жеребій и впредь въ запись». Въ четвертомъ актѣ дѣло представляется нѣсколько яснѣе: наймодавецъ сдалъ монастырю починокъ—роспашь на 30 лѣтъ; а послѣ тѣхъ урочныхъ 30 лѣтъ «тою П владѣть К вѣчно по сей записи» [1]). За 30 лѣтъ кортома взята впередъ по алтыну на годъ. По истеченіи 30 лѣтъ монастырь владѣетъ землей безъ платы; по крайней мѣрѣ, о ней ничего въ актѣ не говорится. Самому Д его женѣ и дѣтямъ «въ тѣ урочные годы и послѣ тѣхъ урочныхъ лѣтъ той П не продать и не заложить и не промѣнить и въ кортому не отдать и ни въ какія крѣпости ни за кого, кромѣ К, не укрѣпить»; монастырь будетъ владѣть починкомъ вѣчно по этой записи даже послѣ нарушенія условій сдѣлки и уплаты устанавливаемой неустойки въ 50 рублей, потому что «ся запись и впредь въ запись» [2]).

6 клаузула: время платежа. Время платежа кортомы выражено отдѣльной клаузулой въ 8 актахъ и, кромѣ того, въ 5 актахъ оно включено во вторую клаузулу. Большей частью время платежа кортомы приходится на зиму. Въ актахъ указаны слѣдующіе сроки уплаты кортомы: 5 разъ «на Николинъ день осенній», 4 раза «на Рождество Христово», 1 разъ 1-го января, 1 разъ «на Антоньевъ день», 2 раза въ маѣ мѣсяцѣ (въ 15 случаяхъ кортома получена впередъ, въ 4 — срокъ платежа не извѣстенъ). По словесному выраженію разсматриваемая клаузула имѣетъ приблизительно такой видъ:

«А кортома имать мнѣ Д на ихъ кортомщикахъ погодно на срокъ (такой-то)», или иногда:

«А кортомныя деньги платить К погодно на срокъ (такой-то)».

Шестая клаузула отсутствуетъ во всѣхъ тѣхъ актахъ, гдѣ встрѣчается клаузула о полученіи впередъ платы за кортому.

7 клаузула: отписи. Въ разсматриваемыхъ актахъ въ трехъ случаяхъ встрѣчается условіе о томъ, чтобы лицо, отдающее свое имущество въ кортому, при полученіи платы выдавало кортомщику

---

[1]) С. Шумаковъ: «Сотницы, грамоты и записи», М., 1902 г., с. 219, № XXXV.

[2]) Шумаковъ указываетъ на подобные акты, какъ на способы передачи земель монастырямъ въ обходъ закона. См. Ж. М. Н. П. 1906 г. № 11, с. 132.

расписку въ ея полученіи, называемую «отписью», въ одномъ актѣ «квитанціей». Изъ всѣхъ актовъ только въ одномъ условіе о дачѣ отписи выражено самостоятельной клаузулой: «и тѣ кортомныя деньги имать Д на нихъ К по вся годы до сроку на отписи». Въ двухъ другихъ случаяхъ условія объ отписи включены въ другія клаузулы: въ клаузулу о размѣрѣ платы и въ клаузулу о времени платежа. Среди напечатанныхъ актовъ имѣются и образцы отдѣльныхъ отписей въ полученіи кортомы, выданныя согласно условію кортомной записи [1]).

8 клаузула: обязательство никому не отдавать (кромѣ кортомщика). Восьмая клаузула представляется очень неустойчивой какъ по своему внѣшнему выраженію такъ и по своему внутреннему содержанію. Она устанавливаетъ обязательство со стороны отдающаго въ кортому никому иному не отдать предметъ найма въ теченіе всего срока найма, предоставить его въ пользованіе кортомщика и, такимъ образомъ, не причинить ему убытковъ. Къ этому основному обязательству, болѣе или менѣе ясно выраженному во всѣхъ 9 актахъ съ этой клаузулой, присоединяются еще и другія. Такъ, въ 3 актахъ, написанныхъ однимъ и тѣмъ же писцомъ, говорится слѣдующее: «и мнѣ Д и женѣ моей и дѣтямъ мимо его К и жены его и дѣтей иному никому мимо его не отдать и цѣны не прибавливать и ни за кѣмъ въ помѣстномъ приказѣ не крѣпить и ни въ какія крѣпости не писать». Въ одномъ актѣ, кромѣ обязательства никому не отдавать, прибавляется еще: «и самой мнѣ не жить и не владѣть», въ другомъ: «на себя не ряжать»; въ двухъ актахъ говорится, что наймодавцы, ихъ жены и дѣти обязуются, «никому другому не продать, не заложить, не промѣнять, въ кортому не отдать, ни въ какія крѣпости не укрѣпить и убытка никакого не учинить». Восьмая клаузула имѣетъ приблизительно слѣдующее словесное выраженіе:

«И мнѣ Д (и женѣ моей и дѣтямъ) мимо его К никому иному не отдать (не продать, не заложить, ни въ какія крѣпости не крѣпить) и (убытка никакого не учинить)».

9 клаузула: подати. 10 клаузула: возвратъ предмета. Въ числѣ клаузулъ, не имѣющихъ общности по словесному выраженію, слѣдуетъ отмѣтить клаузулу о податяхъ и клаузулу о возвратѣ предмета кортомы, встрѣчающіяся въ двухъ актахъ. Въ актѣ 1678 г. [2]) двѣ клаузулы о податяхъ: въ одной говорится о податяхъ, которыя долженъ платить наймодавецъ, а въ другой о тѣхъ, которыя дол-

[1]) Примѣромъ могутъ служить отписи, напечатанныя у Преображенскаго и Альбицкаго, ук. соч., с. 197, №№ 876, 877, 878; с. 208, № 921.

[2]) Труды Вятской ученой арх. ком. 1907 г., вып. IV, с. 1—4.

женъ нести кортомщикъ, не зачитывая ихъ въ плату за кортому. Въ актѣ 1757 г. [1]) устанавливается, что «окладныя погодныя деньги» платятъ кортомщики.

Что же касается клаузулъ о возвратѣ предмета найма, встрѣчающихся въ тѣхъ же двухъ только что указанныхъ актахъ, то онѣ также объединяются только общимъ содержаніемъ, а не формулировкой и говорятъ о возвратѣ наймодавцу въ полной исправности предмета найма по истеченіи срока кортомы.

Кромѣ только что упомянутыхъ двухъ клаузулъ, не имѣющихъ общности по своему словесному выраженію, въ разсматриваемыхъ актахъ имѣются еще клаузулы, встрѣчающіяся только по одному разу. Въ виду того, что не можетъ быть и рѣчи относительно установленія общихъ формулировокъ клаузулъ, встрѣчающихся всего одинъ разъ, о нихъ приходится только упомянуть, не приводя ихъ текста. Всѣ онѣ развиваютъ условія договора кортомы и обнаруживаютъ иногда высокую степень развитія договорнаго права того времени. Одна клаузула касается формальной стороны договора кортомы. Клаузулы эти слѣдующія: 1) о постройкахъ, сгнившихъ не по винѣ кортомщика, 2) о постройкахъ, уничтоженныхъ по его винѣ, 3) о причистяхъ, 4) о доплатѣ за новые хоромы, 5) объ улучшеніи предмета кортомы, 6) о томъ, чтобы запасъ послѣдняго года свезти кортомщику «безъ зацѣповъ», 7) объ уничтоженіи всѣхъ записей, написанныхъ до настоящей, 8) о томъ чтобы написать «противъ сего письма крѣпостныя записи съ очисткою» и др.

11 клаузула: обязательство очистки. Обязательство очистки въ видѣ самостоятельной отдѣльной клаузулы встрѣчается 12 разъ и, кромѣ того, въ одномъ актѣ, какъ уже было указано, обязательство очистки включено въ клаузулу о неустойкѣ. Говоря объ обязательствѣ очищать, акты большей частью прибавляютъ къ этому и обязательство не причинять убытковъ. Текстъ клаузулы объ очисткѣ довольно устойчивъ и въ 10 случаяхъ имѣетъ приблизительно такой видъ: «А (будетъ) кто станетъ вступаться въ П и мнѣ Д очищать и до убытка его К никакого не довести».

Два раза въ этотъ текстъ вставляются еще слѣдующія добавленія: «въ тѣ урочные годы» и два раза: «и мнѣ Д ставиться». Въ 2 случаяхъ изъ 10 къ этому основному тексту присоединяется еще вторая часть, которая распространяетъ обязательство очистки на женъ и дѣтей наймодавцевъ послѣ смерти послѣднихъ. Эта вторая часть клаузулы читается такъ: «а послѣ меня женѣ моей

---

[1]) Архивъ сельца Зиновьева, ук. соч., № XLI.

и дѣтямъ моимъ очищать же и дать владѣть ему К» [1]); въ другомъ актѣ: «а послѣ меня женѣ моей и дѣтямъ моимъ очищать же и ни въ какія крѣпости не крѣпить же, а впредь дать владѣть ему жъ К и женѣ его и дѣтямъ [2])». Въ одномъ актѣ обязательство очистки распространено съ наймодавца на его жену и дѣтей, на его брата, жену и дѣтей брата; это распространеніе сдѣлано, впрочемъ, не въ видѣ особой части клаузулы, а при имени наймодавца постановлено: «и женѣ и дѣтямъ» и т. д. Въ двухъ актахъ клаузула объ очисткѣ отличается по формѣ отъ преобладающаго вида. Въ одномъ актѣ она выражена слѣдующимъ образомъ: «и намъ Д ихъ кортомщиковъ отъ всякихъ зацѣповъ очищать»; въ другомъ актѣ: «а въ отводѣ межномъ и въ очищеніи отъ долговъ своихъ и отъ невыплатокъ всякихъ мы Д въ томъ во всемъ... въ тѣ годы елико насъ будетъ въ лицахъ все на томъ».

12 клаузула: убытки. Въ разсматриваемыхъ актахъ клаузула объ убыткахъ встрѣчается всего лишь 4 раза. Она устанавливаетъ обязательство со стороны наймодавца уплатить убытки, понесенные кортомщикомъ по винѣ перваго. Акты предусматриваютъ убытки, которые могутъ быть вызваны или вмѣшательствомъ самого наймодавца или нарушеніемъ кортомы третьими лицами и неочищеніемъ. Клаузула объ убыткахъ имѣетъ приблизительно слѣдующій видъ:

«А буде какіе убытки ему К учинятся и тѣ убытки на мнѣ Д (и мнѣ Д платить) (по сей записи) по его К сказкѣ».

13 клаузула: неустойка. Клаузула о неустойкѣ въ разсматриваемыхъ актахъ встрѣчается 13 разъ и, кромѣ того, текстъ одной клаузулы о неустойкѣ редакторомъ не напечатанъ. Въ 12 случаяхъ неустойку обязуются платить наймодавцы и въ 2 случаяхъ кортомщики. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ записи написаны отъ лица кортомщиковъ, наймодавцами являются помѣщики, неустойкой обязываются крестьяне: помѣщичьи и монастырскіе. Размѣры неустойки очень разнообразны: въ 6 случаяхъ по 10 рублей, въ 2 — по 5 р., въ 2—по 20 р., въ 1—15 р., въ 1—50 р., въ 1—300 р., въ 1— въ двойномъ размѣрѣ кортомныя деньги. Въ 5 случаяхъ наймодавцы распространяютъ обязательство платить неустойку на своихъ женъ и дѣтей и въ 4 случаяхъ кортомщики выговариваютъ для своихъ женъ и дѣтей право получить неустойку съ наймодавцевъ. По своему словесному выраженію тринадцатая клаузула представляется не совсѣмъ устойчивой и довольно часто разнообразится.

---

[1]) Преображенскій и Альбицкій, указ. соч., с. 202, № 902.
[2]) Преображенскій и Альбицкій, указ. соч., с. 201, № 896.

Иногда неустойка устанавливается въ общей формѣ и тогда она имѣетъ приблизительно такой видъ: «противъ сей записи въ чемъ не устою, что писано въ сей записи выше сего». Иногда къ такой общей формулировкѣ присоединяются частныя условія: «а буде тѣхъ урочныхъ годовъ не дадимъ додержать и противъ сей записи не устоимъ». Иногда неустойка устанавливается по частнымъ случаямъ: «а буде я... иному сдамъ до урочныхъ лѣтъ или не дамъ довладѣть или кто начнетъ вступаться... и на мнѣ за неочистку и за сдачу взять»... Клаузула о неустойкѣ только что приведенная въ сокращеніи, заключаетъ въ себѣ и обязательство очистки. Въ общемъ клаузула о неустойкѣ имѣетъ такой видъ: «А буде (тъ) я Д противъ сей записи въ чемъ не устою и на мнѣ Д взять ему К за неустойку (столько-то) рублей».

Клаузула о неустойкѣ со стороны кортомщиковъ:

«А буде мы К въ тѣ урочные годы П владѣть не станемъ или кортомныхъ денегъ платить на срокъ не станемъ (или хотя въ маломъ чемъ противъ сей записи не устоимъ) и на насъ К взять ему Д за неустойку... (столько-то) рублей».

14 клаузула: ненарушимость записи. Четырнадцатая клаузула встрѣчается въ 4 актахъ. Она формулирована слѣдующимъ образомъ: «А ся запись и впредь въ запись». Въ этотъ текстъ въ двухъ случаяхъ вставлено еще: «на тотъ мой жеребей». Эта клаузула выражаетъ собой условіе о непрекращеніи дѣйствія заключеннаго договора о наймѣ имущества послѣ нарушенія какого-либо условія и во всѣхъ 4 актахъ слѣдуетъ непосредственно за клаузулой о неустойкѣ, такъ что по ходу мысли она является какъ бы ея продолженіемъ: если Д въ чемъ-либо противъ условій заключаемой записи не устоитъ, то ему уплатить за неустойку столько-то рублей, а настоящая запись сохраняетъ свою силу и на дальнѣйшее время.

15 клаузула: утвержденіе. Въ числѣ разсматриваемыхъ клаузулъ на послѣднемъ мѣстѣ должна быть поставлена клаузула утвержденія. Она встрѣчается въ 17 актахъ и представляется довольно устойчивой по своему словесному выраженію. Не устанавливая никакого новаго условія, она содержитъ общее утвержденіе всѣхъ ранѣе выставленныхъ условій. Читается она такъ: «Въ томъ я Д ему К и запись (отпись, память, письмо) далъ». Изрѣдка въ этотъ текстъ дѣлаются слѣдующія вставки: «на себя», «на тѣ вышеписанные жеребьи на сѣнные покосы», «что ему К та пустошь расчищать, землю пашню и сѣнные покосы лѣсомъ не заростить, въ томъ мы Д и память дали», и одинъ разъ клаузула выражена такъ: «въ томъ мы Д имъ К сію кортомную данную запись дали за своими бортными пятны и за вмѣстною рукою».

Въ формулировкѣ 15-ой клаузулы произошло нѣкоторое измѣненіе за разсматриваемый періодъ: въ то время, какъ въ актахъ 17 вѣка говорится: «въ томъ я ему К и запись далъ», въ актахъ 18 вѣка прибавляется «во увѣреніе», слово же «запись» замѣнено въ двухъ актахъ словомъ «письмо» и въ одномъ «росписка», такъ что клаузула получила такой видъ: «въ томъ я ему К во увѣреніе и письмо (росписку) далъ».

Конечный протоколъ. Въ полномъ конечномъ протоколѣ прежде всего указываются послухи, далѣе писецъ (лицо, писавшее актъ), дата акта и, наконецъ, слѣдуютъ подписи контрагента и послуховъ. Изъ 32 разсматриваемыхъ актовъ только въ 9 есть послухи, причемъ въ 8 случаяхъ они подписались сами и въ 1 актѣ подпись за свидѣтеля [1]). Клаузула о послухахъ формулирована такъ: «А на то послухи (такіе-то)».

Въ подписи послуховъ говорится такъ: «послухъ (такой-то) руку приложилъ». Въ актахъ 18 вѣка послухи называются свидѣтелями [2]) и форма клаузулы нѣсколько измѣнилась: «А у сей записи свидѣтель (такой-то)». Въ подписи говорится: «(сей записи) свидѣтель (такой-то) руку приложилъ» [3]).

Слѣдующей клаузулой конечнаго протокола является клаузула о писцѣ. Обыкновенно текстъ ея таковъ: «А запись писалъ (по велѣнію Д) (такой-то), лѣта (такого-то)». Въ актахъ, относящихся къ первой половинѣ 18 вѣка, текстъ этой клаузулы измѣнился. Прежде всего въ ней, какъ уже было отмѣчено, нѣтъ указанія на годъ написанія акта (за исключеніемъ двухъ записей), а самый текстъ ея принялъ слѣдующій видъ: «а сіе письмо писалъ по прошенію Д (такой-то)».

При указаніи имени писца большей частью отмѣчается также его соціальное или профессіональное положеніе. Такъ, относительно 32 писцовъ имѣются слѣдующія данныя: въ 12 актахъ это или духовныя лица, или имѣющія отношеніе къ духовному міру (въ 8 случаяхъ записи написаны церковными дьячками, въ 2—монастырскими понамарями, въ 1—попомъ и въ 1—церковнымъ причетникомъ), въ 6 актахъ подьячіе (въ 3—площадными подьячими [4]), въ 2—подьячими крѣпостныхъ дѣлъ, въ 1—«крѣпостей надсмотрщикомъ»), въ

[1]) Согласно Уложенію (X, 247 и 248) для договора найма имущества на сумму не свыше 10 рублей не требовалось подписи послуховъ.

[2]) Предписаніе указа 9 декабря 1699 г. I. П. С. З. III, № 1732.

[3]) То обстоятельство, что свидѣтель замѣнилъ послуха, указываетъ на характеръ послушества въ актахъ конца 17 вѣка: послухи были свидѣтелями записи.

[4]) Согласно Уложенію (X, 250) договоръ о наймѣ имущества на сумму болѣе 10 рублей долженъ былъ быть написанъ площаднымъ подьячимъ.

4 актахъ — земскіе дьячки, въ 3 — приказные подьячіе (въ 2 случаяхъ—подьячіе приказной избы, въ 1 — подьячій сыскныхъ дѣлъ), въ 1 актѣ «земской», въ 3 актахъ соціальнаго положенія писцовъ не обозначено, въ 3 актахъ о писцахъ совсѣмъ ничего не сказано.

Что же касается подписи лицъ, отдающихъ свое имущество въ кортому или берущихъ его (если актъ написанъ отъ лица кортомщиковъ), то сами наймодавцы расписались только въ 6 актахъ и въ 1 случаѣ сынъ вмѣсто наймодавца; вмѣсто отдающихъ въ 9 актахъ расписались попы, въ 1 актѣ — монастырскій служка, въ 1 актѣ — площадной подьячій, въ 5 актахъ соціальное положеніе подписавшихся вмѣсто наймодавца лицъ не указано, въ 2 актахъ нѣтъ конца и въ 2 актахъ подписей нѣтъ.

Въ 5 актахъ, написанныхъ отъ лица кортомщиковъ, подписей самихъ кортомщиковъ нѣтъ; за нихъ подписались въ 3 актахъ попы, въ 1—понамарь и въ 1—«земской».

Форма подписи такова: «къ сей записи (такой-то) руку приложилъ», «къ сей записи (такой-то) вмѣсто (Д или К) по его велѣнію (прошенію) руку приложилъ».

Относительно явки разсматриваемыхъ актовъ имѣются слѣдующія данныя. Всѣ акты до 1703 г. не были представлены къ запискѣ; изъ послѣдующихъ актовъ 3 явлены для записки, 1 — быть можетъ, явленъ: на оборотѣ его имѣется подпись: «дьякъ (такой-то)», самый актъ не законченъ [1]), въ 3 актахъ явки нѣтъ, и 1 актъ—предварительный, съ условіемъ заключить другой актъ крѣпостнымъ порядкомъ [2]).

Сводный текстъ клаузулъ. Основываясь на разсмотрѣніи клаузальнаго состава кортомныхъ записей, попытаемся дать свободный текстъ тѣхъ клаузулъ, которыя имѣютъ между собой общность по словесному выраженію. При этомъ надо оговориться, что текстъ клаузулъ въ отдѣльности, какъ неоднократно указывалось ранѣе, не представляется устойчивымъ, въ виду чего и сводный текстъ клаузулъ кортомныхъ записей является только приблизительнымъ. Мы не приводимъ отдѣльно своднаго текста клаузулъ тѣхъ актовъ, которые сами называютъ себя «кортомными» въ виду того, что они ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые называются «записями», «отписями» и т. д. Кромѣ того, мы не можемъ установить какихъ-либо особенностей въ сводномъ текстѣ клаузулъ разсматриваемыхъ актовъ въ связи съ мѣстомъ и временемъ, такъ какъ въ нихъ не наблюдается какой-либо зависимости отъ указанныхъ моментовъ.

---

[1]) Преображенскій и Альбицкій, ук. соч., с. 206, № 916.

[2]) По указу Петра I договоры объ отдачѣ въ наемъ недвижимаго имущества должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. I. П. С. З. IV, № 1833, 1701 г., 30 января.

«Се азъ Д (далъ запись въ томъ, что) отдалъ К въ кортому П на (столько-то) лѣтъ.

А кортомы я Д рядилъ у К за П по (столько-то) на годъ на (такой-то) срокъ.

И ему К въ тѣ урочные годы тѣмъ П владѣть (то-то и то-то дѣлать) и всякими угодьями угодовать.

А кортома меня Д съ него К дошла вся сполна [1]), или: А кортома имать мнѣ на ихъ К погодно на срокъ (такой-то) [2]).

И мнѣ Д мимо его К никому иному П не отдавать.

А (будетъ) кто станетъ вступаться въ П и мнѣ Д очищать и до убытка его К никакого не довести.

А буде какіе убытки ему К учинятся и тѣ убытки на мнѣ Д по его К сказкѣ.

А буде я Д противъ сей записи въ чемъ не устою и на мнѣ Д взять ему К за неустойку (столько-то) рублей.

А ся запись и впредь въ запись.

Въ томъ я Д ему К и запись далъ [3]).

А на то послухи (такіе-то).

А запись писалъ (такой-то) (мѣсяца и дня такого-то) лѣта (такого-то).

Къ сей записи Д руку приложилъ.

Послухъ (такой-то) руку приложилъ» (повторяется по числу послуховъ) [4]).

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ указанныхъ актовъ съ несомнѣнной ясностью вытекаетъ, что кортомныя записи представляютъ собою не что иное, какъ договоры объ отдачѣ или взятіи въ пользованіе какого-либо недвижимаго имущества на опредѣленный срокъ за условленное вознагражденіе, т.-е., другими словами, кортомныя записи представляютъ собою договоры найма имущества. Во всѣхъ разсматриваемыхъ записяхъ наймодавцы, независимо отъ того, по какому титулу они владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, отдаютъ

---

[1]) Если кортома получена цѣликомъ впередъ.

[2]) Если условіе о времени платежа не включено во вторую клаузулу и кортома уплачивается ежегодными взносами.

[3]) Въ актахъ, гдѣ встрѣчается предшествующая клаузула: «а ся запись и впредь въ запись», клаузулы утвержденія нѣтъ.

[4]) Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что приведенный сводный текстъ клаузулъ кортомной записи въ значительной степени совпадаетъ съ текстомъ записи-образца о наймѣ двора, помѣщенной въ приложеніи къ формамъ записныхъ книгъ въ указѣ 1738 года 8 іюня. Разница обусловливается особенностями предмета сдѣлки. Сходство замѣчается въ слѣдующихъ клаузулахъ о взятіи въ наемъ, о размѣрѣ платы, о времени платежа, въ клаузулѣ утвержденія (I П. С. З., т. X, № 7594).

его нанимателямъ на опредѣленный срокъ, въ большинствѣ случаевъ отъ 1 года до 10, за опредѣленное, почти всегда денежное вознагражденіе. Въ заключаемыхъ договорахъ кортомы контрагентами устанавливаются, съ одной стороны, права наймодавцевъ, напримѣръ, 1) на полученіе вознагражденія, 2) на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ имуществу по винѣ кортомщика, 3) на возвратъ вещи и др. и ихъ обязанности 1) своевременно предоставить кортомщику сданную ему вещь, 2) нести рискъ за нее, 3) платить подати, 4) возмѣстить убытки, причиненные по его, наймодавца, винѣ и др.; съ другой стороны, въ кортомныхъ записяхъ устанавливаются права кортомщика 1) на полученіе во время вещи, 2) на пользованіе ею согласно условіямъ договора и др. и его обязанности 1) пользоваться согласно договору, 2) поддерживать имущество въ хорошемъ состояніи, 3) платить въ срокъ, 4) возвратить предметъ сдѣлки въ срокъ и др.

То обстоятельство, что кортомныя записи представляютъ собою договоры найма имущества, выражается иногда очень ясно въ словоупотребленіи самихъ актовъ. Въ трехъ изъ нихъ на ряду со словомъ кортома употребляется терминъ наемъ: «Се азъ К наняли мы у Д въ кортому П»; «1703 году Д отдалъ К въ наемъ П... а кортомы рядилъ...»; «а кортомы платить намъ наимщикамъ»... Въ приведенныхъ выпискахъ ясно указывается, что кортома и кортомщики значатъ то же, что наемъ и наниматели.

Въ виду того, что кортомныя записи представляютъ собою договоры найма имущества, онѣ, слѣдовательно, входятъ въ кругъ записей о наймѣ имущества, куда относятся, оброчныя, мытныя, празговыя и др. Разницы по существу между этого рода актами нѣтъ. Послѣднимъ объясняется то обстоятельство, что изслѣдователи древнихъ актовъ иногда называютъ оброчныя записи кортомными, несмотря на то, что въ нихъ нѣтъ ни одного слова о кортомѣ [1]). Дѣлать этого не слѣдуетъ, чтобы не распространять употребленіе термина на другія мѣстности и чтобы не мѣнять названія актовъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о самомъ терминѣ «кор-

---

[1]) Напримѣръ, С. Шумаковъ, Ж. М. Н. П., 1908 г., № 4, с. 359—360, 360, 363—364.

В. Борисовъ, «Старинные акты, служащіе преимущественно дополненіемъ къ описанію г. Шуи и его окрестностей», М., 1853 г., с. 329, № 181.

«Костромская старина», вып. VI, К., 1906 г., с. 259, № 120.

Не только теперь слово «оброчная» замѣняется словомъ «кортомная», но, по указанію Спицына, «въ вотчинахъ Слободского монастыря писецъ Воейковъ (1678 г.) одни деревни пишетъ оброчными, другія кортомными». Спицынъ, «Оброчныя земли на Вяткѣ въ 17 в.», Казань, 1892 г., с. 34 и «Земля и люди на Вяткѣ въ 17 ст.», с. 30.

тома». Встрѣчающееся въ разсматриваемыхъ записяхъ слово кортома, какъ это явствуетъ изъ чтенія самихъ актовъ, имѣетъ два значенія: чаще всего оно встрѣчается въ смыслѣ найма, затѣмъ— платы за наемъ [1]). Кортомить кому-либо или у кого-либо значитъ отдать кому-либо или взять у кого-либо въ наемъ. Въ Уложеніи этихъ словъ совсѣмъ нѣтъ. Въ указахъ 18 столѣтія слово кортома встрѣчается довольно часто; въ указѣ 1738 г. 8 іюня [2]) оно стоитъ въ заголовкѣ книги-образца для записыванія этого рода актовъ. Въ Сводѣ Законовъ [3]) оно встрѣчается въ статьяхъ, относящихся къ сдачѣ въ наемъ башкирскихъ земель. Въ литературѣ 19 вѣка [4]) оно встрѣчается довольно часто. О кортомѣ говорится, какъ объ извѣстномъ каждому явленіи — наймѣ имущества. Напримѣръ, въ статьѣ, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы за 1823 годъ [5]) слова кортома и кортомщикъ стоятъ вмѣсто словъ наемъ и наниматель; говорится, между прочимъ, о кортомщикахъ и кортомѣ въ Англіи, т.-е. объ арендаторахъ и арендѣ. Въ настоящее время слова кортома, кортомщикъ, кортомить составляютъ общепонятныя и общераспространенныя слова сѣвернаго говора [6]), употребляются наравнѣ со словомъ аренда и встрѣчаются не только у русскаго населенія, но и у инородческаго, напримѣръ, у вотяковъ и у зырянъ [7]). Въ Академическомъ словарѣ указано много уѣздовъ, гдѣ это слово употребляется: въ общемъ это мѣстности, лежащія сѣвернѣе Московской губерніи, затѣмъ, Поволжье и, наконецъ, Сибирь.

---

[1]) Утвержденіе Островской, что подъ кортомой иногда подразумѣвается закладъ земли и еще нѣчто болѣе сложное, въ разсматриваемыхъ актахъ совершенно не подтверждается. М. Островская, Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ 16—18 в., Спб., 1913, с. 190.

[2]) І. П. С. З. т. X, № 7594.

[3]) Св. Зак. 1857 г., т. X, ч. I, ст. 1715, 1718, 1719 и 1724; т. VII. Уст. горн. ст. 442.

[4]) Очень много указаній относительно писателей, у которыхъ встрѣчается слово кортома, помѣщено въ Словарѣ русскаго языка, составленномъ втор. отд. Имп. Акад. Наукъ, т. IV, в. 8, 1914 г., столб. 2257.

[5]) Вѣстн. Евр. 1823 г., октябрь, с. 209: «О владѣльцахъ, кортомщикахъ и половникахъ».

[6]) Здѣсь кстати будетъ отмѣтить другую мѣстную особенность сѣвернаго говора, къ сожалѣнію, только для 17 вѣка; для другого времени наблюденій пока сдѣлать не удалось: слово «празга», равняющееся по своему значенію слову «кортома», составляетъ особенность словоупотребленія въ мѣстности Сѣверной Двины, въ сѣверной ея части (въ Двинскомъ уѣздѣ) и только изрѣдка встрѣчается въ прилегающихъ мѣстностяхъ. См., напр., Р. И. Б. XXV «Акты Лодомской церкви». Р. И. Б. XII, XIV.

[7]) Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ, т. IV, в. 8, 1914 г., столб. 2257.

Подьячіе Ивановской площади.

Къ исторіи нотаріата Московской Руси.

М. Ф. Злотниковъ.

Приблизительно съ середины XVI в. въ Московской Руси существовалъ весьма своеобразный институтъ площадныхъ подьячихъ, выполнявшій (до конца XVII в.) главнымъ образомъ нѣкоторыя нотаріальныя функціи въ соотвѣтствовавшихъ, конечно, тому времени формахъ. Исторія и организація этого института еще не были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія русскихъ ученыхъ. Такое положеніе отчасти объясняется незначительностью и разрозненностью имѣющагося печатнаго матеріала о площадныхъ подьячихъ. Полная разработка вопроса безъ привлеченія архивныхъ данныхъ не представляется возможной. Конечно, нѣтъ нужды говорить о важности изученія нашего древняго нотаріата [1]) или отдѣльныхъ его частей. Она ясна всякому интересующемуся историко-юридическими вопросами Московской Руси. Кромѣ того, изученіе института площадныхъ подьячихъ имѣетъ значеніе для отечественной дипломатики.

Работа надъ частными юридическими актами московскаго періода въ кружкѣ по дипломатикѣ академика А. С. Лаппо-Данилевскаго дала возможность нѣсколько пополнить скудныя печатныя свѣдѣнія о площадныхъ подъячихъ тѣми наблюденіями, которыя можно извлечь изъ изученія конечнаго протокола (protocole final) частноправового акта этого періода. Такому изученію подверглись

[1]) Таковымъ «площадь» считаетъ проф. И. А. Базановъ, Вотчинный режимъ въ Россіи, Томскъ, 1910 г., сс. 7, 10; см. также мнѣнія о площадныхъ подъячихъ Л. Б. Мандельштама, Учрежденіе нотаріата въ Россіи и его организація, въ Жур. Мин. Юстиціи, 1899 г., кн. 4, с. 28; Н. Оглоблина, Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII в., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141; С. А. Шумакова, Къ исторіи Помѣстнаго приказа, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1905 г., августъ, с. 430.

въ довольно значительномъ количествѣ акты, писанные въ Москвѣ на Ивановской площади. Площадные подьячіе, работавшіе на ней, и являются предметомъ настоящаго очерка. Матеріаломъ служили, помимо указанныхъ уже частныхъ актовъ, законодательство, поскольку оно касалось «площадного письма», и тѣ имѣющіеся въ печати немногочисленные документы, которые непосредственно относятся къ вопросамъ управленія и внутренняго устройства «площади» не только Ивановской, но и другихъ аналогичныхъ ей по строенію. Однако, эти данныя настолько скудны, что позволяютъ разсмотрѣть только нѣкоторые вопросы, касающіеся исторіи и организаціи подьячихъ Ивановской площади.

Въ существующей печатной литературѣ о площадныхъ подьячихъ встрѣчаются преимущественно свѣдѣнія весьма общаго характера, иногда даже невѣрныя. Изслѣдователи разсматривали площадныхъ подьячихъ главнымъ образомъ въ связи съ законодательствомъ по данному вопросу, при этомъ нѣкоторые изъ нихъ касались и подьячихъ Ивановской площади [1]).

[1]) Укажемъ главнѣйшія работы, въ которыхъ затрагивается вопросъ о площадныхъ подьячихъ: В. Строевъ, Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, издан. царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1649 г., Спб., 1833 г., сс. 78—79; А. Станиславскій, Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущество, Казань, 1842 г., сс. 129—36; К. А. Неволинъ, Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, въ полномъ собраніи сочиненій, Спб., 1857 г., т. IV, сс. 45—58; И. Энгельманъ, О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву, Спб., 1859 г., сс. 84—86, 103, оба послѣдніе довольно подробно остановились на вопросахъ, касающихся возникновенія площадныхъ подьячихъ, ихъ организаціи и пр. С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изданіе Обществ. Пользы, книга III, сс. 705—706, 1180; И. Снегиревъ (при сотрудничествѣ Мартынова), Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города, изд. А. Мартынова, М., 1865 г., т. I, сс. 174—75, въ трудѣ говорится о подьячихъ Ивановской площади, но весьма поверхностно и даже съ ошибками, такъ, напримѣръ, смѣшиваются площадные и таможенные подьячіе; М. Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, Спб., 1871 г., сс. 360—361 (о площадныхъ подьячихъ, состоявшихъ при патріаршихъ приказахъ); Н. Оглоблинъ, Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII в., въ Жур. Мин Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, сс. 119 — 50, октябрь, сс. 219—41, послѣдняя статья имѣетъ важное значеніе, такъ какъ въ ней содержатся свѣдѣнія не только по вопросу о происхожденіи площадныхъ подьячихъ, но и объ ихъ занятіяхъ, организаціи и положеніи; Н. Л. Дювернуа, Конспектъ лекцій по русскому гражданскому праву, Спб., 1897 г., с. 54; И. Забѣлинъ, Исторія города Москвы, изданіе второе, М., 1905 г., ч. I, сс. 314—15, 584, авторъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ указаній относительно ивановскихъ площадныхъ подьячихъ, которыхъ онъ, однако, смутно отличаетъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячихъ, введенныхъ Петромъ Великимъ въ 1701 г. Встрѣчаются свѣдѣнія относительно площадныхъ подьячихъ въ работахъ, касающихся

Нотаріатъ, какъ учрежденіе, появляется на Западѣ и въ Россіи довольно поздно, когда народъ достигаетъ извѣстной стадіи государственнаго и культурнаго развитія. Обыкновенно ему предшествуетъ долгій періодъ, въ который одна изъ первоначальныхъ функцій нотаріусовъ — писаніе частныхъ юридическихъ актовъ предоставляется всѣмъ желающимъ. Такъ, въ раннюю эпоху Московской Руси ихъ могъ писать всякій знающій письмо человѣкъ. Такими лицами преимущественно являлись духовенство, церковный причтъ и приказные люди,—дьяки и ихъ помощники подьячіе, занимавшіе разныя административныя должности [1]).

Съ конца первой половины XVI в. начинаютъ попадаться свѣдѣнія, что писаніе всякаго рода частныхъ актовъ является спе-

исторіи нотаріата, какъ-то: Л. Б. Мандельштама, Учрежденіе нотаріата и его организація, въ Жур. Мин. Юстиціи, 1899 г., кн. 4, сс. 27—29, статья въ данномъ вопросѣ не свободна отъ неточностей; А. М. Ѳемелиди, Русскій нотаріатъ, пособіе къ изученію русскаго нотаріальнаго права, Спб., 1902 г., сс. 61—68; А. Гасмана, Историческій очеркъ нотаріата, въ Объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи положенія о нотаріальной части, Спб., 1904 г., ч. I, сс. I—LVIII. Цѣнны разнаго рода замѣчанія о площадныхъ подьячихъ, встрѣчающіяся въ многочисленныхъ статьяхъ и сборникахъ актоваго матеріала С. А. Шумакова; весьма цѣнна также статья А. С. Лаппо-Данилевскаго, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей, посвящен. В. О. Ключевскому, М., 1909 г., сс. 719—64, въ ней впервые подробно разсматривается вопросъ о формулярѣ акта (служилой кабалы), его клаузальномъ составѣ и выясняется зависимость ихъ отъ писца. Послѣдней по времени работой, затрагивающей вопросъ о «площади» въ общей формѣ, является трудъ проф. И. А. Базанова, Вотчинный режимъ въ Россіи, въ Извѣстіяхъ Император. Томскаго Универ., 1910 г., кн. 39, сс. 7—11 (и отдѣльно), въ немъ значительное мѣсто отведено Ивановской площади. Въ вопросѣ о площадныхъ подьячихъ работа не свободна отъ недостатковъ, такъ какъ авторъ, основываясь главнымъ образомъ на трудахъ К. А. Неволина и И. Энгельмана, мало обращаетъ вниманія на новѣйшія изслѣдованія и печатный матеріалъ, появившійся въ послѣднее время. Между прочимъ, онъ напрасно сомнѣвается въ существованіи площадныхъ подьячихъ въ XVI в. въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы. Нельзя также согласиться вполнѣ съ его мнѣніемъ, что «правила о приказныхъ подьячихъ служили въ разное время нашей исторіи прототипомъ организаціи площадныхъ подьячихъ». Впрочемъ, о строеніи площади проф. И. Базановъ говоритъ немного. Болѣе подробно онъ разсматриваетъ вопросъ о значеніи площади, какъ нотаріальнаго установленія; въ этомъ заключается значительный интересъ страницъ, посвященныхъ разсматриваемому нами вопросу.

[1]) К. А. Неволинъ по этому поводу говоритъ такъ: «Грамоты были писаны, какъ непосредственно самими лицами, до которыхъ онѣ касались, такъ и посторонними. Вообще же онѣ были писаны всѣми лицами умѣвшими писать, слѣдовательно, всего чаще дьяками разныхъ правительствъ и должностныхъ лицъ, какъ-то: княжескими, архіерейскими, монастырскими, церковными таможенными, земскими»; Op. cit., с. 49.

ціальнымъ занятіемъ нѣкоторыхъ людей. Послѣдніе, какъ тогда выражались, «кормятся перомъ». Они носили различныя наименованія: писчика, площадного писчика, площадного дьячка, подьячаго съ площади, площадного подьячаго, писчаго подьячишки. Площадными они назывались по мѣсту своей работы,—площади, подобно тому, какъ римскіе tabelliones назывались иногда forenses оттого, что конторы ихъ помѣщались на площадяхъ [1]). Но наряду съ этими писцами профессіоналами продолжали писать акты и другія лица. Писцы профессіоналы положили начало институту площадныхъ подьячихъ, который получилъ значительное распространеніе и важное значеніе въ XVII в. Въ исторіи его, какъ нотаріата, слѣдуетъ различать два періода: до и послѣ Уложенія 1649 г. Въ первый періодъ исторически сложившаяся «площадь» занималась писаніемъ актовъ наряду съ другими учрежденіями и лицами. Однако, она мало-по-малу пріобрѣтала первенствующее положеніе въ дѣлѣ совершенія актовъ, хотя акты, писанные на ней, еще ничѣмъ не были отличены отъ другихъ. Роль и значеніе «площади» весьма увеличились со времени Уложенія, когда ей офиціально было поручено совершеніе важнѣйшихъ актовъ, чѣмъ узаконялся уже существовавшій, повидимому, во многихъ мѣстахъ обычай. Такимъ образомъ, «площадь» стала органомъ, исполняющимъ нотаріальную функцію съ инымъ, чѣмъ прежде значеніемъ. Увеличилось также значеніе площадного акта. Съ этого времени начинается второй періодъ въ исторіи института площадныхъ подьячихъ, который продолжается до реформъ нотаріата при Петрѣ Великомъ, начатыхъ въ самомъ концѣ XVII в. и продолжавшихся въ началѣ XVIII в.

Самое раннее изъ извѣстныхъ намъ указаній на площадного подьячаго можно отнести къ 1546 г.

Въ 1565—66 гг. митрополичьи бояре—московскій митрополичій намѣстникъ и другіе разбирали любопытное дѣло по предъявленной въ судъ кредиторомъ-истцомъ Суботою Васильевымъ с. Стромиловымъ закладной кабалѣ въ 150 руб., которая была написана рукою должника-отвѣтчика Ивана Михайлова с. Чертова. Послѣдній, однако, утверждалъ, что предъявленная въ судъ кабала является подложной и при этомъ указалъ, что его руку «подписывалъ» «площадной подьячей Палкою зовутъ Белозерецъ». На вопросъ судей: «чей же сынъ Палка и гдѣ онъ живетъ», отвѣтчикъ сказалъ: «того, господине, не вѣдою, гдѣ живетъ и чей сынъ, воруетъ ходя, того не вѣдаю, гдѣ живетъ». Судъ предоставилъ срокъ Ивану Чертову для розыска подписчика. Оказалось, что послѣдній сидѣлъ въ тюрьмѣ, куда и была отправлена изъ суда память съ предписаніемъ пред-

---

[1]) Н. Ляпидевскій, Исторія нотаріата, М., 1875 г., т. I, сс. 32—33.

ставить «ісъ тюрмы на ссылку подпищика Палку Бѣлозерца, что писалъ на площади». Послѣдній былъ приведенъ на судъ и подвергнутъ допросу, выяснившему существенныя подробности о площадномъ подьячемъ этой ранней эпохи. Судьи въ присутствіи сторонъ и двухъ послуховъ кабалы спросили Палку: «знаѣш ли тѣхъ людей, которые передъ нами стоятъ, и въ каковѣ еси дѣли кажненъ і въ тюрму посаженъ?» Послѣдній отвѣтилъ: «техъ, господине, людей всехъ не знаю, а кажненъ есми і въ тюрму посаженъ въ церковъной татбѣ: укралъ есми ізъ церкви Николы Чюдотворца въ Бѣлозерскомъ уѣзде въ Волоховѣ два пролога і попъ Иванъ тое церкви на меня тое тадбу доводилъ і прологи у меня выняли, да въ томъ меня казнили і въ тюрму посадили, а тому двадцать лѣтъ бѣзъ году, а судили меня на Болшемъ Дворце»... Однако, отвѣтчикъ Иванъ Чертовъ показалъ, что «кажненъ... тотъ Палка (въ) подписке, а не церковной татбѣ», при чемъ сослался на дѣло и поддерживалъ свое прежнее обвиненіе противъ Палки. Предполагаемому подписчику была предъявлена кабала, послѣ чего тотъ заявилъ: «язъ, господине, Ивановы руки не подписывалъ и тѣмъ не промышляю, въ чемъ есми Богу и государю повиненъ, въ томъ и животъ свой мучю въ тадбѣ, а не въ подписке, въ томъ, господине, и на дѣла шлюсь». Но Чертовъ продолжалъ настаивать на своемъ показаніи при чемъ отмѣтилъ, что Палка и нынѣ «лѣвою рукою пишетъ книги». Послѣдняго факта Палка не отрицалъ: «того, господине, не запираюсь», сказалъ онъ, «книги морокую отъ нужи, тѣмъ кормлюсь, а рукъ не подписываю». Судьямъ, несмотря на то, что они трижды справлялись въ приказѣ Большого Дворца, не удалось выяснить, «въ чемъ площедной подьячей Палка Белозерецъ кажненъ и въ тюрму посаженъ, въ подписке ли или въ церковной татбе», такъ какъ оттуда неизмѣнно отвѣчали, что «дѣла де старые все погорели».

По разсмотрѣніи дѣла судъ призналъ кабалу, предъявленную истцомъ, подлинной, и вслѣдствіе этого обвиненіе Чертовымъ Палки Бѣлозерца въ подпискѣ пало.

Изъ этого интереснаго дѣла видно, что Палка Бѣлозерецъ былъ площаднымъ подьячимъ въ 1546 г. и, можетъ быть, ранѣе. Нѣтъ указаній, гдѣ онъ писалъ, но возможно, что онъ работалъ на площади въ Москвѣ, гдѣ судился и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Происхожденіе его не было выяснено судомъ. Повидимому, Палка былъ человѣкъ бѣдный, дошедшій даже до воровства, а въ тюрьмѣ добывавшій себѣ средства къ жизни перепиской книгъ [1]).

[1]) Н. П. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, читан. въ Император. С.-Петер. Археол. Инст., Спб., 1905—1906 г., сс: 21—31.

Въ Москвѣ въ то время уже встрѣчались люди, которые кормились «перомъ». Это выясняется изъ разбиравшагося въ 1547 г. царемъ Иваномъ Васильевичемъ судебнаго дѣла, въ которомъ фигурировалъ подписчикъ Васка Ивановъ [1]).

Къ 60 годамъ XVI в. относится первое извѣстное намъ вполнѣ опредѣленное указаніе на площадного подьячаго въ Москвѣ, но мы полагаемъ, что площадные подьячіе существовали тамъ уже нѣсколько ранѣе.

Намъ извѣстна одна данная, которую въ 1563 г. писалъ «подячеи на Москвѣ съ площади Никитка Семенов сынъ Таратин» [2]).

Послѣдній извѣстенъ, какъ писецъ еще двухъ актовъ, изъ которыхъ первый—купчая относится къ 1550—51 гг. [3]), а второй—мировая-мѣновная писана имъ въ 1563—64 гг. [4]). Онъ же встрѣтился намъ въ качествѣ послуха мировой записи по дѣлу о Весьегонской тамгѣ, которую писалъ Ивашко Дмитреевъ сынъ Зиновьева въ 1563 г. [5]).

Обѣ мировыя, по нашему мнѣнію, совершены въ Москвѣ. Повидимому, нѣкоторые послухи обоихъ актовъ, а также писецъ мировой 1563 г. были сотоварищами по работѣ Никитки Семенова с. Таратина, такими же, какъ и онъ, писцами профессіоналами:

[1]) А. Ю. Б., т. I, № 52, V; это дѣло важно для изученія вопроса объ изготовленіи подложныхъ документовъ и способѣ опредѣленія ихъ подложности судомъ. На допросѣ, произведенномъ царемъ подписчику, послѣдній, между прочимъ, показалъ: «человѣкъ, есми, государь, убогой; кормлюсь перомъ; а двора у меня здѣсе на Москвѣ нѣтъ, а хожу, государь, по людямъ по добрымъ, гдѣ день, гдѣ ночь»...

[2]) Грам. кол. экон., № 14, 767; см. также С. Шумаковъ, Экскурсы по исторіи Помѣстнаго приказа, М., 1910 г., с. 49; составъ послуховъ данной, повидимому, смѣшанный.

[3]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 686 об.

[4]) С. Шумаковъ, Угличскіе акты, М., 1899 г., № LXVI, сс. 125—28; въ актѣ пять послуховъ; въ текстѣ мировой-мѣновной имѣется клаузула: «И запись есмя написавъ полюбовно межъ собя розняли по противнемъ, дьякъ и послуси въ записѣхъ одны»; она нерѣдко встрѣчается въ актахъ, имѣющихъ противни. Здѣсь выраженіе «дьякъ» употреблено въ значеніи писца, а не чина. Ср. въ А. Ю. Б., т. II, № 154, I, мировую 1599 г., которую писалъ въ Нижнемъ Новгородѣ Костянтинецъ Никитинъ с., въ ней есть подобная клаузула, между тѣмъ актъ, по нашему мнѣнію, писанъ площаднымъ подьячимъ; о площадномъ подьячемъ Константинѣ Никитинѣ см. С. Веселовскій, Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., М., 1910 г., сс. 93, 240 и др.

[5]) С. Шумаковъ, Угличскіе акты, № XXXII, сс. 118—25; въ актѣ пять послуховъ; изъ нихъ Павелъ Родіоновъ с. Петрова является еще послухомъ двухъ договорныхъ записей 1548—49 гг. (С. Шумаковъ, Обзоръ грам. кол. экон., в. III, М., 1912 г., № 132) и 1561—62 гг. (Ibid., № 116); Петръ Ивановъ с. Ондреева является послухомъ данной 1577—78 гг. (Ibid., № 93); о трехъ другихъ послухахъ будетъ сказано въ текстѣ.

почти всѣ послухи подписались на оборотѣ актовъ полуименами, многіе безъ прозвищъ, какъ въ большинствѣ случаевъ подписывались площадные подьячіе; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ встрѣтились намъ въ качествѣ послуховъ или, что самое важное, писцовъ другихъ актовъ, заключенныхъ разнообразными контрагентами.

Такъ, послухъ мировой-мѣновной 1563—64 гг. Богданъ Ѳоминъ с. Пушкаревъ является писцомъ купчей 1565 г., совершенной въ Москвѣ. Въ числѣ ея послуховъ былъ Иванъ Дмитреевъ с. Зиновьевъ, писавшій мировую 1563 г. [1]).

Послухъ обѣихъ мировыхъ записей 1563—64 гг. Гриша Исаковъ с. Харитоновъ писалъ въ 1566—67 гг. закладную кабалу. Въ ней также встрѣчается въ числѣ другихъ послуховъ Иванъ Третьяковъ с. Ростовецъ, бывшій послухомъ мировой 1563 г. [2]) Григорій Исаковъ с. Харитоновъ встрѣтился намъ также въ качествѣ послуха данной 1559—60 гг. [3]).

Такимъ образомъ, нѣкоторые акты въ 50—60 гг. XVI в. писались въ Москвѣ писцами профессіоналами, вѣроятно, такими же подьячими съ площади, какъ Никитка Семеновъ с. Таратинъ.

Быть можетъ, они работали на Ивановской площади, какъ она обыкновенно называлась въ XVII в. На ней площадные подьячіе, при томъ уже сорганизованные, извѣстны значительно ранѣе, чѣмъ на другихъ площадяхъ, существовавшихъ въ Москвѣ [4]).

Нѣкоторымъ основаніемъ для такого предположенія служитъ то, что въ закладной кабалѣ 1566—67 гг., писанной Гришей Иса-

---

[1]) С. Шумаковъ, Обзоръ грам. кол. экон., в. III, № 143; въ купчей послѣ клаузулы, обозначающей канцелярію акта: «А купчую писалъ Богданко Ѳоминъ с. Пушкаревъ», говорится: «Богданко живетъ у Степана св. на Сивцовъ врагу»; это—одно изъ урочищъ Москвы, (Москва, изд. Мартынова, текстъ Снегирева, т. I, сс. 8, 12, 47 и др.); Богданъ Ѳоминъ с. Пушкаревъ является еще послухомъ купчей 1560—61 гг., А. Ю. Б., т. II, № 147, XXIII.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, Тверь, 1896 г., в. I, № LXVIII.

[3]) С. Шумаковъ, Сотницы, М., 1910 г., в. V, № 15; въ числѣ послуховъ этой данной были нѣкоторые послухи купчей 1565 г., писанной Б. Пушкаревымъ, напримѣръ, Истома Нечаевъ с. (Ѳедоровъ), Семенъ Ондреевъ с. Лосминской; послѣдній самъ писалъ купчую 1558—59 гг., Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 620 об.

[4]) Возможно, что площадные подьячіе работали сперва въ Москвѣ на одной площади; этимъ, быть можетъ, объясняется выраженіе «подьячій на Москвѣ съ площади» безъ обозначенія съ какой именно. Съ появленіемъ подьячихъ на другихъ площадяхъ стали для болѣе точнаго опредѣленія канцеляріи акта указывать организацію, къ которой принадлежалъ писецъ, напр., подьячій Ивановской площади, подьячій Троицкой площади и т. п. Это, по имѣющимся у насъ пока свѣдѣніямъ, относится къ XVII в.

ковымъ с. Харитоновымъ, послухомъ обѣихъ мировыхъ 1563—64 гг., встрѣчается въ качествѣ послуха Ондрей Семеновъ с. Малого, который, какъ увидимъ далѣе, въ 1589—90 гг. принадлежалъ къ числу ивановскихъ площадныхъ подьячихъ.

Со второй половины XVI в. начинаютъ встрѣчаться свѣдѣнія о существованіи площадныхъ подьячихъ и въ другихъ городахъ: Новгородѣ (1567 г.), [1]) Твери (1573 г.), [2]) Переяславлѣ Залѣсскомъ (1585—86 гг.), [3]) Псковѣ (1591—92 гг.), [4]) Ивангородѣ (1593 г.) [5]).

Первое указаніе на подьячихъ, повидимому, уже организованныхъ, работавшихъ «на площади у Ивана великаго», [6]) относится къ 1589—90 гг. Оно заключается въ одномъ судномъ дѣлѣ 1630 года. Въ этомъ году въ приказѣ Большого Дворца происходилъ судъ между Кирилловскимъ монастыремъ и Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ о спорной землѣ, — селѣ Чиркинѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ. Село это было отдано дѣдомъ Бориса Шереметева Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ въ Кирилловскій монастырь, но наслѣдники не подчинились волѣ вкладчика и продолжали владѣть имъ сами. На судѣ стряпчій монастыря Первой Рязанцевъ въ подтвержденіе правъ монастыря на село предъявилъ двѣ данныя. Первая относилась къ 1574 — 75 гг. и была написана человѣкомъ Ѳедора Шереметева Гришей Шибутинымъ. Въ ней не было послуховъ, имѣлась только подпись самого вкладчика. Отвѣтчикъ, человѣкъ Бориса Шереметева, Иванъ Кирьяковъ, стремясь подорвать довѣріе къ данной, указалъ, между прочимъ, и на то обстоятельство, что послѣдняя писана боярскимъ человѣкомъ, а не площаднымъ подьячимъ, хотя «на вотчины-де данныхъ и никакихъ крепостеи

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 274.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. I, № XXX, XXXI, см. еще XLIV, (1576 г.).

[3]) Н. Лихачевъ, Сборникъ актовъ собран. въ архивахъ и библ., Спб., 1895 г., в. I, № XVIII.

[4]) И. Шляпкинъ, Опись рукописей и книгъ музея Археолог. Комис. при Псковскомъ Губерн. Стат. Комитетѣ, Псковъ, 1879 г., прил., сс. 12—13; см. еще Серебрянскій, Очерки по исторіи псковскаго монашества, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос., 1908 г., кн. IV, прил. XIII, № 7, сс. 576—77.

[5]) Р. И. Б., т. XVII, Записная книга крѣп. актамъ, явлен. въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, № 160; нѣсколько позже писаны №№ 158, 159, 162, 310, 311.

[6]) Такъ площадь названа въ дѣлѣ 1630 г. Это названіе встрѣтилось въ нѣкоторыхъ нашихъ актахъ въ первыя десятилѣтія XVII в. Позже въ актахъ обыкновенно употреблялось названіе Ивановская площадь. Наименованіе площади произошло, какъ указываетъ И. Забѣлинъ, отъ колокольни Иванъ Великій (1600 г.), см. Исторія гор. Москвы, изд. II, ч. I, сс. 308—309; Снегиревъ думаетъ иначе, см. Москва, т. I, с. VI.

боярскимъ людямъ писать не велѣно». Тогда истецъ предъявилъ суду другую болѣе позднюю данную Шереметева, ставшаго уже инокомъ Ѳеодоритомъ, въ Кирилловскій монастырь на село Чиркино, написанную въ 1589—90 гг. Въ протокольной части акта значилось трое послуховъ: «Ѳторои Дмитрѣевъ сынъ Нилаевъ, Ѳедоръ Перфирьевъ сынъ Павловъ, Андрѣі Семеновъ сынъ Малого». Они же и подписались на оборотѣ данной, отмѣтивъ только свои имена: Андрей, Ѳедоръ, Второй. Въ клаузулѣ, обозначающей канцелярію акта, значилось: «а даную писалъ Семеика Моисѣевъ сынъ Стерлѣдевъ». Отвѣтчикъ обратился къ суду съ просьбой допросить истца, гдѣ представленная имъ данная писана. Истецъ согласился отвѣтить, но со слѣдующимъ условіемъ: «хочетъ ответчикъ ево Иванъ теми ево Первого речми правъ и виноватъ быть, и онъ про тое даную скажетъ, где она писана. Писали-де такову даную по Ѳедорову веленью Васильевича на Москвѣ на площади у Ивана великаго площадные записные подьячие, а не на городе і не въ селѣ» [1]).

Такимъ образомъ, въ 1589—90 гг. на Ивановской площади уже существовали площадные подьячіе «записные», то-есть, входившіе, повидимому, въ площадную организацію. Ихъ актамъ истецъ и отвѣтчикъ придавали, какъ видно изъ дѣла, большое значеніе. Указанная дата является самой ранней для Ивановской площади въ XVI в. изъ извѣстныхъ намъ. Но мы полагаемъ, что эта «площадь», какъ организація, существовала уже ранѣе. Наблюденія надъ подьячими, входившими въ ея составъ въ 1589—90 гг., даютъ нѣкоторое основаніе для такого предположенія.

Разсмотрѣніе протоколовъ другихъ актовъ, писанныхъ въ это время въ Москвѣ, подтверждаетъ, что послухи и писецъ данной 1589—90 гг. Ѳеодорита Шереметева являлись писцами профессіоналами, работавшими въ это время и ранѣе: они встрѣчаются при совершеніи другихъ актовъ. Такъ, Семейка Моисеевъ въ 1590—91 гг. писалъ поступную, въ числѣ послуховъ которой былъ уже извѣстный намъ, какъ ивановскій площадной подьячій, Второй Дмитреевъ с. Нелаевъ [2]). Кромѣ того, «Семейка Мосѣевъ сынъ Стерлядевъ» вмѣстѣ съ другимъ лицомъ—Меркуреемъ Алексѣевымъ

---

[1]) Д. Кобеко, Къ родословію Шереметевыхъ, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1901 г., октябрь, сс. 385—95, прил. I-ое; отвѣтчикъ пытался опорочить и эту данную, однако, онъ не оспаривалъ ея канцеляріи, а указывалъ, что актъ писанъ «за очи», такъ какъ вкладчика тогда «на Москвѣ» не было... Повидимому, оба акта были правильными, такъ какъ выяснилось, что монастырь на основаніи ихъ владѣлъ селомъ Чиркинымъ при жизни вкладчика.

[2]) Сборникъ кн. Хилкова, Спб., 1879 г., № 6, сс. 8—9; другими послухами поступной были Торасъ Моренковъ и Третьякъ Кононовъ с. Кабалинъ.

с. Савостьяновымъ были послухами закладной кабалы 1585—86 гг., которую писалъ послухъ данной 1589—90 гг. Өедорецъ Перфирьевъ с. Павлова [1]). Послѣднiй извѣстенъ намъ, какъ писецъ еще двухъ актовъ, одинъ изъ которыхъ—данная относится къ 1574—75 гг. [2]).

Послухи данной 1589—90 гг. и послухъ закладной кабалы 1585—86 гг. Меркурей Алексѣевъ с. Савостьяновъ вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьевымъ с. Литвиновымъ и Иваномъ Матвѣевымъ с. Дементьевымъ были послухами купчей 1582—83 гг. Ее писалъ Пятуня Григорьевъ с. Остаөьева [3]) Всѣ эти лица, за исключенiемъ Пятуни Григорьева, принимали участiе въ совершенiи данной 1580—81 гг., при чемъ писалъ ее уже извѣстный намъ Өедорецъ Перфирьевъ с. Павлова; остальные пять человѣкъ совмѣстно съ двумя другими, встрѣтившимися намъ впервые,—Истомой Овдокимовымъ с. Перфирьевымъ и Молчаномъ Михайловымъ с. Соловьевымъ были послухами акта. На оборотѣ его они расписались полуименами [4]).

Повидимому, писали и въ большинствѣ случаевъ «послушали» разсмотрѣнные акты, какъ и данную 1589—90 гг., на «площади».

Въ извѣстныхъ намъ случаяхъ, если актъ всецѣло совершался на «площади» у профессiоналовъ, то писецъ и послухи его обыкновенно брались изъ состава одной и той же организацiи. Основываясь на такомъ наблюденiи, мы можемъ предположить, что встрѣтившiяся намъ въ различныхъ комбинацiяхъ вышеупомянутыя лица, изъ коихъ четверо принадлежали къ «записнымъ» ивановскимъ подьячимъ, входили въ одну и ту же организацiю Ивановской площади [5]); судя по разсмотрѣннымъ даннымъ, она дѣйствовала уже въ 80 годы и, можетъ быть, еще ранѣе, такъ какъ двое изъ ея членовъ принимали участiе въ совершенiи актовъ 60 и 70 годовъ XVI в.

---

[1]) И. Забѣлинъ, Матерiалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, М., 1891 г., ч. II, с. 611.

[2]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 86; онъ же и Ондрей Семеновъ с. Малого были въ числѣ послуховъ (смѣшаннаго состава) купчей 1566—67 гг., С. Шумаковъ, Обзоръ грам. кол. экон., в. III, № 187.

[3]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. V, № 20.

[4]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, лл. 863—64.

[5]) О лицахъ, встрѣченныхъ нами въ качествѣ послуховъ, мы говоримъ только предположительно, такъ какъ въ ту эпоху могли быть иногда послухи смѣшаннаго состава (О послухахъ—служилыхъ людяхъ см. Н. Лихачева, Къ вопросу о послухахъ въ актахъ XVI ст., въ Извѣстiяхъ Русскаго Генеалогич. Общества, Спб., 1900 г., в. I, сс. 129—32). Помимо «записныхъ» подьячихъ на площади у Ивана Великаго, въ это время встрѣчаются въ Москвѣ еще другiе профессiоналы писцы актовъ. Одинъ изъ нихъ «писщикъ Богданко Ондреевъ сынъ Замятнинъ» писалъ данную 1579—80 гг., см. И. Забѣлинъ, Матерiалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, ч. II, с. 610. Терминъ писчикъ, довольно употребительный для обозначенiя писца акта особенно въ раннюю

Намъ кажется, что для ранняго образованія Ивановской площади, ставшей во второй половинѣ XVII в. главной нотаріальной организаціей въ Московскомъ государствѣ, имѣлись благопріятныя условія. На ней, какъ извѣстно, писались акты по самымъ разнообразнымъ сдѣлкамъ. Это подтверждаетъ указъ 30 января 1701 года о порядкѣ совершенія всякаго рода крѣпостныхъ актовъ, который выражается такъ: «Въ прошлыхъ годахъ по 208 годъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ всякія крѣпости писаны на Ивановской площади»... [1]).

Между прочимъ, на ней совершались акты по всевозможнымъ сдѣлкамъ на помѣстья и вотчины, которые имѣли отношеніе къ дѣламъ Помѣстнаго приказа. Это видно изъ указа Петра Великаго 9 декабря 1699 г., которымъ предписывалось: «купчія и закладныя, и поступныя, и сдѣлочныя, и всякія крѣпости, которыя по Уложенію велѣно писать на Ивановской площади, а надлежатъ въ Помѣстномъ приказѣ, и ихъ писать на Москвѣ въ Помѣстномъ приказѣ»... [2]).

Такое значеніе Ивановская площадь пріобрѣла постепенно. Еще до Уложенія на ней писались весьма разнообразные акты, преимущественно тѣ, которые потомъ вносились для записки въ Помѣстный приказъ. Вообще связь ея съ этимъ приказомъ была весьма давняго происхожденія, имѣвшая корни еще въ XVI в. Если не на образованіе Ивановской площади, то во всякомъ случаѣ на ея развитіе оказало вліяніе совершеніе на ней частноправовыхъ актовъ по помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ, которыми завѣдывалъ этотъ важный приказъ.

Помимо Ивановской площади, въ Москвѣ былъ рядъ другихъ «большихъ и мелкихъ площадей». Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, чѣмъ именно отличались «большія и мелкія площади» между собой: количествомъ ли подьячихъ, работавшихъ на нихъ, или разными правами, которыя онѣ имѣли въ отношеніи письма актовъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Необходимо отмѣтить, что въ то время, какъ однѣ площадныя организаціи, напримѣръ, Ивановская площадь, имѣли право совершать акты по всевозможнымъ сдѣлкамъ, другія—по крайней мѣрѣ, въ концѣ XVII в., обладали весьма ограниченными правами въ отношеніи письма актовъ: онѣ могли писать только нѣкоторые изъ нихъ; къ послѣднимъ принадлежала площадная организація при Посольскомъ приказѣ и,

---

эпоху, указываетъ на профессію Богданки Замятнина. Слѣдуетъ отмѣтить, что встрѣченные нами въ это время въ Москвѣ писцы профессіоналы писали главнымъ образомъ акты на недвижимое имущество: купчія, данныя, закладныя кабалы на земли, дворы и т. п.

[1]) П. С. З., т. IV, № 1833.

[2]) П. С. З., т. III, № 1732.

может быть, площадныя организаціи, существовавшія при другихъ приказахъ.

Свѣдѣнія о другихъ «площадяхъ», находившихся въ Москвѣ, помимо Ивановской, имѣются главнымъ образомъ за вторую половину XVII в., однако, есть указанія на существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ и ранѣе. Однѣ изъ нихъ, подобно Ивановской организаціи, существовали самостоятельно и были сосредоточены на площадяхъ, другія находились при опредѣленныхъ приказахъ свѣтскихъ или духовныхъ властей. Такъ, намъ встрѣтились указанія на площадныхъ подьячихъ Дворцовой и Троицкой площадей. Площадные подьячіе на первой изъ нихъ извѣстны съ 1649 г. [1]) Свѣдѣнія о Троицкой площади имѣются у насъ съ 60 годовъ XVII в. [2]).

На этой площади, какъ и на многихъ другихъ, работали въ концѣ XVII в. стрѣльцы. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что на обѣихъ площадяхъ писались разнообразные акты, какъ-то: данныя, жилыя, купчія, мѣновныя, поступныя, третейскія и пр.

Какъ уже было указано, въ Москвѣ существовали организаціи площадныхъ подьячихъ при приказахъ свѣтскихъ властей. Намъ извѣстны площадные подьячіе на площадяхъ у слѣдующихъ приказовъ: Стрѣлецкаго въ 1658 и 1659 гг. [3]), Разряда въ 1658 г., [4]) въ 1689 г. и позже [5]), Казанскаго Дворца въ

---

[1]) Въ 1649 г. въ Москвѣ писалъ купчую «Дворцовой площади подьячей Оѳонка Ѳедоровъ», И. Забѣлинъ, Матеріалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, ч. II, с. 637; въ 1670 г. писалъ запись о третейскомъ судѣ «дворцовые площади подьячей Ивашко Ѳоминъ», А. Ю. Б., т. II, № 223, I; наконецъ, въ 1682 г. писалъ мѣновную запись «дворцовой площади подьячей Сенка Михайловъ», С. Шумаковъ, Тверскіе акты, Тверь, 1897 г., в. II, № CXI.

[2]) Въ 1660 г. на ней писалъ сказку «Троицкой площади подьячей Ивашко Тимоѳеевъ», Акты Моск. Государ., издан. Император. Академіей Наукъ, Спб., 1901 г., т. III, № 24; въ 1680 г. писалъ поступную запись «Троецкіе площади подьячей Васка Муромщиковъ», И. Забѣлинъ, Матеріалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, ч. II, с. 674; въ 1686 г. трое подьячихъ этой площади: Червякъ Якушко, Сочиловъ Анашка и Колосовъ Пронка приложили руки вмѣсто «подрятчиковъ и каменщиковъ» къ подрядной записи, совершенной на Ивановской площади, А. Ю. Б., т. II, № 254, II; въ 1694 г. писалъ данную «Троецькой площеди подьячей столника и полковника Иванова полку Григорьевича Озерова стрѣлецъ Гришко Кудровъ», А. Ю. Б., т. I., № 66, IV; въ 1695 г. «Троицкой площади подьячій стольника и полковника Иванова полку стрѣлецъ Степка Михолевъ» писалъ «служилую» запись, Русская Вивліоѳика, изд. Н. Полевого, М., 1833 г., кн. I., сс. 397—98.

[3]) А. А. Соколова и А. К. фонъ Меккъ, Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, М., 1910 г., кн. I, сс. 255, 287, 379.

[4]) Ibid., с. 273; писалъ поручную «Розрядныхъ сѣней площедной подьячей Микишко Лужецкой».

[5]) Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщ., ред. А. Труворова, Спб., 1888 г., т. III, с. 309—20, 761—62, 1003—10, здѣсь помѣщены по-

1659 г. [1]) и въ 1695 г. [2]), Большого Дворца въ 1677 г. [3]) и позже въ 1689 г. [4]), Холопья Суда въ 1684 г. [5]), Большой Казны въ 1686 г. [6]), Владимирскаго Суднаго въ 1689 г. [7]), Иноземнаго въ 1693 г. [8]) и Посольскаго за 1670—91 гг. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о площадной организаціи у Посольскаго приказа вообще даютъ нѣкоторое понятіе о характерѣ «площадей», существовавшихъ при приказахъ. По своему устройству она нѣсколько приближается къ общему типу такихъ организацій, примѣромъ которыхъ можетъ служить Ивановская площадь. Однако, она значительно отличается отъ последней правами въ отношеніи письма актовъ. Площаднымъ подьячимъ, работавшимъ на ней, запрещено было писать «заемные кабалы и іные крепости», то-есть именно тѣ акты, какіе писались на «площадяхъ» въ родѣ Ивановской. Имъ только разрѣшалось писать «челобитные и приставные памяти, и с суда и к суду поручные записи», какъ это видно изъ поручной по одномъ стрѣлецкомъ пятидесятникѣ, вступившемъ на площадь у Посольскаго приказа въ 1692 г. [9]). Такимъ образомъ, дѣятельность этихъ площадныхъ подьячихъ сводилась къ писанію самыхъ необходимыхъ судебныхъ бумагъ для лицъ, имѣвшихъ дѣла въ приказѣ. Совершеніе болѣе важныхъ актовъ, носившихъ названіе крѣпостей, что составляло существенную функцію другихъ «площадей», имъ было воспрещено. Конечно, ихъ съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ, напримѣръ, ивановскихъ площадныхъ подьячихъ можно причислять къ органу нотаріата. За отсутствіемъ свѣдѣній нельзя сказать съ увѣренностью, существовало ли такое ограниченіе дѣятельности площадныхъ организацій при другихъ приказахъ. Можно только отмѣтить, что въ извѣстныхъ намъ случаяхъ площадные подьячіе при перечисленныхъ ранѣе приказахъ занимались рукоприкладствомъ

ручныя, которыя писали подьячіе «Розрядные площеди»; Записки Желябужскаго, изд. Д. Языкова, Спб., 1837 г., с. 48; Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 16, стб. 1431, I, с. 431.

[1]) А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ, Op. cit., с. 289.

[2]) Извѣстія Тамбов. Учен. Арх. Ком., в. 28, отд. II, с. 146.

[3]) А. Ю. Б., т. I, № 93, IV.

[4]) Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 16, стб. 1286, III, с. 362; въ этомъ году просился «писать на площади у приказу Большого Дворца въ указномъ числѣ» на мѣсто умершаго въ Крымскомъ походѣ Гр. Быкова полковой сотенный стрѣлецъ Андрей Ѳедоровъ.

[5]) П. С. З., т. II, № 1073.

[6]) А. Ю. Б., т. II, № 254, III.

[7]) Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщ., т. III, сс. 1006—7.

[8]) А. Ю. Б., т. II, № 258, IX. О пл. подьячихъ въ XVIII в. см. въ статьѣ с. 129, прим. 4-ое.

[9]) С. Бѣлокуровъ, О Посольскомъ Приказѣ, М., 1906 г., с. 166.

или письмомъ слѣдующихъ актовъ: отпускной, мировой памяти, различныхъ поручныхъ (главнымъ образомъ судебныхъ).

Въ организаціи «площади» при Посольскомъ приказѣ есть черты сходныя съ общимъ типомъ ея устройства, каковымъ мы считаемъ Ивановскую площадь. Въ 1691 г. на ней состояло въ «указномъ числѣ» десять человѣкъ «государственнаго Посольского приказу площадныхъ подьячихъ», какъ они сами себя именовали. Это «указное число» опредѣлялось обыкновенно указомъ государя. Однако, сверхъ него на ней имѣлось четыре человѣка «лишнихъ», что видно изъ челобитной 1691 г. подьячихъ, которые писали: «противъ вашего великих государей указу і за указнымъ числомъ сверхъ 10 человѣкъ у вашего государственнаго Посольского приказу площадныхъ лишнихъ 4 человѣка»... Конечно, это не могло быть въ интересахъ организаціи, и сами площадные подьячіе просили: «велите, государи, у своего государственнаго Посольского приказу на площади противъ своего великих государей указу быть нам, холопем вашимъ, площаднымъ прежнему указному числу 10 человѣкомъ, і о томъ о всемъ на сей нашей заручной челобитной свой великих государей милостивой указ учинить впредь для спору, чтоб, государи, сверхъ указново числа у вашего государственнаго Посольского приказу площадных не было, а намъ бы, холопем вашим, за службишка наши было чем прокормитца». Впрочемъ, изъ четырнадцати человѣкъ девять въ 1691 г. находились въ «службѣ великих государей». Всѣ подьячіе были «розных полковъ стрельцы», назначенные на «площадь» кормиться «писмишком». Во главѣ организаціи стоялъ староста. Въ это время имъ былъ Семіонъ Игнатьевъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ «площади», состоявшій на ней съ 1670—71 гг. Послѣдняя была подчинена Посольскому приказу, приставу котораго въ 1692 г. представлена была уже упоминавшаяся поручная по вступавшемъ на «площадь» стрѣлецкомъ пятидесятникѣ Кондратьѣ Симоновѣ. Въ 1690—91 гг. на этой же площади стрѣлецъ Іевъ Токаревъ, идучи на «государскую службу в Киевъ, поступился на время для своей бездельной корысти, а не вовсе, площаднаго своего мѣста» своему племяннику стрѣльцу Тимоѳею Кондратьеву. Эта временная поступка мѣстомъ, необычная на «площади», къ тому же совершенная тайно отъ другихъ подьячихъ, вызвала протестъ всей организаціи. Староста Сенка Игнатьевъ съ «товарыщи» подалъ челобитную объ удаленіи съ «площади» обоихъ вышеупомянутыхъ лицъ и о подтвержденіи на ней прежняго указнаго числа. Подьячіе писали: «а для ваших великих государей служеб на время площадных своих мѣстъ, никому мы, холопи ваши, и свойственником своимъ противъ своей братьи іных

большихъ і мелкихъ площадей не поступывалися, і на ихъ мѣста, которые бывают посланы на ваши великихъ государей службу наша братья площадные подьячие, челобитчиков никого не принимывали, і такова обрасца, что для вашей государской службы площадным кому б мѣсто свое на время здать іли на их мѣсто челобитчиков принимать на всѣх площадях нѣт і не бывало»... [1])

Изъ челобитной видно, что площадные подьячіе могли поступаться своими мѣстами, но только не временно, а повидимому, навсегда, принимать новыхъ «челобитчиковъ», конечно, съ согласія властей, а также ходатайствовать объ удаленіи неугодныхъ имъ членовъ. Строй и отношенія на этой «площади» показываютъ, что она пользовалась нѣкоторой долей самостоятельности въ своей внутренней жизни.

Намъ также извѣстно нѣсколько площадныхъ организацій, существовавшихъ въ Москвѣ при приказахъ духовныхъ властей. Такъ, въ 1647 г. писалъ поручную запись «Судного Патріарша Приказу площадной подьячей Ивашка Васильевъ» [2]).

Въ 1690—1700 гг. встрѣчается рядъ площадныхъ подьячихъ «Патріарша Розряду», которые занимались рукоприкладствомъ къ актамъ или письмомъ поручныхъ разнаго рода и въ одномъ случаѣ отпускной памяти [3]).

Извѣстно также о существованіи площадныхъ подьячихъ Дворцоваго патріарша приказа. Относительно двухъ послѣднихъ организацій сохранился любопытный указъ 1699 г. патріарха Адріана, который стремился примирить сталкивавшіеся интересы площадныхъ подьячихъ этихъ двухъ приказовъ, находившихся недалеко одинъ отъ другого [4]).

Въ немъ также заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи и характерѣ работъ на этихъ «площадяхъ». Состоявшие на нихъ подьячіе часто перебивали другъ у друга работу: они становились на площади у воротъ сосѣдняго приказа, останавливали челобитчиковъ и напрашивались писать имъ «челобитныя и всякія писма». Такая конкуренція вызывала между ними шумъ, драку и безчинство. Патріархъ, желая положить конецъ такой неурядицѣ, указалъ площаднымъ подьячимъ обѣихъ организацій писать «челобитныя и всякія письма и руки прикладывать по дѣламъ суда» только у своего приказа; при этомъ судьямъ приказовъ было пред-

---

[1]) С. Бѣлокуровъ, Op. cit., сс. 164—66.

[2]) А. Ю., № 316, II.

[3]) А. Ю., № 328, II; А. Ю. Б., т. I, № 113, VI; М. Горчаковъ, Op. cit., прилож. II, №№ 33, 45, III.

[4]) М. Горчаковъ, Op. cit., прилож. II, № 35.

писано: «писма челобитенъ и писемъ не принимать и не помѣчать», если таковыя будутъ написаны площадными подьячими другого приказа. Ослушникамъ же подьячимъ указъ грозилъ «учинить жестокое наказаніе и отъ приказу отставить».

Опредѣлить точно, какіе именно акты можно было совершать на этихъ двухъ «площадяхъ», нельзя, такъ какъ терминъ «писмо»—весьма неопредѣленный. Онъ особенно вошелъ въ употребленіе въ концѣ XVII в. и могъ относиться ко всякому акту. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду главнымъ образомъ «писма», касавшіяся судебныхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, пока еще немного извѣстно намъ актовъ, писанныхъ площадными подьячими при этихъ приказахъ. Возможно, что эти организаціи, подобно площади при Посольскомъ приказѣ, предназначались преимущественно для удовлетворенія нуждъ лицъ, обращавшихся въ приказы по судебнымъ дѣламъ.

Наши свѣдѣнія объ Ивановской площади почти до конца перваго періода ея существованія необычайно скудны. Нѣкоторыя данныя мы почерпаемъ изъ самихъ частныхъ актовъ, въ протокольной части которыхъ въ это время иногда отмѣчалось званіе послуховъ и писца акта.

Обычная форма клаузулы протокола, обозначающей послуховъ, такова: «А на то послуси (хъ) [имяреки (къ)]». Въ концѣ XVII в. получаетъ преобладаніе нѣсколько иная форма, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе при разсмотрѣніи вопроса о послухахъ; она читается такъ: «А у сей записи [иногда указывается разновидность акта] послуси (хъ) [имяреки (къ)]».

Обѣ формы, выраженныя во множественномъ числѣ, настолько устойчивы, что иногда сохраняются даже при одномъ послухѣ. Напримѣръ, въ мировой записи, совершенной на Ивановской площади въ 1674 г., мы читаемъ: «А на то послуси: Кузма Малышкинъ»; другихъ послуховъ нѣтъ [1]). Также въ мѣновной записи, совершенной тамъ же въ 1690 г., читаемъ: «А у сей записи послуси: Григорей Михайловъ»; далѣе слѣдуетъ другая клаузула протокола [2]). Кромѣ указаннаго уже преобладанія второй формы въ концѣ XVII в., другихъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій клаузула, обозначающая послуховъ, не претерпѣла за все время существованія «площади». Только изрѣдка встрѣчается въ ней обозначеніе званія послуховъ — площадныхъ подьячихъ (званіе другихъ послуховъ указывается чаще). Въ та-

---

[1]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. II, № C; см. еще Сотницы, в. V, № 58, II.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. II, № CXVIII; см. еще № CX.

комъ видѣ она читается: «А на то послуси (хъ) Ивановскіе площади подьячіе (чей) [имяреки (къ)]» [1]).

Гораздо больше измѣненій произошло въ клаузулѣ протокола, обозначающей канцелярію акта. Въ началѣ перваго періода (вт. пол. XVI в. и начало XVII в.) обычная форма ея такова: «А запись [иногда указывается разновидность акта] писалъ [имярекъ]». Только съ конца 20 годовъ XVII в., по нашимъ наблюденіямъ, начинаетъ иногда встрѣчаться нѣсколько измѣненная форма, въ которой отмѣчается принадлежность писца къ ивановской площадной организаціи: «А запись [иногда указывается разновидность акта] писалъ Ивановскіе площади подьячей [имярекъ]». Послѣдняя, однако, въ такомъ видѣ въ это время еще не вполнѣ привилась. Вѣроятно, тогда нерѣдко употреблялась клаузула, обозначающая канцелярію, въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ актѣ 1631 г.: «А данную писалъ отъ Иванна Великого площадной подьячей Наумко Ивановъ сынъ Бородинъ» [2]). Наблюдаются также уклоненія отъ обычной, особенно для позднѣйшаго времени, формы клаузулы, напримѣръ, въ актѣ 1640 г.: «А духовную писалъ Ивановской площадной подьячей Силка Казариновъ» [3]).

Окончательно эта форма установилась уже въ теченіе 40-хъ годовъ и стала обычной со времени Уложенія. Въ такомъ видѣ она сохранилась до 1686 г., когда вновь претерпѣваетъ нѣкоторое измѣненіе, связанное съ присутствіемъ на Ивановской площади стрѣльцовъ въ качествѣ площадныхъ подьячихъ. Съ 1686 г. по 1699 г. въ клаузулѣ послѣ словъ «Ивановскіе площади подьячей» встрѣчается, за рѣдкими исключеніями, которыя, можетъ быть, объясняются пропускомъ, званіе писца, изъ коего видно, что послѣдній состоитъ или простымъ стрѣльцомъ или же еще чаще младшимъ начальнымъ человѣкомъ какого-либо стрѣлецкаго полка, стоявшаго въ Москвѣ, какъ-то: десятникомъ, пятидесятникомъ, сотеннымъ, пятисотеннымъ, слободчикомъ. Напримѣръ, въ мѣновной записи 1686 г. мы читаемъ: «А запись писалъ Ивановской площади подь-

---

[1]) Послѣ Уложенія 1649 г. въ актахъ, которые полагалось совершать у площадныхъ подьячихъ и которые были писаны на Ивановской площади, послухами обыкновенно были площадные подьячіе этой организаціи.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. I, № LXII; см. еще А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ, Op. cit., сс. 23, 60.

[3]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, лл 1055—57; см. еще писанную имъ въ этомъ году данную, лл. 1057—58; подписывался Силка Казариновъ и обычнымъ образомъ: «Ивановской площади подьячей», см. Описаніе собранія свитковъ, наход. въ Вологодскомъ Епарх. Древнехранилищѣ, в. VI, с. 46; подобное уклоненіе встрѣтилось также въ 1694 г., Ibid., в. VIII, сс. 72—73.

ячей, столника и полковника стремянного Иванова полку Елисѣевича Цыклера стрѣлецъ, Евдокимко Аноѳріевъ». Ранѣе онъ не обозначалъ въ актахъ своего стрѣлецкаго званія [1]).

Въ 1687 г.: «А запись писалъ Ивановскіе площади подьячей, столника и полковника стремяннаго Иванова полку Елисѣевича Цыклера стрѣлецъ, Кирюшка Вавиловъ» [2]). Въ 1688 г.: А купчую писалъ Ивановскіе площади подьячей, столника и полковника Петрова полку Ивановича Борисова слободчикъ, Симонко Титовъ [3]). Въ 1697 г.: «А купчею писалъ Ивановскіе площади подьячей, столника и полковника Аѳонасьева полку Алексѣевича Чюбарова пятисотной, Родка Боровковъ» [4]).

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ клаузула, обозначающая канцелярію, встрѣтилась намъ въ такомъ видѣ значительно раньше, именно въ 1648 г.: «А закладную вотчинную писалъ Ивановскіе площади подьячей, стрѣлецъ Воинова приказу Глазатова, Надѣйко Ивановъ» [5]).

Въ 1699 г. вновь стала чаще встрѣчаться прежняя форма клаузулы, обозначающей канцелярію, употреблявшаяся до 1686 г., что, повидимому, находилось въ связи съ уничтоженіемъ московскихъ стрѣлецкихъ полковъ въ іюнѣ 1699 г. [6]).

Напримѣръ, въ поступной записи 1699 г. читаемъ: «А запись писалъ Ивановскіе площеди подьячей Родка Боровковъ» [7]).

---

[1]) Н. Селифонтовъ, Очеркъ служ. дѣят. и дом. жизни стольника и воеводы XVII ст. В. А. Даудова, СПБ., 1871 г., прил., № 37; см. здѣсь же разнообразные акты, писанные Евдокимкой Аноѳріевымъ въ 1683 г. №№ 16, 17, 22; 1686 г. №№ 33, 36, 37, 38; 1687 г. № 44; 1692 г. № 65; 1693 г. № 72; въ два послѣдніе года онъ пишется десятникомъ, а въ 1697 г. (№ 86) и 1699 г. (№ 88) снова стрѣльцомъ. Въ трехъ другихъ актахъ 1699 г. (№ 89; остальные два акта помѣщены у С. Шумакова, Сотницы, в. VI, № 42, V и № 44) онъ не обозначаетъ своего стрѣлецкаго званія.

[2]) А. Ю. Б., т. I, № 113, II; см. еще № 113, V; ср. съ закладной записью, которую въ 1685 г. писалъ «Ивановскіе площади подьячей Кирюшка Вавиловъ»; А. Ю. Б., т. II, № 126, XV.

[3]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. IV, № XIV; ср. съ ссудной записью, которую въ 1674 г. писалъ «Ивановскіе площади подьячей Симонко Титовъ», С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. II, № CXXXI.

[4]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. VII, № 23; ср. съ мировой записью, которую въ 1677 г. писалъ «Ивановскія площеди подьячей Родка Боровковъ», А. Ю. Б., т. II, № 155, IX.

[5]) А. Ю. Б., т. II, № 126, VII; Надѣйко Ивановъ подписывался и безъ обозначенія своего стрѣлецкаго званія, Ibid., № 155, VI.

[6]) Н. Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго, СПБ., 1858 г., т. III, сс. 243—45.

[7]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. VI, № 43, II; полкъ А. Чюбарова, въ которомъ Р. Боровковъ состоялъ пятисотеннымъ, былъ уничтоженъ еще ранѣе

Разсмотрѣніе протокольныхъ клаузулъ акта показываетъ, что онѣ даютъ нѣкоторый матеріалъ для сужденій объ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ, но преимущественно за позднѣйшую эпоху существованія площади.

Вообще надо сказать, что немного имѣется извѣстій объ институтѣ площадныхъ подьячихъ почти до конца перваго періода, несмотря на значительное распространеніе его повсюду. Такъ, въ XVI в. мы встрѣтили площадныхъ подьячихъ въ Ивангородѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Переяславлѣ - Залѣсскомъ, Псковѣ, Твери. Въ первую четверть XVII в. къ нимъ, по нашимъ, конечно, далеко неполнымъ свѣдѣніямъ, слѣдуетъ присоединить: Алатырь [1]), Астрахань [2]), Вологду [3]), Муромъ [4]), Нижній Новгородъ [5]), Темниковъ [6]), Тюмень [7]), Устюгъ Великій [8]), Ярославль [9]). Были, конечно, они и въ другихъ городахъ.

Въ это время они представляли значительную «писчую» силу, которой московское правительство пользовалось для разныхъ своихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, ихъ привлекли къ работѣ при возстановленіи дѣлъ Помѣстнаго приказа послѣ пожара 3 мая 1626 г., истребившаго большую часть бумагъ и книгъ въ томъ числѣ писцовыхъ и дозорныхъ, которыя въ немъ хранились. Въ указѣ царя и патріарха 26 мая 1626 г., касавшемся возстановленія дѣлъ, площаднымъ подьячимъ поручена была переписка приправочныхъ книгъ: «А въ которые городы посланы писцы, и нынѣ пишутъ, и къ писцомъ указали послать свои государевы грамоты и взять у нихъ писцовые и дозорные книги, и съ земляныхъ списковъ списки за дьячьими приписьми, а у писцовъ указали оставить съ тѣхъ приправочныхъ книгъ списки, за ихъ руками, а списывать тѣ книги указали въ городѣхъ подьячимъ, которые у дѣлъ, и которые пишутъ на площади, и земскимъ и церковнымъ дьячкомъ» [10]).

въ числѣ 4-хъ мятежныхъ полковъ 1698 г.; см. также примѣчаніе объ Евдокимкѣ Аноѳріевѣ.

[1]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 1352.

[2]) Труды Рязан. Уч. Арх. Ком., 1902 г., т. 17, в. II, сс. 163—66.

[3]) А. Ю. Б., т. II, № 148, XV.

[4]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 993.

[5]) С. Веселовскій, Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., сс. 81, 91, 93 и др.; повидимому, площадные подьячіе были здѣсь уже въ XVI в.

[6]) А. Ю. № 163.

[7]) Н. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, собран. въ архив. и библ., СПБ., 1895 г., в. I, № XXV, с. 82.

[8]) О. П. Сениговъ, Памятники земской старины, СПБ., 1903 г., сс. 29, 30, 31, 34.

[9]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 244 об.

[10]) М. Владимирскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права,

Въ Москвѣ въ 1627 г. площадные подьячіе въ количествѣ 59 человѣкъ переписывали вмѣстѣ съ приказными подьячими въ Помѣстномъ приказѣ писцовыя и дозорныя книги «писцомъ на приправу». Свѣдѣнія объ этой работѣ, продолжавшейся болѣе двухъ мѣсяцевъ, извлечены Н. Н. Ардашевымъ изъ древнѣйшаго послѣ пожара 3 мая 1626 г., столбца Помѣстнаго приказа [1]).

Во главѣ участвовавшихъ въ перепискѣ площадныхъ подьячихъ упоминаются пять лицъ: Ѳетка Микифоровъ, Жданъ Григорьевъ, Бориско Ивановъ, Михалка Ѳоминъ и Ивашка Филипповъ. Четверо первыхъ извѣстны въ числѣ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ. Вообще можно установить, что часть переписчиковъ состояла приблизительно въ это время на Ивановской площади. Такихъ мы пока можемъ насчитать двадцать человѣкъ. Занимались площадные подьячіе перепиской въ Помѣстномъ приказѣ книгъ для писцовъ и позже, напримѣръ, въ 1645 г. [2]). Ранѣе, въ 1619 г. мы встрѣтили ихъ за подобной работой въ приказѣ Устюжской четверти [3]).

Правительство еще не вручило площаднымъ подьячимъ офиціально нотаріальной функціи, но фактически она, надо полагать, сосредоточивается въ ихъ рукахъ, какъ наиболѣе подготовленныхъ и опытныхъ въ письмѣ актовъ лицъ. Этому содѣйствовала все возраставшая въ XVII в. потребность въ письменныхъ актахъ, когда значительно увеличилось число сдѣлокъ, которыя требовалось совершать письменно. Такъ, въ 1635 г., вышелъ царскій указъ о томъ, чтобы договоры поклажи, займа и ссуды совершались письменно, въ противномъ случаѣ велѣно было: «въ безкабалныхъ и безкрѣпостныхъ искѣхъ... суда не давати» [4]).

Также и то обстоятельство, что писаніе весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ актовъ на вотчины рано (когда именно, точно неизвѣстно) было запрещено одной категоріи лицъ,—боярскимъ людямъ, часто писавшимъ ихъ, должно было увеличить потребность въ площадныхъ подьячихъ, главнымъ образомъ и предназначенныхъ для совершенія всякихъ актовъ. Такой взглядъ на

в. III, Кіевъ, 1907 г., Указная книга Помѣстнаго приказа, сс. 173—75. Одна изъ такихъ государевыхъ грамотъ, посланная въ 1626 г. на Бѣлоозеро, напечатана С. Веселовскимъ въ Актахъ писцоваго дѣла, т. I, № 214.

[1]) Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій столбецъ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправ. книгъ для писцовъ 7135 г., въ Запискахъ Московскаго Археолог. Института, 1910 г., т. VII, сс. 1—32; въ столбцѣ сохранились автографы большей части подьячихъ, принимавшихъ участіе въ работѣ.

[2]) А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ, Op. cit., с. 82.

[3]) Р. И. Б., т. XXVIII, Расходная книга Устюжской чети 7127 г., с. 751.

[4]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XXIV, сс. 127—29.

нихъ уже коренился въ сознанiи людей 30 годовъ XVII в., какъ это видно изъ приводившагося ранѣе судебнаго дѣла Кирилловскаго монастыря съ Б. Шереметевымъ. Все это отчасти объясняетъ замѣтное увеличенiе съ 30 и особенно 40 годовъ площадныхъ актовъ [1]).

Въ соотвѣтствiи съ этимъ увеличиваются и наши свѣдѣнiя объ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ. Изученiе писанныхъ ими частныхъ актовъ дало возможность составить списокъ, конечно, далеко неполный, заключающiй въ себѣ 400 подьячихъ. Изъ нихъ на послѣднiя 60 лѣтъ XVII в. приходится отнести около 340 человѣкъ [2]). Увеличенiе свѣдѣнiй объ Ивановской площади, особенно съ 40 годовъ, позволяетъ остановиться болѣе подробно на разсмотрѣнiи нѣкоторыхъ сторонъ ея организацiи. Однако, на многiе вопросы мы не можемъ отвѣтить за недостаткомъ или же полнымъ отсутствiемъ матерiала. Такъ, намъ не извѣстно «указное число» подьячихъ, состоявшихъ на Ивановской площади. Такая предѣльная норма для каждой площадной организацiи опредѣлялась, какъ мы уже видѣли, указомъ государя. Конечно, она была весьма различна въ зависимости отъ потребностей населенiя, характера организацiи, количества работы и другихъ условiй. На площади у Посольскаго приказа «указное число» въ 1691 г. и ранѣе равнялось 10 человѣкамъ. На площади въ Костромѣ въ 1685—97 гг. оно было опредѣлено въ 16 человѣкъ. Это видно изъ челобитной 1696—97 гг. Ивашки Иванова, просившагося на мѣсто умершаго костромского площадного подьячаго. Въ ней онъ писалъ: «въ прошломъ, государь, въ 194 г. по твоему великого государя указу, а по челобитью костромскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и костромскихъ земского старосты и посадскихъ людей, и по грамотѣ изъ Стрѣлецкого приказу, за приписью дьяка Ивана Негоморского, велѣно быть на Костромской площади Петру Поликарпову съ товарищи указному числу 16 человѣкомъ. И въ прошломъ, государь, 204 году площадной подьячiй Иванъ Петровъ умре, и то ево Иваново мѣсто нынѣ порозже... вели, государь, мнѣ быть на Костромской площади на мѣстѣ умершаго подьячаго Ивана Петрова въ подьячихъ въ указномъ числѣ, и всякiе крѣпости писать и въ уѣздъ для всякихъ дѣлъ ѣздить»... [3])

---

[1]) Въ 1636—39 гг. на Ивановской площади Строгановы совершили нѣсколько актовъ въ томъ числѣ весьма важную запись о выкупѣ городка Орлова и Очерскаго острожка. Писцомъ и послухами актовъ являлись площадные подьячiе, что, однако, было отмѣчено въ протокольной части только одного акта; см. Д. А. И., т. II, № 56, сс. 135—44.

[2]) Списокъ готовится къ печати.

[3]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 142.

Конечно, «указное число» строго наблюдалось площадной организацiей, такъ какъ въ интересахъ послѣдней было ограниченiе числа своихъ членовъ. Поэтому поступленiе на «площадь» обыкновенно возможно было только на «выбылое мѣсто», освободившееся за смертью или совершеннымъ уходомъ подьячаго. Временное оставленiе «площади» «для государской службы» не дѣлало мѣста вакантнымъ. Нарушенiе такого порядка вызывало протестъ всей организацiи, какъ это случилось въ 1691 г. на площади у Посольскаго приказа. Однако, несмотря на это, на ней сверхъ указнаго числа было четыре человѣка «лишнихъ». Конечно, такiе «лишнiе» могли быть и на Ивановской площади. Вслѣдствiе этого весьма затруднительно намѣтить, хотя бы приблизительно «указное число» на послѣдней, пользуясь спискомъ, къ тому же еще далеко неполнымъ. На основанiи его мы можемъ получить только нѣкоторое представленiе о количествѣ подьячихъ, состоявшихъ на Ивановской площади во второй перiодъ ея существованiя. Число встрѣченныхъ нами ивановскихъ площадныхъ подьячихъ весьма колеблется, но въ общемъ въ 1649—83 годы не превышаетъ 30 человѣкъ въ годъ; съ 1684 г. оно значительно увеличивается, часто доходитъ до 40 человѣкъ, а въ нѣкоторые годы даже превышаетъ послѣднюю цифру. Пока невозможно рѣшить, является ли это слѣдствiемъ увеличенiя состава подьячихъ, или же объясняется случайностью, именно—большимъ количествомъ напечатаннаго актоваго матерiала за послѣднiя десятилѣтiя XVII в.

Среда, изъ которой происходили ивановскiе площадные подьячiе, выясняется при разсмотрѣнiи вообще вопроса о происхожденiи площадныхъ подьячихъ. Въ этомъ отношенiи цѣнные выводы даетъ статья Н. Оглоблина, изслѣдовавшаго происхожденiе провинцiальныхъ подьячихъ въ XVII в. На вопросъ, откуда происходили наши дьяки и подьячiе въ XVI в., можно отвѣтить извѣстными словами князя Курбскаго: «Писари жъ наши Русскiе имъже князь великiи зело вѣритъ,—а избираетъ ихъ не отъ шляхетского роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичовъ или отъ простаго всенародства...» [1]).

Разумѣется, эти слова относились кн. Курбскимъ къ высшимъ слоямъ сословiя,—дьякамъ и ихъ ближайшимъ сотрудникамъ, подьячимъ. Но если послѣднiе происходили не «отъ шляхетского роду,

---

[1]) Р. И. Б., т. XXXI, Сочиненiя кн. Курбскаго, т. I, Исторiя о великомъ кн. Московскомъ, с. 221; Н. Оглоблинъ также ссылается на эти слова, въ толкованiи которыхъ расходится съ Лихачевымъ (Разрядные дьяки XVI в., Спб., 1888 г., с. 135 и дал., 549); см. Н. Оглоблинъ, Op. cit.. въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 121.

ни отъ благородна», а больше изъ дѣтей духовенства и «простаго всенародства», то низшій слой, каковой составляли площадные подьячіе, главнымъ образомъ и могъ пополняться изъ такой среды. Дѣти духовенства были людьми наиболѣе грамотными въ то время. Изъ нихъ и выходили «писари» всякаго рода. Но когда ихъ не хватало, брали «писарей» изъ «простаго всенародства», лишь бы они знали письмо и годились для своей роли. Дѣйствительно, нѣкоторые извѣстные намъ площадные подьячіе новгородскіе XVI в. были людьми тяглыми [1]). Встрѣчались иногда на «площади» въ XVI в, какъ увидимъ далѣе, и служилые люди.

Въ XVII в. составъ площадныхъ подьячихъ также весьма разнообразенъ. Однако, вопросъ о средѣ, изъ которой могли они выходить, нѣсколько осложняется. Приходится считаться съ общей тенденціей сословной политики правительства, которое стремилось прикрѣпить всѣхъ къ опредѣленному сословію — служилому или тяглому и удержать въ немъ. Конечно, старалось оно не допускать служилыхъ и тяглыхъ людей и ихъ дѣтей уходить отъ службы или тягла въ подьяческое сословіе. Въ этомъ ему помогало и общество. Такъ, въ 1680 г. касимовскій посадскій міръ требовалъ судомъ возвращенія въ посадъ нѣсколькихъ лицъ, состоявшихъ площадными подьячими, на томъ основаніи, что они происходили изъ посадскихъ [2]).

Правда, были весьма многочисленныя исключенія, объяснявшіяся нуждой въ подьячихъ, но меньше всего они могли быть въ Москвѣ, особенно на Ивановской площади, въ виду сравнительной выгодности службы въ этой организаціи. Указанное направленіе въ сословной политикѣ правительства проводилось по данному вопросу и въ законодательствѣ, при чемъ, какъ увидимъ далѣе, различія между приказными и площадными подьячими въ вопросѣ о происхожденіи, по крайней мѣрѣ, въ концѣ XVII в., не дѣлали. Первый изъ извѣстныхъ намъ указовъ данъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ 7 декабря 1640 года. Имъ предписывалось: «во всѣ Приказы послать памяти, чтобъ поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, и гостиныя и суконныя сотенъ торговыхъ и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ и пашенныхъ людей, и ихъ дѣтей, въ подьячіе не принимали» [3]).

Указъ вызываетъ удивленіе своей первой частью, въ которой запрещено было принимать въ подьячіе «поповыхъ и дьяконовыхъ

[1]) В. В Майковъ, Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., въ Лѣт. занятій Археогр. Ком. за 1911 г., в. 24, сс. 56, 111, 174, 230.

[2]) А. Ю. Б., т. I, № 55, XXXV.

[3]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XXIX, с. 131.

дѣтей», что противорѣчило установившейся практикѣ и послѣдующему законодательству. Въ дальнѣйшемъ мы находимъ подтвержденіе только второй его части. Извѣстны также два указа относительно приказныхъ подьячихъ. Первый указъ, изданный 23 августа 1657 г. по частному случаю, подтверждалъ запрещеніе брать въ приказные подьячіе дѣтей служилыхъ и тяглыхъ людей. Онъ касался выбора всѣмъ городомъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ трехъ подьячихъ въ приказную избу, «которыхъ съ Государево дѣло впредь будетъ, и которые всему городу любы, и у которыхъ отцы не въ козачьѣ, не въ стрѣлецкой и не въ пушкарской службѣ, и не въ затинщикахъ, и не въ казенныхъ сторожахъ, и не въ тяглыхъ людѣхъ...» [1]). Второй указъ вышелъ 8 февраля 1664 г. Онъ устранялъ всѣхъ «розпоповъ и роздьяконовъ, которые нынѣ въ Москвѣ по приказомъ въ подьячихъ» отъ службы и запрещалъ впредь такимъ людямъ быть въ подьячихъ и у иныхъ дѣлъ «въ приказныхъ людѣхъ» [2]).

Наиболѣе полно были опредѣлены слои, изъ которыхъ могли выходить приказные и площадные подьячіе, въ наказахъ, данныхъ въ 1700 г. «Бѣлгородцкого полку въ городы розборщикомъ». Послѣднимъ предписывалось: приказныхъ избъ у подьячихъ брать скаски съ подкрѣпленіемъ, и буде по скаскамъ и по розыску и по приказной справкѣ которые подьячіе явятца, что отцы ихъ въ службѣ и и въ тяглѣ не написаны, и они изъ подьяческихъ и изъ поповыхъ и изъ церковнаго чину людей дѣти, и тѣмъ въ тѣхъ городахъ въ приказныхъ избахъ въ подьячихъ и на площади для письма дьячкомъ быть по прежнему великого государя указу и по грамотамъ изъ Розряду. А которые по ихъ скаскамъ и по розыску и по справкѣ съ приказными избами явятца, что отцы ихъ были въ полковыхъ и городовыхъ службахъ — въ копейщикахъ, и въ рейтарахъ, и въ солдатахъ, и въ драгунахъ, и въ городовой, и въ стрѣлецкой, или въ иной какой службѣ, и въ тяглѣ—и тѣхъ всѣхъ подьячихъ отставить и написать ихъ въ тѣ чины и службы, въ какихъ чинѣхъ отцы ихъ были и служили, и нынѣ служатъ...» [3]).

Такимъ образомъ, въ площадные подьячіе имѣли право вступать дѣти подьячихъ, поповъ и церковнаго причта; дѣтямъ же всякихъ служилыхъ и тяглыхъ людей, равно какъ и имъ самимъ, это было запрещено.

Несмотря на установленное правительствомъ запрещеніе слу-

---

[1]) П. С. З., т. I, № 213.

[2]) П. С. З., т. 1, № 369.

[3]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 131.

жилымъ и тяглымъ людямъ вступать въ подьячіе, въ это сословіе постоянно проникали «разными законными и незаконными путями», по выраженію Н. Оглоблина, [1]) люди изъ всѣхъ классовъ населенія Московской Руси. Одной изъ причинъ такого явленія, несомнѣнно, былъ недостатокъ въ подьячихъ, который приходилось иногда пополнять отовсюду. Въ отношеніи площадныхъ подьячихъ довольно часто прибѣгали къ такому компромиссному разрѣшенію вопроса: на «площадь» допускались «кормиться перомъ» всякіе служилые и тяглые люди, которые, однако, оставались въ своемъ прежнемъ званіи и не освобождались отъ службы или тягла. Этимъ также достигалась другая цѣль,—давалась возможность заработать «площаднымъ письмомъ» «оскудалымъ» въ большинствѣ случаевъ людямъ. Такъ, въ 1683 г. въ Псковѣ въ числѣ «площадныхъ дьячковъ», работавшихъ «на площади для прокормленія», мы встрѣтили: шесть пушкарей, которые въ то же время получали свое «пушкарское жалованье» по 3 рубля въ годъ, трехъ посадскихъ людей и одного церковнаго дьячка; имъ никакого жалованья не полагалось; наконецъ, тамъ были площадные подьячіе, «которые ни въ которыхъ чинѣхъ, 5 человѣкъ, а великихъ государей денежного жалованья имъ годового нѣтъ» [2]).

Въ 1668 г. на Вологодскую площадь просились двое посадскихъ; въ своей челобитной они писали: «Мы оскудѣли отъ пожаровъ и отъ мѣдной деньги, торговать, промышлять и кормиться стало нечѣмъ, а кормятся на Вологдѣ въ писчей избушкѣ площаднымъ письмомъ посадскіе оскудалые люди; вели, государь, намъ кормиться площаднымъ письмомъ съ площадными подьячими вмѣстѣ и выписныя деньги съ ними дѣлить поровну, чтобъ намъ впредь твоихъ податей и службъ не отбыть и вконецъ не погибнуть». Имъ это было разрѣшено подъ двумя условіями: «если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть съ посадскими людьми» [3]). Такіе площадные подьячіе изъ посадскихъ людей встрѣчаются довольно часто и въ другихъ мѣстахъ [4]).

Наконецъ, извѣстенъ случай, когда въ 1681—82 гг. въ Красно-

---

[1]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., октябрь, с. 235.

[2]) Д. А. И., т. X, № 96.

[3]) С. М. Соловьевъ, Op. cit., кн. III, с. 705.

[4]) С. Веселовскій, Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., сс. 8, 91, 93, 239 и др.; Р. И. Б., т. XVII, Писцовая книга 1621—1622 годовъ по Нижнему Новгороду, сс. 45, 83, 106, 115, 152, 153 и др.; Акты Москов. Государства, издан. Император. Академіей Наукъ, СПБ., 1890 г., т. I, № 221 (въ Суздалѣ въ 1629 г.); Д. А. И., т. IX, № 29 (росписной списокъ гор. Галича 1678 г.).

польской слободѣ Верхотурскаго уѣзда было велѣно «писать всякіе Государевы дѣла площадные и мирскіе Краснопольскому оброчному крестьянину Оѳонкѣ Бердникову» [1]).

Изъ служилыхъ людей особенно часто поступали на площадь стрѣльцы. Такъ, еще въ 1593 г. и позже въ Ивангородѣ работалъ «площадной подьячей Васка Феоѳановъ», который состоялъ стрѣлецкимъ десятникомъ [2]). Въ 1638 г. въ Тулѣ два стрѣльца подали челобитье о разрѣшеніи имъ «кормиться перишкомъ» на площади [3]). Во второй половинѣ XVII в. мы встрѣчаемъ стрѣльцовъ въ значительномъ количествѣ на многихъ «площадяхъ» въ томъ числѣ и на Ивановской. Когда они впервые появились на послѣдней, у насъ свѣдѣній нѣтъ. Одного изъ нихъ—Надѣйку Иванова мы встрѣтили на ней уже въ 1647—48 гг. Повидимому, были тогда и другіе стрѣльцы на этой «площади». Особенно много наблюдается стрѣльцовъ на Ивановской площади въ послѣднія десятилѣтія XVII в. Въ связи съ пребываніемъ на ней стрѣльцовъ произошло въ 1686 г., какъ уже было отмѣчено, нѣкоторое измѣненіе формы клаузулы, обозначающей канцелярію акта.

Площадные подьячіе составляли низшій слой подьяческаго сословія. Н. Оглоблинъ считаетъ ихъ полуслужилыми людьми. Въ смѣтныхъ и росписныхъ спискахъ свѣдѣнія о нихъ помѣщались обыкновенно вслѣдъ за свѣдѣніями о приказныхъ подьячихъ. Въ челобитныхъ они именовали себя холопами и писались полуимянемъ, напримѣръ: «Царю, Государю и великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи бьетъ челомъ холопъ твой, Ивановскіе Площади подьячишко, Куземко Дмитріевъ... [4]).

Лица, происходившія изъ тяглаго сословія, которымъ удавалось перейти въ площадные подьячіе, избавлялись отъ тягла. Такъ, въ 1680 г. представитель касимовскаго посадскаго міра жаловался на своихъ приказнаго и площадныхъ подьячихъ, сыновей и внуковъ

---

[1]) А. И., т. V, № 92.

[2]) Р. И. Б., т. XVII, Записная книга крѣп. актамъ XV—XVI вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, ср. №№ 158, 159, 160, 162, 310, 311; В. Феоѳановъ называлъ себя также «площаднымъ пищикомъ». Повидимому, работали здѣсь же на «площади» и его сотоварищи, см. указанные акты.

[3]) Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 18, стб. 107, I, с. 126.

[4]) Русская Мысль, 1885 г., ноябрь, смѣсь, с. 207; см. также Н. Оглоблинъ, Ор. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141; впрочемъ, въ одной челобитной 1686 г. 2 кунгурскихъ площадныхъ подьячихъ, вѣроятно, изъ тяглыхъ людей, именовали себя «сиротами»; см. Кунгурскіе акты XVII в., № 39.

посадскаго человѣка, состоявшаго въ Касимовѣ около 40 лѣтъ «у холопьихъ дѣлъ и въ съѣзжей избѣ въ подьячихъ», что они съ міромъ тягла не платятъ, «живутъ безданно». По рѣшенію суда они были окончательно освобождены «отъ посаду» и оставлены «въ прежнихъ чинѣхъ въ подьячихъ» [1]).

Конечно, въ иномъ положеніи находились тяглые люди, которые иногда припускались на площадь «кормиться перомъ» вслѣдствіе «оскудалости» или другихъ причинъ, но оставались въ прежнемъ своемъ состояніи. Такъ, упоминавшіеся уже вологодскіе площадные подьячіе должны были тянуть тягло съ посадскими людьми. Служилые же люди, какъ напримѣръ, стрѣльцы, работавшіе на «площади» для прокормленія, продолжали нести свою службу, для чего имъ иногда приходилось временно оставлять «площадь».

Н. Оглоблинъ указываетъ, что площадные подьячіе не получали никакого опредѣленнаго «государева жалованья» [2]). Повидимому, они и не могли получать его за письмо на «площади» частноправовыхъ актовъ. За совершеніе послѣднихъ площадные подьячіе брали съ лицъ, обращавшихся къ ихъ услугамъ, плату, называвшуюся иногда—«писчее», «могарычъ» [3]).

Служилые же люди, напримѣръ, псковскіе пушкари, работавшіе на «площади для прокормленія», продолжали получать свое «пушкарское жалованье» по 3 рубля въ годъ. Повидимому, получали свое стрѣлецкое жалованье и площадные подьячіе изъ стрѣльцовъ, работавшіе въ Москвѣ на Ивановской и другихъ площадяхъ [4]).

Намъ кажется, что работа на «площади», особенно въ такой организаціи, какъ Ивановская площадь, была выгодна. Вѣроятно, это обстоятельство содѣйствовало тому, что «площадное письмо» становилось иногда наслѣдственнымъ занятіемъ. Такъ, среди ивановскихъ площадныхъ подьячихъ мы встрѣтили значительное количество однофамильцевъ. Конечно, многіе изъ нихъ, кромѣ фа-

[1]) А. Ю. Б., т. I, № 55, XXXV.

[2]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141.

[3]) Д. А. И., т. XII, № 62; однако, площадные подьячіе часто выполняли разныя правительственныя порученія, работали въ приказныхъ избахъ и другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, за что, конечно, могли вознаграждаться различнымъ образомъ, см. П. С. З., т. IV, № 1836, п. 13.

[4]) Какъ мы видѣли, обычнымъ мотивомъ для допущенія на площадь служилыхъ и тяглыхъ людей выставлялась ихъ «скудость». Однако, въ скудости стрѣльцовъ, стоявшихъ въ Москвѣ, можно сомнѣваться. Котошихинъ сообщаетъ, что московскихъ приказовъ стрѣльцы были «люді торговые и ремесленые всякие богатые многие» и указываетъ довольно значительные размѣры ихъ жалованья, которое они получали деньгами и натурой; Г. Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, СПБ., 1906 г., с. 90.

миліи, не имѣли ничего общаго между собой. Однако, на ней было немало родственниковъ, работавшихъ одновременно и преемственно. Такъ, напримѣръ, на Ивановской площади въ 20—40 годы XVII в. работали трое Казариновыхъ, бывшихъ, по всей вѣроятности, близкими родственниками,—Артемій Ермолинъ с., Сила Ермолаевъ с. и Ивашко Артемьевъ с. Въ 1645 г. на площадь поступилъ Кузьма Дмитріевъ с. Бѣлозеръ, и на ней же мы встрѣтили Дмитрея Бѣлозерова. Во вторую половину XVII в. среди ивановскихъ площадныхъ подьячихъ встрѣчается нѣсколько Боровковыхъ, Васильевыхъ, Глаткихъ, Григорьевыхъ, Замощиковыхъ, Мелновыхъ, Ѳеоктистовыхъ и др.

Нерѣдки случаи продолжительнаго пребыванія подьячихъ на Ивановской площади, что, быть можетъ, отчасти также объясняется выгодностью работы на ней. По нашимъ далеко неполнымъ свѣдѣніямъ, многіе подьячіе работали на ней болѣе 20—25 лѣтъ, напримѣръ, Алексѣевъ Яковъ, Боровковъ Родка, Меншово Обросимко, Ѳеоктистовъ Михайло и др.

Площадные подьячіе не только занимались совершеніемъ актовъ на площади, при чемъ имъ иногда поручалось «довершить» неоконченные акты [1]). Это была ихъ главная, но не единственная работа. Они производили также экспертизу документовъ. О томъ, что она лежала на обязанности площадныхъ подьячихъ, извѣстно изъ позднѣйшаго указа 9 декабря 1699 г., которымъ экспертиза крѣпостей, предъявлявшихся въ Помѣстномъ приказѣ, отнималась отъ нихъ и передавалась приказнымъ дьякамъ и подьячимъ. Указъ предписывалъ: крѣпости, которыя «въ спорномъ челобитьѣ учнутъ писать... составными и воровскими и руки у тѣхъ крѣпостей лживятъ: и про такія крѣпости розыскивать и руки свидѣтельствовать Дьяками и подьячими, которые сидятъ въ приказѣхъ, а не площадными подьячими противъ того, какъ по Уложенью и новоуказнымъ статьямъ велѣно розыскивать по спорному челобитью про купчія и про закладныя и про записи... [2]).

Кромѣ того, площадные подьячіе вели иногда челобитчиковы дѣла, а также исполняли всякія иныя порученія: работаютъ тѣ площадные подьячіе «наши всякіе дѣла съ площади у сыщиковъ и у всякихъ дѣлъ», говорится въ дѣлѣ касимовскихъ подьячихъ. Они ѣздили съ дозорщиками и писцами, какъ напримѣръ, ивановскій площадной подьячій Аѳонасій Бѣловъ, который уѣхалъ въ 1643—44 гг. съ писцомъ въ Шацкій уѣздъ, писали у сотскихъ, разборщиковъ, полковыхъ воеводъ, посылались на отказы, допросы, ловить разбой-

[1]) П. С. З., т. III, № 1447.
[2]) П. С. З., т. III, № 1732.

никовъ, брать поруки, сопровождать государевъ хлѣбъ и участвовали во всякихъ другихъ государевыхъ посылкахъ. Ихъ въ случаѣ нужды привлекали, какъ мы видѣли, переписывать писцовыя и дозорныя книги. Они замѣщали подьячихъ приказовъ и воеводскихъ учрежденій и являлись главными кандидатами на эти мѣста. Н. Оглоблинъ справедливо указываетъ, что «площадь» надо признать главнымъ разсадникомъ провинціальнаго подьячества, его первоначальной школой [1]). Достиженіемъ мѣста подьячаго въ приказѣ, въ приказной или съѣзжей избѣ обыкновенно заканчивалась карьера площадного подьячаго. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ достигали высшаго положенія. Въ своихъ запискахъ Желябужскій сообщаетъ, что въ 1695 г. въ Холопьемъ приказѣ сидѣлъ окольничій Ѳедоръ Тихоновичъ Зыковъ, который прежде былъ площаднымъ подьячимъ Разряда: «сидѣлъ въ разрядныхъ сѣняхъ»; «записки ево руки» имѣлись у многихъ людей [2]).

Мало извѣстно указовъ, характеризующихъ положеніе подьяческаго сословія въ Москвѣ, которые касались бы и интересующаго насъ слоя подьячихъ. Въ 1635 г. 17 октября иноземцамъ, подьячимъ и «инымъ всякихъ чиновъ мѣлкимъ людемъ» запрещено было пріобрѣтать дворы въ Китай-городѣ [3]).

Въ 1654 г. 9 января былъ изданъ указъ, предоставлявшій право въѣзжать въ Кремль только нѣкоторымъ старымъ подьячимъ; остальнымъ «меньшихъ чиновъ людемъ» полагалось ходить въ Кремль до приказовъ пѣшкомъ [4]).

Конечно, это распоряженіе относилось и къ ивановскимъ площаднымъ подьячимъ, которые производили свою работу въ самомъ центрѣ Кремля.

Контора ихъ помѣщалась вблизи приказовъ «на площади у Ивана Великаго» въ зданіи, носившемъ названіе «палатки Ивановской площади» или просто «Ивановской палатки». Какъ извѣстно, площадь въ городахъ Московскаго государства играла значительную роль. Она была центромъ всей городской жизни, самымъ многолюднымъ и оживленнымъ мѣстомъ. На ней обыкновенно находились правительственныя учрежденія, иногда около нихъ стояли площадные подьячіе въ ожиданіи работы. Въ нѣкоторыхъ городахъ устраивались особыя «писчія избы» въ которыхъ совершали акты тогдашніе нотаріусы [5]).

[1]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141.

[2]) Записки Желябужскаго, изд. Д. Языкова, с. 48.

[3]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XXV, с. 129.

[4]) П. С. З., т. I, № 116.

[5]) Напримѣръ, въ Вологдѣ, см. приведенную въ текстѣ челобитную

Большое значеніе пріобрѣла въ Москвѣ, особенно во второй половинѣ XVII в., Ивановская площадь. По словамъ И. Забѣлина, «на ней сосредоточивалась благодаря новопостроеннымъ Приказамъ судейская, дьяческая и подьяческая приказная служба для всего государства, привлекавшая къ дѣламъ множество всякаго народа... Отъ Приказовъ выдвигались на площадь семь длинныхъ каменныхъ лѣстницъ къ верхнимъ ярусамъ Приказовъ. У этихъ лѣстницъ и толпились челобитчики въ ожиданіи прихода дьяковъ, подьячихъ или и самого судьи» [1]).

На площади обучались военному дѣлу, возглашались «кличи», производились наказанія. Такъ, въ 1694 г. нѣкто Григорій Языковъ своровалъ съ ивановскимъ площаднымъ подьячимъ Яковомъ Алексѣевымъ: «въ записи написали задними числами за пятнадцать лѣтъ»; за это подьячему было учинено наказаніе: «битъ батоги на Ивановской площади и отъ площади отставленъ», несмотря на свою долговременную службу [2]).

Какъ видно, мѣсто для Ивановской палатки было выбрано весьма удачно. Въ ней, повидимому, не только совершались акты, но и хранились дѣлопроизводство «площади», а также «указныя памяти и записныя книги», которыя полагалось имѣть старостѣ площадныхъ подьячихъ [3]). Сюда обыкновенно являлись лица, ну-

---

двухъ вологодскихъ посадскихъ; Суздалѣ, Акты Москов. Государства, изд. Император. Академіей Наукъ, т. I, № 221; Орлѣ, Описаніе докум. и бумагъ, хранящ. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 17, стб. 2368, I; Галичѣ, Д. А. И., т. IX, № 29; см. размѣры «избы пищей площадныхъ дьячковъ» въ Юрьевцѣ Поволжскомъ: «длиннику полтретьи сажени, поперечнику двѣ сажени», Н. Виноградовъ, Писцовая и межевая книга по гор. Юрьевцу Поволжскому и Стрѣлец. слоб. 1676 г., въ Костромской Стар., 1912 г., в. VII, с. 97.

[1]) И. Забѣлинъ, Исторія гор. Москвы, II изд., ч. I, с. 312.

[2]) Записки Желябужскаго, изд. Д. Языкова, с. 27; иногда подъячіе поступали осмотрительнѣе и содѣйствовали раскрытію «воровства» съ письмомъ актовъ, см. П. С. З., т. III, № 1387.

[3]) А. И., т. V, № 149; существованіе на «площади» записныхъ книгъ является весьма важнымъ фактомъ; въ книги, вѣроятно, записывались акты, совершенные на «площади». Ср. съ записными книгами, которыя велѣно было завести въ Помѣстномъ приказѣ указомъ 9 декабря 1699 г., передававшимъ письмо крѣпостей приказнымъ подьячимъ. Въ указѣ говорилось: «а сколько въ которомъ числѣ и въ какихъ дѣлахъ какія крѣпости писаны, и тому въ Помѣстномъ приказѣ учинить особыя записныя книги за Дьячьими руками, и въ тѣхъ книгахъ описывать именно, кто и съ кѣмъ сдѣлку учинилъ, и къ тѣмъ записнымъ книгамъ, кто крѣпость далъ, и кто взялъ, велѣть руки прикладывать, а какъ къ той запискѣ руки приложатъ, и тѣ крѣпости, отдавъ тому, кому надлежитъ, сказать его Государевъ указъ и Боярской приговоръ, чтобъ они тѣ крѣпости приносили къ запискѣ по приказной обыкности, которыя будутъ писаны на Москвѣ, въ 2 мѣсяца...» П. С. З., т. III, № 1732.

ждавшіяся въ совершеніи актовъ. О томъ, какъ производилась работа, извѣстно очень мало. Актъ писался сперва начерно, потомъ переписывался, тогда же его и «послушали», какъ это видно изъ одного дѣла 1699 г. [1]).

Наблюденіе надъ актами даетъ возможность предполагать существованіе образцовыхъ формуляровъ, которыми руководствовались въ своей работѣ площадные подьячіе. Конечно, они могли имѣть частное происхожденіе и вырабатываться на самой «площади». Извѣстно также разсылавшееся въ 1680 г. правительствомъ «образцовое письмо» для составленія служилыхъ кабалъ, которому съ этого времени слѣдовали писцы этихъ актовъ въ томъ числѣ и ивановскіе площадные подьячіе [2]).

Въ подьячіе Ивановской площади кандидаты принимались правительственной властью при нѣкоторомъ участіи площадной организаціи. Обыкновенно кандидатъ подавалъ челобитную на имя государя. Такъ, въ 1644 г. подалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную Куземко Дмитріевъ, въ которой онъ, холопъ государевъ, «Ивановскіе площади подьячишко», вѣроятно, не входившій въ указное число, просилъ: «пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, мнѣ на Ивановской площади писать крѣпости на Афонкино мѣсто Бѣлово, а тотъ Аѳонасей съ Москвы съѣхалъ съ писцы въ письмо...» Челобитная была принята и на ней было помѣчено: «153 года Октябрь въ 30 день выписать и старостъ допросить, есть ли выбылое мѣсто» [3]).

По обычной московской волокитѣ дѣло затянулось; только черезъ восемь мѣсяцевъ, 17 іюля 1645 г., въ приказъ на Казенный дворъ были вызваны «Ивановскія площади подьячихъ старосты» Власъ Перфильевъ и Демидъ Холмовъ для дачи свѣдѣній. Оба они, ставъ передъ казначеемъ Богданомъ Миничемъ Дубровскимъ и дьяками Григорьемъ Понкратьевымъ да Олмазомъ Ивановымъ, относительно подьячаго Ивановскія площади Аѳонасія Бѣлова сказали: «онъ съ Москвы съѣхалъ и пишетъ съ писцомъ въ Шацкомъ уѣздѣ другой годъ. А на его мѣсто билъ челомъ писать на площади Кузма Дмитріевъ, и онъ человѣкъ добрый, а воровства мы за нимъ прежъ сего никакова ни въ чемъ не смечали и не знаемъ...» Это они подтвердили письменно, при чемъ «скаску» писалъ Власъ Перфильевъ и подписалъ Демидъ Холмовъ [4]).

---

[1]) С. Шумаковъ, Къ исторіи Помѣстнаго приказа, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1905 г., августъ, сс. 428—29.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Op. cit., въ Сборникѣ, посв. В. О. Ключевскому, сс. 758—63.

[3]) «Русская Мысль», 1885 г., кн. XI, смѣсь, с. 207.

[4]) Ibid., с. 208.

По тогдашнимъ порядкамъ поступавшій на службу обязанъ былъ представить по себѣ поручную запись, безъ которой его не принимали. Порука по Куземкѣ Дмитріевѣ была дана его товарищами по «площади». Въ поручной, написанной почти черезъ мѣсяцъ послѣ подачи челобитной просителемъ, а именно 29 ноября 1644 г., подьячіе Ивановской площади,—Степанъ Григорьевъ сынъ Луковъ, Сила Ермолаевъ сынъ Казариновъ, Иванъ Ивановъ сынъ Кольцовъ, Борисъ Ивановъ и другіе (къ сожалѣнію, не извѣстно сколько и кто именно, такъ какъ актъ напечатанъ съ пропускомъ) ручались передъ приставомъ приказа Казеннаго двора Иваномъ Черновинымъ по площадномъ же подьячемъ Куземкѣ Дмитріевѣ Бѣлозерѣ въ слѣдующемъ: «писати ему Куземке за нашею порукою на площади у Ивана Великаго записи и кабалы заемныя и вотчинныя и всякія крѣпости, и будучи ему Куземке за нашею порукою на площади, въ площадномъ письмѣ никакимъ воровствомъ не воровать и записей воровскихъ и никакихъ крѣпостей за очи не имать и рукъ ни чьихъ не подписывать и ни какимъ воровскимъ письмомъ не воровать, а которые Московскіе всякихъ чиновъ люди грамотѣ не умѣють и въ тѣхъ мѣсто къ крепостемъ велѣть руки прикладывать Московскимъ людемъ, кому они вѣрятъ, а пріѣзжимъ городовымъ никакимъ людемъ вмѣсто Московскихъ людей рукъ прикладывать не велѣть, а велѣть прикладывать руки отцамъ ихъ духовнымъ, а будетъ съ отцомъ духовнымъ вражда или близко нѣтъ и вмѣсто велѣть прикладывать руки роду ихъ и племени ближнимъ или кто кому вѣритъ, и вмѣсто городовыхъ всѣхъ чиновъ людей велѣть прикладывать роду ихъ и племени городовымъ же людемъ или московскимъ, кому они вѣрятъ, а будетъ онъ Куземка, будучи на площади за нашею порукою учнетъ какія воровскія крѣпости писать, или у какой-нибудь крѣпости чью руку подпишетъ, или въ площадномъ письмѣ учнетъ какимъ воровствомъ воровати, и на насъ на поручикахъ пеня Государя, Царя, великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, а пеню что Государь укажетъ, а кой изъ насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ Государева пеня и порука» [1]).

Послухомъ этой любопытной поручной былъ одинъ изъ старостъ подьячихъ Демидъ Холмовъ, писалъ ее Куземко Дмитріевъ «самъ на себя и на поручиковъ своихъ своею рукою». Такимъ образомъ, въ поручной записи опредѣленъ кругъ дѣлъ, предоставленныхъ ивановскимъ площаднымъ подьячимъ: они имѣли право писать «всякія крѣпости»; въ ней также подробно изложена ин-

[1]) Ibid., сс. 207—208.

струкція о подписываніи актовъ лицами обязывавшимися по нимъ, представлявшая дальнѣйшее развитіе указа 1628 г. по этому вопросу [1]).

Куземка Дмитріевъ былъ принятъ на Ивановскую площадь, но какъ это произошло, свѣдѣній нѣтъ. Возможенъ былъ еще другой способъ вступленія въ площадную организацію: подьячій, состоявшій на «площади», могъ поступиться своимъ мѣстомъ другому лицу, какъ это видно изъ челобитной площадныхъ подьячихъ Посольскаго приказа.

Приведенные документы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на организацію подьячихъ Ивановской площади. Во главѣ ея въ 40 годы XVII в. и позже мы встрѣчаемъ двухъ старостъ. О болѣе ранней эпохѣ у насъ нѣтъ свѣдѣній. Во главѣ другихъ площадныхъ организацій, извѣстныхъ намъ, стояло обыкновенно одно лицо. Въ 1645 г. старостами ивановскихъ площадныхъ подьячихъ были Власъ Перфильевъ и Демидъ Холмовъ, которые, какъ было уже указано, призывались въ приказъ на Казенный дворъ для дачи «скаски». Оба они, повидимому, происходили изъ площадныхъ подьячихъ и выполняли ту же самую работу, что и рядовые члены «площади». Такъ, Демидъ Холмовъ былъ послухомъ поручной по Куземкѣ Дмитріевѣ и двухъ другихъ актовъ 1640 г. Власъ Перфильевъ въ 1643 г. также былъ послухомъ одного акта. Кромѣ того, сохранилась оброчная запись 1646 г., которую писалъ «Ивановския площади подячеи Власко Перѳилев», наименовавшій ее поручной записью [2]).

Въ 1690 г. мы также встрѣчаемъ на Ивановской площади двухъ старостъ. Въ это время старостами были Семенъ Козминъ и Андрей Ивановъ. Первый изъ нихъ въ 1683 г. писалъ на Ивановской площади служилую кабалу, въ которой именовалъ себя: «Ивановскія площади подьячей Сенка Козминъ» [3]). Онъ же былъ въ числѣ послуховъ одной купчей 1694 г.

Староста принималъ также участіе въ другой работѣ, которую, вѣроятно, часто приходилось выполнять ивановскимъ площаднымъ подьячимъ, именно въ экспертизѣ документовъ. Такъ, когда въ 1686 г. въ Помѣстномъ приказѣ потребовались эксперты «для свидѣтельства писма Елисѣя Синявина», было велѣно послать въ Стрѣлецкій приказъ, въ вѣдѣніи котораго тогда находилась Ивановская площадь, память съ предписаніемъ прислать въ Помѣстный

---

[1]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XIII, 7, с. 120.

[2]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. V, № 26.

[3]) А. Ю. Б., т. II, № 127, XII.

приказъ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ. Послѣдніе туда явились во главѣ со своимъ старостой Гаврилой Пошехоновымъ и дали слѣдующую сказку: «194-г іюня въ 26 день въ Помѣсномъ приказѣ передъ князь Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ Ивановскіе площеди подьячіе староста Гаврила Пошехоновъ съ товарыщи сказали, смотря въ дѣлѣ у скаски руки имянемъ Елисѣя Синявина 159-г году да на челобитной руки жъ имянемъево жъ Елисѣя Синявина 161-г году ноября 2-го числа: и тѣ вышеписанные руки у скаски и на челобитной имянемъ Елисѣя Синявина пописью и словами сходно. А скаску писалъ и писма смотрилъ тое жъ Ивановскіе площеди подъячей Аксенко Өеоктистовъ» [1]).

О правахъ и обязанностяхъ старостъ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ непосредственно извѣстно немного. Свѣдѣнія объ этой должности косвенно можно дополнить тѣми данными, какія мы находимъ въ наказной памяти головы астраханскихъ конныхъ стрѣльцовъ Иванова приказу Мартьянова слободчику Ивану Новогородову, назначенному въ 1687 г. старостою площадныхъ подьячихъ въ Астрахани. Она также содержитъ свѣдѣнія о характерѣ работы въ нотаріальной конторѣ того времени. Староста выбирался площадной организаціей. Однако, необходимо было утвержденіе выбора соотвѣтствующей правительственной властью, которой была подчинена площадная организація. Послѣдняя могла также ходатайствовать о смѣщеніи своего старосты. Для этого отъ имени всей организаціи подавалась челобитная и указывался новый кандидатъ. Такъ, въ 1686 г. астраханскіе площадные подьячіе подали обоимъ царямъ и царевнѣ Софіи челобитную, въ которой просили назначить имъ старостою, вмѣсто состарившагося Оски Долгова, слободчика Ивана Новогородова. Просьба ихъ была удовлетворена. Въ памяти о назначеніи послѣдняго говорится: «били челомъ В. Г. Ц. и В. К. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и В. Г... Софіи Алексѣевнѣ... площадные подьячіе Ивашка Суботинъ съ товарыщи: прежней де староста Оска Долговъ остарѣлъ; чтобъ Великіе Государи пожаловали, велѣли быть у нихъ старостою тебѣ. И по сему Великихъ Государей указу старостою тебѣ быть»... [2]) Обыкновенно староста происходилъ изъ среды площадныхъ подьячихъ; это былъ наиболѣе опытный, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ организаціи; такъ, напримѣръ, состоявшій старостою площадныхъ подьячихъ Посольскаго приказа въ 1691 г. Семіонъ Игнатьевъ поступилъ на «площадь» въ 1670—71 г., ранѣе весьма многихъ своихъ сотоварищей. Находясь во главѣ организаціи, староста являлся

---

[1]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. III, сс. 87—88.
[2]) *А. И.*, т. V, № 149.

естественнымъ представителемъ ея и былъ посредникомъ между «площадью» и правительственною властью, передъ которой несъ отвѣтственность за работу площадныхъ подьячихъ. При вступленіи въ должность онъ обязанъ былъ принять дѣла отъ своего предшественника. Такъ, Ивану Новогородову предписывалось: «у прежняго старосты у Оски Долгова указные памяти и записные книги принять».

Въ своей дѣятельности староста обязанъ былъ руководствоваться соотвѣтствующими указами: «чинить во всемъ по указу жъ Великихъ Государей и по памятямъ». Главнымъ образомъ въ кругъ его обязанностей входилъ надзоръ за правильнымъ ходомъ работъ на площади. Онъ долженъ былъ слѣдить, чтобъ «всякіе крѣпости и посторонніе писма» писали съ его вѣдома, чтобъ «работныхъ людей помѣчали имяна и вершили на площади, и по помѣткамъ бы безъ записей задаточныхъ денегъ торговые люди денегъ не давали, давали бъ въ то время, какъ записи совершены и поданы будутъ въ приказной полатѣ». Поэтому въ памяти новому старостѣ Ивану Новогородову далѣе предписывалось: «и того тебѣ смотрѣть надъ площадными подьячими, чтобъ кто воровски не учинилъ какихъ подставныхъ заочныхъ крѣпостей, также бъ записавъ имяна работнымъ людемъ, записи писали и вершили и тебѣ отдавали вскорѣ, а безъ записей бы никакихъ работныхъ людей по помѣткамъ имянъ не отпускали, также бъ вмѣсто записей торговымъ людемъ книгъ наемныхъ съ поруками не писали, чтобъ въ томъ пошлина Великихъ Государей не пропадала»... На ослушниковъ староста долженъ былъ подавать въ приказной палатѣ, которой была подчинена астраханская площадная организація, «докладные писма за руками... и тѣмъ людемъ отъ площеди будетъ отказано».

Если староста самъ поступалъ не по «указу Великихъ Государей» или скрывалъ злоупотребленія другихъ лицъ «по дружбѣ или для своей бездѣлной корысти», то ему угрожало жестокое наказаніе «безо всякіе пощады». Однако, однимъ надзоромъ не исчерпывались обязанности старостъ. Какъ мы уже видѣли, они сносились съ властями, давали всякаго рода справки, призывались для экспертизы и принимали участіе въ обычной работѣ на «площади» въ качествѣ писцовъ и послуховъ актовъ.

Изъ приведенныхъ ранѣе документовъ видно, что ивановская площадная организація въ 40 годы XVII в. находилась въ подчиненіи приказа Казеннаго двора. О томъ, что представлялъ собою этотъ приказъ приблизительно въ это время, сообщаетъ Котошихинъ. Казенный дворъ завѣдывалъ царской казной всякаго рода, которую брали во дворецъ для царскаго семейства и выдавали служилымъ людямъ на жалованье; вѣдалъ онъ также скорняковъ и портныхъ мастеровъ, ко-

торыхъ насчитывалось около 100 человѣкъ. Приходъ его—3000 рублей составлялся изъ сборовъ съ посадскихъ торговыхъ людей въ количествѣ около 500 человѣкъ, подчиненныхъ приказу. Деньги расходовались на жалованье подьячимъ и ремесленнымъ людямъ. Во главѣ приказа стоялъ казначей,—думный человѣкъ, а съ нимъ два дьяка [1]).

Какъ мы видѣли, въ приказѣ на Казенномъ дворѣ въ 1644—45 гг. разсматривалось дѣло о поступленіи Куземки Дмитріева на Ивановскую площадь. Трудно, конечно, объяснить подчиненіе важнѣйшей нотаріальной организаціи въ государствѣ приказу, бывшему въ серединѣ XVII в. главнымъ образомъ хранилищемъ царской казны. Можетъ быть, объясненіе слѣдуетъ искать въ тѣхъ разнообразныхъ функціяхъ, которыя выполнялъ приказъ ранѣе, когда, вѣроятно, произошло подчиненіе ему «площади» [2]). Между прочимъ, Казенный дворъ до учрежденія Посольскаго приказа былъ, по словамъ С. Бѣлокурова, первоначальной канцеляріей по внѣшнимъ сношеніямъ Московскаго государства. На немъ въ XV—XVI вв. бояре и казначеи весьма часто принимали иноземныхъ пословъ, особенно во время отсутствія великаго князя изъ Москвы. С. Бѣлокуровъ считаетъ, что онъ былъ казеннымъ не потому, что хранилъ казну, а казеннымъ, иначе государственнымъ дворомъ, на которомъ вѣдались государственныя дѣла, и указываетъ аналогичное ему учрежденіе, существовавшее въ Русско-Литовскомъ государствѣ при Господарской Радѣ и господарѣ, именно—государственную канцелярію великаго княжества Литовскаго. Чиновники послѣдней облекали въ письменную форму, зарегистрировали и выдавали по адресу всѣ постановленія и распоряженія господаря и пановъ-рады, а также изготовляли и различные дипломатическіе документы, грамоты, науки. Канцелярія была подчинена канцлеру, въ вѣдѣніи коего находилась государственная печать, и состояла изъ секретарей, писарей и дьяковъ. С. Бѣлокуровъ полагаетъ, что этой литовской государственной канцеляріи въ Москвѣ соотвѣтствовалъ Казенный дворъ,

---

[1]) Григорій Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, сс. 72—4.

[2]) Ранѣе была установлена связь Ивановской площади съ Помѣстнымъ приказомъ, которая продолжалась въ теченіе всего времени существованія «площади» и выражалась, по нашему мнѣнію, въ совершеніи «площадью» частноправовыхъ актовъ по помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ (наряду съ другими). Конечно, это вовсе не исключаетъ возможности подчиненія Ивановской площади приказу Казеннаго двора (или другому учрежденію). Къ тому же существуетъ мнѣніе, что Помѣстный приказъ также первоначально находился въ связи съ Казеннымъ дворомъ, изъ котораго и произошло выдѣленіе «помѣстнаго вѣдомства»; С. Шумаковъ, Къ исторіи Московскихъ приказовъ, въ Юрид. Запискахъ, 1911 г., в. II—III, с. 524.

который въ XV—XVI вв. былъ московской государственной канцеляріей впредь до выдѣленія особыхъ вѣдомствъ и образованія приказовъ. «Здѣсь именно», говоритъ онъ, «государевы дьяки приводили въ исполненіе приговоры Боярской думы, писали соотвѣтствующія грамоты и памяти» [1]). Такія функціи по изготовленію документовъ, которыми обладалъ Казенный дворъ въ XVI в., конечно, могли привести къ подчиненію ему ивановскихъ площадныхъ подьячихъ.

На основаніи свѣдѣній, имѣющихся за вторую половину 80 и начало 90 годовъ XVII в., можно полагать, что высшее завѣдываніе Ивановскою площадью въ это время было сосредоточено въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Вѣроятно, это находилось въ связи съ тѣми измѣненіями въ личномъ составѣ площадной организаціи, въ результатѣ которыхъ «площадь» всецѣло очутилась въ рукахъ стрѣльцовъ. Однако, намъ совершенно не извѣстно, когда произошла такая перемѣна. Въ 1686 г. площадь уже находилась въ вѣдѣніи Стрѣлецкаго приказа. Въ этомъ году къ нему обратились съ предложеніемъ изъ Помѣстнаго приказа прислать въ послѣдній ивановскихъ площадныхъ подьячихъ для экспертизы документовъ [2]). Также въ 1690 г., когда въ Новгородскомъ приказѣ потребовалось узнать, сколько получаютъ за письмо поручныхъ записей на «работныхъ людей» ивановскіе площадные подьячіе, обратились за справкою въ Стрѣлецкій приказъ, и «Ивановскія площади старосты Семенъ Козминъ да Андрей Ивановъ съ товарищи», дали требуемыя свѣдѣнія [3]).

Разсмотрѣнныя черты организаціи «площади» показываютъ значительное своеобразіе ея устройства. Она весьма сильно отличается отъ правительственныхъ учрежденій съ ихъ приказнымъ строемъ. Чтобы яснѣе представить это отличіе и намѣтить характеръ площадной организаціи, разсмотримъ послѣдовательно всѣ тѣ стороны ея, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія. Конечно, вполнѣ разрѣшить этотъ вопросъ въ виду недостаточности матеріала, который почти совершенно отсутствуетъ за ранній періодъ существованія «площади», не представляется возможнымъ.

По своему происхожденію первоначальная «площадь» являлась организаціей частнаго характера. Вслѣдствіе возникавшей иногда невозможности выполнять площадную работу одному человѣку, нѣсколько лицъ объединялись въ союзъ, чтобы, занимаясь «площаднымъ письмомъ», своего рода промысломъ, требовавшимъ спеціальныхъ знаній, совмѣстно преслѣдовать матеріальную цѣль,—полу-

---

[1]) С. Бѣлокуровъ, Op. cit., сс. 20—21.

[2]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. III, сс. 87—88.

[3]) Д. А. И., т. XII, № 62.

ченіе заработка, конечно, большаго при групповой работѣ въ виду уменьшенія расходовъ. Иногда это просто была группа родственниковъ. Такъ, въ Касимовѣ въ 1680 г. на площади работали четверо родныхъ братьевъ и ихъ дядя [1]).

Однако, самый характеръ нотаріальнаго дѣла, которое выполняла площадная организація, долженъ былъ вызвать надзоръ со стороны правительственной власти, утверждавшей «площадь» въ ея правахъ. Этотъ надзоръ усиливался по мѣрѣ увеличенія значенія «площади», какъ нотаріальнаго установленія.

Преслѣдованіе хозяйственной цѣли площадной организаціей замѣтно выступаетъ тамъ, гдѣ «площадное письмо» отдавалось на откупъ, что, вѣроятно, нерѣдко практиковалось въ различныхъ мѣстахъ Московской Руси, особенно въ первый періодъ существованія «площади». Это обстоятельство весьма важно для выясненія характера самой площадной организаціи. Въ Сибири откупъ площаднаго письма встрѣчается въ теченіе всего времени существованія «площади» [2]).

Въ остальныхъ мѣстахъ Московской Руси мы встрѣтили его только до первыхъ годовъ второго періода, такъ, напримѣръ, въ Арзамасѣ въ 1614—15 гг. [3]), Псковѣ въ 1627 и 1628 гг. [4]), Вязьмѣ

---

[1]) А. Ю. Б., т. I, № 55, XXXV.

[2]) Н. Оглоблинъ приводитъ отрывокъ изъ челобитной бывшаго туринскаго площаднаго подьячаго Степана Ушакова, которому въ 1639—40 гг. было велѣно: «быти въ Туринскомъ на площади въ писчихъ подьячишкахъ съ товарищи съ двема человѣки и писати на откупномъ оброкѣ»—по 7 рублей на годъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 144 (см. тамъ же объ откупѣ въ Тобольскѣ 1640—41 гг.); см. также про Верхотурье, гдѣ въ 1666 г. откупу съ «площадного письма» площадной подьячій платилъ 14 р. 20 алтынъ на годъ, А. Дмитріевъ, Пермская старина, Пермь, 1897 г., в. VII. с. 188; А. И., т. V, № 92 (Краснопольская слобода въ 1681—82 гг.); Д. А. И., т. XI, № 11, VI (Якутскъ въ 1684 г.); см. еще грамоты о письмѣ крѣпостей въ Енисейскъ 1700 и 1701 гг. и Туринскъ 1701 г., Ѳ. Туманскій, Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій о Петрѣ В., СПБ., 1787 г., ч. II, сс. 139—44. 161—64, 169—82.

[3]) Въ приходо-расходной книгѣ Нижегородской чети 7123 г. значится по Арзамасу: «откупныхъ недѣльныхъ, и площедного письма, и квасного, и сусленого, и пролубного и сенного откупу 66 р. 26 ал. 2 д.,» Р. И. Б., т. XXVIII, с. 126; см. также с. 127.

[4]) Псковской лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что въ эти годы «умышленіемъ» воеводы и дьяка «на окупъ дали квасниковъ, и извощиковъ, и дектяревъ, и байниковъ (банниковъ! см. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодина, 1837 г., с. 236;) на оброкъ, и отъ году во иной годъ съ прибылью и наддачею выше, и площадныхъ подьячихъ такожe». П. С. Л., т. IV, Псковская первая лѣтопись, с. 333.

въ 1635 г. [1]), наконецъ, въ Вологдѣ [2]) и Шуѣ [3]), въ которыхъ откупъ площадного письма былъ отмѣненъ въ 1654 г., что, повидимому, вообще находилось въ связи съ произведенной въ этомъ году отмѣной откуповъ на рядъ другихъ «мелкихъ промысловъ» [4]).

Матеріальная цѣль руководила также «оскудалыми» посадскими людьми въ Вологдѣ, просившимися въ 1668 г. «кормиться площаднымъ письмомъ съ площадными подьячими вмѣстѣ и выписныя деньги съ ними дѣлить поровну». Вступленіе группы лицъ, очевидно, заранѣе вошедшихъ между собой въ соглашеніе, на площадь иногда происходило при содѣйствіи мѣстнаго общества, какъ напримѣръ, это было въ Костромѣ въ 1685—86 гг. [5])

Члены площадной организаціи имѣли равныя права и обязанности. На площади—всѣ товарищи, такъ они обыкновенно и назывались: «площадные подьячіе Ивашка Суботинъ съ товарищи», Ивановскія площади старосты Семенъ Козминъ да Андрей Ивановъ съ товарищи» и т. п. Они всѣ одинаково принимали участіе въ площадной работѣ—письмѣ и послушествованіи актовъ. Конечно, среди подьячихъ могло быть раздѣленіе по опытности въ работѣ, но это не нарушало ихъ равенства. Какъ было уже указано, староста также принималъ участіе въ общей работѣ. Онъ являлся только старшимъ товарищемъ болѣе опытнымъ и знающимъ. Староста избирался площадной организаціей; однако, утвержденіе его въ должности зависѣло отъ правительственной власти, которая

---

[1]) Въ памяти 1636 г. изъ Устюжской чети въ Разрядъ указывалось, что по окладу 1635 г. полагалось взять «съ Вязьмы, съ посаду, съ недѣль на вяземскихъ стрѣльцахъ на Петрушкѣ Немогорскомъ съ товарищи откупныхъ денегъ 17 рублей, да съ Вязьмы жъ, съ посаду, съ площадного письма откупныхъ денегъ на Петрушкѣ Немогорскомъ да на Филькѣ Исаевѣ 8 рублей...» Акты Москов. Государства, издан. Импер. Академіей Наукъ, Спб., 1894 г., т. II, № 42.

[2]) Въ Вологдѣ откупъ на квасъ, сусло, деготь, сало ворванье, площадное письмо, плавучій мостъ былъ отмѣненъ государевой грамотой съ 1 сентября 1654 г. по челобитью посадскихъ людей, которые указывали, что у нихъ эти «промыслы» «въ откупу, а на Москвѣ и въ Ярославлѣ и на Костромѣ и на Устюгѣ Великомъ тѣми промыслами кормятца мирские люди безъ откуповъ повольно...» Вологод. Губерн. Вѣдомости, 1854 г., ч. неоф., № 42, сс. 440—41.

[3]) Въ государевой грамотѣ 1654 г. Шуйскому воеводѣ Петру Овцыну указывалось: «въ Шуѣ на посадѣ сусло и квасъ и площадное писмо и мылная мелкая рѣзь въ откупу за всѣми посадцкими людми, а откупу на нихъ десять рублевъ дватцать два алтына пять денегъ, и нынѣ указали есмя тѣмъ промысломъ кормитца Шуяномъ посадцкимъ людемъ безъ откупу и безоброчно...» А. Ю. Б., т. I, № 55, XIII.

[4]) П. С. З., т. I, № 122.

[5]) См. приведенную уже ранѣе челобитную кандидата на Костромскую площадь Ивашки Иванова.

вручала ему функціи надзора и руководства дѣлами «площади». Члены послѣдней могли также ходатайствовать объ удаленіи его съ должности. Отъ имени организаціи староста обыкновенно выступалъ не одинъ, а «съ товарищи». Такимъ образомъ, вся «площадь» состояла изъ равноправныхъ рабочихъ лицъ, не исключая и старостъ.

Наблюдается нѣкоторая самостоятельность площадной организаціи и въ другихъ вопросахъ внутренней жизни, о которыхъ намъ что-либо извѣстно, напримѣръ, въ установленіи платы за письмо актовъ. Имѣющіяся данныя позволяютъ предполагать, что заранѣе установленной правительственной таксы за письмо всякихъ площадныхъ актовъ не существовало. Вопросъ этотъ обыкновенно разрѣшался самой «площадью». Весьма вѣроятно, что плата чаще всего устанавливалась по взаимному соглашенію и регулировалась обычаемъ. Только, когда площадные подьячіе, пользуясь предоставленнымъ по Уложенію исключительно имъ правомъ писать нѣкоторые акты, явно начинали эксплоатировать лицъ, нуждавшихся въ ихъ услугахъ, происходило вмѣшательство правительственной власти. Конечно, въ первый періодъ существованія «площади» никакого вмѣшательства властей не требовалось, такъ какъ возможно было обойтись и безъ ея услугъ.

Въ 1690 г. власти Соловецкаго монастыря жаловались на «немѣрныя взятки» вологодскихъ площадныхъ подьячихъ, которые за письмо «поручныхъ круговыхъ записей» на «работныхъ людей», нанимавшихся на монастырскіе дощаники, брали «самоволствомъ своимъ, сговорясь межъ себя» по 8 и 10 денегъ съ человѣка; такъ какъ въ запись писалось обыкновенно 30—40 рабочихъ, то съ каждой получалась весьма значительная сумма «писчаго», доходившая до 2 рублей. Въ то же время для вологодскихъ посадскихъ людей, «судовыхъ промышленниковъ», у тѣхъ же самыхъ площадныхъ подьячихъ существовала другая расцѣнка работы, именно по 3-4 деньги съ рабочаго, внесеннаго въ такую запись. Въ Москвѣ, на Ивановской площади, по указанію самихъ челобитчиковъ, за письмо подобныхъ «работныхъ записей» взимали «по денги и по двѣ денги съ человѣка». Монастырскія власти просили указать вологодскимъ площаднымъ подьячимъ, сколько взимать «писчаго» съ работныхъ людей за письмо такихъ записей, или же разрѣшить писать ихъ другимъ лицамъ. Въ Новгородскомъ приказѣ, въ которомъ разсматривалось это дѣло, «указовъ, по чему брать площаднымъ подьячимъ отъ писма», не было найдено. Повидимому, такихъ указовъ не существовало и въ другихъ учрежденіяхъ. Такъ, когда обратились за справкой о платѣ въ Стрѣлецкій приказъ, въ вѣдѣніи ко-

тораго находилась тогда Ивановская площадь, то пришлось запрашивать старостъ Ивановской площади Семена Козмина и Андрея Иванова «съ товарищи», которые дали слѣдующія свѣдѣнія: «съ работныхъ записей и которые пишутъ подрядныя записи на извозчиковъ съ Москвы до Вологды и до иныхъ городовъ въ извозѣ пеньки и поташа и смалчуги и иныхъ всякихъ товаровъ и хлѣбныхъ запасовъ, а въ тѣ записи пишутся человѣкъ по 10 и по 20 и по 50 и по 100, за писмо они емлютъ отъ такихъ записей съ тѣхъ работныхъ и съ извощиковъ по 1 денгѣ и 2 денги, а болше того не емлютъ». Только тогда рѣшено было послать въ Вологду грамоту великихъ государей: «велѣть площаднымъ подьячимъ съ такихъ записей имать за писмо противъ Московскихъ площадныхъ подьячихъ съ человѣка по денгѣ; а болше того имъ имать не велѣть для того, что они городовые; а буде того могорыча себѣ взять не похотятъ, велѣть имъ тѣ записи писать приказнымъ и таможенныя избы подьячимъ» [1]).

Такимъ образомъ, установленіе размѣровъ «писчаго» за письмо только одного рода актовъ было вызвано непомѣрной эксплоатаціей вологодскими площадными подьячими «работныхъ людей», которыхъ нанималъ Соловецкій монастырь.

Имѣется весьма любопытное, правда, пока единичное указаніе на способъ распредѣленія заработка въ площадной организаціи. Такъ, на Вологодской площади «выписныя деньги», повидимому, дѣлились поровну, какъ это можно заключить изъ приведенной уже ранѣе челобитной 1668 г. двухъ вологодскихъ посадскихъ, просившихся на «площадь».

Даже тамъ, гдѣ особенно должна была сказаться правительственная опека, именно въ пріемѣ на «площадь» новыхъ членовъ, участвовала и площадная организація. Это мы наблюдаемъ при поступленіи на Ивановскую площадь Куземки Дмитріева. Во-первыхъ, происходило какъ бы одабриваніе кандидата со стороны старостъ - представителей организаціи, что, повидимому, равносильно было одобренію всей «площади». «И онъ человѣкъ добрый», говорили старосты, «а воровства мы за нимъ прежъ сего никакова ни въ чемъ не смечали и не знаемъ». Конечно, этого не было бы, если бы они призывались въ приказъ только для дачи свѣдѣній о «выбыломъ мѣстѣ». Во-вторыхъ, была дана по Куземкѣ Дмитріевѣ порука товарищами по «площади». Она весьма характерна. Правда, на основаніи этого случая еще нельзя разрѣшить вопроса о существованіи на «площади» круговой поруки, въ смыслѣ отвѣтствен-

---

[1]) Д. А. И., т. XII, № 62.

ности всѣхъ за одного и одного за всѣхъ. Однако, порука по Куземкѣ Дмитріевѣ указываетъ на существованіе солидарной отвѣтственности среди тѣхъ членовъ площадной организаціи, которые за него поручились.

Что площадные подьячіе могли поступаться своими мѣстами и принимать на нихъ новыхъ членовъ, конечно, съ согласія властей, извѣстно также изъ приведенной уже ранѣе челобитной старосты Сенки Игнатьева съ «товарищи», состоявшихъ на площади у Посольскаго приказа, организаціи наиболѣе подверженной вліянію приказныхъ порядковъ. Они же могли возбудить вопросъ объ удаленіи съ «площади» неугодныхъ имъ членовъ.

Въ общемъ можно предположить, что площадная организація, разсматриваемая нами, представляла собою союзъ, въ основаніи котораго лежало соглашеніе вступившихъ въ него въ моментъ возникновенія членовъ, равноправныхъ между собой, преслѣдовавшихъ хозяйственную цѣль, участвовавшихъ при веденіи дѣла трудомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ откупныхъ организаціяхъ) трудомъ и капиталомъ. Труднѣе по недостатку матеріала установить отвѣтственность «площади» за своихъ членовъ, которая замѣтнѣе всего должна выступать въ организаціяхъ, бравшихъ, «площадное письмо» на откупъ. Однако, возможно предполагать существованіе такой отвѣтственности не только въ откупныхъ организаціяхъ. Нѣкоторымъ основаніемъ для такого предположенія служитъ разсмотрѣнный уже случай поруки по Куземкѣ Дмитріевѣ на Ивановской площади. Имѣется также указаніе въ литературѣ на существованіе среди площадныхъ подьячихъ круговой поруки [1]). Указанныя черты «площади» свойственны артельнымъ организаціямъ, которыя въ значительномъ количествѣ существовали въ Московской Руси. Намъ кажется, что первоначальная площадь такого типа, какъ Ивановская, являлась организаціей артельнаго ха-

---

[1]) На существованіе круговой поруки среди площадныхъ подьячихъ имѣется указаніе, къ сожалѣнію, сдѣланное безъ ссылки на источникъ у А. М. Ѳемелиди, Русскій нотаріатъ, с. 62 (ср. Энцикл. Сл. Брокгауза, т. XXIV, с. 142). Существовала ли круговая порука на Ивановской площади, намъ не извѣстно. Но отсутствіе ея не лишаетъ организаціи артельнаго характера. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что извѣстны артели безъ круговой поруки, которая, по мнѣнію С. В. Пахмана, составляетъ далеко не общее явленіе въ артельной организаціи; см. С. В. Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, СПБ., 1877 г., т. I, сс. 252, 312—18. Къ нимъ, напримѣръ, можно отнести артели ярыжныхъ, существовавшія въ прежнее время, и въ позднѣйшее—артель лоцмановъ въ Архангельскѣ и др.; см. А. Исаевъ, Артели въ Россіи, Ярославль, 1881 г., сс. 51, 60—62, 191 примѣч. 4-ое, 237; см. также С. Огородниковъ, Лоцманская артель въ Архангельскѣ, въ Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, СПБ., 1873 г., в. I, сс. 76—108.

рактера. Конечно, имѣющійся матеріалъ недостаточенъ для окончательнаго разрѣшенія вопроса главнымъ образомъ въ виду того, что онъ довольно поздняго времени, когда на площадную организацію должна была повліять правительственная власть съ приказнымъ строемъ своихъ учрежденій. Послѣднее обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду. Особенно со времени Уложенія правительство должно было усилить свою опеку надъ «площадью». Да и вообще нотаріальное дѣло, весьма важное по своему значенію для государства, требовало со стороны властей постояннаго надзора и вмѣшательства во внутреннія отношенія «площади», слѣдствіемъ чего могло быть нѣкоторое измѣненіе артельнаго строя организаціи и привнесеніе въ нее чертъ приказнаго устройства. Это выразилось, напримѣръ, въ утвержденіи правительственною властью выбраннаго «площадью» старосты и въ необходимости согласія власти на удаленіе его. Сказалась также правительственная опека въ пріемѣ и увольненіи отдѣльныхъ членовъ площадной организаціи [1]). Послѣднее обстоятельство должно было значительно повліять на ослабленіе связи и отвѣтственности ея членовъ другъ за друга.

Особенно велико было вліяніе приказныхъ порядковъ на тѣ площадныя организаціи, которыя существовали непосредственно при приказахъ. Такъ, на площади у Посольскаго приказа встрѣчается поступка мѣстомъ, произведенная безъ вѣдома самой организаціи. Но если правительственная власть по своему усмотрѣнію принимала кандидатовъ на «площадь», то сама организація могла не знать и не ручаться за нихъ. Отвѣтственность въ такихъ случаяхъ переносилась на третьихъ лицъ, знавшихъ кандидата. Такой случай мы наблюдаемъ въ порукѣ по стрѣлецкомъ пятидесятникѣ Тимоѳеѣ Кондратьевѣ, поступавшемъ на площадь у Посольскаго приказа въ 1692 г. Порутчиками по немъ были однополчане стрѣльцы [2]).

Реформа нотаріальнаго дѣла, проведенная въ Уложеніи, имѣла, какъ уже было отмѣчено, важное значеніе въ исторіи института площадныхъ подьячихъ. До 1649 г. немного извѣстно законодательныхъ мѣръ, которыя касались бы вопроса о совершеніи частноправовыхъ актовъ; въ большинствѣ случаевъ разрѣшеніе его предоставлялось самимъ заинтересованнымъ лицамъ. Только Уложеніе

---

[1]) Впрочемъ, подобная зависимость отъ правительственной власти наблюдается и теперь во многихъ артеляхъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что степень самостоятельности артели можетъ быть весьма различна; см. А. Исаевъ, Op. cit., сс. 20—21.

[2]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о характерѣ площадей существовавшихъ при приказахъ на основаніи имѣющагося матеріала выяснить довольно трудно.

упорядочило совершеніе частноправовыхъ актовъ, насколько это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ, сосредоточивъ его, за нѣкоторыми исключеніями, въ рукахъ «площади», чѣмъ содѣйствовало оно также дальнѣйшему распространенію института площадныхъ подьячихъ. Въ сущности это была первая попытка систематическаго законодательства по данному вопросу [1]).

Въ то же время Уложеніе отличило значеніе площадного акта отъ домашняго. Вотъ почему съ 1649 г. начинается второй періодъ въ исторіи «площади», которой съ этого времени нѣкоторые изслѣдователи склонны приписывать значеніе публичнаго органа, исполнявшаго нотаріальную функцію [2]).

Съ этого момента Ивановская площадь заняла мѣсто главной нотаріальной организаціи въ Московскомъ государствѣ.

Уложеніе по цѣнности излагаемой сдѣлки различало крѣпости двухъ родовъ: «въ большихъ дѣлехъ»—на сумму свыше 10 рублей и «не въ большихъ дѣлехъ»—на меньшую сумму. Совершеніе первыхъ почти полностью было предоставлено «площади». Такъ, Уложеніе предписывало: данныя, закладныя, заемныя кабалы, вотчинныя и дворовыя купчія «и иныя всякія крѣпости въ большихъ дѣлехъ»... «на Москвѣ и въ городѣхъ писати, и въ послусѣхъ писатися на площади площаднымъ подьячимъ» и запрещало писать ихъ въ иныхъ мѣстахъ, а также «мимо площадныхъ подьячихъ и безъ послуховъ». Исключеніе составляли только сговорныя, духовныя и заемныя памяти, которыя разрѣшалось писать «въ селѣхъ и въ деревняхъ и по подворьямъ» и другимъ лицамъ (X, 246, 250). «Площадь» также писала служилыя кабалы (XX, 19) и отписи въ возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, даваемыя «на Москвѣ и въ городѣхъ»; въ селахъ и деревняхъ такія отписи разрѣшалось писать «иныхъ селъ земскимъ или церковнымъ дьячкомъ»... (XI, 4). Крѣпости «не въ большихъ дѣлехъ» дозволялось писать собственноручно лицамъ обязывающимся, даже безъ участія послуховъ, а также инымъ лицамъ, но въ послѣднемъ случаѣ съ нѣкоторыми ограниченіями при письмѣ ихъ въ селахъ и деревняхъ (X, 247—

---

[1]) А. Гасманъ, Op. cit., въ Объясн. зап. къ пр. нов. ред. полож. о нотар. части, ч. I, с. XXXII; см. еще мнѣніе А. Гасмана о характерѣ дьяка, писавшаго акты (такъ онъ называетъ площадного подьячаго) до Уложенія («публичный писецъ») и по Уложенію («настоящее должностное лицо, находящееся подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства и сообщающее совершаемымъ у него актамъ ту силу и значеніе, которыми они не пользовались въ прежнее время»), Ibid., с. XXXVI.

[2]) И. Базановъ, Op. cit., с. 9; Л. Б. Мандельштамъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Юстиціи, 1899 г., кн. 4, с. 28. Вопросъ этотъ требуетъ дальнѣйшаго обслѣдованія.

249). Акты должны были подписываться собственноручно лицами ихъ дающими, или же въ случаѣ ихъ неграмотности тѣми, «кому они въ томъ вѣрятъ». Такимъ образомъ, Уложеніе раздѣлило крѣпости по способу ихъ совершенія также на два рода: домашнія и «площадныя».

Во всѣхъ тѣхъ актахъ, совершеніе которыхъ поручено было «площади», послухами должны были писаться площадные подьячіе, при чемъ Уложеніе указывало: «а писати послуховъ въ крѣпостяхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, въ большихъ дѣлехъ человѣкъ по пяти и по шти, а не въ большихъ дѣлехъ человѣка по два и по три, а меньши дву человѣкъ въ послусѣхъ ни въ какихъ крѣпостяхъ не писати» (X, 246). Послѣднее предписаніе на практикѣ не всегда исполнялось: встрѣчаются разнообразные акты, совершенные на Ивановской площади, которые имѣютъ по одному послуху. Съ другой стороны, нѣкоторые акты имѣютъ количество послуховъ, значительно превышающее указанную высшую норму. Обязывая площадныхъ подьячихъ писаться послухами акта, Уложеніе узаконило обычай, который существовалъ задолго до него. Такая мѣра вызывалась необходимостью. Такъ, когда въ 1699 г. письмо крѣпостей было передано приказнымъ подьячимъ, и были введены свидѣтели, «люди добрые и знатные», вмѣсто послуховъ, площадныхъ подьячихъ, то оказалось, что «свидѣтели въ подпискѣ у крѣпостей во свидѣтельствѣ являются такіе, которыхъ и сыскать невозможно, и ежели по случаю явится въ крѣпостяхъ какое воровство, то и розыскивать не кѣмъ» [1]).

Вообще въ своей реформѣ нотаріальнаго дѣла составители Уложенія во многомъ воспользовались уже сложившимися организаціями и установившимся въ нихъ порядкомъ совершенія актовъ.

Послѣ Уложенія пра"ильными по формальнымъ основаніямъ актами «въ большихъ дѣлехъ», за исключеніемъ сговорныхъ, духовныхъ и заемныхъ памятей, должны были считаться тѣ изъ нихъ, которые были совершены на площади. Принципъ этотъ признавался, но съ ограниченіемъ. Онъ дѣйствовалъ тамъ, гдѣ существовали площадные подьячіе. Такъ, власти Соловецкаго монастыря въ своей уже упоминавшейся ранѣе челобитной на «немѣрныя взятки» вологодскихъ площадныхъ подьячихъ за круговыя поручныя записи на «работныхъ людей» писали, что, кромѣ площадныхъ подьячихъ, безъ указа государей «такихъ записей на работныхъ людей никто писать не смѣетъ»; власти просили заставить площадныхъ подьячихъ понизить плату, или разрѣшить писать такія записи другимъ лицамъ съ слѣдующимъ условіемъ: «а которыя записи писаны будутъ

[1]) П. С. З., т. IV, № 1833.

и не ихъ площадныхъ подьячихъ руками и по тѣмъ записямъ велите, государи, по городомъ на работныхъ людей воеводамъ и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ судъ давать» [1]).

Въ 1697 г. въ Тихвинѣ, гдѣ до этого времени писали всякіе акты церковные дьячки, архимандритъ Тихвинскаго монастыря «съ братьею» пожаловалъ Григорія Харлампіева сына Земскихъ въ площадные подьячіе: «писать ему Григорью всякіе крѣпости и духовные памяти...» Съ этого момента всѣмъ церковнымъ дьячкамъ было запрещено писать какіе бы то ни было акты, «а буде съ сего вышеписаннаго числа онѣ дьячки учнутъ какіе крѣпости писать и челобитные, и тѣмъ крѣпостемъ не вѣрить и челобитенъ не писать же» [2]).

Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ давался судъ, очевидно, только по актамъ, совершеннымъ на площади и инымъ крѣпостямъ «не вѣрили». Однако, несмотря на категоричность требованій закона, исключенія существовали. Въ 1699 г. въ Помѣстномъ приказѣ была опорочена одна закладная на томъ основаніи, что писана она была посадскимъ человѣкомъ, а не площаднымъ подьячимъ; это, конечно, противорѣчило Уложенію. Доводъ былъ признанъ достаточнымъ для разслѣдованія дѣла, однако, не былъ уваженъ, такъ какъ по справкѣ съ Разрядомъ оказалось, что въ томъ городѣ, гдѣ закладная была написана (Мещоскъ), «площадныхъ подьячихъ нѣтъ»; подлинность же акта не возбуждала сомнѣній [3]).

По своему значенію актъ, совершенный на площади, отличается Уложеніемъ отъ домашняго акта. По отношенію къ первому устанавливается, какъ отмѣчаетъ проф. Базановъ, принципъ довѣрія [4]). Уложеніе опредѣлило срокъ для оспариванія площадного акта: оно возможно было только до суда (X, 253); неосновательное оспариваніе даже въ предѣлахъ этого срока влекло за собою уголовное преслѣдованіе и обязанность возмѣстить убытки (X, 252). Также установило Уложеніе наказаніе площаднымъ подьячимъ за письмо «нарядныхъ» крѣпостей «воровствомъ за очи», за это имъ полагалось «отсѣчь рука», а послухамъ угрожала торговая казнь и тюремное заключеніе (X, 251).

Какъ извѣстно, нѣкоторыя крѣпости по совершеніи ихъ площадными подьячими надлежало въ опредѣленные сроки представлять къ запискѣ въ соотвѣтствующіе приказы или воеводскія учрежденія.

---

[1]) Д. А. И., т. XII, № 62.

[2]) А. Ю., № 355.

[3]) С. Шумаковъ, Къ исторіи Помѣстнаго приказа, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1905 г., августъ, сс. 422—26.

[4]) И. Базановъ, Op. cit., с. 10; см. еще о значеніи площадного акта у А. Гасмана, Op. cit., въ Объясн. зап. къ пр. нов. ред. полож. о нот. части, сс. XXXIII, XXXVI.

Въ приказѣ, какъ указываетъ К. А. Неволинъ, «по предъявленіи крѣпости разсматривали ее въ отношеніи къ законности порядка ея совершенія и содержанія, брали съ нее пошлины, записывали ее въ книги и съ означеніемъ на ней этой записки выдавали предъявителю» [1]).

Послѣ Уложенія законодательство не особенно часто касалось «площаднаго письма». Нѣкоторые изъ извѣстныхъ намъ указовъ по этому вопросу были обращены только къ подьячимъ Ивановской площади, что указываетъ на особенное значеніе ея въ ряду другихъ нотаріальныхъ установленій въ Московскомъ государствѣ. Въ 1650 г. 28 сентября послѣдовалъ указъ, подтверждавшій довѣріе къ актамъ, совершеннымъ на Ивановской площади. Вопросъ касался оставленія купленныхъ вотчинъ послѣ умершихъ за ихъ родственниками по купчимъ, совершеннымъ на Ивановской площади, въ томъ случаѣ, если «которые люди учнутъ бить челомъ, что тѣ умершіе тѣми вотчинами завладѣли у нихъ напрасно, мочью своею, и взяли у нихъ на тѣ вотчины купчія безденежно, и въ Помѣстномъ приказѣ за собою въ записныя вотчинныя книги записали, а сторонніе люди, которые при смерти умершаго были, скажутъ, что тѣ умершіе передъ смертью своею изустно приказывали отдать тѣ вотчины тѣмъ челобичикамъ безденежно». Указъ предписывалъ такимъ челобитчикамъ отказывать, сказкамъ стороннихъ людей не вѣрить, «а быть вотчинамъ умершаго за родственники по купчей, буде купчая писана и послухи Ивановскія площади подьячіе» [2]).

Въ 1660 г. 27 января всѣмъ площаднымъ подьячимъ въ томъ числѣ, конечно, и ивановскимъ было запрещено писать для бѣломѣстцевъ купчія и закладныя на черные дворы [3]).

Но, очевидно, запрещеніе нарушалось; поэтому въ 1686 г. 22 января было велѣно: «площаднымъ подьячимъ учинить о томъ наказъ съ подкрѣпленіемъ, чтобы они на тяглые дворы и на дворовыя мѣста бѣломѣстцамъ купчихъ и закладныхъ и поступныхъ и никакихъ крѣпостей отнюдь не писали...» [4]).

Въ 1665 г. 27 мая ивановскимъ площаднымъ подьячимъ было запрещено писать «на полоняниковъ бусурманамъ» купчія подъ опасеніемъ денежнаго взысканія: «а кто на полоняника бусурмана напишетъ купчую, а того полоняника у бусурмана вымутъ и деньги

---

[1]) К. А. Неволинъ, Op. cit., т. IV, с. 57; о важномъ значеніи въ частности вотчинной записки см. И. Базановъ, Op. cit., сс. 11, 18 и далѣе.

[2]) П. С. З., т. I, № 46; см. еще о довѣріи къ площаднымъ актамъ т. II, №№ 763, 909, см. также т. III, № 1572, п. 12 (о безспорномъ характерѣ крѣпостныхъ актовъ).

[3]) П. С. З., т. I, № 272.

[4]) П. С. З, т. II, № 1157, Статьи о чернослободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ, ст. I.

по купчей доправятъ на подьячемъ, кто купчую писалъ». Указъ былъ вызванъ случаемъ покупки «Кизылбашами и Горскими Черкассами» взятыхъ въ плѣнъ литовскихъ «женокъ и дѣвокъ», причемъ купчія на нихъ писались на Ивановской площади [1]).

Въ 1699 г. 23 января появился указъ, имѣвшій отношеніе къ дѣламъ площади, о введеніи гербовой бумаги и писаніи на ней всякихъ крѣпостей [2]).

Таково извѣстное намъ законодательство, касавшееся письма актовъ площадными подьячими, вплоть до указовъ Петра Великаго, направленныхъ къ реформѣ нотаріата.

Первый изъ нихъ, говорившій преимущественно о «премѣненіи Ивановскія площади въ письмѣ всякихъ крѣпостей», послѣдовалъ 9 декабря 1699 года. Подробно указъ касался актовъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ, совершавшихся на Ивановской площади и подлежавшихъ запискѣ въ Помѣстномъ приказѣ. Съ этого времени такіе акты велѣно было «писать на Москвѣ въ Помѣстномъ приказѣ подьячимъ добрымъ съ вѣдома того приказа судей, а вмѣсто послуховъ писать свидѣтелей людей добрыхъ и знатныхъ...» Въ отношеніи другихъ актовъ кратко было указано: «да и въ иныхъ приказѣхъ о крѣпостяхъ, въ которыхъ приказѣхъ, которыя крѣпости надлежатъ, чинить по сему жъ Его Великаго Государя указу, по Боярскому приговору, и о томъ въ тѣ приказы и въ городы къ Воеводамъ послать его Государевъ указъ» [3]).

Очевидно, въ соотвѣтствіи съ этимъ указомъ послѣдовалъ 1 января 1700 г. приговоръ президента и бургомистровъ о распредѣленіи письма различныхъ крѣпостей между Ратушей и Московской Большой Таможней; въ приговорѣ также отмѣчалось: «а площаднымъ подьячимъ во всякихъ дѣлѣхъ писать велѣно челобитныя» [4]).

Такимъ образомъ, роль площадныхъ подьячихъ Ивановской площади, какъ органа нотаріата, кончилась передъ самымъ началомъ XVIII в.

Какъ извѣстно, первая мѣра, предпринятая Петромъ Великимъ для замѣны «площади», — писаніе крѣпостей въ различныхъ учрежденіяхъ, совершенно не удалась.

---

[1]) П. С. З., т. I, № 374.
[2]) П. С. З., т. III, № 1673.
[3]) П. С. З., т. III, № 1732.
[4]) П. С. З., т. IV, № 1740; площадные подьячіе продолжали еще нѣкоторое время писать «челобитные и иные письма, опричь крѣпостей», см. Ѳ. Туманскій, Op. cit., ч. II, грамоты о письмѣ крѣпостей въ Енисейскъ 1700 и 1701 г., сс. 139—44, 169—82, и въ Туринскъ 1701 г., сс. 161—64. Указанія на площадныхъ подьячихъ встрѣчаются и позже, см. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Прав. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго (за 1714 г.), подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина, Спб., 1888 г., т. IV, №№ 90, 110, 468, 674 (пл. подьячіе при приказахъ Земскихъ Дѣлъ и Монастырскомъ), 838 и др.

30 января 1701 г. былъ учрежденъ для письма всякихъ крѣпостей, раздѣленныхъ на три статьи, новый институтъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячихъ, отличавшійся отъ института площадныхъ подьячихъ своимъ внутреннимъ устройствомъ и распорядкомъ работы; былъ также установленъ крѣпостной порядокъ совершенія актовъ. Завѣдываніе крѣпостными дѣлами и подьячими было поручено Оружейной палатѣ. Въ Москвѣ письмо актовъ вновь было сосредоточено въ Ивановской палаткѣ, ставшей «Палаткой Крѣпостныхъ Дѣлъ», въ рукахъ «особливо на то прибранныхъ подьячихъ» — 24 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ состояли прежде ивановскими площадными подьячими [1]).

Трое изъ такихъ подьячихъ, сохранившихъ вѣрность Петру Великому во время стрѣлецкихъ волненій, — Родіонъ Боровковъ, Василій Бурмистровъ и Григорій Титовъ вмѣстѣ съ живописцемъ Оружейной палаты Лукой Смольяниновымъ были назначены надсмотрщиками надъ остальными [2]).

Наконецъ, 15 апрѣля 1706 г. при той же Ивановской палаткѣ была создана особая организація съ «Челобитнымъ Писцомъ» во главѣ для письма челобитныхъ и иныхъ писемъ, которыя «къ дѣламъ крѣпостнымъ не принадлежатъ» и для прикладыванія рукъ къ актамъ за неграмотныхъ [3]).

Итакъ, въ началѣ XVIII в. была окончательно завершена реформа нотаріата, вызванная главнымъ образомъ желаніемъ Петра Великаго получать отъ письма крѣпостей большій доходъ, чѣмъ прежде, а также имѣть нотаріальныя установленія подъ дѣйствительнымъ контролемъ правительства.

---

[1]) Нѣкоторые подьячіе Ивановской площади пострадали во время стрѣлецкихъ волненій, въ которыхъ принимали участіе. Особенно замѣтно участіе ихъ въ событіяхъ 1689 г. На «площади» встрѣчены нами сторонники обѣихъ боровшихся тогда за власть партій, напримѣръ, приверженцы Софіи, сообщники Ѳ. Шакловитаго,— Глаткій Никита, Кондратьевъ Андрей, Романовъ Егоръ и Стрижевъ Алексѣй (всѣ четверо въ качествѣ послуховъ) и приверженцы Петра В.—Бурмистровъ Василій, Елизарьевъ Ларіонъ, Мелновъ Дмитрій, Улфовъ Ипатъ и др.; см. А. Ю. Б., т. III, № 363; Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщн., Спб., 1884 г., т. I, сс. 161, 564, 930 — 32 и др., здѣсь имѣется много свѣдѣній о поведеніи стрѣльцовъ, изъ коихъ нѣкоторые состояли на Ивановской площади; Соловьевъ, Op. cit., кн. III, сс. 1068, 1080; Устряловъ, Op. cit., т. II, сс. 31 — 94, т. III, сс. 227—28 и др. (о стрѣлецкихъ волненіяхъ 1698 г.).

[2]) П. С. З., т. IV, №№ 1833, 1838, 1848, 1953; о лойяльномъ поведеніи Р. Боровкова во время стрѣлецкаго бунта 1698 г. см. Устряловъ, Op. cit., т. III, сс. 164—65.

[3]) П. С. З., т. IV, № 2102.

Отступныя грамоты.

(Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVI в.).

А. И. Андреевъ.

Вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи на русскомъ сѣверѣ XVI—XVII вв. очень посчастливилось въ исторической литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Посвященныя ему обширныя главы изслѣдованія М. М. Богословскаго о «Земскомъ самоуправленіи на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.» (т. 1-й, М. 1909; т. 2-й, М. 1912) и вызванныя имъ рецензіи (М. А. Дьяконова, М. К. Любавскаго, М. А. Островской и С. Ѳ. Платонова) освѣтили многія темныя стороны вопроса. Съ другой стороны, труды М. А. Островской о «Земельномъ бытѣ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVII вѣкахъ» (СПБ. 1913), П. И. Иванова о «Перемской веревной книгѣ 1751 г.» (М. 1913) и С. Б. Веселовскаго о «Сошномъ письмѣ» (т. I, М. 1915) прибавили немало интересныхъ наблюденій надъ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, относящихся къ той же темѣ. Среди нихъ не остался безъ новаго обслѣдованія и вопросъ о черныхъ земляхъ на сѣверѣ, главнымъ образомъ, въ упомянутомъ трудѣ М. М. Богословскаго. Противъ нѣкоторыхъ изъ его положеній были уже высказаны возраженія, но одна сторона дѣла не встрѣтила критическаго отношенія со стороны лицъ, писавшихъ объ его книгѣ. Это—мысль М. М. Богословскаго о двойственности взгляда самихъ крестьянъ на ихъ землю. По его словамъ, «сѣверные крестьяне, владѣвшіе черною землею, считаютъ свои участки своею собственностью, на которую они имѣютъ всѣ права распоряженія»; но, съ другой стороны, и государство признаетъ «эти земли своими, а крестьянъ лишь ихъ владѣльцами». Послѣдняя мысль, по мнѣнію М. М. Богословскаго, «*сквозитъ* (ср. ниже—точно различается. Курсивъ вездѣ мой, А. А.) и въ воззрѣніяхъ самихъ крестьянъ, когда они начинаютъ размышлять

о своихъ правахъ». Эта «мысль о верховной собственности государства», по словамъ автора, «высказывалась среди поморскихъ крестьянъ въ выраженіяхъ, которыхъ *много* сохранили поземельные акты и которыя показываютъ *точное различіе* между dominium eminens и dominium utile въ сознаніи крестьянъ въ *XVI*—XVII в.». Выраженія эти, дѣйствительно, не разъ приводились въ исторической литературѣ, это—«земля царева и великаго князя, а моего владѣнія», «земля Божія да государя великаго князя, а роспаши и ржи наши», «земля великаго князя, а отцовское и мое посилье», «государева царева вотчина, а мое владѣніе» и т. п. Но несмотря на «точное различіе» крестьянами своихъ правъ отъ правъ государства, «мысль о государствѣ-собственникѣ не имѣла никакого реальнаго, практическаго значенія; она высказывалась только какъ отвлеченная теорія крестьянскаго землевладѣнія, какъ ее понимали крестьяне. *Не забывая теорію верховнаго собственника*, крестьяне владѣли и распоряжались своими земельными участками, какъ своею полною собственностью» [1]. Высказанная въ столь общей формѣ и по отношенію ко всѣмъ крестьянскимъ землямъ сѣвера, мысль М. М. Богословскаго не является, правда, новой. Значительно ранѣе та же точка зрѣнія на эти земли проводилась, что и отмѣчается авторомъ въ соотвѣтствующемъ примѣчаніи, А. Я. Ефименко [2]) и рядомъ другихъ изслѣдователей, также утверждавшихъ, что одновременно съ распоряженіемъ крестьянами своей землей «на правахъ частной собственности», формула «земля великаго князя, а отцовское и мое посилье» уже въ XVI в. выражала отношеніе сѣвернаго крестьянства къ его землѣ. Нельзя не признать, однако, что поставленный въ такой формѣ вопросъ рождаетъ немало недоумѣній. Съ одной стороны, у крестьянъ «точное различіе» между понятіями dominium eminens и dominium utile, а съ другой стороны то же различіе «не имѣло никакого реальнаго, практическаго значенія» и являлось лишь «отвлеченной теоріей»... Довольно трудно судить, конечно, въ какой степени отвлеченныя теоріи были присущи сознанію сѣвернаго крестьянина XVI—XVII в., но, даже признавая такую возможность, въ вопросѣ объ его отношеніи къ землѣ, какъ кажется, можно обойтись безъ установленія этихъ отвлеченныхъ теорій. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ выраженія актовъ, которыхъ, по словамъ М. М. Богословскаго, «много» сохранили современные акты, почти цѣликомъ заимствованы имъ и ранѣе писавшими авторами изъ одной разновидности частныхъ актовъ Двинского уѣзда, именно, такъ на-

[1]) *М. М. Богословскій*, «Земск. самоупр. на русск. сѣв. въ XVII в.», т. I, М. 1909, с. 56; т. II, М. 1912, с. 4—5.

[2]) «Изслѣдованія народной жизни», в. 1-й, М. 1884, с. 198—199 и др.

зываемыхъ отступныхъ или посильныхъ, составляющихъ въ общей массѣ частныхъ актовъ XVI—XVII вв. очень небольшую группу. Для правильнаго же рѣшенія вопроса о томъ, можно ли на основаніи этихъ актовъ судить вообще объ отношеніи сѣверныхъ крестьянъ къ своей землѣ, необходимо, какъ кажется, проанализировать эти акты съ дипломатической и историко-археографической точки зрѣнія, что и составитъ предметъ послѣдующаго изложенія

Съ указанной цѣлью, кромѣ болѣе или менѣе извѣстныхъ печатныхъ изданій, мнѣ удалось, съ разрѣшенія А. С. Лаппо-Данилевскаго, использовать актовый матеріалъ, заключающійся въ принадлежащемъ Московскому Архиву Министерства Юстиціи и Румянцовскому Музею собраніи грамотъ Коллегіи Экономіи по поморскимъ и другимъ уѣздамъ, уже отчасти напечатанный въ «Сборникѣ грамотъ Коллегіи Экономіи», издаваемомъ И. Академіей Наукъ подъ редакціей А. С. Лаппо-Данилевскаго. Я привлекъ также къ изученію нѣкоторые рукописные матеріалы, хранящіеся въ И. Публичной Библіотекѣ и И. Археографической Комиссіи, а также находящіеся въ сборникѣ Троице-Сергіевой Лавры № 532. Отмѣченныя собранія, несмотря на обиліе въ нихъ актовъ другихъ разновидностей, вмѣстѣ съ печатными изданіями дали мнѣ всего шестьдесятъ восемь актовъ, которые или сами себя называютъ отступными или могутъ быть, въ результатѣ изученія, отнесены къ нимъ. Но изъ этого числа четыре акта пришлось исключить изъ данной разновидности. Такъ, «отступная» 1560 г. января 8 на долю росола въ Новой варницѣ въ Неноксѣ съ варничнымъ «заводомъ» и угодьями [1])—обыкновенная данная, названная отступной, между прочимъ, потому, что терминъ «отступился» имѣлъ въ XVI в. также значеніе далъ, отдалъ [2]). Въ «отступной записи» 1589 г. [3]) вкладчикъ, имѣя на основаніи прежде совершенной данной право пожизненнаго владѣнія вложенной въ монастырь землей, «отступается» отъ нея при жизни. Двѣ другія «отступныя» 1605 г. и 1631 г. [4]), въ сущности, являются актами дополнительными къ закладнымъ. Заемщики нерѣдко писали въ закладныхъ: «а не выкуплю вотчины на срокъ, ино ся закладная и купчая на ту мою вотчину и во вѣки». Но попытки добиться выкупа (со стороны ли заимщика или его род-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Коллегіи Экон. по Двинск. у. № 4144/62; во всѣхъ послѣдующихъ ссылкахъ это собраніе будетъ указываться только обозначеніемъ нумера грамоты.

[2]) См., напр., Р. И. Б., т. XIV, стб. 4: «данница» 1517—18 г.—«и азъ ту деревню отступаюся великому Николѣ в Мудьюгу»; ibid., стб. 36 и 53, 149 и др.

[3]) № 4271/189.

[4]) И. П. Б., Q IV 113 б л. 491,—и № 4379/297.

ственниковъ) приводили иногда въ развитіе приведенной клаузулы къ дачѣ дополнительныхъ актовъ, бывшихъ нерѣдко результатомъ «мира» уже послѣ судебнаго разбирательства [1]). Но исключивъ указанные акты, къ данной разновидности я отнесъ семь купчихъ, которыя по формуляру своему ничѣмъ кромѣ названія не отличаются отъ отступныхъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ, въ моемъ распоряженіи оказалось шестьдесятъ четыре акта, которые въ большинствѣ своемъ (51) называютъ себя отступными, присоединяя въ остальныхъ случаяхъ къ этому названію названіе посильной или именуя себя также и купчими или «купчими отступными» или, наконецъ, «отступными, купчими и отводными»; кромѣ отмѣченныхъ выше семи купчихъ шесть актовъ называютъ себя только «посильными», но по существу дѣла являются, конечно, тѣми же отступными, названными такъ по объекту сдѣлки-посилью. Если присмотрѣться къ хронологической послѣдовательности этихъ названій, то можно замѣтить, что названіе акта «посильной» не встрѣчается позже 1551 г., но съ того же времени въ собственно Двинскихъ актахъ попадается нерѣдко наименованіе отступной одновременно и купчей, или даже только купчей; послѣднее замѣчаніе не относится, однако, къ входившей въ XVI в. въ составъ Двинского уѣзда Мезенской волости [2]), гдѣ терминъ «отступная» неизвѣстенъ въ XVI в. и замѣняется для однородныхъ по существу актовъ терминомъ «купчая»; впрочемъ, въ XVII в. тамъ же появляется наименованіе нашего акта «купчей отступной».

Хронологическія рамки, къ которымъ относятся изучаемые акты,—1528—1620 г.г. [3]), обнимая, такимъ образомъ, промежутокъ менѣе ста лѣтъ, причемъ въ предѣлахъ этихъ 92 лѣтъ распредѣленіе актовъ по годамъ очень неравномѣрно: такъ, къ первой половинѣ XVI в. (до 7061 г. первой переписи Двинского уѣзда въ XVI в. Ив. Петр.

---

[1]) Ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 459—461: челобитная 1682 г. Никол. Корельск. мон-ря: «а тѣ... згодья (Прилуцкій о. на р. Двинѣ) мы... владѣемъ по двумъ закладнымъ и отступнымъ кабаламъ и по даной вкладной со 137 г., займовъ дѣдовъ и прадѣдовъ ихъ (челобитчиковъ о выкупѣ)... что они заемщики заемныхъ денегъ на срокъ... не платили и тѣхъ закладныхъ вотчинъ своихъ не выкупили, отступилися, и даную далъ вкладомъ въ мон-рь (прадѣдъ челобитчиковъ)».

[2]) *М. М. Богословскій*, о. с., I, с. 17.

[3]) Отступная «7001» года, напеч. *В. Крестининымъ* въ «Историч. опытѣ о сельскомъ домостроительствѣ Двинского народа», СПБ. 1785, с. 51—52, не можетъ относиться къ этому году, во-1, по своему формуляру, а во-2, въ датѣ ея несомнѣнная описка (или опечатка), такъ какъ объектъ сдѣлки— земля «*царя* и великаго князя», т.-е. актъ не могъ быть написанъ ранѣе 1547 г.

Заболоцкаго съ товар.) ихъ относится 24; къ 1553—1559 гг. (писцовое описанiе Вас. Гагина и Матвѣя Степанова съ товар. [1]) — четыре, къ 1560 — 1587 гг. (описанiе кн. Вас. Андр. Звенигородскаго) — 30, остальные шесть приходятся на конецъ перiода, причемъ къ XVII в. относится только 4 акта. Предложенная хронологическая группировка актовъ по писцовымъ описанiямъ XVI в. имѣетъ въ виду то пониманiе акта, которое получается въ результатѣ его изученiя, и будетъ обоснована нѣсколько ниже. Не исключена, конечно, возможность находки отступныхъ, выходящихъ за указанныя хронологическiя рамки [2]), но, повидимому, отступныя XVII в. не различались отъ поступныхъ; такъ, напр., одна «купчая» 1671 г. называетъ себя то «купчей и поступной», то «купчей и отступной записью» [3]). Съ послѣдней точки зрѣнiя характернымъ является также наименованiе отступныхъ—поступными въ сборникѣ актовъ Троице-Сергiева мон-ря на монастырскiя владѣнiя въ Двинскомъ уѣздѣ, составленномъ въ Помѣстномъ Приказѣ въ 80-хъ годахъ XVII в. [4]).

Мѣстности Двинского уѣзда, къ которымъ относятся наши акты, кромѣ пяти актовъ, объектъ которыхъ находился въ Мезенской волости XVI в.,—по преимуществу, острова Двинской дельты: Солотковъ (11), Лисiй (7), Куроостровъ (6), Княжъ-островъ (2), Налiй островъ (2), Мучеостровъ (1), или волости, расположенныя на этихъ островахъ и по берегамъ Двины — Заостровская (5), Чухченемская (5), Ровдогорская (4), или, наконецъ, двинскiе посады — Ненокса (6), Уна (4), Холмогоры (1); часть же актовъ хотя не можетъ быть прiурочена точно къ опредѣленной волости, но, по нѣкоторымъ признакамъ, относится также къ островамъ и волостямъ Двинского уѣзда ниже Холмогоръ. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ обширнаго въ XVI в. Двинского уѣзда отступныя имѣли распространенiе въ очень небольшой части его. Послѣднее наблюденiе подтверждается отчасти и позднѣйшими данными писцовой книги 1622 — 1624 гг.; кромѣ указанныхъ мѣстъ, ссылки на отступныя, какъ документы владѣнiя, встрѣчаются въ ней лишь при описанiи оброчныхъ угодiй Быстрокурской волости, расположенныхъ на островахъ Двины [5]).

---

[1]) Дату этого описанiя заимствую у *С. Б. Веселовскаго* («Сошное письмо», т. I, М. 1915, с. 116).

[2]) Ср., напр., ссылку на отступную 1622 г. въ писцов. книгѣ Двинск. уѣзда 1622—1624 гг.—М. Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 10, л. 1055, или у *А. Я. Ефименко*, о. с., с. 243, пр. 1-е: отступная 1698 г., и др.

[3]) *I. Сибирцевъ*, «Историч. свѣдѣнiя изъ церк.-религiознаго быта г. Архангельска», Арх. 1894, с. 33—35.

[4]) № 14385/1, гл. 15, 22, 22 и др.

[5]) М. Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 10, л. л. 1049 об., 1050 об., 1055.

Такое же замѣчаніе о малой распространенности отступныхъ можно сдѣлать и на основаніи количественнаго отношенія ихъ къ другимъ разновидностямъ частныхъ актовъ: при громадномъ числѣ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи купчихъ, данныхъ и т. п. актовъ, отступныхъ среди нихъ оказалось ничтожное количество... Конечно, количественныя иллюстраціи здѣсь мало убѣдительны, но нѣкоторая показательность ихъ отъ этого все-таки не теряется.

Переходя далѣе къ изученію клаузальнаго состава отступныхъ, я устанавливаю слѣдующій сводный формуляръ отступной.

Въ основномъ текстѣ акта клаузула *первая* называетъ имена договаривающихся сторонъ, опредѣляетъ сущность совершаемой между ними сдѣлки и отмѣчаетъ объектъ ея. Такъ какъ всѣ отступныя написаны отъ имени того лица, которое отступается, то клаузула первая во всѣхъ отступныхъ начинается обычно такъ: «се азъ (такой-то) отступился (такому-то)». Слово «отступился» въ нѣкоторыхъ отступныхъ [1]) замѣнено равнозначущимъ словомъ «ступился». Лишь въ болѣе позднихъ актахъ (двухъ) терминъ «отступился» замѣненъ терминомъ «продалъ» [2]), и въ двухъ случаяхъ оба термина по отношенію къ тому же объекту встрѣчаются одновременно [3]). Въ случаѣ, если объектъ сдѣлки расчленяется, тогда отъ одной части его контрагентъ отступается, другую же продаетъ [4]).

Терминъ «отступился», встрѣчаемый въ отступныхъ для выраженія сущности сдѣлки, имѣлъ на Двинѣ, кромѣ приведеннаго выше значенія «далъ, отдалъ», еще другое значеніе. Онъ употреблялся въ XV в., между прочимъ, въ мировыхъ послѣ суда, когда обвиненная сторона «отступалась» въ пользу другой стороны отъ того, чѣмъ неправильно владѣла [5]); кромѣ того, «отступался» отъ земли залогоприниматель при возвратѣ долга [6]). Въ обоихъ случаяхъ отступиться значитъ уступить. Но не исключена возможность толкованія термина «отступился» въ отступныхъ и въ смыслѣ «далъ, отдалъ». Вотъ примѣръ тому. Въ отступной 1549 г. іюля 21, между

---

[1]) А. Ю., № 23, с. 54; Врем. Моск. Общ. Ист. и Др., т. XVIII, смѣсь, с. 25,—и др.

[2]) № 2608/37 (1577 г.) и № 4312/230 (1604 г.).

[3]) Сборн. Новг. Общ. Любит. Др., в. V, ст. *А. И. Ивановскаго*, с. 32, 33—«купчія отступныя» 1610 и 1620 гг.; во всѣхъ дальнѣйшихъ ссылкахъ этотъ источникъ будетъ обозначаться кратко—«Ивановскій».

[4]) № 14385/1, гл. 56 (1567 г.)—отступается земли, двора, дворища и угодій, а продаетъ дворовыя хоромы; № 2607/36 (1576 г.)—продаетъ дворъ съ хоромами и огородомъ, а отступается оброчныхъ поженъ.

[5]) *А. А. Шахматовъ*, «Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в.», СПБ. 1903, ч. II, №№ 48, 49, 77.

[6]) Ibid., № 99; ср. с. 126—терминъ «ступатися».

прочимъ, читаемъ: «Се язъ Есипъ... Барсинъ отступился есми великаго князя земли..., что язъ Есипъ *взялъ на посилье* у... Мурашова»; рѣчь идетъ о сдѣлкѣ по отступной 1549 г. іюля 14 [1]), гдѣ терминъ «отступился» можетъ быть понимаемъ въ смыслѣ отдалъ: одна сторона взяла на посилье, другая же—отступилась посилья или отдала его.

Субъектами сдѣлки по отступной являются какъ отдѣльныя лица, такъ и группы лицъ, причемъ въ единственномъ случаѣ контрагентомъ является церковный приходъ [2]); въ шести случаяхъ второй стороной въ сдѣлкѣ выступаютъ монастыри [3]), соціальное же положеніе прочихъ контрагентовъ или не отмѣчается актомъ, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, есть указанія на мѣстожительство договаривающихся сторонъ [4]). Наконецъ, въ одномъ случаѣ, повидимому, по недосмотру писца, совсѣмъ отсутствуетъ указаніе второго контрагента [5]).

Къ той же первой клаузулѣ относится опредѣленіе актомъ объекта сдѣлки, т.-е. его наименованія, мѣстоположенія, происхожденія, принадлежностей, межъ, совершенныхъ въ немъ выдѣловъ, указаніе тяглой единицы, въ которой описанъ объектъ, и т. п.—Объектомъ сдѣлокъ по отступнымъ (за шестью исключеніями) являются орамыя земли съ угодьями и постройками или пожни (сѣнные покосы); лишь въ одномъ случаѣ объектомъ сдѣлки является тоня [6]), въ четырехъ случаяхъ—доли росола въ варницахъ вмѣстѣ съ «варничною порядчею» [7]) и въ одномъ случаѣ, повидимому, посадская земля [8]). Что касается наименованія объекта, то въ тѣхъ случаяхъ, когда это земля или росолъ, онъ называется чаще всего «землей великаго князя» или «росоломъ великаго князя» [9]) и въ двухъ случаяхъ «вотчиной великаго князя» [10]). Къ этому основному опредѣ-

---

[1]) № 14385/1, гл. 41 и 40.

[2]) № 14385/1, гл. 61 (1571 г.).

[3]) №№ 4155/73 (1567 г.), 4177/95 (1574 г.), 2607/36, 4185/103, 2611/40 (три послѣднія—1576 г.); А. Ю., № 26, с. 66 (1586 г.).

[4]) Въ отступной 1550 г. — № 14385/1, гл. 44 — «Се язъ Иванъ да язъ Онтоманъ Александровы дѣти... от Устькурьи...»

[5]) № 14385/1, гл. 83 (1585—86 г.).

[6]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 62; впрочемъ, наряду съ морскими пожнями рыбныя ловли и въ отступной 1570 г.—ibid., стб. 338.

[7]) А. Ю., № 135 (Архивъ Строева, т. I, № 175); №№ 4155/73, 2611/40, 2612/41.

[8]) Отступная 1556 г. на землю въ «Глинныхъ ямахъ» (Глинскій посадъ) въ Холмогорахъ—№ 14385/1, гл. 53.

[9]) Напр., А. Ю., № 135; послѣ 1547 г.—землей или росоломъ «царя и великаго князя», впрочемъ не вездѣ—см., напр., «Сборн. Муханова», изд. 2, № 288.

[10]) А. Ю., № 23, с. 57; № 2611/40.

ленію объекта сдѣлки прибавляется иногда актами еще другое; такъ, въ семи отступныхъ до 1548 г. отступщики называютъ также объектъ сдѣлки своимъ «посильемъ» [1]). Одновременно съ этимъ (и всюду съ 1548 г.) встрѣчается наименованіе объекта владѣньемъ, причемъ въ трехъ случаяхъ оба дополнительныхъ опредѣленія встрѣчаются одновременно въ одномъ и томъ же актѣ [2]); въ двухъ случаяхъ вмѣсто «своего владѣнья» стоитъ «отца своего станковъ» [3]); кромѣ того, въ одномъ случаѣ два послѣднія опредѣленія встрѣчаются вмѣстѣ [4]). Отсутствуетъ указаніе на принадлежность объекта великому князю въ восьми случаяхъ [5]). Что касается мѣстоположенія объекта сдѣлки, то объекты всѣхъ отступныхъ, какъ указано выше, относятся къ волостямъ Двинского уѣзда XVI в. — Наряду съ указаніемъ принадлежности объекта великому князю въ большинствѣ актовъ отмѣчается титулъ владѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ семи случаяхъ въ составъ этого элемента первой клаузулы входитъ также указаніе и на переходъ актовъ владѣнія ко второй сторонѣ, въ большинствѣ же случаевъ послѣдній моментъ (въ связи съ нѣкоторыми другими) выдѣляется въ особую клаузулу (седьмую); при наличности въ актѣ седьмой клаузулы документы владѣнія въ первой клаузулѣ или поименно не перечисляются, или же отмѣченный элементъ совсѣмъ отсутствуетъ. Титуломъ владѣнія въ девяти актахъ являются писцовыя или оброчныя книги, причемъ въ семи изъ нихъ «опись» въ книгахъ является единственнымъ основаніемъ владѣнія [6]); въ восьмомъ, кромѣ ссылки на писцовыя книги, есть указаніе и на «старыя крѣпости» той деревни [7]). Во всѣхъ же остальныхъ отступныхъ (41) документами владѣнія являются частные акты: купчія (17), отступныя и посильныя (11), раздѣльныя (10), закладныя (4), духовныя (1), ободныя (1) [8]), мѣнныя (1) и др.; въ нѣкоторыхъ же

---

[1]) № 14385/1, гл. 15, 23, 26—28; *Ивановскій*, с. 28; Р. И. Б., т. XIV, стб. 41.

[2]) № 14385/1, гл. 26: «отступилися есмя земли великаго князя, а своего посилья, въ полуостровѣ въ Солотковѣ шестого жеребья, своего владѣнья»—и др.

[3]) А. Ю., № 23, с. 56; № 4185/103.

[4]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 202.

[5]) № 14385/1, гл. 53, 60 и 80; 4138/56, 2612/41, 2608/37; Р. И. Б., т. XIV, стб. 76; *Х. Лопаревъ*, «Опис. рукоп. Общ. Любителей Древн. Письм.», т. II, с. 206.

[6]) А. Ю., № 23, с. 54 (двѣ), 56; Р. И. Б., т. XIV, стб. 62, 202 и др.

[7]) А. Ю., № 26, с. 66.

[8]) «Ободными» въ XV в. и ранѣе назывались на сѣверѣ всѣ вообще частные акты, въ которыхъ клаузула о межѣ развита очень подробно.—Ср. *С. Бѣлокуровъ*, «Матеріалы по русской исторіи», М. 1887, с. 430, 438, 441, 448; *М. А. Островская*, «Земельный бытъ сельск. насел. русск. сѣв.», СПБ. 1913, с. 74, прим.

случаяхъ (5) «старыя державы» точно по разновидностямъ актовъ не указываются или же ихъ опредѣлить трудно [1]). Наконецъ, въ двухъ случаяхъ наряду съ частными актами передаются и «правыя грамоты» [2]). Обиліе купчихъ, какъ актовъ владѣнія, и сравнительно меньшее количество отступныхъ должно быть принимаемо условно, т. к. обѣ категоріи частныхъ актовъ, какъ увидимъ ниже, нерѣдко смѣшивались.—Слѣдующимъ элементомъ той же клаузулы является указаніе принадлежностей переходящаго «владѣнія»; въ томъ случаѣ, если это земля, перечисленіе угодій, построекъ и т. п.; когда угодья лежали, повидимому, не въ одномъ мѣстѣ, они перечисляются очень подробно; въ рѣдкихъ случаяхъ здѣсь же встрѣчаются тѣ или иныя условія о насѣянномъ хлѣбѣ [3]). Въ отступныхъ на доли росола отмѣчается въ указанномъ элементѣ и «варничная порядня», въ которой къ пріобрѣтателю переходитъ извѣстная доля [4]).—Въ 33-хъ актахъ въ первой же клаузулѣ отмѣчается, кромѣ того, межа даннаго владѣнія или указаніемъ смежныхъ владѣльцевъ или земель, или обычнымъ—«а межи тѣмъ землямъ по старымъ межамъ»; впрочемъ, попадается для опредѣленія границъ владѣнія и старая формула «куды топоръ ходилъ и коса ходила». Въ отступныхъ на доли росола этотъ элементъ дополняется указаніемъ сябровъ или складниковъ по владѣнію. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ актахъ отмѣченный элементъ выдѣляется писцами въ самостоятельную клаузулу [5]).—Если въ переходящемъ «жеребьѣ» сдѣланы ранѣе выдѣлы, то въ первую клаузулу входитъ новый элементъ; такъ, по отступной 1540 г. Ив. Мурашовъ отступился Пимену Пятутину «опрично тоѣ земли, что есми отдалъ земли с племянницею своею приданого на четыре пузы земли из полуострова да поженъ на десять кучъ ис того же полуострова» [6]).—Въ пяти отступныхъ, кромѣ указанныхъ элементовъ, отмѣчается также размѣръ волостной единицы обложенія, по которой платятся подати съ даннаго владѣнія; такъ, въ отступной 1547 г. на половину пожни на Мучеостровѣ въ составъ первой клаузулы писецъ внесъ слѣдующее указаніе: «а в тяг[л]и тое полупожни веревка» [7]). Въ единствен-

---

[1]) А. Ю., № 26, с. 66 и др.; Р. И. Б., т. XIV, стб. 41.

[2]) № 14385/1, гл. 56, 59.

[3]) № 14385/1, гл. 23, 54, 62 и др. А. Ю., № 23, с. 54.

[4]) № 2612/41, 2611/40, 4155/73; А. Ю., № 23, с. 57 и № 135.

[5]) № 14385/1, гл. 22, 23, 28, 44; Р. И. Б., т. XIV, стб. 41, 116; А. Ю., № 135. Въ единственномъ случаѣ переходящее владѣніе (посадская земля), кромѣ указанія межъ, измѣряется саженями—№ 14385/1, гл. 53.

[6]) № 14385/1, гл. 15, 27, 28, 33, 40.

[7]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 41, 338; Врем. М. О. И. и Др., т. XVIII, смѣсь. с. 25; №№ 4138/56 и 14385/1, гл. 54.

номъ случаѣ отмѣченъ въ актѣ и писцовый окладъ даннаго владѣнія [1]).—Наконецъ, въ семи отступныхъ въ первую клаузулу входитъ въ качествѣ отдѣльнаго элемента указаніе на отступку «в дернь без выкупа»; въ большинствѣ же случаевъ этотъ элементъ выдѣляется въ самостоятельную клаузулу [2]).

Отмѣченными выше элементами исчерпывается содержаніе первой клаузулы. Далеко не во всѣ акты и не въ одинаковой послѣдовательности входятъ указанные элементы; нѣтъ среди извѣстныхъ мнѣ отступныхъ репрезентативнаго типа первой клаузулы; къ послѣднему ближе всего (за исключеніемъ выдѣленія элемента о межѣ въ самостоятельную клаузулу и отсутствія элемента о размѣрѣ тягла) подошла бы отступная 1542 г.; въ ней клаузула первая читается такъ: «Се язъ Яковъ Карповъ отступился есми Олександру да Фомѣ Емельяновымъ детемъ да Ивану Олександрову сыну великова князя земли, а своего владенья, въ Солотковѣ островѣ, въ трети острова осьмой доли (и то мнѣ досталася та земля от Горасима от Титова сына в Солоткови острове в трети острова осмая доля), по своей по отступной грамотѣ, чимъ есми самъ владѣлъ, орамыхъ земель и поженъ и чищенины и притеребы и всякіе угодья и рыбные ловища, что мнѣ осмой доли отступился Герасимъ Титовъ, оприче Неверовы даницы, что лесу на четыре пузъ под елью да трети наволочка, что мнѣ от Герасима досталося по своей по купчей грамотѣ» [3]).

Клаузула *вторая* отступныхъ говоритъ о цѣнѣ владѣнія; она встрѣчается во всѣхъ отступныхъ, за единственнымъ исключеніемъ [4]). Въ отступныхъ до 60-хъ годовъ XVI в. (именно въ 19-ти) эта клаузула читается обычно такъ: «а взялъ есми (такой-то) на посилье у (такого-то) (столько-то) денегъ московскихъ», причемъ нерѣдко въ формулу вводится слово «себѣ, собѣ», а также указаніе на характеръ и составъ владѣнія (дворъ, дворище и т. п.), или она комбинируется со словомъ «владѣнье» (напр., «а взялъ есми... у (такого-то) на всемъ на томъ владеньи на посиле...» [5]). Въ приведенной формулѣ слово «посилье» стоитъ съ предлогомъ «на» не въ винительномъ падежѣ, какъ думалъ, повидимому, И. И. Срезневскій [6]), а въ предложномъ,—что особенно отчетливо выясняется изъ такихъ фор-

---

[1]) А. Ю., № 26, с. 66.

[2]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 75; *Ивановскій*, с. 17—18, 32—33; *В. Крестининъ*, о. с., с. 53—и др.

[3]) № 14385/1, гл. 33.

[4]) А. Ю., № 26, с. 66.

[5]) № 14385/1, гл. 21—23, 26, 27, 41, 44, 53; Р. И. Б., т. XIV, стб. 62, 75; А. Ю., № 23, с. 54, 56; № 135.

[6]) «Матер. для словаря древне-русск. яз.», т. II, в. 3, стб. 1234.

мулировокъ той же клаузулы, какая встрѣчается, напр., въ отступной 1540 г.: «а взялъ есми язъ Иванъ на томъ на своемъ посилье у Истомы 60 алтынъ денегъ московскимъ числомъ», или въ отступной 1549 г.: «а взялъ есми у него на своемъ посильи два рубли денегъ московскихъ» [1]).—Въ нѣсколькихъ раннихъ (десяти) и во всѣхъ почти отступныхъ (за двумя исключеніями) послѣ 60-хъ г.г. XVI в. клаузула вторая читается такъ же, какъ соотвѣтствующая клаузула купчихъ; напр., въ отступной 1556 г. она изложена такъ: «а взялъ есми на тихъ своихъ поженкахъ четыре рубли денегъ московскимъ числомъ» [2]). Впрочемъ, и среди этой группы есть отступныя, въ которыхъ въ клаузулу вторую внесено указаніе на принадлежность земли; такъ, напр., въ отступной 1542 г. эта клаузула читается слѣдующимъ образомъ: «а взялъ яз Яковъ у Олександра да у Фоме да у Ивана на той великово князя земли и на пожняхъ и на всякихъ угодьяхъ на осьмой доли и на дворищной земли рубль денегъ московскимъ числомъ». Въ рѣдкихъ случаяхъ обѣ основныхъ формулы имѣютъ дополненія въ видѣ словъ «вси вручь», «всѣ сполна», «без останка» и т. п. [3]). Что касается пополнки, то указаніе на послѣднюю (въ видѣ мѣръ жита или куръ) встрѣтилось семь разъ, причемъ въ отступныхъ не ранѣе 1571 г. [4]). Подобно тому какъ среди купчихъ встрѣчаются купчія-данныя, т.-е. такія купчія, гдѣ покупателемъ является монастырь, и въ которыхъ часть цѣны зачитывается въ качествѣ денежнаго вклада продавца,—такая же группа отступныхъ-данныхъ (не отступныхъ равныхъ по значенію даннымъ — о чемъ см. выше, с. 133) есть и среди нашихъ актовъ (ихъ всего три). Въ нихъ клаузула о цѣнѣ изложена, напр., такъ: «а взялъ есми язъ Яковъ на томъ росолѣ у Пречистые и у чудотворца Николы и у игумена у Игнатья яжъ о Христѣ з братьею 18 рублевъ: 12 рублевъ есми взялъ денегъ, а 6 рублевъ завелъ вкладу» или «а взяли есмя на той полуварнице два рубли денегъ московскую, а достали отступились Всемилостивому Спасу и чудотворцу Дмитрею въ домъ» [5]). Наконецъ, въ одной отступной клаузула о цѣнѣ отсутствуетъ, сближая нашъ актъ съ данными; въ другой та же клаузула, повидимому, имѣется въ виду писцомъ

[1]) № 14385/1, гл. 28; Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн., т. XVIII, смѣсь, с. 25; ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 116.

[2]) А. Ю., № 136 (Арх. Строева, т. I, № 200) и др.

[3]) *В. Крестининъ*, о. с., с. 51; Р. И. Б., т. XIV, стб. 75, 76, 338; № 14385/1, гл. 63.

[4]) № 14385/1, гл. 60, 61; *В. Крестининъ*, о. с., с. 51, 53—54; Р. И. Б., т. XIV, стб. 76—77, 116; А. Ю., № 23, с. 56—57. Ср. *Д. М. Мейчикъ*, «Грамоты XIV и XV вв. Моск. Арх. Мин. Юст.», М. 1883, с. 73.

[5]) №№ 4125/73, 2607/36 и 2611/40.

въ слѣдующихъ словахъ: «а что у насъ долгу отцова и своево, ино Елизару (пріобрѣтателю) за тотъ животъ и за землю долгъ нашъ поплатити весь» [1]).—Цѣна владѣнія опредѣляется всюду въ московскихъ рубляхъ, полтинахъ, гривнахъ и алтынахъ. Сдѣланное Д. М. Мейчикомъ замѣчаніе, что «цѣна посилья обыкновенно очень незначительна сравнительно съ такимъ же вотчиннымъ участкомъ» [2]), едва ли можетъ быть доказано, если обосновывать его данными только актовъ, а не представленіями о правовой природѣ посилья; случаевъ такого рода, когда одинъ и тотъ же участокъ въ одно и то же время переходитъ и какъ «посилье» и какъ «вотчина»,—нѣтъ; если бы даже такіе примѣры нашлись, то, вѣдь, съ точки зрѣнія индивидуальнаго характера каждой сдѣлки они едва ли годились бы для доказательства.

Клаузула *третья* отступныхъ указываетъ причину отступки даннаго лица отъ своего владѣнія; она находится почти въ половинѣ актовъ (31-мъ). Если же взглянуть по таблицѣ на хронологическое положеніе ея въ актахъ, то окажется, что до 60-хъ гг. XVI в. она присутствуетъ почти во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ отступныхъ [3]). Начиная же съ 60-хъ гг. XVI в. она попадается довольно рѣдко: всего шесть разъ при наличности 27 отступныхъ, гдѣ ея нѣтъ. Отсюда, кажется, можно заключить, что до 1560-хъ гг. наличность этой клаузулы была обязательной для формуляра отступной, послѣ же того она явленіе случайное, своего рода пережитокъ. Почти во всѣхъ отступныхъ, гдѣ она встрѣчается, эта клаузула читается приблизительно одинаково, напр., такъ: «а не измоглъ есми с того... жеребья государя великаго князя дани давать и службы служить и хлѣба посыпного въ житницу и земского разруба с волостными людьми платити» [4]). Впрочемъ, обязанность «хлѣбъ великого князя в отсыпъ сыпати» встрѣчается только въ отступныхъ на земли острововъ Солоткова и Лисьяго; было ли подобное тягло въ другихъ мѣстностяхъ, къ которымъ относятся наши акты, сказать на основаніи только отступныхъ нельзя; во всякомъ случаѣ указанное тягло въ тѣхъ отступныхъ отдѣльно не упоминается [5]). Введеніе

---

[1]) А. Ю., № 26, с. 66; № 23, с. 57.

[2]) О. с., с. 73.

[3]) Ея нѣтъ въ отступныхъ 1530—31 г. (А. Ю., № 23, с. 57), 1533—34 г., 1548 г. (*Ивановскій*, с. 28, 17—18) и двухъ 1556 г. (№ 14385/1, гл. 53, и 4138/56).

[4]) № 14385/1, гл. 15 (1528 г.); А. Ю., № 23, с. 54, 56.

[5]) См., напр., отступныя Ровдогорской вол.—№ 14385/1, гл. 21 (1534 г.): «а не измогли есмя с тое земли дани великаго князя давати и никоторыхъ пошлинъ», и у *В. Крестинина*, о. с., с. 52 (1539 г.); также Р. И. Б., т. XIV, стб. 41 — и др. Отсутствіе въ нѣкоторыхъ актахъ при перечисленіи податей обязательства сыпать хлѣбъ въ государевы житницы еще не говоритъ

на Двинѣ въ 1556 г. оброка за намѣстничій кормъ нѣсколько измѣнило формулировку той же клаузулы: въ ней стали отмѣчать и указанный оброкъ, напр., въ такомъ видѣ: «потому есми отступился тое земли, что не измоглъ дани и оброку царева и всякихъ разрубовъ платити» [1]); впрочемъ, указанная формула (со включеніемъ оброка) появилась не сразу послѣ 1556 г. [2]).

Еще въ большемъ количествѣ актовъ (46), отсутствуя лишь въ раннихъ отступныхъ, встрѣчается *четвертая* клаузула—обязательство отступщика «очищать», «выкупать» и «отводить» свое владѣніе, если о немъ будетъ споръ со стороны третьихъ лицъ. Въ простѣйшемъ видѣ эта клаузула читается, напр., такъ: «а в очищеньи той земли и пожнямъ и всякимъ угодьямъ Олександру и Фоми и Ивану язъ Яковъ Карповъ сынъ», или «а в очищеньи той земли язъ Никита Демидовъ сынъ (отступщикъ): любо у кого в закладѣ или в купчей и мнѣ выкупати своими деньгами» [3]). Въ купчихъ, въ особенности писанныхъ отъ лица покупателя, эта клаузула могла развиваться въ самостоятельный актъ, такъ назыв. очищальной записи; точно также имѣется случай (правда, единственный), когда клаузула отступной объ очисткѣ развита въ самостоятельный актъ [4]).

Исходя изъ обязательства отступщика «отводить» объектъ сдѣлки въ случаѣ спора, писецъ акта въ слѣдующей клаузулѣ, *пятой*, отмѣчалъ, что такой отводной является самъ данный актъ, т.-е. отступная; другими словами, указаніе акта, что отступная въ случаѣ необходимости пріобрѣтаетъ характеръ отводной, купчей и т. п., составляетъ существенное содержаніе клаузулы пятой. Въ большинствѣ случаевъ (въ 12 изъ 15) клаузулы четвертая и пятая встрѣчаются въ актѣ одновременно и часто, какъ будто, не даютъ даже основанія раздѣлять ихъ, но отсутствіе въ трехъ актахъ клаузулы четвертой при наличности въ нихъ клаузулы пятой несомнѣнно подчеркиваетъ обязательность такого раздѣленія. Обычно клаузула пятая читается такъ: «а ся ему посильная и отводная»,

---

за то, что его не было въ дѣйствительности, т. к. нѣкоторыя отступныя на земли острова Солоткова, гдѣ это тягло несомнѣнно было, также не указываютъ его въ третьей клаузулѣ—№ 14385/1, гл. 23 (1535 г.), 33 (1542 г.); ср. также А. Ю., № 23, с. 54 и ibid., с. 56—57.

[1]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 75, 116; Сборн. Муханова, изд. 2, № 288—и др.

[2]) Ср. № 14385/1, гл. 54 (1561 г.)—и др.

[3]) Врем. Моск. Общ. Ист. и Др., т. XVIII, смѣсь, с. 25; Р. И. Б., т. XIV, стб. 62, 75, 76—и др.

[4]) № 14385/1, гл. 24: «запись» 1538 г. Ивана Мурашова съ сыновьями, данная Степану Онаньину, съ обязательствомъ очищать землю «вотчину великаго князя в Солодкомъ островѣ», «проданную» по «отступной».

или «а ся грамота отступная и отводная грамота на мое владѣнье» (или «отводная въ дернь») или, наконецъ, «а ся отступная на ту деревню и купчая и дерная» [1]).

Довольно рѣдко (въ 16 актахъ), въ большинствѣ случаевъ (11) въ актахъ послѣ 60-хъ гг. XVI в., встрѣчается въ отступныхъ клаузула *шестая*—о платежѣ податей съ переходящаго владѣнія, именно, обязательство сторонѣ, къ которой оно переходитъ, платить подати вмѣсто отступщика или (если имѣется въ виду частичный переходъ) «въ подмогъ» ему. Клаузула эта встрѣчается, напр., въ трехъ отступныхъ 1536—37 г., писанныхъ Харлампейкой Семеновымъ на земли на Лисьемъ островѣ, въ такихъ выраженіяхъ: «а дань великаго князя и службы служити и всякіе розрубы мнѣ (отступщику) лѣта 7046 до Ильина дни», или «а дань и служба за прошлые лѣта с тое земли платити мнѣ (отступщику)» или въ формѣ обязательства новаго владѣльца: «а потугъ Григорью (новому владѣльцу) тянуть с тое земли со Ильина дни по мирьской веревкы» или «а дань и оброкъ и всякіе годовые подати платити мнѣ (новому владѣльцу) съ сякова дни, какъ ся купчая излегла» [2]). Въ двухъ случаяхъ новые владѣльцы обязуются давать оброкъ «въ подмогъ» отступщикамъ [3]).

Что касается трехъ слѣдующихъ клаузулъ, то всѣ онѣ являются результатомъ развитія въ самостоятельную клаузулу соотвѣтствующихъ элементовъ клаузулы первой. Такъ, въ девяти актахъ указаніе на документы владѣнія выдѣлено писцами въ особую *седьмую* клаузулу; кромѣ перечисленія ихъ, клаузула седьмая содержитъ также указаніе или на переходъ ихъ къ новому владѣльцу или на то, что документы остаются у отступщика «для ради очищенія»; въ послѣднемъ случаѣ къ этому указанію нерѣдко присоединяется обязательство отступщика «класти давати» ихъ «на кой будетъ споръ» или «казати безденежно» [4]). Въ особую клаузулу *восьмую* выдѣляется иногда, какъ уже отмѣчено выше, элементъ первой клаузулы о межѣ. Наконецъ, въ 23 актахъ и третій элементъ все той же первой клаузулы — именно, объ отступкѣ въ дернь, развитъ писцами въ самостоятельную клаузулу. Въ самой ранней отступной, гдѣ клаузула *девятая* встрѣчается въ самостоятельномъ видѣ, именно въ отступной 1539 г., она читается такъ: «и мы язъ Осипъ да язъ Степанъ отступилися есмя Пимину тое земли государя великаго князя, а своего

---

[1]) № 14385/1, гл. 28, 40, 41, 62, 64, 80; Р. И. Б., т. XIV, стб. 75, 116, 338.

[2]) А. Ю., № 23, с. 54, 56—57; № 14385/1, гл. 54, 68, 95; *В. Крестининъ*, о. с., с. 51, 53—54.

[3]) *Х. Лопаревъ*, «Опис. рукоп. Общ. Люб. Древн. Письм.», т. II, с. 206; Р. И. Б., т. XIV, стб. 203.

[4]) № 14385/1, гл. 44; Р. И. Б., т. XIV, стб. 203—и др.

посилья, в островѣ въ Солотковѣ в полуостровѣ шестого жеребья своего владѣнья со всѣмъ без вывета в дернь без выкупа»; чаще та же клаузула формулировалась кратко: «а отступился есми ему тое земли в дернь без выкупа» или «в вѣкъ без выкупа» или «в дернь во вѣки без выкупа»; въ одномъ случаѣ формулой выражается двустороннее отношеніе — «а ступился есми в дернь без выкупа, а язъ Моисей (новый владѣлецъ) купилъ в дернь без выкупа» [1]). Въ двухъ позднихъ отступныхъ (1584 и 1585 — 86 гг.) клаузула девятая написана сходно съ соотвѣтственной клаузулой купчихъ: «а продалъ есми ему ту землю в дернь без выкупа» [2]). Наконецъ, въ двухъ отступныхъ, писанныхъ въ Неноксѣ, встрѣчаемъ соединеніе обѣихъ формулъ въ одну: «а продалъ и отступился в дернь без выкупа» [3]). Кромѣ того, клаузула девятая могла сливаться съ клаузулой седьмой—напр., «а отступились есмя и с старыми отступными грамотами... в дернь без выкупа» [4]).

Изученными девятью клаузулами исчерпывается, въ сущности, содержаніе основного текста отступныхъ. Необходимо, однако, отмѣтить, что въ составѣ ихъ встрѣчаются иногда (правда, очень рѣдко) клаузулы случайныя. Укажу, напр., на отступную 1571 г. старосты Чухченемской вол. Семена Семенова и волостныхъ людей Осипу Дурасову, гдѣ послѣ клаузулы объ очисткѣ читаемъ: «а тима есма деньгами (5 р.) Николу Чудотворца покрывали» [5]), т.-е. крыли церкви и строенія Николаевскаго Чухченемскаго монастыря.

Что касается удостовѣрительной части нашихъ актовъ, то она имѣетъ обычныя указанія на послуховъ, канцелярію и дату акта. Ничего особеннаго по сравненію съ другими актами въ этомъ отношеніи отступныя не даютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ писаны одними и тѣми же писцами [6]). Рукоприкладство послуховъ или договаривающихся сторонъ на оборотной сторонѣ актовъ скорѣе представляетъ исключеніе въ нашихъ актахъ. Одна изъ позднихъ отступныхъ имѣетъ на оборотѣ помѣту объ явкѣ ея въ 1611 г. писцамъ и записи въ книги [7]); ничего подобнаго въ другихъ отступныхъ не встрѣчаемъ.

---

[1]) № 14385/1, гл. 26, 53, 62 — 64, 80, 83, 95; А. Ю., №№ 135, 136; Р. И. Б., т. XIV, стб. 116—117.

[2]) № 14385/1, гл. 78; *Х. Лопаревъ*, о. с., т. II, с. 206.

[3]) № 4155/73 (1567 г.), 4177/95 (1574 г.).

[4]) А. Ю., № 23, с. 56—57.

[5]) № 14385/1, гл. 61.

[6]) А. Ю., № 23, с. 54, 56, 57—Харлампейкой Семеновымъ; Р. И. Б., т. XIV, стб. 41 и № 14385/1, гл. 26 и 33—Васюкомъ Яковлевымъ с. Соломой; № 14385/1, гл. 40, 41, 44, 47—Терентіемъ Юринымъ; №№ 2607/36, 2608/37, 2611/40, 2612/41—Унскимъ земскимъ дьячкомъ Ѳедькой Никитинымъ с. Куколкинымъ.

[7]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 202.

Этимъ, собственно говоря, и исчерпывается дипломатическое изученіе формуляра отступныхъ, какъ необходимой ступени для послѣдующаго анализа тѣхъ же актовъ съ историко-юридической точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, что же представляютъ наши акты по существу той сдѣлки, которая ими укрѣпляется?.. Для рѣшенія этого вопроса мы выяснимъ, во-1, какъ смотрѣли сами контрагенты, а также центральная правительственная и мѣстная судебная власть на существо этой сдѣлки; установивъ, по возможности, родъ сдѣлки по отступной, какъ она представлялась тогдашнему сознанію, отмѣтимъ, во-2, ея отличительныя особенности въ рядѣ сдѣлокъ однородныхъ по существу не только мѣстныхъ, Двинскихъ, но и другихъ уѣздовъ Московской Руси XVI в.

Для рѣшенія перваго вопроса у насъ имѣется, какъ кажется, достаточный матеріалъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже при перечисленіи тѣхъ названій, которыми именуютъ себя наши акты, приходилось отмѣчать, что наряду съ терминомъ отступная встрѣчаются въ самихъ актахъ для наименованія данной разновидности и два другихъ, именно: посильная (до 1551 г.) и купчая (съ 1561 г.). Послѣ 1551 г. названіе отступной посильной исчезаетъ изъ Двинскихъ актовъ, и терминъ «отступная» все чаще или чередуется или встрѣчается одновременно въ актѣ съ наименованіемъ его купчей [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ названіе отступныхъ посильными нисколько не нарушаетъ той же аналогіи нашихъ актовъ съ купчими, т. к. посильныя до 1528 г., къ которому относится самая ранняя отступная, это — тѣ же купчія. Въ самомъ дѣлѣ, такихъ посильныхъ мнѣ извѣстно одиннадцать, изъ нихъ самая ранняя относится къ первой четверти XѴ в. [2]). Клаузальный составъ ихъ ничѣмъ собственно не отличается отъ современныхъ имъ купчихъ, за исключеніемъ клаузулы о цѣнѣ, которая выражена довольно сходно съ позднѣйшими посильными — отступными, а именно въ формѣ: «а далъ есми на посилье (столько-то)» (въ посильной отъ имени покупателя) или «а взяли есмя у Карпа на тѣхъ пожняхъ на своемъ жеребье на посилье полтину денегъ» [3]). Интересно отмѣтить при этомъ, что объектъ большинства посильныхъ—пожни, причемъ въ нѣкоторыхъ

---

[1]) «Купчія» = отступнымъ № 14385/1, гл. 54 (1561 г.), 78 (1584 г.), 4177/95 (1574 г.), 2607/36 (1576 г.); «купчая» «отступная»—№ 4161/79 (1571 г.), 2608/37 (1577 г.), *В. Крестининъ*, о. с., с. 53 — 54 (1587 г.), Р. И. Б., т. XIV, стб. 202 (1609 г.)—и др.

[2]) *Д. М. Мейчикъ*, о. с., с. 123, прилож. IX; *Н. Дебольскій*, «Гражданская дѣеспособн. по русскому праву», с. 342, прилож. А, № 3.

[3]) *Д. М. Мейчикъ*, о. с., с. 123, прилож. VIII, № 10; № 13133/5.

посильныхъ отмѣчено, что это пожни «великого князя оброчныя» [1]). Такого типа посильная или купчая на посилье есть и среди двинскихъ актовъ; это—посильная 1506—07 г. на «треть князя великаго земли, орамыхъ земель и пожнь и двора и дворища и притеребовъ» въ полуостровѣ Солотковѣ [2]). Кромѣ посильныхъ извѣстны также и «купчія» на посилье [3]). Такимъ образомъ, посильная до 1528 г. та же купчая, названная такъ по объекту ея—«посилью» [4]).

Итакъ, отступныя ставились сначала въ нѣкую связь съ посильными, т.-е. купчими, объектъ которыхъ назывался «посильемъ» продавца, а позже (со 2-й половины XVI в.) — съ обыкновенными купчими. Такое пониманіе писцами актовъ сущности сдѣлки по отступной соотвѣтствовало также, какъ кажется, представленію самихъ контрагентовъ сдѣлки. Такъ, въ «записи» 1538 г. Иванъ Мурашовъ съ сыновьями, между прочимъ, писали: «что есми *продали* Степану Ушаку Иванову сыну Ононьина землю, вотчину великаго князя, въ Солодкомъ островѣ... а Степану та земля пахати по моей *отступной* безпенно»; съ своей стороны, Степанъ Ивановъ сынъ Ушакъ въ 1540 г. «отступилсе» Пимену Пятутину «што есми *купилъ* у Ивана у Микифорова сына у Мурашова земли... въ полуостровѣ въ Солодкомъ». Въ 1510 — 11 г. Кропотка Подстѣнковъ вмѣстѣ съ братомъ Некрасомъ въ «записи», данной Никифору Мурашу и Чупру Михайлову, писали, между прочимъ, «что есми *продали...* на Солотковѣ островѣ *посилье* свое, чѣмъ насъ написали писцы великаго князя в книги, Никифору Перхурьеву сыну Мурашу да Чупру Михайлову сыну, и они намъ сказывали, что та *купчая* ихъ утерялась», а въ 1540 г. сынъ Никифора, Иванъ Мурашовъ, передалъ новому владѣльцу, Пимену Пятутину, въ числѣ

---

[1]) № 13133/5. Несомнѣнно также, что *оброчныя* пожни объектъ посильныхъ на угодья по р. Лостѣ (близъ Вологды)—*Д. М. Мейчикъ* (l. с.) и въ «Сборн. старин. бумагъ, хранящ. въ музеѣ П. И. Щукина», т. IV, с. 214 (1502 — 03 г.) — ср. грамоту 1517 г. на Вологду «христіаномъ» Истомкѣ Сергѣеву съ товар. о «закосахъ черныхъ» за р. Лостою, «что былъ ихъ обоярилъ Михалъ Бирилевъ»: «а вѣдали б есте тѣ свои *закосы оброчные* и косили на себя потому ж, какъ тѣ закосы косили первые оброчники» (Имп. Археогр. Ком., сборн. № 112 (по опис. Барсукова), лл. 165 — 166; ср. ibid., л. 167: «По Ѳедорову письму Липятина (7011 г.—*П. Н. Милюковъ*, «Спорные вопросы финанс. ист. Московск. госуд.», СПБ. 1892, с. 159)» оброчныя пожни по р. Лостѣ съ указаніемъ именъ первыхъ оброчниковъ и количества оброка.

[2]) № 14385/1, гл. 8.

[3]) Напр., «купчая» 1516—17 г. на жеребій дер. Мокшинской, Мезенской вол.—*Ивановскій*, с. 15.

[4]) Хотя посильными назывались иногда разнаго рода акты, касающіеся посилья—ср. № 14385/1, гл. 30 и 10; А. Г. Р., т. I, № 65, с. 125 («посильныя»= закладнымъ).

прочихъ «державъ» на долю о. Солоткова, и «ту посильную, что намъ далъ Кропотка на посильную и на отступную, что у насъ первая отступная утерялась». Въ тѣхъ же актахъ нерѣдко одинъ изъ контрагентовъ называется «продавцомъ»; такъ, напр., въ числѣ послуховъ отступной 1549 г. находится Тарасій Титовъ «продавцу братъ», въ отступной 1550 г. Ѳома Омельяновъ «дядя продавцамъ» и т. п. [1]).

Въ теченіе всего XVI в. нерѣдко «отступныя» позже называются контрагентами купчими и наоборотъ; такъ, до насъ дошла «купчая» 1584 г., по формуляру относимая къ отступнымъ, которая позже (въ 1616 г.) именуется сторонами отступной, и наоборотъ, «отступная» 1571 г. въ 1616 г. называется «купной грамотой» [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ такому пониманію сторонами сущности сдѣлки по отступной соотвѣтствовалъ взглядъ центральной московской власти. Въ грамотѣ 1542 г. на Двину, данной по челобитью двинянина Нечайки Пятутина «и в брата своего мѣста в Ыстомино», о береженіи отъ стороннихъ людей острова Солоткова [3]), послѣ выписки изъ писцовыхъ книгъ Тимофея Аѳанасьева съ указаніемъ первыхъ «владѣльцевъ» острова — Кропотки и Гридки Подстѣнковыхъ, читаемъ: «и Нечайко Петутинъ сказалъ, что ту землю у Кропотки да у Гридки Подстѣнковыхъ *купилъ* Микифорикъ Кузминъ сынъ Мурашовъ [4]), а после того Микифориковъ сынъ Иванко ту землю *продалъ* Нечайкову брату Истоме Петутину, да и крѣпости на ту землю Истоминъ братъ Нечайко передъ нашимъ казначеемъ передъ Иваномъ Ивановичемъ Третьяковымъ клалъ»; въ числѣ этихъ «крѣпостей» главной, несомнѣнно, была «отступная посильная» 1540 г. Ивана Мурашова Пимену Пятутину на шестой жеребій острова Солоткова [5]).

Но, повидимому, въ такомъ же смыслѣ разсматривала отступныя мѣстная судебная практика. Впрочемъ, до 1571 г. у насъ нѣтъ свѣдѣній на этотъ счетъ; но отъ этого года сохранилась правая грамота по дѣлу Николаевскаго Корельскаго монастыря съ Першей Трубинымъ и Онисимомъ Васильевымъ о деревнѣ и дворѣ въ Карзиной курьѣ Лисеостровской волости [6]). Въ числѣ документовъ, пред-

---

[1]) № 143851, гл. 10, 24, 27, 30, 40, 44; Р. И. Б., т. XIV, стб. 116—117.

[2]) № 14385/1, гл. 78 и 141, 60 и 146, 61 и 148—и др.; ср. выше примѣръ на клаузулу первую.

[3]) *М. А. Дьяконовъ*, «Акты, относящ. къ исторіи тяглаго населенія», в. II, № 12.

[4]) Ср. № 14385/1, гл. 10 (1510—11 г.).

[5]) Ibid., гл. 28.

[6]) А. Ю., № 23.

ставленныхъ одной изъ сторонъ, было нѣсколько отступныхъ, которыя правой грамотой не разъ называются купчей; кромѣ того, вопросы, предлагаемые судьями сторонамъ, съ несомнѣнностью убѣждаютъ, что сущность сдѣлки по отступной представляется судьямъ, какъ купля-продажа [1]).

Но если тогдашнее юридическое мышленіе сближало, а иногда смѣшивало, отступныя съ купчими, то у насъ есть также указанія, что между ними то же мышленіе проводило все-таки какую-то разницу. Такъ, въ «купчей» 1571 г. на деревню въ Андреяновомъ стану встрѣчаемъ, напр., такую клаузулу: «а ся купчая на ту деревню... и отводная и отступная и дерная» [2]), или въ «купчей» 1579 г. на треть деревни Графьинской Курейской вол. та же клаузула выражена такъ: «а ся ему купчая на ту нашу землю... отступная и отводная [3]). Эта же клаузула, какъ извѣстно, встрѣчается и въ отступныхъ; кромѣ примѣровъ, приведенныхъ выше при разборѣ клаузулы пятой, можно бы указать и нѣкоторые другіе того же рода [4]), которые несомнѣнно убѣждаютъ въ томъ, что при однородности сдѣлки (купли-продажи) видъ сдѣлки по обоимъ актамъ (купчей и отступной) все-таки въ чемъ-то различался.

Такое различіе на первыхъ порахъ должно быть отыскиваемо, какъ кажется, путемъ сравненія формуляра купчихъ съ таковымъ же отступныхъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не произведенъ дипломатическій анализъ сѣверныхъ купчихъ XVI в., хотя печатный матеріалъ (не говоря уже о рукописномъ, напр., фондѣ грамотъ Коллегіи Экономіи, нѣкоторыхъ сборниковъ Имп. Публ. Библ., и др.) довольно значителенъ. Поэтому для осуществленія намѣченной цѣли пришлось въ общихъ чертахъ изучить двинскія купчія XVI в. за тѣ же годы, къ которымъ относятся и отступныя не только печатныя, но и рукописныя отмѣченныхъ выше собраній. Наблюденія, которыя получаются въ результатѣ такого сравнительнаго изученія, нельзя, какъ кажется, не признать любопытными. Въ самомъ дѣлѣ, *опредѣленіе сущности сдѣлки (отступился) и формула отношенія крестьянина къ переходящей по акту къ другому лицу землѣ—«земля великаго князя, а мое владѣнье (или посилье)» не встрѣчается совсѣмъ въ двинскихъ волостныхъ купчихъ до 80-хъ годовъ XVI в.* Правда, среди отступныхъ выше отмѣчено нѣсколько актовъ, которые, относясь ко вре-

---

[1]) Ср. ibid., с. 55(а), 57(б), 58(а).

[2]) Р. И. Б., т. XII, стб. 4—5.

[3]) № 14385/1, гл. 65.

[4]) См., напр., № 4161/79 (1571 г.): «а ся отступная на ту деревню и отводная и купчая»; № 14385/1, гл. 64 (1576 г.): «а ся отступная и купчая на ту землю и дерная» и др. Ср. выше с. 143—144.

мени нѣсколько болѣе раннему и имѣя объектомъ землю или росолъ великаго князя, именуютъ себя также купчими, но по формуляру своему эти купчія ничѣмъ собственно не отличаются отъ отступныхъ и потому должны быть разсматриваемы наряду съ ними. Среди бывшихъ въ моемъ распоряженіи актовъ есть, кромѣ того, «купчая» 1541 г. «по великого князя грамоты по правой по ябедной и по оцѣнной грамоте» на «деревню Игнашину Зиновьева сына на Волочку, великого князя землю» на Нальеостровѣ, которая позже (1549 г.) является объектомъ сдѣлки по отступной [1]); но продавцы этой купчей являются, во всякомъ случаѣ, не владѣльцами, а скорѣе исполнителями [2]) приказаній центра. Такимъ образомъ, первый случай, когда волостная «земля царя и великаго князя», а «владѣнье» продавцовъ переходитъ къ новымъ лицамъ по обыкновенной купчей, относится, по имѣвшимся у меня актамъ, къ 1583 г.: это «купчая» на землю съ рыбными ловлями и прочими угодьями по рѣкѣ Чуболѣ (Андреянова стана) [3]). Но если такъ поздно «земля великого князя» *волостная* является объектомъ купчей, а еще позже данныхъ, мѣнныхъ и т. п. [4]), то «росолъ великаго князя» въ качествѣ объекта купчихъ, данныхъ и т. п. актовъ встрѣчается значительно раньше; такъ, еще въ 1544 г. старецъ Игнатій Мандаровъ съ «сестрою» своею Марьею Бурдуковой дали Николаевскому Корельскому монастырю «шестонатцатой сугребъ в варници в Ершихи на Смердьихъ местѣхъ (въ Неноксѣ) *росолу великого князя... што есми купилъ* у сына своего у Ивана Худяка» [5]); самая же ранняя купчая на «росолъ царя и великаго князя, а свое владѣнье» относится въ имѣвшемся у меня матеріалѣ къ 1562 г. [6]). Выше, однако, указаны и отступныя на росолъ великаго князя въ Неноксѣ; но если сравнить Ненокоцкія отступныя съ соотвѣтствующими куп-

---

[1]) № 4097/15; Врем. М. О. И. и Др., т. XVIII, смѣсь, с. 25.

[2]) Не государевыми ли ключниками?—См. ниже с. 160.

[3]) Румянц. Музей, собр. Бѣляева, карт. I, № 173. Не говоря объ удостовѣрительной части, купчая состоитъ изъ трехъ клаузулъ: 1) о продажѣ въ дернь, 2) о цѣнѣ и 3) объ очисткѣ.

[4]) № 4291/209—1597 г. данная на землю «царя и великаго князя вотчину... а свое владѣнье» (Лисій о.) и № 4296/214—1600 г. мѣнная на тотъ же объектъ, писаны Коземкой Андреевымъ, но тамъ же №№ 4277/195, 4301/219 однородные акты (данныя 1602 г.), писанные другимъ лицомъ, въ первомъ случаѣ съ указаніемъ принадлежности объекта великому князю, во второмъ—безъ него.

[5]) №№ 4105/23, 4119/37 (1549 г.), 4127/45 (1554 г.) и др., но встрѣчаются данныя, гдѣ приведенное указаніе отсутствуетъ—№ 4134/52 (1556 г.), 4141/59 (1557—58 г.) и др.

[6]) № 4150/68; въ купчихъ позднѣйшихъ — 1576 г. № 4184/102, 1583 г. № 4238/157 и др.—это указаніе исчезаетъ.

чими [1]), то окажется, что формуляръ ихъ совершенно тождественъ. При обилiи купчихъ на доли росола за весь XVI в. удалось найти только пять отступныхъ на тотъ же объектъ; ясно, что отступныя являются здѣсь скорѣе исключенiемъ. Въ Ненокоцкихъ же купчихъ впервые появляется клаузула о продажѣ въ дернь въ формѣ: «а продалъ и отступился в дернь без выкупа» [2]), формулировка столь характерная для всѣхъ послѣдующихъ купчихъ, вышедшихъ изъ Ненокоцкихъ канцелярiй. — Въ рѣдкихъ случаяхъ въ «купчихъ» на дворы и дворища, находившiеся въ другомъ двинскомъ посадѣ—Унѣ, отмѣчалось еще въ первую половину XVI в., что «стоитъ тотъ дворъ на государевѣ землѣ» [3]). Отъ болѣе поздняго времени (80-хъ гг. XVI в.) такiя же указанiя о продаваемыхъ лавкахъ имѣются и относительно Холмогоръ [4]).

Кромѣ отмѣченной разницы въ опредѣленiи сущности и объекта сдѣлки, такимъ же сравнительнымъ путемъ можно установить, что, сверхъ того, только двѣ клаузулы отступныхъ отличаютъ ихъ съ формальной стороны отъ купчихъ на волостныя земли. Это, во-1, клаузула о цѣнѣ, и, во-2, клаузула о причинѣ отступки. Приведенная выше одна изъ формулировокъ клаузулы о цѣнѣ—«а взялъ есми себѣ на посилье...», за единичными исключенiями, совсѣмъ не встрѣчается въ купчихъ XVI в. Исключенiе представляютъ три купчiя: 1566, 1576 и 1581 гг. [5]), гдѣ эта формула оказалась, но двѣ изъ нихъ (вторая и третья) едва-ли являются исключенiемъ, такъ какъ относятся къ тому времени, когда опредѣленный видъ земель и угодiй сталъ объектомъ не только отступныхъ, но и купчихъ. Самый терминъ «посилье», кромѣ отступныхъ и трехъ указанныхъ купчихъ, встрѣтился въ двинскихъ актахъ XVI в. всего одинъ разъ, именно, въ «отводной» 1529 г. Ивана Желѣзова Олферiю Костылю на дер. въ Яковлькурьѣ, «отца своего отчину и свое посилье», хотя въ «купчей» та же деревня названа просто «вотчиной» [6]). Такимъ образомъ, наименованiе объекта «посильемъ» свойственно главнымъ образомъ отступнымъ, да и въ нихъ, какъ сказано выше, встрѣчается далеко не всегда. Отсутствуетъ въ купчихъ въ этой же клаузулѣ указанiе на принадлежность земли великому князю.

---

[1]) Ср., напр., «купчую» 1564 г. (№ 4151/69) и «ступную» 1567 г. (4155/73).

[2]) Самый раннiй случай въ «купчей» 1564 г. (№ 4151/69). Ср. выше о клаузулѣ 9-й.

[3]) Опис. собр. свитковъ, находящ. въ Волог. Еп. Древлехр., в. VI, Вол. 1903, с. 4, 5, 8 и 9.

[4]) № 14385/1, гл. 88 (1588 г.) 92 (1590 г.) и др.

[5]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 73; № 4184/102; № 14385/1, гл. 70.

[6]) Румянц. Музей, собр. Бѣляева, карт. I, №№ 43 и 45.

Что касается клаузулы о причинѣ отступки, столь характерной для раннихъ отступныхъ, то она встрѣчается въ купчихъ опять-таки очень рѣдко. Такихъ случаевъ мнѣ извѣстно только пять: это—1) купчія 1581 г.и 1602 г. на деревню и пожни на Часовенскомъ наволокѣ (Лодомской волости), и 2) три купчихъ 1586, 1603 и 1631 гг., относящіяся къ Заостровской волости [1]); впрочемъ, относительно трехъ послѣднихъ нельзя не признать вліянія формуляра одного рода актовъ (отступныхъ) на другой, въ особенности, если принять во вниманіе, что до 1586 г. въ Заостровской волости на земли Великопогостской деревни, къ которой относятся эти купчія, писались только отступныя, причемъ клаузула о причинѣ отступки встрѣчается даже въ самой поздней изъ нихъ 1585—86 г., къ тому же писанной тѣмъ же (что и въ «купчей» 1586 г.) «дьячкомъ Заостровской волости» Иваномъ Марковымъ [2]). Такимъ образомъ, и эту клаузулу приходится считать характерной только для отступныхъ.

Въ результатѣ сравненія формуляровъ двухъ сходныхъ съ тогдашней точки зрѣнія разновидностей частныхъ актовъ приходится отмѣтить, что различіе ихъ съ формальной стороны обусловливается несомнѣнно характеромъ объекта, который является предметомъ сдѣлокъ по обоимъ актамъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ это чаще всего земля съ ея угодьями и постройками, но въ отступныхъ въ теченіе всего періода почти постоянно отмѣчается при этомъ, что это—земля великаго князя и только посилье или владѣніе даннаго лица, которое, въ сущности, не продаетъ ее (какъ въ купчихъ), а уступаетъ другому лицу, въ виду невозможности платить съ нея государевы подати и земскіе розметы. Но если въ общемъ смыслѣ вся земля Двинского уѣзда считалась принадлежащей великому князю, то отсюда, какъ кажется, вытекаетъ необходимость установить подробнѣе, какая же категорія великокняжескихъ земель является предметомъ сдѣлокъ по отступнымъ, если отъ особенностей этой земли измѣняется видъ акта. Въ зависимости отъ рѣшенія этого вопроса выяснится, какъ кажется, и понятіе «посилья», которое до сихъ поръ остается безъ ближайшаго опредѣленія.

---

[1]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 120 — 122; т. XXV, Акты Лодомской церкви, стб. 186; № 14385/1, гл. 84 и 175; Сборн. Троице-Серг. Лавры, № 532, Двина, гл. 169.

[2]) № 14385/1, гл. 83; другія отступныя Заостровской волости—ibid., гл. 54, 62, 64, 80. Такое же вліяніе формуляра одного акта на другой см., напр., въ «закладной» 1611 г. на дер. на Курооcтровѣ, гдѣ встрѣчается та же клаузула о причинѣ заклада.—А. Г. Р., т. I, с. 254—255; ср. ibid. с. 256.

Указанія на землю великаго князя встрѣчаются въ самыхъ раннихъ двинскихъ актахъ, писанныхъ вскорѣ послѣ присоединенія края къ Москвѣ. Такія упоминанія находятся, напр., въ мѣновной 1490—91 г. на поле земли Николаевскаго Чухченемскаго монастыря, промѣненное Никольскимъ старостой Иваномъ Матвѣевымъ Онуфрію Ефимьеву и его племянникамъ на поле Савельевское; первое поле было въ межахъ «снизу с великого князя землею, а от леса с Урвановскою, а с верхнего конца по ручей и до реки Двины» [1]). Урвановская земля принадлежала тому же монастырю по данной игумена Василія, который купилъ её у Матвѣя Урвана [2]). Въ закладной 1497 г. на землю въ той же Чухченемской волости закладываемая земля оказывается также «с нижного коньца с князя великого землею в межахъ» [3]). Цѣлый рядъ другихъ частныхъ актовъ первой половины XVI в. въ качествѣ смежныхъ земель указываетъ иногда земли великаго князя. Такъ, въ «подпустной» (данной) 1528 г. на треть дер. Петрушинской Большой (Койдокурской вол.), «куплю отца» вкладчика, вкладная земля въ межахъ съ одной стороны съ Павломъ Чечулинымъ, а «з другую сторону в межахъ великого князя землю»; въ «купчей» 1532 г. на деревню на усть Великой Курьи (Курейской вол.) «межи тимъ землямъ по старымъ межамъ: на горы у двора два поля, а в межехъ с нижнего края со Ивановыми землями Онисимова от реки и до леса, а с верхную сторону с великого князя землями в межахъ от берегу и до леса улица, да задная полянка, а въ межахъ по сторони тое полянки от реки с великого князя землею, а с верхнаго конца с великого же князя землею межа улица до леса» и т. д.; по купчей 1538—39 г. на треть деревни на Ухтоостровѣ, «вотчину» отца продавца, между прочимъ, переходитъ «треть дворнево поля, Михайловъ (продавца) участокъ весь от улици, от великого князя земли...» и др. Въ единственномъ случаѣ и въ «отступной» 1534 г., относящейся къ Чухченемской вол. въ качествѣ смежныхъ земель указана земля великаго князя [4]). Если, съ другой стороны, обратимъ вниманіе на то, что въ мѣстностяхъ, гдѣ присутствіе великокняжеской земли несомнѣнно по указаніямъ на нее отступныхъ, наряду со сдѣлками по отступнымъ, купля-продажа совершается въ формѣ купчихъ, то,

---

[1]) Сборн. Троице-Серг. Лавры, № 532, л. 1111.

[2]) *А. А. Шахматовъ*, «Изслѣд. о двинск. грам.», ч. II, №№ 12 и 24.

[3]) *І. М. Сибирцевъ* и *А. А. Шахматовъ*, «Еще нѣсколько двинск. грам. XV в.», СПБ. 1909, № 135.

[4]) № 4088/6—ср. № 4103/21; № 14385/1, гл. 20 и 34; Р. И. Б., т. XIV, стб. 33—тотъ же участокъ и съ указаніемъ тѣхъ же межъ въ «данной» 1543 г. № 4102/20; № 14385/1, гл. 22.

въ сущности, отличіе объекта отступныхъ отъ такового же купчихъ какъ будто исчезаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, выше отмѣчено, что отступныя относятся, напр., къ Куроостровской вол., но, пожалуй, кромѣ извѣстныхъ мнѣ четырехъ Куроостровскихъ отступныхъ, значительно больше однородныхъ сдѣлокъ совершалось тамъ же и въ то же время въ формѣ купчихъ [1]); такое же замѣчаніе можно сдѣлать относительно Ровдогорской вол., гдѣ наблюдается та же картина [2]); впрочемъ, писецъ 1532 г., Миша Григорьевъ, на дер. Перхурьевскую на Ровдиной горѣ пишетъ обыкновенную купчую, а на наволокъ Филковъ той же волости, «землю великаго князя», онъ же пишетъ «посильную» (отступную) [3]). Далѣе, земли Курейской волости переходятъ при куплѣ-продажѣ обычно по купчимъ [4]), но въ предѣлахъ той же волости находился островъ Солотковъ, жеребьями котораго владѣли крестьяне той же Курейской волости, и, какъ извѣстно, эти жеребьи «продавались» ими по отступнымъ; писцы актовъ сдѣлки по куплѣ-продажѣ на земли въ предѣлахъ собственно волости облекаютъ въ форму купчихъ, а на земли о. Солоткова тотъ же типъ сдѣлки фиксируютъ при помощи отступныхъ [5]). Правда, съ 70-хъ годовъ XVI в. одинъ и тотъ же писецъ на одинъ и тотъ же объектъ нерѣдко пишетъ то купчія, то отступныя [6]), но 70-е годы и позже—время, когда (какъ увидимъ ниже) грань между купчими и отступными стирается, когда послѣднія все рѣже встрѣчаются. Врядъ-ли будетъ, однако, правильнымъ полагать, что и ранѣе того писцы актовъ не различали этихъ двухъ разновидностей, другими словами, объяснять все дѣло случайностью, плодомъ творчества «волостныхъ писарей», въ языкѣ которыхъ «можно встрѣтить не мало оригинальнаго». Различіе между двумя актами несомнѣнно проводилось и зависѣло отъ характера той земли, точнѣе того вида ея, который служилъ предметомъ сдѣлки.

---

[1]) См., напр., купчія, относящіяся къ Куроостровской вол., № 14385/1, гл. 11, 14, 17, 32 и др.; ср. закладныя тамъ же—ibid., гл. 13.

[2]) № 14385/1, гл. 21; *В. Крестининъ*, о. с., с. 52—54—отступныя. № 14385/1, гл. 18, 19, 37, 45, 46—купчія.

[3]) Ibid., гл. 19 и 21.

[4]) № 14385/1, гл. 20, 34, 42, 43, 48, 51, 52 и др.

[5]) См., напр., акты, писанные Васюкомъ Яковлевымъ с. Соломой,—купчія 1532 и 1534 гг. на земли усть-Великой Курьи — № 14385/1, гл. 20, 34, и отступныя на доли о. Солоткова 1539 и 1542 г.—ibid., гл. 26 и 33; имъ же писана отступная 1547 г. на пожни на Мучеостровѣ—Р. И. Б., т. XIV, стб. 41.

[6]) См., напр., «отступную» 1585—86 г. на часть Великопогостской дер. и «купчія» 1586 и 1588 гг. на землю тамъ же, писанныя «Заостровскимъ дьячкомъ» Иванцомъ Марковымъ—№ 14385/1, гл. 83, 84, 87. Ср. также Р. И. Б., т. XIV, стб. 338—339 и стб. 336—337.

Въ самомъ дѣлѣ, въ общемъ смыслѣ, какъ уже сказано, земля, которою владѣли крестьяне часто по «крѣпямъ», относящимся еще ко временамъ Новгородскаго владычества, признавалась ими иногда также землей великаго князя [1]), нерѣдко, повидимому, послѣднее понятіе суживалось и относилось только къ землѣ, у которой не было «вотчичовъ» [2]), а часто и совсѣмъ забывалось [3]). Во всякомъ случаѣ, признаніе верховныхъ правъ великаго князя на землю довольно долго и послѣ присоединенія края къ Москвѣ, дѣйствительно, не имѣло никакого реальнаго значенія; крестьянское «владѣніе» имѣло всѣ признаки права собственности. Вопреки утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ, переносящихъ позднѣйшую правительственную практику XVII в. на XVI в. [4]), за весь XVI в. пока неизвѣстно указовъ, которыми бы государство пыталось стѣснить крестьянъ въ ихъ распоряженіяхъ своими «владѣніями» или «вотчинами», т.-е. владѣніями, доставшимися отъ отца [5]). Впрочемъ, была, однако, и въ XVI в. категорія земель, которыя сами крестьяне, дѣйствительно, признавали принадлежащими великому князю и по аналогіи со своими считали его вотчиной. Это такъ называемыя *оброчныя земли великаго князя.*

Происхожденіе ихъ до сихъ поръ не вполнѣ ясно, какъ не выяснена и вся исторія Двинской земли за послѣдніе годы XV в. и большей части XVI в. Почти полное молчаніе лѣтописей и отсутствіе другихъ источниковъ, относящихся къ исторіи края за это время, не даютъ возможности, хотя бы въ общихъ чертахъ, нарисовать тѣ измѣненія, которыя были внесены въ жизнь края присоединеніемъ къ Москвѣ. Извѣстно, однако, что присоединеніе это совершилось не сразу. Еще въ новгородское время московскіе государи имѣли земли въ Двинскомъ краѣ [6]), но до 1471 г. это были, повидимому, случайныя и мелкія пріобрѣтенія, слѣды которыхъ съ трудомъ удается возстановить. Другой характеръ носили пріобрѣтенія 1471 г. Въ силу хорошо извѣстныхъ обстоятельствъ новгородцы уступили тогда великому князю часть острововъ Двинского устья, а также рядъ пунктовъ по Зимнему, Лѣтнему и Корельскому

---

[1]) См., напр., правую грамоту 1530 г. въ Р. И. Б., т. XIV, А, № XVII, особенно стб. 20—22.

[2]) А. Ю., № 18 (Арх. Строева, т. I, № 123)—правая грамота 1530 г.

[3]) А. Ю., № 19 (Арх. Строева, т. I, № 125) — правая грамота 1532 г.; «Москвитянинъ» 1846 г., № 10, с. 155—169—правая грамота 1535 г.

[4]) Ср. *А. Я. Ефименко*, о. с., с. 255.

[5]) Ср. Судебникъ 1589 г., ст. 165. *М. М. Богословскій,* о. с., т. I, с. 53; его же, «Еще къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.» — Ж. М. Н. Пр. 1915 г., декабрь, с. 368.

[6]) *А. Я. Ефименко,* о. с., с. 270.

берегамъ Бѣлаго моря и въ другихъ мѣстахъ обширнаго Двинскаго уѣзда [1]). Эти земли (наряду съ землями въ Каргопольскомъ и Важскомъ уѣздахъ) составили основной фондъ государевыхъ земель въ Поморьѣ. Въ 1478 г. весь остальной край былъ также присоединенъ къ Москвѣ. Какая судьба постигла вновь пріобрѣтенныя земли—были ли онѣ отписаны на Дворецъ, какъ это дѣлалось съ новгородскими землями въ раннія конфискаціи, или онѣ были переведены въ разрядъ оброчныхъ земель великаго князя; что сталось съ землями мелкихъ двинскихъ собственниковъ, составлявшихъ главную массу двинского населенія [2]),—всѣ эти вопросы и рядъ другихъ остаются невыясненными. Не сохранилось точныхъ указаній и на время, когда были описаны впервые вновь присоединенныя земли. Надо полагать, что и къ Двинскому краю относилось пожалованіе великаго князя, «что имъ самимъ дань збирати и отдавати, кому у нихъ велятъ имати, а *писцевъ* и даньщиковъ *къ нимъ не посылати*» [3]). Но, повидимому, тѣ же причины, что и въ Новгородскихъ пятинахъ [4]), побудили великаго князя послать писцовъ и на Двину. У М. А. Дьяконова первыми двинскими писцами отмѣчены Тимофей Михайловичъ Аѳонасьевъ съ товар. «ранѣе 1542 г.» [5]); С. А. Шумаковъ отодвигаетъ ихъ письмо ко времени предшествующему 1511 г. [6]). Но, кажется, можно еще точнѣе установить время этого описанія. Въ правой грамотѣ 1535 г. на земли и угодья въ Уемской волости, въ отвѣтъ на ссылку истца-старца Архангельскаго мон-ря Іоны «на великаго князя книги, что... в Уймѣ написано в великого князя книгахъ тридцать обежъ опричь Никольские земли, и в тихъ... в тритцати обжахъ Архангелу три обжи», судьи, въ свою очередь, спросили старца Іону: «почему вы до сихъ мѣстъ (1535 г. декабря) за полчетвертатцать лѣтъ не искали...» [7]). Послѣднее указаніе и даетъ основаніе относить описаніе Тимофея Аѳонасьева къ 1496 г., т.-е. ко времени, когда происходило описаніе новгородскихъ пятинъ, въ частности Обонежской пятины, и, можетъ быть, Важскаго уѣзда [8]). Отъ описанія 1496 г. до насъ почти ничего не сохранилось, если не считать (кромѣ упомянутой) еще

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 94, I, II.

[2]) *А. Я. Ефименко*, о. с., с. 196—197; *А. А. Шахматовъ*, о. с., ч. I, с. 52—53.

[3]) П. С. Р. Л., т. XII, с. 184.

[4]) Ср. *К. Неволинъ*, «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ», с. 11.

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1893 г., № 7, с. 225.

[6]) «Сотницы, грамоты и записи», в. 3-й, М. 1904, с. 1, прим. 1-е.

[7]) «Москвитянинъ» 1846 г., № 10, с. 167.

[8]) А. И., т. III, № 75, с. 71—72; Арханг. Губ. Вѣд. 1870 г. № 92—статья «Способы измѣренія земли крестьянами Арханг. губ.».

двухъ небольшихъ выдержекъ [1]). Повидимому, по своему типу описаніе Тимофея Аѳонасьева едва ли отличалось отъ извѣстныхъ писцовыхъ описаній Новгородскихъ пятинъ 1495—1505 гг. Изъ сохранившихся скудныхъ данныхъ, касающихся этого письма, одно, въ особенности, обращаетъ на себя вниманіе. Въ грамотѣ 1542 г. великаго князя Ивана Васильевича «на Двину Михалю Григорьеву сыну Косицына и Васюку Степанову сыну Высоково» [2]), данной по челобитью Нечая и Истомы Пятутиныхъ, приводится, между прочимъ, такая выдержка изъ древнѣйшихъ двинскихъ писцовыхъ книгъ: «а в книгахъ в писцовыхъ писма Тимоѳѣя Михаилова сына Оѳонасева с товарищи написано: в Колмогорской лукѣ великого князя деревни оброчные на Солоткомъ острове Григорьевские земли Тучина на пять коробей ржи, а сѣна косятъ шестьдесятъ копенъ; а пашутъ ту землю Кропотка да Гридка Подстѣнковы обжа» [3]).—Передъ нами, какъ кажется, знакомая картина современныхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, Григорій Тучинъ — одинъ изъ видныхъ новгородскихъ бояръ, бывшій посадникъ, собственникъ крупныхъ земельныхъ владѣній въ разныхъ пятинахъ новгородскихъ [4]), а также, какъ видно изъ даннаго мѣста, имѣвшій земли въ Курейской

---

[1]) А. Ю. Б., т. II, № 173, V, стб. 551; Акты, относящ. къ исторіи тягл. насел. въ Московск. госуд., в. II, № 12. Впрочемъ, объ обложеніи по письму 1496 г. есть кое-какія архивныя данныя (о чемъ ниже).

[2]) Оффиціальное положеніе этихъ лицъ не устанавливается по извѣстнымъ мнѣ актамъ; во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ нихъ не является соцкимъ, на имя которыхъ нерѣдко направлялись государевы грамоты (соцкимъ въ 1540—1543 гг. состоялъ Васюкъ Бачуринъ—«Лѣтопись Двинская» (М. 1889), с. 9, №№ 4097/15, 4099/17); тѣ же лица упоминаются въ подтвержденіи грамоты въ 1556 г. — Михаилъ Григорьевъ с. Косицынъ — «цѣловальникъ» въ 1532 г. (№ 14385/1, гл. 20); въ 1555 г. былъ посланъ вмѣстѣ съ другими «лучшими людьми» на Мурманъ къ англійскимъ кораблямъ, а въ 1556 г. ѣздилъ съ Осипомъ Непеей въ Англію, причемъ лѣтопись называетъ его «гостемъ» («Лѣтопись Двинская», М. 1889, с. 11 — 13). Въ 1579 г. Терентій, Иванъ Большой и Яковъ Михайловы дѣти Косицына продали Ивану Григорьеву сыну Мотовилову «отца своего Михаила куплю, треть деревни въ Курейской волости усть Курьи Граѳьинской дер., что отецъ нашъ купливалъ у Юрьевыхъ дочерей у Зеновьи и Марьи... и... у Ѳомы Емельянова» въ дер. Ѳоминской той же волости—№ 14385/1, гл. 65.—Василій Степановъ с. Высоково вмѣстѣ съ двумя другими лицами отписывалъ въ 1551 г. по государевой грамотѣ Никол. Корельскій мон-рь строителю Киріаку — А. И., т. I, № 158.

[3]) «Акты, относящ. къ исторіи тягл. насел. въ Московск. госуд.», в. II, № 12.

[4]) О Григ. Тучинѣ — см., напр., П. С. Р. Л., XII, 159, 163, 164, 173; XX, 314, 316, 317 и 321; *Н. М. Карамзинъ*, VI, 121.—Объ его земляхъ, напр., въ Важской обл. — А. А. Э., т. I, № 94, II, с. 74; въ Шелонской пятинѣ въ

волости и, м. б., въ другихъ волостяхъ Двинского края [1]). Новгородскія владѣнія его, какъ извѣстно, были конфискованы на государя, но та же судьба постигла и его двинскія земли: онѣ попали какъ и часть конфискованныхъ новгородскихъ земель въ разрядъ оброчныхъ деревень великаго князя. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Двинского уѣзда конца XV в. намѣчается одна группа земель великаго князя, которая ни по своему происхожденію, ни по характеру обложенія (о чемъ ниже) не отличалась отъ оброчныхъ земель великаго князя новгородскихъ пятинъ; въ послѣднихъ же—это конфискованныя на государя земли, на которыя взамѣнъ дохода частнаго владѣльца былъ положенъ особый (денежный или хлѣбный) оброкъ на государя [2]). Подобно новгородскимъ землямъ, всѣ двинскія земли (включая сюда и оброчныя) были обложены съ 1478 г. также обежной данью; съ нихъ же сбирался намѣстничій кормъ и всякіе земскіе разметы. На такой податной характеръ оброчныхъ земель великаго князя, конфискованныхъ отъ Григорія Тучина, указываетъ та же грамота 1542 г.; въ ней, между прочимъ, читаемъ: «а сказываетъ, что деи за ними на Двинѣ в Колмогорской лукѣ середи реки Двины на Солодкомъ острову пашня и всякие угодья *и с того деи они острова нашу дань и всякие потуги платятъ да и посошную службу с нихъ нарежаютъ»*. О взиманіи съ оброчныхъ земель о. Солоткова сверхъ оброка, въ данномъ случаѣ хлѣбнаго, дани и прочихъ податей говоритъ постоянно клаузула третья отступныхъ на земли «великаго князя» на этомъ островѣ.

Оброчныя земли находились, конечно, не только на о. Солотковѣ; присутствіе тѣхъ же земель несомнѣнно, напр., на Куроостровѣ, къ которому относится также нѣсколько отступныхъ. Такъ, «лѣта 7055 разрубили Куроостровскіе волощане старосте Игнатью брати дань великого князя по книгамъ письма Тимофея Михайлова с. Ѳѳонасьева с товар.» (1496 г.); какъ указано въ разрубѣ, по этимъ книгамъ «съ оброчныхъ деревень великаго князя» шло «по 14 алтынъ с сошки за бѣлку». Разрубы той же волости (7055 и 7056 гг.) называютъ два ряда сохъ на Куроостровѣ, именно «чернокунскія» и «княщинныя», причемъ изъ сопоставленія суммы

ст. *В. Ф. Загорскаго* (Ж. М. Ю., 1909, окт., с. 292, 294) и у *А. М. Андріяшева* («Матер. по историч. геогр. Новгор. земли», I. М. 1914, с. 6, 16, 99, 117, 154, 175, 254, 273, 274).

[1]) Ср. дер. Тучинская Заостровской вол. и дер. Тучинская Курейск. вол.—№№ 4107/25, 14385/1, гл. 49; М. А. М. Ю., писц. № 11, л. 1850.

[2]) *А. Никитскій*, «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода», М. 1894, с. 204—206, 214—215; *М. А. Дьяконовъ*, Рец. на 3-ій томъ «Древн. русск. права» В. И. Сергѣевича—Ж. М. Н. Пр., 1904, іюль, с. 177—178; *В. Ф. Загорскій*, о. с.,—Ж. М. Ю., 1909, ноябрь, с. 293—301; и др.

платежей съ тѣхъ и другихъ по мірской раскладкѣ податей ясно, что кнященныя сохи обложены тяжелѣе, разница же въ размѣрѣ раскладки равна въ одномъ изъ разрубовъ (7056 г.) какъ разъ четырнадцати алтынамъ съ сошки, которые, какъ отмѣчено выше, шли съ «оброчныхъ деревень великаго князя»; на основаніи этого, какъ кажется, можно предполагать, что подъ именемъ кнященныхъ сохъ разумѣются сохи именно оброчныхъ деревень великаго князя [1]).— Возможное на основаніи приведенныхъ данныхъ отождествленіе нѣкоторыхъ оброчныхъ земель съ кнященными, которыя отличаются отъ чернокунскихъ земель не только въ Куроостровской вол., но также въ волостяхъ Ухтоостровской и Заостровской [2]), въ виду особаго значенія термина княщина въ современныхъ актахъ, вызываетъ необходимость постановки вопроса о томъ, не были-ли оброчныя земли (или часть ихъ) отписаны на Дворецъ. Въ самомъ дѣлѣ, терминъ «княщина» въ современныхъ памятникахъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: во-1, это подать въ пользу великаго князя [3]), и во-2, это княжескія земельныя имущества въ Новгородской области [4]). Куроостровская же вол., лежавшая на Куроостровѣ [5]), гдѣ, между прочимъ, отмѣчено употребленіе этого термина, была при-

---

[1]) И. Акад. Наукъ, Куроостр. столбцы, 45. 7. 113, 114; въ разрубѣ 7056 г. разница въ раскладкѣ 14 а. 1 д., но тотъ же разрубъ отмѣчаетъ, что съ кнященныхъ веревокъ сбиралась сверхъ всего деньга за пустую веревку.—Ср. ниже с. 162 прим. 1-е о безразличномъ употребленіи терминовъ соха и сошка.

[2]) Среди раннихъ отступныхъ извѣстна «отступная» 1547 г. Емельяна Епифанова «с Ухтострова» Роману Исаеву с. Кузнецу на «великаго князя землю, а свое посилье» на Мучеостровѣ, на половину пожни Степанцово, владѣнье, доставшееся Емельяну отъ племянника (Р. И. Б., т. XIV, стб. 41). Въ 1552 г. тотъ же Емельянъ Епифановъ «промѣнилъ» упомянутому Роману другую половину той же пожни, причемъ межа этой половины указывается такъ: «а въ межахъ с великого князя землею с Сидоровичи, а с нижнего конца с Романовою же землею в межахъ, что Романъ купилъ у Омельяна тое же *княщинѣ* (?-ы), а по обѣмъ сторонамъ с великого князя землею в межахъ» (ibid., стб. 51).—Въ дѣльной 1554—55 г. Игнатія Большого и Игнатія Костицы Терентьевыхъ дѣтей Стеѳановыхъ на земли въ Великомъ Погостѣ Заостровской вол., первому, между прочимъ, «досталося [в] *княщинѣ* дворнего поля половина», причемъ «*княщинное* дворище» было не раздѣлено (№ 14385/1, гл. 31); еще яснѣе дѣленіе на черныя и кнященныя земли см. въ отступной 1561 г. Игнатія Костицы (т.-е. младш. изъ двухъ братьевъ) племяннику Ѳомѣ на «деревню» тамъ же, состоявшую изъ половины «поля церковнаго *черные* земли, да подле курью поле все... да на клинци лоскутъ *княщинны*, да на пожни пол-лоскута и з закраиною *черной* «(ibid., гл. 54; ср. гл. 62).

[3]) Софійск. Времен., т. I, с. 380, 381.

[4]) Новгор. лѣтоп. по Синодальн. списку, с. 416; ср. *Н. М. Карамзинъ*, V, 157, пр. 283.

[5]) М. А. М. Ю., писц. № 10, лл. 824—888 об.

соединена къ Москвѣ въ два пріема, причемъ половина острова отошла къ великому князю въ 1471 г. [1]). Не указываетъ-ли приведенное выше дѣленіе, что «княщинныя сохи» были присоединены именно въ 1471 г. и тогда же отписаны на Дворецъ, подобно тому, какъ въ новгородскихъ пятинахъ конфискованныя земли отписывались въ раннюю эпоху также непосредственно на великаго князя [2]). Съ другой стороны, управленіе дворцовыми селами на мѣстахъ находилось обычно въ рукахъ ключниковъ или посельскихъ, къ обязанностямъ которыхъ, между прочимъ, относился сборъ посопнаго хлѣба въ государевы житницы. О существованіи же государевыхъ ключниковъ на Двинѣ встрѣчается указаніе въ грамотѣ 1543 г. «на Двину, на Матигоры, ключникомъ Онцыфорику Федорову да Ивашку Захарову» о дачѣ Архангельскому монастырю ежегодной хлѣбной руги изъ великокняжескихъ житницъ на Двинѣ [3]). Что же касается послѣднихъ, то, помимо только что приведеннаго, на нихъ указываютъ почти всѣ отступныя на земли острововъ Солоткова и Лисьяго; число этихъ указаній можно бы увеличить выдержками изъ жалованныхъ грамотъ другимъ двинскимъ монастырямъ (кромѣ Архангельскаго) [4]).

Приведенныя данныя о государевыхъ житницахъ и ключникахъ, можетъ быть, относятся къ дворцовымъ землямъ Двинского уѣзда, тѣмъ болѣе, что въ одинаковыхъ по происхожденію, сосѣднихъ съ Двинскимъ, Каргопольскомъ и Важскомъ уѣздахъ существованіе

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 94.

[2]) *Д. Я. Самоквасовъ*, «Архивн. матеріалъ», т. I, с. 76; *В. Сергѣевичъ*, «Древн. русск. права», т. 3-й (изд. 2), с. 124.

[3]) И. П. Б., Погод. № 1911, списки съ грамотъ Арханг. мон-ря, гл. 1; грамота 1543 г. была подтверждена въ маѣ 1551 г., причемъ «Матигорскимъ ключникомъ» велѣно давать ругу только 12 «братамъ». Возможно, что упоминаемый Двинской лѣтоп. подъ 1555 г. въ числѣ лучшихъ людей «Амфилохій посельскій» былъ также княжескимъ посельскимъ («Лѣтоп. Двинская», М. 1889, с. 11).

[4]) Ср. выше о клаузулѣ третьей.—Въ жалов. грам. 1545 г. Антоніеву Сійскому мон-рю (№ 4109/27): «милостинной хлѣбъ емлете по старымъ моимъ жалованнымъ грамотамъ»; въ описи мон-ря 1556 г. упоминается «хлѣбная грамота»—ср. въ жалов. грам. тому же мон-рю 1605 г.: «и по Ивановымъ книгамъ Заболоцкаго монастырская вотчина по отца нашего блаженныя памяти ц. и в. кн. Ивана Васильевича всея Руси жалованной грамотѣ обѣлена при начальнике Антоніи чудотворцѣ (сконч. въ 1556 г.) за хлѣбную милостину за 160 чети ржи, а овса тоже, что онѣ имали изъ нашихъ житницъ руги на Двинѣ (въ описи 1556 г.: «да выписка новому письму обѣльная Ивана Петровича [Заболоцкаго] за черною печатью»)—*Макарій*, «Историч. свѣдѣнія объ Антон. Сійск. мон-рѣ», М. 1878, с. 9, 10, 34.—«Хлѣбная грамота» была также у Николаевскаго Корельскаго мон-ря по описи 1551 г. — А. И., т. I, № 158 (Арх. Строева, т. I, № 186).

дворцовыхъ земель еще во второй половинѣ XVI в. несомнѣнно, причемъ въ Важскомъ уѣздѣ дворцовыя земли даже называются «князщинскими» [1]), но несмотря на всѣ эти свидѣтельства настаивать категорически на основанiи только приведенныхъ данныхъ, что оброчныя или князщинныя земли относились къ дворцовымъ, едва-ли можно: вѣдь, не вполнѣ, напр., ясно, кѣмъ сбирался хлѣбный оброкъ въ новгородскихъ оброчныхъ (не дворцовыхъ) деревняхъ великаго князя?... Если принять во вниманіе, что и съ оброчныхъ и съ дворцовыхъ земель оброкъ еще въ серединѣ XVI в. поступалъ въ единую государеву казну, то, возможно, что и характеръ сбора его (государевыми ключниками въ житницы на мѣстахъ сбора) былъ одинаковъ для обѣихъ категорій земель.

Но какъ бы ни рѣшался вопросъ о дворцовыхъ земляхъ въ Двинскомъ уѣздѣ, несомнѣнно присутствіе въ немъ оброчныхъ или князщинныхъ земель. Если принять, далѣе, во вниманіе приведенныя выше данныя о мѣстностяхъ, къ которымъ относятся отступныя на земли великаго князя, и сопоставить эти свѣдѣнія съ указаніями актовъ на мѣстоположеніе оброчныхъ или князщинныхъ земель, то едва-ли можно сомнѣваться, что *объектомъ сдѣлокъ по отступнымъ является земля великаго князя оброчная* въ отличіе отъ черной или чернокунской, которая при куплѣ-продажѣ переходила по обыкновеннымъ купчимъ. Нельзя не замѣтить, однако, что изложенное опредѣленіе объекта сдѣлки по отступной не можетъ, повидимому, относиться ко всему XVI в. Въ самомъ дѣлѣ, въ упомянутой выше отступной 1561 г., относящейся къ Заостровской вол., къ новому владѣльцу, кромѣ князщинныхъ земель, переходятъ также участки черной земли, причемъ, по указанію акта, «всее тое земли (князщинной и черной) полторы веревки», т.-е. всей земли по мѣстной единицѣ обложенія,—то передъ нами фактъ новый по сравненію съ приведеннымъ выше точнымъ разграниченіемъ Куроостровскихъ князщинныхъ и черныхъ сошекъ въ первой половинѣ XVI в., фактъ смѣшенія тѣхъ и другихъ въ общую окладную массу, независимо отъ первоначальнаго характера принадлежности земли, столь ясно различаемой не только разрубами 7055 и 7056 гг., но несомнѣнно и самими контрагентами, а также писцами актовъ—купчихъ и отступныхъ. Указанное наблюденіе приводитъ къ необходимости выясненія еще одного вопроса, именно, причины такой перемѣны, а послѣдняя, какъ кажется, стоитъ въ связи съ совокупностью обстоятельствъ,

[1]) *Н. Рожковъ*, «Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.», М. 1899, с. 222 (Каргоп. у.).—Р. И. Б., т. XIV, стб. 175—176. (Важск. у.).

отраженіемъ которыхъ въ нашихъ актахъ является клаузула третья о причинѣ отступки, встрѣчающаяся, какъ сказано выше, почти во всѣхъ отступныхъ до 60-хъ гг. XVI в. и тѣсно связанная съ вопросомъ о податномъ обложеніи мѣстнаго населенія.

По писцовымъ книгамъ Тимофея Аѳонасьева 1496 г. съ каждой двинской сохи или сошки [1]) шло великаго князя дани по 7 бѣлъ за горностали, по 7 бѣлъ обежныхъ, поральскихъ по 2 деньги, ямскихъ денегъ по 6 алтынъ безъ деньги, пищальныхъ денегъ 7 бѣлъ; сверхъ того, какъ уже отмѣчено, съ оброчныхъ деревень великаго князя по 14 алтынъ съ сошки, вытной и смотренной по деньгѣ («и наметъ на поральскія деньги в тое же деньгѣ»); кромѣ того, очевидно, позже 1496 г., въ составъ дани вошелъ морской оброкъ, — вмѣстѣ же съ разными волостными розметами, не включая сюда, однако, намѣстничьяго корма, въ 7055 г. съ Куроостровскихъ сохъ чернокунскихъ брали по $29^1/_2$ алтынъ, а съ княщинныхъ — по рублю съ гривною, въ 7056 г. съ первыхъ — по рублю восьми денегъ, со вторыхъ же по полтора рубля безъ 7 денегъ [2]). Т. обр., княщинныя или оброчныя земли были обложены, какъ уже упомянуто выше, тяжелѣе черныхъ. По тѣмъ же книгамъ на нѣкоторыя оброчныя деревни былъ положенъ не денежный оброкъ, а хлѣбный; послѣднее, напр., имѣло мѣсто въ оброчныхъ деревняхъ островов Солоткова и Лисьяго, а также въ вотчинахъ Антоніева Сійскаго до 1556 г., составившихся въ значительной части изъ пожалованныхъ въ 1543 г. земель [3]). О размѣрѣ хлѣбнаго оброка, по отсутствію данныхъ, сказать что-либо трудно. Но во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе мѣстныя условія, нельзя, кажется, отрицать, что третья клаузула отступныхъ (напр., въ отступной 1549 г. «а не измоглъ есми ни службы служити ни дани давати ни вол[о]стныхъ ни земскихъ розрубовъ ни в житницу великаго князя хлеба сыпати»), въ частности, въ отношеніи обязательства сыпать оброчный хлѣбъ въ житницу великаго князя, имѣла подъ собой вполнѣ реальныя основанія. Въ самомъ дѣлѣ, указаніе на то, что «во всемъ Поморье по многіе лѣта хлѣбъ морозомъ побиваетъ и водою потопляетъ и пескомъ замываетъ», [4]) справедливо также въ отношеніи тѣхъ деревень, на которыя былъ

[1]) Въ первой половинѣ XVI в. оба термина употреблялись на Двинѣ безразлично — Акты Лодомск. церкви (Р. И. Б., т. XXV), стб. 17, 22, 24, 30, 35 и др.

[2]) И. Акад. Наукъ, Куроостр. столбцы, 45. 7. 112—114.

[3]) № 4099/17 и 4109/27—жалованная грамота 1545 г. Антоніеву Сійскому мон-рю на судебныя и податныя льготы: «а дань мою великого князя и ямские деньги и посошную службу и хлѣбной оброкъ и горностали даютъ по книгамъ і по моимъ жаловальнымъ грамотамъ».

[4]) И. П. Б., Погод. № 1911, грам. Арханг. мон., гл. 18.

положенъ хлѣбный оброкъ. Правда, до насъ дошли отъ первой половины XVI в. два противоположныхъ извѣстія о плодородіи Двинской области, въ частности острововъ Двинской дельты. Одно изъ нихъ принадлежитъ Павлу Іовію Новокомскому, по словамъ котораго, разлитіе Двины имѣло такія же благодѣтельныя послѣдствія для прибрежныхъ земель, какъ выходъ Нила изъ береговъ. По словамъ же Герберштейна, Двинская область именно примѣчательна безплодіемъ своей почвы [1]). Едва ли можно признать удачной попытку Е. Е. Замысловскаго примирить оба извѣстія такимъ образомъ, что «хлѣбная производительность (Двины) могла быть весьма незначительной въ XV—XVI в.», «потому что выгодные промыслы и торговыя сношенія могли служить главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ обитателей» [2]). Извѣстія второй половины XVI в., не говоря уже о данныхъ писцоваго описанія 1622—1624 гг., по которому качество земли волостей, расположенныхъ на островахъ Двины или по ея берегамъ, всюду середняя или худая земля,—подтверждаютъ скорѣе показанія Герберштейна [3]).

Но вопросъ о качествѣ почвы всетаки еще не разрѣшаетъ вопроса объ урожайности хлѣбовъ; здѣсь надо принять во вниманіе отмѣченныя выше неблагопріятныя климатическія и природныя условія. Слѣдствіемъ всего этого являются нерѣдкія указанія лѣтописи на голодъ въ Двинской области [4]). Если въ силу приведенныхъ условій выполненіе оброчной повинности въ ея натуральномъ видѣ ложилось нерѣдко тяжелымъ бременемъ на оброчниковъ, то денежный оброкъ въ 14 алтынъ съ сошки оброчныхъ деревень, при всѣхъ прочихъ равныхъ съ остальными черными крестьянами податяхъ, былъ, повидимому, нисколько не легче натуральнаго оброка. Тяжелый оброкъ вызывалъ у обѣихъ группъ оброчниковъ желаніе «отступиться» отъ оброчной земли.

---

[1]) *С. Герберштейнъ*, «Записки о московскихъ дѣлахъ».—*Пав. Іовій Новокомскій*, «Книга о Московитскомъ посольствѣ», Спб. 1908, с. 127, 261.—Ср. *Н. Рожковъ*, «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.», М. 1899, с. 43, 273.

[2]) «Герберштейнъ и его историко-геогр. извѣстія о Россіи», СПБ. 1884, с. 215—216.

[3]) См., напр., сотную 1586—87 г. на земли Арханг. мон-ря № (4264/182): всюду, гдѣ показано качество земли, она или середняя или худая; А. М. Ю., писц. № 10, л. 722, 757, 787, 862 об. (Куроостровская волость: 196 четей середн., 65 ч. худой, перелогу худой 186 ч., занесенной пескомъ, поросшей лѣсомъ и содранной льдомъ 34 ч., смытой водой 59 четей)—и др. Въ частности, на о. Солотковѣ указана также середняя и худая земля—писц. № 10, л. 740 об.—Ср. Арханг. Губ. Вѣд. 1891 г., № 23 (ст. *А. П. Ерюхина*).

[4]) «Лѣтопись Двинская», М. 1889, с. 10, 13.

Если по писцовому описанію 1496 г. весь о. Солотковъ былъ записанъ за двумя лицами, то уже въ первыя же десять лѣтъ послѣ того третья часть полуострова перешла къ третьему лицу, а отъ него въ 1506—07 г. къ новому лицу, въ 1535 г. на ту же шестую часть являются новые владѣльцы; вся же остальная часть острова (пять шестыхъ) была передана первыми оброчниками ранѣе 1510—11 г. двумъ другимъ лицамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ дальнѣйшее дробленіе острова; въ «полуостровѣ» уже ранѣе 1528 г. появляются «шестые жеребьи», и чѣмъ дальше, все больше новыхъ «складниковъ»; къ 40-мъ годамъ XVI в. въ актахъ встрѣчаемъ уже такія доли острова, какъ «в трети острова осмая доля», или «в четверти пятая доля»; дробленіе продолжалось и во вторую половину XVI в. [1]). Наряду съ этимъ, по мѣрѣ приближенія къ серединѣ вѣка, замѣчаются все болѣе частые переходы оброчной земли изъ рукъ въ руки [2]). Правительство оберегаетъ оброчныя земли и ихъ угодья отъ притязаній на нихъ черныхъ крестьянъ. Такъ, складническимъ союзомъ острова Солоткова еще ранѣе 1540 г. была получена «заповѣдная грамота» «на тотъ островъ на Солодкой, что было инымъ волощаномъ лесу не сѣчи ни рыбъ ловити», — въ виду утери этой грамоты она была возобновлена въ 1542 г. съ дополнительнымъ запрещеніемъ «хлѣбъ травити и скотъ пущати» [3]). Возможно, что принимались также нѣкоторыя мѣры къ задержанію быстраго оборота оброчныхъ земель, но постоянныя указанія отступныхъ первой половины XVI в. на невозможность платить съ оброчной земли тягло парализовали эти мѣры [4]). Всѣ изложенныя обстоятельства имѣли то послѣдствіе, что по первому же писцовому описанію края въ XVI в., начатому въ 1550—51 г. посопный хлѣбъ, лежавшій на отдѣльныхъ оброчныхъ земляхъ, былъ съ нихъ сложенъ и переведенъ на весь Двинской уѣздъ, самыя же оброчныя земли или были уравнены въ податномъ отношеніи съ черными землями и при волостной оцѣнкѣ стали входить въ общую массу земель даннаго лица, или же были обложены только однимъ оброкомъ или, по словамъ актовъ, оброкомъ съ данью вмѣстѣ. «Наказный списокъ», имѣвшійся у писцовъ [5]), и самыя писцовыя книги 7059—7061 гг. до насъ не дошли, поэтому приведенныя соображенія

---

[1]) «Акты, относящ. къ исторіи тягл. насел.», в. II, № 12; № 14385/1, гл. 8, 10, 15, 23, 26—28, 30, 33, 40, 41, 78, 128, 150, 154.

[2]) № 14385/1, гл. 40 и 41, 44 и 47.

[3]) № 14385/1, гл. 30 и «Акты, относящ. къ исторіи тягл. насел.», в. II № 12.

[4]) Ср. *А. Я. Ефименко*, о. с., с. 255.

[5]) Ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 307, 315.

приходится обосновывать случайными и разбросанными данными актовъ. Такъ, государевой грамотой 1557 г. (сентября—декабря) [1]) приказывается «з Двины с посадовъ с обѣихъ половинъ и становъ и волостей с черныхъ и с церковныхъ и с монастырскихъ и з своеземцевыхъ и з Пѣнегъ с обѣихъ» собрать «дань по книгамъ, по новому письму Ивана Петровича Заболоцкаго съ товарищи, и по сотнымъ грамотамъ на нынѣшнее лѣто 7066-е с семидесятъ да з дву сотъ большихъ да с четырехъ сошекъ малыхъ с полуобжею, опричь тѣхъ, которыя изо льготы вышли лѣта 7066 и лѣта 7065», съ перечисленіемъ далѣе податей, указанныхъ выше по писцовому описанію 1496 г. [2]), вмѣстѣ съ оброкомъ съ варницъ, тонь, пустошей и поженъ, въ суммѣ 682 р. 7 алт. безъ деньги; кромѣ того, велѣно собрать загубскій оброкъ, за посопный хлѣбъ, за 116 четв. ржи и 232 четв. ячменя, деньгами по мѣстнымъ цѣнамъ, за посошныхъ людей, городовое и засѣчное дѣло «съ большой сохи» по $1^1/_2$ р., за ямчугу и приметныхъ денегъ по полтинѣ съ сохи, и, наконецъ, пошлины казначеевы, дьячьи и подьячихъ. — Изъ изложенной грамоты видно, что посопный хлѣбъ сбирается по новому письму со всей Двины не натурой, а деньгами; такая же практика устанавливается и для послѣдующаго времени [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранившіяся платежныя отписи, напр., Лодомской волости, начинаютъ съ этого же времени въ числѣ прочихъ податей отмѣчать «и за хлѣбъ за посыпной деньги», сборъ до того времени неизвѣстный на Лодмѣ; такія же указанія встрѣчаются и въ отписяхъ Куроостровской волости [4]). Около этого же времени (между 1553 и 1558 г.) были упразднены государевы ключники на Двинѣ, а самый сборъ денегъ за посопный хлѣбъ перешелъ въ руки выборныхъ данныхъ старостъ, а на мѣстахъ волостныхъ старостъ [5]).

---

[1]) Грамота безъ конца—И. Акад. Наукъ, Куроостр. столбцы, 45. 7. 115.

[2]) У *С. Б. Веселовскаго*, о. с., с. 116, пропущены вытныя и пищальныя деньги; ср. *С. А. Шумаковъ*, «Сотницы, грам. и записи», в. 3, М. 1904, с. 3.

[3]) См., напр., Куроостр. столбцы, грамоты 1577 г. октября 8-го и 1581 г. августа 24-го.

[4]) Р. И. Б., т. XXV, Акты Лодомской церкви, № 75 (1558 г.); И. Акад. Наукъ, Куроостр. столбцы, 45. 7. 133.

[5]) Между 1553—1556 гг. вотчина Антоніева Сійскаго мон-ря, получавшаго хлѣбную ругу изъ государевыхъ двинскихъ житницъ, была, взамѣнъ выдачи ежегодной руги по 160 четей ржи и овса, обѣлена отъ податей (*Макарій*, о. с., с. 9—10, 34); въ февралѣ 1556 г. была подтверждена жалованная заповѣдная грамота Истомѣ Пятутину на о. Солотковъ; еще въ 1551 г. въ маѣ была подтверждена жалованная хлѣбная грамота Архангельскому монастырю съ приказаніемъ «Матигорскимъ ключникамъ» «хлѣбъ давати на ихъ срокъ», но грамотой съ прочетомъ 1558 г. марта 13, данной по челобитью мон-ря, велѣно уже «с Матигорского стану на старосте и на лучшихъ людехъ на

Если несомнѣннымъ является фактъ перевода хлѣбнаго оброка съ опредѣленной категоріи двинскихъ земель на весь Двинской уѣздъ, то менѣе ясно второе измѣненіе, внесенное въ положеніе оброчныхъ земель великаго князя писцовымъ описаніемъ Ивана Петровича Заболоцкаго и Дмитрія Ивановича Темирева «съ товарищи».

Это—уравненіе въ податномъ отношеніи оброчныхъ деревень съ черными. Какъ совершилось оно, точно неизвѣстно, но вотъ нѣкоторыя наблюденія. Разрубы Куроостровской волости, которые въ первой половинѣ XVI в., на основаніи писцовыхъ книгъ 1496 г., различали въ волости чернокунскія и княщинныя (оброчныя) сохи, начиная со второй половины XVI в., такого дѣленія больше не проводятъ, при раскладкѣ же дани, намѣстничьяго оброка и земскихъ проторей они различаютъ веревки волостныя, церковныя и выхожія, подразумѣвая подъ послѣдними земли Куроостровской волости, принадлежащія посадскимъ или волощанамъ другихъ волостей; никакихъ другихъ видовъ земель въ предѣлахъ волости, подлежащихъ мірскому обложенію, отмѣченные разрубы не знаютъ; веревки же волостныя всѣ обложены одинаково (ср. выше неравномѣрное обложеніе сошекъ чернокунскихъ и княщинныхъ въ той же волости [1]). Оброчныя деревни сохранились, однако, и по новому письму, но съ нихъ шелъ только оброкъ или, какъ говорятъ нѣкоторые акты, «оброкъ с данью вмѣстѣ» [2]). Оброчныхъ же деревень прежняго типа, оброкъ съ которыхъ составлялъ лишь часть податей (дани и проч.), найти не удалось. Правда, отъ второй половины XVI в. сохранилась одна «купчая»—отступная 1584 г. на землю о. Солоткова [3]); среди прочихъ клаузулъ въ ней есть и клаузула третья о причинѣ отступки, помѣщенная въ актѣ на послѣднемъ

нынѣшней 66 годъ... доправить» невыданную ими мон-рю ругу (хлѣбную, при отсутствіи ея—денежную), «да и впредь бы есте ежегодъ Матигорсково стану старосте и лучшимъ людямъ велѣли в мон-рь... по ихъ жалованной грамотѣ» давать хлѣбъ или деньги за него, выписывая его изъ общей суммы Двинского оклада (И. П. Б., Погод. № 1911, списки съ грам. Арханг. мон-ря, гл. 1—3, 6).

[1]) И. Акад. Наукъ, Куроостр. столбцы 45. 7. 116 (1575 г.), 118 (1579 г.), 119 (1580 г.), 121 (1581 г.), 123 (1582 г.), 124 (1585 г.), 130 (1592 г.).

[2]) Въ 1578 г. Сидоръ Васильевъ продалъ Кириллову Бѣлозерскому мон-рю на Лѣтней сторонѣ въ Лопшенгѣ «отца своего вотчину и своего владѣнья... что меня Сидора да братью мою... описалъ ц. г. в. кн. писецъ Ив. Петр. Заболоцкой *данью и оброкомъ вмѣстѣ*, тою пашенною землею и дворомъ и згодьемъ»; изъ переданной продавцомъ «оброчной» видно, что онъ обязанъ платить оброкъ въ 4 гривны «з данью вмѣстѣ» (Р. И. Б., т. XIV, стб. 306—307, 307—308; та же оброчная напеч. въ А. Ю., № 169, и въ Арх. Строева, т. I, № 183). Ср. № 4264/182, л. 2, и 4280/198.

[3]) № 14385/1, гл. 78.

мѣстѣ и изложенная такъ: «а продалъ есми ему для того, что не измогъ с тое земли платити дани и оброку и всякихъ волостныхъ земскихъ разрубовъ». Судьба оброчныхъ земель великаго князя на о. Солотковѣ послѣ описанія 7059—7061 гг. неясна; возможно, что въ данномъ актѣ клаузула третья заимствована изъ болѣе раннихъ Солотковскихъ отступныхъ, или же островъ Солотковъ былъ приписанъ къ чернымъ землямъ волости, какъ это произошло, повидимому, съ Куроостровскими оброчными землями и, по всей вѣроятности, съ землями Заостровской волости (ср. выше объ отступной 1561 г.), и тогда упоминаніе дани, оброка (намѣстничьяго) и проч. вполнѣ понятно, хотя факты позднѣйшіе, относящіеся къ землямъ того же острова, не подтверждаютъ такого объясненія. По писцовому описанію 1622—1624 гг. о. Солотковъ отнесенъ къ оброчнымъ землямъ Курейской волости; жеребьемъ его попрежнему владѣетъ складническій союзъ, состоящій изъ нѣсколькихъ волостныхъ крестьянъ Курейской волости и холмогорца посадскаго человѣка Ивашки Юрьева сына Косицына, повидимому, родственника упомянутаго выше «гостя» Михаила Косицына (еще ранѣе въ 1611 г. въ числѣ складниковъ — крестьянъ Курейской волости, владѣвшихъ «по государевѣ грамотѣ» о. Солотковымъ, упоминается колмогорецъ Терентій Михайловъ сынъ Косицынъ, сынъ «гостя» Михаила Косицына); документы владѣнія ихъ — «государева грамота» 104 г. и «купчія» 102 и 110 гг. (до насъ не дошедшія); остальная же часть острова также «на оброкѣ» за Троице-Сергіевымъ монастыремъ по «даннымъ» 119, 123 и 125 гг. Если приводимыя при этомъ ссылки на «старый оброкъ» относятся къ писцовому описанію 7095 г., то, очевидно, уже тогда островъ былъ среди оброчныхъ земель [1]). Но не лишено основанія и высказанное выше предположеніе, что въ промежуткѣ между 7061 и 7095 гг. островъ Солотковъ находился въ числѣ черныхъ земель Курейской волости. Къ этому времени относится еще одно описаніе края, именно писцовое описаніе 7067 года, причина котораго хотя точно неизвѣстна, но, какъ кажется, оно было предпринято не безъ связи съ оброчными землями, положеніе которыхъ все болѣе обращаетъ на себя вниманіе Московскаго правительства второй поло-

[1]) А. М. Ю., писц. № 9, л. 159—159 об.; № 10, л. 740 — 740 об.; № 11, л. 1779. № 14385/1, гл. 120, 128, 150, 152, 154.—Вопросъ о переводѣ въ серединѣ XVI в. нѣкоторыхъ оброчныхъ деревень великаго князя Новгородскихъ пятинъ и другихъ уѣздовъ (напр., Двинского, Устюжскаго — см. ниже) въ составъ черныхъ совершенно невыясненъ въ нашей наукѣ, хотя отрывочныя указанія на самый фактъ иногда дѣлаются (ср. *Д. Самоквасовъ*, о. с., I, с. 168—169).

вины XVI в., какъ о томъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ оброчныя грамоты этого времени. Помимо того, что изыскивались новыя статьи оброчнаго обложенія [1]), размѣръ стараго оброка повышался нерѣдко по челобитью охочихъ людей, предлагавшихъ правительству большую плату за пользованіе тѣми или иными оброчными угодьями; Двинскіе данные старосты все чаще выдаютъ оброчныя и льготныя грамоты на пользованіе разными угодьями. Правительство не останавливается даже передъ отпиской монастырскихъ «вотчинныхъ владѣній» на государя, съ цѣлью полученія съ нихъ, путемъ раздачи ихъ охочимъ людямъ, оброчныхъ денегъ [2]).

Очень возможно также, что извѣстный случай 118 г., когда оброчныя земли, розданныя на оброкъ писцомъ 7095 г. и «прежними писцами», «велѣно (было) во всемъ Двинскомъ уѣздѣ ...почернити и в сошное тягло поверстати» [3]), имѣлъ прецеденты еще въ XVI в. Такимъ образомъ, во всякое время правительство могло перевести оброчныя земли въ число черныхъ. Можетъ быть, отступная 1584 г. указываетъ на одинъ изъ такихъ случаевъ, когда оброчный островъ переведенъ былъ въ разрядъ черныхъ земель, т.-е. съ него шли дань, оброкъ (намѣстничій) и всякіе волостные разрубы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаетъ на себя вниманіе другой рядъ фактовъ, несомнѣнно стоящихъ въ связи съ перемѣною характера обложенія старыхъ оброчныхъ земель великаго князя. Если выше отмѣчено нѣсколько отступныхъ второй половины XVI в. на оброчныя пожни, то еще больше сдѣлокъ (по куплѣ-продажѣ оброчныхъ угодій) стало совершаться въ формѣ обыкновенныхъ купчихъ; если въ раннихъ актахъ этого рода еще изрѣдка попадаются указанія на принадлежность переходящей земли великому князю, то къ концу XVI в. эти ссылки почти совсѣмъ исчезаютъ. Объясненіе этому заключается въ томъ, что титулъ владѣнія все болѣе и болѣе забывался. Писецъ 7061 г., повидимому, призналъ всѣ сдѣлки по куплѣ-продажѣ оброчныхъ земель, благодаря чему въ общественномъ сознаніи окончательно исчезла та грань, которая отдѣляла отступныя отъ купчихъ; если земли великаго князя наравнѣ съ черными могли быть объектомъ купли-продажи, причемъ и тяжесть

---

[1]) Въ 1563 г. происходили частныя описанія нѣкоторыхъ промышленныхъ пунктовъ Двинского уѣзда, въ частности Варзужской вол., причемъ на «дворы царевы и великаго князя непашенные», съ которыхъ «тягль... преж сего не бывала», положенъ былъ оброкъ по гривнѣ съ двора — №№ 4294/212 и 4148/66. Ср. № 4147/65.

[2]) №№ 4272/190 (1589 г.), 4275/193 (1591 г.), 4279/197 (1592 г.), 4283/201 (1596 г.), 4284/202 (1596 г.), 4289/207 (1598 г.)—и др.

[3]) Р. И. Б., т. XIV, стб. 205.

податного обложенія болѣе не отличала ихъ отъ черныхъ, то въ чемъ же разница между ними, въ особенности, если и оброчныя земли съ теченіемъ времени стали крестьянской «вотчиной», т.-е. переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну [1]). Естественно, что при такомъ положеніи дѣла и въ сознаніи оброчниковъ, а также писцовъ актовъ, разница между купчей на черную землю, вотчину продавца, и отступной на оброчную землю, также вотчину продавца, совершенно исчезала. Правительству, начиная съ третьей четверти XVI в., пришлось серьезно бороться съ такимъ взглядомъ на «искони вѣчныя государевы оброчныя земли».

Измѣненіемъ податного обложенія оброчныхъ земель великаго князя объясняется, какъ кажется, фактъ исчезновенія клаузулы третьей изъ большинства отступныхъ второй половины XVI в. Вмѣстѣ съ тѣмъ лежавшая въ основѣ акта мысль, что объектомъ сдѣлки, закрѣпленной отступной, являются оброчныя земли великаго князя, была перенесена и на всѣ оброчныя угодья, гдѣ оброкъ былъ одной изъ податей или составлялъ единственную повинность. Таково, напр., происхожденіе отступныхъ на доли росола, который еще въ первую половину XVI в. былъ обложенъ особымъ оброкомъ, сохраненнымъ и по писцовымъ книгамъ 7059—7061 гг. сверхъ прочихъ податей [2]). Весьма вѣроятно, и формула Ненокоцкихъ отступныхъ и купчихъ о продажѣ въ дернь (перешедшая затѣмъ и въ другія канцеляріи) — «а продалъ и отступился в дернь без выкупа»—во второй своей части («отступился») указываетъ на оброчный характеръ объекта. Въ купчихъ послѣ 80-хъ годовъ XVI в. она попадается нерѣдко и въ первой клаузулѣ, сохраняя, какъ кажется, то же значеніе [3]). Такимъ образомъ, отступныя могли быть не только на оброчныя земли, но также на оброчныя угодья— пожни, рыбныя ловли, доли росола и т. п., причемъ въ раннихъ отступныхъ (первой половины XVI в.) объектъ ихъ нерѣдко называется посильемъ даннаго лица.

Терминъ «посилье» встрѣчается только въ раннихъ посильныхъ (до 1528 г.), т.-е. купчихъ на оброчныя угодья, и въ отступныхъ, т.-е. купчихъ на оброчныя земли и угодья; такъ какъ наряду съ этимъ опредѣленіемъ объекта отступныя каждый разъ подчеркиваютъ, что объектъ сдѣлки, кромѣ того, принадлежитъ великому

---

[1]) Ср. выше въ клаузулѣ первой отступныхъ употребленіе термина «вотчина».

[2]) *С. А. Шумаковъ*, «Сотницы, грамоты и записи», в. 3, с. 3.

[3]) См., напр., Р. И. Б., т. XIV, стб. 162—163, 167, 201—202, 163—164 («купчія» 1603, 1604, 1617 и 1619 гг. на оброчныя пожни и тони); т. XXV, Акты Лодомской церкви, стб. 168 («купчая» 1602 г. на пожни)—и др.

князю, то съ юридической точки зрѣнія владѣльцы посилья — неполные собственники даннаго объекта, что, дѣйствительно, отчетливо сознается ими, въ отличіе отъ тѣхъ случаевъ, когда данныя лица являются контрагентами купчихъ на земли, въ отношеніи которыхъ право собственности цѣликомъ признается ими за собою [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ условный характеръ владѣнія часто особенно выдвигался писцомъ акта, измѣняя даже физіономію акта, закрѣплявшаго обычно сдѣлку купли-продажи. Имѣю въ виду, напр., «отступную» 1561 г. [2]): въ ней объектъ сдѣлки смѣшаннаго характера (черныя и княщинныя земли), и несмотря на то, сдѣлка купли-продажи совершается въ формѣ отступной, а не купчей. — Кромѣ отмѣченнаго юридическаго момента въ понятіе посилья входитъ трудовой элементъ. Такія выраженія актовъ, какъ «взялъ на посилье», «отдалъ на посилье» и т. п. едва ли можно понимать иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что данное лицо имѣетъ въ виду объектъ своего труда, приложенія своихъ силъ. Въ послѣднемъ смыслѣ терминъ посилье употребляется въ поморскихъ актахъ не только въ XVI в., но и въ XVII в. Такъ, напр., въ «купчей» 1627 г. на землю по Штинному ручью, впадавшему въ р. Двину — росчисти, новины въ трехъ мѣстахъ, послѣднія называются «посильемъ» продавца; въ поступной «записи» 1607—08 г., относящейся къ Слободскому уѣзду, на починочекъ съ сѣнными покосами, съ новочистными наволочками, избою и долею въ мельницѣ, между прочимъ, читаемъ: «а от того наволочка, что противъ Вавиловки рѣчки, ниже того наволочка посилья моево нѣтъ, гдѣ я посилье клалъ, то ему и поступился» [3]). Самый участокъ, къ которому прилагался трудъ, часто назывался посильемъ даннаго лица. Въ этомъ смыслѣ терминъ посилье употребляется въ отступныхъ въ клаузулѣ первой («отступился... своего посилья») и второй («а взялъ есми на посилье...») [4]).

---

[1]) Ср., напр., «отступную» 1549 г. Есипа Онцыфорова сына Барсина и его же «купчую» 1556 г.—№ 14385/1, гл. 41 и 51.

[2]) Ibid., гл. 54.

[3]) № 4362/280; Труды Вятской арх. ком. 1915, в. 1-й, с. 8.; ibid. с. 97. Въ купчей 1618 г. на землю по р. Лопшенгѣ (Двинск. уѣзда) Кириллъ Пирожниковъ, м. проч., продаетъ «и свое посилье, новые росчисти и путики...». (Р. И. Б., т. XIV, стб. 305). Во вкладной книгѣ Архангельскаго Велико-Устюжскаго мон-ря находимъ такую запись: «120 октября въ 10 день дали Василію Спиридонову сыну с Пянды вкладную память за его посиліе, что онъ тружался на мельницѣ 5 годовъ, въ пять рублевъ» (*В. Шляпинъ*, «Акты Велико-Устюжск. Михайло-Арханг. мон-ря», ч. 2-я, Вел. Устюгъ. 1913, с. 195.

[4]) Въ челобитной 1620 г. Соликамскаго Вознесенскаго мон-ря черный священникъ Максимъ съ братіею писалъ: «въ прошлыхъ, государь, годѣхъ,

Въ языкѣ Двинского уѣзда XVII в. былъ въ употребленіи и глаголъ «посиловать». Такъ, въ обыскѣ, производившемся въ 1650 г. о владѣніяхъ Николаевскаго Чухченемскаго и Троицы Сергіева монастырей, «въ сыскныхъ... рѣчехъ и в росписяхъ, по сказкѣ Чухченемской... волости, написано:... того же Чухченемскаго мон-ря строитель старецъ Иванъ Корела во 125 г. завладѣлъ тяглой земли чищенною поженкою у источка сѣнныхъ покосовъ... а какъ завладѣли и посиловали и тому есть лѣтъ с пятнадцать...»; въ сказкѣ волостного крестьянина Ухтоостровской волости Матюшки Третьякова было написано: «есть де у нихъ мельничное згодье, оброчное мѣсто за Двиною рѣкою въ Сятиверахъ, и Сергіева Николы Чухченемскаго мон-ря строители то мѣсто посилуютъ и ихъ съ того мѣста збиваютъ и владѣть не даютъ лѣтъ тому с шестнадцать, и то де мѣсто от ихъ силы нынѣ впустѣ...» [1]).

Наконецъ, въ понятіи посилья, если это была земля и т. п., подразумѣвалось, что данный объектъ находится въ оброчномъ держаніи, что съ него идетъ въ государеву казну оброкъ. Такой характеръ посилья подтверждаютъ всѣ разобранныя выше посильныя и отступныя.

Изложенное пониманіе отступной подтверждается аналогичными по существу актами другихъ мѣстностей Московской Руси XVI—XVII вв. Какъ наименованіе разновидности отступныя встрѣчаются только въ Двинскомъ уѣздѣ; извѣстныя же «отступныя» Важскаго уѣзда, относящіяся ко второй половинѣ XVII в., по существу сдѣлки или мировыя или поступныя за долгъ [2]). Но въ первой половинѣ XVI в. отступныя нерѣдко назывались посильными. Какъ уже отмѣчено выше, акты съ такимъ названіемъ встрѣчаются до 1528 г., кромѣ Двинского уѣзда, и въ другихъ уѣздахъ XVI в. (Вологодскій, Галицкій и Костромской), а по существу сдѣлки они представляютъ изъ себя купчія на оброчныя земли и угодья, называемыя актами посильемъ, а по названію объекта и самый актъ именуется нерѣдко посильной; подобнаго характера посильныя встрѣчаются и послѣ 1528 г., причемъ нерѣдко онѣ называютъ

купили мы нищие на Чашкине деревню и ту деревню распахивали мы годовъ с пять и больше и новины сѣкли и жгли, и на тѣхъ нашихъ посильяхъ, на гаряхъ, Григ. Ваула займище заимывалъ и росчищалъ», причемъ сѣялъ рожь, которая той же челобитной назыв. его посильемъ—№ 11209/77.

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1870 г., № 88.

[2]) № 1665/23, л. 4—5; 1689/47. Р. И. Б., т. XII, стб. 68—69. Ср. выше объ отступныхъ-мировыхъ и отступныхъ-поступныхъ Двинского уѣзда.

себя купчими [1]). Изъ числа подобныхъ посильныхъ обращаютъ на себя вниманіе особенно тѣ, которыя относятся къ Нижегородскому и Устюжскому уѣздамъ. Порядокъ совершенія Нижегородскихъ посильныхъ еще предполагаетъ, повидимому, необходимость доклада о сдѣлкѣ представителю правительственной власти — государеву писцу или ключнику. Наиболѣе раннія указанія на подобныя сдѣлки относятся къ 30-мъ гг. XVI в. Въ 1533 г. писцы великаго князя Михайло Алексѣевъ сынъ Жедринской и «подъячей» Карпъ Игнатьевъ дали на льготу на пять лѣтъ (съ уплатой затѣмъ оброка медомъ по пуду на годъ) Григорью Ѳедорову сыну Псковитину съ дѣтьми «пустое мѣсто на Раменье селѣ, у Сапчины заводи, что было дано Нестерчку да Ѳедку да Познячку, и Нестерчка въ животѣ не стало, а Позняка безъ вѣсти нѣтъ, а Ѳедка предъ нами ступился своего жеребья Григорію Ѳедорову сыну Псковитину» [2]). Этому акту «отступки» оброчной земли передъ писцами или ключниками предшествовалъ особый договоръ въ видѣ «записи посильной». Наиболѣе ранняя изъ нихъ относится къ 1539 — 40 г; по ней Сидоръ Игнатьевъ сынъ Медвѣдева съ товарищи «ступилися... своей полудеревни Меленокъ за Окою за рекою в Стрѣлице... Рюме

[1]) *Каргопольскаго уѣзда*—Р. И. Б., т. XIV, стб. 281—2 (1528 г.), 282—3 (1543 г.), 295 (1548 г., то же стб. 296—7), 288—9 (1560 г.); въ нѣкоторыхъ изъ этихъ «купчихъ» посилье — цѣна продаваемаго участка—ср. ibid. стб. 296: «а взялъ есми на томъ посилья 6 р.» или въ «купчей» 1608 г. на оброчныя пожни («Изв. Общ. изуч. Олон. губ.» 1915 г., № 2—3, прил., с. 84—85): «а посилья язъ (продавецъ) у того (покупателя)... взялъ полтину денегъ»; см. также «купчія» посильныя на «ночи росола» во Владыченскихъ соляныхъ промыслахъ — «Изв. Общ. изуч. Олонецк. губ.» 1914 г., № 4, прилож., с. 25; И. Акад. Наукъ, собр. Шегрена, № 8.—*Галицкаго уѣзда*—№№ 3357/27 («посильная грамота» = купчей на дворъ и варницу 1550—51 г., безъ термина посилье въ клаузулѣ о цѣнѣ); 3362/32, 3368/38—и др. («купчія» на доли въ соляныхъ колодцахъ, изрѣдка съ указаніемъ, что онъ стоитъ «на царева великаго князя землѣ» и съ наименованіемъ объекта «посильемъ» продавца). — Извѣстенъ также рядъ закладныхъ (1525 — 1594 гг.) и «купчихъ» (1544—1611 гг.) *Костромского уѣзда* на пожни, «землю великаго князя», съ наименованіемъ ея посильемъ и указаніемъ, что «ввелъ» (заложилъ) или «продалъ тяглой тяглому»; нѣкоторыя изъ раннихъ купчихъ—докладныя (*Н. Селифонтовъ*, «Описи докум. архива Большесольскихъ посадскихъ избы и ратуши», СПБ. 1902, с. 26—33).

[2]) «Дѣйствія Нижегор. арх. ком.», т. XIV, отд. 3, с. 11; данная писцовъ 7068 г.—ibid , с. 80, ключниковъ 1560 г.—ibid., с. 27-28.—Въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ данныхъ указываются, кромѣ лицъ, ступившихся оброчными деревнями и угодьями, также а) деньги, взятыя ими за посилье, б) грамоты оброчныя, передававшіяся одной стороной другой, и в) лица бывшія «на отступке» посилья передъ писцами или ключниками—ibid., с. 80; *Н. П. Лихачевъ*, «Сборникъ актовъ», с. 224 («грамота» 1539 г., та же грам. напеч. у *Д. Мейчика*, о. с., с. 74, прим.), 221 (грам. 1550 г.).

Максимову сыну Доможирова», причемъ «взяли... у него за посилье, за хоромы и за роспашь и за прясла и за гумна и за разное за всякое угодье» 15 р. [1]). Кромѣ «записи посильной» отступщики давали иногда особую договорную запись съ обязательствомъ стать передъ писцами или ключниками и сказать, что они своей земли «ступились» такому-то, причемъ выполненіе обязательства гарантировалось неустойкой [2]). Послѣ того совершалась «отступка» передъ писцами или ключниками, причемъ въ выдаваемую писцами или ключниками оброчную грамоту включались и нѣкоторыя клаузулы «записи посильной» [3]). Находясь на мѣстахъ въ вѣдѣніи ключниковъ, оброчныя деревни Нижегородскаго уѣзда были приписаны къ Большому Дворцу и входили, т. обр., въ разрядъ дворцовыхъ оброчныхъ деревень; съ нихъ шелъ (кромѣ пошлинъ) во Дворецъ «за великаго князя дань» оброкъ денежный или натуральный. Рядомъ указовъ правительство предписываетъ ключникамъ беречь оброчниковъ «от всякихъ обидъ», подтверждая неоднократныя запрещенія отдавать пустыя деревни дѣтямъ боярскимъ; ключники не имѣли позже права выдавать данныя на оброчныя земли безъ «царева и великаго князя вѣдома», хотя само правительство неоднократно отчуждало оброчныя земли въ руки монастырей [4]). Такъ представляется по актамъ переходъ изъ рукъ въ руки дворцовыхъ оброчныхъ земель въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Нельзя не признать, что посильныя этого уѣзда относятся къ той же категоріи фактовъ, какъ и отступныя Двинского уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ и съ формальной стороны можно замѣтить довольно большое сходство между двумя актами, какъ въ клаузулѣ первой («ступились»), такъ и въ клаузулѣ о цѣнѣ («а взяли есмя на посилье...»); опредѣленіе же сущности сдѣлки сближаетъ и по существу обѣ мѣстныя разновидности однихъ и тѣхъ же актовъ, отличая, однако, нижегородскія— докладнымъ характеромъ сдѣлки.—Еще больше сходства по существу съ Двинскими отступными у посильныхъ Устюжскаго и Соль-

---

[1]) «Дѣйствія Нижегор. арх. ком.», т. XIV, отд. 3, с. 14; ср. ibid., с. 79 и 80; въ той же записи имѣются, кромѣ того, клаузулы о межѣ и очисткѣ; въ нѣкоторыхъ другихъ посильныхъ встрѣчается также клаузула о передачѣ документовъ.

[2]) Сборн. Троице-Серг. Лавры № 530, «рознь», гл. 48: «запись» 7048 г. отступщиковъ упомянутой въ текстѣ «записи посильной» того же 7048 г., писанная тѣмъ же писцомъ.

[3]) Ср., напр., посильную 7058 г. («Дѣйствія Нижегор. арх. ком.», т. XIV, отд. 3, с. 79) и данную на основаніи ея оброчную ключниковъ (*Н. П. Лихачевъ*, о. с., с. 221).

[4]) *Н. П. Лихачевъ*, о. с., с. 221, 222, 224, 225, 234, 236; «Дѣйствія Нижегор. арх. ком.», т. XIV, отд. 3, с. 5, 15—19, 22, 24, 25, 30, 79; А. Ю. Б., т. I, стб. 80—81.

вычегодскаго уѣздовъ. Большая часть изъ нихъ (34) по мѣстоположенію объекта сдѣлки относится къ предмѣстьямъ г. Устюга и землямъ, расположеннымъ около него [1]), хотя часть изъ нихъ въ податномъ отношеніи тянула къ сосѣднему Сольвычегодскому уѣзду; остальные три акта также принадлежатъ къ указаннымъ уѣздамъ [2]). Хронологически посильныя этихъ уѣздовъ относятся къ 1514—1629 гг.; впрочемъ, къ XVII в. относится только одинъ актъ названной группы. Объектомъ сдѣлокъ по этимъ посильнымъ является «земля великаго князя» или «царя и великаго князя» или «*царицы великой княгини земля*» [3]). Въ объясненіе послѣднему титулу слѣдуетъ отмѣтить, что еще въ XV в. въ предѣлахъ Сольвычегодскаго уѣзда великія княгини имѣли села и деревни, приписанныя къ ихъ дворцу [4]). Та же земля нашихъ актовъ носитъ иногда названіе «плужной земли» или «посильной земли княжесельской» [5]), Помимо всего прочаго, послѣднее наименованіе не оставляетъ сомнѣній, что «земля великаго князя» упомянутыхъ посильныхъ—дворцовая. Такой характеръ ея находитъ, сверхъ того, подтвержденіе въ правой грамотѣ 1555 г. по дѣлу о поскотинѣ Алмешскихъ деревень [6]). Споръ идетъ между крестьянами «Алмешской волостки» 18 деревень и Митей Нефедьевымъ, который, по словамъ крестьянъ, «у насъ на Алмешѣ у всеѣ волости поскотинные земли отнялъ и отгородилъ к своей землѣ к черной деревнѣ, а та... поскотинная земля... деревень княжесельскихъ и Троицы с Гледена и Рожественскихъ (церковныхъ) деревень». Здѣсь деревни княжесельскія (дворцовыя) ясно противопола-

---

[1]) Леонтьевскій конецъ Устюга, Дымково, Алмешская волостка, тянувшая къ Петровскому селу Устюжскаго уѣзда въ XVI в. и Сольвычегодскаго уѣзда въ XVII в. (*В. Шляпинъ,* «Акты Велико-Устюжск. Мих. Арханг. мон-ря», ч. I, с. 153; *М. М. Богословскій*, о. с., т. I, с. 22; прил., с. 46), Семіоновскій конецъ Устюга съ землями, тянувшими къ Пятницкому селу Сольвычегодскаго уѣзда (*В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, с. 144; *М. М. Богословскій*, о. с., l. с.).

[2]) *В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, № 103 (ср. ibid., с. 313)—Сольвычег. у., и № 150—Комарицкій станъ Устюжск. у.; Арх. Строева, т. I, № 150 (Устюжск.).

[3]) *В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, №№ 1, 2, 4, 12, 14, 21.

[4]) *В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, с. 254—данная льготная посельскаго великой княгини Софьи Козьмы Никифорова Юркѣ Аврамову на дикій лѣсъ въ Окологородной вол. Усольскаго уѣзда (ср. *М. М. Богословскій*, о. с., т. I, прил., с. 45—«станъ Окологородный» Сольвычег. у.). Указанія на села великой княгини у Вычегодской Соли, ея тіуновъ Устюжскихъ и посельскихъ Сольвычегодскихъ встрѣчаются въ рядѣ грамотъ XVI в.—*В. Шляпинъ*, о. с., ч. II, с. 136—137 (грам. 1510 г.), 125—126 (1598 г.); Р. И. Б., т. XIV, стб. 824—825 (1558 г.).

[5]) *В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, с. 35, 36, 265 и др.

[6]) А. Ю. Б., I, № 52, VI.

гаются чернымъ; къ упомянутой въ грамотѣ Алмешской волосткѣ относится нѣсколько посильныхъ XVI в. (1535—1547 гг.) [1]). Такимъ образомъ, объектъ этихъ посильныхъ земля великаго князя дворцовая, т.-е. оброчная, въ противоположность землѣ черной, которая и въ Устюжскомъ уѣздѣ при куплѣ—продажѣ переходитъ по обыкновеннымъ купчимъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ клаузальный составъ разбираемыхъ посильныхъ даетъ также основаніе сближать ихъ съ отступными. Въ наиболѣе ранней посильной Устюжскаго уѣзда, называемой писцомъ «плужной грамотой» и относящейся къ 1514 г., сущность сдѣлки, подобно двинскимъ и нижегородскимъ посильнымъ, опредѣляется какъ отступка [3]). Но по формулѣ «отступились» написана только наиболѣе ранняя посильная; въ остальныхъ же (начиная со второй по времени посильной 1535 г.) [4]) она замѣняется равнозначущей формулой «отдалъ» или «отдалъ на посилье», причемъ второе опредѣленіе хронологически слѣдуетъ за первымъ; и только въ трехъ «посильныхъ» клаузула первая написана по типу купчихъ, но съ указаніемъ при этомъ на характеръ земли. Клаузула о цѣнѣ въ устюжскихъ посильныхъ формулируется также сходно съ съ соотвѣтствующей клаузулой отступныхъ [5]). Такое же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно клаузулъ объ очисткѣ и объ уплатѣ податей, причемъ обѣ эти клаузулы подтверждаютъ сдѣланное выше замѣчаніе, что объектъ сдѣлки по устюжской посильной—дворцовая оброчная земля. Въ рядѣ посильныхъ клаузула объ очисткѣ читается такъ: «а у кого будетъ та деревня... въ кабалахъ или старые дани и проторы или жито великаго князя и мнѣ то... очищати все», или: «а у кого та земля в закупи или в хлѣбѣ в оброчномъ или в деньгахъ в оброчныхъ или в данехъ и в проторехъ и в какихъ крепостехъ ни буди, ино язъ... поимался в очищенье» или, наконецъ, въ самой поздней посильной XVI в. (1594 г.): «а у кого будетъ та моя ...четверть плуга земли без шеснадцатаго жеребья в закупехъ или в подписехъ или в посильныхъ или в земскихъ в старыхъ невыплатехъ, в какихъ в письменныхъ путехъ или в крѣпостехъ ни буди подписана или заложена в чемъ ни буди, ино очищати и выкупати мнѣ (продавцу) и в данехъ и в оброкѣ очи-

[1]) *В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, №№ 29, 124, 125, 188—191.

[2]) См., напр., купчія Устюжскаго уѣзда, помѣщ. у *В. Шляпина*, о. с., ч. I, №№ 13, 24—26 и др.

[3]) *В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, № 23.—Такое опредѣленіе существа сдѣлки въ актѣ 1514 г. позволяетъ думать, что не исключена возможность находки отступныхъ и ранѣе 1528 г.

[4]) Ibid., № 124.

[5]) Ibid., №№ 124, 125, 29 и др.—«а взялъ есми у... на посилье», №№ 189, 190 и др.—«а взялъ есми себѣ на посилье...»

стити, в кабальномъ волостномъ долгу и великаго князя в хлѣбѣ в отсыпномъ и в поплужной пошлинѣ мнѣ... очищати во всемъ»[1]). Клаузула же объ уплатѣ податей, кромѣ обычныхъ дани, проторей и т. п., неоднократно говоритъ также объ обязательствѣ платить хлѣбъ въ житницы великаго князя, о «поплужномъ хлѣбѣ», который позже именуется «оброчнымъ хлѣбомъ», «оброкомъ хлѣбнымъ отсыпнымъ»[2]). Комбинируя же данныя обѣихъ клаузулъ, можно сказать, что оброкъ хлѣбомъ или деньгами за хлѣбъ[3]) шелъ съ княжесельской земли сверхъ всѣхъ прочихъ податей, обычно взимавшихся съ черныхъ земель, что подтверждается также сохранившимися данными о различныхъ податяхъ, шедшихъ по писцовымъ книгамъ XVI в. съ Устюжскихъ и Сольвычегодскихъ черныхъ земель[4]). Такимъ образомъ, аналогія между тяглымъ характеромъ посильной земли Устюжскаго и Двинского уѣздовъ получается полная, чего не замѣчается въ отношеніи той же земли Нижегородскаго уѣзда. Любопытно отмѣтить въ заключеніе, что въ одной изъ посильныхъ Устюжскаго уѣзда (1541 г.) встрѣчаемъ и клаузулу третью отступныхъ (о причинѣ отступки): «и по сяковъ день мнѣ Алексѣю до деревни и дѣла нѣтъ ни до чего, а за сѣмя есми домовые далъ деньги, за великаго князю (?-я), что мнѣ Алексѣю с той деревни не мочно платити ни дати (?-дани) ни протору ни всякихъ потуговъ ни пошлинъ великаго князя»[5]). Наконецъ, въ двухъ посильныхъ 1555 и 1556 гг. характеръ сдѣлки, подобно нижегородскимъ посильнымъ, докладной[6]). Дальнѣйшая судьба «княжесельскихъ деревень» Устюжскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ сходна съ судьбой «оброчныхъ земель великаго князя» Двинского уѣзда: онѣ также вошли (но позже двинскихъ) въ составъ черныхъ[7]), хотя былая обособленность сохранилась и въ XVII в., когда тѣ же деревни, не называясь волостными, составляли, однако, два само-

---

[1]) Ibid., №№ 124, 16, 1 и др.

[2]) Ibid., №№ 189, 190, 16, 15, 192, 5, 109 и др.

[3]) Ibid., № 16.

[4]) Ibid., с. 56—57 («льготныя» «писца Устюжской земли» Юрья Ивановича Александрова Самсонова 7063 г.), 119—120 («льготная» «Устюжскаго писца» Ив. Петр. Невѣжина и подъяч. Суморока Иванова с. Коншина 7069 г. сент. 1), 153—154 («льготная» «Устюжскихъ писцовъ» кн. Ив. Вас. Гундорова и Гавр. Вас. с. Сѣверицина 7069 г. марта 30—не писцы ли дворцовыхъ селъ Устюжскаго уѣзда?). См. также ibid., с. 158 не писцы-ли Устюжскіе 7083 г. Ив. Ив. с. Лугвицинъ Мичуринъ и подьячіе Леонтій Софонтьевъ и Кушникъ Несвитаевъ?—Р. И. Б., т. XIV, стб. 805—806.

[5]) *В. Шляпинъ*, о. с., ч. I, № 199.

[6]) №№ 13139, 13140.

[7]) *М. М. Богословскій*, о. с., т. I, с. 22—«въ Петровскомъ сельцѣ деревни черныя».

стоятельныхъ округа, «по внутреннему складу и по административному устройству» ничѣмъ не отличавшіеся отъ волостей.

Если теперь попытаться подвести итогъ всѣмъ изложеннымъ выше соображеніямъ, то ихъ можно свести къ слѣдующему. Выраженія актовъ «земля царя и великаго князя, а мое владѣніе или посилье» и подобныя имъ встрѣчаются въ XVI в., за нѣкоторыми единичными исключеніями, только въ одной группѣ частныхъ актовъ, именно посильныхъ или отступныхъ, которыя съ современной точки зрѣнія являются купчими на оброчныя земли и угодья великаго князя, образовавшіяся на сѣверѣ, въ Двинскомъ уѣздѣ, къ XVI в. изъ конфискованныхъ у новгородскихъ и, можетъ быть, двинскихъ бояръ земель, позже пополнявшіяся пустыми никѣмъ не занятыми землями. «Вотчичомъ» этихъ земель былъ великій князь, а оброчныя земли стали называться его вотчиной, подобной крестьянскимъ вотчинамъ, т.-е. землей, доставшейся ему по наслѣдству, право собственности на которую принадлежало ему на такихъ же основаніяхъ, какъ черная земля являлась крестьянской собственностью; для крестьянъ же оброчная земля только владѣніе или посиліе, т.-е. объектъ, за право пользованія которымъ и полученія съ него хозяйственныхъ благъ крестьяне платили оброкъ. Такой именно характеръ посилья подчеркивается особенно упомянутой выше отступной на церковную землю: въ ней несомнѣнно различается право собственности отъ права владѣнія и пользованія. Но та же отступная (какъ и всѣ прочія) противорѣчитъ опредѣленно тому положенію, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла *только* о признаніи «верховныхъ правъ» великаго князя, какъ представителя государства; если принять во вниманіе, что въ однородныхъ по существу сдѣлки Устюжскихъ посильныхъ и притомъ относящихся къ послѣдней четверти XVI в. мысль о принадлежности земли великому князю все время смѣшивается съ указаніемъ принадлежности ея великой княгинѣ [1]), то, кажется, нельзя отрицать частно-правового характера отношеній между собственникомъ земли—великимъ княземъ и владѣльцемъ-оброчникомъ. Конечно, помимо частно-правового момента въ данномъ отношеніи есть и публично-правовой, поскольку оброчная земля въ первую половину XVI в. не обособлялась еще въ податномъ отношеніи отъ черной, посколько съ нея шли, помимо оброка, дань и проч. подати. Разсматриваемыя съ такой точки зрѣнія отступныя едва ли противорѣчатъ твердо установившемуся взгляду самихъ крестьянъ на черную землю, какъ свою полную собственность, причемъ этотъ взглядъ не распространялся ими на «вотчину» вели-

---

[1]) *В. Шляпинъ*, о. с., №№ 1, 2, 4, 5, 8, 12, 14, 15.

каго князя, образовавшуюся указаннымъ выше путемъ. Такое различеніе крестьянами объема ихъ правъ на *оброчную* землю, великаго князя вотчину, несомнѣнно существовало среди нихъ въ первую половину XVI в., — тому безспорное доказательство наши отступныя. Начиная же со второй половины XVI в., отличіе вотчинной крестьянской земли отъ такой же вотчинной земли великаго князя начинаетъ исчезать: отсюда рядъ купчихъ на оброчныя земли и угодья. Къ концу вѣка государство вступаетъ въ борьбу съ такимъ взглядомъ на оброчныя земли, признавая за собой исключительное право распоряженія ими и далеко не всегда принимая во вниманіе при переоброчкѣ этихъ земель «вотчинныя» права крестьянъ на нихъ. Позднѣе тотъ же взглядъ проводится государствомъ и по отношенію къ чернымъ крестьянскимъ землямъ. Писецъ Двинского уѣзда 1622—24 гг. уже всѣ черныя земли описываетъ, какъ земли великаго князя, а приказная практика Новгородской четверти начала XVII в., въ вѣдѣніи которой состоялъ Двинской уѣздъ, все чаще проводитъ въ жизнь тотъ взглядъ, что «вотчинныхъ (т.-е. принадлежащихъ на правѣ собственности) земель въ Двинскомъ уѣздѣ, опричь монастырскихъ вотчинъ, ни за кѣмъ нѣтъ и быть не пригоже» [1]. Но еще долго послѣ 1622—24 г. этотъ взглядъ не находилъ отраженія въ частныхъ сдѣлкахъ крестьянъ на ихъ земли: наряду съ купчими на «вотчину царя и великаго князя, а свое владѣніе» есть еще больше однородныхъ актовъ, гдѣ такого указанія нѣтъ. Въ имѣвшемся же у меня матеріалѣ большинство купчихъ, писанныхъ по формулѣ «продалъ и отступился вотчину царя и великаго князя, а свое владѣніе», относятся или къ оброчнымъ землямъ и угодьямъ, или къ такому объекту, въ составѣ котораго были оброчныя земли, или же принадлежатъ по своей канцеляріи къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ до того встрѣчались только отступныя; въ послѣднемъ случаѣ нельзя не признать вліянія формуляра одного акта на другой, нѣкоторой канцелярской традиціи.

Такимъ образомъ, изложенныя выше соображенія побуждаютъ, какъ кажется, съ большой осторожностью пользоваться данными разобранныхъ актовъ въ сужденіяхъ объ отношеніи крестьянъ XVI в. къ обрабатываемой ими землѣ и, въ частности, въ вопросѣ о тяжеломъ вообще обложеніи крестьянскихъ земель въ XVI в. Между тѣмъ, неразличеніе объектовъ купчихъ и отступныхъ или посильныхъ приводитъ къ тому, что понятія, выражаемыя въ этихъ актахъ, смѣшиваются, и невозможность совмѣстить два противоположныхъ взгляда тѣхъ же крестьянъ XVI в. (то они являются полными соб-

---

[1]) № 4352/270.

ственниками, то смотрятъ на передаваемую землю, какъ на землю великаго князя) приводила многихъ изслѣдователей къ мало обоснованнымъ утвержденіямъ и построеніямъ.

Собственно говоря, еще въ знаменитомъ спорѣ о характерѣ русской общины И. Д. Бѣляевъ и Б. Н. Чичеринъ пользовались для доказательствъ своихъ положеній извѣстными тогда отступными, именно, напечатанными въ «Актахъ Юридическихъ». Обѣ стороны сходились въ одномъ—онѣ не отличали ихъ отъ купчихъ на черную землю [1]), причемъ первый даже считалъ ихъ купчими на вотчинныя земли [2]); возражая ему, Б. Н. Чичеринъ признавалъ объектомъ отступныхъ «черную тяглую землю» [3]), и оба указывали вмѣстѣ съ тѣмъ, что отступныя—акты крестьянъ, которые не въ силахъ нести общественное тягло [4]).

Подъ вліяніемъ несомнѣнно Бѣляевской теоріи объ общинѣ находился Д. П. Лебедевъ [5]), опредѣлявшій отступныя, какъ «купчія на черныя земли тяглыхъ людей, или скорѣе не на земли (такъ какъ тяглые общинники не могли отчуждать общинной земли), а только на право пользоваться ею»; въ этомъ опредѣленіи опять отличіе посильныхъ отъ купчихъ не ясно, не говоря уже о томъ, что утвержденіе автора объ отсутствіи у тяглыхъ общинниковъ права отчужденія общинную землю и спорно и не доказано во многихъ отношеніяхъ.

Считая, однако, опредѣленіе данное Д. П. Лебедевымъ «болѣе удовлетворительнымъ» по сравненію съ предыдущими, Д. М. Мейчикъ въ своемъ обзорѣ грамотъ XIV — XV вв. счелъ нужнымъ подвергнуть изученію также посильныя или отступныя, хотя отступныхъ XV в. пока не имѣется. Разбирая ихъ наряду съ купчими и отмѣчая «особое свойство продаваемаго имущества» по отступнымъ, Д. М. Мейчикъ останавливатся на выясненіи самого понятія посилья и различаетъ въ немъ только два слившихся момента — податной и юридическій, и кореннымъ признаетъ начало тягла, не выясняя, однако, отличительнаго характера его въ посильныхъ и смѣшивая его съ тягломъ черныхъ земель [6]).

---

[1]) *И. Д. Бѣляевъ*, «Крестьяне на Руси», изд. 4 (М. 1903), с. 78; *Б. Н. Чичеринъ*, «Опыты по исторіи русскаго права», М. 1858, с. 21—22.

[2]) «Русская Бесѣда» 1856 г., кн. I, критика, с. 118; ср. у *Б. Н. Чичерина*, о. с., с. 102—103.

[3]) Ibid., с. 103.

[4]) *И. Д. Бѣляевъ*, «Крестьяне на Руси», с. 79; *Б. Н. Чичеринъ*, о. с., с. 22.

[5]) «Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева», М. 1881, с. 69—70.

[6]) О. с., с. 72—75.

Но съ такой точки зрѣнія опять таки исчезаетъ отличіе посильныхъ отъ купчихъ на черныя тяглыя земли. Авторъ подобно его предшественникамъ обратилъ особое вниманіе на клаузулу третью—о причинѣ отступки, но изъ имѣвшагося у него печатнаго и рукописнаго матеріала онъ могъ бы замѣтить, что эта клаузула (въ приводимой имъ формулировкѣ) имѣетъ мѣстный и временный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли правильно примѣненіе къ XVI в. понятій вотчиннаго и тяглаго владѣнія, установившихся только въ XVII в. [1]), а это привело автора къ неправильному толкованію правъ покупателя вотчины и пріобрѣтателя посилья XVI в. или, по Д. М. Мейчику, тяглой земли. Что же касается посильной ранѣе 1427 г. [2]), то врядъ ли правильно отнесеніе ея авторомъ къ даннымъ: терминъ «далъ» встрѣчается вѣдь и въ посильныхъ въ смыслѣ отдалъ; клаузула же о цѣнѣ въ данной, какъ бы ни была мала цѣна, не свойственна этому роду актовъ; и разбираемая «грамота» не данная, а обыкновенная посильная.

Врядъ ли можетъ быть принято и другое утвержденіе Д. М. Мейчика, что среди мировыхъ можно выдѣлить особую группу отступныхъ: приводимые имъ въ приложеніи акты, во 1-хъ, такъ себя не называютъ, а во 2-хъ, терминъ «отступился» еще не даетъ основаній къ выдѣленію изъ мировыхъ особаго вида, такъ какъ употреблялся и въ XV в. (къ которому относятся эти акты) въ общемъ смыслѣ уступки, отказа отъ чего-либо [3]).

Послѣ Д. М. Мейчика никто изъ послѣдующихъ изслѣдователей собственно не занимался детальнымъ изученіемъ отступныхъ и посильныхъ, но цѣлый рядъ лицъ пользовался ими для тѣхъ или иныхъ построеній, касающихся исторіи крестьянства въ XVI и даже въ XVII вѣкахъ. Въ значительной мѣрѣ наши акты пригодились А. Я. Ефименко для ея работы о «Крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ» [4]). Почти одновременно съ нею, въ статьѣ о «Происхожденіи крѣпостного права въ Россіи», В. О. Ключевскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «изъ поземельныхъ актовъ видно, что въ XVI и первой половинѣ XVII в. дворцовые и черные крестьяне, тяготясь податями и повинностями, лежавшими на ихъ участкахъ, продавали ихъ другимъ крестьянамъ, т.-е. продавали

---

[1]) Ср. ibid., с. 74 и слѣд., 80 и др.

[2]) О. с., с. 72, 90, прил. IX, с. 123.

[3]) О. с., с. 63, 114—115; ср. у *И. И. Срезневскаго*, о. с., т. II, в. II, стб. 813—815.

[4]) «Изслѣдованія народной жизни» в. I-й, М. 1884, с. 223, 250, 251, 255 и др.

собственно не землю, которая была казенная, а хозяйственныя постройки, приспособленія и инвентарь» [1])...

Такую же невыясненность положенія отступныхъ въ общей массѣ купчихъ на черныя земли встрѣчаемъ и у послѣдующихъ историковъ крестьянскаго вопроса [2]).

Столь же неотчетливо стоитъ вопросъ объ отступныхъ и у историковъ русскаго права; по словамъ покойнаго М. Ф. Владимірскаго-Буданова, въ Московской Руси «множество лицъ владѣли землею на правѣ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія съ правомъ отчужденія вещи на томъ же правѣ. Въ такомъ случаѣ актъ купчей принималъ характеръ и наименованіе посильной грамоты или отступной; именно чрезъ подобныя сдѣлки передавались тяглые участки» [3]).

Интересную аналогію сѣвернымъ отступнымъ и посильнымъ отыскалъ П. И. Ивановъ среди актовъ сябровъ-помѣщиковъ русскаго юга 80—90 гг. XVII в.; это—поступныя помѣщиковъ на «государево жалованье, а свои починки, помѣстьица», по причинѣ того, «что мы (помѣщики) оскудали и одолжали, а служить намъ стало съ того помѣстьица не въ мочь, и подати платить». «... Государево тягло, лежавшее на помѣстьѣ, обязывало владѣльца-сябра, если онъ самъ отъ бѣдности не могъ служить службы, поступиться своимъ жеребьемъ другому помѣщику... Эта обязанность содѣйствовала перенесенію на сябровъ правъ распоряженія своими помѣстными жеребьями, ... сябры распоряжались своими участками, какъ вотчинники» [4]). Впрочемъ, нѣкоторую аналогію отступнымъ можно находить и въ сдаточныхъ другихъ уѣздовъ, кромѣ южныхъ [5]).

---

[1]) «Русская Мысль», 1885, октябрь, с. 23; «Опыты и изслѣдованія», первый сборникъ статей, М. 1912, с. 282.

[2]) *М. А. Дьяконовъ*, «Половники поморскихъ уѣздовъ»—Ж. М. Н. Пр. 1895, май, с. 40 — 41; его же, «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», с. 180—185, 188. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, «Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи» въ сборн. «Крестьянскій строй» (СПБ. 1905), с. 17, 28—29 и др.

[3]) «Обзоръ исторіи русск. права», изд. 7-е, К. 1915, с. 603; ср. *В. И. Сергѣевичъ*, «Древности русскаго права», т. I (изд. 3), СПБ. 1909, с. 257—259; *А. Н. Филипповъ*, «Учебникъ исторіи русскаго права», ч. I, Юрьевъ. 1914, с. 465—466.

[4]) *П. И. Ивановъ*, «Сябры помѣщики» — Ж. М. Н. Пр. 1903 г., декабрь, с. 420—422, 426—430.

[5]) *С. А. Шумаковъ*, «Обз. грам. Коллегіи Экономіи», в. I, с. 90—92; «Матер. истор. и юридич. района бывш. прик. Казанск. Дворца», в. VI, с. 110, 120—121; Сборн. Новгор. Общ. Любит. Древн., в. VII, с. 30 и др.

Рядныя-сговорныя записи XVI—XVII вв.

(Опытъ историко-дипломатическаго описанія актовъ).

Г. М. Котляровъ.

Среди матеріаловъ для изученія брака на Руси въ до-Петровское время и вытекающихъ изъ него имущественныхъ отношеній не малое значеніе имѣютъ рядныя и сговорныя записи [1]).

Поэтому не безполезно дать обозрѣніе по возможности всѣхъ тѣхъ рядныхъ и сговорныхъ записей, которыя напечатаны до сего времени въ различныхъ изданіяхъ [2]).

Намъ удалось подвергнуть обслѣдованію 127 актовъ (нѣкоторые, къ сожалѣнію, напечатаны не полностью), разбросанныхъ въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ [3]).

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ изслѣдуемые акты, мы напомнимъ, при какой обстановкѣ писались они въ старину.

---

[1]) О значеніи рядныхъ записей по этому вопросу см. *К. Алексѣевъ*, Объ отношеніи супруговъ по имуществу въ древней Руси и Польшѣ, Чт. М. О. И. Д., 1868 г., кн. II и *О. фонъ-Ланге*, О правахъ собственности супруговъ по древне-русскому праву, Спб., 1888.

[2]) Краткій обзоръ рядныхъ, данный Н. Калачовымъ въ 1867 г. (Древности, Труды Моск. Археол. Общ., 1865—1867 г., т. I, в. II, стр. 67—72, Матеріалы для археол. словаря, *Н. Калачовъ*, Рядныя), обнимаетъ собою лишь небольшую часть того матеріала, который накопился въ печати теперь. Мы не претендуемъ на абсолютную полноту печатнаго матеріала, бывшаго у насъ въ рукахъ, и заранѣе должны просить извиненія, что не подвергли обслѣдованію рядныя-сговорныя, помѣщенныя въ различныхъ Губ. Вѣд., кромѣ актовъ изъ Владим. Губ. Вѣд.

[3]) Мы не считаемъ актовъ, напечатанныхъ лишь въ изложеніи, какъ, напр., 5 рядныхъ, помѣщенныхъ въ «Записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ XV—XVII вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву», Р. И. Б.. XVII; или 2 рядныя, напечатанныя среди «Актовъ, записанныхъ въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка», сообщенныхъ А. Б. Лакіеромъ (Арх. ист.-юр. свѣд. отн. до Россіи, кн. II, пол. I, отд. II, с. 69—70).

Многіе иностранцы, оставившіе болѣе или менѣе подробныя записки о Московіи XVI—XVII вв., описываютъ намъ брачные обряды современныхъ имъ московитовъ; почти всѣ они разсказываютъ о сговорѣ, но не даютъ точныхъ описаній его, т. к. они пишутъ со словъ другихъ, а не какъ очевидцы. Вѣроятно поэтому почти никто изъ этихъ иностранцевъ не говоритъ о написаніи при сговорѣ актовъ.

Указаніе на составленіе записей при сговорѣ мы нашли только у одного путешественника-француза, бывшаго въ Россіи во 2-й половинѣ XVII в., а также у Коллинса и Корба.

Но свѣдѣнія, сообщаемыя этими авторами, обнаруживаютъ очень малое знакомство ихъ съ описываемымъ вопросомъ и являются совершенно вздорными.

Неизвѣстный авторъ-французъ [1]), напр., говоритъ: «Я замѣтилъ однако же, что родители невѣстъ принимаютъ съ нѣкотораго времени мѣры къ предотвращенію дурного обращенія съ ихъ дочерьми, помѣщая въ свадебныхъ договорахъ, что мужъ будетъ приличнымъ образомъ содержать свою жену, сообразно ея состоянію, обращаться съ нею нѣжно, кормить ее лакомымъ кускомъ и поить ее добрыми питіями, не станетъ сѣчь ее, ни толкать пинками, ни бить кулакомъ и т. п.» [2]).

Ни въ одномъ изъ имѣющихся у насъ актовъ нѣтъ ничего подобнаго.

Настолько же нелѣпыя, но въ другомъ родѣ, свѣдѣнія даетъ и Корбъ, сообщающій слѣдующее: «По назначеніи приданаго родители невѣсты составляютъ, такъ сказать, письменный вѣновный договоръ, который заключаетъ въ себѣ ихъ или родственниковъ невѣсты поручительство въ цѣломудріи невѣсты» [3]).

Такимъ образомъ, если бы намъ пришлось довольствоваться извѣстіями иностранцевъ, то свѣдѣнія наши были бы скудными и очень неточными.

Но у насъ есть два источника русскихъ по XVII в., а именно: Котошихинъ [4]) и «Чины свадебные» изъ Домостроя XVII в. [5]).

Подготовка брачнаго договора или рядной-сговорной записи у знатнаго человѣка, по Котошихину, происходила такъ: родствен-

---

[1]) «Сказанія иностранныхъ современниковъ о Россіи», Маякъ, 1843 г., т. VII, кн. XIV, с. 90—91.

[2]) Аналогичныя свѣдѣнія сообщаетъ и *Коллинсъ* (Нынѣшн. сост. Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ, Чт. М. О. И. Д., 1846 г., № 1, с. 4).

[3]) Дневникъ І. Г. Корба, секретаря посольства отъ Имп. Леоп. I къ царю Петру I въ 1698—99 г., пер. Женева и Семевскаго, М., 1868 г., с. 289.

[4]) *Григ. Котошихинъ*, О Россіи въ царств. Алексѣя Мих., изд. 4, Спб., 1906.

[5]) Врем. М. О. И. Д., 1857 г., кн. 25.

ники жениха присылаютъ въ домъ невѣсты сватовъ, чтобы узнать согласны ли выдать дѣвушку за даннаго жениха и каково будетъ за невѣстою приданое.

Слѣдующимъ моментомъ сватовства является составленіе росписи приданаго, которая отсылается «тѣмъ людямъ, которые... отъ жениха приходили, а тѣ люди отдадутъ жениху» [1]).

Дальше Котошихинъ разсказываетъ, что происходятъ смотрины невѣсты уполномоченными жениха.

«А будетъ та невѣста полюбилась», то черезъ тѣхъ же уполномоченныхъ женихъ передаетъ невѣстину отцу, «что онъ тоѣ невѣсту излюбилъ и хочетъ съ ними учинить зговоръ и записи написать, что ему на ней женитца на постановленной срокъ, а они бъ потому жъ тоѣ невѣсту за него выдали на тотъ же срокъ» [2]).

Въ день, назначенный для сговора, женихъ, «нарядясь съ отцомъ своимъ или съ сродичами или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матере» [3]). «И они межъ себя съ обе стороны учнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положатъ свадьбѣ срокъ, какъ кому мочно къ тому времени изготовиться за недѣлю и за мѣсяцъ и за полгода и за годъ и больши; и учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ свои имена и третьихъ и невѣстино; а напишутъ, что ему по зговору тое невѣсту взять на прямой уставленной срокъ безъ премѣненія, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ безъ премѣненія; и положатъ въ томъ письмѣ межъ собою зарядъ, будетъ тотъ человѣкъ на тотъ уставленной срокъ тое дѣвицы не возьметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1000 или 5000 или 10000 рублевъ денегъ, сколко кто напишетъ въ записи» [4]).

«Чины свадебные» дополняютъ это описаніе сговора Котошихина такими подробностями: «и благословивъ ту священникъ крестомъ, начнутъ говорити и писати записи зарядные и рядную, договорився въ сколки зарядъ и сколко приданого. И приложивъ руки и свершивъ записи, говоритъ священникъ: «о Тебѣ радуется». И

---

[1]) *Котошихинъ*, Op. cit., с. 150. Образцы такихъ росписей въ печати мы имѣемъ, какъ приложенными къ ряднымъ-сговорнымъ записямъ, такъ и напечатанными независимо отъ рядныхъ записей; см., напр.: *Барсуковъ*, Родъ Шерем., VII, с. 226; Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1891 г., в. XXXII, с. 134; Сб. бум. Щукина, II, с. 270; *Преображенскій* и *Альбицкій*, Подр. опис. 962 рукоп. Долм. арх., с. 18, № 45; Сѣверн. Пчела, 1833 г., № 23, с. 91; Чт. М. О. И. Д., 1901 г., т. II, смѣсь, с. 2 и др.

[2]) *Гр. Котошихинъ*, Op. cit., с. 150.

[3]) Тамъ же, с. 150.

[4]) Тамъ же с. 150—151.

взявъ кой же свою запись, и емлютъ по сосуду меду и межъ себя здороваются и записи разнимаютъ» [1]).

Итакъ, теперь намъ ясно, что при сговорѣ писались записи, какъ отъ лица жениха, такъ и отъ лица представителей невѣстиной стороны.

Когда на Руси установился обычай писать «записи» при сговорѣ, мы не знаемъ. К. П. Побѣдоносцевъ, разбирая исторію этого вопроса въ Византіи, говоритъ: «въ свѣтскомъ законодательствѣ (въ VI вѣкѣ) утвердилась письменная форма договора о приданомъ и о дареніи на случай брака»... «Эта форма договора перешла и къ намъ отъ грековъ» [2]).

Къ сожалѣнію, К. П. Побѣдоносцевъ ничѣмъ не обосновываетъ послѣдней кратко брошенной фразы.

Если для разрѣшенія этого вопроса мы обратимся къ нашимъ законодательнымъ памятникамъ, то и тамъ мы не найдемъ удовлетворительнаго отвѣта.

Въ такъ называемомъ «Церковномъ уставѣ Владимира Святого» перечисляются дѣла, подвѣдомственныя духовному суду, и въ томъ числѣ указывается «смильное»; проф. Голубинскій почему-то толкуетъ это слово, какъ «тяжбы изъ-за брачныхъ контрактовъ — рядныхъ грамотъ» [3]), но это толкованіе весьма сомнительно.

Въ Русской Правдѣ по интересующему насъ вопросу нѣтъ ничего.

Въ Судебникѣ 1497 г. въ статьѣ «о полной грамотѣ» [4]) говорится: «по приданой—холопъ», а въ Царскомъ Судебникѣ 1550 года та же статья изложена яснѣе: «по приданой рабѣ—холопъ» [5]).

Очевидно, что уже къ концу XV вѣка обычнымъ явленіемъ было давать въ приданое «рабу», но писалась ли при этомъ какая-либо запись—неизвѣстно [6]).

Ко времени «Стоглава» рядныя-свадебныя уже составлялись,

---

[1]) Врем. М. О. И. Д., кн. 25, М., 1857 г., с. 157—158.

[2]) *К. П. Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражд. пр., т. II, с. 44 и 58.

[3]) *Е. Голубинскій*, Исторія р. ц., т. I, пол. I, М., 1901 г., с. 401.

[4]) *М. Владимірскій-Будановъ*, Хрест. по ист. р. пр., ч. II, Спб., 1908 г., с. 106.

[5]) Тамъ же, с. 164.

[6]) *О. фонъ-Ланге* въ своемъ трудѣ «О правахъ собственности супруговъ по др.-р. праву» пишетъ, что даже самого термина «приданое» онъ не нашелъ въ русскихъ источникахъ раньше XV в. (с. 55), а въ предшествующіе вѣка, напр. въ законахъ градскихъ, слово «dos» переводилось «вѣно» и «пристроя»; послѣднее подтверждается въ статьѣ *О. Пергамента* «Къ вопросу объ имущ. относ. супруг. по древнѣйшему р. пр.», Ж. М. Н. П., 1894 г., № XI, с. 10.

т. к. въ Стоглавѣ устанавливается, что судъ по ряднымъ грамотамъ подвѣдомственъ церкви [1]).

Впервые въ свѣтскомъ законодательномъ памятникѣ мы встрѣтили названіе «рядной грамоты» только въ «памяти» отъ 25 дек. 1567 г. [2]).

Въ серединѣ памяти, гласящей о томъ, какъ править долги по различнымъ документамъ, находится слѣдующее постановленіе: «А по ряднымъ грамотамъ на всѣхъ людей правити сполна всегды».

Какой актъ здѣсь разумѣется подъ «рядною грамотою», точно установить трудно.

Въ указѣ отъ 25 апрѣля 1597 г. мы впервые встрѣтили опредѣленное указаніе на рядную-свадебную запись: «и которые люди служатъ въ холопствѣ... по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ» [3]).

Въ «Уложеніи» разрѣшается домашній порядокъ совершенія «сговорныхъ свадебныхъ записей» (гл. X, ст. 250), и въ связи съ приданымъ упоминаются «рядныя записи», напр. Улож. гл. XX ст. 62 устанавливаетъ, что въ случаѣ бездѣтной смерти жены «приданыхъ людей по ряднымъ записямъ отдавать тѣмъ людямъ, кто ихъ въ приданое дастъ».

Такимъ образомъ о времени возникновенія у насъ обычая писать записи при сговорѣ достовѣрно мы можемъ утверждать лишь то, что онѣ писались уже съ первой половины XVI в.; это же подтверждается и напечатанными до сихъ поръ рядными и сговорными записями, изъ которыхъ самая ранняя относится къ 1541 году (А. Ю., № 392) [4]).

Какое же названіе носили эти акты?

---

[1]) Стоглавъ, изд. 3-е, Казань, 912 г., гл. 68, с. 142 и 149.

[2]) *М. Владимірскій-Буд.*, Хрест. по ист. р. пр., ч. III, Спб., 1908. г., Указн. кн. вѣд. казн., с. 12.

[3]) *М. Владимірскій-Буд.*, Хрест. по ист. р. пр., ч. III, Спб., 1908 г., Указн. кн. прик. холопьяго суда, с. 77.

[4]) Въ числѣ актовъ, находящихся въ «Зап. книгѣ крѣп. акт. XV — XVII вв., явл. въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву» (Р. И. Б., XVII), есть изложеніе акта, названнаго рядной,—7020 г., т.-е. 15$^{11}/_{12}$ г. (№ 110); повидимому, это рядная-свадебная. Нѣкоторые изслѣдователи исторіи русск. права, наприм. *М. Владимірскій-Буд.* въ своей Хрест. по ист. р. пр., изд. 1908 г., I, с. 116 и въ своемъ Обзорѣ ист. р. пр. (изд. 4-ое), с. 427, продолжаютъ настаивать на мнѣніи *И. И. Срезневскаго*, что извѣстная «рядная Тѣшаты» XIII в. есть рядная-свадебная запись; изслѣдовавъ весь имѣющійся у насъ печатный актовый матеріалъ, мы рѣшительно не можемъ признать аналогіи по формуляру рядной Тѣшаты съ рядными-свадебными, а потому и присоединяемся къ мнѣнію Неволина, опровергающаго взгляды Срезневскаго (*Неволинъ*, Полн. собр. соч., т. VI).

Котошихинъ называетъ ихъ «зарядными записями» [1]), а «Чины свадебные» указываютъ, что пишутся «записи зарядныя и рядная» [2]); сами же имѣющіеся у насъ акты именуются чаще всего «рядными записями» и «сговорными записями».

Терминъ «сговорной записи» въ самихъ актахъ встрѣчается только съ 1661 г. [3]); терминъ же «рядной»—въ смыслѣ свадебнаго акта—встрѣчается и въ XVI вѣкѣ [4]).

Впрочемъ, этотъ выводъ очень шаткій, т. к. объясняется, быть можетъ, лишь случайнымъ подборомъ матеріала.

Надо оговориться, что термины «рядная грамота» и «рядная» въ старину имѣли значеніе не только свадебнаго акта.

Разбирая исторію термина «рядной записи», Н. Калачовъ справедливо замѣчаетъ, что этотъ терминъ стоитъ въ связи со словами «рядъ» или «ряда», которыя «имѣли въ древней Россіи самое обширное значеніе» [5]).

Слова рядъ, ряда одного корня съ глаголомъ рядиться, который даже и до сихъ поръ сохраняетъ значеніе уговариваться, договариваться, какое онъ имѣло, повидимому, и въ самое отдаленное время; слова же рядъ и ряда имѣли значеніе договора [6]).

Отсюда произошло старинное названіе «рядной грамоты» и «рядной», т.-е. акта, заключающаго въ себѣ договоръ о чемъ-либо [7]).

Съ теченіемъ времени терминъ «рядъ» начинаетъ повидимому исчезать изъ юридическаго языка нашихъ предковъ и замѣняться словомъ договоръ, поэтому впослѣдствіи въ XVII в. появляются «договорныя записи» съ тѣмъ же неопредѣленно широкимъ значеніемъ, что раньше «рядныя грамоты».

---

[1]) *Гр. Котошихинъ*, Op. cit., с. 151 и 155.

[2]) Op. cit., с. 158.

[3]) А. Ю., № 393.

[4]) А. Ю., № 392 и Сб. бум. Щукина, т. III, с. 70.

[5]) Древности, Труды М. Археол. Общ., 1865—67 г., т. I, в. II, с. 67, Матеріалы для Арх. слов., *Н. Калачовъ*, Рядныя.

[6]) О значеніи этихъ словъ см. *Срезневскій, Ив. Ив.*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Въ извѣстной, такъ называемой, рядной Тѣшаты конца XIII в. выраженія: «се порядися» и «а кто сии рядъ переступить» (Русско-лив. акты, с. 15) имѣютъ опредѣленное значеніе: «вотъ договорились» и «кто этотъ договоръ нарушитъ». Подобныя же выраженія съ такимъ же значеніемъ находимъ въ такъ называемыхъ рядныхъ XV в., напечатанныхъ въ А. Ю. (напр., въ № 257, I и № 257, II).

[7]) Аналогичный выводъ дѣлаетъ и *Н. Калачовъ* въ названной выше работѣ, хотя онъ съ большою легкостью причисляетъ къ няднымъ всѣ акты, гдѣ есть слово «рядъ» или «срядися», тогда какъ сами акты себя такъ вовсе не именуютъ; изъ разбираемыхъ Калачовымъ рядныхъ XV в., помѣщенныхъ въ А. Ю., только одинъ называетъ себя «рядною грамотою» (А. Ю., № 257, V) и является мировою въ земельномъ спорѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ терминъ «рядной записи» принимаетъ въ XVI—XVII в. специфическій характеръ для обозначенія акта, заключающаго въ себѣ договоръ о предстоящей свадьбѣ.

Относительно термина «сговорной записи» подобной эволюціи значенія мы не наблюдаемъ; «сговоръ» всегда означаетъ договоръ о свадьбѣ, а «сговорная запись»—актъ, относящійся къ сговору, къ свадьбѣ [1]).

Постараемся выяснить употребленіе названій рядной и сговорной записи примѣнительно къ свадебнымъ актамъ на основаніи имѣющихся у насъ «записей». Строгаго различія въ примѣненіи этихъ названій установить нельзя, но все же отчасти намѣтить значеніе этихъ терминовъ въ пониманіи людей XVII столѣтія можно.

Всѣ наши акты, заключающіе въ себѣ договоры о предстоящей свадьбѣ, распадаются на двѣ большія группы.

Въ I группу входятъ акты, написанные отъ лица, выдающаго или выходящаго замужъ (такихъ актовъ у меня находится 94); II группу составляютъ акты, написанные отъ лица жениха (33 акта).

Въ числѣ нашихъ актовъ I группы есть 4 случая, когда лицо, выдающее замужъ, писало одновременно два акта: одинъ гласитъ, что сговорились выдать замужъ и даютъ приданое, которое подробно и перечисляется [2]), а другой содержитъ такое же указаніе

---

[1]) См., напр., такъ называемый «Уставъ кн. Ярослава Владиміровича о церковныхъ судахъ», стат. 26 (Хрест. Влад.-Буд., в. I).

[2]) Для примѣра приводимъ актъ, напечатанный *А. В. Селивановымъ* въ «Мат. для ист. рода рязанскихъ Селивановыхъ», ч. I, с. 168:

«Се азъ Семенова жена Ивановича Сумбулова вдова Аксиния Семеновна сговорила я Аксиния дочь свою дѣвку Анну Семеновну перваго своего мужа Семенову дочь Семеновича Арсенева замужъ за Ивана Романовича Селиванова.

А благословляю дочерe свою Анну Божіимъ милосердіемъ: образъ Пречистыя Богородицы Умиленіе, обложенъ серебромъ позолоченъ (перечисляются образа);

да приданова: крестъ серебреный позолоченъ съ жемчуги, да чепь серебреная; да приданова платья; ошивка низоная по отласу по червчетому, сѣтка золотная, да серги бечета серебреныя позолочены съ жемчюги... (перечисляется платье)... да ларецъ кованый со всякою ларечною кузнью, да 4 перстня серебреныхъ золоченыхъ съ камени и съ жемчюги, да постеля-изголовя съ подушки да коверъ подъ постелью, всево тово приданова на 50 рублевъ, да на платя жъ денегъ 50 р.

Да за нею жъ государева жалованья, что дано на еѣ жеребей послѣ отца еѣ Семена Семеновича Арсенева дѣда еѣ родовыя и выслужныя и купленыя вотчины... (перечисляются деревни, починки и пустоши, указывается, что эти вотчины находятся въ общемъ владѣніи всей семьи, и теща обязуется послѣ свадьбы раздѣлить ихъ на трое противъ дачъ повытно)...

А у сей рядовой записи сидѣли... (3 лица).

на сговоръ, дальше устанавливаетъ срокъ свадьбы и «неустойку» на случай неисполненія договора о срокѣ свадьбы [1]).

Во всѣхъ этихъ 4 случаяхъ акты, содержащіе въ себѣ договоръ о приданомъ, опредѣленно называются «рядными записями» (только въ одномъ, кромѣ названія рядной записи, есть еще наименованіе и «рядовой записи») [2]).

Отсюда напрашивается выводъ, что рядная запись въ чистомъ видѣ есть актъ, заключающій въ себѣ объявленіе сговора и договоръ о приданомъ.

Для провѣрки этого вывода обратимся къ остальнымъ, имѣющимся у насъ актамъ этого типа (такихъ полныхъ актовъ, кромѣ 4 выше отмѣченныхъ, — 23 и 3 акта, напечатанныхъ неполно; въ послѣднихъ 3-хъ нѣтъ совсѣмъ наименованія).

Изъ нихъ 6 называютъ себя «записями» [3]); 3 болѣе ранніе— просто «рядными» [4]), а остальные 18—«рядными записями» [5]) и

А рядную запись писалъ Зарайскаго города дьячекъ Сидорко Чельцовъ лѣта 7170 году генваря въ 14 день».

На оборотѣ подпись духовнаго отца «вмѣста вдовы Ксени» и рукоприкладства «сидѣльцевъ».

[1]) Для примѣра помѣщаемъ актъ, напечатанный *А. В. Селивановымъ* въ томъ же трудѣ, в. I, стр. 167:

«Се азъ Семенова жена Ивановича Сумбулова вдова Аксиня Семеновна сговорила язъ Аксиня дочерь свою дѣвицу Анну Семеновну перваго своего мужа Сименову дочь Семеновича Арсенова замужъ за Ивана Романовича Селиванова.

А выдать мнѣ вдовѣ Аксиньѣ дочь свою дѣвицу Анну за Ивана Романовича Селиванова на срокъ генваря въ 30 день нынѣшняго 170 году.

А будетъ я вдова Аксинья дочери своей дѣвицы Анны Семеновой за Ивана Романовича Селиванова на тотъ срокъ не выдамъ—и на мнѣ вдовѣ взять ему Ивану Романовичу Селиванову по сей записи 1000 рублевъ денегъ.

А у сей записи сидѣли... (тѣ же 3 лица)

А запись писалъ Зарайскаго города дьячекъ Сидорко Челцовъ лѣта 170 году генваря въ 24 день».

На оборотѣ рукоприкладство духовнаго отца вмѣсто вдовы Аксиньи и «сидѣльцевъ».

[2]) *Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, т. VIII, прил. I; Изв. Тамбовск. уч. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 71; О родѣ кн. Юсуповыхъ, ч. II, с. 359, № VI; *А. В. Селивановъ*, Op. cit., ч. I, с. 168.

[3]) Чт. М. О. И. Д., 1869, IV, с. 59; *Преображенскій* и *Альбицкій*, Подр. опис. 962 рукоп. Долм. арх., с. 16, № 39; *Барсуковъ*, Родъ Шерем., VII, с. 226 и друг.

[4]) А. Ю., № 392; Изв. Р. Генеал. О., III, отд. II, 97; Сб. бум. Щукина, III, с. 70.

[5]) *А. В. Селивановъ*, Мат. для ист. рода рязанск. Селивановыхъ, I, с. 68; Акты г. Шуи, с. 185, № 103 и друг.

только одна изъ нихъ [1]) имѣетъ, кромѣ названія «рядной записи», въ подписи «на затыли» еще наименованіе и «сговорной записи».

Слѣдовательно, изъ 27 актовъ 18 называютъ себя «рядными записями» и 3—«рядными».

Такимъ образомъ наша провѣрка подтвердила выводъ о томъ, какой актъ именовался въ XVI—XVII вв. рядною записью въ узкомъ смыслѣ слова; поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и будемъ называть акты этого типа рядными записями.

Теперь разсмотримъ вопросъ о наименованіи тѣхъ 4 актовъ, которые заключаютъ въ себѣ объявленіе сговора и договоръ о срокѣ свадьбы съ неустойкою.

Три изъ нихъ именуютъ себя просто «записями» [2]), а одинъ называется «сговорною записью» [3]).

Сопоставимъ ихъ съ имѣющимися у насъ совершенно однотипными еще пятью актами. (У насъ есть еще 1 актъ очень близкій по типу къ разбираемымъ актамъ, но въ его формулярѣ есть нѣкоторыя особенности, зависящія отъ того, что контрагенты въ немъ люди посадскіе; этотъ актъ называетъ себя «зарядною записью» [4]).

Изъ нихъ три именуютъ себя просто «записями» [5]), а два остальныхъ даютъ опредѣленное названіе «сговорной записи» или «зговорной записи» [6]).

Отсюда съ большою вѣроятностью мы дѣлаемъ выводъ, что только-что описанные 9 актовъ и являются въ пониманіи людей XVII вѣка «сговорными записями» въ узкомъ смыслѣ слова; въ дальнѣйшемъ именно этого типа актъ мы будемъ называть просто сговорными записями I группы.

Кромѣ описанныхъ типовъ актовъ I группы, имѣется у насъ еще 54 акта такъ сказать смѣшаннаго типа, въ которыхъ есть и приданое и срокъ свадьбы съ общею неустойкою, относящеюся и къ приданому и къ сроку свадьбы [7]).

Большая часть изъ нихъ (30) называются «рядными записями»; 5 имѣютъ также названіе «рядной записи», но одновре-

---

[1]) Чт. М. О. И. Д., 1901 г., I, с. 84.

[2]) *Барсуковъ*, Родъ Шерем., VIII, с. 481; Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 74; *А. В. Селивановъ*, Ор. cit., I, с. 167.

[3]) О родѣ Юсуповыхъ, II, с. 357, № V.

[4]) Чт. М. О. И. Д., 1902 г., IV, с. 13.

[5]) О родѣ Юсуповыхъ, II, с. 363, № VIII; Мат. по ист. Моск., Волог. и др. г., в. XV, с. 1794, № 755; Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., XII, в. I, с. 73.

[6]) Лѣт. зан. Археогр. Ком., в. V, отд. I, с. 22, № 16; Ежег. Владим. губ. статист. ком., I, в. I, с. 297, № II.

[7]) См., напр., А. Ю., № 400; А. Ю. Б., III, № 334, III_1 и друг.

менно называются и «сговорными записями»; 8 актовъ называютъ себя только «сговорными записями», а три имѣютъ сложный терминъ: «рядной записи зговорной», «зговорной рядной записи» и «зговорной и рядной записи» [1]).

Такіе акты мы будемъ называть въ дальнѣйшемъ сложнымъ терминомъ—рядными-сговорными записями I группы.

Такимъ образомъ намъ удалось намѣтить значеніе терминовъ рядной и сговорной записи для актовъ I группы. Что же касается до актовъ II группы, т. е. написанныхъ отъ лица жениха, то, повидимому, несмотря на единообразіе ихъ по содержанію, большая часть ихъ получали такое же названіе, какое давалось соотвѣтственному акту, написанному съ невѣстиной стороны; по крайней мѣрѣ на 6 актахъ II группы [2]), противни которыхъ напечатаны и являются рядными-сговорными записями I группы [3]), этотъ выводъ подтверждается [4]).

Поэтому акты II группы называются и просто «записями» (9) и «рядными записями» (9) и «сговорными записями» (9) и «рядной сговорной записью» (1) и «сговорнымъ письмомъ» (1) и просто «рядной» (1) и «полюбовною записью» (1).

При выясненіи названій разныхъ видовъ нашихъ актовъ мы уже намѣтили въ общихъ чертахъ различіе содержанія всѣхъ 4-хъ видовъ. Теперь мы можемъ перейти къ болѣе подробному разбору клаузальнаго состава актовъ.

Хотя рядныя-сговорныя II группы, т.-е. жениховскія, являются актами соотносительными съ записями I группы, и клаузулы рядныхъ-сговорныхъ II гр. по своему содержанію въ большинствѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ клаузуламъ записей I группы, но клаузулы

---

[1]) Чт. М. О. И. Д., 1897 г., I, смѣсь, с. 6; Врем. М. О. И. Д., т. XV, смѣсь, с. 29; Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., VII, отд. I, с. 145. Кромѣ того, 7 актовъ именуются просто «записями», и одинъ неполный актъ совсѣмъ не имѣетъ наименованія.

[2]) А. Ю. Б., III, № 334, III, 2 и № 334, IX, 2; Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1891 г., в. XXXII, с. 136 и 1893 г., в. XXXVI, с. 55; Сб. бум. Щукина, II, с. 266; *Челищевъ*, Сб. мат. для ист. рода Челищевыхъ, с. 185.

[3]) А. Ю. Б., III, № 334, III, 1 и № 334, IX, 1; Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1891 г., в. XXXII, с. 134 и 1893 г., в. XXXVI, с. 55; Сб. бум. Щукина, II, с. 267; *Челищевъ*, Op. cit., с. 186.

[4]) Надо отмѣтить, что мы имѣемъ и еще одинъ случай, когда напечатаны акты и жениховскій и 2 невѣстины (рядная и сговорная записи), относящіеся къ одному и тому же сговору, въ Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 71, 73 и 74; здѣсь нашъ выводъ подтверждается только отчасти: писецъ—ивановской площади подьячій—называетъ ихъ всѣ одинаково «записями», но въ рукоприкладствахъ на затыли жениховская запись именуется «сговорною записью», а рядная невѣстина—«рядною записью».

актовъ жениховскихъ написаны отъ лица жениха, а клаузулы I группы отъ лица представителей невѣстиной стороны—слѣдовательно, словесная форма ихъ различна, а потому мы считаемъ болѣе удобнымъ выдѣлить разборъ клаузальнаго состава записей II группы.

Всѣ же виды записей I группы возможно подвергнуть одновременному разсмотрѣнію въ виду того, что рядныя-сговорныя записи I группы являются какъ бы объединяющимъ видомъ, въ которомъ находятся существенныя клаузулы, характерныя и для рядныхъ и для сговорныхъ записей.

Поэтому мы возьмемъ въ основу разсмотрѣнія рядныя-сговорныя записи, отмѣчая попутно особенности 2-хъ другихъ видовъ.

Всѣхъ актовъ I группы мы имѣемъ 94; изъ нихъ 54—рядныя-сговорныя записи, 30—рядныя и 10—сговорныя.

Громадное большинство этихъ записей относится ко 2-ой половинѣ XVII вѣка.

Отъ XVI в. мы имѣемъ всего 2 рядныхъ записи [1]): 1541—42 и 1568—69 гг.

Отъ первой половины XVII в. въ печати извѣстны 3 рядныхъ записи [2]), одна сговорная [3]) и 3 рядныхъ-сговорныхъ [4]).

Мѣстности, къ которымъ относятся наши акты, раскиданы по всему Московскому царству: отъ Новгорода, Порхова и Торопца—на западѣ до Казани и Симбирска—на востокѣ; отъ Бѣлозерска и и Вологды—на сѣверѣ до Болхова и Ельца—на югѣ; нѣтъ только свадебныхъ записей I группы Поморскаго края, если контрагенты—служилые люди, но мы имѣемъ 2 рядныхъ записи посадскихъ людей и съ Поморья: «съ Турьи» и изъ Холмогоръ [5]).

Обычно всѣ записи I группы начинаются съ клаузулы о сговорѣ, и только въ 3-хъ рядныхъ-сговорныхъ въ началѣ добавлена клаузула начальнаго протокола: «се азъ N дала есми сю запись

---

[1]) А. Ю., № 392 и Сб. бум. Щукина, III, с. 70.

[2]) А. Ю. Б., III, № 334, I; Изв. Р. Генеал. Общ., III, отд. II, с. 97; Врем. М. О. И. Д., XV, смѣсь, с. 24. Послѣдній актъ относительно датировки (7109 г. февр. 1) возбуждаетъ сомнѣніе, не является ли эта дата опечаткою, т. к., судя по писцу и «сидѣльцамъ», онъ долженъ быть отнесенъ къ 60-мъ годамъ XVII стол.

[3]) Мат. по ист. губ. Моск., Волог. и др., в. XV, с. 1794, № 755.

[4]) Изв. Имп. Археол. Общ., I, с. 375; Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1893 г., в. XXXVII, с. 52 и Владим. Губ. Вѣд., 1860 г., № 53, с. 290.

[5]) 20 записей I группы намъ не удалось пріурочить ни къ какой опредѣленной мѣстности хотя бы приблизительно.

ему М» [1]) или «се азъ N далъ сію запись М въ томъ» [2]) безъ всякаго вліянія на дальнѣйшій формуляръ.

Да еще въ одной рядной-сговорной записи 1641-го года есть клаузула начальнаго протокола въ такой формѣ: «память мне володимерцу, Аноѳрею Шарапову сыну Кудрявцову» [3]), которая также совершенно не вліяетъ на дальнѣйшій клаузальный составъ акта, и самый актъ называетъ себя дальше не памятью, а «рядной записью».

1 клаузула, обязательная для всѣхъ нашихъ записей I группы, заключаетъ въ себѣ объявленіе сговора, и форма ея чаще всего такова: «се азъ N въ нынѣшнемъ такомъ-то году мѣсяца въ такой-то день сговорилъ я N дочь свою (сестру свою) дѣвицу Р замужъ за М.» Въ самой ранней рядной записи XVI в. [4]) форма этой клаузулы нѣсколько отличается: «Се азъ N даю дочерь свою Р за М», а въ рядной 1637 г. посадскихъ людей, въ такой же по формѣ клаузулѣ, вмѣсто «даю» стоитъ «выдаю» [5]). Иногда, особенно въ болѣе раннихъ актахъ, въ I клаузулѣ нѣтъ даты сговора [6]).

Въ трехъ рядныхъ-сговорныхъ [7]), въ двухъ рядныхъ [8]) и въ одной сговорной записи указанная форма осложняется добавкою о помѣстьѣ, напр.: «Се азъ вдова Катерина Яковлевна Степанова жена Алексѣевича Сумарокова въ нынѣшнемъ въ 196 году генваря во второй на десять день сговорила я вдова Катерина замужъ за стольника князь Дмитрея Сеюшевича Юсупова-Княжева съ прожиточнымъ своимъ помѣстьемъ въ Ярославскомъ уѣздѣ въ разныхъ волостяхъ и станѣхъ въ селѣ Сумаковѣ съ селы и съ деревнями, чѣмъ меня Великіе Государи пожаловали по смерти мужа моего Степана Алексѣевича, а четвертныя пашни сто четыре четверти, крестьянскихъ и боярскихъ 30 дворовъ» [9]).

---

[1]) Мат. приказа Каз. Дворца, Арх. кн. Баюшева, I, с. 229 и Труды Сарат. уч. арх. ком., 1889 г., т. II, в. I, с. 153.

[2]) А. Ю. Б., III, № 334, VII.

[3]) Сб. бум. Щукина, II, с. 269.

[4]) А. Ю., № 392.

[5]) А. Ю. Б, III, № 334, I.

[6]) *Селивановъ*, Мат. для ист. рода рязанск. Селивановыхъ, I, с. 167; Сб. бум. Щукина, III, с. 70; *Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, VIII, прилож., с. I и друг.

[7]) А. Ю. Б., III, № 334, III, 1; *Челищевъ*, Сб. мат. для ист. рода Челищевыхъ, с. 186 и Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1888 г., в. XX, с. 46—47 (послѣдній актъ перепечатанъ въ тѣхъ же Извѣстіяхъ за 1891 г., в. XXXII, с. 134).

[8]) *Барсуковъ*, Родъ Шер., VII, с. 226; Труды Орловск. уч. арх. ком., 1889 г., в. 6, с. 22, № 12.

[9]) О родѣ Юсуповыхъ, II, с. 357, № V.

Въ одной всего рядной-сговорной записи I клаузула осложнена включеніемъ въ нее указанія не только на помѣстье, но и на все приданое, благодаря чему въ дальнѣйшемъ въ этой записи исчезаютъ клаузулы о дачѣ приданаго. Читается эта клаузула такъ: «Се язъ Ряскіе приказные избы подьячего Яковлевская жена Григорьевича Протопопова вдова Марья Алексѣева дочь въ нынѣшнемъ во 198 году ноября в 10 день сговорила я вдова Марья дочь свою дѣвицу Марью Яковлевну замужъ за Якова Андреевича Трубникова съ прожиточнымъ съ жеребьемъ и съ приданымъ платьемъ, и тому роспись подъ сею записью» [1]).

Итакъ, мы видимъ, что содержаніемъ I клаузулы является указаніе контрагентовъ и объявленіе сговора.

Контрагенты принадлежатъ къ служилому классу; только въ одной рядной-сговорной выдаетъ замужъ свою дочь «гость» [2]); въ одной рядной-сговорной контрагенты-крестьяне [3]) и въ 3 записяхъ (1—сговорной и 2 рядныхъ)—люди посадскіе [4]).

При жизни отца запись писалась, повидимому, отъ лица его одного [5]), т. к. записи, написанныя отъ лица матери, всегда отмѣчаютъ, что мать—вдова или находится во второмъ бракѣ, а выдаетъ дочь отъ перваго брака [6]).

Иногда въ записяхъ, написанныхъ отъ лица матери-вдовы, послѣдняя пишется не одна, а вмѣстѣ со своими сыновьями, напр.: «Се я Ульяна Борисова дочь Борисовская жена Ѳедоровича Пузина съ дѣтьми своими съ Михайломъ да съ Микитою сговорили мы: я—вдова Ульяна—дочь свою родную, а мы—Михайло и Микита—сестру свою родную...» [7])

Есть, впрочемъ, одинъ случай, когда и отецъ пишетъ запись не единолично отъ себя, а вмѣстѣ съ сыномъ [8]), а въ другомъ случаѣ актъ написанъ одновременно отъ лица бабки и отца невѣсты [9]).

Очевидно, тогда, когда родителей уже не было на свѣтѣ, запись писалась отъ лица заступающихъ ихъ мѣсто, чаще всего братьевъ невѣсты [10]), дѣда ея или просто «родственниковъ».

---

[1]) Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1891 г., в. XXXII, с. 134.

[2]) А. Ю. Б., III, № 336, VI.

[3]) А. Ю., № 401.

[4]) Чт. М. О. И. Д., 1902 г., IV, с. 13; Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., III, с. 31, № 8 и А. Ю. Б., III, № 334, I.

[5]) *Барсуковъ*, Родъ Шер., VIII, с. 481 и др

[6]) *Селивановъ*, Мат. для ист. рода рязанск. Селивановыхъ, I, с. 167 и друг.

[7]) Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 59.

[8]) Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1893 г., в. XXXVI, с. 55.

[9]) Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., 1905 г., VI, отд. III, с. 219.

[10]) Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 74 и друг.

Одинъ разъ рядная-сговорная написана отъ лица брата невѣсты и при жизни матери-вдовы, но тутъ внесена въ I клаузулу добавка: «сговорилъ я Павелъ *по приказу матери* своей вдовы NN сестру свою родную» [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда замужъ выходила вдова, она писала запись отъ своего лица, какъ это видно изъ примѣра, приведеннаго нами выше.

Но есть одна сговорная и одна рядная запись, въ которыхъ при выходѣ замужъ вдовы записи написаны отъ лица родителей ея [2]).

Среди рядныхъ-сговорныхъ есть 2 записи, написанныя «дѣвками» отъ своего лица [3]); очевидно, не было у нихъ не только родителей, но и родственниковъ, чтобы посватать ихъ, т. к. обычно, какъ видно изъ Котошихина, дѣвушекъ выдавали замужъ семья или родственники [4]).

Другимъ контрагентомъ, на имя котораго пишутся записи, во всѣхъ записяхъ является женихъ, и только въ одной рядной-сговорной мать невѣсты даетъ запись не жениху, а его отцу [5]).

2-ою клаузулой въ рядныхъ-сговорныхъ и рядныхъ записяхъ обычно является перечисленіе даваемаго приданаго. Клаузулы о приданомъ нѣтъ всего въ одной рядной записи [6]) и въ двухъ рядныхъ-сговорныхъ [7]), при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ упоминаніе о приданомъ помѣстьѣ и прочемъ приданомъ находится въ I клаузулѣ о сговорѣ.

Если въ приданое входятъ образа, то клаузула о приданомъ принимаетъ примѣрно такой видъ: «А благословляю я N дочь свою (сестру свою) P Божіимъ милосердіемъ», и дальше перечисляются образа въ именительномъ падежѣ безъ всякаго согласованія съ предыдущимъ, а затѣмъ идутъ другіе виды приданаго, соединяемые съ предшествующимъ союзомъ «да».

Во вдовьихъ записяхъ въ этомъ случаѣ II клаузула принимаетъ примѣрно такую форму: «А Божія милосердія у меня P образъ» и т. д. [8]).

---

[1]) Чт. М. О. И. Др., 1869 г., IV, с. 64.

[2]) О родѣ Юсуповыхъ, II, с. 363, № VIII и А. Ю., № 392.

[3]) А. Ю. Б., III, № 334, III; Журналъ 73-го засѣд. Тверск. уч. арх. ком. 1900 г., с. 11.

[4]) *Гр. Котошихинъ*, О Россіи въ царств. Ал. М., с. 149.

[5]) Мат. Приказа Казанск. Дворца, Архивъ кн. Баюшева, I, с. 229.

[6]) Труды Орловск. арх. ком., 1889 г., в. VI, с. 22, № 12.

[7]) Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1891 г., в. XXXII, с. 134 и *Челищевъ*, Сборн. мат. для ист. рода Челищевыхъ, с. 186.

[8]) Сб. бум. Щукина, III, с. 70 и др.

Если объектомъ II клаузулы являются не образа, а какое-либо другое приданое, то форма II кл. такова: «да приданаго даю за дочерью своею (сестрою своею)...» [1]), а во вдовьихъ записяхъ—«да приданаго за мною...» [2]).

Въ приданое въ нашихъ актахъ входятъ образа, кузнь, т.-е. металлическія украшенія, низанье или саженье (соженье), т.-е. вещи, сдѣланныя изъ низанаго жемчуга, платье, дѣвка къ ларцу, люди, деньги, вотчины и помѣстья съ крестьянами и отдѣльно крестьяне. Конечно, далеко не во всѣхъ рядныхъ-сговорныхъ и рядныхъ въ приданомъ находятся всѣ перечисленные виды приданаго: образа отсутствуютъ только въ 6 рядныхъ-сговорныхъ и 3 рядныхъ записяхъ; платье съ кузнью и низаньемъ дается во всѣхъ этихъ записяхъ, кромѣ 4-хъ рядныхъ и 4 рядныхъ-сговорныхъ; дѣвка къ ларцу—въ 17 рядныхъ-сговорныхъ и 8 рядныхъ; люди—въ 32 рядн.-сгов. и 7 рядныхъ; деньги даются всего въ 1 рядн.-сгов. и 3-хъ рядныхъ записяхъ, вотчина упоминается въ 9 рядн.-сгов. и въ 14 рядныхъ записяхъ, а помѣстье—въ 27 рядн.-сгов. [3]) и въ 11 рядныхъ [4]); крестьяне, какъ самостоятельный объектъ приданаго, а не какъ принадлежность вотчины или помѣстья, даются въ 4 рядн.-сгов. и въ 4 рядныхъ записяхъ.

Часто перечисленіе этихъ видовъ приданаго, хотя бы и въ большомъ количествѣ, составляетъ лишь элементы единой по формѣ II-ой клаузулы [5]).

Но чаще эти элементы обособляются въ самостоятельныя клаузулы съ указанной выше формою, такъ что въ актѣ оказывается повтореніе 2-ой клаузулы лишь съ разными объектами, при этомъ получаются самыя разнообразныя комбинаціи сліянія этихъ элементовъ, такъ что II-ая клаузула является повторенной 2, 3 и т. д. разъ; при этомъ порядокъ перечисленія этихъ элементовъ чаще всего тотъ, въ которомъ мы ихъ привели, но все же въ этомъ отношеніи возможны самыя разнообразныя колебанія [6]); иногда даже случается, что этотъ элементъ, выраженный въ самостоятель-

---

[1]) Врем. М. О. И. Д., XV, смѣсь, с. 24 и др.

[2]) *Селивановъ*, Мат. для ист. рода ряз. Селивановыхъ, I, с. 68 и др.

[3]) 3 раза упоминаніе о помѣстьѣ находится въ I клаузулѣ.

[4]) Въ томъ числѣ 2 раза въ I клаузулѣ.

[5]) Типичный примѣръ этого см. Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1893 г., в. XXXVI, с. 55.

[6]) Порядокъ слѣдованія приданаго платья съ кузнью и низаньемъ непосредственно за образами чрезвычайно устойчивъ, но все же и здѣсь есть отступленіе, когда между ними помѣщена дача людей (Мат. для истор. и стат. Симбирск. губ., II, с. 62, № XX).

ной клаузулѣ, отдѣляется отъ перечисленія предыдущаго приданаго другими клаузулами [1]).

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе каждый элементъ приданаго въ отдѣльности.

Изъ иконъ чаще всего даются образа Всемилостиваго Спаса и различныя иконы Божіей Матери.

Обыкновенно иконы даются въ окладѣ серебряномъ или серебряномъ позолоченномъ. Украшенія окладовъ бываютъ чрезвычайно богатыя [2]).

Кузнь, низанье и платье обыкновенно перечисляются одно въ связи съ другимъ [3]).

Изрѣдка перечисленія этихъ вещей въ самомъ актѣ нѣтъ, а онѣ перечисляются въ приложенной къ записи росписи, о чемъ и отмѣчается въ актѣ: «и тому подъ сею записью роспись за рукою» [4]).

Этотъ видъ приданаго въ нашихъ актахъ представляетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи бытовой и въ особенности для исторіи русскаго костюма.

Перечисленіе этого вида приданаго обыкновенно начинается съ «кузни и низанья». Сюда входятъ кресты, «манисто» или «чѣпи», перстни, серьги разныхъ фасоновъ, золотые обручи, золотыя пуговицы, «мошна шита волоченымъ золотомъ» и различныя вещи, низаныя изъ жемчуга: ожерелья, запястья, зарукавья, «передѣнка», кокошникъ, шапка, «кика съ каменьи и съ рясы», «треухъ низаной на соболяхъ», подзоръ зерновой, даже «кузникъ низаной», т.-е ларецъ для кузни.

Въ числѣ платья обычно находятся шубы, лѣтники [5]), тѣлогрѣи, охобни, опашни; упоминаются «ожерелье бобровое», треухи, шапки; послѣднія, впрочемъ, упоминаются чаще не въ числѣ платья, а въ «низаньѣ», т. к. шапки часто имѣютъ «низаной верхъ».

---

[1]) Напр. въ рядн.-сгов. записи, помѣщенной въ Сб. бум. Щукина, II, с. 267, дача помѣстія отдѣлена отъ предыдущаго приданаго клаузулами, заключающими въ себѣ обязательство дать на людей данныя, а на крестьянъ отпускныя.

[2]) Сб. бум. Щукина, II, с. 83 и др.

[3]) Въ одной рядн.-сгов. перечисленіе кузни обособлено въ отдѣльную клаузулу (*Преображенскій* и *Альбицкій*, Подр. оп. Долм. арх., с. 18, № 44).

[4]) *Барсуковъ*, Родъ Шер., VII, с. 226; Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1891 г., в. XXXII, с. 134; Чт. М. О. И. Д., 1901 г., II, смѣсь, с. 1, № 1.

[5]) Съ 80-хъ гг. XVII столѣтія лѣтники исчезаютъ изъ приданаго. Среди лѣтниковъ часто упоминаются желтые, вѣроятно потому, что такого цвѣта лѣтники обыкновенно надѣвались присутствующими на свадьбѣ (см. Чины свадебные. Врем. М. О. И. Д., кн. 25, 1857).

Въ нѣкоторыхъ записяхъ послѣ платья указываются ларцы опять съ кузнью и низаньемъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ уже описаннаго, находятся различныя головныя украшенія и туалетныя вещи, напр., волосники, ошивки, «бѣлильница, румянница, суремница, клеялница, тазикъ серебреные», зеркало и т. п.

Въ богатомъ приданомъ за ларцомъ съ кузнью идетъ иногда обувь — «башмаки бархотные съ голуномъ серебренымъ» и т. п., посуда «къ мыльнѣ»: «лохань мѣдная, кулганъ мѣдной, 2 таза мѣдныхъ» [1]).

Въ трехъ записяхъ перечисляется и то платье, что дается «къ мыльнѣ зятю» [2]).

Изрѣдка къ приданому платью прибавляется столовое серебро: братина, чарки, четвертина и т. п. [3]), столовая и кухонная посуда [4]).

Постоянною принадлежностью приданаго является постель, иногда кратко упоминаемая — «постеля съ головьемъ и съ одѣяломъ», иногда подробно описываемая: «постеля, изголовья и подушки пуховые, на постелѣ и на изголовьѣ и на подушкахъ наволоки камчатные, одѣяло—атласъ золотной на соболяхъ, грива—бархатъ серебряной веницейской, подъ постелью коверъ» [5]).

Перечисленіе вышеописаннаго приданаго обыкновенно заканчивается общей оцѣнкою его, примѣрно, въ такой формѣ: «и (а) всего приданаго на столько-то рублевъ» [6]).

Общая оцѣнка дѣлалась, повидимому, въ круглыхъ цыфрахъ (отъ 5 до 4000 р.); только въ одной рядной записи общая оцѣнка указывается, вѣроятно, точная—«50 рублевъ съ полтиною» [7]).

Въ одну запись послѣ общей оцѣнки включена дополнительная клаузула: «а имать то приданое платье и саженье все въ цѣну» [8]), которая указываетъ, что пріемка каждой вещи приданаго

---

[1]) Чт. М. О. И. Д., 1912, IV, с. 192.

[2]) Изв. Русск. Генеал. Общ., III, отд. II, с. 97 и др.

[3]) Сб. бум. Щукина, II, с. 83 и др.

[4]) Изв. Имп. Археол. Общ., I, с. 375.

[5]) Акты г. Шуи, с. 185, № 103.

[6]) Изрѣдка эта общая оцѣнка отрывается отъ перечисленія приданаго другими клаузулами и тогда является сама отдѣльною клаузулою, напр., Сб. бум. Щукина, II, с. 267; Врем. М. О. И. Д., XV, смѣсь, с. 24; Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 61 и 1897 г., I, смѣсь, с. 6. Въ послѣдней изъ этихъ записей послѣ оцѣнки прибавлена слѣдующая клаузула: «А будетъ тово платья на 100 рублевъ и серебряной кузни и низанья не будетъ,—и намъ N (братьямъ невѣсты) ему М (жениху) додать деньгами».

[7]) Чт. М. О. И. Д., 1901 г., II, с. 4.

[8]) Изв. Русск. Генеал. Общ., III, отд. II, с. 97.

производилась по опредѣленной оцѣнкѣ; но оцѣнка отдѣльныхъ предметовъ встрѣтилась намъ всего въ одной рядной [1]) и 5 рядныхъ-сговорныхъ записяхъ [2]).

Въ трехъ рядныхъ-сговорныхъ и въ 1 рядной послѣ общей оцѣнки выдающіе замужъ невѣсту добавляютъ, что они предоставляютъ жениху право взять вмѣсто перечисленнаго приданаго деньги въ размѣрѣ указанной оцѣнки: «а не люба приданая платья и кузнь—и дать ему 13 рублевъ» [3]).

Не рѣдки случаи, когда приданое и совсѣмъ не оцѣнивается въ рядныхъ-сговорныхъ записяхъ (оцѣнки нѣтъ въ 14 рядн.-сгов., т.-е. въ 25% всего числа рядн.-сгов. записей).

Довѣрять вполнѣ оцѣнкѣ вещей, данной въ записяхъ, кажется, нельзя, по крайней мѣрѣ въ «Чинахъ свадебныхъ» говорится: «а пишутъ для того слишкомъ, чтобы показати было свойственнымъ почестнѣе» [4]); а Маржеретъ пишетъ объ оцѣнкѣ такъ: «Всякая вещь, отдаваемая отцомъ за дочерью въ приданое, оцѣнивается вдвое; и если у кого жена умретъ бездѣтною, то мужъ долженъ платить за все по оцѣнкѣ ближайшимъ родственникамъ» [5]).

Слѣдующими по порядку ихъ расположенія въ актахъ элементами приданаго являются «дѣвка къ ларцу» и люди [6]).

Относительно нихъ слѣдуетъ отмѣтить, что «дѣвка къ ларцу» часто упоминается среди приданаго платья и кузни, а люди часто перечисляются, какъ принадлежность господскаго двора въ вотчинѣ или помѣстьѣ [7]).

Иногда даются въ приданое люди бѣглые [8]).

---

[1]) А. Ю. Б., III, № 334, I.

[2]) А. Ю. Б., III, № 336, VI; Изв. Имп. Археол. Общ., I, с. 375; Труды Сарат. арх. ком., 1889 г., II, в. I, с. 153; Сынъ Отечества, 1836 г., ч. 180, с. 33 и 34.

[3]) Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1893 г., в. XXXVII, с. 52; Чт. М. О. И. Д., 1847 г., IX, отд. IV, с. 13, № IX; 1869 г., IV, с. 59 и 1897 г., I, смѣсь, с. 8.

[4]) Врем. М. О. И. Д., 1857 г., кн. 25, с. 170.

[5]) *Маржеретъ*, Истор. зап., М. 1830 г., с. 72.

[6]) Въ одной записи вслѣдъ за перечисленіемъ даваемыхъ въ приданое людей добавлено такое замѣчаніе о нихъ: «А тѣми людьми Гаврилою да Яшкою да Ивашкою и съ женами ихъ и съ дѣтьми и послѣ отца моего завладѣлъ у меня вотчимъ мой Карпъ Жемчужниковъ» (*Селивановъ*, Op. cit., I, с. 68).

[7]) Въ одной рядн.-сгов. записи люди даются взамѣнъ помѣстья: «да я же Тимофей даю за сестрою своею въ приданое де старинныхъ женку вдову и крѣпостныхъ Акульку Ѳедорову дочь съ сыномъ Ромашкою Алексѣевымъ, да дѣвку Настюшку Иванову дочь вмѣсто отцовскаго ея пожиточнаго помѣстья» (Мат. для ист. и стат. Симбирск. губ., II, с. 62, № XX).

[8]) Сб. бум. Щукина, II, с. 269 и др. Непосредственно за дачею бѣглаго человѣка въ двухъ актахъ есть дополнительныя клаузулы: «и мне N того

Деньги, какъ мы уже отмѣчали, въ качествѣ приданаго встрѣтились намъ всего 4 раза, при чемъ безъ всякаго спеціальнаго назначенія деньги даются лишь одинъ разъ, а въ остальныхъ деньги даются съ добавленіемъ «на вотчину», «на платье» или «за платье и за саженье и за манисто, за серьги и за запястье».

Земля, въ видѣ вотчины или помѣстья, является почти постояннымъ элементомъ приданаго. Въ болѣе раннихъ актахъ встрѣчаются только вотчины; помѣстье встрѣтилось намъ въ качествѣ приданаго въ первый разъ въ 1649-мъ г. [1]).

Иногда помѣстье дается одновременно съ вотчиною [2]).

При дачѣ въ приданое земли обыкновенно указывается, гдѣ находится земля, сколько земли [3]), какія угодья входятъ въ нее и что на ней находится, т.-е. церковь, дворъ господскій, люди во дворѣ, дворы крестьянскіе съ крестьянами и ихъ животами; иногда указывается и то основаніе, на которомъ эта земля является владѣніемъ невѣсты или ея родственниковъ, напр.: «государева жалованья, что дано еѣ жеребей послѣ отца еѣ N, дѣда еѣ родовыя и выслужныя и купленыя вотчины» [4]) и т. п.

Въ одной рядн.-сгов. записи за описаніемъ вотчины идетъ дополнительная клаузула: «А будетъ въ тѣхъ вышеписанныхъ дву деревняхъ и въ трехъ пусташахъ противъ нашей дачи 44 четвертей чего не достанетъ, и мнѣ Ѳедорѣ (тещѣ) намѣрять изъ своей дачи изъ иныхъ пустошей» [5]). Иногда за описаніемъ земли идутъ дополнительныя клаузулы, выясняющія какія-либо спеціальныя условія, въ которыхъ находится даваемая земля [6]).

человѣка своего Ивашка сыскать и ему М его отдать» и «а буде я N (тесть) того Екимку послѣ свадьбы въ годъ не сыщу, и мнѣ дать ему зятю своему голова за голову» (Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1888, в. XXI, с. 75).

[1]) Владим. Губ. Вѣд., 1860, № 53, с. 290. Иногда форма клаузулы о дачѣ помѣстья въ приданое имѣетъ вмѣсто слова «даю»—«поступаюсь».

[2]) А. Ю. Б., III, № 336, V; Труды Сарат. арх. ком., 1889 г., II, в. I, с. 153; Ежегодн. Влад. губ. Стат. Ком., I, в. II, с. 155 и др.

[3]) Въ одной рядной-сговорной записи опредѣленіе количества земли отрывается отъ описанія земли другими клаузулами, т. что получаетъ форму самостоятельной клаузулы: «А та деревня, что была пустошь доръ Рябининъ с пашнею и с лѣсомъ и с сѣнными покосы и со всѣми угодьи по писцовымъ книгамъ и по писцовымъ же межевымъ книгамъ» (Сб. бум. Щукина, II, с. 267).

[4]) *Селивановъ*, Op. cit., I, с. 168. Въ одной рядн.-сгов. описаніе происхожденія вотчины развивается въ такія формы: «А тое я Алексѣй землю пятьдесятъ четвертей въ полѣ, а в двухъ по тому жъ, взялъ я у сына своево Івана изъ выслуженой ево вотчины, а на тое землю крестьянъ я Алексѣй навозилъ изъ своихъ купленыхъ вотчинъ» (Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 61).

[5]) Акты г. Шуи, с. 297, № 163.

[6]) Въ рядной записи, помѣщенной у *А. В. Селиванова*, Op. cit., I, с. 168, вотчина находится въ общемъ владѣніи матери, сестеръ, братьевъ и

Крестьяне, обычно даваемые при вотчинѣ или помѣстьѣ, передаются со всѣми «животами»: «а тѣ наши вышеписанные крестьяне съ женами и съ дѣтьми, что у нихъ есть и съ ихъ крестьянскими животы» [1]).

Изрѣдка относительно крестьянъ отмѣчается и то основаніе, по которому они крѣпки къ землѣ: «а въ вотчинахъ и въ помѣстьѣ крестьяне и бобыли крѣпки по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ» [2]).

Среди тѣхъ случаевъ, когда крестьяне даются безъ земли, иногда добавляется, что они даются взамѣнъ платья или помѣстья [3]), при чемъ крестьяне даются, какъ вотчинные, такъ и помѣстные [4]).

Въ трехъ записяхъ дача крестьянъ дополняется указаніемъ на право зятя перевезти ихъ на другія земли: въ одномъ случаѣ на помѣстье, даваемое также въ приданое, а въ другомъ — «и ему Ивану того бобыльского сына съ сестрами, коихъ имена писаны въ сей записи, привезти ему Ивану на свою помѣстную землю, куды онъ Иванъ похочитъ» [5]).

самой невѣсты, а потому мать обязуется произвести послѣ свадьбы раздѣлъ земли; въ другой рядной часть вотчины находится въ пожизненномъ владѣніи бабушки, а потому перейдетъ къ зятю лишь послѣ смерти ея (А. Ю., № 392); въ третьей рядной тесть собирается купить помѣстье въ вотчину и тогда передать описанное выше помѣстье въ качествѣ вотчины зятю (*Барсуковъ*, Родъ Шерем., VIII, прил., с. I); въ четвертой въ даваемомъ помѣстьѣ оказывается 2 четверти сверхъ прожиточнаго жеребья невѣсты, которыя братъ и уступаетъ зятю, но за то выговариваетъ себѣ право сжать посѣянный на жеребьѣ хлѣбъ въ свою пользу (Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 64). Въ рядной записи съ контрагентами посадскими людьми въ приданое за невѣстою даются 2 закладныя на дворъ, по которымъ жениху предоставляется право взыскивать долгъ, или же эксплоатировать заложенный дворъ, что вызываетъ рядъ дополнительныхъ клаузулъ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ., III, с. 31, № 8).

[1]) Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 71 и др. Въ одномъ актѣ условіе о передачѣ вмѣстѣ съ крестьянами посѣяннаго ими хлѣба случайно выдѣляется въ дополнительную клаузулу (Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 63), а въ другомъ актѣ дополнительныя клаузулы касаются не только посѣяннаго крестьяниномъ хлѣба, но и его двора, который остался на другой землѣ (Сб. бум. Щук., II, с. 267).

[2]) Мат. по ист. Моск., Вологодск. и друг. губ., в. XV, с. 1798, № 758.

[3]) Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., XII, в. I, с 74, № III; Изв. Русск. Генеал. Общ., в. I, с. 32, № IX; А. Ю. Б., III, № 334, IX, 1.

[4]) Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 63 и 1901 г., II, смѣсь, с. 5, № 4 и др. Въ рядн.-сгов. записи, помѣщенной въ Сб. бум. Щукина, II, с. 267, форма 2 клаузулы, въ которой дается помѣстный крестьянинъ, необычна: «Да я жъ N (тесть) *поступаюся*...» и т. д.

[5]) А. Ю. Б., III, № 334, V и № 336, VII; въ третьей рядн.-сгов. (Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1893 г., в. XXXVI, с. 55) указанъ и срокъ перевоза.

Въ рядныхъ-сгов. 1684 и 1686 гг. мы наблюдаемъ дачу крестьянскихъ дѣвокъ безъ остальной семьи [1]).

Встрѣчается изрѣдка дача «крестьянъ, которые живутъ въ бѣгахъ» [2]).

Разсмотрѣвъ въ отдѣльности каждый изъ элементовъ второй клаузулы, чтобы закончить разборъ ея, выяснимъ, что можно извлечь изъ содержанія ея по вопросу о томъ, кому давалось все это приданое: невѣстѣ или ея будущему мужу.

Если форма II кл.: «а благословляю...» и т. д., то обыкновенно это благословеніе относится только къ невѣстѣ, но есть 9 рядныхъ-сговорныхъ и 5 рядныхъ, въ которыхъ «благословляютъ» «зятя своего» или «зятя своего и дочь свою» [3]).

Если же II-ая клаузула имѣетъ форму: «да за нею же дочерью своею Р даю я N», то изъ самой формы ея какъ бы разумѣется, что приданое дается «за невѣстою» зятю, что иногда и отмѣчается отчетливо: «да я же N даю за дочерью своею въ приданое зятю своему М...» [4]).

3-я клаузула заключаетъ въ себѣ обыкновенно обязательство со стороны лицъ выдающихъ или выходящихъ замужъ написать челобитную объ утвержденіи за женихомъ земли, даваемой въ приданое. Эта клаузула въ рядныхъ-сговорныхъ встрѣчается 17 разъ, въ рядныхъ—7 разъ и въ сговорныхъ—2 раза.

Форма этой клаузулы не вполнѣ устойчивая, но примѣрно она такова: «А на тое вотчину принесть мнѣ Юрью за рукою челобитную въ Помѣстный приказъ о запискѣ» [5]).

---

[1]) Сб. бум. Щукина, II, с. 267 и Мат. приказа Казанскаго Дворца, I, с. 229—230.

[2]) *Шумаковъ*, Сотницы, III, с. 128 и др. Въ поздней рядн.-сгов. 1701 г. дача бѣглыхъ крестьянъ дополняется такимъ условіемъ: «и тѣхъ крестьянъ имать ему Афанасью (зятю) самому по моимъ крепостемъ» (Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., 1905 г., VI, отд. III, с. 219). Въ одной рядн.-сгов. о бѣглыхъ крестьянахъ дѣлается такая замѣтка: «а которые вотчинные и помѣстные крестьяне и бобыли въ бѣгахъ, тѣ вѣдомы будутъ по крѣпостемъ, гдѣ кто записанъ» (Труды Сарат. уч. арх. ком., 1889 г., II, в. I, с. 153).

[3]) А. Ю., № 400; *Барсуковъ*, Родъ Шерем., VIII, прилож., с. I; Мат. по ист. Моск., Вологодск. и друг. губ., в. XV, с. 1797, № 757 и др.

[4]) *Селивановъ*, Op. cit., I, с. 143 и др. Впрочемъ, въ одной рядн.-сгов. 1685 г. мы имѣемъ и обратное указаніе: «даю ей (дочери) приданое» (Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV. с. 63).

[5]) Врем. М. О. И. Д., XV, смѣсь, с. 24. Въ одной рядн.-сгов. это обязательство осложняется еще добавкою: «и на тѣ вотчины зятю своему *М* дать данную» (Сб. бум. Щук., II, с. 32). Въ другой рядн.-сгов. при III клаузулѣ находятся 3 дополнительныхъ клаузулы, вызванныхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что приданое помѣстье находится въ пожизненномъ владѣніи тетки невѣсты, а

Часто въ эту клаузулу включается еще и обязательство стать къ допросу по поводу челобитной.

Въ этомъ случаѣ III-я клаузула принимаетъ, примѣрно, такой видъ: «И мнѣ вдове Мавре з детми своими з Григорьемъ да съ Сергѣемъ принесть челобитную о справке того помѣстья въ Помѣсной приказъ за рукою отца своего духовнаго и у допросу стать и дать скаску за рукою отца своего духовнаго» [1]).

Въ 7 записяхъ обязательство стать къ допросу обособляется въ самостоятельную клаузулу въ такой, напр., формѣ: «И какъ онъ Петръ (женихъ) жеребей справитъ и грамоту великихъ государей на Кострому свезетъ о допросѣ, и мнѣ Ларіону (тесть) въ допросѣ сказать и рука къ допросу приложить и ничѣмъ у допросу не спорить» [2]).

Въ четырехъ рядныхъ-сговорныхъ въ этой клаузулѣ указывается и тотъ срокъ, когда должна быть подана челобитная о справѣ [3]).

Иногда въ 3-ей клаузулѣ отмѣчается, что челобитная подается о справѣ земли и крестьянъ [4]).

Въ 2-хъ рядн.-сгов., въ 1 рядной и 1 сговорной записи измѣняется самое содержаніе клаузулы, т. к. въ ней нѣтъ обязательства дать челобитную, а есть констатированіе факта дачи челобитной [5]).

потому до ея смерти тесть предоставляетъ во временное пользованіе зятю другую землю (*Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 128).

[1]) Чт. М. О. И. Д., 1901 г., II, с. 4.

[2]) *Преображенскій и Альбицкій,* Подробн. опис. 962 рукоп. Долматовск. арх., с. 16, № 39. Въ одной рядн.-сгов. 1701 г. тесть предусматриваетъ тотъ случай, если онъ къ моменту допроса умретъ: «А буде меня Петра волею Божіею не станетъ и послѣ меня Петра къ допросу стать женѣ моей или дѣтемъ и къ скаске рука приложить и ни о чемъ не спорить». (Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., 1905 г., VI, отд. III, с. 219).

[3]) А. Ю. Б., III, № 336, V и др.; а въ одной рядн.-сгов. точный срокъ не указанъ, но время опредѣлено такъ: «а какъ... дочь свою выдамъ..» (А. Ю. Б., III, № 334, VIII); въ другой рядн.-сгов. обязательство дать челобитную не выдѣлено въ особую клаузулу, а прибавлено, какъ элементъ, въ клаузулу о срокѣ свадьбы (Чт. М. О. И. Д., 1897 г., I, смѣсь, с. 8); надо замѣтить, что иногда эта клаузула попадаетъ въ актахъ не на третье мѣсто, а послѣ клаузулы о срокѣ свадьбы.

[4]) Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., 1905 г., VI, отд. III, с. 219 и др. Въ одной рядной записи встрѣчается обязательство дать челобитную только на крестьянъ, т. к. земли по этой рядной не дается: «мнѣ Андрѣю челобитную принести за рукою въ Помѣсной приказъ въ томъ своемъ крестьянинѣ, что писаны имяны выше сего» (Чт. М. О. И. Д., 1901 г., II, смѣсь, с. 5, № 4).

[5]) Изв. Тамбовск. уч. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 74; А. Ю. Б., III, № 336, VII; *Челищевъ,* Сб. мат. для ист. рода Челищевыхъ, с. 186; Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 64; естественно, что въ этихъ случаяхъ обязательство стать къ допросу выдѣлено въ особую клаузулу.

4-ая клаузула находится въ непосредственной связи съ предыдущею и заключаетъ въ себѣ условіе о томъ, кому справлять за женихомъ приданую землю. Въ рядныхъ-сгов. записяхъ она встрѣчается всего 2 раза, а въ рядныхъ 3 раза (всѣ записи довольно позднія: 1680—1702 г.).

Обязательство справы лежитъ иногда на отцѣ невѣсты: «и мнѣ князь Семену тою свою помѣстную землю справить за нимъ зятемъ своимъ Василіемъ Петровичемъ въ помѣстье по своей заручной челобитной поступкою» [1]); иногда же на самомъ женихѣ: «и по той моей заручной челобитной бить челомъ Великому Государю на Москвѣ въ Помѣсномъ приказѣ и за тѣмъ дѣломъ ходить ему Ивану (жениху) или кому онъ повѣритъ» [2]).

5-ая клаузула заключаетъ въ себѣ обязательство выдающей стороны дать на крестьянъ и людей (въ частности на «дѣвку къ ларцу») «крѣпость».

Форма ея, примѣрно, такова: «а на тое дѣвку дать намъ N ему M данную». Изрѣдка указывается и срокъ дачи «крѣпости» [3]).

На людей дается обыкновенно данная, а на крестьянъ — «отписи», «поступныя записи», «поступочная площадная запись», «отпускная съ очисткою» или же наравнѣ съ людьми «данная»; встрѣчающееся одинъ разъ обязательство дать документъ, удостовѣряющій передачу бѣглыхъ крестьянъ, выражается такъ: «и на тѣхъ крестьянъ мнѣ (тестю) дать ему Афанасью (зятю) здѣлошная запись вмѣсто бѣглыхъ ево Афанасьевыхъ крестьянъ съ очисткою и в зажилыхъ долгахъ и съ ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ и з землянымъ» [4]).

Въ одной рядн.-сгов. записи вмѣсто обязательства дать крѣпость на крестьянъ находится обязательство укрѣпить за зятемъ крестьянъ, выраженное въ слѣдующей клаузулѣ: «А что я N поступилась крестьянъ своихъ з женами і з дѣтми і з крестьянскими животы, какъ писано въ сей записи выше сего, і на тѣхъ крестьянъ на Москвѣ въ Помѣсной Приказъ, іли гдѣ великие государи ука-

---

[1]) *Барсуковъ*, Родъ Шерем., VIII, прил., с. I.

[2]) А. Ю. Б., № 336, VII. Въ одной рядн.-сгов. клаузула о справѣ помѣстья осложняется 3 дополнительными клаузулами, вызванными случайнымъ обстоятельствомъ: приданое помѣстье — «худое и пустое», и невѣста возбудила ходатайство о новомъ передѣлѣ земли, а потому женихъ долженъ справить за собою то помѣстье, какое за невѣстою утвердятъ послѣ передѣла, или же данное помѣстье, если въ передѣлѣ будетъ отказано (*Челищевъ*, Сб. мат. для ист. рода Челищ., с. 186).

[3]) Врем. М. О. И. Д., XV, смѣсь, с. 25—26.

[4]) Труды Сарат. уч. арх. ком., 1889 г., II, в. I, с. 153.

жутъ, записать і укрепить за зятемъ своимъ М въ нынѣшнемъ во 194 году» [1]).

6-ая клаузула о срокѣ свадьбы обязательна для рядныхъ-сговорныхъ записей. Изъ 54 рядныхъ-сговорныхъ она находится въ 52; въ одной рядн.-сгов. ея нѣтъ, потому что этотъ актъ напечатанъ неполно [2]); нѣтъ этой клаузулы и въ рядн.-сгов. 1695 г. [3]), такъ что, можетъ быть, и самый то актъ этотъ слѣдовало бы отнести къ ряднымъ записямъ, ибо главнымъ отличіемъ рядн.-сгов. отъ рядныхъ и есть эта клаузула о срокѣ свадьбы; но насъ заставила отнести этотъ актъ къ рядн.-сгов. клаузула о неустойкѣ, въ которой неустойка полагается именно въ томъ случаѣ, если свадьба не состоится въ назначенные сроки, и эти сроки точно указываются; поэтому мы думаемъ, что здѣсь просто произошла редакціонная неточность: не помѣстивъ отдѣльной клаузулы о срокѣ, писецъ указалъ срокъ въ клаузулѣ о неустойкѣ.

Эта же клаузула обязательна и для сговорныхъ записей и встрѣчается во всѣхъ нашихъ сговорныхъ, но въ нихъ она занимаетъ второе мѣсто, тотчасъ послѣ объявленія сговора, т. к. въ нихъ нѣтъ перечисленія приданаго и связанныхъ съ нимъ клаузулъ.

Форма 6-ой клаузулы устойчивая: «а выдать [4]) мнѣ N дочь свою (сестру свою) дѣвицу Р замужъ за него М на срокъ нынѣшняго ... году мѣсяца въ ... день».

Въ записяхъ, написанныхъ отъ лица невѣсты-вдовы, начало клаузулы соотвѣтственно измѣняется: «а выйдти мнѣ вдовѣ Р за него М замужъ... и т. д.». Иногда въ этой клаузулѣ назначается не одинъ, а два срока.

Въ 8 рядныхъ-сговорныхъ условіе о второмъ срокѣ обособляется въ отдѣльную клаузулу, напр.: «А будетъ ево на государеву службу до того срока вышлютъ, и мнѣ выдать дочь своя, какъ служба минетъ, на срокъ послѣ Крещенія въ первое воскресенье 166 году» [5]).

Въ рядныхъ записяхъ никогда клаузулы о срокѣ свадьбы нѣтъ, но въ одной изъ вдовьихъ рядныхъ есть любопытная клаузула, устанавливающая срокъ, съ котораго сговаривающіеся будутъ считаться женихомъ и невѣстою: «а какъ онъ Осипъ то мое прожи-

---

[1]) Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 63.

[2]) Мат. по ист. Воронежск. и сосѣдн. губ., в. VI, с. 444, № 250.

[3]) А. Ю. Б., III, № 336, V.

[4]) Въ ранней сговорной записи 1631 г. вмѣсто слова «выдать» стоитъ «дати» (Мат. по ист. Моск., Вологодск. и др. губ., в. XV, с. 1794, № 755).

[5]) Мат. по ист. Моск., Волог. и друг. губ., в. XV, с. 1797, № 757.

точное помѣстье за собою справитъ, и я Ѳедосья ему Осипу невѣста, а онъ Осипъ—женихъ» [1]).

Въ одной рядн.-сгов. 1685 г. въ клаузулу о срокѣ свадьбы включено условіе «отдать на тотъ же срокъ» приданое [2]).

Въ 4 рядныхъ-сгов. и въ 2 рядныхъ (всѣ акты поздніе—послѣ 1687 г.) срокъ отдачи приданаго и крестьянъ выдѣленъ въ особую 7-ую клаузулу.

Примѣрная форма ея въ 3-хъ записяхъ такова: «А какъ онъ М (женихъ) на ней Устинье женитца и мнѣ N вышеписанного отдать ему М со всемъ марта въ 1 день нынѣшняго 1701 года» [3]); а въ остальныхъ трехъ примѣрно такая: «а владѣть ему зятю моему тѣмъ крестьяниномъ и съ жеребьемъ изъ дачь моихъ—третій жеребей въ усадьбѣ Трубинѣ съ сего числа вѣкъ безповоротно женѣ его и дѣтемъ» [4]).

Этою клаузулою, какъ мы видимъ, точно устанавливается моментъ, съ котораго приданое поступаетъ во владѣніе зятя.

Въ случаѣ бездѣтной смерти жены по до-Петровскому праву [5]) права зятя на приданое прекращались, и оно возвращалось родственникамъ жены. Въ одной всего рядной-сговорн. записи 1698 г. тесть заранѣе отказывается отъ своего права возвращать приданое и въ указанномъ случаѣ: «А буде волею Божіей дочери моей Пелагеи не станетъ, а послѣ нея дѣтей не останется и мнѣ N и женѣ моей и дѣтямъ у него М Божье милосердіе и серебряныя кузни и приданого платья и крестьянина и того помѣстья жеребья усадьбы Трубина назадъ не поворачивать и не имать» [6]).

Слѣдующей 8-ой клаузулой въ рядныхъ-сговорныхъ является клаузула о «зарядѣ» или неустойкѣ.

---

[1]) Тр. Орловск. уч. арх. ком., 1889 г., VI, с. 22, № 12.

[2]) Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 63.

[3]) Дѣйствія Нижег. уч. арх. ком., 1905 г., VI, отд. III, с. 219; *Булатовъ*, Мат. для генеал. и ист. дворянскихъ родовъ Ростовск. у. Яросл. губ., в. I, с. 62, № 3; Чт. М. О. И. Д., 1901 г., II, смѣсь, с. 5, № 4.

[4]) *Преображенскій и Альбицкій*, Подр. опис. 962 рукоп. Долматовскаго арх., с. 18, № 44; А. Ю. Б., III, № 334, IX, 1 и № 336, VII.

[5]) *Гр. Котошихинъ*, О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича, СПБ., изд. 4-ое, с. 157.

[6]) *Преображенскій и Альбицкій*, Op. cit., с. 18, № 44. Въ рядной 1702 г. (А. Ю. Б., III, № 336, VII) находятся 2 дополнительныя клаузулы, касающіяся права возврата приданаго въ случаѣ бездѣтной смерти жены, относительно тѣхъ дѣвокъ, которыя будутъ выданы замужъ въ чужія помѣстья и внутри своего помѣстья; въ первомъ случаѣ тесть отказывается отъ права возврата ихъ, а во-второмъ, наоборотъ, подтверждаетъ свое право «бить о нихъ челомъ Великому Государю».

Для этого вида актовъ эта клаузула обязательна и типична; она находится во всѣхъ рядныхъ-сговорныхъ [1]).

Также необходимой и общей для всѣхъ является эта клаузула и для сговорныхъ записей.

Въ рядныхъ же записяхъ эта клаузула встрѣчается не часто—всего въ 8 рядныхъ изъ 30.

Форма этой клаузулы въ сговорныхъ записяхъ довольно устойчивая; въ 9 сговорныхъ эта клаузула читается, примѣрно, такъ: «А будетъ мы N сестры моей (дочери моей) дѣвицы Р за него М на тотъ вышеписанный срокъ не выдадимъ—и ему М взять на насъ на N по сей записи 800 рублевъ» [2]):

Такая же форма и содержаніе этой клаузулы и въ 17 рядныхъ-сговорныхъ [3]).

Въ десятой сговорной клаузула эта осложняется тѣмъ, что условіемъ, которое вызываетъ платежъ заряда, является не только невыдача въ срокъ, но и неподача челобитья о справѣ помѣстья: «...или челобитья о справкѣ того своего помѣстья не дамъ»... [4]).

Такое же содержаніе и форма и 3-хъ рядныхъ-сговорныхъ [5]).

Въ 7 рядныхъ-сговорныхъ къ сроку свадьбы прибавляется еще условіе о дачѣ приданаго: «А будетъ... не выдамъ... на тотъ срокъ... съ тѣмъ со всѣмъ приданымъ...» [6]).

Въ остальныхъ же рядныхъ-сговорныхъ клаузула о неустойкѣ дается въ болѣе общей формѣ, т.-е. или перечисляются кратко всѣ ранѣе указанныя въ записи условія или говорится, что неустойка можетъ быть взята, если выдающій замужъ «хотя въ маломъ чемъ не устоитъ противъ записи» и не выдастъ въ срокъ [7]).

---

[1]) Исключеніе составляетъ запись, напечатанная въ Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 61; но это актъ неполный, въ немъ не хватаетъ какъ разъ конца акта, гдѣ обыкновенно стоитъ эта клаузула.

[2]) Извѣстія Тамб. уч. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 74 и др.

[3]) Въ рядн.-сгов. 1668 г. условіе неустойки осложнено такой прибавкою: «А буде я.... не пойду на тотъ срокъ.... и съ прожиточнымъ своимъ помѣстьецемъ» (А. Ю. Б., III, № 334, III, 1).

[4]) О родѣ кн. Юсуповыхъ, ч. II, с. 357, № V.

[5]) *Шумаковъ,* Сотницы, в. III, с. 128 и др.

[6]) Извѣстія Имп. Археол. Общ., I, с. 375 и др.

[7]) *Булатовъ,* Мат. для генеал. и ист. дворянскихъ родовъ Ростовск. у. Ярославск. г., в. I, с. 62, № 3 и др. Въ одной рядн.-сгов. деньги взимаются «за неустойку и за свадебный подъемъ» (А. Ю., № 400); въ другой эта клаузула заканчивается такъ: «за всякую неустойку по сту рублевъ» (Врем. М. О. И. Д., т. XV, смѣсь, с. 25—26); въ одной сговорной также есть добавка: «взяти... за свадебный нарядъ и за подъемъ 100 р.» (Мат. по ист. губ. Моск., Вологодск. и друг., в. XV, с. 1794, № 755).

Въ рядныхъ записяхъ въ клаузулѣ о неустойкѣ нѣтъ упоминанія о срокѣ свадьбы, а условіемъ неустойки являются лишь недача приданаго или неисполненіе обязательствъ по справѣ земли и крестьянъ за женихомъ [1]).

Въ одной рядной-сговорной, кромѣ клаузулы о неустойкѣ за невыдачу въ срокъ, имѣется еще одна клаузула неустойки, такъ сказать, спеціальной: «а буде мы на тѣхъ людей данныхъ не дадимъ— и намъ дать за тѣ люди противъ государева указу» [2]).

Обычно право искать неустойку имѣетъ самъ женихъ, но въ одной рядной неустойку имѣетъ право взять отецъ жениха, а не онъ самъ; это исключеніе, думаемъ, объясняется въ данномъ случаѣ значеніемъ по богатству и положенію отца жениха — «боярина Петра Васильевича Большого Шереметева» [3]).

Обязанность платить неустойку ложится на лицо выдающее или выходящее замужъ, или изрѣдка, кромѣ тестя, и на шурина въ томъ случаѣ, если по договору на шуринѣ лежатъ обязанности по справѣ помѣстья [4]).

Но въ одной рядной-сговорной записи 1698 г. право иска и обязательство платежа лежитъ не только на контрагентахъ этой записи, но и на ихъ семьяхъ: «А буде я N въ чемъ противъ сей, хоша въ маломъ, не устою, что писано въ сей записи выше сего,— и на мнѣ N и на женѣ моей и на дѣтяхъ взять ему зятю моему М и женѣ его и дѣтямъ по сей записи за неустойку сто рублевъ денегъ» [5]).

Непосредственно за клаузулой о зарядѣ-неустойкѣ въ одной сговорной и въ 10 рядныхъ-сговорныхъ идетъ довольно обычная для актовъ XVII вѣка клаузула: «а ся запись и впредь въ запись», указывающая на то, что договоръ остается въ силѣ и въ томъ случаѣ, если какое-либо изъ условій и не выполнено во время.

Въ одной записи поэтому и добавлено: «и договоръ въ договоръ», а въ другой — «и сговоръ въ сговоръ»; въ третьей же въ болѣе пространной формѣ дается указаніе, какія обязательства остаются въ силѣ: «а ся рядная запись ему М на ту вотчинную землю и на вышеписанныхъ людей и крестьянъ, которые писаны въ сей записи выше сего, впредь въ запись» [6])

[1]) *Селивановъ,* Мат. для ист. рода рязанск. Селивановыхъ, ч. I, с. 68 и др.

[2]) А. Ю. Б., III, № 334, IV.

[3]) *Барсуковъ,* Родъ Шеремет., VIII, с. 481.

[4]) *Булатовъ,* Op. cit., в. I, с. 62, № 3.

[5]) *Преображенскій и Альбицкій,* Подр. оп. 962 рукоп. Долмат. арх., с. 18, № 44.

[6]) А. Ю. Б., III, № 334, VIII.

Въ другихъ семи рядныхъ-сговорныхъ записяхъ, а также въ одной рядной [1]) и въ одной сговорной [2]), непосредственно за клаузулой о неустойкѣ идетъ клаузула подтвержденія: «въ томъ я N (тесть) ему M (зятю) на себя и запись далъ» [3]). Въ рядной записи, гдѣ контрагенты — люди посадскіе, эта клаузула отмѣчаетъ, что записи написаны «по противнямъ»: «въ томъ и двѣ записи написали полюбовно по противнямъ слово въ слово и по себѣ розняли» [4]).

Въ одномъ только случаѣ мы встрѣтили въ рядн.-сгов. записи послѣ клаузулы о неустойкѣ клаузулу, въ которой выражено обязательство жениха дать расписку въ пріемѣ приданаго, хотя фактически, какъ мы дальше подробнѣе отмѣтимъ, такая расписка давалась часто. Выражена эта клаузула такъ: «И какъ я N ту родственницу свою замужъ за него M на тотъ срокъ выдамъ, приданое платье все на лицо, что писано въ записи, — и ему M дать на то приданое платье росписку» [5]).

Теперь намъ остается разсмотрѣть клаузулы протокольной части нашихъ записей.

Обычная въ другихъ видахъ актовъ форма клаузулы о послухахъ «а на то послуси» встрѣчается рѣдко и главнымъ образомъ въ болѣе раннихъ актахъ.

Изъ сговорныхъ записей она находится только въ одной записи первой полов. XVII в. [6]); изъ рядныхъ записей эта клаузула встрѣтилась въ обѣихъ записяхъ XVI в., въ одной изъ двухъ первой полов. XVII в., въ одной записи 1665 г. [7]) и въ рядной 1674 г., гдѣ контрагенты—люди посадскіе [8]); изъ рядныхъ-сговорныхъ эта клаузула встрѣтилась въ трехъ записяхъ служилыхъ людей 1657, 1674 и 1691 г. и въ одной рядн.-сгов. крестьянской 1699 г. [9]).

Въ другихъ записяхъ XVII в. обычно вмѣсто клаузулы о послухахъ находится клаузула о «сидѣльцахъ» или, какъ ихъ назы-

---

[1]) *Преображенскій и Альбицкій,* Op. cit., с. 16, № 39.

[2]) Чт. М. О. И. Д., 1902 г., IV, с. 13.

[3]) Въ одной рядн.-сгов. форма этой клаузулы нѣсколько отличная: «въ томъ мы сию рядную запись миж себя написали» (Мат. по ист. Воронежск. и сосѣдн. губ., в. VI, с. 444, № 250).

[4]) Зап. Имп. Р. Географ. Общ. по отд. этн., т. III, с. 31, № 8. Въ другой рядной записи посадскихъ людей есть даже отдѣльная клаузула о томъ, что записи писались по противнямъ: «А записи у насъ по своимъ слово въ слово, мужи одни» (А. Ю. Б., III, № 334, I).

[5]) *Преображенскій и Альбицкій,* Op. cit., с. 17, № 40.

[6]) Мат. по ист. Моск., Волог. и др. губ., в. XV, с. 1794, № 755.

[7]) Чт. М. О. И. Д., 1869 г., IV, с. 59.

[8]) Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этн., т. III, с. 31, № 8.

[9]) А. Ю., № 401.

ваетъ Котошихинъ, «третьихъ»: «а у сей записи сидѣли» [1]) (рѣдко «при сей записи сидѣли», напр., въ Чт. М. О. И. Д., 1912 г., IV, с. 192).

Въ двухъ рядн.-сгов. 1649 и 1672 г. [2]) одновременно сосуществуютъ клаузулы о послухахъ и о сидѣльцахъ.

А въ рядной записи 1637 г., гдѣ контрагенты люди посадскіе «съ Турьи», кромѣ клаузулы о послухахъ, есть еще такая: «на сватовствѣ были» [3]).

Въ записяхъ, начиная съ 1700 г., вслѣдствіе извѣстнаго указа Петра В., вмѣсто клаузулы о послухахъ или сидѣльцахъ появляется клаузула: «а у сей записи свидѣтели» [4]).

Число лицъ, свидѣтельствующихъ подъ тѣмъ или инымъ наименованіемъ наши записи, колеблется отъ 1 до 9.

Въ числѣ ихъ часто встрѣчаются братья и родственники невѣсты, иногда и жениха, что понятно вслѣдствіе той обстановки, въ которой происходилъ сговоръ.

Въ 11 рядныхъ-сговорныхъ, въ 2 рядныхъ и въ 1 сговорной записи клаузулы о лицахъ, свидѣтельствующихъ актъ, совсѣмъ не имѣется [5]).

Клаузула канцеляріи акта имѣетъ обычную форму: «А запись писалъ *NN* лѣта такого-то года мѣсяца въ такой-то день».

Писцами нашихъ записей являются площадные подьячіе, подьячіе разныхъ приказовъ и «избъ», «архіепископль пѣвчій дьякъ», попы, дьяконъ, различные дьячки, человѣкъ, принадлежащій къ «гостиной сотнѣ», крестьянинъ, «люди» и прочія лица безъ обозначенія ихъ званія или занятія.

Такой пестрый контингентъ писцовъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ Уложеніи (гл. X, ст. 250) говорится, что «всякія крѣпости въ большихъ дѣлѣхъ» пишутся въ городахъ площадными

---

[1]) Въ рядн.-сгов. 1699 г. эта клаузула осложнена добавкою: «А у сей записи сидѣли столникъ Данило Елисѣевъ, *да въ дворнѣ* Ивана Григорьевича Большого Кашинцова (тестя) М. Ѳ. Кайсаровъ» (Ежег. Влад. губ. стат. ком., т. I, в. II, с. 155); что означаетъ добавка «въ дворнѣ», для насъ не вполнѣ ясно.

[2]) Влад. Губ. Вѣд., 1860 г., № 53, с. 290 и Мат. по ист. Ворон. и сос. губ., в. VI, с. 444, № 250.

[3]) А. Ю. Б., III, № 334, I.

[4]) Одинъ разъ такая клаузула встрѣтилась въ рядн.-сгов. 1698 г. (*Челищевъ*, Сб. мат. для ист. рода Челищевыхъ, с. 186), но думаемъ, что здѣсь произошелъ недосмотръ издателя, напечатавшаго вмѣсто «сидѣли»—«свидѣтели».

[5]) Кромѣ того, мы имѣемъ 5 рядныхъ-сговорныхъ и 3 рядныхъ, напечатанныхъ безъ протокольной части акта.

подьячими, а писать «въ селѣхъ и въ деревняхъ и по подворьямъ» запрещается, «опричь сговорныхъ свадебныхъ записей и духовныхъ и заемныхъ памятей»; такимъ образомъ для «свадебныхъ записей» допускается домашній способъ написанія.

На затыльной сторонѣ всѣхъ видовъ нашихъ записей [1]) помѣщаются рукоприкладства лицъ, выдающихъ или выходящихъ замужъ, и лицъ, свидѣтельствующихъ актъ (послуховъ, сидѣльцевъ и свидѣтелей) [2]), а въ рядныхъ и рядныхъ-сговорныхъ на затыли же встрѣчаются и подписи жениха въ пріемѣ приданаго.

Рукоприкладства лицъ, выдающихъ или выходящихъ замужъ, находятся почти во всѣхъ записяхъ; ихъ нѣтъ только въ 3-хъ рядныхъ болѣе ранняго времени (обѣихъ XVI в. и одной перв. пол. XVII) и въ 3-хъ рядн.-сгов. [3]).

Рукоприкладства послуховъ, сидѣльцевъ и свидѣтелей имѣются почти всегда, если въ самой записи есть клаузула о нихъ [4]).

Подпись зятя въ пріемѣ приданаго находится въ 5 рядныхъ и 14 рядныхъ-сговорныхъ записяхъ.

Форма этой подписи, напр., такая: «По сей рядной меня Дмитрея приданныя платья и деньги и все приданая и дѣвки дошли все сполна, а писалъ своею рукою» [5]).

Въ одной рядной вышеприведенная форма подписи осложняется; она заканчивается такъ: «... потписалъ я Іванъ Левашо (зять) своею рукою и выдалъ шурину своему Івану Ѳатѣеву» [6]).

Въ одной рядной и 5 рядн.-сгов. эта подпись зятя любопытна потому, что она подтверждаетъ справедливость приведенной раньше выдержки изъ «Чиновъ свадебныхъ» о томъ, что въ приданое писалось больше, чѣмъ давалось на самомъ дѣлѣ. Подпись такого рода гласитъ слѣдующее: «По сей рядной я Василей Прокофьевъ (зять) приданова взялъ на 70 рублевъ только, а на 80 рублевъ поступился тестю своему и руку приложилъ» [7]).

---

[1]) 8 записей, какъ мы уже отмѣчали, напечатаны неполно; кромѣ того, относительно 2 сговорныхъ, 2 рядныхъ и 4 рядн.-сгов. мы ничего не знаемъ о затыльной сторонѣ ихъ, т. к. издатели ничего о ней не упоминаютъ.

[2]) Рукоприкладства дѣлаются или самими вышепоименованными лицами или же другими лицами, подписывающимися вмѣсто первыхъ по ихъ просьбѣ.

[3]) Въ рядной з. 1702 г. рукоприкладство тестя имѣетъ болѣе сложную форму: «къ сей записи N, что такову запись я N Ивану Афонасьеву сыну Нороватого (жениху) далъ, и руку приложилъ» (А. Ю. Б., III, № 336, VII).

[4]) Ихъ нѣтъ при указанномъ условіи лишь въ 4 записяхъ.

[5]) А. Ю. Б., III, № 336, VII.

[6]) Сб. бум. Щукина, II, с. 5. Во Врем. М. О. И. Д., т. XXV, с. 139 среди «Чердынскихъ памятниковъ» напечатана такая расписка зятя въ пріемѣ приданаго въ видѣ самостоятельнаго акта.

[7]) Влад. Губ. Вѣд., 1860 г., № 12, с. 59 и др.

Въ рядной записи 1620 г. на затыли есть еще одна «подписка»: «151 іюня въ 5 день (т.-е. черезъ 23 года послѣ сговора) по сей рядной записи мы Григорей да Микита Зузины у боярина князь Дмитрея Мамстрюковича Черкаского приданое сестры своей княгини Анны Алексѣевны, которое въ сей рядной писано, все взяли сполна и подписалъ я Григорей самъ своею рукою» [1]).

Эта «подписка» подтверждаетъ мнѣніе П. С. Ефименко о значеніи подписи зятя на рядныхъ записяхъ: эта подпись дѣлалась для того, «чтобы потомъ, когда вступившая въ замужество умретъ бездѣтною, прежніе члены семьи умершей могли по выписи получить отъ ея мужа приданое, выданное ими» [2]).

Описавъ клаузулы I группы нашихъ актовъ, мы должны еще отмѣтить тѣ особенности, которыя оказались въ немногочисленныхъ актахъ крестьянъ и посадскихъ людей.

Въ сговорной записи посадскихъ людей, именующей себя «зарядною записью» [3]), кромѣ обычныхъ для этого вида клаузулъ, находится клаузула, опредѣляющая мѣстожительство супруговъ: «а жить намъ вместе в моем дому после мужа своего Елисея», а также клаузулы, опредѣляющія условія относительно сына вдовы-невѣсты отъ перваго ея брака: супруги обязаны этого сына «кормить и поить вместе»; когда онъ выраститъ, «женить в своемъ дому»; а если сынъ не захочетъ съ ними жить, то «ему материна после отца ево благословенія наделку треть живота и земли».

Въ единственной крестьянской рядной-сговорной записи конца XVII в. [4]), кромѣ обычныхъ для этого вида клаузулъ, есть и спеціально крестьянскія.

Одна изъ нихъ говоритъ о выводныхъ деньгахъ за невѣсту: «а выводные денги я Иванъ за нея невѣстку свою по договору три рубли на немъ Михайлѣ (женихѣ) взялъ сполна»; а другая клаузула заключаетъ въ себѣ обязательство очистки невѣсты отъ всякихъ на нее притязаній: «а буде кто учнетъ, помѣщикъ ея, изъ-за котораго она невѣстка моя выведена, или кто-нибудь, у него Михайла станетъ вступатца и какими мѣрами отнимать,—и мнѣ Ивану его Михайла отъ уступщиковъ ото всякихъ крѣпостей по сей записи очищать, убытковъ не доставить»; поэтому въ клаузулѣ о неустойкѣ прибавлено обязательство платить «за неустойку и за неочистку».

---

1) Изв. Русск. Генеал. Общ., III, отд. II, с. 97.

2) *П. С. Ефименко,* Приданое по обычн. пр. крестьянъ Арханг. губ., с. 38 (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ., т. III).

3) Чт. М. О. И. Д., 1902 г., IV, с. 13.

4) А. Ю., № 401.

Рядныхъ-сговорныхъ записей II группы, т.-е. договоровъ о предстоящей свадьбѣ, написанныхъ отъ лица жениха, мы имѣемъ 33 [1]).

Только одна запись этого вида относится къ XVI в. (1548—49 г.) [2]), 2 написаны въ первой половинѣ XVII в. [3]), а остальныя относятся ко 2-ой половинѣ XVII и началу XVIII в. (отъ 1651 до 1701 г.).

Наблюденіе надъ мѣстностями, къ которымъ относятся эти акты, приводитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и относительно топографіи записей I группы [4]).

Основными клаузулами рядныхъ-сговорныхъ II группы являются очень немногія: объявленіе сговора, срокъ женитьбы, неустойка, сидѣльцы и канцелярія, да на затыли подписи жениха и сидѣльцевъ.

Мы имѣемъ цѣлый рядъ актовъ, заключающихъ въ себѣ только эти клаузулы [5]).

Какъ видимъ, акты II группы по клаузальному составу вполнѣ соотвѣтствуютъ сговорнымъ записямъ I группы.

Обычная форма I клаузулы о сговорѣ такова: «Се азъ *М* (женихъ) въ нынѣшнемъ такомъ-то году мѣсяца въ такой-то день сговорилъ есми я *М* жениться у *N* на дочери его (сестрѣ его) на дѣвицѣ *Р*».

Въ записи XVI в. I-ая клаузула значительно отличается по формѣ: «Се азъ Тишина Костянтиновъ сынъ Сулменева—жениться мнѣ у Замятни да у Василья у Михайловыхъ дѣтей Ржевскаго» [6]).

Своеобразна эта клаузула въ записи калужскаго посадскаго человѣка Дехтерева: «Се азъ калужской посадской человѣкъ Семенъ Тимоѳеевъ сынъ Дехтеревъ въ нынѣшнемъ во 183 году февраля въ 9 день зговорилъ есми я Семенъ сына своево Богомъ даного Никифора Семенова у калуженина посадцкаго человѣка у Леонтія Павлова сына Щепкина за дочере ево дѣвицу Агаѳію Леонтьеву» [7]).

Въ 8 актахъ есть существенное добавленіе въ концѣ I клаузулы о томъ, что женихъ «сговорилъ» жениться на невѣстѣ «съ ея

---

[1]) Одна запись издана неполно въ Ежег. Владим. губ. стат. ком., I, в. II, с. 154.

[2]) А. Ю., № 393.

[3]) А. Ю. Б., III, № 336, I (то же А. Ю., № 395) и Сб. бум. Щукина, I, с. 90.

[4]) 8 жениховскихъ записей мы не могли пріурочить къ какой-либо мѣстности даже приблизительно.

[5]) А. Ю. Б., № 336, IX; Опис. г. Шуи, с. 413, № 83 и др.

[6]) А. Ю., № 393. Отлична форма и въ записи 1684 г. (Мат. по ист. Воронежск. и сос. губ., в. VII, с. 507, № 268): «Се аз .... договорился .... въ томъ. что женитца...»

[7]) *Маркевичъ*, Калужскіе купцы Дехтеревы, с. 53, № 23.

прожиточнымъ помѣстьемъ» [1]), при чемъ помѣстье иногда подробно опредѣляется со всѣмъ тѣмъ, что относится къ этому помѣстью [2]).

Въ одной записи къ первой клаузулѣ присоединенъ и срокъ свадьбы, такъ что въ ней нѣтъ самостоятельной клаузулы о срокѣ [3]).

Совершеннымъ своеобразіемъ отличается первая клаузула въ одной крестьянской записи: «Се язъ Вожбалскіе волости Петръ Трофимовъ сынъ Лошкинъ далъ на себя полюбовную запись *N* въ томъ, что изволилъ я *М* у него *N* на дочери его Ксеньѣ женитися, а онъ *N* изволилъ отдать, а меня *М* изволилъ онъ *N* къ себѣ принять въ домъ» [4]).

Итакъ, главнѣйшими моментами I клаузулы являются указаніе контрагентовъ, объявленіе сговора и время его.

Контрагентами въ этихъ актахъ являются: въ 26—служилые люди, въ 4-хъ—посадскіе люди и въ 3-хъ—крестьяне.

Всѣ эти рядныя-сговорныя II группы писались отъ лица жениха (кромѣ двухъ, написанныхъ отъ лица отца жениха [5]), что вполнѣ соотвѣтствуетъ обстановкѣ сговора, какъ мы его выясняли раньше, такъ какъ женихъ присутствуетъ всегда самъ на сговорѣ, и всѣ переговоры ведутся отъ его лица [6]).

2-ая клаузула о срокѣ свадьбы формулируется примѣрно такъ: «А жениться (взять, понять) мнѣ *М* у него *N* на дочери его (сестрѣ его) дѣвицѣ *Р* нынѣшняго такого-то года на срокъ...» [7]).

Въ двухъ записяхъ, хотя срокъ и назначенъ опредѣленный,

---

[1]) А. Ю. Б., III, № 334, II; № 334, III, 2; № 336, III; Москвитянинъ, 1853 г., № 21, отд. IV, с. 6 и др.

[2]) Въ одномъ актѣ вмѣсто этой прибавки къ I клаузулѣ та же мысль выражена отдѣльною клаузулой: «А идетъ она вдова Р за меня М замужъ съ прожиточнымъ своимъ помѣстейцомъ...» (*Селифонтовъ*, Опис. Линевскаго архива, I, с. 4, № 7).

[3]) Изв. Тамб. учен. арх. ком., 1888 г., в. XXI, с. 73.

[4]) А. Ю. Б., III, № 337; можетъ быть, этотъ актъ правильнѣе было бы отнести не къ сговорнымъ, а къ пріемнымъ.

[5]) А. Ю. Б., III, № 336, IV и *Маркевичъ*, Калужскіе купцы Дехтеревы, с. 53, № 23; оба акта людей посадскихъ.

[6]) *Н. Калачовъ* въ отмѣченной выше статьѣ «Рядныя», констатируя тотъ же фактъ, предполагалъ, что нормально слѣдовало бы писать эти акты отъ лица отца или матери жениха, но это предположеніе намъ кажется совершенно произвольнымъ.

[7]) Чѣмъ ближе акты къ 1700 году, тѣмъ чаще срокъ обозначается точно, напр.: «въ предбудущемъ 1702 г. февр. въ 4 день» (Опис. г. Шуи, с. 413, № 83); тогда какъ въ болѣе раннихъ срокъ обычно обозначается описательно, напр.: «послѣ Крещенья въ первое воскресенье».

но въ эту клаузулу внесена такая оговорка: «будетъ меня *М* великіе государи тѣмъ сдаточнымъ помѣстьемъ... пожалуютъ» [1]).

Иногда добавляется, какъ и въ записяхъ I гр., куда женихъ долженъ пріѣхать для свадьбы [2]).

Иногда, тоже какъ въ записяхъ I группы, назначается не одинъ, а два срока, при чемъ въ двухъ актахъ условіе о второмъ срокѣ выражается отдѣльною клаузулой [3]).

Всего въ трехъ записяхъ II гр. имѣется 3-я клаузула съ обязательствомъ пересрочить свадьбу, напр.: «А будетъ до тѣхъ сроковъ застижетъ государева служба или до тѣхъ сроковъ того ея прожиточнаго помѣстья справить не успѣю—и намъ тѣ сроки пересрочить» [4]).

Въ 2-хъ записяхъ II гр. находится 4-ая клаузула о челобитной на землю, которая или уже взята женихомъ или тесть обязуется ее дать; форма ея сходна съ соотвѣтственной клаузулой записи I гр. [5]).

Въ четырехъ всего записяхъ находится 5-ая клаузула, заключающая въ себѣ обязательство жениха самому справлять даваемое въ приданое помѣстье, напр.: «и мнѣ *М* на ее прожиточное помѣстье ему Великому Государю бить челомъ и за себя справить» [6]), при этомъ въ другихъ записяхъ добавляется еще обязательство привести въ ближайшій городъ отказную грамоту [7]).

---

1) А. Ю. Б., III, № 336, III и Ежег. Владим. губ. стат. ком., т. I, в. II, с. 154. Въ трехъ записяхъ это ограниченіе выражается отдѣльною клаузулою: «а какъ справлю то ее прожиточное помѣстье, и мнѣ на тѣ сроки женитца» (А. Ю. Б., III, № 334, III, 2; Сб. бум. Щукина, II, с. 266 и Ежег. Владим. губ. стат. ком., II, с. 209).

2) Журналъ 73-го засѣд. Тверск. учен. арх. ком., с. 12 и др.

3) Сб. бум. Щукина, II, с. 266 и *Челищевъ*, Сб. мат. для ист. рода Челищевыхъ, с. 185.

4) А. Ю. Б., III, № 334, III, 2; Москвитянинъ, 1853 г., № 21, отд. IV, с. 6; Мат. по ист. Моск., Вологод. и друг. губ., в. XV, с. 1800, № 759.

5) Ежег. Влад. губ. стат. ком., I, в. II. с. 154 и Мат. по ист. Воронежск. и сосѣдн. губ., в. VII, с. 507, № 268.

6) А. Ю. Б., III, № 334, II.

7) Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком., 1903 г., V, отд. III, с. 8 и А. Ю. Б., III, № 336, III. Въ одной записи (*Челищевъ*, op. cit., с. 185), являющейся соотносительной съ рядн.-сгов. I гр., которая отмѣчена нами въ седьмомъ примѣч. къ стр. 195, находятся и соотвѣтственныя дополнительныя клаузулы о справѣ и передѣлѣ «пустого и худого помѣстья»; формуляръ другой жениховской записи осложненъ дополнительными клаузулами, потому что братъ даетъ за сестрою вмѣсто ея прожиточнаго жеребья своихъ крестьянъ, а потому женихъ обязуется помѣстья за собою не справлять, а вмѣсто этого принять у шурина крестьянъ и дать въ ихъ пріемѣ расписку (А. Ю. Б., III, № 334,

Въ 8 записяхъ II гр. имѣется 6-ая существенная клаузула о томъ, что обязательство женитьбы прекращается, если приданое помѣстье не будетъ справлено за женихомъ [1]).

Наиболѣе обычная форма ея такая: «А буде Великій Государь тѣмъ приданымъ помѣстьемъ меня *М* не пожалуетъ, и мнѣ *М* на дочери его *Р* у него *N* не жениться» [2]).

Въ трехъ изъ этихъ 8 записей въ концѣ клаузулы прибавлено: «и ся запись не въ запись» [3]); это добавленіе указываетъ, что въ такомъ случаѣ и сами записи теряютъ силу.

7-ая клаузула о неустойкѣ является одною изъ основныхъ для записей II гр., присутствіе ея обязательно для этого вида актовъ.

Примѣрная форма ея такова: «А буде я *М* у него *N* на дочери (сестрѣ) его дѣвицѣ *Р* на тотъ срокъ не женюсь—и на мнѣ *М* взять ему *N* по сей записи столько-то рублевъ денегъ».

Передъ указаніемъ количества денегъ часто прибавляется «за неустойку» или «заряду», а одинъ разъ «неустойки попятнова» [4]).

Иногда первая часть клаузулы осложняется такою прибавкою: «А будетъ меня *М* тѣмъ его *N* поступнымъ помѣстьемъ противъ его *N* челобитья Государь пожалуетъ, а я *М*... не женюсь... и т. д. [5]).

Въ четырехъ актахъ II-ой группы [6]) первая часть этой клаузулы изложена общѣе: «А буде я *М* противъ сей записи не устою хотя въ единомъ словѣ, что писано въ сей записи выше сего».

Размѣръ неустойки, повидимому, равнялся таковому же въ записяхъ I группы, соотвѣтствовавшихъ жениховскимъ [7]).

За клаузулою о неустойкѣ, выраженной въ общей формѣ, въ 3-хъ записяхъ непосредственно слѣдуетъ клаузула «а ся запись и впредь въ запись» [8]).

IX, 2. Соотносительную съ послѣднимъ актомъ рядн.-сгов. I гр. см. А. Ю. Б., III, № 334, IX, 1).

[1]) О томъ, что женихъ долженъ справлять помѣстье до свадьбы, т. к. послѣ свадьбы оно за нимъ не должно справляться, гласитъ Уложеніе, гл. XVI, ст. 20.

[2]) А. Ю. Б, III, № 334, II; № 334, III, 2; № 336, III и др.

[3]) А. Ю. Б., III, № 334, III, 2 и др.

[4]) Опис. г. Шуи, с. 413, № 83. Въ одной записи, кромѣ неустойки, платятся и убытки: «и харчи и протори по ево N скаски» (Мат. по ист. Ворон. и сос. губ., в. VII, с. 507).

[5]) А. Ю. Б., III, № 334, II; Ежег. Владим. губ. стат. ком., II, с. 209 и др.

[6]) Сб. бум. Щукина, II, с. 266 и др.

[7]) По крайней мѣрѣ, на 6 имѣющихся у насъ парныхъ актахъ I и II группы это вполнѣ подтверждается.

[8]) Сб. бум. Щукина, II, с. 266; Труды Орловск. уч. арх. ком., 1889 г., в. VI, с. 30 и др.

Въ трехъ же другихъ рядн.-сгов. II гр. за клаузулою неустойки идетъ клаузула подтвержденія: «въ томъ я *М* на себя и запись далъ» [1]).

Относительно клаузулъ конечнаго протокола мы должны сказать, что по отношенію къ нимъ остаются въ полной мѣрѣ тѣ замѣчанія, которыя мы сдѣлали о нихъ при разборѣ записей I группы, а потому мы на нихъ и не будемъ останавливаться.

Замѣтимъ только, что въ качествѣ сидѣльцевъ въ записяхъ II гр. часто присутствуютъ, судя по имени и отчеству, братья жениха, а отецъ лишь одинъ разъ [2]).

На затыли рядныхъ-сговорныхъ II группы обыкновенно находится рукоприкладство жениха или лица, подписывающагося за него по его просьбѣ.

Этого рукоприкладства нѣтъ только въ единственной записи этого вида XVI в. [3]), въ записи, написанной собственноручно женихомъ [4]), въ 2-хъ крестьянскихъ записяхъ [5]) и въ одной записи, о затыльной сторонѣ которой издатель совсѣмъ умалчиваетъ [6]).

Въ тѣхъ рядныхъ-сговорныхъ II гр., въ которыхъ есть клаузула о сидѣльцахъ, обыкновенно на затыли находятся и рукоприкладства ихъ [7]).

Кромѣ выясненнаго нами, болѣе или менѣе общаго для всѣхъ актовъ II группы, формуляра, въ нѣкоторыхъ актахъ, главнымъ образомъ, посадскихъ и крестьянскихъ, появляются единичныя клаузулы, которыя слѣдуетъ отмѣтить вслѣдствіе выясненія въ нихъ бытовыхъ чертъ жизни XVII в.

Въ посадскую «запись» 1643 г. [8]) включенъ рядъ клаузулъ о приданомъ: «а съ нею мнѣ взяти Божия милосердія образъ Пресв. Богородицы на золотѣ» и т. д., такъ что эта запись по своему формуляру является какъ бы точнымъ противнемъ рядной-сговорной I группы [9]).

---

[1]) А. Ю. Б., III, № 334, II; *Преображенскій и Альбицкій,* Op. cit., с. 17, № 42; Лѣт. Ист.-Род. Общ. въ Москвѣ, 1907 г., в. II, прилож., с. 25, № 19.

[2]) Ежег. Владим. губ. стат. ком., I, в. I, с. 296, № 1.

[3]) А. Ю., № 393.

[4]) Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1893 г., в. XXXVI, с. 55.

[5]) А. Ю. Б., III, № 336 и Лѣт. Ист.-Родосл. Общ., 1907 г., в. II, прилож., с. 25, № 19.

[6]) *Савеловъ,* Родъ дворянъ Савеловыхъ, с. 77, прил., с. V.

[7]) Хотя и здѣсь есть исключенія въ 4 записяхъ, изъ которыхъ 2—крестьянскія.

[8]) Сб. бум. Щукина, I, с. 90.

[9]) Въ 2-хъ записяхъ служилыхъ людей включена клаузула съ обязательствомъ дать расписку въ пріемѣ приданаго (Изв. Тамб. уч. арх. ком., 1893 г., в. XXXVI, с. 55 и А. Ю. Б., III, № 334, IX, 2).

Въ другой посадской «сговорной записи» 1661 г. [1]) обычный формуляръ осложняется тѣмъ, что женихъ сговаривается жениться на вдовѣ, у которой есть «сынокъ» отъ перваго брака; поэтому женихъ обязуется его «поить и кормить, какъ прочiи отцы своихъ дѣтей»; въ случаѣ нежеланiя этого сына, «какъ онъ возмужаетъ», жить съ вотчимомъ, послѣднiй обязуется его отпустить и отдать ему «надѣлокъ»—деньги, вырученныя отъ продажи приданаго двора; если же пасынокъ захочетъ жить вмѣстѣ, то дать ему «въ станкахъ повытокъ».

Близкiя по содержанiю особенности заключаются въ извѣстной «записи» Марка Иванова сына Скоровского, крестьянина Прилуцкаго монастыря [2]), въ которой перечисляется имущество, идущее и съ невѣстою-вдовою и съ женихомъ-вдовцомъ (своеобразное складство), и предусматриваются обязательства по отношенiю къ дѣтямъ вдовы и сыновьямъ жениха въ случаѣ смерти послѣдняго.

Очень любопытна крестьянская «рядная запись» 1663 г. [3]); дополнительныя, чисто крестьянскiя, клаузулы превращаютъ этотъ актъ какъ бы въ крестьянскую порядную.

Написана она отъ лица «вольнаго человѣка» Лунки Агѣева.

Въ клаузулѣ о срокѣ свадьбы Лунка обѣщаетъ жениться на опредѣленный срокъ «къ нему Семену (тестю—крестьянину помѣщика Щербачева) во дворъ»; «и жити мнѣ Лунке», продолжаетъ Агѣевъ: «во крестьянѣхъ за Ондрѣемъ Игнатьевичемъ Щербачевымъ. А я, Лунка, прежъ сево ни у ково во дворе і во крестьянстве и ни въ какомъ тягле не бывалъ и ни въ какихъ крѣпостяхъ ни у ково не написанъ і никому не крепокъ».

Къ сожалѣнiю, въ печатномъ матерiалѣ этотъ актъ является совершенно единичнымъ.

Въ трехъ рядныхъ-сговорныхъ II группы (2 записи — служилыхъ людей [4]) и одна — крестьянская [5]), дополнительныя клаузулы, различныя по формѣ и количеству, сходны по содержанiю, т. к. онѣ регулируютъ условiя, на которыхъ зять сговаривается войти въ домъ къ тестю и на которыхъ они соглашаются вести совмѣстную жизнь.

---

[1]) А. Ю., № 396.

[2]) Напечатана въ А. Ю. Б., III, № 336, I; А. Ю., № 395 и, какъ ни странно, въ видѣ типичной рядной (сговорной) записи въ Хрест. по ист. р. пр. М. Ф. Владимiрскаго-Буданова, в. II, с. 248, изд. 4-ое, 1901 г..

[3]) Лѣт. Ист.-Родосл. Общ. въ Москвѣ, 1907 г., в. II, прилож., с. 25, № 19.

[4]) Мат. по ист. Воронежск. и сос. губ., в. VII, с. 507 и Труды Орловск. уч. арх. ком., 1889 г., в. VI, с. 30.

[5]) А. Ю. Б., III, № 337.

Въ записи 1675 г. калужскаго посадскаго человѣка Дехтерева [1]) дополнительныя клаузулы по содержанію тоже близки къ только что отмѣченнымъ, т. к. онѣ регулируютъ совмѣстную жизнь будущихъ супруговъ, но не съ тестемъ, а съ усыновившимъ жениха этимъ самымъ Дехтеревымъ.

Установивши разные виды рядныхъ и сговорныхъ записей, попытаемся освѣтить вопросъ о томъ, какое значеніе имѣли наши акты въ современной имъ жизни.

Приведенными уже въ началѣ работы отрывками «Чиновъ свадебныхъ» подтверждается и безъ того очевидная мысль, что рядныя-сговорныя I группы послѣ написанія передавались жениху, а жениховскія рядныя-сговорныя оставались въ рукахъ представителей невѣсты: «рядные и зарядные межъ себя разнимаютъ» [2]).

Если свадьба разстраивалась по винѣ одной изъ сторонъ, то противная сторона могла на основаніи этихъ записей искать съ виновнаго установленной въ актѣ неустойки или «заряда».

Въ Стоглавѣ говорится, что дѣла по «ряднымъ грамотамъ» подвѣдомственны духовному суду: «А по ряднымъ грамотамъ... и поповъ и дьяконовъ и всѣхъ причетниковъ и мирскихъ людей повелѣваютъ святители бояромъ своимъ судити» [3]).

Въ XVII в., согласно указаніямъ Котошихина, дѣла направлялись на разрѣшеніе патріарха. «И патриархъ велитъ про то сыскать, и по сыску и по заряднымъ записямъ, на виноватомъ возмутъ зарядъ, что будетъ въ записи написано, и отдадутъ правому жениху или невѣсте; а послѣ того волно ему женитца на комъ хочетъ, или невѣсту волно выдать за кого хочетъ же» [4]).

Если же свадьба происходила согласно записямъ, то обѣ стороны обмѣнивались документами.

Въ «Чинахъ свадебныхъ» мы находимъ такія указанія на это: на третій день свадьбы послѣ «стола» у тестя «и какъ время дойдетъ, боярыни пойдутъ въ свои хоромы, а они туто послѣ овощей учнутъ раздѣлыватися въ приданомъ и рядные подписываютъ, а будетъ въ чемъ споръ и они откладываютъ до иново дни».

---

[1]) *Маркевичъ,* Калужскіе купцы Дехтеревы, с. 53, № 23.

[2]) Врем. М. О. И. Д., кн. 25, 1857 г., «Чины свад.», с. 158 и 170.

[3]) Стоглавъ, изд. 3-е, Казань, 1912 г., гл. 68, с. 142.

[4]) *Гр.Котошихинъ,* О Россіи въ царств. Ал. М., СПБ., 1906 г., изд. 4, с. 151. Справедливость указаній Котошихина подтверждается «зазывною» грамотою патріарха Іоакима къ воеводѣ Юшкову (А. Ю. Б., I, № 45).

Въ «Чинѣ меншемъ свадебномъ» добавлено: «и какъ раздѣлаются и на рядной подписываютъ и зарядные кой жъ свою назадъ емлютъ» [1]).

Подписки зятьевъ на рядныхъ, на которыя указываютъ «Чины свадебные», мы уже приводили выше (стр. 211). Въ одной изъ нихъ отмѣчена и отдача назадъ рядной записи: «потписалъ... и выдалъ шурину своему...» [2]).

Послѣ обмѣна записей «рядная запись» съ перечисленіемъ приданаго сохранялась родственниками невѣсты на случай ея бездѣтной смерти, когда имъ открывалось право требовать отъ зятя назадъ полученное имъ за женою приданое [3]).

Подписку на рядной записи о возвращеніи въ родъ невѣсты послѣ ея бездѣтной смерти приданаго мы приводили раньше (стр. 212) [4]).

Вопросъ о правѣ возвращенія вотчинъ и помѣстій, данныхъ въ приданое, вызвалъ не одно законодательное рѣшеніе въ XVII в. [5]).

Право требовать поряднымъ записямъ въ указанномъ случаѣ назадъ приданое отмѣнено Петромъ Вел. въ указѣ отъ 3 апрѣля 1702 г. (П. С. З., т. IV, № 1907): «А которая невѣста выдетъ замужъ и умретъ бездѣтна: и послѣ смерти ея приданаго ея, кромѣ вотчинъ и помѣстій и дворовъ, назадъ ничего не возвращать».

Какъ сообщаетъ Котошихинъ, возникали дѣла, въ которыхъ ссылались на изучаемые свадебные акты и въ томъ случаѣ, когда «человѣка обманутъ, выдадутъ за него дѣвицу не тоѣ, которую показывали смотрилщицѣ».

---

[1]) Op. cit., с. 169 и 172.

[2]) Сб. бум. Щукина, II, с. 5; а въ другой записи жениховской (А. Ю. Б. III, № 334, IX, 2) въ текстъ включена клаузула, указывающая моментъ, когда рядн. запись должна быть возвращена: «а какъ я Василей крестьянъ приму на срокъ и крѣпость на крестьянъ, и мнѣ Василью того жъ числа выдать рядную запись ему Ивану...»

[3]) Относительно приданыхъ людей Уложеніе опредѣленно постановляетъ, что въ такомъ случаѣ «приданыхъ людей по ряднымъ записямъ отдавать тѣмъ людемъ, кто ихъ въ приданое дастъ» (Улож., гл. XX, ст. 62).

[4]) Въ Актахъ г. Шуи, с. 320, № 276, приведена, какъ самостоятельный актъ, память о томъ, что братъ, дававшій приданое за сестрою, послѣ ея смерти отбираетъ назадъ «приданое платье, ларешную кузнь и низанье», дѣвку и вотчинныхъ крестьянъ, оставляя зятю лишь «четвертой жеребей изъ того приданаго платья и ларешной кузни и изъ низанья... противъ правилъ Св. Отецъ и Государева указу». См. также любопытную въ этомъ отношеніи «запись» 1693 г. въ А. Ю. Б., III, № 304, V.

[5]) Вопросъ этотъ подробно разобранъ *О. фонъ-Ланге* въ его трудѣ «О правахъ собственности супруговъ по древне-русскому праву», СПБ., 1888.

Въ этомъ случаѣ, по челобитью обиженнаго «патріарху и властемъ», «возмутъ у нихъ зарядные записи и допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей, по душамъ»; если свидѣтели скажутъ, что «выдалъ дочь свою не тоѣ, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену розведутъ, да сверхъ того, кто неправдо выдалъ, возмутъ пеню болшую и убытки жениховы» [1]).

На вопросъ—не имѣли ли рядныя-сговорныя I группы въ XVI и XVII в., кромѣ только что указаннаго значенія для судебныхъ дѣлъ, еще значенія крѣпостныхъ актовъ на приданое, перечисленное въ нихъ,—въ общемъ, мы склоняемся къ отрицательному отвѣту. Въ противномъ случаѣ, во-первыхъ, зять не отдавалъ бы рядной записи назадъ, а наоборотъ оставлялъ бы ее у себя.

Во-вторыхъ, въ нашихъ актахъ постоянно отмѣчается, что для укрѣпленія за женихомъ многихъ частей приданаго необходимъ особый актъ.

Поэтому-то въ рядныя-сговорныя включаются обязательства дать на людей данныя [2]), на крестьянъ—отпускныя [3]), а для укрѣпленія вотчинъ и помѣстій подать въ Помѣстный приказъ челобитную.

Впрочемъ, относительно «людей» мы должны сдѣлать изъятіе изъ нашего общаго вывода, а именно: «рядныя записи» по отношенію къ «людямъ» могли имѣть крѣпостной характеръ. Это явствуетъ, во-первыхъ, изъ того, что въ указѣ отъ 25 апрѣля 1597 г., въ которомъ предписывается представить крѣпости на людей для записки въ книгу, между прочимъ, говорится: «которые люди служатъ въ холопствѣ... по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ...» [4]); во-вторыхъ, въ «Записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ XV—XVII вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву» (Р. И. Б., XVII) и въ «Актахъ, записанныхъ въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка», сообщенныхъ А. Б. Лакіеромъ [5]), на-ряду съ многочисленными данными «по ряднымъ» на людей, находятся изрѣдка и «рядныя» [6]); въ-третьихъ, въ Уложеніи статья 63-я гл. XX гласитъ, что «приданыхъ людей по ряднымъ записямъ отдавать тѣмъ людямъ, кто ихъ въ приданое дастъ».

---

[1]) *Гр. Котошихинъ*, op. cit., с. 156.

[2]) Многія изъ нихъ напечатаны, напр.: А. Ю. Б., I, № 66, I, III, IV и V; Чт. М. О. И. Д., 1897 г., кн. I, смѣсь, стр. 5; Сб. бум. Щукина, II, с. 268; Изв. Тамб. учен. арх. ком., в. XLVII, с. 127.

[3]) Напр.: «отпустная память», Сб. бум. Щукина, II, с. 268—269.

[4]) А. И., I, с. 418, № 221.

[5]) Арх. ист.-юр. свѣд., отн. до Россіи, кн. II, пол. I, отд. II.

[6]) Въ Алябьевской книгѣ при 75 данныхъ «по ряднымъ» записано 5 «рядныхъ», а въ Лакіеровской книгѣ при 17 данныхъ «по ряднымъ» находится 2 «рядныхъ».

Процедуру же укрѣпленія приданаго помѣстья можно отлично прослѣдить по «дѣлу о справкѣ помѣстья», приведенному Юшковымъ въ «Матеріалахъ для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ» [1]).

Но къ самому концу XVII вѣка какъ будто начинаетъ мѣняться взглядъ на рядную запись, какъ на крѣпость и по отношенію къ землѣ.

По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ, правда всего одинъ, случай, когда на затыли рядной-сговорной записи I группы отъ 15-го января 1699 г. находится такая помѣта: «207 августа въ 18 день въ Помѣсномъ приказѣ думному дьяку Автомону Ивановичю Иванову съ товарищи *сю рядную на вотчину явилъ* Иванъ Ѳедоровъ сынъ Рагозинъ (зять) *и по сей рядной та вотчина за нимъ Иваномъ справлена* и пошлины по указу великого государя въ его великого государя казну взяты и въ приходную августа въ 25, а ся рядная запись въ записные вотчинные книги марта въ 11 день нынѣшняго 1700 году записаны. — Діакъ Волковъ. Справилъ Ивашко Михайловъ» [2]).

До этого года мы не имѣемъ ни на одномъ актѣ помѣты о запискѣ въ крѣпостныя книги рядныхъ и сговорныхъ записей.

Указомъ отъ 30 января 1701 года Петръ Вел. измѣнилъ прежній порядокъ и, включивъ «рядныя, духовныя и подрядныя записи» въ «крѣпости третьей статьи», постановилъ: «которыя прежъ сего въ книгу не записывались, нынѣ ихъ для спору и вѣдома и справки и для сбору Великаго Государя денежной казны, доведется въ книгу записывать у крѣпостныхъ же дѣлъ перечнемъ безъ пошлинъ, только отъ записки имать противъ крѣпостей первой статьи, какъ о томъ писано выше сего» (П. С. З., IV, № 1833).

Въ одной рядной-сговорной записи изъ самыхъ позднихъ отъ 3 ноября 1700 г. мы, дѣйствительно, нашли на оборотѣ слѣдующую помѣту, обусловленную этимъ указомъ: «1702 года марта въ 26 день по указу Великаго Государя Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ Синбирскѣ въ приказной палатѣ стольнику и воеводѣ Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину съ товарищи ся рядная запись въ книги запи-

---

[1]) Т. I, в. I, с. 169: сначала приводятся челобитныя жениха и невѣсты-вдовы, далѣе выясняется окладъ жениха и прожиточное помѣстье невѣсты, затѣмъ дьячья помѣта — допросить вдову и сказку взять, дальше приказъ дьяковъ подьячему допросить невѣсту, затѣмъ идутъ допросныя рѣчи невѣсты, помѣта дьяковъ—«отдѣлить» помѣстье въ «окладъ» жениху, отказная грамота въ Можайскъ и, наконецъ, отдѣльная книга.

[2]) А. Ю. Б., III, № 334, VIII.

сана и пошлинъ по указу 8 алтынъ 2 деньги взяты. — Дьякъ Василій Нестеровъ, справилъ Петрушка Муромцевъ» [1]).

Дальнѣйшая эволюція въ жизни нашихъ актовъ перерывается указомъ Петра Великаго отъ 3 апрѣля 1702 года, запретившимъ писать рядныя и сговорныя записи «съ зарядомъ»: «Великій Государь указалъ: рядныя и сговорныя записи отставить и впредь ихъ въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ не писать, а вмѣсто того приданому писать росписи за руками, а заряду никакого въ тѣхъ росписяхъ не писать» (П. С. З., IV, № 1907).

Всѣ же дѣла по прежнимъ ряднымъ «съ зарядомъ» съ этого момента прекращаются: «А будетъ по которымъ ряднымъ челобитье было, а тѣ дѣла не вершены: и тѣ рядныя отставить» (тамъ же).

Поэтому то мы и брали для изслѣдованія рядныя-сговорныя записи до 1702 г. включительно, такъ какъ послѣ этого указа нѣкоторые виды изслѣдуемыхъ актовъ изчезаютъ совсѣмъ, а именно: рядныя-сговорныя жениховскія, а изъ I-ой группы сговорныя и рядныя-сговорныя записи, такъ какъ одной изъ основныхъ частей ихъ содержанія являлся именно «зарядъ»; остаются лишь рядныя записи I группы безъ «заряду», которыя постепенно измѣняютъ свой формуляръ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что и до средины XVIII в. эти акты продолжаютъ писать приблизительно по прежнему типу рядныхъ записей I группы, иногда оставляя и наименованіе «зговорной записи» [2]) или «рядной» [3]).

Въ дальнѣйшемъ вырабатывается современный намъ типъ рядной записи, который сильно отличается отъ рядныхъ записей XVI—XVII в.

---

[1]) Арх. Симбирск. Окружн. Суда, в. I, с. 162.

[2]) Ежег. Влад. губ. стат. ком., т. II, с. 230 (1720 года); *Преображенскій* и *Альбицкій*, op. cit., с. 19, № 46 (1765 года).

[3]) Сб. бум. Щукина, III, с. 71 (1748 года).

Мірскія Лодомскія отписи.

В. Н. Кунъ.

Лодомскіе акты [1]) такъ или иначе на пространствѣ XV—XVI — XVII в.в. имѣютъ въ виду одни и тѣ же мѣста — Лодомскую волость и земли окрестныя. Черта любопытная въ научномъ отношеніи, ибо пространственное единство даетъ возможность строить развитіе во времени.

Хотя входящія въ составъ Лодомскихъ актовъ мірскія отписи и захватываютъ менѣе широкій хронологическій періодъ, въ отношеніи къ нимъ эта мысль всего справедливѣе: именно этотъ родъ актовъ представленъ всего полнѣй церковной казной св. Егорія (на 394 самыхъ разнообразныхъ по содержанію актовъ приходится 225 мірскихъ отписей). Численной полнотѣ памятника соотвѣтствуетъ разнообразное обиліе его содержанія, представленное отрывочной нерѣдко неясной рѣчью. Что же за памятникъ мірская Лодомская отпись?

Въ половинѣ XVI вѣка соцкой Якушъ, посылая память на Лодму, на оборотѣ писалъ: «дать ся грамотка на Лодму Василью Иванову с. цѣловальнику», а въ памяти промежъ прочимъ пишетъ: «...и вы бъ, господине, пожаловали: тѣ деньги собрали да и ко мнѣ прислали, какъ зберете. И язъ тому и отпись дамъ. А въ отпись проторы поставлю имянно. Пожалуйте, господине, зберите и ко мнѣ пришлите или ты, господине, Василій Ивановичъ привези. А язъ челомъ бью, чтобы мнѣ къ вамъ безъ ѣздовъ минути».

Вотъ объ этихъ-то «проторахъ»—сборахъ земскихъ и государевыхъ, со всей ихъ пестротой, о сборщикахъ и плательщикахъ,

---

[1]) Всѣ ссылки относятся къ памятникамъ, напечатаннымъ въ Русск. Ист. Библіотекѣ, т. XXV, прил.' Акты Лодомской Церкви. Римскія цифры, которыми нумерованы акты, замѣнены мною арабскими, ради удобства обильныхъ ссылокъ.

съ чего, какъ и куда платили—объ этомъ обо всемъ подчасъ неровно и сбивчиво разсказываетъ отпись, то обрываясь на полусловѣ, то пускаясь въ длинный разсказъ.

Настоящія строки не имѣютъ въ виду исчерпать научный интересъ Лодомскихъ мірскихъ отписей. Ставя себѣ дипломатическія задачи онѣ привлекутъ вниманіе читателя къ той сторонѣ изслѣдуемыхъ памятниковъ, которая стоитъ въ ближайшей связи съ ихъ формой, точнѣе, выявляется только на основѣ изученія послѣдней.

Время, мѣсто, рука составителя, индивидуальныя условія сдѣлки нерѣдко пестрили черты Лодомской отписи своеобразіемъ. Это не мѣшало, однако, возникновенію болѣе или менѣе устойчивыхъ типическихъ формъ. Ихъ находили себѣ или отдѣльныя части акта или весь актъ. Наконецъ, актъ, взятый цѣликомъ, зналъ нѣсколько такихъ типическихъ обличій. Все это опредѣляетъ и задачу изслѣдованія: расположивъ матеріалъ во времени и пространствѣ, расчленить его, обнаружить устойчивыя клаузулы, ихъ устойчивыя сочетанія, индивидуальныя уклоненія. Это дастъ основанія къ характеристикѣ акта въ его особливости, обнаружитъ его развитіе, быть можетъ позволитъ формулировать выводъ, нелишенный интереса и значенія.

Хронологическіе предѣлы, къ которымъ относятся мірскія отписи, 1540—1668 г.г. Изъ общаго числа 225 мірскихъ отп. 173 относятся къ XVI в. и 52—къ XVII вѣку. Изъ послѣднихъ 3 отп.—къ 1602, 1603 и 1607 г.г., остальныя—къ промежутку между 1634—1668 г.г. Не предрѣшая предстоящаго изслѣдованія замѣчу пока, что почти всѣ отписи XVII в. отличаются отъ господствующаго типа XVI в. и только два ранніе акта 1602—1603 г.г. примыкаютъ къ послѣднему.

Что касается мѣста написанія актовъ, то данныя о немъ таковы. Только весьма немногіе акты опредѣленно говорятъ, гдѣ они написаны (1—Москва, 7—Холмогоры, 4—Матигоры въ Холмогорской лукѣ сѣв. Двины). Остальные ограничиваются указаніемъ того, кто ихъ писалъ, т. е. канцеляріи. Изъ этихъ указаній можно извлечь кое-что интересное. Значительная группа актовъ (около 130 отп.) написана Вознесенскими дьяками. Вознесенскій приходъ—Низовская волость—совокупность всѣхъ Низовскихъ волостей, включащая и Лодомскую, расположенъ въ самомъ устьѣ Двины. Естественно думать, что здѣсь, на Низу и писали ихъ вознесенскіе дьяки. Можетъ быть при самомъ храмѣ Вознесенія на Андріяновѣ острову, на рѣчкѣ Якурьѣ. Остальные акты, можно думать, писаны въ тѣхъ же мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствующіе въ нихъ сборщики и плательщики, самые сборы и форма акта

совершенно близки прочимъ отписямъ. Отсюда легко допустить, что создала ихъ та же Низовская волость или Холмогоры. Въ пользу послѣднихъ также можно привести рядъ соображеній. XVI вѣкъ даетъ два вполнѣ различные типа отписей и однѣ изъ нихъ писаны дьяками коллегіи даннаго старосты съ цѣловальниками, а другіе въ большинствѣ вознесенскими, хотя не только ими. Первый типъ, нерѣдко имѣя въ виду тѣ же сборы, что и второй, какъ будетъ показано ниже, болѣе совершенный и разработанный. Соблазнительно предположить, что данные старосты писали свои отписи на Холмогорахъ, всяческомъ центрѣ Двинской земли, и именно этимъ обстоятельствомъ объясняется ихъ болѣе совершенная форма.

Итакъ, изучаемые акты за время около 130 лѣтъ писаны главнымъ образомъ, въ низовьѣ Двины вознесенскими дьяками, остальные, какъ можно думать, или въ тѣхъ же Низовскихъ волостяхъ или на Холмогорахъ.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть ихъ клаузальный составъ. Изслѣдуя его, обнаруживаешь значительное обиліе различныхъ расчлененій. Однако, одни изъ нихъ носятъ совершенно индивидуальный характеръ, другія повторяются съ устойчивостью различной степени, давая картину типическихъ. Ниже я и разсмотрю прежде всего тѣ изъ расчлененій формы Лодомскихъ мірскихъ отписей, которыя можно признать типическими; затѣмъ укажу рядъ индивидуальныхъ отъ нихъ уклоненій, далѣе клаузулы вполнѣ инд. характера и, наконецъ, конечный протоколъ.

Можно указать 4 устойчивыхъ клаузулы типическаго характера: *1 кл. лицъ и сборовъ*, *2 кл. отказа отъ претензій*, *3 кл. corroboratio* или *подтвержденія*, *4 кл. плательщика* и *5 кл. конечный протоколъ* или удостовѣрительная часть акта. Исчисляя ихъ я имѣю въ виду типичность каждой кл. въ отдѣльности, о типическомъ ихъ сочетаніи будетъ рѣчь особо.

Наиболѣе устойчивыми типическими формами *первой клаузулы* слѣдуетъ считать три. Первая читается такъ:

«Се язъ имя-рекъ взялъ есми у имя-река (или: имя-рековъ) разрубъ (или: по разрубному списку) съ такихъ-то окладныхъ единицъ, такіе-то сборы (очень часто: по столько-то съ единицы)».

Хотя эта типическая форма безусловно господствуетъ въ *XVI вѣкѣ*, она точно выдерживается далеко невсегда [1]). Въ иныхъ

---

[1]) Писецъ XVI вѣка, вознесенскій дьякъ Федька Васильевъ Поповъ, написавшій 25 отписей, устойчиво держался этой простой и слитной формы. Ему и Мишкѣ Павлову Урпинѣ, также вознесенскому дьяку XVI в., скорѣе всего обязана Лодомская отпись своей первой формой XVI вѣка.

случаяхъ ее мѣняетъ чисто словесное развитіе, о чемъ ниже, въ другихъ (числомъ 5) она смѣняется такой: «се язъ имя-рекъ далъ есми имя-реку отпись въ томъ, что есми взялъ у нихъ такіе-то сборы» или: «въ томъ, что есми сотничалъ у нихъ... и счелся во всемъ сполна». Эта послѣдняя форма встрѣчается въ такъ называемыхъ «счетныхъ» отписяхъ, т.-е. имѣющихъ въ виду не уплату отдѣльнаго сбора, а окончательный расчетъ мірского должностного лица съ міромъ въ виду оставленія этимъ лицомъ его должности (9 отписей). Въ прочихъ своихъ частяхъ счетныя отписи вполнѣ слѣдуютъ отписямъ обыкновеннымъ. Замѣчу только, что форма «и счелся во всемъ сполна» иногда обособляется и занимаетъ при этомъ различныя мѣста въ числѣ частей первой клаузулы.

Второй типической формой первой клаузулы можно считать слѣдующую:

«Лѣта, мѣсяца, дня. Имя-рекъ взялъ съ такихъ-то окладныхъ единицъ такіе-то сборы... и того всего взяли столько-то». Иногда прибавляется: «по книгамъ».

Эта форма принадлежитъ *XVI вѣку* и создана канцеляріей даннаго старосты (въ числѣ 15 актовъ). Какъ видно, въ ней отсутствуетъ указаніе на плательщика, выдѣленное въ особую клаузулу, и только иногда указывается документъ, по которому производится взиманіе. Кромѣ того, отсутствуютъ слова: «се язъ» и дата непомѣщена въ началѣ (въ соотвѣтствіи съ этимъ глаголъ стоитъ въ 3-мъ, а не въ 1-мъ лицѣ).

Наконецъ, третья форма той же клаузулы, принадлежащая *XVII в.*, такова:

«Лѣта, мѣсяца, дня. Имя-рекъ взялъ у имя-река съ такихъ-то окладныхъ единицъ по разрубному списку такіе-то сборы».

Сравнивая всѣ три приведенныя формы легко обнаружить, что форма *XVII вѣка* усваиваетъ себѣ указаніе на плательщика и на документъ, по которому производится взиманіе, т.-е. элементы, присущіе *первой формѣ XVI вѣка*. Съ другой же стороны дату испомѣщаетъ въ началѣ первой клаузулы, выпускаетъ слова «се язъ», ставитъ 3-е лицо глагола въ совершенномъ соотвѣтствіи со *второй формой XVI вѣка*. Таковы три типа первой клаузулы Лодомскихъ мірскихъ отписей и черты ихъ сходства.

Нетрудно видѣть, что ихъ содержаніе характеризуется рядомъ устойчивыхъ элементовъ, степень устойчивости которыхъ различна. Съ другой стороны самое опредѣленіе разсмотрѣнныхъ формъ, какъ типическихъ, предполагаетъ наличность уклоненій. Эти колебанія формы, какъ будетъ показано, связаны съ различной формулировкой элементовъ разсматриваемой клаузулы. Къ вы-

ясненію ея элементовъ поэтому и надлежитъ обратиться. Анализируя содержаніе первой кл. можно разложить его на такого рода слагаемыя:

1. *Указаніе лицъ*, изъ которыхъ одно принимаетъ, а другое вноситъ сборъ. Имѣется оно во всѣхъ почти отписяхъ, кромѣ отписей даннаго старосты, гдѣ указаніе на плательщика формулируется въ особой клаузулѣ. Въ послѣднихъ принимаетъ сборы данный староста съ цѣловальниками, т.-е. цѣлая коллегія, въ прочихъ— обыкновенно одно лицо. Вноситъ платежи либо отдѣльное лицо само за себя, либо отдѣльное лицо за цѣлый міръ въ качествѣ его представителя, либо лучшіе люди отъ лица всего міра (только болѣе раннія отписи). Этотъ моментъ представительства, кратко выражаемый словами «за всю Лодомскую волость», «за Лодомскихъ людей», очень рѣдко выдѣляется въ отдѣльную клаузулу индивидуальнаго значенія (см. № 260).

2. *Объектъ оклада*, опредѣляемый въ различныхъ актахъ различными окладными единицами. Отписи нерѣдко имѣютъ въ виду сразу нѣсколько различныхъ объектовъ.

3. *Ссылка на документъ, по которому производится взиманіе*—обычно разрубъ, разрубной списокъ [1]). Указаніе это имѣется далеко не во всѣхъ актахъ: нѣтъ его въ 67 отписяхъ XVI вѣка (почти во всѣхъ раннихъ) и въ одной отписи XVII вѣка (№ 357).

4. *Исчисленіе сборовъ*, которыхъ обычно въ отписи поминается много (число весьма различно) и очень рѣдко одинъ сборъ.

5. *Взимаемыя деньги*, приводимыя въ 60 сл. XVI вѣка и въ 52 сл. XVII вѣка въ видѣ общей суммы. Въ прочихъ сл. не суммируется.

6. *Дата*, испомѣщаемая въ началѣ первой клаузулы всѣхъ отписей XVII вѣка и небольшого числа отписей XVI вѣка (гл. обр. канцеляріи даннаго старосты). Мнѣ представляется возможнымъ и не считать ее элементомъ первой кл., признавая начальнымъ протоколомъ.

Таково въ расчлененномъ видѣ представленное содержаніе разсматриваемой клаузулы. Словесное расчлененіе исчисленныхъ

---

[1]) Прим. указываются и другіе документы: роспись въ дань и оброкъ. «по разрубному, что разрублено по другой *росписи* земскихъ старостъ», разрубъ по *животному списку*, разрубной и *учетный списокъ*, *разметные списки* посошные, *выпись*, *развемная память*, *расходная*, *книги данныя*, *оброчныя*, *писцовыя*, *память даннаго старосты* и т. п. Повидимому, исчисленные термины всякій разъ не исключаютъ разрубного списка, ибо имѣютъ въ виду скорѣе документъ, на основаніи котораго производился самый разрубъ, чѣмъ взиманіе.

элементовъ или ихъ перестановка въ процессѣ изложенія и будутъ вызывать, какъ мы сейчасъ увидимъ, тѣ уклоненія отъ вышеприведенныхъ типическихъ формъ, къ обнаруженію которыхъ идетъ наше изслѣдованіе. Такъ цѣлый рядъ актовъ, принадлежащихъ данному старостѣ выдѣляетъ одно изъ лицъ въ особую клаузулу, называемую мною *клаузулой плательщика* (см. выше с. 227). Расчлененіе можетъ вызываться и тѣмъ обстоятельствомъ, что отпись имѣетъ подчасъ не одинъ, а два или нѣсколько окладныхъ объектовъ—2—3 деревни (ср. №№ 33, 101, 106, 148, 205, 224, 242). Далѣе, нѣкоторыя отписи XVI вѣка выдѣляютъ какъ бы въ особую клаузулу вслѣдъ за первой указаніе на разрубной списокъ: «а взялъ если по разрубному списку Андріяновскихъ крестьянъ». Это расчлененіе четко проводитъ писецъ XVI вѣка, вознесенскій дьякъ Мишка Павловъ с. Урпина (въ 13 изъ 23 написанныхъ имъ отписяхъ). Два писца XVII в. Алешка Яковлевъ и Алешка Звягинъ, вознесенскіе дьяки (м. б. одно и то же лицо?), исчисливши разрубные списки и взимаемыя деньги, также какъ-бы въ особую клаузулу выдѣляютъ назначеніе сборовъ: «а тѣ разрубы разрубаны въ такіе-то сборы» (ср., напр., №№ 294, 296, 299, 303, 304). Иногда расчлененію первой кл. содѣйствуетъ множественность разрубныхъ списковъ, или доплата въ тотъ же разрубъ (ср., напр., №№ 34, 241, 247, 307), или выдѣленіе суммы, получающей иной разъ характеръ итога (около 25 сл., напр., № 231). Такъ писецъ XVII в. вознесенскій дьякъ Артюшка Яковлевъ, написавшій 28 отписей, исчисливши разрубные списки и назначеніе сборовъ, выдѣляетъ сумму, говоря: «а денегъ у него взято... столько-то» (ср. №№ 332, 333, 334 и далѣе). Наконецъ, скорѣе не расчлененіе, а внутреннюю перестановку элементовъ вносятъ перенесеніе объекта оклада или плательщика, вопреки обыкновенію, въ конецъ или середину клаузулы. Такъ, разнообразіе окладныхъ объектовъ, обиліе разрубныхъ списковъ, множество сборовъ, вызывавшее необходимость итога варьировали приведенныя выше типическія формы первой клаузулы. Тому же нерѣдко служили произволеніе или навыкъ писца.

Прибавлю къ этому наблюденіе общаго свойства. Характеръ всей клаузулы съ теченіемъ времени мѣняется: въ половинѣ XVI в. она нерѣдко подробно объясняетъ всякій сборъ, стремится дать отчетъ въ его назначеніи; въ XVII вѣкѣ сборы скорѣй называются, чѣмъ объясняются, вся рѣчь короче и точнѣй, отчетливѣй ссылка на разрубной списокъ, наконецъ, пропадаетъ «се язъ» въ началѣ кл. и смѣняется датой. Это развитіе формы не мѣняетъ, однако, существа содержанія. Какъ видно изъ анализа содержанія клаузулы, она попрежнему говоритъ о томъ, что лицо, облеченное пуб-

личнымъ правомочіемъ опредѣленныхъ государственныхъ сборовъ, приняло ихъ отъ лица, обязаннаго къ уплатѣ, т.-е. констатируетъ фактъ прекращенія обязательства.

Изъ этой основной мысли первой клаузулы непосредственно вытекаетъ содержаніе *второй кл. отказа отъ претензій*. Въ ней получившій сборы земскій чинъ отказывается отъ всякихъ претензій на полученіе этихъ сборовъ. Эта клаузула особенно настойчиво встрѣчается въ счетныхъ отписяхъ (рѣшительно во всѣхъ), такъ какъ по нимъ производится окончательный расчетъ самоуправляющагося земскаго міра, съ его представителемъ. Она совершенно не встрѣчается въ отписяхъ XVII вѣка и сравнительно рѣдко (въ 23 сл.) въ отписяхъ XVI вѣка. Изъ общаго числа 17 Лодомскихъ мірскихъ отписей первой половины XVI вѣка ее содержатъ 6 отп. Изъ 156 отписей второй половины XVI вѣка — 17 отп. Стало быть, во второй половинѣ клаузула встрѣчается относительно рѣже. Изъ общаго числа 23 отп.—10 отписей счетныхъ и 13 обыкновенныхъ. Изъ послѣднихъ только 4 имѣютъ въ виду обычные сборы, 4—уплату недоимокъ и 5—правоотношеніе частнаго характера (заемъ [1]) для уплаты сборовъ (3), наемъ мірского посыльщика, а также отношенія, связанныя съ нимъ см. №№ 124, 245). Замѣчу, что 3 счетныхъ, 4 недоимочныхъ и 4 обыкновенныхъ отп. входятъ въ число 11 болѣе раннихъ (до 70-хъ г.г.). Акты позднѣе 70-хъ годовъ XVI в.—счетныя отписи или своей кл. отказа отъ претензій, имѣютъ въ виду правоотношенія частнаго характера (въ 3-хъ сл. приписной и самост. значенія). Если всѣ эти данныя принять въ свѣтѣ соображенія, что смыслъ разсматриваемой клаузулы лежитъ въ предупрежденіи возможнаго гражданскаго иска, картина ихъ становится любопытной. Настойчивѣй всего этотъ частно-правовой моментъ отписи выговаривается ею въ серединѣ XVI вѣка до (70-хъ г.г.). Въ это время его знаетъ и счетная и обыкновенная отпись, послѣдняя, однако, нерѣдко въ связи съ уплатой недоимокъ. Позднѣе на протяженіи XVI вѣка онъ имѣется только въ счетныхъ отписяхъ или въ связи, ясно указывающей частно-правовое отношеніе. Наконецъ, въ XVII в. мірская отпись

---

[1]) Въ случаяхъ, связанныхъ съ отношеніемъ займа, сторонняго прямому смыслу отписи, кл. отказа отъ претензій, представляютъ собою приписку на оборотѣ, въ формуляръ акта не входятъ и сохраняютъ значеніе самостоятельной росписки. Приписана она на отписяхъ въ виду того, что въ этихъ послѣднихъ идетъ рѣчь о сборахъ, ради уплаты которыхъ заключался заемъ. При этомъ приписки довольно точно повторяютъ типическую форму кл. отказа отъ претензій, какъ она встрѣчается въ нашахъ отписяхъ (см. №№ 147, 148, 157).

не знаетъ этого момента совсѣмъ. Клаузула отказа отъ претензій попадается только въ частныхъ отписяхъ (см. № 275) Что касается формы разсматриваемой кл., то отписи даютъ ее въ разныхъ видахъ, различія которыхъ мало существенны. Самой распространенной является слѣдующая: «и дѣла мнѣ нѣтъ до нихъ [1]) (или: такихъ-то)» съ добавленіями «въ разметахъ», «въ деньгахъ», «разрубахъ» «по кабаламъ», «отписямъ», «памятямъ», «записямъ» и т. п. Иногда съ добавленіемъ «въ своемъ сотничествѣ» или въ соединеніи съ фразой: «и тѣ убытки (деньги, сборы) дошли до меня до старосты, да и дѣла ми до нихъ (такихъ-то) нѣтъ». Самая краткая форма: «въ томъ и дѣла нѣтъ». Наконецъ, въ 4-хъ сл. (счетныхъ отписяхъ) встрѣчается двусторонній отказъ отъ претензій: отказывается не только сборщикъ, но и плательщикъ. Форма кл. въ этихъ случаяхъ такова: «да и дѣла мнѣ (сотнику) ни въ чемъ въ своемъ сотничествѣ нѣтъ, а старостѣ до меня дѣла нѣтъ» (ср. №№ 127, 130). Эта простая форма можетъ осложняться различными добавленіями: «ни по кабаламъ» «ни по памятямъ» и т. п.

Третьей кл. можно назвать кл. *подтвержденія—corrobocatio* она встрѣчается въ громадномъ большинствѣ актовъ: изъ 225 отп. нѣтъ ея только въ 33-хъ отписяхъ. Изъ нихъ 30 приходятся на 173 отп. XVI вѣка и 3 [2])—на 52 отписи XVII вѣка. Слѣд., со временемъ кл. corroboratio становится все устойчивѣй и въ XVII в. имѣется почти во всѣхъ актахъ. Въ содержаніе акта, разсматриваемая кл. не вноситъ ничего новаго, только подчеркивая вышеизложенное. Что касается формы кл. corroboratio, то самой распространенной является слѣдующая (71 сл.): «а въ тѣхъ деньгахъ и отпись далъ» съ небольшими словесными добавленіями: «да», «если» или съ перемѣной порядка словъ. Второй формой является слѣдующая: «въ томъ и отпись далъ», также съ чисто словесными варіантами. Въ нѣсколькихъ единичныхъ сл. съ добавленіемъ «счетную», «платежную».

Наконецъ, въ заключеніе обзора типическихъ клаузулъ укажу не разъ упоминавшуюся *кл. плательщика.* Она встрѣчается почти исключительно въ отписяхъ, принадлежащихъ данному старостѣ. Ея содержаніе—указаніе на лицо, вносившее деньги и не упомянутое въ первой клаузулѣ. Ея форма—«деньги платилъ имя-рекъ» или «платилъ деньги имя-рекъ».

---

[1]) Ср. №№ 24, 34, 63, 70, 124, 147 и др. Не исчисляю всѣхъ варіантовъ за ихъ незначичельностью.

[2]) №№ 267, 287, 301; изъ нихъ первый и третій принадлежатъ канцеляріи даннаго старосты, въ отписяхъ котораго вообще не встрѣчается этой клаузулы.

Итакъ, нашъ анализъ разсмотрѣлъ формы и содержаніе 4-хъ устойчивыхъ кл., повторяющихся въ нашемъ матеріалѣ. Обратимся теперь къ кл. индивидуальнаго характера и конечному протоколу.

Индивидуальныя кл. можно раздѣлить на двѣ группы:

1. Такія, хоторыя съ точки зрѣнія структуры акта не вносятъ элементовъ новыхъ. Обычно онѣ дополняютъ содержаніе актовъ и самая форма рѣдконоситъ расчлененный характеръ. Такъ, актъ № 95 говоритъ на оборотѣ: «А та опять верхей земли Егорья святаго, что на Лодьмѣ, а земля въ Повракулѣ». Это не болѣе какъ опредѣленіе окладного объекта, обычно даваемое въ нѣсколькихъ словахъ, здѣсь писцомъ упущенное и восполненное въ болѣе подробной формѣ на оборотѣ. Цѣлый рядъ актовъ въ припискахъ (№№ 142, 182, 160 и др.) дополняетъ содержаніе акта невнесенными въ него сборами, напр. «и въ свой сотниковъ наемъ» (142) «и въ посошныхъ людей за 2 мѣсяца» (152) и т. п.

2. Индивидуальныя кл. второй группы напротивъ, всегда привносятъ новые элементы. Такъ, однѣ изъ нихъ ограничиваютъ содержаніе акта, напр., № 37 говоритъ: «А съ Ненокшаны и съ Уняны счетъ не бывалъ на моемъ году». Староста этимъ указываетъ, что расчетъ его съ міромъ неполный: населеніе Неноксы и Уны не привлекалось къ разверсткѣ мірскихъ платежей за время его соцкованья. Другія вводятъ новыя обязательства, такъ № 38 говоритъ: «а стояти на неплачихъ съ одного». Эта кл. вводитъ въ отпись, ликвидирующую отношенія міра и сборщика, совершенно самостоятельное взаимообязательство мірскихъ людей, обязательство совокупнаго воздѣйствія на тѣхъ членовъ міра, которые платить сборовъ не пожелаютъ. Третьи вводятъ элементы стороннихъ отписи отношеній по займу и найму. Такъ, актъ № 209 говоря: «а платилъ Василій своими деньгами за ту сошку», констатируетъ займъ сошки у частнаго лица [1]). Можно указать и такія кл., которыя требуютъ уничтоженія старыхъ актовъ (№№ 40, 73) или написанія новаго, соотвѣтвѣтствующаго ликвидаціи отношеній (№ 179).

Легко видѣть изъ вышеизложеннаго, что кл. первой группы для нашей связи мыслей неинтересны. Напротивъ, кл. второй группы по формѣ и по содержанію вполнѣ самостоятельныя, обращаютъ на себя вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, они свидѣтельствуютъ, что отпись не только ликвидируетъ правоотношеніе (см. кл. 1-ю), но

---

[1]) Это подтверждается данными отписи № 65, а также и тѣмъ, что, какъ выше указывалось, въ приписныхъ кл. отказа отъ претензій приводятся указанія на ликвидацію такихъ отношеній ср. №№ 147, 148 см. выше.

иногда, правда, рѣдко, вызываетъ новое. Эта мысль пригодится намъ позднѣе.

Обращусь къ конечному протоколу. Онъ носитъ чрезвычайно ясныя и простыя формы. Ихъ двѣ. *Первая* читается такъ:

1. На то послуси имя-рекъ (иногда, «а на то...»). 2. Отпись писалъ имя-рекъ (иногда, «а отпись...»). 3. Лѣта, мѣсяца, дня. Эта форма принадлежитъ преимущественно XVI в. (только 3 отп. XVII в.). Встрѣчается она въ 159 сл. и рѣдко варьируется. Такъ, послуси отсутствуютъ только въ 12 раннихъ отписяхъ (гл. обр. сотниковъ Ѳедора Шуйгина и Якова Дмитрева). Ихъ обычно бываетъ два, иногда—3, иногда — 1. Форма «послуси» и въ послѣднемъ сл. сохраняется. Подписи встрѣчаются приблизительно въ 40 отписяхъ этой формы. Принадлежатъ онѣ обыкновенно соцкому, выдавшему отпись (36 сл.) и рѣдко послуху (4 сл.).

Вторая форма читается такъ: «Отпись писалъ имя-рекъ» (иногда съ перестановкой словъ).

Принадлежитъ эта форма, главнымъ образомъ, XVII в. (только 14 отп. даннаго ст. XVI в.) и устойчивы не менѣе первой. Послухи отсутствуютъ. Дата проставляется въ самомъ началѣ акта (см. выше 1-ю кл.). Подписи встрѣчаются во всѣхъ отписяхъ даннаго старосты и только въ шести отп. XVII в. Принадлежатъ онѣ въ XVI в. то старостѣ, то цѣловальнику, въ XVII в.—старостѣ. Сводя изслѣдованіе конечнаго протокола въ одинъ выводъ, скажемъ: въ XVI в. (кромѣ отп. даннаго старосты) послухи почти всегда присутствуютъ въ конечномъ протоколѣ, нерѣдки подписи контрагентовъ и иногда послуховъ; въ XVII в., а также въ отп. даннаго старосты изъ удостовѣрительной части отписи совершенно исчезаютъ послухи, а подпись рѣдка.

Съ этимъ вмѣстѣ заканчивается анализъ кл. состава мірскихъ Лодомскихъ отписей. Намъ предстоитъ обратиться къ вопросу о томъ, не представляетъ-ли изучаемый актъ устойчивыхъ клаузульныхъ сочетаній.

Если съ этимъ вопросомъ обратиться къ предшествующему изложенію, мы въ немъ найдемъ матеріалъ для отвѣта. Въ самомъ дѣлѣ, первая кл. встрѣчается рѣшительно во всѣхъ отписяхъ въ одной изъ трехъ формъ: первой самой распространенной XVI в., второй даннаго старосты XVI в. и третьей XVII вѣка. Почти такой же устойчивостью характеризуется 3-я кл., совсѣмъ не встрѣчающаяся только въ отписяхъ даннаго старосты. Что касается до 2-й и 4-й кл., то онѣ встрѣчаются рѣдко. 2-я съ ея частно-правовымъ характеромъ типична только для счетныхъ отписей, а изъ простыхъ чаще встрѣчается въ древнихъ, никогда—въ XVII в. и

въ отписяхъ даннаго старосты. 4-я же попадается почти исключительно въ отп. даннаго старосты. Припомнимъ здѣсь же расчлененіе двухъ типовъ конечнаго протокола: одинъ въ XVII в. и у даннаго старосты, другой—въ остальныхъ отп. XVI в. Пользуясь этими данными и сопоставляя цѣликомъ формы Лодомскихъ отписей можно установить 3 ихъ типа. *Первый* читается такъ:

1. Се язъ имя-рекъ взялъ есми у имя-река съ такихъ-то окладныхъ единицъ по разрубному списку такіе-то сборы.

2. Въ тѣхъ деньгахъ и отпись далъ (въ томъ).

3. На то послуси.

4. Отпись писалъ имя-рекъ.

5. Лѣта, мѣсяца, дня (см., напр., № 175).

Именно этотъ типъ отписи XVI в. иногда осложняется кл. отказа отъ претензій [1]).

Второй типъ *также XVI в.*, принадлежащій канцеляріи даннаго старосты, читается такъ:

1. Лѣта, мѣсяца, дня. Данный староста, съ цѣловальниками взяли съ такихъ-то окладныхъ единицъ (иногда по книгамъ) такіе-то сборы.

2. Деньги платилъ имя-рекъ.

3. Отпись писалъ имя-рекъ, см., напр., № 185.

Третій XVII в.:

1. Лѣта, мѣсяца, дня. Имя-рекъ взялъ есми у имя-река съ такихъ-то окладныхъ единицъ такіе-то сборы по такому-то разрубному списку.

2. Отпись писалъ имя-рекъ. См., напр., № 297.

Какъ видно, во всѣхъ трехъ формахъ отпись по содержанію остается распиской должностного лица въ пріемѣ сборовъ отъ лица, обязаннаго къ ихъ уплатѣ или его представителя. Стало быть, при неизмѣнности содержанія мѣняется ея форма. Легко видѣть изъ сопоставленія трехъ приведенныхъ типовъ, что послѣдній XVII в. отличается отъ перваго испомѣщеніемъ даты, пропускомъ словъ «се язъ», 3-лицомъ глагола, отсутствіемъ кл. отказа отъ претензій и послуховъ, во всемъ этомъ сходясь со вторымъ типомъ даннаго старосты. Отъ послѣдняго же отличается наличностью указанія на разрубной списокъ, кл. corroboratio и отсут-

---

[1]) Какъ выше указывалось, эта кл. особенно настойчиво встрѣчается въ счетныхъ отписяхъ. Если сюда прибавить указанныя въ первой кл. мірской отписи уклоненія, то этимъ исчерпается оригинальность формуляра счетныхъ отписей. Во всемъ прочемъ онѣ совершенно близки первому типу XVI вѣка.

ствіемъ кл. плательщика, который указывается въ первой кл., во всемъ этомъ сходясь съ первымъ типомъ.

Итакъ, третій самый поздній типъ XVII в. несомнѣнно представляетъ комбинацію ряда признаковъ двухъ первыхъ.

Если, продолжая анализъ, связать съ нимъ рядъ другихъ данныхъ, мы найдемъ не лишенный значенія выводъ.

Обращаясь къ первой формѣ мірской отписи не трудно обнаружить, что пишется она по типу древне-русскаго договора. Объ этомъ говоритъ цѣлый рядъ ея, уже указанныхъ чертъ: «се язъ» и 1-е лицо глагола, отчасти кл. corroboratio, весьма распространенная въ древнемъ частномъ актѣ, послухи въ конечномъ протоколѣ, самый распорядокъ его элементовъ (послухи, канцелярія, дата) наконецъ, наличность въ счетныхъ и болѣе раннихъ своеобразной кл. отказа отъ претензій, съ ея предвидѣніемъ возможности гражданскаго иска. Если съ этими данными обратиться къ XVII в.—отписямъ тѣхъ же вознесенскихъ дьяковъ, мы увидимъ, что именно эти черты частнаго акта (за исключеніемъ кл. corroboratio) утрачиваетъ отпись. Она не нуждается болѣе въ удостовѣреніи третьихъ лицъ. При томъ же содержаніи ея форма короче и точнѣе, скорѣй называетъ, чѣмъ объясняетъ сборы. Иначе говоря, Лодомская отпись XVI в.—это, обычно подробно написанная, нерѣдко съ характеромъ отчета, расписка лица лицу, та же отпись въ XVII в. скорѣе напоминаетъ квитанцію, выданную лицу учрежденіемъ. Эту смѣну физіономіи акта можно понимать, какъ развитіе. Правда, располагая отписями за время съ 1540 г. и до конца XVI вѣка, мы для начальнаго тридцатилѣтія XVII в. имѣемъ только три акта 1602, 1603 и 1607 г.г. Изъ нихъ только послѣдній принадлежитъ къ типу отписей XVII в. Это обстоятельство лишаетъ возможности точнѣе прослѣдить и построить развитіе акта. Однако, цѣлый рядъ данныхъ всетаки говоритъ о немъ. Вѣдь XVI в. далъ два рѣзко различныхъ типа Лодомскихъ мірскихъ отписей. Одинъ принадлежитъ цѣлому ряду различныхъ канцелярій, изъ которыхъ главная—вознесенскіе дьяки, остальныя—въ большинствѣ неопредѣлимы. XVII в. далъ только одинъ типъ отписи и всѣ его акты за единичными исключеніями принадлежатъ одной канцеляріи—вознесенскимъ дьякамъ.

Стало быть, во всякомъ случаѣ вознесенская канцелярія смѣняетъ первый типъ третьимъ, представляющимъ комбинацію первыхъ двухъ, прямо противоположныхъ. Все это вмѣстѣ при постоянствѣ содержанія и четко выраженномъ приближеніи акта къ публичному, придаетъ изучаемому измѣненію характеръ развитія. А это послѣднее не знаменуетъ-ли собою тѣсно связанную съ нимъ

иную эволюцію. Въ самомъ дѣлѣ, формальная близость древней отписи къ частному акту не говоритъ-ли, что вызывавшее ее отношеніе понималось близко къ частно-правовому. Дальнѣйшее развитіе акта—утрата имъ частно-правовыхъ чертъ—не указуетъ-ли на то, что чѣмъ болѣе оффиціальное лицо представляло собою прочныя формы государственнаго учрежденія, тѣмъ ближе къ публичному строилось его служебное отношеніе, отражая въ актѣ свою эволюцію.

Изложеннымъ мыслямъ совсѣмъ не противорѣчитъ наличность въ XVI в. отписей даннаго старосты, вовсе лишенныхъ чертъ частнаго акта. Ранняя выработанность формы при совпаденіи во времени и томъ же содержаніи только подтверждаетъ въ началѣ высказанную догадку, что отписи даннаго старосты писаны въ центрѣ Двины на Холмогорахъ. Именно центральность выпускавшей ихъ канцеляріи, могла содѣйствовать развитію ея, какъ государственнаго учрежденія и въ частности отражаться на большей выработанности формъ дѣлопроизводства. Такъ, еще и въ XVI в. центральность канцеляріи могла сообщать мірской отписи характеръ публичнаго акта, въ XVII в. и дальняя окраина сообщила ей тотъ же характеръ.

Въ свѣтѣ тѣхъ же мыслей интересно остановиться на Ломскихъ *церковныхъ* отписяхъ. Ихъ сохранилось, правда, (16 отп.), немного, но хронологически онѣ охватываютъ примѣрно тотъ же періодъ съ 1544 — 1649 г.г. и всѣ говорятъ о взносахъ церковныхъ сборовъ храмомъ св. Егорія новгородскому владыкѣ. Дѣйствующія лица — представители церковныхъ учрежденій: Лодомскаго храма и Новгородской святительской каѳедры. Стало быть изученіе акта, его формы должны быть для насъ любопытны. И дѣйствительно, изученіе это обнаруживаетъ, что церковныя отписи не имѣютъ ни одного изъ частно-правовыхъ моментовъ, указанныхъ при разсмотрѣніи перваго типа Лодомскихъ мірскихъ отписей. Всѣ 16 актовъ не знаютъ послуховъ и кл. отказа отъ претензій, написаны въ 3-мъ лицѣ и, стало быть, безъ «се язъ», дата въ 13-ти сл. помѣщена въ началѣ акта и только въ самомъ древнемъ 1544 г. въ концѣ, въ двухъ сл. 1545 и 1547 г.г. отсутствуетъ совсѣмъ. Наконецъ, кл. corroboratio встрѣчается только въ 3-хъ сл., кл. плательщика наоборотъ, въ 8-ми сл. При этомъ три древнѣйшіе акта написаны по ея типу, т.-е. представляютъ собой пространно формулированную, съ кое-какими добавленіями кл. плательщика. Итакъ, возвращаясь мыслью къ вывѣряемому выводу, можно сказать, что еще съ первой половины XVI в. всѣ Лодомскія церковныя отписи лишены чертъ частнаго акта и носятъ ха-

рактеръ квитанціи, выдаваемой учрежденіемъ. Такъ находитъ себѣ подтвержденіе мысль, что форма отписи въ ея близости къ частному акту опредѣляется характеромъ отношеній контрагентовъ въ его близости къ частно-правовому.

До сихъ поръ нашей мыслью по преимуществу руководило изученіе формы акта. Мы не измѣнимъ нашего пути, если съ той же задачей обратимся къ его содержанію. Мнѣ думается, что изученіе послѣдняго позволяетъ высказать *научное предположеніе* объ особливомъ значеніи термина «отпись» въ отличіе отъ «записи».

Вѣдь всѣ три типа мірскихъ отписей имѣютъ въ предметѣ уничтоженіе извѣстнаго правоотношенія и не имѣютъ въ виду созданіе какихъ-либо новыхъ. Только нѣсколько индивидуальныхъ сл. въ противоположность типическимъ усваиваютъ отписи характеръ акта, по которому можетъ возникать новое правоотношеніе. При этомъ, какъ показалъ анализъ, кл. съ такимъ содержаніемъ носятъ вполнѣ случайный характеръ (см. выше объ инд. кл.).

Для болѣе полнаго освѣщенія разсматриваемаго вопроса привлеку любопытный матеріалъ изъ тѣхъ же Лодомскихъ актовъ— «записи» и «отписи» мірскихъ посыльщиковъ XVI в. чрезвычайно близкія другъ другу по формѣ. Изъ 13 актовъ этой группы 7 называютъ себя «записями» и 6 «отписями». Если обратиться къ послѣднимъ, увидимъ, что двѣ изъ нихъ 1560 г. и 1576 г. (№№ 76, 120) вполнѣ соотвѣтствуютъ 1-му изъ установленныхъ типовъ XVI в., легко распадаясь на кл. лицъ и сборовъ, кл. corroboratio и конечный протоколъ. Третья 1567 г. (№ 88)—второму типу XVI в. По отписямъ 1560 г. и 1576 г. выборный судья или голова беретъ съ церковныхъ Лодомскихъ и Борисоглѣбскихъ деревень оброкъ, пошлины и «отвозъ московской», т.-е. наемную плату за доставку оброчныхъ денегъ въ Москву. По отписи 1576 г. по всей вѣроятности посыльщикъ беретъ свой отвозъ «по посыльной записи по Московской, что мнѣ ѣхати къ Москвѣ».

Близко подходитъ къ отписи 1567 года по своей первой клаузулѣ, кл. плательщика и конечному протоколу (дата въ началѣ) отпись 1576 года (№ 119). Однако, при этомъ сходствѣ наблюдается цѣлый рядъ существенныхъ отличій, а именно цѣлый рядъ новыхъ клаузулъ. Такъ, вслѣдъ за кл. лицъ и сборовъ и въ тѣсной связи съ нею указывается наемная плата посыльщика. Затѣмъ слѣдуетъ кл. съ изложеніемъ обязанностей посыльщика заплатить принятые имъ сборы въ цареву казну въ Четвертной Двинской приказъ въ опредѣленный срокъ, привести платежницу за дьячьей приписью и отдать сборщику и волощанамъ. Далѣе слѣдуетъ расчлененное и сбивчивое изложеніе обязанностей обѣихъ сторонъ.

Посыльщикъ обязывается сказать по крестному цѣлованію, сколько денегъ увѣсили дьяки на Москвѣ и сколько взяли подъ платежницу; въ случаѣ же, если не заплатитъ въ срокъ, обязуется самъ и платить помимо сборовъ всѣ убытки и государеву пеню. Со своей стороны сборщикъ и волощане обязуются судьѣ вѣрить, дьячій увѣсокъ и что подъ платежницу возьмутъ съ судьи снимать.

Совершенно тотъ же составъ, болѣе правильно группируя свои клаузулы, даетъ отпись 1585 г. (№ 170) и въ нѣсколько сокращенномъ видѣ отпись 1583 г. Отличаются же послѣднія двѣ отписи отъ разобранной 1576 г. тѣмъ, что первая ихъ клаузула и конечный протоколъ соотвѣтствуютъ не второму, а первому типу мірскихъ отписей XVI в. Итакъ, изъ 6-ти разсмотрѣнныхъ отписей мірскихъ посыльщиковъ три послѣднія по содержанію совершенно близки другъ другу. Близки и по формѣ, отличаясь отъ первыхъ трехъ рядомъ новыхъ клаузулъ. При этомъ по клаузуламъ общимъ съ мірскими отписями 4 изъ разсмотрѣнныхъ отписей относятся къ первому типу и 2 ко второму.

Если теперь обратиться къ 7 записямъ мірскихъ посыльщиковъ, легко обнаружить совершенную близость ихъ формуляра къ формуляру только что разсмотрѣнныхъ отписей. Всѣ семь записей, принадлежа также XVI в., имѣютъ кл. лицъ и сборовъ (въ формѣ перваго типа мірскихъ отписей XVI в.). Наемная плата либо формулирована въ особой кл., либо включена въ первую кл. Во всѣхъ записяхъ есть кл. обязанностей наймита, почти во всѣхъ кл. убытковъ, въ нѣкоторыхъ условія снимать дьячьи увѣски и вѣрить сказкѣ, въ 2-хъ—кл. поруки. При такомъ сходствѣ формы и содержанія нельзя провести различенія между «записью» и «отписью» мірского посыльщика. Не слѣдуетъ-ли отсюда, что терминъ «отпись» равнозначенъ термину «запись»?

Мнѣ кажется, что именно разсмотрѣнный матеріалъ иллюстрируетъ обратную мысль. Нетрудно видѣть, что содержаніе разсмотрѣнныхъ актовъ расчленяется на два различныхъ момента. Первый—пріемъ посыльщикомъ мірскихъ денегъ и своего найма. Второй—наемъ посыльщика міромъ для отвоза въ Москву этихъ денегъ.

Эта двойственность содержанія и вызываетъ появленіе въ актѣ съ одной стороны клаузулъ, формулированныхъ по типу мірскихъ отписей (кл. лицъ и сборовъ и конечный протоколъ), а съ другой, появленія новыхъ кл., совершенно чуждаго отписямъ содержанія.

Первому моменту должна-бъ соотвѣтствовать расписка въ пріемѣ мірскихъ денегъ—отпись, второму—наемная запись. Логически договоръ найма, конечно, опредѣлялъ и предшествовалъ вру-

ченію мірского сбора посыльщику, однако, навыкъ мірского писца смѣнилъ ихъ порядокъ и формулировалъ актъ по ходкому типу мірскихъ отписей [1]).

Иначе говоря, «отпись» или «запись» посыльщика замѣняетъ собою и отпись и запись посыльщика. Именно поэтому она называетъ себя то тѣмъ, то другимъ терминомъ. Выборъ же послѣдняго опредѣляется обстановкой совершенія акта, фиксирующей преимущественный интересъ на томъ или другомъ моментѣ. Какъ видно, сбивчивость термина вызывается не смутностью его значенія, а сложнымъ составомъ акта.

И даже напротивъ, именно неустойчивость терминологіи отчетливо указуетъ на прямую разнородность двухъ моментовъ, слившихся воедино и по существу требовавшихъ 2-хъ различныхъ актовъ — «записи» и «отписи» мірского посыльщика. Стало быть только что разсмотрѣнная группа актовъ позволяетъ отчетливо различать «запись» и «отпись», какъ двѣ различныя формы актовъ. Тѣмъ самымъ подтверждаются выводы, добытые анализомъ мірскихъ отписей. Терминъ «отпись» характеризуетъ актъ, имѣющій въ виду уничтоженіе опредѣленнаго правоотношенія. Если отпись включаетъ иногда элементы новаго правоотношенія, то эти элементы случайны: не имъ обязанъ актъ своей формой «отписи».

Такъ, чрезъ изученіе формы Лодомскихъ мірскихъ отписей констатировали мы ихъ развитіе, какъ постепенную утрату актомъ частно-правового характера и усвоеніе публичнаго. Анализъ же ихъ содержанія въ связи съ записью — отписью мірского посыльщика привелъ насъ къ мысли, что м. б. самый терминъ «отпись» не лишенъ особливаго значенія и тѣсно связанъ въ своемъ содержаніи съ понятіемъ росписки.

---

[1]) Можно указать единичные примѣры, когда «отписью» писецъ именуетъ актъ, ничего съ ней общаго не имѣющій, вѣроятно также въ силу привычки постоянно писать именно мірскія отписи, см. № 52.

Складныя записи.

Н. И. Сидоровъ.

Задачей настощяей статьи является попытка установить типъ той разновидности древне-русскихъ актовъ до XVIII вѣка, которая извѣстна подъ именемъ складной, складной записи, складной полюбовной. Вопросъ о стоящемъ за этими актами самомъ институтѣ складничества, какъ въ цѣломъ его видѣ, такъ и въ частномъ, остался за предѣлами изслѣдованія: количество имѣющаго непосредственное отношеніе къ темѣ матеріала настолько невелико, что само по себѣ взятое представляетъ много затрудненій для положительныхъ выводовъ даже о типѣ разбираемой разновидности.

А между тѣмъ, авторъ считаетъ себя въ правѣ думать, что входящій въ его поле зрѣнія печатный актовый матеріалъ извлеченъ съ исчерпывающей полнотой. Кружкомъ лицъ, работавшихъ подъ руководствомъ глубокоуважаемаго Александра Сергѣевича надъ составленіемъ каталога частныхъ актовъ, къ числу которыхъ имѣетъ честь принадлежать и авторъ настоящей статьи, были просмотрѣны не только всѣ извѣстные печатные сборники актовъ, но также и всякаго рода повременныя изданія, статьи и крупныя изслѣдованія, гдѣ только предполагалась возможность встрѣтить актовый матеріалъ.

Темой настоящей статьи опредѣляется и тотъ матеріалъ, какой можетъ и долженъ быть положенъ въ ея основу. Поскольку задачей является попытка установить типъ складной записи до XVIII вѣка, основной матеріалъ для сужденія могутъ дать прежде всего тѣ акты, разновидность которыхъ соотвѣтственно опредѣляется самымъ ихъ текстомъ, или современнымъ имъ дѣломъ. Всякое иное опредѣленіе разновидности, если для него избирается терминъ, созданный правосознаніемъ прошлаго, будетъ возможно лишь послѣ того, какъ выяснятся основные признаки актовъ, обозначенныхъ современниками этимъ терминомъ.

Врядъ ли, однако, было бы правильнымъ ограничиться лишь разборомъ такихъ несомнѣнныхъ складныхъ. Среди русскихъ актовъ до XVIII вѣка имѣется довольно значительная группа «записей», «памятей» и т. под., и самая неопредѣленность такихъ терминовъ обязывала сдѣлать общій просмотръ этой группы съ тѣмъ, чтобы выдѣлить изъ нея акты, которые по составу своему были бы близки къ разбираемой разновидности.

Весь извлеченный указанными путями матеріалъ состоитъ изъ 8 актовъ, и, вмѣстѣ съ двумя ниже печатаемыми рукописными, найденными авторомъ среди важскихъ столбцовъ Императорской Академіи Наукъ, они составляютъ весь подлежащій разбору матеріалъ

Приведемъ списокъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ:

1. — 1608 г. декабря 2. — Запись хрестьянина Өедора Матөеева съ братьею Сійскому монастырю о совмѣстной постройкѣ мельницы. — Напечатана не въ полномъ видѣ (безъ начала и конца) г-жей М. А. Островской сначала въ ея статьѣ «Строй русской сѣверной деревни XVI—XVIII вв.» (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1912 г. XII, с. 288), а затѣмъ въ изслѣдованіи «Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вв.», стр. 35.

2. — 1611 г. іюня 5. — Запись попа Ефима Константинова сына и Поспела Григорьева сына о совмѣстномъ владѣніи мельницей. — Напечатана не въ полномъ видѣ, тамъ же Ж. М. Нар. Пр. 1912 г. XII. стр. 289 и Зем. б. стр. 35.

3. — 1616 г. ноября 14. — Складная Ульяны Ногавицыной и Василія Дробинина. — Напечатана у Богословскаго «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.», I, стр. 156.

4. — 1622 г. февраля 13. — Складная Христины Шулевой и Поспела Васильева сына. — Изъ важскихъ столбцовъ рукописнаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ; печатается ниже.

5. — 1635 г. апрѣля 26. — Складная Луки Леонтьева и Петра Одинцова на торговлю въ Сибирскихъ городахъ. — Напечатана въ Актахъ Юридическаго Быта, т. I, № 121.

6. — 1654. г. января 25. — Запись арзамасскихъ откупщиковъ. — Напечатана въ актахъ юридическаго быта, т. I, № 121.

7. — 1663 г. марта 13 [1]). — Складная запись [2]) Өедора Бокова и

[1]) Актъ датированъ на основаніи указаннаго въ текстѣ его срока начала договора, хотя дата, указанная писцомъ, опредѣляетъ актъ 1664—1665 г.: «а запись писалъ... 7173 году». Возможно, что эта послѣдняя цифра—результатъ опечатки.

[2]) «Въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, въ «приказныхъ дѣлахъ старыхъ лѣтъ» мнѣ попалась судное дѣло по поводу складной ниже-

Василія Гладкаго въ низовой ватажскій промыслъ.—Напечатана г. Островской, въ ея статьѣ «Судное дѣло XVII в. по поводу складной записи». Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1911 г. т. XXVII, стр. 55 и слѣд.

8. —1692 г. апрѣля 11.—Запись Петра Трофимова сына Лошкина Василію Иванову сыну Оѳонинскому съ обязательствомъ жениться на дочери послѣдняго и жить вмѣстѣ съ тестемъ. — Напечатана въ Актахъ Юридическаго Быта, т. III, № 337.

9. —1694 г. іюня 9.—Складная крестьянъ Верхопушемской волости Устюжскаго уѣзда на постройку церкви.—Напечатана въ Русской Исторической Библіотекѣ, т. XII, ст. 1125.

и 10. —1700 г. февраля 16.—Складная запись Максима Боковикова и Сергѣя Губина на торговлю въ Сибирскихъ городахъ.— Изъ важскихъ столбцовъ рукописнаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ; печатается ниже.

Можно ли говорить при такомъ незначительномъ количествѣ актовъ о типѣ представляемой ими разновидности и могутъ ли такія построенія быть въ достаточной степени обоснованы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать лишь разборъ составныхъ частей перечисленныхъ актовъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что для выясненія типа складной записи до XVIII вѣка прежде всего могутъ быть использованы тѣ акты, разновидность которыхъ опредѣляется соотвѣтствующимъ терминомъ или самимъ актомъ или современнымъ ему дѣломъ, откуда актъ приводится.

Съ этой точки зрѣнія изучаемые акты распадаются на двѣ неравныя группы: въ то время какъ №№ 3, 4, 5, 9 и 10 вышеприведеннаго списка сами себя именуютъ складными, а № 7 именуется такъ въ дѣлѣ, изъ коего онъ извлеченъ,—въ №№ 1 и 2 опредѣленія разновидности не имѣемъ, а №№ 6 и 8 называютъ себя записями.

Правда, отсутствіе опредѣленія разновидности въ №№ 1 и 2 чисто случайнаго характера и объясняется неполнотой напечатаннаго текста, но, если въ основу дѣленія актовъ положено опредѣленіе разновидности самымъ ихъ текстомъ и соотвѣтствующихъ указаній въ данномъ случаѣ не имѣется, наличность тожественныхъ съ несомнѣнными складными частей и элементовъ складства, такъ же, какъ и въ №№ 6 и 8, можетъ быть лишь вторичнымъ условіемъ

городской записи.. Въ самой записи этого названія не встрѣчается, но въ челобитныхъ и сказкахъ этого дѣла ее постоянно называютъ такъ». М. Островская. Судное дѣло XVII в. по поводу складной записи. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1911 годъ, т. XXVII, стр. 51.

включенія такихъ актовъ въ основную группу. Такимъ образомъ, въ основу опредѣленія типа разновидности, именуемой складной записью, складной полюбовной, могутъ быть положены съ несомнѣннымъ на то правомъ лишь 6 изъ перечисленныхъ выше актовъ, т.-е. №№ 3, 4, 5, 7, 9 и 10, а четыре остальныхъ для характеристики складной записи могутъ быть использованы лишь въ томъ случаѣ, если основныя черты ихъ совпадаютъ съ таковыми же первой группы. Для удобства дальнѣйшаго измѣненія назовемъ эти группы: первую, заключающую въ себѣ несомнѣнныя складныя—буквой А, и вторую — акты не квалифицированные—буквой В.

Обращаясь къ актамъ группы А, находимъ, что они въ свою очередь могутъ быть разбиты на двѣ подгруппы въ зависимости отъ характера того складства, какое ими устанавливается. Въ одну подгруппу—назовемъ ее $А_1$—входятъ №№ 3 и 4 нашего списка, касающіеся области семейственныхъ отношеній, въ другую—назовемъ ее $А_2$—№№ 5, 6, 7 и 8, имѣющіе въ виду осуществленіе какого либо предпріятія общими средствами.

Составъ актовъ подгруппы $А_1$, какъ напечатаннаго у Богословскаго, такъ и помѣщаемаго ниже, болѣе или менѣе однороденъ. № 3 нашего списка складывается изъ слѣдующихъ клаузулъ: I—контрагенты и сущность заключаемаго соглашенія [1]); II—срокъ и содержаніе обязательства лежащаго на мужѣ; III—доля мужа въ имуществѣ жены по истеченіи срока, если, «отрода не будетъ»; IV—вносъ мужа; V—судьба договора въ случаѣ смерти жены до истеченія срока; VI—условія прекращенія договора по волѣ сторонъ (ex voluntate); VII—судьба имущества жены и «приноса» мужа въ случаѣ смерти дѣтей, VIII—мужа, IX—жены и дѣтей [2]); X—«въ мужахъ сидѣли»; XI—канцелярія [3]) и дата.

Составъ акта № 4 нѣсколько иной. Въ немъ имѣются клаузузы: I—контрагенты и обозначеніе существа сдѣлки; II—срокъ [4]) и содержаніе обязательства, лежащаго на мужѣ; III—размѣръ надѣла, который долженъ быть данъ за дочерью, при выходѣ ея замужъ

---

[1]) Въ эту клаузулу входятъ: «Се азъ... вышла есми замужъ... А пришелъ онъ ко мнѣ... въ участокъ земли...» Такое соединеніе двухъ моментовъ сдѣлки произведено по аналогіи съ текстомъ слѣдующаго акта, гдѣ первая клаузула читается такъ: « вышла есми замужъ... и приняла есми... къ себѣ и къ своей дочери... въ животъ...» См. приложеніе № 1.

[2]) Эта клаузула помѣщена позади записи.

[3]) «Складные писалъ... двѣ по противнемъ..., дьячекъ одинъ и мужи одни...»

[4]) Срокъ опредѣляется не промежуткомъ лѣтъ, а выходомъ замужъ дочери: «А печаловать ему... дочерью моею... до замужья...»

если «отрода» не будетъ и—если «отродъ» будетъ [1]); IV—«вносъ» мужа; V—доля мужа въ имуществѣ, если «отрода» не будетъ, въ случаѣ смерти жены до срока [2]) и—въ случаѣ смерти ея послѣ срока [3]); VI—судьба «вноса» мужа въ случаѣ его смерти, если «отрода» не будетъ и—если «отродъ» будетъ [4]); VII—доля мужа и дочери въ общемъ имуществѣ въ случаѣ смерти жены, если «отродъ» будетъ; VIII—судьба имущества жены въ случаѣ смерти дочери до срока; IX—нераздѣленное съ сыномъ имущество и условія раздѣла его; X—долги жены и ея сына и условія ихъ платежа; XI—«складные по противнямъ»; XII—послухи; XIII—канцелярія и дата.

Сопоставивъ эти два акта, не трудно замѣтить, что съ формальной стороны между ними много общаго. Не касаясь одинаковыхъ для обоихъ актовъ клаузулъ, каковыми являются I, II, IV, и XI въ № 3 и, соотвѣтственно I, II, IV и XIII въ № 4, можно, какъ кажется, установить соотвѣтствіе между III, V, VII и VIII клаузулами акта № 3 съ III, V, VIII и VI акта № 4. Въ самомъ дѣлѣ. III-я клаузула № 3 говоритъ о долѣ мужа въ имуществѣ жены по истеченіи обусловленнаго срока. О томъ же идетъ рѣчь и въ III клаузулѣ № 4-го съ той только разницей, что, въ то время какъ доля мужа въ № 3 опредѣляется непосредственно, въ № 4-омъ эта доля опредѣляется путемъ указанія размѣра того надѣла, какой долженъ быть данъ мужемъ за дочерью, при выходѣ ея замужъ. Раздѣлъ имущества производится въ послѣднемъ случаѣ мужемъ, за которымъ признается, такимъ образомъ, бо̀льшая самостоятельность, чѣмъ въ актѣ № 3, и, можетъ быть, потому что тамъ мужъ печалуетъ сыновьями, по достиженіи извѣстнаго возраста становящимися хозяевами наслѣдственнаго имущества. Да и по существу вся разница между этими клаузулами сводится къ большей подробности № 4-го, гдѣ доля мужа ставится въ зависимость отъ того, будетъ или не будетъ «отродъ». То же самое можно сказать и относительно V-ой клаузулы обоихъ актовъ: № 3 опредѣляетъ долю мужа въ общемъ имуществѣ, подчеркивая силу соглашенія и послѣ смерти жены, если таковая послѣдуетъ до срока договора, при чемъ имѣетъ въ виду лишь

---

[1]) По связи съ послѣдующей эта клаузула заставляетъ предполагать, что ею предусматривается не столько размѣръ имущества, какое надлежитъ дать за дочерью при выходѣ ея замужъ, сколько раздѣлъ общаго имущества между мужемъ и дочерью по истеченіи срока (См. приложеніе № 1).

[2]) «...будетъ до замужья Татьянина (дочери) помру я...»

[3]) Т.-е. послѣ выхода дочери замужъ. Поэтому-то клаузула эта и говоритъ не обо всемъ «животѣ», а лишь о «достальномъ... после Татьяны...»

[4]) Послѣдняя часть клаузулы написана на оборотѣ.

тотъ случай, когда «отроду» не будетъ, а № 4 указываетъ различный размѣръ доли мужа въ зависимости отъ того, послѣдуетъ смерть жены до—или послѣ срока. Съ V-ой же клаузулой № 4 можетъ быть соединена и VII-ая, которой въ актѣ № 3 не имѣется и которая говоритъ о доляхъ мужа и дочери въ томъ случаѣ, если жена умретъ при наличности «отрода».

VII-ая клаузула № 3 предусматриваетъ возможную смерть дѣтей, но имѣетъ въ виду при этомъ имущество жены и приносъ мужа, тогда какъ соотвѣтствующая VIII-ая клаузула № 4 говоритъ лишь о первомъ. Судьба вноса мужа въ случаѣ его смерти обсуждается актомъ № 3 въ VIII клаузулѣ, а актомъ № 4 въ VI клаузулѣ и опять таки второй актъ ставитъ вопросъ въ зависимость отъ того, будетъ или не будетъ «отрода».

Но, какъ ни подробенъ № 4 въ перечисленіе случаевъ, какія могутъ наступить въ будущемъ, имъ не предусмотрѣны возможность смерти и жены и дѣтей, о которой говорится въ IX клаузулѣ № 3-го. Но, поскольку эта клаузула по содержанію своему является лишь частью группы, состоящей въ № 3 изъ клаузулъ III, V, VII и VIII, ея отсутствіе врядъ ли можно считать существеннымъ отличіемъ акта № 3 отъ акта № 4.

Въ общемъ разсмотрѣнныя клаузулы обоихъ актовъ говорятъ о нормальномъ прекращеніи договора ex rebus и затѣмъ предусматриваютъ раздѣлъ имущества при наступленіи случайныхъ обстоятельствъ въ видѣ смерти жени—V клаузула въ № 3 и VI и VII въ № 4, дѣтей—VII въ № 3 и VIII въ № 4, и мужа—VIII въ № 3 и VI въ № 4.

Что касается остальныхъ клаузулъ обоихъ актовъ, то въ № 4 отсутствуетъ совершенно VI-ая клаузула № 3, предусматривающая прекращеніе договора по волѣ сторонъ и отсутствуетъ можетъ быть, по той же причинѣ, какая вызвала измѣненіе въ формулировкѣ III клаузулы № 4: со стороны будущихъ наслѣдниковъ имущества можно ожидать проявленія большей самостоятельности, чѣмъ со стороны дочери. X-ая клаузула № 3—«въ мужахъ сидѣли»—въ № 4 замѣнена соотвѣтствующей ей XII—послухи, XI-ая клаузула № 4—«складные по противнямъ»—входитъ въ составъ XI-ой клаузулы № 3, съ текстомъ которой она синтаксически связана. Эта послѣдняя клаузула въ № 3 содержитъ еще любопытное указаніе, встрѣчающееся также въ № 8 нашего списка (см. приложеніе № 2)—«дьячекъ одинъ и мужи одни» (въ № 8 «послухи»)—явившееся, возможно, основаніемъ соединить въ одно цѣлое «складные по противнямъ» съ указаніемъ канцеляріи акта. Нѣтъ, впрочемъ, основаній предполагать возможность такихъ случаевъ, когда бы

«противни» писались разными лицами. Вообще же «складные по противнямъ», какъ это можно думать по текстамъ актовъ №№ 5 и 8 (А. Ю. Б. № 121 и приложеніе № 2), обычно выдѣлялись въ особую клаузулу.

IX и X клаузулы № 4, имѣющія въ виду нераздѣленное имущество и долги жены съ ея сыномъ — клаузулы несомнѣнно случайныя.

Подведя итоги сказанному, надлежитъ придти къ заключенію, что между актами № 3 и № 4 существенныхъ различій не имѣется, и что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о разницѣ словеснаго выраженія отдѣльныхъ клаузулъ, а также откинувъ клаузулы случайныя, можно установить общій формуляръ обоихъ актовъ, при чемъ въ таковой должны войти не только общія для обоихъ актовъ клаузулы, но также и тѣ, которыя, встрѣчаясь лишь въ одномъ изъ актовъ, представляютъ собою условія не случайныя. Составленный такимъ путемъ формуляръ актовъ №№ 3 и 4 будетъ состоять изъ клаузулъ: I — контрагенты и обозначеніе существа соглашенія; II — срокъ и содержаніе обязательства, лежащаго на мужѣ; III — доля мужа въ общемъ имуществѣ по истеченіи обусловленнаго срока; IV — вносъ мужа; V — доля мужа въ случаѣ смерти жены до или послѣ срока; VI — условія прекращенія договора по волѣ сторонъ; VII — судьба вноса мужа въ случаѣ его смерти; VIII — судьба имущества жены въ случаѣ смерти «печалуемыхъ» дѣтей; IX — судьба имущества въ случаѣ смерти жены и «печалуемыхъ» дѣтей; X — «складные по противнямъ»; XI — послухи; XII — канцелярія и дата [1]).

Въ зависимости отъ цѣли заключаемаго соглашенія нѣсколько отличается отъ состава актовъ подгруппы A_1 и составъ актовъ подгруппы A_2. Какъ уже было сказано въ нее входятъ, №№ 5, 7, 9 и 10 нашего списка. Изъ нихъ №№ 5 и 10 имѣютъ цѣль одинаковую — торговлю въ Сибирскихъ городахъ, № 7—ватажскій промыслъ и № 9 — «съ міромъ церковь божію сооружать».

Соотвѣтственно идентичности цѣли одинаковъ болѣе или менѣе и составъ №№ 5 и 10. Первый изъ этихъ актовъ заключаетъ въ себѣ клаузулы: I контрагенты, существо соглашенія и размѣръ вло-

---

[1]) Общій формуляръ №№ 3 и 4, за нѣкоторыми исключеніями вполнѣ совпадаетъ съ клаузальнымъ составомъ пріемной записи, напечатанной въ Р. И. Б. т XIV, 344. Если эта послѣдняя не была подвергнута такому же разбору, какъ №№ 3 и 4 нашего списка, то причиной является прежде всего самое названіе записи — «пріемная запись». Ниже о ней еще будетъ рѣчь.

По всей вѣроятности, именно такія складныя записи, какъ №№ 3 и 4 нашего списка имѣются въ виду въ Р. И. Б. XIV, 219 «...что язъ... складывался съ Ѳедорою Ортемьевою дочерью вмѣсто жити», и тамъ же, XII, 91 «...по складной записи, что складная зъ Ѳеодорою Никитиною дочерью».

женнаго капитала; II цѣль договора; III срокъ отъѣзда; IV дѣлежъ складного имущества по прекращеніи договора ex rebus; V «вопчимъ животомъ не корыстоватца» [1]); VI складные по противнямъ; VII послухи; VIII канцелярія и дата. Тѣ же клаузулы мы встрѣчаемъ и въ № 10, за исключеніемъ отсутствующей III-ей клаузулы № 5 и трехъ новыхъ: «залишечное» за работу тому изъ складниковъ, кто ѣдетъ на торгъ, «пити и ясти изобща» и клаузулу, предусматривающую смерть кого либо изъ соучастниковъ самой поѣздки [2]). Первая изъ нихъ опредѣляетъ срокъ отъѣзда, вторая оцѣниваетъ особо личный трудъ одного изъ складниковъ и разсматриваетъ его отдѣльно отъ тѣхъ отношеній, какія устанавливаются актомъ, третья—подчеркиваетъ складочный характеръ предпріятія, а четвертою стороны имѣютъ въ виду поставить осуществленіе цѣли договора внѣ зависимости отъ случайности, хотя бы таковой и явилась смерть одного изъ складниковъ. Значенія для существа договора эти клаузулы не имѣютъ, ибо касаются лишь частныхъ по отношенію къ основному его содержанію условій.

№ 7 близокъ по своему составу,—конечно mutatis mutandis—къ разсмотрѣннымъ №№ 5 и 10. Въ немъ находимъ клаузулы [3]): I контрагенты, срокъ, существо сдѣлки и ея цѣль; II размѣръ капитала, который имѣетъ быть вложенъ каждымъ складникомъ въ первый годъ; III объемъ обязательства; IV размѣръ вложеннаго капитала въ послѣдніе четыре года; V «приходъ и расходъ записывать и хитрости не чинить»; VI платежъ денегъ, взятыхъ на расходъ «сверхъ складныхъ», таможенной пошлины и водяного оброка; VII ежегодный разсчетъ и его сроки; VIII дѣлежъ прибыли и «наклада»; IX дѣлежъ прибыли въ первый годъ; X раздѣлъ имущества по прекращеніи обязательства; XI — отвѣтственность по откупной записи на воды, выданной однимъ изъ складниковъ; XII — «а буде похотимъ взять иные воды къ томужъ»; XIII—неустойка; XIV—послухи; XV—канцелярія и дата.

Отличія акта № 7 отъ №№ 5 и 10 значительно больше, чѣмъ этихъ послѣднихъ другъ отъ друга, но и онѣ не столь существенны,

---

[1]) Эта клаузула содержитъ въ себѣ обязательства моральнаго характера, какъ то въ № 5 «въ томъ животѣ намъ другъ на другѣ хитрости не учинить никоторые нигдѣ и вопчимъ животомъ промежъ собою не корыстоватца, зернью не играти, а межъ собою другъ друга слушать во всемъ...»; или въ № 10 «...промышлять съ раденіемъ и никакой поруги не учинить...»

[2]) Актъ № 10 имѣетъ еще одну любопутную подробность: на оборотѣ его имѣется запись, подписанная однимъ изъ контрагентовъ (не тѣмъ, отъ имени котораго написанъ актъ) о произведенномъ разсчетѣ по договору.

[3]) Клаузулы перечисляются въ томъ порядкѣ, какой мы встрѣчаемъ въ актѣ.

какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ общемъ разница въ составѣ акта № 7 по сравненію съ составомъ №№ 5 и 10 сводится формально къ слѣдующему. Прежде всего различна клаузула I по входящимъ въ нее элементамъ: такъ, въ №№ 5 и 10 она покрываетъ собою контрагентовъ, обозначеніе существа сдѣлки и размѣръ вложеннаго капитала, между тѣмъ въ актѣ № 7 размѣръ складного капитала выдѣленъ особо, но зато въ I клаузулу вошли срокъ и цѣль договора. Изъ указаннаго можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только срокъ сдѣлки, но и тотъ, какъ не трудно убѣдиться, отражаетъ собою лишь особенности предпріятія, которое можетъ быть осуществлено въ теченіе одного года. Послѣднее обстоятельство подтверждается и самымъ актомъ: складочный капиталъ участниками предпріятія вносится не разъ навсегда на все время дѣйствія договора, а ежегодно [1]), какъ ежегодно производится и разсчетъ. Если же единицей для исчисленія продолжительности ватажскаго промысла является годъ, то складная запись на такое предпріятіе необходимо должна указать, сколько періодовъ оно охватитъ. Другое дѣло акты №№ 5 и 10: тамъ срокъ договора ихъ опредѣляется свойствомъ самаго дѣйствія, къ которому обязались договаривающіяся стороны. Трудно было бы указать срокъ продолжительности торговой поѣздки въ Сибирскіе города. Недаромъ № 4 нашего списка опредѣляя размѣръ «залишечнаго» складнику, лично ѣдущему на торговлю, говоритъ: «Да ему жъ... взять... залишечнаго... по десяти рублевъ на годъ, сколько въ той дорогѣ лѣтъ пройдетъ» [2]).

Такую же индивидуальную особенность сдѣлки представляютъ собою и клаузулы IV-ая и IX. Первая говоритъ о размѣрѣ капитала, который имѣетъ быть вложенъ въ предпріятіе въ послѣдніе четыре года, и, слѣдовательно, излагаетъ отдѣльно лишь часть первой клаузулы, а вторая — указывая долю участія складниковъ въ прибыли перваго года, подобно предыдущей является лишь частью клаузулы VIII-ой—«прибыль и накладъ» дѣлить. Съ IV-ой же клаузулой тѣсно связана и ею до извѣстной степени обусловливается клаузула VII: по скольку размѣръ капитала можетъ быть различенъ въ разные годы, по стольку и прибыль подлежитъ раздѣлу по окончаніи, если позволено будетъ сказать, операціоннаго года. Къ этой же группѣ клаузулъ относится и X-ая клаузула № 7 о дѣлежѣ имущества по прекращеніи договора ex rebus, но и она отражаетъ лишь индивидуальныя особенности сдѣлки, благодаря

[1]) «А буде я Θедоръ въ томъ артѣльный промыслъ въ которомъ году въ складъ денегъ не положу.. »

[2]) См. приложеніе № 2.

которымъ дѣлежъ прибыли не совпадаетъ еще съ раздѣломъ «вопчаго живота». Послѣднее обстоятельство даетъ, повидимому, право разсматривать VII, VIII, IX и X клаузулы № 7, какъ соотвѣтствующія клаузуламъ IV-ой въ № 5 и III-ей въ № 10.

Новой на первый взглядъ представляется III-я клаузула № 7. Въ ней подробно перечисляется все то, что входитъ въ кругъ дѣятельности складниковъ, устанавливаемый договоромъ, т.-е. иными словами, все, что покрывается понятіемъ ватажскаго промысла. Однако, съ этой точки зрѣнія III клаузула акта № 7 не является какимъ либо новымъ условіемъ, а лишь представляетъ собою развернутую II-ю клаузулу актовъ №№ 5 и 10 и соотвѣтствующую часть I-ой клаузулы въ № 7.

Безусловно новыми являются клаузулы VI, XI, XII и XIII. Поскольку договоромъ должны быть предусмотрѣны случаи, связанные съ осуществленіемъ его цѣли, клаузула VI-ая, какъ имѣющая въ виду чрезвычайные расходы и платежъ таможенной пошлины и водяного оброка, не можетъ разсматриваться какъ случайная и присутствіе ея въ № 7 объяснется именно болѣе подробной разработкой всѣхъ условій акта, хотя послѣдняя и можетъ стоять въ зависимости отъ бо̀льшей сложности самаго предпріятія. Въ одинаковомъ положеніи съ этой клаузулой находится также и клаузула XIII — о неустойкѣ, которая, впрочемъ, имѣетъ меньшее значеніе для акта, поскольку неустойка является лишь средствомъ для укрѣпленія заключеннаго договора.

Иное дѣло клаузулы XI и XII — объ отвѣтственности по откупной записи на воды, выданной отъ имени одного изъ складниковъ, и о возможности взятія на откупъ «иныхъ водъ къ тому жъ». Обѣ онѣ являются до извѣстной степени случайными, такъ какъ касаются обстоятельствъ, стоящихъ внѣ заключаемаго соглашенія. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна вторая изъ указанныхъ клаузулъ, какъ подчеркивающая существо самаго соглашенія: стороны складываются вообще въ ватажскій промыслъ и складство ихъ находится внѣ зависимости отъ «водъ», гдѣ будетъ осуществляться промыслъ. Это обстоятельство можетъ быть лишній разъ показываетъ, почему дѣйствіе договора необходимо было обусловить извѣстнымъ срокомъ.

Помимо наличности новыхъ клаузулъ въ актѣ № 7 отсутствуетъ изъ общихъ для всѣхъ разсмотрѣнныхъ актовъ клаузула «складные по противнямъ», которая, впрочемъ, касается не столько содержанія актовъ, сколько формальной стороны ихъ совершенія. Можно думать, судя по тексту записи, данной отъ имени одного

изъ контрагентовъ, что такая же запись дана была и другимъ и что отсутствіе указаній на «противень» лишь случайнаго характера.

Итакъ, общими клаузулами для №№ 5, 7 и 10 являются: I обозначеніе контрагентовъ и существа сдѣлки, II цѣли ея, III размѣра вложеннаго каждой изъ сторонъ капитала, IV условіе о раздѣлѣ прибыли и складного имущества по прекращеніи обязательства ex rebus, V моральныя обязательства контрагентовъ («хитрости не учинить» «въ прибыли не заделить и въ накладе не подать» и т. п.); затѣмъ слѣдуютъ: VI послухи, VII канцелярія и дата. Поскольку клаузула «складныя по противнямъ» встрѣчается въ двухъ изъ перечисленныхъ актовъ, ее тоже возможно бы включить въ перечень общихъ клаузулъ.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ четвертый актъ подгруппы A_2, именно № 9 нашего списка. Его особенностью является краткость. Весь актъ состоитъ изъ семи клаузулъ [1]): первая называетъ имена договаривающихся, вторая опредѣляетъ существо договора и его цѣль, третья указываетъ объемъ лежащихъ на контрагентахъ обязательствъ, четвертая устанавливаетъ уплату денегъ за невыполненное кѣмъ либо обязательство, пятая говоритъ о написаніи складной «по совѣту», шестая называетъ имена послуховъ и седьмая—писецъ и дата. Такой сокращенный текстъ акта объясняется, быть можетъ, нѣсколько особеннымъ характеромъ его цѣли — «благоволеніемъ Божіимъ совѣтъ учинили съ міромъ церковь Божію сооружать» — и не матеріальнымъ характеромъ интереса договора. Послѣднее обстоятельство и не требовало отъ складниковъ тщательной разработки всѣхъ условій соглашенія. Во всякомъ случаѣ актъ этотъ можетъ имѣть особенную цѣнность для характеристики разновидности, какъ простѣйшій ея представитель, хотя, при наличности довольно развитой формы разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ актовъ группы А, его врядъ ли можно считать типичнымъ. Необходимыя клаузулы складной въ немъ несомнѣнно имѣются, какъ мы дальше увидимъ, и, можетъ быть, только недостатокъ актоваго матеріала не даетъ возможности тѣснѣе связать настоящій актъ съ до сихъ поръ разсмотрѣнными формами складной записи.

Обратимся теперь ко второй группѣ актовъ, группѣ В. Въ нее входятъ №№ 1, 2, 6 и 8 нашего списка.—Изъ нихъ два первыхъ представляютъ собою акты, напечатанные въ указанной статьѣ

---

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что тожественное обозначеніе двухъ клаузулъ не знаменуетъ еще тожества ихъ словеснаго выраженія. Въ этомъ именно отношеніи терминологія древне русскихъ актовъ можетъ быть установлена лишь очень рѣдко и съ большимъ трудомъ.

г-жи Островской и затѣмъ перепечатанные ею въ книгѣ «Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI — XVIII вв.». Какъ уже было выше сказано, текстъ обоихъ актовъ приводится не въ полномъ его видѣ: и начало и конецъ переданы собственными словами издательницы. Послѣднее обстоятельство, лишая возможности судить о томъ опредѣленіи разновидности, какое имѣется въ актахъ, въ то же время придаетъ характеръ случайности и выдѣленію разсматриваемыхъ актовъ въ особую группу, что и надлежитъ имѣть въ виду. Самый составъ актовъ, какъ ниже увидимъ, по сравненію его съ разобранными актами группы A_2 говоритъ очень много въ пользу того предположенія, что оба акта назывались складными.

Напечатанный текстъ акта № 1 начинается съ клаузулы (I), указывающей содержаніе обязательства, лежащаго на сторонахъ— «поставити мельницу вмѣсте»; затѣмъ идутъ клаузулы: II—размѣръ долей въ постройкѣ и дальнѣйшихъ расходахъ, «какъ Богъ совершитъ то мѣльничное дѣло совсѣмъ наготово», III—размѣръ долей въ прибыли и IV—въ расходѣ на наемъ людей; V—не отчуждать своей доли на сторону; VI—«застава» въ случаѣ продажи доли на сторону; VII—«преки не учинить никоторые». Далѣе, по словамъ г-жи Островской, «слѣдуетъ обычное заключеніе съ послухами».

Актъ № 2 начинается съ обозначенія долей (I), принадлежащихъ каждому изъ контрагентовъ въ мельницѣ, которая у нихъ «вмѣстехъ». Далѣе идутъ клаузулы: II—размѣръ права пользованія соучастниковъ мельницей; III—починка мельницы; IV—доли въ наймѣ «сторонного человѣка»; V—«хто учнетъ мельницу отъимати—стоети свопчя»; VI—откупать «свопчя» прилегающее къ мельницѣ поле одного изъ контрагентовъ, если его будетъ «водою портить»; VII—«своя доль на сторону не продати»; VIII—«которой. учнетъ.. въ деле мельничномъ выдавати—на томъ убытки и волокита»; IX—записи по противнямъ. На этомъ кончается печатный текстъ акта.

Поскольку неполный текстъ обоихъ актовъ позволяетъ судить о различіи въ ихъ составѣ, оно сводится прежде всего къ тому, что актъ № 1 имѣетъ въ виду общее предпріятіе, которое еще имѣетъ быть организовано и притомъ съ коммерческой цѣлью, тогда какъ актъ № 2 представляетъ собою договоръ о совмѣстной эксплоатаціи предпріятія уже созданнаго для чисто хозяйственныхъ цѣлей. Можетъ быть соотвѣтственно этому, съ одной стороны—въ актѣ № 2 отсутствуетъ I клаузула акта № 1, обозначенная какъ содержаніе обязательства, лежащаго на сторонахъ [1]), а I клаузула

[1]) «...Поставити намъ... мѣльница вмѣсте...

№ 2-го говоритъ о доляхъ каждой изъ сторонъ въ общей мельницѣ [1]), между тѣмъ какъ II-ая клаузула № 1-го предусматриваетъ размѣръ долей сторонъ въ постройкѣ мельницы и послѣдующихъ расходахъ [2]), и—съ другой—III клаузула № 1-го опредѣляетъ доли въ прибыли [3]), а II-ая № 2-го имѣетъ въ виду лишь право пользованія [4]).

Общимъ для обоихъ актовъ являются, такимъ образомъ, клаузулы: размѣръ долей въ постройкѣ и расходахъ по мельницѣ и — соотвѣтствующая ей — размѣръ долей въ мельницѣ; размѣръ долей въ прибыли и — соотвѣтствующая ей — размѣръ долей въ пользованіи; расходъ на наемъ людей; не отчуждать на сторону; «застава» и—соотвѣтствующая ей—«убытки и волокита» [5]).

Уже приведенныхъ общихъ клаузулъ достаточно для того, чтобы придти къ заключенію о сходствѣ формуляровъ актовъ №№ 1 и 2 съ формуляромъ подгруппы A_2, а, значитъ, и для того, чтобы отнести акты №№ 1 и 2 къ складнымъ записямъ этого типа.

Оба акта вносятъ въ характеристику послѣдняго лишь одну подробность—не отчуждать свою долю на сторону,—которая можетъ имѣть мѣсто только въ такихъ актахъ, гдѣ складочнымъ является недвижимое имущество, и даютъ право включить въ число клаузулъ своднаго формуляра подгруппы A_2 «заставу», до сихъ поръ встрѣчавшуюся лишь въ одномъ № 7.

№ 6 нашего списка — запись, напечатанная въ Актахъ юридическаго быта (т. I, 111) и названная издателемъ Н. В. Калачовымъ артельною. Въ своемъ изслѣдованіи объ артеляхъ древней и нынѣшней Россіи [6]) Н. В. Калачовъ приравниваетъ эту запись къ разобранной выше складной (№ 5 нашего списка, напечат. въ А. Ю. Б., т. III, 121). Слѣдуя за Калачовымъ, г-жа Островская въ цитированномъ ея изслѣдованіи «Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вв.» находитъ, что «сущность

---

[1]) «... Что у насъ мельница... вмѣстехъ: мнѣ попу Ѳѳиму въ тое мельнице две доли, а мне Поспелу треть...»

[2]) ...А ставити намъ та мельниця... игумену з братьею двема дольми, а мнѣ Ѳедоту третью, въ лѣсъ и въмастеры и во всякое мѣльничное дѣло день гами и запасомъ, какъ Богъ совершитъ то мѣльничное со всѣмъ наготово...»

[3]) «... И что Богъ пошлетъ на тое мѣльницы, и игумену... з братьею ис тово двѣ доли, а мнѣ Ѳедоту треть...»

[4]) «...И на тое намъ мельници молоти мне попу двема дольми, а Поспелу третью...»

[5]) Клаузула «застава» въ № 1 укрѣпляетъ лишь обязательство не продать на сторону, въ то время какъ убытки и волокита въ № 2 возлагаются на виновнаго за неисполненіе какого либо-изъ условій договора.

[6]) Стр. 4 и слѣд.

этихъ записей одна, разница лишь внѣшняя: у записи торговцевъ есть названіе складная, а у записи откупщиковъ нѣтъ названія, а въ текстѣ ея члены товарищества называютъ себя артелью. Но и эта внѣшняя разница сгладится, если указать на одинъ документъ, въ которомъ говорится о записи, совершенно подобной арзамасской, и она называется «договорной складной» [1]).

Къ сожалѣнію, запись эта дошла до насъ не въ полномъ видѣ [2]). Клаузальный составъ ея такой: сущность обязательства, лежащаго на договаривающихся (повидимому); другъ друга и порутчиковъ не подать; приняли къ себѣ на пай по человѣку; радѣти за единъ и хитрости не учинить; быть тамъ, куда артелью пошлютъ; пошлинъ и «почести» «опьтай артели не свозить»; пошлину имать въ правду; нанимать стороннихъ по согласію; на кого изъ товарищей будутъ бить челомъ—убытки и харчи общіе; судьба прибыли, «заводныхъ» денегъ и пая «кого въ животѣ не станетъ»; накладъ класть по паямъ; отвозъ откупныхъ денегъ въ Москву; неустойка; «а буде кто изъ насъ же учинится силенъ»; запись положили за третьяго; послухи; писецъ и дата.

Если сопоставить эту запись съ разобранными складными обоихъ типовъ, то нельзя не замѣтить ея близости къ складнымъ именно типа A_2. Однако близость эта идетъ не такъ далеко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, изъ клаузулъ своднаго формуляра типа A_2 [3]) въ актѣ № 6 нашего списка мы не находимъ клаузулъ: I — контрагенты и существо сдѣлки, II—цѣль послѣдней, III—размѣръ вложеннаго сторонами капитала, IV—дѣлежъ прибыли и складного имущества по прекращеніи обязательства ex rebus [4]). Несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, часть этихъ клаузулъ можетъ отсутствовать по чисто случайной причинѣ—въ виду не вполнѣ сохранившагося текста,—но несомнѣнно также и то, что отсутствіе перечисленныхъ клаузулъ не позволяетъ отнести запись арзамасскихъ откупщиковъ съ безусловной достовѣрностью къ складнымъ записямъ. Въ сущности, дошедшая до насъ часть текста — а она сравнительно очень велика — представляетъ собою лишь разработанную клаузулу «хитрости не учинить», разложенную на свои составныя части: актъ весьма подробно предусматриваетъ всѣ возможные случаи недобросовѣстнаго по отношенію къ товарищамъ веденія дѣла. Это послѣднее обстоятельство,

---

1) Стр. 38.

2) Нѣтъ начала.

3) См. выше, стр. 250.

4) Распредѣленіе убытковъ оговорено. См. выше, клаузальный составъ записи.

въ связи съ отсутствіемъ другихъ клаузулъ, придаетъ разбираемой записи характеръ такого акта, посредствомъ котораго ранѣе договорившіяся на складство стороны теперь имѣли въ виду особо опредѣлить правила взаимнаго поведенія въ будущемъ. Трудно, конечно, сказать, насколько вѣроятнымъ является такое предположеніе. Нѣкоторое подтвержденіе его можно, пожалуй, видѣть въ томъ мѣстѣ акта, гдѣ идетъ рѣчь о неустойкѣ [1]), которая какъ будто говоритъ, что самый договоръ складства былъ совершенъ ранѣе разбираемой записи. Что какая клаузула складной могла выдѣлиться въ особый актъ, мы видимъ хотя бы изъ слѣдующаго примѣра: обязательство «стоети свопчя» [2]) за складническое имущество входитъ какъ составная часть въ № 2 нашего списка, между тѣмъ какъ складники одинашной записи, напечатанной въ Р. И. Б. XIV, 832, сдѣлали это обязательство предметомъ особаго акта.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были происхожденіе и причины особенностей и неполнаго вида арзамасской записи откупщиковъ (№ 6 нашего списка), актъ этотъ, въ его напечатанномъ видѣ, отнести съ безусловной достовѣрностью къ складнымъ записямъ врядъ ли возможно.

Теперь намъ остается обратиться къ послѣднему акту группы В, именно къ № 8 нашего списка. Какъ формуляръ записей, напечатанныхъ г-жей Островской (№№ 1 и 2 нашего списка), совпадаетъ съ актами типа A_2, такъ формуляръ № 8, напечатаннаго въ Актахъ Юридическаго быта, т. III, № 337, совпадаетъ съ формуляромъ типа A_1. Въ немъ мы имѣемъ клаузулы: I—контрагенты и существо соглашенія, II—срокъ, III—«живучи слушать», IV—условія прекращенія обязательства по волѣ принимаемаго въ домъ, V—условія прекращенія обязательства по истеченіи срока, VI—приносъ, VII—условія прекращенія договора въ случаѣ смерти принимаемаго въ домъ, VIII—застава, IX—послухи, X—канцелярія и дата.

По сравненію со сводным формуляромъ складныхъ подгруппы

---

[1]) «А кто учнетъ изъ насъ государевою казною таможеннымъ сборомъ и артелнымъ животомъ не радѣть, или кто въ денгахъ учнетъ какую хитрость чинить,...... или другъ безъ друга кого найметъ, а ортелѣ будетъ не любъ всѣмъ товарыщамъ, *а въ Арзамаской таможнѣ и Стексовской троя насъ въ заводныхъ денгахъ по паямъ поверсталися, положили по ровну по паямъ*, или кто изъ насъ не учнетъ такъ творить, какъ въ сей записѣ написано, и намъ по сыску всею артелью взять по сей записи»... и т. д. А. Ю. Б. т. I, № 111.

[2]) «.... Или кто учнетъ у насъ ту мельницу отъимати, и намъ стоети соопчя соединого». М. Островская, цит. статья въ Ж. М. Н. Пр. 1912 г., XII, стр. 288 и ея же Зем. бытъ, стр. 35.

A_1 [1]) въ разбираемомъ актѣ новыми являются клаузулы III—«живучи слушать», VII—условіе прекращенія обязательства въ случаѣ смерти принимаемаго въ домъ и VIII—застава. Появленіе первой изъ этихъ клаузулъ, какъ кажется, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что стороной, принимающей въ домъ, является здѣсь не жена, а тесть, хотя, какъ можно думать по словамъ г-жи Островской [2]), условіе «жить по совѣту», «другъ друга слушать» встрѣчается во многихъ складныхъ записяхъ. Что касается VII-ой клаузулы, то по сравненію съ VII клаузулой своднаго формуляра подгруппы A_1 — судьба вноса мужа въ случаѣ его смерти — она представляетъ собою лишь нѣкоторую новизну по своему содержанію, ибо оговариваетъ право наслѣдниковъ не только на полученіе «приноса», но и выслуженнаго пожилаго. Послѣднее обстоятельство и заставило измѣнить для даннаго акта названіе соотвѣтствующей клаузулы своднаго формуляра. Нѣсколько иное значеніе имѣетъ клаузула VIII—застава—обезпечивающая въ настоящемъ случаѣ выполненіе той части обязательствъ принимаемаго въ домъ, которой въ сущности обусловливается и самый договоръ—именно женитьбу. Клаузула эта для актовъ подгруппы A_1 является безусловно новой и, насколько можно судить по характеру актовъ, представляетъ собою случай, до извѣстной степени исключительный.

Въ общемъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть отнесена данная запись (№ 8 нашего списка) къ складнымъ типа A_1, стоитъ въ зависимости лишь отъ того, какое значеніе имѣютъ клаузулы III и VIII, и — поскольку въ остальныхъ частяхъ своихъ формуляръ разбираемаго акта совпадаетъ со своднымъ формуляромъ типа A_1, а обѣ указанныя клаузулы существа отношеній, установленныхъ договоромъ не мѣняютъ [3]).

Если сравнить теперь сводные формуляры подгруппъ A_1 и A_2, то не трудно убѣдиться, что разница между ними довольно замѣтная. Причину этого различія нужно искать, конечно, въ самомъ характерѣ устанавливаемаго актами складства.

Помимо того, что возникающія изъ договоровъ обязательственныя отношенія сторонъ осложняются еще семейственными, въ

[1]) См. выше, стр. 246.

[2]) Земельный бытъ сельскаго населенія на русскомъ сѣверѣ, стр.стр. 44, 45.

[3]) Было бы болѣе послѣдовательнымъ поставленный вопросъ рѣшить въ зависимости отъ того, имѣются ли налицо въ актѣ № 8 нашего списка необходимыя и существенныя клаузулы складной записи. Однако, послѣднія могли бы выясниться лишь въ томъ случаѣ, если бы налицо имѣлось болѣе или менѣе значительное количество актовъ разбираемой разновидности.

актахъ подгруппы A_1 имѣются двѣ особенности, которыя отдѣляютъ складныя этого типа отъ складныхъ подгруппы A_2.

Въ актѣ № 3 [1]) въ случаѣ прекращенія договора по волѣ принимаемаго въ домъ, онъ, лишаясь права на свой приносъ и на долю въ имуществѣ жены, получаетъ, однако, полѣтное, которое является въ такомъ случаѣ, до извѣстной степени, вознагражденіемъ, наемной платой за трудъ. № 8 [2]) идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше: «полѣть» выплачивается тестемъ и женѣ принимаемаго въ домъ, въ случаѣ его смерти. Что полѣтное понимается какъ плата за трудъ—въ этомъ особенно убѣждаютъ приводимыя г-жей Островской ссылки на акты—повидимому складныя типа A_1 [3]): такъ въ пріемномъ письмѣ 1704 года, «если зять съ женой уйдутъ сами, имъ даютъ по полтинѣ въ годъ *найму*; въ другомъ документѣ «*наемъ* по расчету, что доведется»; въ третьемъ—«*полѣтный наемъ* по уложенью». Да и самая доля въ имуществѣ, которую пріобрѣтаетъ принимаемый въ домъ, имѣетъ тотъ же характеръ вознагражденія за трудъ: въ записи, напечатанной въ А. Ю. Б. III, № 337 (№ 8 нашего списка), размѣръ получаемой доли ставится въ зависимость отъ числа прожитыхъ вмѣстѣ лѣтъ. Право на имущество въ данномъ случаѣ пріобрѣтается не только по истеченіи договорнаго срока, но и до него; а такъ какъ въ другихъ подобныхъ актахъ [4]) въ случаяхъ прекращенія обязательства до срока принимаемый получаетъ лишь пожилое, т.-е. наемную плату за трудъ, что мы наблюдаемъ и въ данномъ актѣ, но лишь примѣнительно къ меньшему сроку совмѣстной жизни, то эта часть имущества въ настоящемъ актѣ приравнивается именно къ пожилому [5]).

Въ нѣкоторой связи съ этой особенностью актовъ подгруппы A_1 стоитъ и другая. Самая цѣль соглашенія представляется до извѣстной степени различной для обѣихъ сторонъ. По крайней мѣрѣ въ №№ 3 и 4 нашего списка одна сторона имѣетъ въ виду взять домъ мужскую силу, необходимую для «печалованія» малолѣтними дѣтьми, а другая—пріобрѣсти часть въ имуществѣ. У г-жи Островской находимъ любопытное указаніе, что, закладывая полученный

---

[1]) Богословскій, Op. cit., 156.

[2]) А. Ю. Б. III, 337.

[3]) Земельн. бытъ сельск. нас., стр. 46, примѣч. 6 и 7.

[4]) См. выше о № 3, на стр. 243 и слѣд.

[5]) На эту особенность складныхъ обратила вниманіе и г-жа Островская; она не считаетъ, впрочемъ, получаемую по истеченіи извѣстнаго срока принятымъ въ домъ часть «имѣнья»—чистой платой за трудъ, имѣя въ виду «приносъ». Зем. Б., 49.

по прекращеніи договора жеребій складникъ записи, напечатанной у Богословскаго (№ 3 нашего списка), называетъ жеребей повытьемъ, «что̀ выжилъ по складной по выжилой записи». Въ другомъ документѣ одинъ крестьянинъ пишетъ: «продалъ есми и отступился... деревни по складной своей, что я... принялся и выжилъ»... [1]).

Можетъ быть, указанныя особенности складныхъ записей типа A_1—присутствіе въ нихъ элементовъ личнаго найма и неодинаковость (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) цѣлей заключившихъ договоръ сторонъ—отразились и на той неустойчивости въ опредѣленіи разновидности, какую можно наблюдать въ актахъ, близкихъ къ типу A_1 [2]). Къ числу такихъ актовъ должны быть отнесены «пріемная запись», напечатанная въ Русской Исторической Библіотекѣ, т. XIV, стр. 344, и «полюбовная статочная», «ставная»—въ «Описаніи свитковъ, находящихся въ Вологодскомъ Епархіальномъ древнехранилищѣ», вып. VII, стр. 83—84. Клаузальный составъ обоихъ актовъ совпадаетъ со своднымъ формуляромъ типа A_1 [3]), и если они не были разобраны вмѣстѣ съ другими актами этого типа, то причиной является прежде всего разница въ опредѣленіи разновидностей, которая могла явиться не какъ результатъ неустойчивости терминологіи.

Разсматривая сущность юридическихъ отношеній, какія устанавливаются между складными обѣихъ подгруппъ актовъ A_1 и A_2, можно придти, пожалуй, къ заключенію, что отношенія эти до нѣкоторой степени тожественны, и что совмѣстное «печалованіе» дѣтьми, поскольку оно осуществляется посредствомъ образованія «вопчаго живота», представляетъ собою явленіе того же порядка, какъ и торговая поѣздка въ Сибирскіе города, организуемая на общія средства. Однако формальная сторона вопроса, въ области которой и вращается настоящая статья, не позволяетъ вести это сходство дальше и заставляетъ ограничиться лишь констатированіемъ факта существованія двухъ типовъ складныхъ записей, охватывающихъ соотвѣтственно различныя явленія. Исчерпывается ли разобранными двумя типами разновидность складной записи—покажетъ новый матеріалъ, и въ этомъ отношеніи многаго можно ждать

---

[1]) Ibid, 49, примѣч. 2.

[2]) «...акты о пріемѣ назывались припускными и вживными памятями. Если зять вносилъ въ семейное имущество и свое имущество, составлялся складной животъ; отсюда и сдѣлки получали названіе складныхъ...» П. Ивановъ. Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII вѣкѣ. Отд. оттискъ, стр. 22.

[3]) Въ полюбовной статочной есть одна любопытная подробность: мужъ получаетъ половину имущества жены «какъ придетъ въ домъ, хотя ночь переспитъ».—Въ этомъ актѣ нѣтъ послуховъ.

отъ тѣхъ складныхъ записей на варничное дѣло, о которыхъ до сихъ поръ мы знаемъ лишь по многочисленнымъ указаніямъ актовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ [1]).

№ 1.—1622 г. февраля 13. Складная А. Шулевой и П. Васильева сына.

[Се язъ, Крис] [2]) тина Ондреева дочи, а Григорьевская жена Шуле[ва, вышла ес]ми замужъ за Поспела Васильева сына....... [и прин]яла есми его, Поспела, къ себе и къ [своей дочери Тать]яне Григорьеве дочере Шулева въ животъ во все по отказу мужа своего, Григорья, въ хлебъ и въ соль, въ скотъ всякой и платье, въ медное и железное, и въ деревню на Емской горе, въ Леховскую, въ обжу земли, и во всякой въ житецъкой въ деревенской запасъ, въ черно и въ бело, въ долгъ и въ слободу, во все на все безъ вывета. А печаловать ему, Поспелу, дочерью моею Крестиновою, Татьяною, до замужья. А допечалуетъ, Поспелъ, дочерью моею, Татьяною, до замужья и выдати ему Татьяну замужъ. А наделку съ нею, дати Татьяную, будетъ у меня, Крестины, съ Поспеломъ отродъ не будетъ, половина всего живота, хлеба и скота и платья въ деревенской земли и двора Леховской деревни и всякаго живота медного и железного и долгу и слободы. А будетъ у меня, Крестины, съ Поспеломъ отродъ будетъ, ино съ Татьяною треть живота дати наделку во всемъ животе. А вносу онъ, Поспелъ, съ собою принесъ ко мнѣ, Крестине, и къ дочери моей, Татьяне, во весь нашъ животъ две телицы, да две овцы, да три ягушки, цена полтора рубли, да денегъ пять рублевъ и всего живота перечнемъ на шесть рублевъ съ полтиною принеслъ. А Богъ случитъ смерть мне, Крестине, съ Поспеломъ живучи, а отроду не будетъ, ино Поспелу во всемъ моемъ животе Крестинене треть, да вносъ свой Поспелу взяти безъ росту, а треть живота и со всего живота и з деревни Поспелу

---

[1]) Оба печатаемые ниже акта найдены среди важскихъ столбцовъ Императорской Академіи Наукъ.

[2]) Текстъ, заключенный въ прямыя скобки, возстановленъ частью на основаніи послѣдующаго изложенія, частью по догадкѣ. Начало рукописи, которая довольно ветхаго вида, частью пропало.

исъ Татьянина будетъ до замужья Татьянина помру я, Крестина. А будетъ я, Крестина, помру после Татьяны, а отродъ не будетъ съ Поспеломъ, ино ему, Поспелу, въ достальномъ животе после Татьяны две выти во всемъ, а треть кому я, Крестина, откажу. А будетъ онъ, Поспелъ, помретъ, а отродъ не будетъ, ино вносъ его, Поспеловъ, взяти ближнему роду его безъ росту и бес пожилого. А будетъ я, Крестина, помру, а отродъ съ Поспеломъ будетъ, ино ему, Поспелу, съ отродомъ две выти, а Татьяне, дочере моей, треть во всемъ. А будетъ дочи моя, Крестинина, Татьяна помретъ до замужья, ино весь животъ и надѣлочной Татьянинъ мне, Крестине. А скотъ, кони, коровы, и овцы, и хлебъ у меня, Крестыны, [съ] сыномъ, съ Осипомъ з Давыдовымъ сыномъ, съ прежнымъ мужемъ. А будетъ Осипъ захочетъ отъ мужа моего, Поспела, и отъ меня Крестыны, поити прочь въ свою деревню Котельниковскую по отказу отца его, Давыда, ино ему, Осипу, скота взяти у насъ половина, а другая мне, Крестине, съ мужемъ, съ Поспеломъ, что у насъ скотъ съ Осипомъ своженъ былъ вместо; а хлебомъ деревни обе насеять мне, Кристе, съ Поспеломъ Леховскую, а ему, Осипу, Котельниковскую, а досталь хлеба делить пополамъ. Да что долгу есть у меня Крестины съ сыномъ съ Осипомъ вместе: дати Петру Григорьеву Шерягину два рубли, да Ларивону Ѳедосееву белосерцу рубль девятнатцеть алтынъ две деньги, да старику Смелькову рубль денегъ—и то долгъ мужу моему, Крестинину, Поспелу платити [съ] сыномъ моимъ Осипомъ вместе. А тотъ долгъ безкабальной, а больше того у меня, Крестыны, долгу нѣтъ. Да въ томъ я, Крестина, съ мужемъ своимъ Поспеломъ и складные подписали по противнямъ, слово въ слово. А на то послуси Аникей Фроловъ сынъ да Степанъ Михайловъ сынъ Травинъ да Завьялъ Федоровъ сынъ Коровинъ да Аѳонасей Петровъ сынъ Куликъ. А складные писалъ Ейскогорскій дьячекъ Фролко Сергіевъ 130-году, февраля въ 13 день.

На оборотѣ по склейкѣ: А будетъ у Поспела отродъ будетъ со мною Крестиною и помретъ Поспелъ, ино его Поспелову роду ближному до вносу дела нетъ, а вносъ отроду Поспелову.

№ 2.—1700 г., февраля 16. Складная запись М. Ф. Боковикова и С. Ф. Губина на торговлю въ Сибири.

Се азъ Пѣжемскаго стану Богоявленскаго приходу, Максимъ Ѳилиповъ Боковиковъ, да Верховажескаго посаду Серьгий Ѳилиповъ Губинъ, написали есми промежъ собою складныя записи въ томъ,

что мы въ нынѣшнемъ, 208-мъ году, сложилися мы товаромъ и денгами, я, Максимъ, положылъ товару и денегъ, тысячю семъ сотъ рублевъ, а онъ, Серьгии, положилъ товару и денегъ, пятьсотъ семдесятъ рублевъ. А съ темъ товаромъ и зъ денгами ему, Серьгию, ехать съ сыномъ моимъ, Максимовымъ, Аѳанасьемъ, въ Сибирские город[ы]: торговать имъ и промышлять темъ товаромъ и денгами вмѣсте, за едино. А что у того товару и у денегъ дастъ Богъ въ той дорогѣ прибыли, и та прибыль намъ дѣлить по зкладству: мнѣ, Максиму, на тысячю на семсотъ рублевъ, а ему, Серьгию, на пять сотъ на семдесятъ рублевъ. Да ему жъ, Серьгию, взять на мнѣ, Максиме, залишечного того ск[л]адного товару и денегъ, за работу себѣ по десяти рублевъ на годъ, сколько въ той дороге лѣтъ пройдетъ. А въ тои дороге сыну моему и ему, Серьгию, пити і ясти вмѣсте, изобща. А въ томъ торгу торговать и промышлять съ радениемъ и никакой поруги ни учинить сыну моему, Аѳанасью, и ему, Сергию. И буди въ тои дороге судомъ Божиімъ которому насъ Богъ смерть случитъ, а кой ихъ останетце въ жывыхъ и тому тѣмъ, вышеписаннымъ жывотомъ, торговать и промышлять, и вывѣсти къ Русе и подѣлить тотъ вышеписанной жывотъ съ остальцами, какъ писано выше сего. Да въ томъ мы промежъ собою и складныя записи написали, два листа, по противнямъ, слово въ слово. Диячекъ и послуси однѣ. Въ томъ послуси: Пѣжемского стану [И] [1]) ванъ Георгиевъ Зензиновъ мѣньшей, да Іванъ Івановъ Куклинъ. А складныя записи писалъ по его, Максимову, велѣнью Пѣжемскаго стану Богоявленской пономарь Петрушка Гавриловъ, лѣта 7208 году, Ѳевраля въ 16 день.

На оборотѣ:

Къ сей складной записѣ вмѣсто отца своего, Максима Филипова, по его велѣнию, сынъ ево, Аѳонька, руку приложилъ.

Послухъ Івашко Зензиновъ руку приложилъ.

Послухъ Івашко Куклинъ руку приложилъ.

Послѣ подписи Аѳоньки слѣдуетъ:

1705 году, марта въ 28 день, важенинъ Сергиі Ѳилиповъ сынъ Губинъ, по сеі складноі записе Максима Ѳилипова сына Боковикова съ сыномъ его Аѳонасьемъ ходилі въ Сибирские городы і торговалі вообще і, что далъ Богъ прибыли, і истину і то поделилі противъ сихъ складныхъ записеі все сполна і записми розменялись, і впредь другъ на друге по симъ складнымъ записямъ и по таможеннымъ отпускамъ не спрашивать. Подписалъ Сергиі Ѳилиповъ сынъ Губинъ своею рукою. А что по кабалѣ было взять пять тысячь сто

[1]) См. рукоприкладство.

рублевъ на москвитине, на Дмитрие Божедомове, і по тоі кабалѣ денги взяли на порутчикѣ москвитину Николае Іванове Грѣкѣ і тѣ денги розделилі по симъ складнымъ записямъ. А что мнѣ, Сергию, ряжено на годъ по десяти рублевъ за лишечной торгъ і тѣ я денги взялъ за все годы сполна.

Послѣ подписи Куклина:

Подписалъ я же Сергие.

Поступныя записи.

(Къ исторіи крестьянскаго вопроса въ XVII в.)

А. А. Шиловъ.

Среди частно-правовыхъ актовъ до-Петровской Руси довольно большую группу составляютъ акты, называющіе себя «поступными», «поступными записями», «поступошными записями» и т. п.; чаще же всего эти акты называютъ себя просто «записями». Въ каталогѣ частно-правовыхъ актовъ, составляемомъ подъ руководствомъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, такихъ актовъ, зарегистрировано около 200. Подавляющее большинство ихъ падаетъ на XVII в. и, особенно, на вторую его половину; очень незначительное количество актовъ относится къ концу XVI в. и къ самому началу XVIII в. Въ смыслѣ же географическаго распредѣленія поступныя не пріурочиваются къ какой-либо определенной мѣстности Московскаго государства; правда, большинство поступныхъ относится къ Замосковному краю, но имѣются поступныя, относящіяся къ Поморью, къ городамъ Южной Украины и къ городамъ Понизовымъ. Это географическое распредѣленіе лишаетъ возможности разсматривать поступныя въ связи съ какими-либо условіями, бывшими въ опредѣленной мѣстности.

Слѣдуетъ отмѣтить, что поступныя до сихъ поръ почти не привлекали вниманія изслѣдователя, и незначительныя свѣдѣнія о о нихъ разбросаны въ разныхъ сочиненіяхъ, по большей части, въ видѣ отдѣльныхъ примѣчаній или случайныхъ замѣтокъ [1]). Поэтому, мнѣ казалось, до разсмотрѣнія особаго вида поступныхъ

---

[1]) Ср. напр. *К. Побѣдоносцевъ*, Историч. изслѣд. и статьи, с. 60—65. Спб., 1876. — *И. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, с. 153—154, 169. М., 1879. — *С. Шумаковъ*, Сотницы, грамоты и записи. М., 1902 и сл., в. I, с. 202—204; в. IV, с. 65 и др. — *М. А. Дьяконовъ*, Очерки изъ исторіи сельск. населенія, с. 46, 52—54, 84—85, 139, 283. Спб., 1901.—*Его же*, Очерки обществ. и госуд. строя древн. Руси, с. 353—355. Спб., 1912.

на крестьянъ за пріемо-держательство бѣглыхъ, не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о поступныхъ вообще и выяснить въ связи съ этимъ значеніе термина «поступиться».

Выдѣлить поступныя изъ общей массы частно-правовыхъ актовъ въ особую группу позволяетъ, конечно, прежде всего самое ихъ названіе, данное или составителемъ акта («А *поступную* писалъ» такой-то), или находящееся въ самомъ актѣ («крѣпокъ тотъ мой крестьянинъ такой-то по сей моей *поступной записи*»). Но, какъ я отмѣтилъ выше, большинство поступныхъ называетъ себя просто «записями». Объединить такія «записи» съ актами, называющими себя «поступными», позволяетъ не столько сходство ихъ формуляровъ, которые очень отличаются въ различныхъ группахъ поступныхъ, сколько то опредѣленіе сдѣлки, которое дано самими составителями или писцами актовъ. Во всѣхъ актахъ разбираемаго вида сдѣлка характеризуется словами: «Се азъ такой-то *поступился* такому-то тѣмъ-то», или «Се азъ такой-то далъ запись такому-то въ томъ, что *поступился* ему...». Однако, въ большинствѣ поступныхъ составители ихъ не ограничивались при опредѣленіи сдѣлки глаголомъ «поступился», но прибавляли еще и другое, болѣе опредѣляющее выраженіе: поступился и помирился, поступился и далъ, поступился и продалъ и т. п. Это широкое примѣненіе термина «поступиться» къ столь разнообразнымъ сдѣлкамъ тѣмъ самымъ лишаетъ его юридической опредѣленности и заставляетъ насъ разсмотрѣть поступныя не въ общей массѣ, а предварительно разбивъ ихъ на какія-то группы. Поэтому до выясненія клаузальнаго состава поступныхъ приходится обратиться къ юридической ихъ классификаціи, съ цѣлью выяснить сущность различныхъ сдѣлокъ, заключающихся въ актахъ даннаго вида. При детальномъ разсмотрѣніи поступныхъ, произведенномъ авторомъ настоящей статьи въ собраніяхъ кружка по изученію частно-правовыхъ актовъ, выяснилось, что по существу совершаемой сдѣлки поступныя дѣлятся на отдѣльныя группы, имѣющія различные, въ зависимости отъ сдѣлки, формуляры. Такъ напр. восемь актовъ [1]) по своему формуляру очень мало отличаются отъ формуляра обычныхъ данныхъ.

[1]) Р. И. Б., т. XIV, с. 218;—«Дѣйствія Нижегор. уч. арх. ком. Сборникъ», т. II, отд. III, № 15;—Акты истор. и юридич., собр. *Мельниковымъ*, т. I, № 35;— *В. Шляпинъ*, Акты Великоустюжск. Михаило-Арханг. м-ря, т. I, № 171 и др.— Считаю необходимымъ оговориться, что, какъ въ настоящемъ примѣчаніи, такъ и въ послѣдующихъ, я не имѣю въ виду дать полнаго списка той или другой разновидности поступныхъ, такъ какъ таковой списокъ будетъ данъ въ имѣющемъ выдти каталогѣ частно-правовыхъ актовъ, составляемомъ кружкомъ подъ руководствомъ А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Десять актовъ оказались по своему существу купчими [1]). Довольно значительную группу (около 30-ти актовъ) составляютъ поступныя-мировыя [2]), сходныя по формуляру съ мировыми. Имѣются въ небольшомъ количествѣ поступныя-мѣновыя, поступныя-духовныя, поступныя-раздѣльныя, поступныя-кортомныя и поступныя-рядныя [3]).

Всѣ эти группы поступныхъ по своему формуляру мало чѣмъ отличаются, а иногда и совсѣмъ тождественны съ формулярами данныхъ, купчихъ, мѣновыхъ и т. п. соотвѣтствующихъ актовъ. Но кромѣ указанныхъ группъ поступныхъ, находящихъ соотвѣтствіе въ какихъ-либо другихъ актахъ, среди поступныхъ имѣются еще двѣ группы, болѣе значительныя по своему объему, которыя въ другихъ разновидностяхъ соотвѣтствія себѣ не находятъ.

Первая группа—39 актовъ, называющихъ себя, по обыкновенію, «записями» и «поступными»,—содержитъ въ себѣ акты, въ которыхъ владѣлецъ (А) какого-либо объекта (чаще всего—землевладѣлецъ) поступается другому лицу (Б) своимъ объектомъ за невозможностью уплатить долгъ, лежащій на немъ [4]). Первая основная клаузула этихъ актовъ, самая существенная, содержитъ указанія на контрагентовъ сдѣлки, на размѣры долга и на его исторію, на объектъ, которымъ А поступается, и иногда на причину поступки. Слѣдующія основныя клаузулы говорятъ объ отказѣ А отъ своихъ правъ на поступленный объектъ, о чистотѣ объекта, объ обязательствѣ А очищать этотъ объектъ, «буде вылягутъ какія крѣпости», о неустойкѣ, если А не исполнитъ лежащихъ на немъ обязательствъ, и, наконецъ, объ условіи о непрекращеніи дѣйствія договора впредь.

Другая же группа поступныхъ, тоже не находящая себѣ соотвѣтствія въ другихъ разновидностяхъ, самая обширная по количеству и наиболѣе устойчивая по формуляру, является предметомъ разсмотрѣнія въ настоящей статьѣ и содержитъ акты, въ кото-

---

[1]) «Дѣйствія Нижегор. уч. арх. ком. Сборникъ», т. II, отд. III, с. 54;—«Чтенія въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Древн.» 1903, кн. III, отд. IV, с. 10—11;—«Труды Вятской уч. арх. ком.», 1907, в. IV, с. 286 и др.

[2]) *С. Шумаковъ*, Сотницы..., в. I, № 38;—*Пискаревъ*, Мамонтова пустынь, №№ 31, 33, 42, 47;—«Труды Вятской уч. арх. ком.», 1907, в. IV, с. 278—289 и др.

[3]) Архивъ сельца Зиновьева, № V, с. 2;—*Покровскій*, Казанскій архіер. домъ, № 8;—О родѣ кн. Юсуповыхъ, ч. II, с. 355;—А. Ю. Б., т. III, с. 1;—А. Ю., № 109 и сл.

[4]) *В. Шляпинъ*, Акты Великоустюжск. Михаило-Арханг. м-ря, ч. I, № 177;—Архивъ с. Зиновьева, № IX, с. 3;—«Труды Вятской уч. арх. ком.», 1907, в. IV, с. 277—278, 279, 279—280;—Книга псковитина С. И. Поганкина, с. 28—29, 30, 30—31, 36;—«Лѣтопись занятій Археогр. Ком.», вып. V, прил. № 17 и др.

рыхъ одинъ контрагентъ (А) поступается другому (Б) своими крестьянами безъ земли за пріемо-держательство бѣглыхъ крестьянъ Б.

Разбивая всѣ поступныя на отдѣльныя группы, мы видимъ разнообразіе заключающихся въ нихъ сдѣлокъ. Поэтому естественно, до разсмотрѣнія отдѣльнаго вида поступныхъ, попытаться выяснить тотъ общій признакъ, который заключался въ понятіи «поступиться» и который объединялъ эти сдѣлки. Терминъ «поступиться» извѣстенъ въ русскомъ языкѣ не только въ XVII в., но и значительно раньше. Въ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка» И. И. Срезневскаго [1]) приведенъ рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что, наряду съ другими значеніями, слово «поступиться» употреблялось и въ смыслѣ: *отступать*, *уступать*, *передавать*. Къ сожалѣнію, какого-либо словаря языка болѣе поздняго времени у насъ не имѣется; поэтому приводимые ниже примѣры являются болѣе или менѣе случайными, хотя и они, все-таки, достаточно выясняютъ смыслъ термина «поступиться», какъ его понимали люди XVII в.

Чаще всего этотъ терминъ встрѣчается въ XVII в. въ оффиціальномъ языкѣ въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа. Встрѣчается онъ и въ обыденной жизни. Такъ напр. въ челобитной 1691 г. подьячіе Посольскаго приказа жалуются, что ихъ сотоварищъ Іевъ Токаревъ, «идучи на вашу государеву службу, *поступился* на время для своей бездѣльной корысти, а не вовсе, площадного своего мѣста у Посольского приказу... племяннику своему...» Подьячіе жалуются не на самый фактъ поступки мѣстомъ, а на то, что Іевъ поступился мѣстомъ временно: «и буде было ему, Іеву, того своего мѣста поступитца для службы вовсе, а не на время...» [2]). Въ дѣлахъ же Помѣстнаго приказа терминъ «поступиться» чаще всего встрѣчается въ челобитныхъ о справѣ поступныхъ помѣстій. Такъ напр. Степанъ Батуринъ въ своей челобитной 3 іюня 1663 г. проситъ справить за нимъ пустоши, что «*поступилась* мнѣ... боровлянка вдова Огрофена... прожиточнаго своего помѣстья, что ей дано на прожитокъ послѣ мужа еѣ Олифана...» [3]). О такой же справѣ пустошей бьетъ челомъ углечснинъ Алексѣй Аристовъ, которому тесть его «*поступился*, вмѣсто приданово, помѣстную свою пустошь» [4]). Наконецъ, въ одномъ актѣ 1695 г. вдова Маремьяна, ликвидируя свои дѣла, «*поступается* безденежно» своею землею, но про-

---

[1]) Т. III, с. 1269–1270.

[2]) С. *Бѣлокуровъ*, «Чтенія въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Древн.» 1906, кн. III, с. 164—166. (О Посольскомъ приказѣ).

[3]) С. *Шумаковъ*, Сотницы..., вып. III, с. 127.

[4]) Ibid. в. III, с. 128; — ср. также в. III, с. 71, 131; вып. IV, с. 52—53 и др.

даетъ за 200 р. свое хоромное строеніе, находившееся на этой землѣ. Различіе между поступкой и продажей очень строго проведено по всему акту: «И впредь мнѣ... до той вышеписанной поступной безденежно земли и до всякаго вышеписаннаго проданнаго строенія дѣла нѣтъ...», «а ся поступная запись на землю и впредь въ поступную, а на хоромы и на всякое вышеписанное строеніе купчая и впредь въ купчую» [1]).

Приведенные примѣры показываютъ, что терминъ, «поступиться», извѣстный въ древне-русскомъ языкѣ въ смыслѣ «*уступить, передать*», сохранился въ этомъ же значеніи и въ XVII в. Очень характернымъ обстоятельствомъ является, что въ большинствѣ поступныхъ поступаются или помѣстьемъ, или землею, находящеюся на оброкѣ, или бортнымъ ухожаемъ, или лавочнымъ мѣстомъ, или крестьянами (чаще всего помѣстными), т.-е. такими объектами, которые не находились въ полной собственности ихъ владѣльцевъ. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе поступныхъ съ этой стороны, мнѣ кажется, что ихъ въ этомъ смыслѣ можно сблизить съ разобранными выше А. И. Андреевымъ (с. 131—181)—болѣе ранними актами—«отступными», которыя являются по своему существу купчими на оброчныя государевы земли.

Покончивши съ предварительнымъ разборомъ поступныхъ, я хотѣлъ сказать, прежде чѣмъ перейти къ клаузальному анализу поступныхъ на крестьянъ, нѣсколько словъ о тѣхъ опредѣленіяхъ клаузулъ, которыми я буду пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вопросы о клаузулѣ и о ея значеніи при изученіи акта—разобраны выше въ статьѣ В. И. Веретенникова (с. 8—19). Я только хочу отмѣтить въ дополненіе къ его статьѣ нѣсколько клаузульныхъ группъ, выведенныхъ изъ разбора опредѣленнаго конкретнаго матеріала, но которыя, тѣмъ не менѣе, могутъ быть приложимы къ клаузальному разбору всякаго древне-русскаго акта. Всѣ, безъ исключенія, клаузулы, встрѣчающіяся въ разсматриваемыхъ актахъ, можно раздѣлить на три группы: *основныя, дополнительныя* и *побочныя* клаузулы.

Основными клаузулами можно назвать тѣ клаузулы, которыя являются необходимыми для данной сдѣлки. Конечно, необходимость той или другой клаузулы основывается не на какихъ-либо отвлеченныхъ положеніяхъ, а на разсмотрѣніи таблицъ, при помощи которыхъ совершается дипломатическое изученіе актовъ дан-

---

[1]) «Чтенія въ И. Моск. Общ-вѣ Ист. и Др.» 1903, кн. III, отд. IV, с. 10—11.

ной группы. Если таблица покажетъ, что такая-то клаузула встрѣчается во всѣхъ или въ подавляющемъ большинствѣ актовъ разбираемой группы, то у насъ является прочное основаніе для вывода, что составители древне-русскаго акта считали присутствіе ея въ актѣ необходимымъ. Такія основныя клаузулы могутъ быть по своему составу *простыми*, запечатлѣвающими одинъ какой-либо моментъ сдѣлки, или же, въ большинствѣ случаевъ, онѣ бываютъ *сложными*, объединяющими своимъ словеснымъ выраженіемъ нѣсколько моментовъ; въ послѣднемъ случаѣ эта сложная клаузула можетъ быть разсматриваема, какъ состоящая изъ нѣсколькихъ *элементовъ*, и одинаковые элементы одной клаузулы могутъ разсматриваться въ ихъ историческомъ, географическомъ или въ какомъ-либо другомъ развитіи.

Дополнительныя же клаузулы указанной необходимости въ глазахъ составителей древне-русскаго акта не имѣли: онѣ могли быть, но могли и отсутствовать въ актѣ, и сущность его отъ этого не измѣнялась. Онѣ только *дополняли какую-либо основную клаузулу*, развивая болѣе подробно какой-либо ея элементъ и не внося въ составъ акта никакихъ новыхъ условій. Поэтому, дополнительныя клаузулы въ иныхъ случаяхъ являются отдѣльными клаузулами, въ другихъ же случаяхъ онѣ присутствуютъ въ актѣ въ видѣ элемента той или другой основной клаузулы. Слѣдуетъ отмѣтить, конечно, что между основной и дополнительной клаузулами существуетъ самая тѣсная связь: дополнительное условіе, существующее въ одинъ періодъ времени въ видѣ только элемента основной клаузулы, можетъ черезъ нѣкоторое время, при измѣнившихся обстоятельствахъ, какъ-бы, отпочковаться отъ нея и сдѣлаться дополнительною или даже, въ свою очередь, основною клаузулою.

Что же касается *побочныхъ* клаузулъ, то онѣ, не являясь необходимыми для сдѣлки, не развивали отдѣльныхъ элементовъ основныхъ клаузулъ, а *вносили какое-нибудь побочное*, *новое условіе или обязательство*. Ихъ присутствіе вызывалось, обыкновенно, какими-либо индивидуальными, побочными обстоятельствами, не имѣвшими мѣста при составленіи другихъ актовъ. Такія побочныя клаузулы, встрѣчающіяся, къ тому же, по большей части, одинъ—два раза, при выясненіи идеальнаго формуляра для разбираемой группы актовъ особеннаго значенія имѣть не могутъ.

Поступка своими крестьянами за пріемо-держательство бѣглыхъ другого владѣльца могла широко развиться только во второй пол. XVII в., или послѣ Уложенія, когда былъ установленъ штрафъ

въ пользу истца за пріемъ бѣглыхъ (гл. XI, ст. 10), или послѣ новоуказныхъ статей о наддаточныхъ крестьянахъ. Во второй пол. XVII в. и выработался окончательно, какъ увидимъ ниже, очень устойчивый формуляръ поступныхъ на крестьянъ безъ земли. Но понятіе о поступкѣ крестьянами сложилось значительно раньше Уложенія. Такъ среди «Актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія», издан. М. А. Дьяконовымъ, имѣется четырнадцать поступныхъ на крестьянъ конца XVI—первой пол. XVII вв., называющихъ себя, по большей части, «записями» и рѣже «поступными записями» [1]). Правда, благодаря своей неоднородности, эти немногочисленные акты не могутъ быть подвергнуты подробному клаузальному анализу, но, всетаки, при разборѣ поступныхъ они должны быть отмѣчены и разсмотрѣны, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ поступнымъ второй пол. XVII в.

Самая ранняя изъ поступныхъ на крестьянъ безъ земли, отмѣченная и А. С. Лаппо-Данилевскимъ и М. А. Дьяконовымъ [2]), относится къ 1597—1598 г. Въ ней старецъ Коломенскаго Голутвина монастыря Гурій, искавшій на подьячимъ Пятомъ Григорьевѣ монастырскихъ крестьянъ, помирился съ нимъ полюбовно и «поступился по сыску» двумя монастырскими крестьянами, «съ женами, и съ дѣтьми, и со всѣми животы и статки» [3]). Въ этомъ актѣ, называющемъ себя «записью» и «мировою записью», не говорится ни слова ни о причинѣ иска на Пятомъ Григорьевѣ монастырскихъ крестьянъ, ни объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ поступку ими. Кромѣ поступной 1597—1598 г., тамъ же изданы еще три поступныя 1627—1638 гг. [4]), въ которыхъ владѣльцы, поступаясь своими крестьянами безъ земли, не указываютъ причинъ поступки. Клаузальный составъ этихъ четырехъ актовъ очень несложенъ: всѣ они начинаются болѣе или менѣе подробной клаузулой о поступкѣ; во всѣхъ—затѣмъ слѣдуютъ: клаузула съ обязательствомъ впредь не вступаться, не бить челомъ и не искать поступленныхъ крестьянъ и клаузула неустойки («заряда»), въ случаѣ нарушенія предъидущаго обязательства. Въ одномъ актѣ (№ 33) въ концѣ вставлена клаузула о написаніи записи по противнямъ; въ другомъ (№ 63)—обязательство очищать

---

[1]) Op. cit. вып. II, №№ 33, 42, 44, 45, 47, 49, 50, 52, 56, 60, 63, 65, 69, 71;—См. также А. Ю., № 273.

[2]) «Крестьянскій строй». Спб., 1905, с. 71 (ст. *А. С. Лаппо-Данилевскаго*—Очеркъ и исторія образованія главн. разрядовъ крестьянск. населенія).—*М. А. Дьяконовъ*, Очерки общественнаго и государств. строя древней Руси. Спб., 1912, с. 353—354.

[3]) *М. А. Дьяконовъ*, Акты..., вып. II, № 33.

[4]) Ibid. вып. II, №№ 50, 52, 63.

поступленныхъ крестьянъ отъ стороннихъ притязаній и клаузула, устанавливающая крѣпость крестьянина новому владѣльцу; во всѣхъ имѣются клаузулы конечнаго протокола: послухи и канцелярія. Незначительное количество актовъ, неопредѣленность названія (всѣ они называютъ себя «записями»), краткость формуляра и отсутствіе указаній на причины поступки совершенно не позволяютъ сдѣлать какіе-либо выводы о сущности заключаемой сдѣлки.

Болѣе опредѣленными являются шесть поступныхъ на крестьянъ, бобылей и людей безъ земли, относящихся къ 1619—1642 гг. [1]); онѣ называютъ себя «записями» (№№ 42, 44, 65, 71), «поступною записью» (№ 60), «мировою записью» (№ 71) и даже «отпускною записью» (№ 69); двѣ изъ нихъ (№№ 69, 71) писаны подьячими Ивановской площади, одинъ (№ 65)—Костромского яму охотникомъ, а три—людьми съ неизвѣстнымъ соціальнымъ положеніемъ. Пять отмѣченныхъ поступныхъ написаны по поводу бѣглыхъ крестьянъ, но поступается въ нихъ не А (лицо, принявшее бѣглыхъ), какъ въ поступныхъ второй пол. XVII в., а Б (лицо, отъ котораго бѣжали крестьяне) въ пользу А. Во всѣхъ случаяхъ А—Троице-Сергіевъ монастырь. Получается нѣсколько странная картина: Б вмѣсто, хотя-бы, обратнаго полученія своихъ бѣглыхъ, самъ поступается ими въ пользу А, принявшаго ихъ. Но указаніе на причины поступки, различныя во всѣхъ актахъ, нѣсколько объясняетъ эту странность. Въ самомъ раннемъ актѣ 1619 — 1620 г. Б поступается въ вотчину двумя крестьянскими семействами, бѣжавшими изъ его помѣстной деревни, и обязуется въ нихъ не вступаться впредь, «потому что . . . за тѣхъ крестьянъ у троецкихъ властей . . . *взялъ* 50 рублевъ денегъ» [2]). Въ остальныхъ актахъ причина поступки изложена не съ такой откровенностью: въ одномъ 1620—1621 г. поступка мотивируется тѣмъ, что «тотъ крестьянинъ съ дѣтми въ троецкой вотчинѣ застарѣлъ, изъ государевыхъ указныхъ лѣтъ вышелъ» [3]), хотя и не указывается — сколько лѣтъ онъ жилъ за монастыремъ; въ другомъ — 1632 г. — тѣмъ, что А жену поступленнаго крестьянина «изъ закладу выкупилъ монастырскими казенными деньгами» [4]); въ третьемъ—1639—1640 г.—Б, получивъ обратно своихъ «старинныхъ кабальныхъ людей» «по государеву цареву указу», поступается ими А, «потому что мнѣ за нихъ ссуды (которую получили его люди отъ троицкихъ властей, живя за монастыремъ) платити нечѣмъ, а се они въ троицкихъ вотчинахъ

---

[1]) Ibid. вып. II, №№ 42, 44, 60, 65, 69, 71.
[2]) Ibid. вып. II, № 42.
[3]) Ibid. вып. II, № 44.
[4]) Ibid. в. II, № 60.

застарѣлися» [1]); въ четвертомъ актѣ 1641 г.—Б поступается своимъ крестьяниномъ, женившимся въ бѣгахъ «въ вотчинѣ Живоначальной Троицы на старинной ихъ крестьянкѣ», потому что онъ «увѣченъ и пашни пахать не можетъ», хотя въ клаузулѣ неустойки предусматривается возможность поступленному крестьянину жить «во крестьянехъ, или въ бобылехъ, или за Троецкимъ монастыремъ» [2]); наконецъ, въ пятой поступной 1642 г. Б, получивъ обратно часть своихъ бѣглыхъ, другою частью поступается «вмѣсто троецкихъ опоенныхъ дву человѣкъ, крестьянъ, которые грѣшною мѣрою опилися у насъ . . ., да вмѣсто троецкаго же конюха, котораго зарѣзалъ человѣкъ нашъ . . .» [3]). Откровенно указанная причина поступки въ первомъ изъ разбираемыхъ актовъ и болѣе затушеванная—въ остальныхъ позволяетъ видѣть въ этихъ поступныхъ замаскированную купчую на крестьянъ, проданныхъ монастырю безъ земли, на что уже указывалъ и раньше М. А. Дьяконовъ [4]).

Клаузальный составъ этой группы очень устойчивъ, если только можно говорить объ устойчивости при незначительномъ количествѣ актовъ. Первая ихъ клаузула, въ которой говорится какъ о поступкѣ, такъ и объ обстоятельствахъ ей предшествовавшихъ, можетъ быть названа сложной, составленной изъ нѣсколькихъ элементовъ: 1) начальный протоколъ съ указаніемъ имени контрагента (Б), отъ лица котораго написанъ актъ, 2) указаніе на челобитье Б о возвращеніи ему бѣглыхъ, 3) констатированіе факта проживанія бѣглыхъ за А, 4) отдача бѣглыхъ прежнему ихъ владѣльцу съ суда (въ двухъ актахъ), 5) встрѣчный искъ А на Б (въ одномъ актѣ) и, наконецъ, 6) поступка крестьянами А, принявшему ихъ, съ указаніемъ ея причинъ. За первою клаузулою слѣдуютъ во всѣхъ актахъ: клаузула съ отказомъ отъ поступленнаго крестьянина и съ обязательствомъ не бить впредь челомъ и его не искать, и третья клаузула, содержащая обязательство уплатить неустойку (отъ 50 до 300 р.) въ случаѣ нарушенія предшествующаго условія. Въ одной поступной имѣется заключительная клаузула, служащая, какъ-бы подтвержденіемъ всего акта: «въ томъ ему и запись далъ», и въ одной—гдѣ Б поступается кабальными людьми, вставлена за первою клаузулою—клаузула о передачѣ старыхъ кабалъ и крѣпостей. Разобранная группа поступныхъ, какъ видно будетъ ниже, по своему клаузальному составу не имѣетъ отношенія къ поступ-

---

[1]) Ibid. вып. II, № 65.
[2]) Ibid. вып. II, № 69.
[3]) Ibid. вып. II, № 71.
[4]) *М. А. Дьяконовъ*, Очерки...., с. 354—355. Спб., 1912.

нымъ второй пол. XVII в., но можетъ имѣть значенiе при опредѣленiи сущности сдѣлки, заключаемой въ послѣднихъ.

Болѣе близкое отношенiе и по содержанiю къ поступнымъ второй пол. XVII в. имѣютъ три поступныя 1621—1631 гг. [1]), въ которыхъ А (лицо, принявшее бѣглыхъ) поступается Б принятыми крестьянами. Но отличаются онѣ отъ поступныхъ второй пол. XVII в. тѣмъ, что въ послѣднихъ А, принявшiй бѣглыхъ, поступается Б *своими* крестьянами; въ поступныхъ же 1621—1631 гг. А поступается Б *его-же собственными* крестьянами, возвращая ихъ ему обратно. Въ этомъ смыслѣ указанныя три поступныя по существу своему являются записями о возвращенiи прежнему владѣльцу его бѣглыхъ. Всѣ онѣ и называютъ себя «записями» и написаны лицами, соцiальное положенiе которыхъ неизвѣстно.—Два акта 1621—1622 г. и 1630—1631 г. [2]) являются наиболѣе простыми и близкими къ указанной сдѣлкѣ. Первая клаузула ихъ—поступка—можетъ быть названа сложной и состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ: 1) начальный протоколъ съ указанiемъ имени А (принявшаго бѣглыхъ), отъ лица котораго написанъ актъ, 2) указанiе на предшествовавшее поступкѣ челобитье Б о возвращенiи ему бѣглыхъ, 3) констатированiе факта проживанiя бѣглыхъ за А, причемъ въ одномъ актѣ указывается на число лѣтъ, прожитыхъ бѣглыми за А, и 4) самая поступка, формулированная такимъ образомъ: «и мы А тому Б крестьянина . . . , не ходя въ судъ, положили полюбовно межъ собою, того крестьянина поступились съ женою, и дѣтьми, и со всѣми его животы» или «и я А, не посылая тѣхъ крестьянъ къ Москвѣ,... не ходя въ судъ договоря, здѣлку учинили полюбовно въ томъ, что мнѣ А тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ... отдать ему Б на срокъ...». Затѣмъ, кромѣ клаузулъ съ обязательствомъ не бить впредь челомъ и неустойки за нарушенiе этого обязательства, въ одномъ актѣ вставлена заключительная подтвердительная клаузула: «въ томъ и запись далъ», а въ другомъ—клаузула о написанiи акта по противнямъ. Поступная 1626—1627 г. [3]) Ѳедота Ильина сына Лопатина вполнѣ подходитъ къ двумъ предъидущимъ поступнымъ, но осложнена тѣмъ обстоятельствомъ, что Лопатинъ, принявшiй троицкихъ бѣглыхъ крестьянъ и не пожелавшiй отдать ихъ добровольно, съ троицкими властями «подрался и троицково крестьянина... подстрѣлилъ изъ лука, да подъ троицкими жъ крестьяны застрѣлилъ двое лошадей до смерти». Благодаря этому обстоятельству, актъ, помимо клаузулъ о поступкѣ принятыми крестьянами, осложненъ цѣ-

[1]) *М. А. Дьяконовъ*, Акты...,вып. II, №№ 49, 56;—А. Ю., № 273.

[2]) *М. А. Дьяконовъ*, Акты..., вып. II, № 56;—А. Ю., № 273.

[3]) *М. А. Дьяконовъ*, Акты..., вып. II, № 49.

лымъ рядомъ дополнительныхъ и случайныхъ клаузулъ относительно мира, проѣстей, волокиты, безчестья и т. п.

Какъ отмѣчено выше, въ актѣ 1621—1622 г. въ концѣ вставлена клаузула о написаніи поступной по противнямъ. Такимъ противнемъ и представляется мнѣ одна «запись», называющая себя также и «поступною записью», сущность которой состоитъ въ томъ, что принявшій бѣглыхъ крестьянъ (А) поступается ими старому ихъ владѣльцу (Б), но написана она не отъ лица А (Троицкаго монастыря), а отъ имени Б, получающаго обратно своихъ крестьянъ [1]). Клаузальный формуляръ ея совпадаетъ съ разобранными выше поступными 1621—1622 и 1630—1631 гг. Но такъ какъ Б получаетъ своихъ крестьянъ не сразу: «а тово крестьянина взяти мнѣ изъ троецкіе вотчины на срокъ, послѣ Покрова св. Богородицы недѣлю спустя», то за клаузулою неустойки слѣдуетъ клаузула съ обязательствомъ выдать въ полученіи крестьянина отпись: «А какъ я тово своево крестьянина изъ троецкіе вотчины возьму, и мнѣ въ томъ крестьянинѣ троецкимъ властемъ дати отпись». Такою отписью и является, вѣроятно, актъ 1621 г., и называющій себя «отписью», въ которой Б, получивъ обратно своихъ крестьянъ, обязуется впредь не бить челомъ на троицкихъ властей (А) и уплатить неустойку въ случаѣ нарушенія договора [2]).

Не многочисленность поступныхъ на крестьянъ первой пол. XVII в. объясняется, съ одной стороны, существованіемъ опредѣленныхъ «урочныхъ лѣтъ», въ которые можно было отыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ, а съ другой стороны подтверждаетъ трудность той борьбы, которую вело въ теченіе первой пол. XVII в. служилое сословіе—мелкіе и средніе землевладѣльцы—съ «сильными людьми» [3]). Штрафъ, наложенный указомъ 1607 г. за пріемо-держательство крестьянъ, нисколько не мѣшалъ принимать ихъ. И правительство, устанавливая этотъ штрафъ, само стояло на сторонѣ «сильныхъ людей». Хорошимъ подтвержденіемъ этого служитъ хотя-бы отказъ въ возвращеніи прежнимъ владѣльцамъ крестьянъ, бѣжавшихъ въ голодные 1602—1603 годы: «не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодные годы, а нынѣ его не пытай» [4]); на это же показываютъ разрѣшенія 1613 — 1615 гг.

---

[1]) Ibid. вып. II, № 47.

[2]) Ibid. вып. II, № 45.

[3]) Ср. *С. В. Рождественскій,* Сборникъ статей, посвящ. В. О. Ключевскому, с. 153—163. (Изъ исторіи отмѣны «урочныхъ лѣтъ»...) и *П. П. Смирновъ*, «Чтенія въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Др.» 1915, кн. III, с. 1—73. (Челобитныя дворянъ и дѣтей боярскихъ...).

[4]) А. А. Э., т. II, № 40.

вывозить обратно крестьянъ въ троицкія вотчины свыше установленнаго, какъ общее правило, пятилѣтняго срока [1]), а также грамота 1632 г. ц. Михаила Федоровича приказчику дворцовыхъ селъ Курмышскаго уѣзда Ив. М. Молчанову; послѣдній, вывезя изъ вотчинныхъ селъ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря въ дворцовыя села крестьянъ, правилъ на монастырскихъ властяхъ «за вывозныхъ и бѣглыхъ крестьянъ на прошлые годы доходовъ 1000 р., да 2000 чети хлѣба», чѣмъ и вызвалъ челобитную со стороны монастырскихъ властей. Грамота заканчивается требованіемъ, чтобы Молчановъ немедля пріѣхалъ къ Москвѣ, а «для той крестьянской своззки и сыску... пошлютъ съ Москвы дворянина добра, да дьяка» [2]). При такихъ обстоятельствахъ возвращеніе бѣглыхъ крестьянъ прежнимъ владѣльцамъ нужно признать скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. И вполнѣ понятно, что служилые люди въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ челобитныхъ настойчиво добивались отмѣны «урочныхъ лѣтъ», чтобы бѣглыхъ крестьянъ и людей «отдавати по помѣстнымъ ихъ дачамъ, и по писцовымъ книгамъ, и по выписямъ, кому хто крѣпокъ, а людей также отдавати по крепостямъ» [3]). Какъ извѣстно, въ концѣ 1640-хъ годовъ правительство вынуждено было, наконецъ, принять ихъ сторону и удовлетворить эти настойчивыя требованія.

Небольшое количество разсмотрѣнныхъ поступныхъ первой пол. XVII в., разбитыхъ еще, вдобавокъ, на три группы, конечно, не позволяетъ сдѣлать какіе-либо опредѣленные выводы. Тѣмъ не менѣе, вторая группа поступныхъ [4]) показываетъ, что поступныя на крестьянъ безъ земли слѣдуетъ разсматривать какъ акты, которые, наряду съ явной сдѣлкой, имѣютъ еще какую-то скрытую. Немногочисленная же третья группа [5]) даетъ намъ возможность прослѣдить эволюцію поступныхъ на крестьянъ въ теченіи всего XVII в. Развившіяся изъ раннихъ поступныхъ и сохранивъ ихъ основныя клаузулы, поступныя на крестьянъ второй пол. XVII в. значительно измѣнили и дополнили ихъ формуляръ, благодаря перемѣнѣ соціальныхъ условій и законодательства.

---

[1]) Ibid. т. III, № 66.

[2]) *М. А. Дьяконовъ*, Акты..., вып. II, № 62.

[3]) *П. П. Смирновъ*, «Чтен. въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Древн.» 1915, кн. III, с. 12—13. (Челобитныя дворянъ...).

[4]) *М. А. Дьяконовъ*, Акты..., вып. II, №№ 42, 44, 60, 65, 69, 71.

[5]) Ibid. вып. II, №№ 45, 47, 49, 56;—А. Ю., № 273.

Изъ 96-ти поступныхъ на крестьянъ безъ земли за пріемодержательство бѣглыхъ, относящихся ко времени послѣ Уложенія и находящихся въ моемъ распоряженіи—восемь актовъ не напечатаны и извлекаются, съ разрѣшенія А. С. Лаппо-Данилевскаго, изъ печатающагося собранія грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи, а одинадцать—извѣстны мнѣ не въ полномъ своемъ видѣ, а только въ извлеченіяхъ, помѣщенныхъ въ «Описаніяхъ Линевскаго Архива»; о содержаніи послѣднихъ можно догадываться, сопоставляя ихъ съ напечатанными полностью и пользуясь, гдѣ они позволяютъ, отрывочными свѣдѣніями, помѣщенными въ ихъ изложеніи.

Отмѣченные акты по времени относятся ко второй пол. XVII в.: 1658—1700 гг. По десятилѣтіямъ акты распредѣляются не равномѣрно: такъ къ 1650 гг. относятся 2 акта, къ 1660 гг.—7, къ 1670 гг. — 5, къ 1680 гг. — 15, къ 1690 гг. — 59 и къ 1700 г. — 8 актовъ. Увеличеніе поступныхъ въ 1690-хъ гг. врядъ-ли можно считать случайнымъ явленіемъ. Такое же увеличеніе замѣчается и въ поступныхъ другихъ видовъ, не разбираемыхъ въ этой статьѣ: въ поступныхъ-данныхъ, поступныхъ-купчихъ и, особенно, въ поступныхъ за долгъ. Такое преобладаніе поступныхъ въ 1690-хъ гг. объясняется тѣмъ, что существовавшая на практикѣ поступка была, наконецъ, узаконена указомъ 7 апрѣля 1690 г.: «всякій помѣщикъ и вотчинникъ въ помѣстьяхъ своихъ, и въ вотчинахъ, и во крестьянехъ поступиться, и сдать, и промѣнить воленъ» [1]).

По своему географическому распредѣленію—по мѣсту канцеляріи—большинство разбираемыхъ поступныхъ (78 изъ 96-ти) относится къ Замосковнымъ городамъ: 41 актъ написаны въ Москвѣ, 17—въ Костромѣ, 8—въ Вологдѣ, 2—въ Нижнемъ Новгородѣ, 3—въ Арзамасѣ, 3—въ Серпуховѣ и по одному акту написано въ Рязани, Бѣжецкѣ, Муромѣ, Коломнѣ. Девять актовъ написаны въ Понизовыхъ городахъ, преимущественно въ западныхъ, тянувшихъ къ Москвѣ: 5—въ Казани, 2—въ Симбирскѣ, 2—въ Алаторѣ, одинъ—въ Пензѣ. Пять актовъ написаны въ городахъ Южной Украины, преимущественно, соприкасавшихся съ Замосковными городами:—въ Темниковѣ, Ельцѣ, Болховѣ, Сѣвскѣ и Брянскѣ. Мѣсто написанія четырехъ актовъ неизвѣстно, такъ какъ они писаны не площадными подьячими, а самими поступщиками; но изъ сопоставленія ихъ съ другими актами и изъ разсмотрѣнія мѣстожительства поступаемаго крестьянина видно, что и эти четыре акта относятся также къ Замосковнымъ городамъ. Обращаетъ на себя вниманіе полное отсутствіе псковскихъ, новгородскихъ и сѣверныхъ поступныхъ. Такимъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 1370.

образомъ изъ 96-ти актовъ—82 относятся къ Замосковнымъ городамъ, 9—къ Понизовымъ и 5—къ городамъ Южной Украины. Географическое разсмотрѣніе актовъ позволяетъ сдѣлать выводъ, что поступныя на крестьянъ своимъ происхожденіемъ обязаны соціально-экономическимъ условіямъ, существовавшимъ въ Замосковныхъ городахъ. Небольшое количество (14) поступныхъ, написанныхъ не въ Замосковныхъ городахъ, какъ указано выше, не противорѣчитъ этому выводу, а только подтверждаетъ его.

Писцами разбираемыхъ актовъ, какъ и большинства частныхъ актовъ второй пол. XVII в., были площадные подьячіе. 74 поступныхъ изъ 96-ти писаны площадными подьячими Москвы и провинціальныхъ городовъ. Съ 1700 г. въ Москвѣ поступныя пишутъ «подьячіе помѣстнаго приказу» (3 акта), а въ провинціи—подьячіе приказныхъ избъ (4 акта). Соціальнымъ положеніемъ писцовъ большинства актовъ объясняется сравнительно устойчивый формуляръ акта, что̀ особенно ясно видно при сравненіи немногочисленныхъ поступныхъ, написанныхъ не на площади; изъ послѣднихъ два написаны «человѣкомъ» поступщика, одинъ—его братомъ, а четыре—самимъ поступщикомъ. О писцахъ же восьми актовъ сказать ничего нельзя, такъ какъ акты или дефектны, или приведены въ изложеніи безъ указанія канцеляріи.

Коснувшись писцовъ разбираемой группы поступныхъ, слѣдуетъ отмѣтить и названіе актовъ этой группы, данное самими писцами. Изъ 96-ти поступныхъ названіе трехъ актовъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ они приведены въ изложеніи. Изъ оставшихся 93-хъ актовъ семь актовъ я выдѣляю въ особую группу, о которой скажу ниже, такъ какъ они написаны не площадными подьячими. Въ 86-ти актахъ, написанныхъ площадными подьячими встрѣчаются слѣдующія названія: «запись» (81), «поступная» или «поступная запись» (39), «поступоч(ш)ная запись» (5), «сдѣлоч(ш)ная запись» (3), «сдѣлочная-поступная» (2) и «крѣпость» (1). Въ клаузулѣ канцеляріи («А запись писалъ такой-то») площадные подьячіе чаще всего называютъ разбираемый актъ «записью» (78 изъ 86-ти актовъ). Въ шести случаяхъ писцы назвали въ этой клаузулѣ актъ «поступной записью» (три изъ нихъ писаны въ Арзамасѣ, 1—въ Серпуховѣ, 1—въ Коломнѣ, 1—въ Костромѣ, и въ одномъ случаѣ арзамасскимъ подьячимъ актъ названъ «сдѣлочной поступной записью».

Изъ различныхъ сопоставленій названій разбираемыхъ поступныхъ можно, пожалуй, сдѣлать выводъ, что «записью» называютъ себя чаще всего акты, писанные въ Москвѣ [1]); въ актахъ же, пи-

[1]) *С. Шумаковъ*, Сотницы.., в. I, с. 205—207; в. III, с. 140—142; в. V,

санныхъ въ различныхъ провинціальныхъ канцеляріяхъ чаще прибавляютъ къ «записи» еще опредѣленіе «поступная» или «сдѣлочная» [1]). Всѣ арзамасскія записи называютъ себя «поступными записями» [2]); «поступочной записью» называютъ себя нѣкоторые костромскіе и вологодскіе акты [3]); «сдѣлочной» называютъ себя акты: арзамасскій, костромской, казанскіе и вологодскіе [4]). Что же касается актовъ, писанныхъ не площадными подьячими, то, какъ и слѣдуетъ ожидать, ихъ, такъ сказать, «домашнее» происхожденіе отразилось и на ихъ названіяхъ: два называютъ себя «памятью», три — «письмомъ», въ пяти встрѣчается названіе «поступная», «поступное письмо», «поступная память» [5]).

Изъ общаго количества 96-ти поступныхъ даннаго вида 11 актовъ приходится откинуть при клаузальномъ разборѣ, какъ извѣстныхъ мнѣ только въ извлеченіи [6]), а 6 актовъ я оставляю пока безъ разсмотрѣнія, такъ какъ они являются актами, заключенными домашнимъ порядкомъ, отличающимися отъ обычнаго формуляра площадной поступной [7]). Такимъ образомъ къ клаузальному разбору привлекается мною 79 поступныхъ.

с. 47—49, 93—96; в. VI, с. 84, 86—87,89—90, 92—93; — «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», вып. V, № 36; — *Преображенскій* и *Альбицкій*, Описаніе Долмат. архива, №№ 164, 165;—Архивъ с. Зиновьева, № XXV, с. 11 и др.

[1]) Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5; № XXI, с. 9;—Костромск. Старина, в. VI, с. 199;—«Дѣйств. Нижегор. уч. арх. ком. Сборникъ», т. V, отд. III, № 4;— *Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... рода Люткиныхъ, № 37;—«Извѣст. Общ-ва Истор., Археол. и Этногр. при Казан. ун—тѣ», т. XI, в. 1, с. 15—17;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222; в. III, с. 139—140; в. IV, с. 27—92; вып. VI, с. 84—85 и др.

[2]) «Труды Саратовск. уч. арх. ком.», в. 22, с. 154—156;—Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанскаго Дворца, в. I, с. 186, 189—190;—Описаніе Линевскаго архива, в. III, № 16.

[3]) Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5—6; № XXII, с. 9—10;—*С. Шумаковъ*. Сотницы, в. I, с. 220—222;—Грамоты Кол. Экономіи по Волог. у. № 3277/706;— Архивъ с. Корнилова, № 38, с. 25.

[4]) Описаніе Линевск. архива, вып. III, № 16;—«Извѣстія Общ-ва Истор., Археол. и Этногр. при Казанск. ун—тѣ», т. XI, в. I, с. 15—17, 19—21;—Грам. Кол. Экон. по Волог. у. № 3291/720;—Архивъ с. Корнилова, № 6, с. 39.

[5]) *Побѣдоносцевъ*, Историко-юридич. акты, отд. IV, с. 273—274;—Архивъ с. Зиновьева, № II, с. 13; — «Лѣтопись занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 19, 71;— *С. Шумаковъ*, Сотницы, вып. VI, с. 90—91, 93—94.

[6]) *Преображенскій* и *Альбицкій*, Описаніе Долмат. архива, №№ 163, 164, 165, 761;—Костромск. Стар., в. VI, с. 204;—Описаніе Линевскаго Архива, в. II, № 87, 92; в. III, №№ 16—18;—*М. Семевскій*, Истор.-юрид. акты XVI—XVII вв., № 86.

[7]) *К. Побѣдоносцевъ*, Истор.-юрид. акты, отд. IV, с. 273; — «Лѣтоп.

Первая основная клаузула разбираемаго вида поступныхъ, имѣющаяся во всѣхъ 79 актахъ, написанныхъ не домашнимъ способомъ, а площадными подьячими, вмѣстѣ съ тѣмъ является и *основной* въ юридическомъ отношенiи, такъ какъ указываетъ на сущность той сдѣлки, которая заключается въ актѣ. Клаузулу эту можно назвать *клаузулой поступки даннымъ объектомъ.* По своему составу эта клаузула можетъ быть названа сложной и должна разсматриваться не въ своей совокупности, а разбитой на составляющiе ее элементы, такъ какъ клаузула говоритъ не только о самой сдѣлкѣ, но и о тѣхъ условiяхъ, которыя привели къ ея совершенiю. Такимъ образомъ, разсматривая первую клаузулу, какъ клаузулу сложную, мы можемъ разбить ее на слѣдующiе составляющiе ее элементы: а) начальный протоколъ; б) указанiе на право иска второго контрагента (Б) за прiемо-держательство первымъ контрагентомъ (А—отъ лица котораго пишется актъ) бѣглыхъ Б; в) установленiе факта бѣгства крестьянина отъ Б; г) установленiе факта проживанiя бѣглыхъ Б за А; д) установленiе факта бѣгства крестьянъ отъ А; е) самая поступка А своими крестьянами Б безъ земли за прiемо-держательство его бѣглыхъ и за дополнительныя статьи: наддаточные крестьяне, пожилыя деньги и т. п.; ж) указанiе на происхожденiе поступаемаго крестьянина; з) указанiе на инвентарь поступаемыхъ крестьянъ; и) установленiе права Б на вѣчное владѣнiе поступленнымъ ему крестьяниномъ. Вотъ изъ какихъ элементовъ составляется первая основная клаузула.

А. *Начальный протоколъ первой клаузулы* даетъ свѣдѣнiя о обоихъ контрагентахъ, часто о годѣ, когда была дана запись и, въ большинствѣ актовъ, написанныхъ въ провинцiальныхъ канцелярiяхъ, о мѣстѣ, гдѣ была дана поступная: *Се азъ А* (такой-то) [отмѣчается иногда его соцiальное положенiе] *въ нынѣшнемъ* (такомъ-то) *году,* (такого-то) *мѣсяца въ* (такой-то) *день далъ есми на себя сiю запись* [въ (такомъ-то) городѣ] Б (такому-то) [отмѣчается иногда и соцiальное положенiе Б] *въ томъ*:» [1]). Такая словесная формулировка протокольной части первой основной клаузулы имѣется въ 77 поступныхъ, и только въ двухъ актахъ она немного видоизмѣнена: «Се азъ А въ нынѣшнемъ . . . году, мѣсяца

занят. Археогр. Ком.» в. V, №№ 19, 71;—А. Ю. Б., т. III, с. 17—18;—*С. Шумаковъ,* Сотницы, в. VI, с. 90, 93.

[1]) Матер. ист. и юрид... приказа Казанск. дворца, в. I, с. 186, 189—190; в. VI, № 74;—*С. Шумаковъ,* Сотницы, в. I, с. 205; в. III, с. 140; в. VI, с. 84;—Архивъ с. Корнилова, № 38, с. 24—25; — «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 36 и др.

въ ... день, *поговоря межъ себя полюбовно* съ Б, [поступился...] далъ сію на себя запись ему Б въ томъ:» [1]).

Такъ какъ протоколъ первой основной клаузулы указываетъ на контрагентовъ, то слѣдуетъ отмѣтить и ихъ соціальное положеніе. Поступка крестьянами происходитъ, преимущественно, между свѣтскими лицами. Изъ 96-ти случаевъ—82 акта заключены между свѣтскими лицами, причемъ во всѣхъ 96-ти актахъ поступаются своими крестьянами *лица свѣтскія*; 14-же актовъ заключены свѣтскими лицами съ духовными учрежденіями: такъ въ 9-ти случаяхъ поступаются своими крестьянами въ домовую казну архіеп. вологодскаго и бѣлозерскаго и митр. ростовскаго [2]); въ пяти актахъ—поступаются монастырямъ: три—Казанскому Кизичскому м—рю [3]) и по одному—Спасо-Прилуцкому и Саввино-Сторожевскому м—рямъ [4]).

Соціальное положеніе лицъ, поступавшихся своими крестьянами опредѣлить довольно легко. Въ 30 случаяхъ акты сами отмѣчаютъ ихъ соціальное положеніе: «арзамасецъ», «галичанинъ», «свіяжанинъ», «полуголова московскихъ стрѣльцовъ», «служилые люди», «костромитинъ рейтарскаго строя», «темниковцы — служилые татаре» «подьячій Патріаршаго приказу», «боярскій сынъ», «Преображенскаго полку солдатъ» и т. п. [5]). Изъ этихъ опредѣленій видно, что лица, поступавшіяся своими крестьянами, принадлежали къ служилымъ людямъ—средней статьи. Во многихъ актахъ (49), въ которыхъ соціальное положеніе поступщика не отмѣчено, указанія на то, что поступаются своими крестьянами изъ помѣстья [6]) позволяютъ опять-таки владѣльцевъ крестьянъ отнести къ тому же служилому сословію. И только въ 17-ти случаяхъ акты не даютъ возможности опредѣлить принадлежность поступщика къ какому-либо сословію.

---

[1]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 27—29;—Архивъ с. Корнилова, № 6, с. 39.

[2]) Грам. Кол. Экон. по Волог. у. №№ 2835/264, 2873/302, 2936/365, 3028/457, 3116/545, 3229/658; — *С. Шумаковъ*, Сотницы, вып. I, с. 206—207.

[3]) «Извѣстія Общ-ва Ист., Археол. и Этногр. при Казанск. ун—тѣ», т. XI, в. I, с. 15—17, 18—19, 19—21.

[4]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222; вып. V, с. 47—49.

[5]) «Труды Сарат. уч. арх. ком.», 1902, в. 22, с. 154—156; — Грам. Кол. Экон. по Волог. у. №№ 2936/365, 2873/802; — «Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком. Сборникъ», т. V, отд. III, № 4;—Матеріалы истор. и юрид.... приказа Казанск. дворца в. I, с. 186;—Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5—6; — «Извѣст. Тамб. уч. арх. ком.», 1890, в. XXIX, с. 55—57; — *Преображенскій* и *Альбицкій*, Опис. Долмат. архива, № 164;—Опис. Линевск. архива, в. III, № 17.

[6]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205—206; в. VI, с. 87—88; — Костр. Старина, в. VI, с. 199, 204;—Архивъ с. Корнилова, № 38, с. 24—25;—Описан. Линевск. арх., в. III, № 18 и др.

Разбираемые акты въ значительномъ большинствѣ случаевъ позволяютъ опредѣлить соціальное положеніе и тѣхъ лицъ (*Б*), которымъ поступаются крестьянами: въ 14 актахъ, какъ отмѣчено выше, поступаются духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ; въ 42-хъ—служилымъ людямъ, положеніе которыхъ опредѣляется въ самомъ актѣ; въ 11-ти актахъ видно только, что поступаются лицамъ въ ихъ помѣстье; въ остальныхъ же случаяхъ соціальное положеніе опредѣлить не удалось. Любопытно отмѣтить, что среди лицъ (*Б*), которымъ поступаются крестьянами и соціальное положеніе которыхъ отмѣчается въ актѣ, довольно часто (26 изъ 42-хъ) встрѣчаются люди, занимающіе крупное положеніе въ обществѣ: стольники, дьяки, бояре [1]); между тѣмъ среди лицъ (*А*), поступавшихся крестьянами, люди съ крупнымъ соціальнымъ положеніемъ очень рѣдки.

Б. Второй элементъ первой клаузулы указываетъ на *право иска* Б къ А. Этотъ элементъ имѣется въ 39-ти изъ 79 разбираемыхъ поступныхъ и имѣетъ нѣсколько формулировокъ. Первая, встрѣчающаяся въ 20-ти актахъ, такова: (далъ запись въ томъ:) «*что въ нынѣшнемъ* (такомъ-то) *году искати было ему Б* [иногда отмѣчается то присутственное мѣсто, гдѣ надо начать искъ] *на мнѣ А былаго стариннаго своего и крѣпостного крестьянина* (такого-то) (или другое опредѣленіе объекта) [въ большинствѣ случаевъ указывается уѣздъ и деревня, откуда бѣжалъ крестьянинъ] *съ женою, и съ дѣтьми, и съ ихъ крестьянскими животы*» [иногда прибавляется оцѣнка «животовъ»] [2]). Въ трехъ актахъ имѣется другая, довольно близкая, формулировка: «*въ нынѣшнемъ во* (такомъ-то) *году хотѣлъ онъ Б* [что бить было челомъ ему Б] *бити челомъ великимъ государемъ на мнѣ А о былыхъ своихъ крестьянехъ о* (такихъ-то), *и о женахъ ихъ, и о дѣтяхъ, и о ихъ крестьянскихъ животахъ, и о зажилыхъ деньгахъ, и о наддаточныхъ крестьянехъ, и объ отвозныхъ подводахъ*» [3]). Въ 16-ти актахъ въ той или другой формулировкѣ второй элементъ о предполагаемомъ искѣ поставленъ въ другое мѣсто, послѣ 5-го элемента, устанавливающаго

---

[1]) «Лѣтопись занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 13, 19, 36, 68, 71, 86;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 138, 139, 140; в. IV, с. 14, 30; в. VI, с. 84, 84—85, 85, 86, 87;—Архивъ с. Зиновьева, № XVI, с. 6;—«Труды Рязанск. уч. арх. ком.», т. XVII, в. 3, с. 185;—Розыскн. дѣла о Ѳед. Шакловитомъ, т. III, с. 890 и др.

[2]) Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанск. дворца, в. VI, № 74;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 154;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205;—А. Ю. Б., т. III, с. 20;—«Извѣст. Общ-ва Ист., Археол. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 19 и др.

[3]) «Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 26, отд. I, с. 11;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 30; в. VI, с. 89.

фактъ бѣгства принятаго крестьянина отъ А. и непосредственно связанъ съ 6-мъ элементомъ поступной: «*и онъ Б о томъ своемъ быломъ крестьянинѣ* (такомъ-то), *и о женѣ его, и о дѣтяхъ... хотѣлъ на меня А бить челомъ великимъ государемъ*», (и я А, не дожидаясь отъ него Б челобитья, поступился...) [1]).

Любопытно отмѣтить, что формулировка второго элемента: «искати было ему...» встрѣчается во всѣхъ актахъ, написанныхъ въ Алаторѣ, Арзамасѣ, Н.-Новгородѣ, Симбирскѣ и Пензѣ; тогда какъ въ актахъ, написанныхъ, преимущественно, въ Москвѣ, второй элементъ — о предполагаемомъ искѣ или стоитъ послѣ 5-го элемента, или совсѣмъ отсутствуетъ.

В. Третій элементъ первой клаузулы, устанавливающій *фактъ бѣгства крестьянина* отъ Б, имѣется въ 69-ти изъ 79 разбираемыхъ поступныхъ и встрѣчается въ двухъ формулировкахъ: полной и сокращенной. Полная формулировка, въ видѣ отдѣльной фразы, встрѣчается въ 43-хъ актахъ въ такомъ видѣ: (далъ запись въ томъ), «*что въ прошлыхъ годѣхъ бѣжалъ отъ него Б крестьянинъ его* (такой-то) [чаще прибавляется названіе уѣзда, волости и деревни, откуда бѣжалъ крестьянинъ] *съ женою, и съ дѣтьми, и съ животы*» [2]). Въ остальныхъ же актахъ эта распространенная фраза сжимается до одного слова: «*бѣгаючи изъ за него*», «*въ бѣгахъ*», «*бѣгая*» и помѣщается въ такомъ видѣ въ четвертомъ элементѣ [3]).

Г. Четвертый элементъ первой клаузулы устанавливаетъ *фактъ проживанія бывшаго одного контрагента Б за другимъ А*, отъ лица котораго и пишется актъ. Этотъ элементъ присутствуетъ въ 69 актахъ, рѣже въ видѣ отдѣльной фразы, чаще же слитый органически съ третьимъ и пятымъ элементами: «*а* [что] *бѣгаючи* [а въ бѣгахъ тѣ его Б крестьяне], *жилъ онъ* (такой-то) *съ женою, и съ дѣтьми, и съ своими крестьянскими животы* [во крестьянствѣ] *за* [у] *мною А* [иногда прибавляется уѣздъ, волость и деревня, въ которой жилъ принятый крестьянинъ]» [4]).

---

[1]) Архивъ с. Корнилова, № 38, с. 24—25;—*Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... рода Люткиныхъ, № 37;—Костр. Стар., в. VI, с. 199;—«Извѣст. Общ-ва Ист., Археол. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 15;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, вып. VI, с. 84—85, 87 и др.

[2]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 36, 44;—*Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... рода Люткиныхъ, № 37;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. VI, с. 84—Архивъ с. Зиновьева, № XXVI, с. 11 и др.

[3]) Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанскаго дворца, в. IV, с. 483; в. VI, с. 106;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 14, 27;—Архивъ с. Зиновьева, № XI, с. 4; № XXII, с. 10 и др.

[4]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205; в. IV, с. 26; в. VI, с. 85, 93;

Д. Пятый элементъ первой клаузулы, устанавливающій *фактъ бѣгства крестьянина отъ А*, принявшаго его, имѣется въ 59-ти актахъ въ двухъ видахъ: или слитый съ предшествующимъ элементомъ: «*и отъ меня* [поживъ] [въ прошлыхъ же годѣхъ] *они сбѣжали* [и пропали безвѣстно]» [1]), или же въ видѣ распространенной фразы, тоже, конечно, слитой съ предшествующимъ элементомъ: «*и живучи, тотъ его Б былый крестьянинъ* (такой-то)... *отъ меня А* [поживъ мало времени] *сбѣжалъ безвѣстно* [невѣдомо куды]» [2]). Въ пяти актахъ новое бѣгство принятыхъ крестьянъ не отмѣчается, хотя о нихъ говорится въ прошедшемъ времени, что они жили [3]). Въ восьми актахъ не говорится ни о вторичномъ бѣгствѣ, ни о пріемѣ крестьянъ, и все ограничивается вторымъ элементомъ:—«искати было...», отъ котораго имѣется непосредственный переходъ къ 6-му элементу: «и я, не дожидаясь челобитья...». Только въ одномъ актѣ Б взялъ изъ бѣговъ отъ А своего крестьянина [4]); да еще въ одномъ актѣ говорится, что принятый крестьянинъ «умре», живя за А [5]).

Всѣ эти элементы первой клаузулы, за исключеніемъ начальнаго протокола, какъ видно изъ изложенія—нарративнаго характера, т.-е. говорятъ о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали сдѣлку. Шестой же элементъ даетъ понятіе о самой совершающейся сдѣлкѣ.

Е. Этотъ *шестой элементъ*, наиболѣе распространенный по своему словесному выраженію, имѣется налицо въ 75-ти актахъ изъ разбираемыхъ 79-ти. Не имѣется онъ въ трехъ вологодскихъ актахъ, въ которыхъ поступка своими крестьянами совершается въ видѣ мѣны [6]), и въ одномъ звенигородскомъ актѣ, гдѣ поступка крестьянами является частью совершаемой сдѣлки [7]). Этотъ элементъ первой клаузулы во всѣхъ 75-ти актахъ формулированъ въ

—*Д. Корсаковъ,* Сборникъ актовъ... рода Люткиныхъ, № 37; Архивъ с. Зиновьева, № XXVI, с. 11 и др.

[1]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205—206, 220—222;—«Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 36, 68, 86;—Костр. Старина, в. VI, с. 199—200 и др.

[2]) «Дѣйств. Нижегор. уч. арх. ком. Сборникъ», т. VI, отд. III, с. 210;—*Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... рода Люткиныхъ, № 37;—«Извѣст. Тамб. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55 и др.

[3]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 13;—Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанскаго дворца, в. I, с. 188;—«Чтенія въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Др.» 1881, кн. III, с. 65.

[4]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. VI, с. 84.

[5]) Ibid. в. VI, с. 84—85.

[6]) Грам. Кол. Экон. по Волог. у. №№ 2835/264, 2873/302, 2936/365.

[7]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. V, с. 47—49.

очень устойчивомъ видѣ: «*И нынѣ я А, не дожидаясь отъ него Б вел. государю въ томъ его Б бѣгломъ крестьянинѣ, и о сносныхъ животахъ, и о пожилыхъ деньгахъ* [и о харчахъ и убыткахъ] *на себя челобитья*, [не ходя съ нимъ Б въ судъ] *поговоря съ нимъ Б промежъ себя полюбовно, въ тѣхъ его бѣглыхъ крестьянахъ помирились* [учинили сдѣлку, договорились, по полюбовному своему договору учинили сдѣлку: вмѣсто тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ поступился...] *поступился я А ему Б вмѣсто* [за] *тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ* (такихъ-то), *женъ ихъ, и дѣтей* [что жили за мною], *и ихъ крестьянскихъ животовъ* [сносныхъ животовъ], *и зажилыхъ денегъ* [пожилыхъ годовъ] [и наддаточныхъ крестьянъ и отвозныхъ подводъ] *стариныхъ своихъ крестьянъ* (или какой-либо другой соціальной группы) (такого-то) *уѣзда*, (такой-то) *волости, деревни* (такой-то) *съ женами, и дѣтьми, и со всѣми ихъ крестьянскими животы* [и хлѣбомъ] [вѣчно, впрокъ безповоротно]» [1]).

Ж. Очень рѣдко, въ качествѣ *седьмого элемента первой клаузулы*, встрѣчается *указаніе на происхожденіе поступаемаго крестьянина*, т.-е. указаніе на то, какимъ путемъ достался А его крестьянинъ. Въ подавляющемъ большинствѣ акты ограничиваются указаніемъ, что А поступается «помѣстнымъ», «вотчиннымъ», «стариннымъ крѣпостнымъ» крестьянами, или «полоннымъ человѣкомъ», «дворовыми людьми» и т. п. И только въ 9-ти поступныхъ имѣется указанный элементъ: поступился крестьянами, «*коихъ мнѣ А поступился* (такой-то) *вмѣсто моихъ бѣглыхъ крестьянъ*», «*которыхъ мнѣ поступился тесть мой въ приданое за дочерью своею*», «*приданаго своего человѣка*» [2]). Причемъ въ двухъ актахъ элементъ клаузулы о происхожденіи крестьянина выдѣленъ въ особую клаузулу, которую можно назвать *первою дополнительною:* въ костромскомъ актѣ 1691 г. — «а тотъ мой человѣкъ достался мнѣ А по раздѣльной записи брата моего (такого-то)»; въ вологодскомъ же актѣ 1672 г. происхожденіе крестьянина выражено болѣе подробно: въ ней разсказывается о житьѣ бѣглаго бобыля за прежнимъ владѣльцемъ, о переходѣ его по раздѣльной записи къ его снохѣ, о выходѣ ея замужъ за сына настоящаго владѣльца

---

[1]) Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанск. дворца, в. VI, с. 106;— *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 206—207, 220—222; в. IV, с. 34, 36—37; в. V, с. 93; в. VII, с. 27—28;—*Д. Корсаковъ*, Сборн. актовъ... рода Люткиныхъ, № 37;—«Извѣст. Общ-ва Ист., Археол. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 19—22 и др.

[2]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 206; в. IV, с. 36—37;—Костр. Старина, в. VI, с. 199—200, 200—202;—«Извѣстія Общ-ва Ист., Археол. и Этн. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. 1, с. 15—17, 18—19 и др.

и о переходѣ къ нему, послѣ ея смерти, ея прожиточнаго помѣстья [1]).

Отмѣтивши формуляръ шестого элемента первой клаузулы, слѣдуетъ обратить вниманіе и на объектъ, т.-е. на тѣхъ крестьянъ или людей, которыми поступаются ихъ владѣльцы. Преобладающее количество поступныхъ написано на *крестьянъ* (79 поступныхъ изъ 96-ти); сравнительно рѣдко (17—изъ 96-ти) поступаются «людьми». Слѣдуетъ отмѣтить, что въ разбираемыхъ поступныхъ почти всегда отмѣчается та соціальная группа, къ которой принадлежитъ поступаемый крестьянинъ; только въ 10-ти актахъ (причемъ 6-ть изъ нихъ извѣстны только въ изложеніи) отмѣчено, что поступаются «крестьянами» безъ дальнѣйшаго опредѣленія. Большинство поступаемыхъ крестьянъ принадлежитъ къ *помѣстнымъ*: «поступился вмѣсто тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ своихъ помѣстныхъ крестьянъ», «...старинныхъ крестьянъ своего помѣстья», «...помѣстныхъ крестьянъ съ земли», «...старинныхъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣстныя своея деревни», «...крѣпостныхъ помѣстныхъ крестьянъ» [2]). Если въ актѣ не упоминается какой крестьянинъ, то о принадлежности его къ помѣстнымъ можно судить или по его явкѣ, или по упоминанію о платѣ съ него государевыхъ податей, или по упоминанію о записи крестьянина въ переписныхъ и отказныхъ книгахъ [3]).

Такимъ образомъ изъ всѣхъ 96-ти разбираемыхъ актовъ—въ 74 поступныхъ поступаются помѣстными крестьянами безъ земли. *Вотчинными* же крестьянами поступаются очень рѣдко—всего въ 4-хъ случаяхъ [4]); въ одномъ случаѣ владѣлецъ поступается «купленнымъ крѣпостнымъ крестьяниномъ» [5]).

Сравнительно рѣдко (17 поступныхъ изъ 96-ти) поступаются

---

[1]) Архивъ с. Зиновьева, № XIX, с. 8;—Грам. Колл. Экон. по Волог. у. № 2873/302.

[2]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205; в. III, с. 139; в. V, с. 94;—Костр. Старина, в. VI, с. 204;—«Лѣтопись занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 19, 36;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 154;—*Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... Люткиныхъ, № 37;—Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанск. дворца, т. I, с. 192 и др.

[3]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 13;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 26, отд. I, с. 11—13;—«Чтенія въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Др.» 1881, кн. III, с. 65;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 138; в. VI, с. 87;—Костр. Старина, в. VI, с. 199 и др.

[4]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 140; в. IV, с. 14, 26; в. VI, с. 90.

[5]) «Извѣст. Общ. Ист., Археол. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 15—17.

«людьми»: «дворовыми», крѣпостными дворовыми», «задворными дѣловыми людьми», «полонными людьми» [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ 17 актахъ владѣльцы поступаются своими крестьянами, находящимися въ бѣгахъ [2]).

Принадлежность же къ той или другой соціальной группѣ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, за принятіе которыхъ поступаются своими крестьянами, менѣе опредѣляется изъ разбираемыхъ актовъ. Чаще всего просто указывается, что «въ прошлыхъ годѣхъ бѣжали отъ него Б крестьяне и, бѣгая, жили за мною А» или «искати было ему Б на мнѣ А бѣглыхъ своихъ крестьянъ» [3]); дальнѣйшее же опредѣленіе—къ какой группѣ принадлежатъ бѣглые, встрѣчается рѣдко. Но и здѣсь—въ 78-ми актахъ идетъ рѣчь о бѣглыхъ крестьянахъ; въ остальныхъ—говорится о бѣглыхъ «людяхъ».

Очень важно было бы для опредѣленія сдѣлки выяснить при характеристикѣ объекта соотвѣтствіе между числомъ поступаемыхъ и принятыхъ бѣглыхъ крестьянъ. Но выяснить этотъ вопросъ очень затруднительно, благодаря неодинаковой формулировкѣ акта. Въ иныхъ актахъ говорится глухо: «поступился крестьянами (такими-то) съ женами, и дѣтьми, и внучаты, и съ племянниками, и съ племянницами, и со всѣми ихъ крестьянскими животы» или «...со всѣми его братьями и сестрами», такъ что не извѣстно не только сколькими поступаются людьми, но даже не выяснено—сколькими поступаются семействами [4]). Въ другихъ же актахъ счетъ идетъ о количествѣ семействъ; въ третьихъ, наконецъ, говорится о количествѣ поступаемыхъ крестьянъ [5]).

Это разнообразіе, конечно, мѣшаетъ сдѣлать какіе-либо точные выводы о соотвѣтствіи поступаемыхъ и принятыхъ крестьянъ и сопоставить эти выводы съ законодательствомъ второй пол. XVII в., ко-

---

[1]) А. Ю. Б., т. III, с. 20;—Матер. истор. и юрид... приказа Казанск. дворца, в. I, с. 188;—«Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 71, 86;—Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5—6; № XXIII, с. 10; №XXVI, с. 11;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. VI, с. 92, 93—94 и др.

[2]) «Труды Саратовск. уч. арх. ком.», в. 26, отд. I, с. 11;—«Извѣст. Общ. Ист., Археол. и Этногр. при Каз. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 15;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 140;—Архивъ с. Корнилова, № 38, с. 24—25 и др.

[3]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205; в. VI, с. 87;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 26, отд. I, с. 11;—Матер. истор. и юрид... приказа Казанск. дворца, в. I, с. 188.

[4]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 19;—«Извѣст. Общ. Ист., Археол. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 19;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 160;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 140; в. VI, с. 85;—«Костр. Стар.», в. VI, с. 199.

[5]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205; вып. III, с. 139; в. IV, с. 30;—«Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 36 и др.

торое, какъ извѣстно, устанавливало неоднократно штрафъ за пріемъ бѣглыхъ—въ видѣ ли «наддаточныхъ» крестьянъ, или въ видѣ уплаты денегъ за «пожилые годы» [1]).

Мѣшаетъ установить какое-либо соотвѣтствіе и то обстоятельство, что поступаются крестьянами не только за принятіе бѣглыхъ, но и за ихъ «сносные животы», и за «пожилыя деньги», и за «пріемныя и зажилыя деньги», и за «убытки», и за «отвозныя подводы» и т. п. [2]). Кромѣ того въ актахъ указывается крайне рѣдко—сколько времени жилъ принятый крестьянинъ, что тоже препятствуетъ выясненію—за сколько же годовъ даются «пожилыя деньги»; въ актахъ или говорится, что «въ бѣгахъ тѣ его Б крестьяне... жили за мною А и отъ меня сбѣжали безвѣстно» [3]), или же очень рѣдко: «въ прошлыхъ годѣхъ бѣжалъ отъ него Б крестьянинъ его... и, бѣгая, пожилъ за мною А *малое время* и отъ меня бѣжалъ» [4]).

Во всякомъ случаѣ, даже безъ точнаго подсчета можно отмѣтить, что соотвѣтствія между разбираемыми актами и законодательствомъ не имѣется. Прежде всего, въ Уложеніи и въ новоуказныхъ статьяхъ говорится о возвратѣ принятыхъ бѣглыхъ крестьянъ; тогда какъ только въ одномъ актѣ, въ противоположность поступнымъ первой пол. XVII в., говорится о возвращеніи принятыхъ крестьянъ; въ подавляющемъ же большинствѣ отмѣчается, что принятые крестьяне «отъ меня сбѣжали безвѣстно». Другое же несоотвѣтствіе между актами и законодательствомъ состоитъ въ томъ, что поступаются или меньшимъ количествомъ крестьянъ, чѣмъ требовалось по закону—напр., за одного принятаго крестьянина поступаются однимъ же [5]), или же, наоборотъ, поступаются значительно бо̀льшимъ количествомъ крестьянъ, чѣмъ это требовалось по закону [6]).

3. Глухое указаніе шестого элемента: «со крестьянскими жи-

---

[1]) Уложеніе, гл. XI, ст. 10, 21;—Указы 1661, 1664, 1681, 1682, 1683, 1698 гг.

[2]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 13; «Извѣстія Общ-ва Ист., Арх. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 15 и др.

[3]) *Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... рода Люткиныхъ. № 37;—«Извѣст. Тамб. учен. арх. ком.», в. 29, с. 55—57 и др.

[4]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 31 и др.

[5]) *К. Побѣдоносцевъ*, Истор.-юрид. акты, отд. IV, с. 273;—Костромск. Стар., в. VI, с. 204;—«Дѣйств. Нижег. уч. арх. ком. Сборникъ», т. VI, отд. III, с. 210;—Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5; № XXV, с. 11;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 36 и др.

[6]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 19, 44;—«Извѣст. Общ-ва Истор., Археол. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 19;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 138; в. IV, с. 30 и др.

воты» въ 31 актѣ болѣе развито, причемъ въ 24-хъ актахъ «крестьянскіе животы» являются въ видѣ *восьмого элемента первой клаузулы*, а въ семи актахъ они выдѣлены даже въ особую клаузулу, которую можно назвать *второй дополнительной клаузулой*. Формулировка элемента, говорящаго о «крестьянскихъ животахъ» такова: поступился... съ крестьянскими животы «*и съ хлѣбомъ стоячимъ, и съ молоченымъ, и съ землянымъ* [что у тѣхъ крестьянъ посѣенъ въ земли къ нынѣшнему году], [что у него (такого-то) есть его крестьянскихъ животовъ, платья и хлѣба молоченаго и всякой скотины], [со всякимъ ихъ крестьянскимъ пашеннымъ заводомъ], [что у нихъ какова живота есть]» [1]). Формулировка восьмого элемента въ видѣ отдѣльной дополнительной клаузулы встрѣчается рѣдко и по своему словесному выраженію отличается очень немногимъ: «*А тѣ мои вышеписанные крестьяне, съ женами, и съ дѣтьми, и со всѣми ихъ крестьянскими животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ, и съ землянымъ, и со всякимъ дворовымъ* [харомнымъ и гуменнымъ] *строеніемъ* [и съ овиномъ и съ мякинницею], *и съ лошедми, и съ коровы, и со всякою рогатою и нерогатою животиною* [и птицею] [и со всѣмъ заводомъ]» [2]). Любопытно, что въ одномъ актѣ 1700 г. въ разбираемой клаузулѣ перечисленъ только крестьянскій инвентарь: лошади, коровы, птица, хлѣбъ, но не сказано ничего о «хоромномъ и дворовомъ строеніи». Составители акта сочли, однако, нужнымъ послѣ клаузулы отказа отъ поступленныхъ крестьянъ вставить въ видѣ отдѣльной клаузулы: «А хоромное и дворовое строеніе тѣхъ моихъ поступныхъ крестьянъ мнѣ А изъ деревень своихъ отдать ему Б» [3]).

И. Также рѣдко въ видѣ отдѣльнаго, *девятаго элемента первой клаузулы* (въ 16-ти поступныхъ), а еще рѣже въ видѣ отдѣльной клаузулы (въ 7-ми поступныхъ), которую можно назвать *третьей дополнительной клаузулой*, встрѣчается установленіе права Б на вѣчное владѣніе поступленнымъ крестьяниномъ: поступился «*вѣчно*» [въ прокъ вѣчно], или «*впредь безповоротно*» [въ вѣкъ безповоротно, въ прокъ безповоротно] [4]).

---

[1]) Матеріалы истор. и юридич... приказа Казанск. дворца, в. I, с. 189; в. VI, с. 106;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 154;—«Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 13;—С. *Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222; в. V, с. 94—95; в. VI, с. 85—86 и др.

[2]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 36;—С. *Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 138—139, 140—142; в. IV, с. 27—28, 30—31.

[3]) С. *Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 140—142.

[4]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 36;—«Извѣст. Тамб. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55—57;—С. *Шумаковъ*, Сотницы, в. V, с. 94—95;—Архивъ С. Зиновьева, № XXII, с. 9—10 и др.

Въ видѣ третьей дополнительной клаузулы этотъ элементъ имѣется, какъ отмѣчено, только въ семи поступныхъ: «*А владѣть ему Б тѣми моими вышеписанными поступными крестьянами съ женами, и съ дѣтьми, и съ крестьянскими животы* [съ сего числа] *впредь по сей поступкѣ вѣчно и безповоротно по сей моей записи*» [1]). Въ серпуховскомъ актѣ 1699 г. эта клаузула формулирована нѣсколько иначе: «*И по сей поступной записи вольно ему Б съ женою и съ дѣтьми тѣмъ моимъ поступнымъ крестьяниномъ... владѣть вѣчно, и продать, и заложить, и во всякія крѣпости укрѣпить*» [2]).

Какъ отмѣчено выше, (стр. 284) въ 17 актахъ А поступается Б крестьянами, находящимися въ бѣгахъ; обыкновенно, это обстоятельство отмѣчается въ шестомъ элементѣ первой основной клаузулы: поступился... ему... своими крестьянами... «*въ бѣгахъ*». Поступка крестьянами, находящимися въ бѣгахъ, вызывала, естественно, два дополнительныхъ условія: 1) кто и на чьи деньги будетъ сыскивать изъ бѣговъ поступленныхъ крестьянъ и 2) кто будетъ имѣть право бить вел. государю за пожилые годы, если крестьяне найдутся Въ 11-ти изъ 17-ти разбираемыхъ поступныхъ первое условіе и выражено отдѣльной—*четвертой дополнительной клаузулой*: «*А тотъ мой поступной крестьянинъ* (такой-то) *нынѣ въ бѣгахъ, и изъ бѣговъ того вышеписаннаго поступного крестьянина сыскивать* [имать, ссягать] *ему Б самому* [по моей крѣпости, своими харчами] [и сыскавъ, взять изъ бѣговъ себѣ своими харчами по моимъ А крѣпостямъ]» [3]). Условіе о взысканіи пожилыхъ денегъ выражено въ трехъ актахъ тоже въ видѣ отдѣльной — *пятой дополнительной клаузулы*: «*А гдѣ онъ Б тѣхъ моихъ бѣглыхъ крестьянъ сыщетъ* [освѣдомитъ], *и ему Б о* [пріемныхъ] *зажилыхъ деньгахъ, въ сносныхъ ихъ животахъ вел. государямъ вольно бить челомъ* [по моимъ крѣпостямъ], [потому что я А поступился ему Б тѣхъ крестьянъ]» [4]). Въ пяти актахъ разобранныя четвертая и пятая дополнительная клаузула слиты въ одну: «*А тѣ крестьяне съ женами и дѣтьми въ бѣгахъ, и сыскивати изъ бѣговъ тѣхъ моихъ поступочныхъ*

---

[1]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 160;—Архивъ с. Зиновьева, № XXVI, с. 11—12;—Архивъ с. Корнилова, № 38, с. 24—25; № 6, с. 39.

[2]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. VI, с. 84—85.

[3]) «Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 26, отд. I, с. 11—13;—Архивъ с. Зиновьева, № XI, с. 4;—«Извѣстія Тамб. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55—57 и др.

[4]) Архивъ с. Зиновьева, № XI, с. 4; — *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 14;—«Извѣстія Общ—ва Ист., Археол. и Этногр. при Казанск. ун—тѣ», т. XI, в. I, с. 15—17.

крестьянъ ему Б собою и о пожилыхъ деньгахъ на тѣхъ людей, у кого тѣ мои крестьяне въ бѣгахъ, жили великимъ государямъ бить челомъ и искать ему же» [1]). Чтобы не возвращаться больше къ поступнымъ, въ которыхъ поступаются крестьянами въ бѣгахъ, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣсколько единичныхъ или побочныхъ клаузулъ, вызванными какими-нибудь индивидуальными случайными обстоятельствами. Такъ въ костромскомъ актѣ около 1685 г. къ отмѣченнымъ выше четвертой и пятой дополнительнымъ клаузуламъ прибавлена побочная клаузула о времени бѣгства крестьянъ отъ А: «*А тѣ мои крестьяне отъ меня А бѣжали въ* (такомъ-то) *году*» [2]). Въ московскомъ актѣ 1693 г. А поступается своими холостыми помѣстными крестьянами въ бѣгахъ и прибавляетъ клаузулу: «*А будетъ въ бѣгахъ женилися, взять ему Б съ женами, и съ дѣтьми, и съ крестьянскими животы*» [3]). Наконецъ, темниковскій актъ 1691 г. прибавляетъ двѣ клаузулы, встрѣчающіяся только въ немъ: въ одной А ограждаетъ себя отъ будущихъ притязаній Б, если Б «въ бѣгахъ не сыщетъ и не возьметъ» поступленныхъ ему крестьянъ: «*А будетъ онъ Б того моего поступленнаго крестьянина въ бѣгахъ не сыщетъ и не возьметъ, и ему Б, и женѣ его, и дѣтямъ на мнѣ А, и на женѣ моей, и на дѣтяхъ моихъ по сей записи иного крестьянина не спрашивать, и о томъ вел. государямъ не бить челомъ никоими дѣлы*» [4]). Въ другой же клаузулѣ этого акта оговаривается право Б записать поступленнаго крестьянина въ писцовыя книги: «*А какъ будутъ впредь въ Темниковѣ писцы и мѣрщики, и ему Б того моего по-*

---

[1]) «Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 160—161; — *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222; в. III, с. 138—139; в. VII, с. 28; — Архивъ с. Корнилова № 38, с. 25.

[2]) Архивъ с. Зиновьева, № XI, с. 4.

[3]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. V, с. 95—96.

[4]) Эта побочная клаузула иногда могла развиваться даже въ самостоятельный актъ. Такъ напр., въ «Матеріалахъ истор. и юрид... приказа Казанск. Дворца» в. I, с. 236—237 напечатана «запись» 1688 г. синбирянина Дан. Ив. сына Неклюдова, писанная въ Симбирскѣ площаднымъ подьячимъ, которая по своему содержанію является развитіемъ указанной клаузулы. «Запись» написана отъ лица, получающаго поступленныхъ крестьянъ (Б) и содержитъ пять клаузулъ: первая составлена изъ начальнаго протокола и указанія на поступку крестьянами, находящимися въ бѣгахъ; во второй Б обязуется искать этихъ крестьянъ «своими харчи»; третья—самая важная—содержитъ обязательство Б «не бить челомъ на А и его не убытчить», если онъ (Б) «по той записи крестьянъ изъ бѣговъ не возьметъ»; четвертая клаузула заключаетъ неустойку (200 р.) въ случаѣ нарушенія послѣдняго обязательства; пятая—даетъ имена послуховъ.

ступного крестьянина въ писцовыя книги и во всякія крѣпости за собою написать» [1]).

Въ связи съ первой основной клаузулой стоитъ и условіе о времени передачи поступленнаго крестьянина новому владѣльцу *(Б)*. По всей вѣроятности, передача крестьянина происходила одновременно съ составленіемъ акта, такъ какъ въ 68-ми поступныхъ объ этомъ ничего не говорится. Только въ двухъ вологодскихъ актахъ 1695 г. и 1700 г. въ качествѣ случайнаго элемента первой основной клаузулы отмѣчено: «и тое поступочную крестьянку язъ А ему Б у сей записи отдалъ» [2]). Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда, по какимъ-либо причинамъ, поступленный крестьянинъ оставался временно у прежняго своего владѣльца, въ актѣ появлялась *шестая дополнительная клаузула* — о срокѣ отдачи крестьянина. Клаузула эта встрѣчается всего въ 11-ти актахъ въ довольно устойчивой формулировкѣ: «*А отдать мнѣ А ему Б того своего вышеписаннаго крестьянина съ женою, и съ дѣтьми, и съ ихъ крестьянскими животы, что у него есть, въ* (такомъ-то) *городѣ* [или кому онъ Б велитъ того крестьянина принять], *на срокъ, на* (такой-то) *день* (такого-то) *мѣсяца* (такого-то) *нынѣшняго года*» [3]). Шестая дополнительная клаузула объ отдачѣ на срокъ могла влечь за собою и побочную-индивидуальную клаузулу о полученіи отъ новаго владѣльца *(Б)* отписи въ пріемѣ поступленнаго крестьянина. По крайней мѣрѣ, въ одномъ симбирскомъ актѣ 1690 г. имѣется такая побочная клаузула: «*А какъ на срокъ ему Б того человѣка отдамъ, и о пріемѣ того человѣка взять мнѣ А у него Б отпись*» [4]).

---

[1]) «Извѣст. Тамбовск. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55—57.

[2]) Грам. Кол. Экон. по Волог. у. №№ 3116/545, 3291/720.

[3]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 13, 68;— Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5—6; № XXV, с. 11; — Матер. истор. и юрид ... приказа Казанскаго Дворца, в. I, с. 188—189, 189—190;—Костромск. Стар., в. VI, с. 199, 200—202;— *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 27—29; в. VII, с. 33.—Эта дополнительная клаузула могла тоже развиться и въ самостоятельный актъ.—См. напр., «запись» 1692 г., писанную арзамасскимъ площаднымъ подьячимъ, отъ лица А съ обязательствомъ «отдать на срокъ» въ опредѣленномъ мѣстѣ, передъ «третьими» поступленнаго крестьянина; запись, кромѣ указаннаго обязательства, имѣетъ еще двѣ клаузулы: неустойки и «запись впредь въ запись».—Матеріалы истор. и юридич.... приказа Казанскаго Дворца, в. I, с. 238—239.

[4]) Матеріалы истор. и юрид.... приказа Казанскаго Дворца, в. I, с. 188—189.—Такія отписи отъ лица Б дошли до насъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (А. Ю. Б., т. III, с. 12—13;—*Преображенскій и Альбицкій*, Описан. Долматовск. архива, № 794), написанныя въ формѣ записи — площаднымъ подьячимъ и съ послухами—довольно подробны, такъ какъ, кромѣ расписки въ пріемѣ, заключаютъ еще изложеніе первой основной клаузулы — поступки, обязательства впредь не искать на А своихъ крестьянъ и неустойку. Но большинство изъ

Покончивши съ разборомъ первой основной клаузулы, слѣдуетъ, до перехода ко второй, сказать нѣсколько словъ относительно трехъ вологодскихъ актовъ [1]), первая основная клаузула которыхъ имѣетъ индивидуальныя отличія отъ только-что разобранныхъ. Въ такомъ видѣ эта клаузула встрѣчается только въ раннихъ вологодскихъ актахъ (1663, 1672 и 1677 гг.) и отличается отъ обычнаго типа тѣмъ, что кромѣ поступки въ нее входитъ еще элементъ мѣны. Первые пять элементовъ ея сходны съ разобранными: а) протоколъ, б) предполагаемый искъ *Б* къ *А*, в) установленіе факта бѣгства крестьянина отъ *Б*, причемъ въ одномъ актѣ 1672 г. этотъ элементъ ясно выраженъ, а въ двухъ другихъ онъ отмѣченъ въ элементѣ о предполагаемомъ искѣ, г) установленіе факта проживанія крестьянина за *А* и д) установленіе новаго бѣгства крестьянина отъ *А*. Вслѣдъ за ними вставлены два элемента, которыхъ нѣтъ въ обычныхъ поступныхъ: е) установленіе факта бѣгства отъ А *его* крестьянъ: «*А мой А крестьянинъ* (такой-то) *изъ* (такого-то) *моего помѣстья въ прошлыхъ годахъ сбѣжалъ*» и ж) въ которомъ констатируется фактъ проживанія за Б въ *настоящее* время этого убѣжавшаго отъ А крестьянина: *а бѣгаючи живетъ въ* (такой-то) *вотчинѣ Б*». Благодаря такому «счастливому» совпаденію, конечно, обѣ стороны, вмѣсто осуществленія своихъ другъ на друга исковъ, взаимно поступаются или, вѣрнѣе, мѣняются своими крестьянами такъ, что за Б остаются принятые имъ и живущіе за нимъ крестьяне А, но зато Б отказывается отъ своего иска на А за принятіе и держаніе имъ крестьянъ, убѣжавшихъ отъ Б. Указанныя обстоятельства измѣняютъ и восьмой элементъ этихъ трехъ актовъ—поступку, соотвѣтствующій шестому элементу вышеразобранныхъ актовъ. Восьмой элементъ формулируется такимъ образомъ: «*И Б мнѣ А поступился бѣглаго своего крестьянина* (такого-то), *а, вмѣсто того его крестьянина, я А поступился ему Б въ вотчину своего помѣстнаго крестьянина*» или «*и я А, съ нимъ Б поговоря промежъ себя полюбовно, того своего крестьянина* (такого-то), *вмѣсто крестьянина, Б поступился ему Б въ вотчину во крестьянство*».

Вслѣдъ за первой основной клаузулой очень устойчиво по-

извѣстныхъ мнѣ написано въ формѣ памяти (съ годомъ въ началѣ и безъ послуховъ) и содержитъ двѣ клаузулы: въ первой Б констатируетъ, что «принялъ на срокъ» поступленныхъ ему крестьянъ; вторая — служитъ подтвержденіемъ: «въ томъ я Б ему А и отпись далъ». (*Преображенскій и Альбицкій*, Описан. Долмат. архива, №№ 162, 892; — Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанск. Дворца, в. I, с. 242; в. VI, с. 168—171).

[1]) Грам. Кол. Эконом. по Волог. у. №№ 2835/264, 2873/302, 2936/365.

мѣщается въ поступныхъ на второмъ мѣстѣ — *вторая основная клаузула*, заключающая въ себѣ отказъ прежняго владѣльца (*А*) отъ правъ на поступленнаго крестьянина и обязательство *А* не бить вел. государю о поворотѣ. Клаузула эта имѣется въ 52 актахъ изъ 79-ти; причемъ въ 48 случаяхъ она является въ видѣ самостоятельной клаузулы, а въ четырехъ—присутствуетъ только какъ элементъ четвертой основной клаузулы—обязательства очищать поступленнаго крестьянина. Въ 27 поступныхъ эта клаузула совершенно отсутствуетъ, хотя въ пятой основной клаузулѣ—неустойкѣ—указывается, что *А* обязуется платить неустойку, если будетъ вступаться и бить о поворотѣ челомъ. Отсутствіе второй основной клаузулы довольно рѣзко намѣчается съ начала 1690-хъ гг., такъ что 24 акта изъ упоминаемыхъ 27-ми относятся къ 1691—1700 гг. Въ 37 случаяхъ вторая основная клаузула заключаетъ въ себѣ только отказъ отъ правъ и обязательство не бить о поворотѣ; сравнительно рѣдко въ нее входятъ и другіе элементы, такъ что вторая основная клаузула изъ простой дѣлается сложной. Такъ въ семи актахъ, написанныхъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ, въ нее, въ качествѣ элемента, входитъ и обязательство очистки, а въ восьми, написанныхъ въ Костромѣ, съ нею соединено и установленіе крѣпости поступленнаго крестьянина новому владѣльцу (Б). Разбираемая вторая клаузула, въ чистомъ своемъ видѣ, формулируется такимъ образомъ: *И впредь мнѣ А, и женѣ моей, и дѣтямъ* [и роду и племени] [до того моего крестьянина... дѣла нѣтъ] *у него Б, и у жены его, и у дѣтей въ тѣхъ своихъ поступныхъ крестьянахъ* [, кои въ сей записи писаны] *и въ ихъ женъ, и дѣтей, и въ ихъ крестьянскіе животы не вступаться* [и никоими дѣлы не вчинать] *и великому государю о поворотѣ не бить челомъ* [не бить челомъ никакими дѣлы, не вчинать и не убытчить], [не спорить], [не искать], [и сей поступки ни чѣмъ не спорить и не порочить]» [1]).

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда во вторую основную клаузулу входитъ въ качествѣ элемента и обязательство очищать, клаузула имѣетъ такой видъ: «И впредь мнѣ А... у него Б... въ того своего поступного крестьянина *самому* не вступаться... *и отъ родственниковъ своихъ, и отъ стороннихъ людей, и отъ иныхъ* [всякихъ] *крѣпостей во всемъ очищать* [и отъ сторонъ очищать], *харчей и*

---

[1]) Матеріалы истор. и юрид... приказа Казанск. Дворца, в. I, с. 186—187, 188—189, 192—193; в. VI, с. 106—108;—Архивъ с. Зиновьева, № XI, с. 4 № XXIII, с. 10;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 160—161;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 205—206; в. III, с. 140—142; в. IV, с. 27—29, 34—35, 36—37; в. V, с. 95—96; в. VI, с. 93—94 и др.

убытков никаких недоставить» [1]). Всѣ эти семь актовъ, какъ отмѣчено выше, вышли изъ провинціальныхъ канцелярій (Арзамасъ, Н.-Новгородъ, Алатырь, Темниковъ, Пенза, Сѣвскъ); однако, введеніе очистки во вторую основную клаузулу мѣстною особенностью считать нельзя, такъ какъ другіе алатырскіе и арзамасскіе акты этой особенности не имѣютъ.

Какъ уже отмѣчено, въ восьми актахъ во вторую основную клаузулу, заключающую въ себѣ отказъ отъ притязаній, въ качествѣ элемента входитъ установленіе крѣпости поступленнаго крестьянина новому владѣльцу (Б). Въ такихъ случаяхъ вторая клаузула имѣетъ слѣдующій видъ: «И впредь мнѣ А... до тѣхъ вышеписанныхъ крестьянъ дѣла нѣтъ и не вступаться никакими дѣлы: *крѣпки тѣ всѣ вышеписанные крестьяне съ женами и дѣтьми ему Б и женѣ его, и дѣтямъ по сей моей* [поступкѣ и по] *записи* [впредь безповоротно]» [2]). Установленіе крѣпости поступленнаго крестьянина новому владѣльцу по смыслу вполнѣ логично связывается, именно, со второй клаузулой. Но, собственно говоря, это установленіе для сдѣлки лишнее, такъ какъ крѣпость косвенно устанавливается и другими обязательствами А. Вѣроятно, этимъ и объясняется колебаніе составителей акта—куда отнести это установленіе крѣпости крестьянина. Оно, прежде всего, встрѣчается въ разбираемыхъ актахъ рѣдко (изъ 79-ти поступныхъ—въ 19-ти); причемъ въ восьми—оно входитъ въ видѣ элемента второй клаузулы, въ пяти — оно связано съ клаузулой чистоты и, наконецъ, въ шести поступныхъ установленіе крѣпости является въ видѣ отдѣльной клаузулы, которую можно назвать *седьмою дополнительною.* Во второмъ случаѣ, связь крѣпости крестьянина съ его чистотою механическая, а не по смыслу: «А тотъ мой крестьянинъ, кромѣ его Б, иному никому не проданъ и не заложенъ: *крѣпокъ тотъ мой поступной крестьянинъ по сей поступной записи ему Б, и женѣ его, и дѣтямъ* [съ сего числа] *впредь въ вѣкъ безповоротно»* [3]). Указанное колебаніе составителей актовъ, въ особенности, видно въ тѣхъ случаяхъ, когда установленіе крѣпости выдѣляется въ особую клаузулу: она помѣщается и непосредственно послѣ первой клаузулы, и послѣ клаузулы неустойки и, даже, въ самомъ концѣ акта

---

[1]) «Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 154—156;—«Дѣйств. Нижегор. учен. арх. ком. Сборникъ», т. V, отд. III, с. 5—6; т. VI, отд. III, с. 210;—А. Ю. Б., т. III, с. 18—19, 20;—«Извѣст. Тамб. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55—57.

[2]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 36, 44, 68;—*С. Шумаковъ,* Сотницы, в. V, с. 93—94;—Архивъ с. Зиновьева, № XIX, с. 8 и др.

[3]) Костр. Старина, в. VI, с. 199—200, 204; — Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5—6; № XXV, с. 11;—Архивъ с. Корнилова, № 38, с. 24—25.

передъ удостовѣрительной частью. Формулируется эта седьмая дополнительная клаузула очень кратко: «*А тѣ вышеписанные крестьяне крѣпки ему Б и женѣ его и дѣтямъ впрокъ безъ поворота* [по сей записи]» [1]).

Въ виду того, что изъ 19-ти разбираемыхъ поступныхъ 14-ть написаны въ Вологдѣ и въ Костромѣ, можно сдѣлать выводъ, что установленіе крѣпости поступленнаго крестьянина новому владѣльцу является вологодско-костромской особенностью.

Третья основная клаузула устанавливаетъ чистоту поступленнаго крестьянина отъ притязаній по какимъ-либо сдѣлкамъ, совершеннымъ до настоящей поступки. Эта клаузула въ актахъ, написанныхъ до конца 1670-хъ гг., совсѣмъ не встрѣчается; въ актахъ 1680-хъ гг. она встрѣчается спорадически, и обязательно присутствуетъ во всѣхъ актахъ 1690-хъ гг. Всего изъ 79-ти поступныхъ третья основная клаузула имѣется въ 54-хъ. Въ большинствѣ (49) актовъ она имѣется въ чистомъ видѣ, устанавливая только «чистоту» крестьянина; въ пяти же костромскихъ актахъ она, какъ сказано выше (с. 292), устанавливаетъ еще и «крѣпость» крестьянина новому владѣльцу. Третья клаузула въ чистомъ видѣ формулируется такимъ образомъ: «*А напередъ сего тотъ мой* [поступной] *крестьянинъ* [такой-то] *съ женою, и дѣтьми, и съ ихъ крестьянскими животы* [опричь сей записи], *опричь* [кромѣ] *его Б* [и жены его и дѣтей] [и сей поступной записи] [до сей поступки], *иному ни кому не* [сданъ], *не проданъ, и не заложенъ, и не промѣненъ, и не поступленъ, и ни въ какихъ крѣпостяхъ* [ни у ково, ни въ чемъ] *не укрѣпленъ, и не* [за] *написанъ* [опричь сей поступной записи]». Третья основная клаузула имѣетъ довольно много мѣстныхъ особенностей. Такъ напр., въ актахъ, написанныхъ въ Москвѣ, чаще говорится только, что крестьянинъ «не поступленъ, и ни въ какихъ записяхъ не укрѣпленъ, и не написанъ» [2]); зато въ актахъ, написанныхъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ, отмѣчается, что крестьянинъ «не проданъ, и не заложенъ, и не промѣненъ» [3]). Изъ этого сопоставленія, какъ будто, можно сдѣлать выводъ, что въ актахъ, написан-

---

[1]) Грам. Кол. Экон. по Волог... у. № 2873 302;—«Чтенія въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Др.» 1881, кн. III, с. 65—66;—Розыскн. дѣла о Ѳед. Шакловитомъ, т. III, с. 890—891;—*Самоквасовъ*, Архивн. матеріалъ, т. II, с. 592—593;—Архивъ с. Корнилова, № 6, с. 39.

[2]) Костр. Старина, в. VI, с. 199—200;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 138—139; в. IV, с. 30—31; в. V, с. 94—95; в. VI, с. 84, 93 и др.

[3]) Архивъ с. Зиновьева, № XI, с. 4;—Матеріалы истор. и юридич. приказа Казанскаго Дворца, в. I, с. 192—193;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 139—140; в. IV, с. 36—37; в. V, с. 93—94; в. VI, с. 87—88.

ныхъ въ центрѣ, писцы осторожнѣе обходили вопросъ о тѣхъ сдѣлкахъ на крестьянъ, которыя были не дозволены закономъ. Въ вологодскихъ актахъ можно встрѣтить, наряду съ упоминаніемъ о продажѣ, мѣнѣ и закладѣ крестьянъ, еще сдѣлку—«сдачу»: «*а тѣ крестьяне... не сданы, не проданы...*» [1]). Кромѣ этихъ мѣстныхъ отличій по существу, можно отмѣтить еще и мелкія отличія—формальныя: такъ напр., въ костромскихъ актахъ довольно устойчиво выраженіе: «а тотъ мой крестьянинъ... *до* [*опричъ*] *сей поступки* иному никому...» [2]); въ московскихъ же актахъ очень часто встрѣчается выраженіе: «а тотъ мой крестьянинъ, *кромѣ его Б и сей поступной записи*, иному никому...».

Четвертая основная клаузула очень устойчиво слѣдуетъ въ разбираемыхъ поступныхъ за третьею основною клаузулою—«чистотою» и содержитъ въ себѣ обязательство прежняго владѣльца А передъ новымъ Б—очищать поступленнаго крестьянина отъ какихъ-либо стороннихъ притязаній. Клаузула эта, какъ и клаузула чистоты, въ отдѣльномъ видѣ спорадически появляется въ актахъ 1670—1680-хъ гг. и неизмѣнно присутствуетъ въ такомъ видѣ въ поступныхъ 1690-хъ гг. Въ актахъ же 1650—1670-хъ гг. составители, считая обязательство очищенія необходимымъ для сдѣлки, какъ будто не знаютъ, куда помѣстить это обязательство. Такъ въ четырехъ актахъ этого обязательства совсѣмъ нѣтъ [3]); въ другихъ—оно входитъ въ актъ въ видѣ элемента или второй основной клаузулы («впредь не вступаться») [4]), или пятой основной клаузулы (неустойка) [5]); наконецъ, въ нѣкоторыхъ актахъ обязательство очищать отсутствуетъ и въ видѣ отдѣльной клаузулы и въ видѣ ея элемента, но въ клаузулѣ неустойки среди различныхъ случаевъ нарушенія договора предусматривается уплата неустойки и въ томъ случаѣ, если А не очиститъ своихъ поступленныхъ крестьянъ отъ стороннихъ челобитчиковъ [6]). Но вошедши въ форму-

[1]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I. с. 220—222; — Грам. Кол. Экон. по Волог. у. №№ 3116/545, 3277/706, 3291/720.

[2]) Архивъ с. Зиновьева, № XVIII, с. 7; № XIX, с. 8; № XXII, с. 9—10; № XXIII, с. 10;—Костр. Старина, в. VI, с. 199—200.

[3]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 206—207;—Матеріалы историч. и юридич... приказа Казанск. Дворца, в. I, с. 186—187;—Костр. Старина, в. VI, с. 204.—Грам. Колл. Экон. по Волог. у. № 2936/365;—Архивъ с. Корнилова, № 6, с. 39.

[4]) «Труды Саратовск. уч. арх. ком.», в. 22, с. 154—156;—«Дѣйств. Нижегор. уч. арх. ком. Сборникъ», т. V, отд. III, с. 5—6; т. VI, отд. III, с. 210;—А. Ю. Б., т. III, с. 18—19, 20.

[5]) Матеріалы историч. и юридич... приказа Казанск. Дворца, в. VI, с. 106—108.

[6]) Архивъ с. Зиновьева, № XVI, с. 6—7; — «Извѣст. Общ-ва Истор.,

ляръ акта въ 1690-хъ гг., клаузула очищенія неизмѣнно слѣдуетъ за клаузулой чистоты и формулируется очень устойчиво: « *А буде кто* [со стороны] [нынѣ и впредь] *у него Б, и у жены его, и у дѣтей въ того поступного крестьянина, и въ жену его, и въ дѣтей, и въ ихъ крестьянскіе животы учнетъ* [по] *какими-нибудь крѣпостьми вступаться, и мнѣ А, и женѣ моей, и дѣтямъ того поступного крестьянина, и жену его, и дѣтей* [во всемъ] *ото всякихъ крѣпостей очищать, и ему Б убытка никакого не учинить* [довести], [доставить]» [1]).

Въ трехъ актахъ, писанныхъ подьячими Ивановской площади, причемъ первый и третій акты писаны однимъ и тѣмъ же подьячимъ, въ эту четвертую основную клаузулу, въ качествѣ ея элемента, входитъ и обязательство А не бить челомъ о поворотѣ, которое, какъ извѣстно, чаще является въ видѣ второй основной клаузулы: «А кто въ тѣхъ моихъ поступныхъ крестьянъ станетъ у него Б... вступаться, и мнѣ А... очищать и его Б убытка не доставить, *и о поворотѣ мнѣ А, и женѣ моей, и дѣтямъ вышеписанныхъ крестьянъ вел. государю не бить челомъ, и на него Б никакихъ дѣлъ не вчинати*» [2]).

При сопоставленіи только что разобранныхъ трехъ основныхъ клаузулъ: *второй*—обязательства не вступаться, *третьей*—чистоты и *четвертой*—обязательства очищать, нельзя не придти къ очень любопытному наблюденію, показывающему, какъ въ сознаніи составителей актовъ мѣнялось значеніе того или другого элемента сдѣлки. Если въ раннихъ актахъ 1650—1670-хъ гг. замѣчается непремѣнное присутствіе второй клаузулы, то въ тѣхъ же актахъ отсутствуютъ третья и четвертая клаузулы [3]). Затѣмъ въ актахъ 1680-хъ гг. замѣчаемъ сосуществованіе второй и четвертой клаузулъ, тогда какъ третья—(чистота объекта)—отсутствуетъ [4]). Въ другихъ

Археол. и Этногр. при Казанск. Ун-тѣ», т. XI, в. 1, с. 15—17;—Грам. Колл. Экон. по Волог. у. № 3028/457.

[1]) С. *Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 14, 27—29, 31; в. VI, с. 86—87;—Матеріалы истор. и юридич... приказа Казанск. Дворца, в. I, с. 189—190;—«Труды Рязанск. уч. арх. ком.», т. 17, в. 3, с. 185—186;—Архивъ с. Зиновьева, № XXVI, с. 11—12 и др.

[2]) С. *Шумаковъ*, Сотницы, в. V, с. 93—94, 94—95;—Костромск. Старина в. VI, с. 199—200.

[3]) Матеріалы истор. и юрид.... приказа Казанск. Дворца, в. I, с. 186—187; в. VI, с. 106—108; — С. *Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 206—207; — Грам. Колл. Экон. по Волог. у. №№ 2835/264, 2936/365;—Архивъ с. Корнилова, № 6, с. 39.

[4]) «Труды Саратовск. уч. арх. ком.», в. 26, отд. 1, с. 11—13; — «Чтенія въ Имп. Моск. Общ-вѣ Ист. и Древн.» 1881, кн. III, с. 65—66;—А. Ю. Б., т. III, с. 20;—Розыскн. дѣла о Ѳед. Шакловитомъ, т. III, с. 890—891.

актахъ 1680—нач. 1690-хъ гг. имѣются налицо всѣ три клаузулы [1]), и, наконецъ, чѣмъ ближе къ концу 1690-хъ гг., тѣмъ все упорнѣе третья и четвертая клаузула вытѣсняютъ—вторую [2]). Приводимыя сопоставленія показываютъ, что измѣненія этихъ трехъ клаузулъ зависятъ отъ времени, а не отъ мѣстныхъ условій; и эти измѣненія, мнѣ кажется, можно объяснить въ связи съ указомъ 7 апрѣля 1690 г., позволившимъ всякому помѣщику и вотчиннику поступаться своими крестьянами [3]). Безъ узаконенія этой сдѣлки для Б, получавшаго крестьянъ отъ А, очень важно было, чтобы А далъ обязательство не вступаться и не бить челомъ о поворотѣ; послѣ же 1690 г., когда поступка на крестьянъ была узаконена, обязательство не вступаться отпадало само собой, и для Б было важнѣе обезопасить себя отъ сдѣлокъ, заключенныхъ до настоящей поступки (клаузула «чистоты») и зафиксировать обязательство А очищать поступленныхъ крестьянъ отъ стороннихъ притязаній.

Въ противоположность тремъ предшествующимъ основнымъ клаузуламъ, обнаруживающимъ нѣкоторыя колебанія, *пятая основная клаузула*—неустойка—неизмѣнно присутствуетъ во всѣхъ, какъ въ раннихъ, такъ и въ позднихъ актахъ. По своему словесному выраженію эта клаузула бываетъ очень обширной, но сложной, какъ мы назвали первую основную клаузулу, ее назвать нельзя. Вѣдь, сложность первой клаузулы зависѣла отъ того, что въ нее входили въ видѣ отдѣльныхъ элементовъ отдѣльные моменты сдѣлки; въ пятой же клаузулѣ—моментъ сдѣлки одинъ—обязательство заплатить неустойку въ случаѣ неисполненія разныхъ условій, отмѣченныхъ въ актѣ. Контрагентъ А, поступившійся своими крестьянами, обязуется заплатить неустойку Б, если учнетъ вступаться, или будетъ бить челомъ о поворотѣ, или не отдастъ крестьянина на срокъ, или не очиститъ его, или доставитъ «убытки, харчи и протори», или, наконецъ, въ чемъ маломъ не устоитъ. Неустойка, которую А обязуется заплатить Б, формулируется различно: или это опредѣленная сумма, иногда очень значительная: 400—500 р. (особенно, въ раннихъ актахъ), или же она выражена въ видѣ опредѣленной суммы за каждаго поступленнаго крестьянина. Довольно часто неустойка опредѣляется «по государеву указу и уложенью» за «всякую вѣсную голову»; что же касается «харчей и убытковъ», то, въ виду

---

[1]) Архивъ с. Зиновьева. № XI, с. 4; № XIV, с. 5—6; — «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, №№ 44, 68;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222; в. IV, с. 27—29; в. VI, с. 84 и др.

[2]) Архивъ с. Зиновьева, № XXIII, с. 10; № XXV, с. 11;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 31, 34; в. VI, с. 86—87, 87—88, 92—93, 93 и др.

[3]) П. С. З., т. III, № 1370.

ихъ неопредѣленности, А обязуется заплатить по «сказкѣ Б, что онъ убытковъ скажетъ».

Если мы разсмотримъ въ хронологическомъ порядкѣ формуляръ клаузулы неустойки, то въ немъ можно отмѣтить ту же эволюцію, которую мы отмѣтили при разборѣ второй—четвертой клаузулъ. Въ зависимости отъ того—находится или отсутствуетъ вторая клаузула (обязательство не бить челомъ о поворотѣ)—измѣняется и формуляръ пятой клаузулы. Въ первомъ случаѣ клаузула о неустойкѣ пріобрѣтаетъ распространенный видъ, во второмъ—т.-е. въ актахъ 1690-хъ гг., она очень сокращена и содержитъ только обязательство А уплатить неустойку, если онъ отъ крѣпостей не очиститъ и доставитъ Б какіе-либо убытки. Такимъ образомъ, формуляръ пятой основной клаузулы встрѣчается въ двухъ видахъ. Въ болѣе распространенномъ видѣ она вкратцѣ повторяетъ всѣ предшествующія обязательства: «*А буде язъ А, или жена моя, или дѣти* [или родъ мой и племя] [нынѣ и] *впредь у него Б, и у жены его, и у дѣтей въ тѣхъ своихъ поступныхъ крестьянъ* (такихъ-то), *и женъ ихъ, и дѣтей, и въ ихъ крестьянскіе животы станемъ вступаться* [или коими дѣлы станемъ вчинать] [или на тотъ вышеписанный срокъ крестьянъ... не отдадимъ], *и великому государю учнемъ о поворотѣ бить челомъ* [и тѣхъ крестьянъ отымать], *и его Б въ томъ какихъ харчей и убытковъ доставимъ, или ото всякихъ крѣпостей* [отъ сторонъ] *его Б очищать не станемъ* [и какой убытокъ въ неочищеньи учинимъ] [или въ чемъ противъ сей записи, что писано выше сего, хотя въ маломъ чемъ не устоимъ]—*и на мнѣ А, и на женѣ моей, и на дѣтяхъ взять ему Б по сей* [поступной] *записи* [за неустойку] (столько-то) *рублевъ денегъ* [противъ государеву указу и соборнаго уложенія за всякую вѣсную голову [по 50 р.], *да убытки свои всѣ сполна* [убытки платить мнѣ А по его Б сказкѣ, что онъ убытковъ скажетъ]» [1]). Въ болѣе же позднихъ поступныхъ 1690-хъ гг., гдѣ обязательство не вступаться вытѣснено обязательствомъ очищать, измѣняется соотвѣтствующимъ образомъ и клаузула неустойки: «*А буде я А... ото всякихъ крѣпостей его Б... не очистимъ, или противъ сей записи, что въ ней писано выше сего хотя въ чемъ маломъ не устоимъ, или убытковъ доставимъ, и ему Б... взять на мнѣ А... по сей записи* [за неочищенье] (столько-то) *рублевъ денегъ*» [2]).

---

[1]) «Труды Саратовск. уч. арх. ком.», в. 22, с. 154—156;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 206—207; в. IV, с. 14;—Матеріалы истор. и юрид.... приказа Казанскаго дворца, в. I, с. 186—187;—Архивъ с. Зиновьева, № XIV, с. 5—6; № XVI, с. 6—7 и др.

[2]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 86;—*С. Шумаковъ*, Сотницы,

Въ трехъ поступныхъ въ клаузулу неустойки вмѣсто опредѣленной суммы, или наряду съ нею, вставлено еще условіе, въ которомъ А обязуется передъ Б дать ему «семенистыхъ и прожиточныхъ крестьянъ» взамѣнъ поступленныхъ, если послѣдніе отойдутъ отъ Б по какимъ крѣпостямъ: «А буде мы А... о поворотѣ... учнемъ бити челомъ, или кто у него Б по какимъ крѣпостямъ возьметъ, *и ему Б... взять на насъ А... вмѣсто тѣхъ крестьянъ* [котораго изъ-за нихъ кто по крѣпостямъ возьметъ, а мы А его Б не очистимъ] *такихъ же старинныхъ крестьянъ семенистыхъ и прожиточныхъ* [такого-же человѣка здороваго, а не увѣчнаго], *и протори, и убытки по ихъ сказкѣ*» [1]. Въ двухъ же актахъ это условіе клаузулы неустойки развито въ особую — *восьмую дополнительную клаузулу,* стоящую за клаузулой очистки или чистоты: «*А буде поступочные вышеписанные крестьяне моею неочисткою* [по какимъ крѣпостямъ] *отъ него Б кому отойдутъ, и мнѣ А, и женѣ моей, и дѣтямъ дать ему Б вмѣсто тѣхъ крестьянъ иныхъ своихъ добрыхъ крестьянъ* [которыхъ онъ Б похочетъ] *голова въ голову, противъ тѣхъ вышеписанныхъ крестьянъ, столь же со всѣми крестьянскими животы*» [2].

Въ заключеніе разбора клаузулы неустойки слѣдуетъ отмѣтить, что въ актѣ 1666 г. эта клаузула разбита на двѣ самостоятельныя клаузулы: первая, поставленная за клаузулой съ обязательствомъ не вступаться, говоритъ объ уплатѣ неустойки, если А, или кто другой, учнетъ вступаться въ поступленныхъ крестьянъ; вторая же, стоящая за обязательствомъ очищать, заключаетъ условіе объ уплатѣ неустойки, если А въ чемъ либо не очиститъ своихъ поступленныхъ крестьянъ [3]. Во всѣхъ остальныхъ поступныхъ, какъ указано выше, всѣ эти условія входятъ въ одну клаузулу.

За клаузулой неустойки слѣдуетъ *шестая и послѣдняя основная клаузула*, выражающая условіе о непрекращеніи дѣйствія заключеннаго договора въ случаѣ нарушенія какого-либо обязательства и уплаты неустойки. Эта клаузула имѣется въ 63-хъ изъ 79-ти разбираемыхъ поступныхъ и формулируется обыкновенно кратко: «*А ся запись* [ему Б, и женѣ его, и дѣтямъ, и родственникамъ] *и*

в. III, с. 138—139; в. VI, с. 84, 89—90; — Архивъ с. Зиновьева, № XXV, с. 11 и др.

[1]) «Труды Саратовск. уч. арх. ком.», в. 26, отд. I, с. 11—13; — «Извѣстія Общ-ва Истор., Археол. и Этногр. при Казанск. ун—тѣ», т. XI, в. 1, с. 15—17; — *С. Шумаковъ,* Сотницы, в. IV, с. 36—37.

[2]) *С. Шумаковъ,* Сотницы, в. IV, с. 27—29; — «Костромск. Старина», в. VI, с. 200—202.

[3]) *С. Шумаковъ,* Сотницы, в. I, с. 205—206.

впредь въ запись» [1]). Въ одиннадцати костромскихъ актахъ эта формулировка нѣсколько измѣняется: «А ся запись и впредь въ запись и *поступка въ поступку»* [2]). Болѣе ясная формулировка этой клаузулы въ двухъ актахъ: «А ся запись и впредь *съ неустойкою* въ запись» и «*А по взятіи денегъ* ся запись и впредь въ запись» [3]), подтверждаетъ правильность толкованія шестой клаузулы: если А нарушитъ какое-либо изъ вышеписанныхъ условій, то онъ платитъ Б указанную неустойку, договоръ же о поступкѣ сохраняетъ свою силу («запись впредь въ запись») независимо отъ уплаты неустойки.

Вслѣдъ за шестою основною клаузулою идутъ *двѣ клаузулы конечнаго протокола: послухи и канцелярія.* Обѣ клаузулы имѣются во всѣхъ разбираемыхъ поступныхъ. Клаузула послуховъ до 1700 г. формулируется однообразно: «*а на то послухи* (такіе-то).» Число послуховъ различно—отъ одного до десяти; чаще всего фигурируютъ два, три или четыре послуха. Почти во всѣхъ актахъ послухами являются площадные подьячіе, что и отмѣчается въ актѣ. Съ 1700 г. формулировка этой клаузулы измѣняется: «*а у сей записи свидѣтели* (такіе-то)». *Послѣдняя клаузула—канцеляріи*—содержитъ указаніе на писца акта и на годъ его написанія: «*А запись* [или другое опредѣленіе] *писалъ* (такой-то), *лѣта* (такого-то), *мѣсяца въ* (такой-то) *день*». О названіяхъ акта и писцахъ его было уже сказано выше (с. 275—276).

Кромѣ указанныхъ основныхъ и дополнительныхъ клаузулъ, которыя, конечно, не исчерпываютъ всего содержанія всѣхъ безъ исключенія разбираемыхъ поступныхъ, надо еще отмѣтить и такъ называемыя побочныя клаузулы.

Къ числу такихъ побочныхъ клаузулъ относятся, напримѣръ, клаузула о передачѣ старыхъ крѣпостей на поступленныхъ крестьянъ [4]); клаузула, въ которой А указываетъ поручителя въ очищеніи: «а порукою по мнѣ А ручался въ той дѣвкѣ (такой-то) въ

---

[1]) Архивъ с. Зиновьева, № XVI, с. 6—7; № XXVI, с. 11—12;—*Д. Я. Самоквасовъ*, Архивный матеріалъ, т. II, с. 592—593;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222; в. IV, с. 14; в. V, с. 94—95; в. VI, с. 84—85; в. VII, с. 32—33 и др.

[2]) Архивъ с. Зиновьева, № XI, с. 4; № XIV, с. 5—6; № XIX, с. 8; № XXII, с. 9—10;—Костромск. Старина, в. VI, с. 200—202;—Архивъ с. Корнилова № 38, с. 24—25.

[3]) Грамоты Колл. Экон. по Волог. у. № 3277/706;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. VII, с. 28.

[4]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 206—207;—«Извѣстія Общ-ва Истор., Археол. и Этногр. при Казанскомъ ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 15—17.

очищеньѣ (такой-то)» [1]); клаузула, устанавливающая право Б на хлѣбъ, посѣенный поступленнымъ крестьяниномъ, но въ моментъ совершенія сдѣлки находящiйся еще въ землѣ: «а что у тѣхъ крестьянъ къ нынѣшнему году сѣянъ хлѣбъ, рожь на землѣ моей А..., и тотъ хлѣбъ сжать тѣмъ моимъ поступнымъ крестьяномъ самимъ и перевесть въ его Б деревню (такую-то)» [2]). Въ одномъ серпуховскомъ актѣ 1696 г. поступленный крестьянинъ временно, до перевоза, остается у А; поэтому въ актъ вставлено нѣсколько клаузулъ, въ которыхъ отмѣчается о времени перевоза крестьянина, о томъ, что поступленный крестьянинъ будетъ жить до перевозки во дворѣ у А, что А обязуется до перевозки «изъ двора его не высылать и тѣсноты ему никакiе не чинить», не посылать его «ни въ какое свое издѣлье и на работу, и никакого оброку съ него не имать» [3]).

Въ одномъ актѣ А, поступившiйся своими крестьянами въ монастырь, вставляетъ дополнительное условiе: «да имъ строителю съ братiею написати въ обители своей въ постѣнный и литейный синодики и вѣчно поминати (такихъ-то родственниковъ А), и никогда безъ поминовенiя ихъ, сродниковъ моихъ, не оставить» [4]).

Наконецъ, въ трехъ актахъ имѣется клаузула, въ которой А обязуется не вступаться въ принятыхъ имъ бѣглыхъ крестьянъ Б, если таковые снова придутъ изъ бѣговъ жить за Б: «А который его Б вышеписанный бѣглый крестьянинъ въ бѣгахъ жилъ за мною А, живъ, изъ за меня бѣжалъ, и мнѣ А до того его бѣглово крестьянина дѣла нѣтъ, и сыскивать ему Ѣ въ бѣгахъ самому» или «А буде впредь тѣ его Б крестьяне изъ бѣговъ придутъ и станутъ жить въ его (Б) вотчинѣ, и мнѣ А до тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ потому же дѣла нѣтъ, не бить челомъ и не вступаться» [5]).

На оборотной сторонѣ («затыли») разбираемыхъ площадныхъ поступныхъ имѣются: подпись контрагента А, отъ лица котораго написанъ актъ, рукоприкладство послуховъ, свѣдѣнiя о явкѣ поступной въ правительственномъ учрежденiи и справа ея. До 1700 г. подписи контрагента и послуховъ обычны и кратки: «*къ сей поступной записи А* (такой-то) *руку приложилъ*», «*послухъ* (такой-то)

---

[1]) А. Ю. Б., т. III, с. 20.

[2]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222; в. III, с. 140—142.

[3]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 27—29.

[4]) «Извѣстiя Общ-ва Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 19—21.

[5]) «Извѣстiя Общ-ва Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. ун-тѣ», т. XI, в. I, с. 18—19;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. VI, с. 86—87;—Грам. Кол. Экон. по Волог. у. № 3028/457.

руку приложилъ». Въ актахъ же 1700 г. рукоприкладство измѣняется; рукоприкладство контрагента А какъ-бы вкратцѣ повторяетъ сущность первой основной клаузулы: «*къ сей записи А крестьянина своего помѣстнаго* (такого-то) *съ матерью, и съ братьями, и съ сестрою* [которые въ сей записи] *за пожилые годы и за сносные животы* [при свидѣтеляхъ] *Б* (такому-то) *поступился, и таково запись далъ, и руку приложилъ»* [1]). Соотвѣтственно измѣняется и рукоприкладство послуховъ: «*свидѣтель* (такой-то) *у сей записи былъ* [свидѣтельствовалъ] *и руку приложилъ*», или «*свидѣтель* (такой-то), *что при мнѣ А помѣстнаго крестьянина своего... Б поступился и таково запись далъ онъ А и руку приложилъ*», или «(свидѣтель такой-то) *А* (такой-то) *крестьянъ своихъ Б при мнѣ поступился и въ свидѣтельствѣ былъ, и руку приложилъ*» [2]).

Незначительное количество явокъ поступныхъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ (всего 14-ть случаевъ) не позволяетъ сдѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ изъ ихъ разсмотрѣнія. Срокъ между написаніемъ акта и его явкою различенъ: есть явки въ тотъ же день, большинство поступныхъ явлено черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одинъ—черезъ два съ половиною года [3]). Акты, написанные въ Москвѣ, и явлены въ Москвѣ же: въ Помѣстномъ приказѣ—на крестьянъ изъ помѣстья,—въ Московскомъ Судномъ приказѣ—на помѣстныхъ крестьянъ и на «польскаго полону крѣпостныхъ людей»,—въ Приказѣ Холопьяго суда; въ послѣднемъ явлена поступная на крѣпостного двороваго человѣка [4]). Что же касается поступныхъ, написанныхъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ, то онѣ явлены въ различныхъ мѣстахъ; нѣкоторыя явлены въ приказной избѣ въ томъ же городѣ: въ Казани, Темниковѣ [5]); одинъ симбирскій актъ 1699 г. явленъ въ Сызрани, два вологодскихъ и одинъ костромской акты на помѣстныхъ крестьянъ явлены въ Москвѣ въ Помѣстномъ приказѣ [6]).

---

[1]) *С. Шумаковъ,* Сотницы, в. III, с. 140—142; в. VI, с. 85—86, 86—87, 87—88.

[2]) Ibid., в. VI, с. 86—87, 87—88.

[3]) *Д. Корсаковъ,* Сборникъ актовъ... Люткиныхъ, с. 70—71;—«Извѣстія Тамб. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55—57;—Костромск. Старина, в. VI, с. 200—202.

[4]) «Лѣтопись занят. Археогр. Ком.», в. V, с. 15—17, 66—67, 111—112, 142—143;—«Труды Рязанск. уч. арх. ком.», т. XVII, в. 3, с. 185—186.

[5]) «Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 22, с. 160—161; в. 26, с. 11—13;—*Д. Корсаковъ,* Сборникъ актовъ... Люткиныхъ, с. 68—71;—«Извѣст. Тамб. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55—57.

[6]) Матеріалы истор. и юридич... приказа Казанск. Дворца, в. IV, с. 483;—*С. Шумаковъ,* Сотницы, в. I, с. 220—222;—Грам. Кол. Экон. по Вологодск. у. № 3277/706;—Костр. Стар., в. VI, с. 200—202.

Самый процессъ явки по имѣющимся матеріаламъ возстановить довольно легко. Прежде всего Б, т. е. лицо, получавшее поступленнаго крестьянина, подавалъ челобитную, въ которой просилъ поступленныхъ крестьянъ записать за нимъ [1]). Вмѣстѣ съ такой челобитной подавалась и самая поступная [2]). Можетъ быть, вмѣсто письменной челобитной можно было ограничиться устнымъ изложеніемъ дѣла; на это указываетъ одна явка: «Въ Помѣстномъ приказѣ... сю поступную на крестьянина Б (такой-то) явилъ, а сказалъ: А (такой-то) де крестьянина своего, вмѣсто его Б бѣглаго крестьянина, ему Б поступился и такову поступную запись на тѣхъ крестьянъ онъ, А, ему, Б, далъ» [3]). Письменная или устная челобитная о записи поступленныхъ крестьянъ вызывала резолюцію: «допросить А, и по допросу, буде спора не будетъ, записать въ книги, взять пошлина по указу» или «по указу вел. государя по записямъ тѣхъ крестьянъ за нимъ Б записать, буде спору не будетъ» [4]). Въ явкѣ одной поступной сохранился и самый допросъ: «Въ приказной полатѣ... противъ сей записи А (такіе-то) допрашиваны, а въ допросѣ сказали: стариннаго де своего крепостного крестьянина (такого-то) уѣзду, помѣстные своей деревни (такого-то), съ женою..., да съ дочерью..., и съ ево крестьянскими животы... поступились, и поступную запись ему Б дали, и къ той записи въ свои мѣста казанцу (такому-то) руку приложить велѣли» [5]). Все это заканчивалось помѣтой дьяка «... ся запись чтена [явлена] [и тотъ крестьянинъ за нимъ Б записанъ [справленъ], и въ книгу [крѣпостную, всякихъ крѣпостей, крестьянской отдачи] записана, и пошлины [поголовныя деньги] по указу вел. государя въ его вел. государя казну взяты, и въ приходную книгу записаны» [6]). Вслѣдъ за этой помѣтой идетъ подпись дьяка и справщика: «Дьякъ (такой-то)»; «Справилъ [смотрилъ] (такой-то)».

---

[1]) См. подобныя челобитныя: *Д. Я. Самоквасовъ*, Архивный матеріалъ, т. II, с. 600—601;—Костр. Стар., в. VI, с. 198—199 (изложеніе);—Матеріалы истор. и юридич... приказа Казанск. Дворца, в. VI, с. 7—8 (челобитная отъ лица А—поступившагося своими крестьянами).—Указаніе на такія челобитныя въ явкахъ: «Труды Рязанск. уч. арх. ком.», т. XVII, в. 3, с. 185—186;—«Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, с. 111—112.

[2]) Костр. Стар., в. VI, с. 198—199.

[3]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, с. 15—17.

[4]) *Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... Люткиныхъ, с. 68—71;—Костр. Стар., в. VI, с. 198—199.

[5]) *Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... Люткиныхъ, с. 68—71.

[6]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, с. 15—17, 66—67, 142—143;—«Труды Сарат. уч. арх. ком.», в. 26, с. 11—13;—*Д. Корсаковъ*, Сборникъ актовъ... Люткиныхъ, с. 68—71;—«Извѣстія Тамб. уч. арх. ком.», в. 29, с. 55—57;—*С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 220—222.

Разсмотрѣвши поступныя, писанныя площадными подьячими и выяснивши ихъ формуляръ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ поступныхъ, которыя писаны не подьячими, а частными лицами: «человѣкомъ» поступщика, его родственниками и самимъ поступщикомъ. Эти шесть актовъ [1]), мѣстами отличаясь по своему формуляру отъ разобранныхъ поступныхъ, носятъ характеръ «памяти»; два изъ нихъ и называютъ себя «памятью», три—«письмомъ». Всѣ они не имѣютъ послуховъ, и вмѣсто обычнаго начальнаго протокола поступныхъ: «Се азъ А въ нынѣшнемъ году далъ Б на себя запись...», имѣютъ другую форму: или начинаются: «*память мнѣ А...*», или указываютъ дату написанія: «(такого-то) *году, мѣсяца въ* (такой-то) *день А поступился есми Б...*»; причемъ годъ, отмѣченный въ самомъ началѣ протокола первой основной клаузулы, не повторяется уже въ клаузулѣ конечнаго протокола, гдѣ отмѣчается только имя писавшаго актъ, а не годъ написанія, какъ въ обычныхъ поступныхъ. Что же касается до формуляра разбираемыхъ шести поступныхъ, то, въ общемъ, онъ мало отличается по существу отъ площадныхъ поступныхъ. Только «домашнія» поступныя болѣе кратки и не имѣютъ дополнительныхъ и побочныхъ клаузулъ, которыми богаты поступныя, писанныя на площади. Основныя же клаузулы тѣ же: поступка (съ меньшимъ количествомъ элементовъ, слѣдующихъ иногда не въ обычномъ порядкѣ: поступился такими-то крестьянами вмѣсто бѣглыхъ его Б такихъ-то крестьянъ, потому что они жили за мною А и сбѣжали...); затѣмъ слѣдуетъ отказъ отъ владѣнія (въ одномъ актѣ 1661 г.), чистота, обязательство очищать и неустойка. Зато шестая основная клаузула площадныхъ поступныхъ («а ся запись и впредь въ запись») во всѣхъ шести актахъ отсутствуетъ; вмѣсто нея въ четырехъ актахъ имѣется клаузула, служащая какъ бы подтвержденіемъ всего акта и очень рѣдко встрѣчающаяся въ площадныхъ поступныхъ: «*Въ томъ я А ему Б сіе письмо* [и поступную память] *далъ*».

Разбираемые акты безъ послуховъ носятъ, такъ сказать, предварительный характеръ, что́ сознавалось и самими составителями; по крайней мѣрѣ, въ двухъ актахъ вставлены побочныя клаузулы, совершенно не встрѣчающіяся въ обычныхъ поступныхъ и содержащія обязательство поступщика выдать, если понадобится, «площадную крѣпость» или «запись на Москвѣ въ поступкѣ»: «А буде ему попу Ивану на того крестьянина понадобится крѣпость пло-

[1]) *К. Побѣдоносцевъ,* Историко-юридич. акты, отд. IV, с. 273—274; — «Лѣтопись занятій Археогр. Ком.», в. V, №№ 19, 71; — А. Ю. Б., т. III, с. 17—18; — *С. Шумаковъ,* Сотницы, в. VI, с. 90, 93.

щадная, и мнѣ А дать крѣпость площадную» [1]), или «Да мнѣ же Матвѣю (*А*), какъ ни понадобится ему Василію (*Б*), дать ему запись на Москвѣ въ поступкѣ на вышеписанную дѣвку противъ сего моего письма, какъ ему Василію ни понадобится; а какъ я, Матвѣй, противъ сего моего письма, дамъ ему Василію на тое свою дѣвку запись, и ему Василію сіе письмо отдать мнѣ Матвѣю» [2]). Эти клаузулы показываютъ, что и сами контрагенты смотрѣли на свои акты, какъ на временные, подлежащіе, въ случаѣ надобности, замѣнѣ. Однако, несмотря на домашній характеръ, позволявшій избѣжать уплаты пошлинъ, эти акты все-таки могли быть засвидѣтельствованы и оффиціально; по крайней мѣрѣ, въ трехъ изъ нихъ имѣются справы о взятіи пошлинъ и о записи поступной въ книги, правда, черезъ очень продолжительной срокъ: одинъ актъ засвидѣтельствованъ черезъ 47 лѣтъ (въ 1708 г.), другой—черезъ 11 лѣтъ. Одинъ изъ нихъ на помѣстнаго крестьянина явленъ въ Помѣстномъ приказѣ, другой — на дворовую дѣвку—въ Приказѣ Холопьяго суда.

Разобравши поступныя на крестьянъ со стороны ихъ клаузальнаго состава и выяснивши ихъ идеальный формуляръ, мы должны теперь попытаться опредѣлить сущность сдѣлки, заключающейся въ этихъ актахъ. Если для этой цѣли мы будемъ пользоваться только самими поступными, не привлекая другихъ матеріаловъ, то сущность этой сдѣлки, на первый взглядъ, покажется ясной. Обративши вниманіе на глаголы, опредѣляющіе въ самомъ актѣ сдѣлку, мы можемъ сказать, что разбираемые акты являются по своему существу *мировыми:* «не ходя въ судъ, договорились», «поговоря промежъ себя, помирились», «искати было ему Б на мнѣ А того своего бѣглаго крестьянина, и я А, не дожидаясь отъ него на себя челобитья, учинилъ сдѣлку—поступился ему...» Какъ будто дѣло представляется въ такомъ видѣ: у помѣщика Б сбѣжалъ крестьянинъ и жилъ за А; Б, узнавъ объ этомъ, хочетъ бить на А челомъ за пріемо-держательство своего бѣглаго крестьянина. А, не желая волочиться по судамъ, прекращаетъ начатый или долженствующій быть начатымъ искъ и поступается взамѣнъ принятаго крестьянина своимъ крестьяниномъ «съ женою, и дѣтьми, и со всѣми ихъ крестьянскими животы». Затѣмъ А отказывается отъ всякихъ правъ на поступленнаго крестьянина, указываетъ на

---

[1]) *К. Побѣдоносцевъ*, Историко-юрид. акты, отд. IV, с. 273—274.
[2]) «Лѣтоп. занят. Археогр. Ком.», в. V, № 71.

его чистоту, обязуется очищать его отъ постороннихъ притязаній и уплатить неустойку въ случаѣ неисполненія своихъ обязательствъ. Казалось бы, что изложеніе позволяетъ признать въ разбираемыхъ поступныхъ обычную мировую. Но детальный разборъ поступныхъ и, особенно, привлеченіе нѣкоторыхъ дополнительныхъ матеріаловъ заставляетъ усумниться въ правильности такого опредѣленія сдѣлки. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе пятый элементъ первой основной клаузулы, въ которомъ говорится, что бѣглые крестьяне принятые А, «поживъ за нимъ немного», снова *«сбѣжали безвѣстно, невѣдомо куды»*. Изъ всѣхъ разбираемыхъ поступныхъ можно отмѣтить только одинъ случай, гдѣ Б взялъ изъ бѣговъ отъ А своего крестьянина, и А поступается крестьяниномъ за пожилые годы [1]); да еще въ одномъ актѣ говорится, что принятый крестьянинъ «умре» за А [2]). Во всѣхъ же остальныхъ мы или находимъ указаніе, что принятые крестьяне снова сбѣжали отъ А, или говорится, что они *жили* за А, или же, наконецъ, просто указывается' что крестьяне сбѣжали отъ Б, который хотѣлъ бить челомъ на А за пріемодержательство ихъ. Это указаніе на вторичное бѣгство крестьянъ прежде всего вызываетъ сомнѣніе противорѣчіемъ законодательству, которое требовало возвращенія къ прежнему владѣльцу убѣжавшихъ отъ него крестьянъ [3]).

Такія же сомнѣнія вызывало бѣгство отъ А принятаго имъ крестьянина еще въ XVII в. Хорошимъ примѣромъ можетъ служить дѣло, возникшее по поводу поступной 4 февраля 1687 г. Ивана Скрипицина, который далъ обычнаго вида поступную кн. А. В. Голицину на сына своего помѣстнаго крестьянина Назара Ларіонова— карлика Логинку; поступка мотивируется тѣмъ, что «жилъ за мною, Иваномъ, его, боярина, князя Алексѣя Васильевича, крестьянина его Степки Михайлова сынъ, Бориско, и отъ меня, Ивана, сбѣжалъ». Послѣ ссылки кн. А. В. Голицина, замѣшаннаго въ дѣло Ѳед. Шакловитаго, карликъ Логинко билъ челомъ объ отпускѣ его на волю. По разсмотрѣніи дѣла приказали «карлу Логинку отпустить на волю»; причемъ его отпускъ мотивировался въ дѣлѣ слѣдующимъ: «А онъ, карла, отпустить довелся потому, что въ поступной Иванъ Скрипицинъ написалъ: поступился онъ имъ, карлою, кн. Алексѣю Голицину за его крестьянскаго сына, за Бориса Степанова, который у него, Ивана, жилъ и, живучи, *будто сбѣжалъ*. А котораго уѣзда и которой деревни тотъ Бориско, и помѣстной или вотчинной

---

[1]) *С. Шумаковъ,* Сотницы, в. VI, с. 84.
[2]) Ibid. в. VI, с. 84—85.
[3]) Ср. напр. Уложеніе, гл. XI, ст. 10 и слѣд. указы.

крестьянинъ, того въ поступной имянно не написано, и вѣдать о томъ въ приказѣ Розыскныхъ дѣлъ не почему» [1]). Слѣдуетъ все-таки отмѣтить, что принадлежность бѣжавшаго крестьянина къ вотчиннымъ или помѣстнымъ отмѣчается въ разбираемыхъ поступныхъ сравнительно рѣдко, но зато почти всегда отмѣчена деревня, изъ которой онъ бѣжалъ, и уѣздъ, въ которомъ находится эта деревня.

Довольно сомнительными являются тѣ немногочисленныя, правда, поступныя, въ первой клаузулѣ которыхъ присутствуетъ элементъ встрѣчнаго иска (с. 290) [2]). Сущность дѣла здѣсь такова: отъ Б бѣжалъ крестьянинъ, жилъ за А и отъ А сбѣжалъ безвѣстно; въ то же время другой крестьянинъ, принадлежащій А, сбѣжавшій отъ него, живетъ и въ настоящее время за Б. И вотъ А и Б, «поговоря промежъ себя полюбовно», взаимно поступаются, т.-е. мѣняются своими крестьянами. Въ этой небольшой группѣ прежде всего вызываетъ сомнѣніе дѣйствительность такъ удачно сложившихся обстоятельствъ, что *помѣстные* крестьяне А *живутъ* и *остаются* за Б, въ то время какъ *вотчинные* крестьяне Б *жили* за А и отъ него сбѣжали; сомнѣніе усугубляется еще тѣмъ, что Б, получающій въ вотчину помѣстныхъ крестьянъ, во всѣхъ случаяхъ лицо духовное (архіепископъ вологодскій и бѣлозерскій). Послѣднее обстоятельство заставляетъ признать поступку-мѣну крестьянами фиктивной сдѣлкой, что имѣло довольно часто мѣсто въ юридической практикѣ XVII в. [3]).

Очень показательными въ смыслѣ фиктивности сдѣлки являются также шесть актовъ, обратившихъ уже на себя вниманіе С. А. Шумакова [4]). Въ первомъ изъ нихъ (№ 24)—23 іюля 1666 г. вдова Патрикѣева промѣнила архіеп. вологодскому Симону свое помѣстье, село Ивашково, *безъ крестьянъ*, на пустоши Грибово, Плетенково и Потапово; во второмъ (№ 25) — 29 іюля 1666 г. она же сдала на кортому на 30 лѣтъ вымѣненныя пустоши тому же архіеп. Симону, причемъ всѣ кортомныя деньги (150 р.) взяла сполна. Въ третьемъ актѣ (№ 26)—въ іюлѣ же 1666 г. (число къ сожалѣнію не указано) та же вдова Патрикѣева *поступилась* Ивану Жидовинову изъ промѣненнаго помѣстнаго села Ивашкова — пятью крестьянскими семействами взамѣнъ жившихъ за нею и сбѣжавшихъ

---

[1]) Розыскн. дѣла о Θед. Шакловитомъ, т. III, с. 890—891.

[2]) Грам. Кол. Экон. по Волог. у №№ 2835/264, 2873/302, 2936/365.

[3]) См. статью *С. А. Шумакова*, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1906, № 11, с. 130 сл. (Мѣна).

[4]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. I, с. 202 — 210; — *Его же*, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1906, № 11, с. 132. (Мѣна).

четырехъ крестьянскихъ семействъ, принадлежавшихъ Ивану Жидовинову; а въ августѣ того-же 1666 г. (№ 27) Иванъ Жидовиновъ *поступается* такимъ-же образомъ полученными отъ Патрикѣевой крестьянами архіеп. Симону за принятыхъ имъ и отъ него сбѣжавшихъ архіепископскихъ вотчинныхъ крестьянъ. Вступаніе въ крестьянъ въ обѣихъ поступныхъ оговорено солидной неустойкой — 400 р. Любопытно, что въ отказной выписи (№ 28) на село Ивашково, данное вдовѣ Патрикѣевой, перечисляется шесть крестьянскихъ дворовъ съ общимъ количествомъ мужскихъ душъ въ 15 человѣкъ; 13-ю же изъ нихъ Патрикѣева черезъ Ивана Жидовинова поступилась архіеп. Симону. Въ отказной же выписи (№ 29) 28 авг. 1666 г. на тоже село Ивашково, данной архіеп. Симону, про село Ивашково говорится, что въ немъ шесть дворовъ *пустыхъ;* выпись оканчивается фразой: «И вы бъ всѣ крестьяне, которые въ томъ сельцѣ и въ пустоши *впредь учнутъ жити*, вотчинника своего... слушали»—взамѣнъ обычной: «и вы бъ крестьяне, которые въ томъ сельцѣ *нынѣ живутъ и въ пустоши впредь учнутъ жити*, помѣщицы своей... слушали», помѣщенной въ отказной выписи Патрикѣевой. Сопоставленіе разбираемыхъ актовъ и соціальное положеніе одного контрагента заставляетъ видѣть въ мѣновной, кортомной и двухъ поступныхъ на крестьянъ безъ земли какую-то сдѣлку, заключенную въ обходъ закона. Такая же сдѣлка, еще болѣе откровенная, благодаря отсутствію третьяго лица, видна въ поступной 1695 г. вдовы Ирины Мишевской [1]). Здѣсь вдова Ирина 20 іюля 1695 г. промѣнила властямъ Спасо-Прилуцкаго монастыря свое помѣстье—двѣ трети села Кузнецова, а 29 іюля того же 1695 г. поступилась монастырскимъ властямъ 10-ю помѣстными крестьянами за двухъ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ, которые жили за нею и, поживъ, сбѣжали безвѣстно. Поступка въ актѣ мотивируется тѣмъ, что вдова Ирина, «не дожидаючись отъ нихъ, Прилуцкаго монастыря властей, о тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянахъ, и о сносныхъ животахъ, и о пожилыхъ деньгахъ на себя вел. государю челобитья, поговоря полюбовно, въ томъ дѣлѣ помирилась...»

Приведенный матеріалъ ясно показываетъ, что въ поступныхъ за принятіе и держательство бѣглыхъ крестьянъ заключается какая-то сдѣлка, очень отличная отъ мировой. Что же это за сдѣлка? Нѣкоторые дополнительные къ разбираемымъ поступнымъ акты, а также разобранная выше (стр. 269) вторая группа поступныхъ первой пол. XVII в. могутъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Такъ напр., обращаетъ вниманіе одна поступная 1691 г. костромского помѣщика Семена Сав-

[1]) С. *Шумаковъ,* Сотницы, в. I, с. 220—222.

вина сына Аристова, написанная на Москвѣ подьячимъ Ивановской площади Оничкой Емельяновымъ [1]). Семенъ Аристовъ далъ на себя запись дьяку Михаилу Семенову сыну Ерофеева въ томъ, «что жилъ за мною, Семеномъ, человѣкъ его Юрка Михайловъ безъ жены и дѣтей и изъ за меня, Семена, онъ, Юрка, бѣжалъ. И нынѣ я, Семенъ, поговоря съ нимъ, Михайломъ, полюбовно, *поступился* ему, Михайлу, человѣка своего Исачку Тимофеева, съ женою его Ографенкою, и съ дѣтьми, и съ животы, что у него есть, *которой мой Семеновъ человѣкъ, бѣгая отъ меня, Семена, живетъ у него, Михаила*». Такимъ образомъ Семенъ Аристовъ не только поступился, но и помѣнялся своимъ человѣкомъ. Дальше, въ обычную вторую клаузулу—обязательство не вступаться—вставлено совершенно необычное окончанiе, не встрѣчающееся въ другихъ поступныхъ и помогающее раскрыть сущность сдѣлки: «и своего человѣка Исачки, которой, бѣгая отъ меня, Семена, у него, Михайла, живетъ, *за жену ево, и за дѣтей, и за животы взялъ я, Семенъ, у него, Михаила, 20 рублевъ денегъ*». Эта болѣе откровенная поступная является по существу своему *купчей:* Семенъ Аристовъ поступается своимъ человѣкомъ безденежно, но *продаетъ* его жену, дѣтей и животы за 20 р.

Если поступная Семена Аристова можетъ еще вызвать сомнѣнiе, то выписка изъ челобитной Елисѣя Евстратьева сына Бакѣева 1686 г. на свою мать, Катерину, не позволяетъ сомнѣваться въ истинной сущности сдѣлки такъ называемыхъ мировыхъ-поступныхъ [2]). Въ своей челобитной Елисѣй Бакѣевъ жалуется на свою мать, что она, «не любя» его, во время его малолѣтства, кромѣ поступки и мѣны землею изъ помѣстья его отца, «*продала изъ помѣстья* отца моего въ Серпуховскомъ уѣздѣ изъ деревни Дубровокъ *крестьянина* Ѳетку Степанова, и съ женою, и съ дѣтьми Артемью Данилову. А въ здѣлошной записи написала ему, Артемью, *будто жилъ ево Артемьевъ крестьянинъ въ бѣгахъ за мною... и за нею, матерью моею*, въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Дубровкахъ Гордѣйко Окинфеевъ. *И такова... крестьянина* его Артемьева *въ бѣгахъ* въ деревнѣ Дубровкахъ *за мною и за матерью моею не живалъ*. А *продажа...* еѣ, матери моей, въ томъ крестьянинѣ *явна стала* потому, что взяла она, мать моя, у него, Артемья, *заемную память* въ семи рубляхъ съ полтиною на свое имя и на мое. А *денегъ онъ, Артемей, у меня не заимывалъ*. А заемную память писалъ онъ, Артемей Даниловъ, своею рукою». Приговора по этому дѣлу, къ сожалѣнiю, не сохранилось, какъ не сохранилась и поступная («здѣлошная») Катерины

---

[1]) Архивъ с. Зиновьева, № XVI, с. 6—7.

[2]) *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. IV, с. 65—66.

Бакѣевой Артемью Данилову; но изложеніе ея содержанія не вызываетъ сомнѣнія, что здѣсь была, именно, поступная за пріемо-держательство бѣглыхъ крестьянъ разбираемаго нами типа. Такимъ образомъ, *поступленные безденежно безъ земли помѣстные крестьяне* Катерины Бакѣевой на самомъ дѣлѣ оказались *проданными* Артемью Данилову по его фиктивной заемной памяти. Такую же замаскированную куплю-продажу крестьянъ вскрываетъ дополнительная къ разбираемымъ поступнымъ «память» 1686 г. Сафона Ермолаева сына Шеншина и «запись» 1694 г. Семена Черткова [1]). Въ первой клаузулѣ этихъ актовъ констатируется фактъ поступки одного контрагента (*А*)—другому (Б) крѣпостнымъ крестьяниномъ съ женою и дѣтьми, находящимися въ бѣгахъ. Эта клаузула соотвѣтствуетъ первой основной клаузулѣ тѣхъ 17-ти актовъ, въ которыхъ А поступается своими крестьянами, находящимися въ бѣгахъ (с. 284). Какъ отмѣчено, такая поступка вызывала четвертую и пятую дополнительную клаузулы, но во всѣхъ 17-ти актахъ ни слова не говорилось о деньгахъ, получаемыхъ А за своихъ поступленныхъ крестьянъ. Вторая же клаузула разбираемой памяти 1686 г. содержитъ обязательство Б заплатить деньги за поступленнаго ему крестьянина: «А какъ я, Сафонъ, того Микитку, изъ бѣговъ сыскавъ, выведу за себя, и въ то число *мнѣ, Сафону, дать ему, Ивану, 10 рублевъ денегъ»;* въ записи же 1694 г. эта клаузула прямо указываетъ: «*А взялъ я А у него Б за того крестьянина денегъ 20 рублевъ*».

Приводимые матеріалы, вскрывая въ поступныхъ за пріемодержательство бѣглыхъ замаскированную куплю-продажу, указываютъ и на тѣ пути обхода закона, которыми пользовались владѣльцы крестьянъ, несмотря на запрещеніе продавать своихъ крестьянъ. Такими обходами могли служить или полученіе денегъ за животы поступленнаго безденежно крестьянина, или заключеніе дополнительныхъ къ поступнымъ актовъ (иногда фиктивныхъ), въ родѣ только-что отмѣченныхъ; по нимъ новый владѣлецъ Б платилъ деньги старому владѣльцу А за крестьянъ, поступленныхъ ему якобы безденежно. Тѣмъ не менѣе, хотя и очень рѣдко, но встрѣчались и такія поступныя на крестьянъ, которыя отличались отъ купчихъ только тѣмъ, что А вмѣсто термина «продалъ» писалъ— «поступился» [2]).

---

[1]) А. Ю. Б., т. III, с. 16, 16—17.

[2]) Ср. напр.: поступную 1686—1687 г. на помѣстнаго крестьянина Афоньку, которымъ «поступился за 10 р.» его владѣлецъ Иванъ Мустофинъ (Костр. Старина, в. VI, с. 196—197)—или поступную 1697 г. на вотчиннаго крестьянина, гдѣ прямо вставлена клаузула: «а взялъ я, Семенъ (А), у

Такъ какъ приводимые матеріалы позволяютъ съ большою вѣроятностью смотрѣть на разбираемыя поступныя, какъ на акты, имѣющіе отношеніе къ куплѣ-продажѣ, то слѣдуетъ посмотрѣть, какъ обстоялъ вопросъ о продажѣ крестьянъ въ практикѣ XVII в. Существовавшая давно продажа крестьянъ вмѣстѣ съ землею, конечно, не вызывала препятствій со стороны правительства и въ XVII в., такъ какъ крестьяне, собственно, не продавались, а переходили съ землею къ новому владѣльцу. Болѣе сложенъ былъ вопросъ о продажѣ крестьянъ безъ земли. Конечно, вотчинники, владѣвшіе своею землею на правахъ собственности, имѣли и болѣе правъ на крестьянъ, жившихъ на ихъ землѣ, и всѣ ограниченія помѣщичьихъ правъ на нихъ не распространялись. Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ «купчія» на вотчинныхъ крестьянъ, проданныхъ безъ земли [1]). Наоборотъ, правительство, заинтересованное въ правильномъ поступленіи податей, прикрѣпляя крестьянъ къ тяглу, ограничивало права помѣщика на тѣхъ крестьянъ, которые жили въ помѣстьи, находящемся въ его временномъ пользованіи. Какъ извѣстно, помѣщикъ по 30 и 31 ст. XI гл. Уложенія не имѣлъ права переводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя; по 3 ст. XV гл. — не могъ отпускать крестьянъ, жившихъ въ его помѣстьяхъ, на волю; а 45 ст. XVI гл. даже накладывала наказаніе на помѣщика, если онъ будетъ «пустошить» свое помѣстье. Но само правительство, прикрѣпляя крестьянъ къ опредѣленному участку земли, съ другой стороны и отрывало ихъ отъ земли. Установивъ сначала штрафъ въ 10 р. на годъ за всякаго принятаго послѣ Уложенія бѣглаго, правительство уже въ 1661 г., благодаря усилившемуся бѣгству крестьянъ, вынуждено было увеличить наказаніе за пріемо-держательство бѣглыхъ. У всякаго, принявшаго бѣглаго «изъ тѣхъ ихъ *помѣстей* или изъ вотчинъ, гдѣ бѣглой крестьянинъ сыщется, сверхъ зажилыхъ годовъ, взять его крестьянина, который ему крѣпокъ, а не чужаго бѣглаго крестьянина, сверхъ бѣглаго крестьянина, съ женою, и съ дѣтьми, и съ животы, и съ хлѣбомъ, и отдать тому, чей крестьянинъ за нимъ жилъ» [2]). Указъ же 1664 г. увеличилъ число отдаточныхъ крестьянъ до четырехъ человѣкъ за каждаго принятаго бѣглаго. Такимъ образомъ, само правительство, отрывая крестьянъ отъ земли,

---

него, Василія (Б), за того своего вотчиннаго крестьянина Ганьку... денегъ 20 рублевъ» (А. Ю. Б., т. III, № 269v).

[1]) Ср. напр. *С. Шумаковъ*, Сотницы, в. III, с. 91—92, 92—93, 140; в. VI, с. 91—92;—См. тамъ же закладныя и мѣновныя на вотчинныхъ крестьянъ— в. III, с. 121—122; в. VI, с. 88—89 и др.

[2]) П. С. З., т. I, № 307.

открывало путь для совершенія различныхъ сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли, а существованіе поступки крестьянами въ первой пол. XVII в. (стр. 268 сл.) указало и форму для позднѣйшихъ сдѣлокъ. Очень характерно, что самыя раннія поступныя на помѣстныхъ крестьянъ и относятся, именно, къ 1660-мъ гг. Эти сдѣлки на крестьянъ безъ земли по поступнымъ или сдѣлочнымъ въ 1675 г. были какъ бы санкціонированы правительствомъ, давшимъ Помѣстному приказу право записывать крестьянъ по сдѣлочнымъ крѣпостямъ безъ подписныхъ челобитныхъ, т.-е. безъ доклада государю. Указъ же 7 апрѣля 1690 г., разрѣшившій помѣщикамъ и вотчинникамъ поступаться своими крестьнами, окончательно узаконилъ эту существовавшую около ста лѣтъ на практикѣ сдѣлку.

Указанныя условія создали и укрѣпили поступную на крестьянъ безъ земли за пріемо-держательство бѣглыхъ, которая, съ одной стороны, удовлетворяла требованію закона, а, съ другой стороны, не мѣшала владѣльцамъ крестьянъ, стремившихся видѣть въ нихъ, по выраженію В. О. Ключевскаго, «исправнаго пахотнаго холопа». Конечно, эти поступныя при болѣе широкомъ и точномъ изслѣдованіи слѣдовало бы разобрать въ связи съ мало-разработаннымъ до сихъ поръ въ литературѣ, несмотря на обиліе матеріаловъ, вопросомъ о бѣглыхъ крестьянахъ вообще; но этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы настоящей статьи, поставившей себѣ задачей дать клаузальный анализъ поступныхъ на крестьянъ за пріемо-держательство бѣглыхъ и попытаться выяснить сущность заключающейся въ нихъ сдѣлки.

Мартъ 1916 г.

Оглавленіе [1]).

---

[1]) Статьи помѣщены въ порядкѣ ихъ поступленія.

00051131087
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL